

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

XV

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ
1863 ГОДА

Модест Колеров
Москва 2013

Ответственный составитель тома К. В. Шевченко (Минск)

УДК 947 (08)

ББК 63.3(2)

P89

P89 **Русский Сборник: исследования по истории России** \ ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол
Чейсти. Том XV. М.: Модест Колеров, 2013. 536 с.

ISBN 978-5-905040-06-1

УДК 947 (08)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905040-06-1

© Модест Колеров, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Р. Айрапетов.</i> Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг.	7
<i>Адам Веломски.</i> О Гегеле и политическом реализме: Александр Велёпольский и понимание политики в XIX веке	139
<i>Г. Н. Симаков, Н. А. Бородкина.</i> Военная и политическая контрабанда в Царстве Польском и Литве в конце 1850-х — начале 1860-х годов.....	155
<i>А. В. Суслов.</i> 1863 год и отношение Генрика Сенкевича к идеям насильственного и мирного сопротивления	166
<i>Яцек Бартызель.</i> 1863 — вместе в пропасть	177
<i>А. Д. Гронский.</i> Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского.....	189
<i>Лех Мажевски.</i> Амнистия 12 апреля 1863 года: возможно ли было объединение реформ Велёпольского с раскрепощением крестьян?.....	209
<i>Диакон Гордей Щеглов.</i> Жертвы польского восстания 1863–1864 годов.....	224
<i>А. Ю. Бендин.</i> Роль М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи	247
<i>А. А. Загорнов.</i> Восстание 1863 г. и судебная модернизация Северо-Западного края.....	273
<i>А. А. Киселёв.</i> Реформа уездной полиции в губерниях Северо-Западного края Российской империи в 60-х гг. XIX в.....	286
<i>Р. Н. Рахимов.</i> «Размятежная Варшава! На тебя пришла расправа»: «польский вопрос» на юго-восточной окраине империи	316

<i>Кристина Каллейнен.</i> Работа в парламенте вместо мятежничества: Великое княжество Финляндское в 1863 году	333
<i>Кирилл Шевченко.</i> Польское восстание 1863 г. в чешском общественном мнении	344
<i>Павел Косич.</i> Польское восстание 1863 г. в зеркале сербской печати	368
<i>Ю. А. Борисёнок.</i> Переулок Калиновского, или Станция Полоцк вместо Полоцкого университета	401
<i>А. Д. Гронский.</i> «Не сохранилось даже полного синодика для поминовения этих защитников Отечества...»: Русские солдаты, погибшие в Северо-Западном крае в период Польского восстания 1863–1864 гг., и историческая память ...	419

КРИТИКА

<i>М. М. Шевченко:</i> А. А. Комзолова. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.....	454
<i>А. Ю. Полунов.</i> Империя, национальный вопрос и этноконфессиональные конфликты: заметки о книге М. Д. Долбилова «Русский край, чужая вера»	463
<i>А. Ю. Бендин:</i> М. Д. Долбилов. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.....	485
<i>М. А. Колеров.</i> Этнодемографическая перспектива полонизации Литвы XIX–XX веков. В. М. Кабузан. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М., 2009.....	495
<i>Мачей Мотас.</i> Январское восстание в повестях Яна Добрачиньского.....	521
<i>Ян Энгельгард.</i> Проф. Анджей Новак на идеологическом фронте восстания	528
Сведения об авторах XV тома	533

О. Р. АЙРАПЕТОВ

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ В ПОЛИТИКЕ ИМПЕРИИ

В 1863–1864 ГГ.

Вступление

Польское восстание 1863 года стало своеобразным рубежом во внутренней и особенно во внешней политике России. Прежде всего, оно в очередной раз продемонстрировало полную бесперспективность диалога с местным дворянством, политики, которая с большим или меньшим успехом проводилась до реформ 1860-х гг. практически повсюду на национальных окраинах Империи. Освободительные реформы вызывали к жизни силы, которые поставили под угрозу сословное устройство общества и вместе с ним, следовательно, возможность продолжения такого диалога. Но в 1860-е гг. он казался вполне успешным практически везде, но только не в Польше, на Правобережной Украине, в Белоруссии и Литве.

Образование Царства Польского императором Александром I было первой попыткой начать этот диалог и открыть новую страницу в истории русско-польских отношений, и попыткой неудачной. Князь Леон Сапега¹ вспоминал о взглядах петербургского

¹ Леон Людвиг Сапега (1803–1878), князь, польский и австро-венгерский общественный деятель. Получил образование в Варшавском лицее, которое он продолжил в Париже (1820–1823), и Эдинбурге (1823–1824). В 1824–1830 гг. — на государственной службе в Царстве Польском, принял активное участие в войне 1831 г. на стороне мятежников, после поражения эмигрировал в Австрию, т. к. часть его родовых имений находилась в Галиции. Активно участвовал в общественной, научной и культурной жизни этой австрийской

общества на эту политику: «Много раз мне говорили: «Чем больше Государь для вас делает, тем скорее вы устроите восстание». Их предположения, действительно, осуществились».² В 1830 году начался мятеж, который закончился войной 1831 г. и ликвидацией конституции Царства Польского.

13 (25) января 1831 г. сейм принял акт о детронизации Романовых, одновременно освободив от Присяги поляков не только Царства Польского, но и «восточных воеводств», то есть бывших владений Речи Посполитой, отошедших к Российской Империи по разделам Польши. Уничтожая династическую унию, сейм уничтожил и положения конституции 1815 г., гарантированные решениями Венского конгресса, прежде всего статьями 1 и 3.³ После этого речь шла уже не о каком-либо диалоге между мятежниками и их монархе по вопросу о трактовке тех или иных прав представительского органа и короны, а о двух государствах, имевших только одно общее — границу, которую явно стремилась перенести на восток Варшава. В результате она была взята штурмом. В качестве трофеев в Москву им были присланы знамена, а также символы государства: королевский трон, дворцовый флаг и, как выразился Николай I, «ковчег с покойницей конституцией».⁴ Конституция 1815 г., являвшаяся актом международного права, была действительно мертва, и приняла она свою смерть от мятежного польского сейма. С 1831 г. Россия владела «конгрессовой Польшей» по праву меча, а не на основании международного соглашения. Наместником в Царство Польское был назначен И. Ф. Паскевич.⁵

провинции, был сторонником освобождения крестьян и экономического развития края.

² Мемуары князя Л. Сапеги 1803–1863. Пгр. 1915. С. 109.

³ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. СПб. 1907. С. 41.

⁴ Щербатов [А.] [П.] Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб. 1894. Т. 4. 1831. С. 188.

⁵ Паскевич Иван Федорович (1782–1856), выдающийся русский полководец, государственный деятель. Генерал-адъютант (1824), граф Эриванский (1828), генерал-фельдмаршал (1829), Светлейший князь Варшавский (1831). Из дворян Полтавской губернии, окончил Пажеский корпус, в 1799 г. был зачислен камер-пажом ко двору императора Павла I, в 1800 г. переведен поручиком в л.-гв. Преображенский полк и назначен флигель-адъютантом. Участвовал и отличился в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., в 1809 г. произведен в полковники, в 1810 г. — в генерал-майоры, герой Отечественной войны 1812 г., отличился в сражениях под Смоленском, Бородином, Малоярославцем, Вязмой, Красным, в 1813 г. — в сражениях под Лютценом, Бауценом, Дрезденом и Лейпцигом,

Уже в 1815–1830 и тем более в 1830–1831 гг. польское национально-освободительное движение продемонстрировало все свои отличительные черты, впрочем, не столь уж и оригинальные. Сам термин «национально-освободительное движение» предполагает определенную программу — борьбу за освобождение одной нации от гнета другой, причем внешнее угнетение может быть реализовано в форме экономического, религиозного, культурного давления и т. п. В такой версии, разумеется, восприятие термина не может не быть позитивным.

Но, как известно, «суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет». Практика освободительных движений далека от прекрасных иллюзий. Как правило, они начинаются отнюдь не под флагом освобождения собственной национальной территории с явным большинством своего народа, а в борьбе за реализацию некоей идеи, которую условно можно было бы назвать «великой национальной мечтой». Эта мечта представляла собой проект восстановления государства, преемственность с которым и пыталось восстановить национально-освободительное движение. При этом государство, как правило, средневековое, а иногда и вообще мифическое, должно было «возродиться» в качестве национального.

произведен в генерал-лейтенанты, участвовал в блокаде Гамбурга. В 1814 г. командовал 2-й гренадерской дивизией, участвовал в сражениях при Лаоне, Арси-сюр-Об и Париже. В 1817–1819 гг. командовал 2-й гвардейской пехотной дивизией, в 1819–1821 гг. состоял при Вел. Кн. Михаиле Павловиче, в 1821–1825 гг. командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией, где под его начальством служил Вел. Кн. Николай Павлович, который всю жизнь называл его своим «отцом-командиром». В 1825–1826 гг. командовал 1-м пехотным корпусом, произведен в генералы от инфантерии и назначен командующим войсками Отдельного Кавказского корпуса, сменил на этом посту А. П. Ермолова, участвовал в русско-персидской войне 1826–1828 гг., за подписание Туркманчайского мира возведен в графское достоинство с прибавлением почетной приставки — «Эриванский». Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. командовал русскими войсками на Кавказско-Малоазиатском фронте. По окончании войны произведен в генерал-фельдмаршалы. В 1831 г. назначен главнокомандующим армией, действовавшей против польских повстанцев, при штурме Варшавы получил контузию ядром в левое плечо. После окончания кампании удостоен титула Светлейшего князя с прибавлением почетной приставки — «Варшавский», назначен Наместником Царства Польского. С 1833 г. занимал пост генерал-инспектора пехоты. В 1849 г. командовал армией, направленной на подавление революции в Венгрии. Во время Крымской войны был главнокомандующим Дунайской армией, контужен при осаде Силистрии, отбыл из армии на лечение в Яссы, а затем в Варшаву, где умер.

К середине XIX века было предпринято несколько попыток такого рода движений. Каждое обладало собственной мечтой. Греческое восстание поначалу стремилось к возрождению Византии, которая отнюдь не была «Великой Грецией». Завершилось оно созданием весьма скромного по размерам Греческого королевства, умещавшегося поначалу на полуострове Пелопоннес. Ближе всех к дословной трактовке национально-освободительного движения была Бельгийская революция 1830 г., но сецессия франкоговорящих областей Нидерландского королевства завершилась не только созданием в 1831 г. Бельгии, но и появлением в ней фламандского меньшинства, что вызвало проблемы, зримо болезненные для этой страны вплоть до сегодняшнего дня. Польский мятеж и революция 1830 г. сразу же выдвинули лозунг восстановления границ 1772 г., который вновь был использован повстанцами в 1863 г. В 1848–1849 гг. венгерские революционеры, так же как греческие и польские, стремились к созданию национального государства, однако видели его в границах исторической Венгрии — «земель короны Св. Иштвана», в которые, кроме этнической Венгрии, входили Словакия (Верхняя Венгрия), Хорватия, Закарпатская Русь (комитаты Угоча, Мараморш, Унг, Берег), Воеводина (Банат), Трансильвания. В рамках этих территорий венгерский элемент составлял менее 50 % (4,2 млн из 10,5 млн), а католический — чуть более 50 % (5,6 млн). Венгерское национальное освобождение несло с собой угрозу еще большего, чем австрийское, национального угнетения для хорватов и сербов, словаков, русин (вместе — около 4,26 млн), валахов (1 млн), немцев (700 тыс.).⁶ Не удивительно, что Лайош Кошут⁷ призывал со страниц своей газеты «Пешти Хирлап» («Пештские новости»): «Мы должны поторопиться мадьяризовать хорватов, румын и саксонцев, ибо иначе мы исчезнем».⁸

Венгерская национальная революция стала освободительной далеко не для всех, она вела борьбу как с Габсбургами, так и с не-

⁶ Д. У. Поход в Венгрию в 1849 г. // Военный сборник (далее — ВС). 1860. № 7. С. 3–4.

⁷ Лайош Кошут (1802–1894) — один из лидеров венгерской революции 1848–1849 гг., выходец из мелкопоместной дворянской семьи лютеранского вероисповедания. До 1848 г. — адвокат и оппозиционный журналист, сторонник независимости Венгрии, с 28 сентября 1848 г. — министр финансов в правительстве Л. Батьяни, 14 апреля 1849 г. стал правителем и фактическим диктатором Венгерской республики, после поражения революции эмигрировал в Турцию, затем в США, долгое время жил в Англии.

⁸ Stavrianos L. S. *The Balkans since 1453*. Lnd. 2002. P. 361.

венгерскими народами, что чрезвычайно ослабило ее, создало напряженную обстановку на окраинах земель, контролируемых повстанческим правительством. В Трансильвании, например, революционными войсками был развязан самый настоящий террор против православного невенгерского населения. «Свирепство их, — писал в обращении к императору Николаю I в 1850 г. сербский патриарх, — не простралось токмо на вооруженные вои, но и на невинная даже в утробе матерней сущая чада, девицы, жены, дряхлые старцы и старицы, падшие во область их. Все, что не могло спастися бегством, без различия пола и возраста было истребляемо и посекаемо. Стада овец, говяд и коней были отгоняемы; питательные вещи, аще поместися не могли, суть огнем сожигались. Особенно свирепствовали венгры и ополчались на святые храмы Божия, аки бы и с Богом и со святыми его рать имели...»⁹ С просьбами о помощи и защите от этих воителей к России обращалось и австрийское командование, и представители саксонской (т. е. немецкой), сербской и валашской общин Трансильвании, опасавшихся окончательной победы войск национально-освободительной революции.¹⁰

В рамках «великой национальной мечты» борьба за свободу угнетаемого народа часто теряет свой смысл, так как «освобождаемые» нередко являются национальным меньшинством, а свобода и национальное освобождение не мыслятся их вождями без права на угнетение остальных. Если учесть ту особую роль, которую традиционно играло в Восточной Европе дворянство, не следует удивляться тем приступам гигантомании, которым были особенно сильно подвержены венгерское и польское национальные движения. Не были свободны они и от политической слепоты. В условиях, когда конфессия была фактически тождественной сословию, дворянство вряд ли могло претендовать на роль лидера чужого и чуждого ему крестьянства.

Крестьяне частенько оставались глухими к романтическим призывам господ, а нередко предпочитали и расправляться с ними. Восстание 1863 г. не было исключением, так как не несло с собой то, в чем так отчаянно нуждался и польский, и белорусский, и украинский крестьянин, — земли, без которой не было никакой свободы. Эту землю они получили от императорской власти, что

⁹ Москва—Сербия. Белград—Россия. Белград—Москва. 2011. Т. 2. Обще-ственно-политические связи. 1804—1878 гг. С. 198.

¹⁰ Jelavich B. History of the Balkans. Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge University Press. Vol. 1. 1999. P. 325.

и предопределило быстрый крах дворянского мятежа. Диалог с польской элитой на предмет восстановления автономии Царства Польского был свернут, и надолго.

Что же касается внешней политики, то польская проблема отбросила свою тень на русско-французские отношения с самого начала политического сближения Парижа и Петербурга после Крымской войны. Еще в сентябре 1857 г., во время встречи Наполеона III¹¹ и Александра II в Штутгарте император французов, сославшись на долг перед общественным мнением своей страны, попытался поднять польский вопрос. Александр II в ответ отверг всякую возможность иностранного вмешательства и сразу же после встречи сказал своей свите: «Со мною посмели заговорить о Польше!»¹² Эти слова были услышаны не только в столице Вюртемберга, но и по всей Европе. Они не предполагали блестящих перспектив русско-французскому сближению. Свою ошибку понял и Наполеон III, который позже попытался смягчить неприятное впечатление. В разговоре с русским послом бароном А. Ф. Будбергом¹³ он высказал свое ощущение, что «император обиделся на меня за мою откровенность и что он нашел, что я ме-

¹¹ Шарль-Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), сын Людовика Бонапарта и Гортензии Богарне, президент Франции (1848–1852), император Наполеон III (1852–1870). Умер в эмиграции в Англии.

¹² Тагищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М. 1996. Т. 1. С. 271.

¹³ Фон Будберг Андрей Федорович (1817–1881), русский дипломат, барон, действительный тайный советник (1867), член Государственного совета (1868). Начальное образование получил в пансионе в Эстляндии, высшее — в Санкт-Петербургском университете. С 1841 г. — на службе в МИД, департамент внешних сношений. С 1842 г. — третий секретарь канцелярии вице-канцлера, с 1845 г. — младший секретарь миссии во Франкфурте-на-Майне. С 1846 г. — старший секретарь той же миссии. С 1848 г. — поверенный в делах при Германском союзе, в июле—сентябре 1849 г. исполнял обязанности поверенного в делах в Пруссии. С 1850 г. — советник миссии в Берлине, статский советник, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пруссии, великих герцогствах Мекленбург-Шверинском и Мекленбург-Стрелицком (1851), Ганноверском королевстве (1852–1855). Действительный статский советник (1852), тайный советник (1856), посол в Австрии (1856), посол в Пруссии (1858), посол во Франции (1862–1868), действительный тайный советник (1867), член Государственного совета (1868). В апреле 1868 г. вышел в отставку для того, чтобы иметь возможность вызвать на дуэль барона фон Мейендорфа, которая и состоялась в Мюнхене. В мае того же года Будберг был назначен, в чине тайного советника, членом Государственного совета. Умер 9 февраля 1881 года в Санкт-Петербурге.

шаюсь в дело, которое меня не касается». «Совершенно верно» — отметил на полях донесения русский монарх.¹⁴

В 1863 г. польский вопрос всерьез и надолго испортил русско-французские отношения и фактически поставил крест на достигнутом с таким трудом союзом 1859 года, который вернее было бы называть согласием по необходимости, политическим компромиссом, в котором к началу 1860-х гг. каждая из сторон была в известной степени разочарована.

Положение в Польше накануне мятежа

20 января 1856 г. умер И. Ф. Паскевич, который 25 лет твердо держал бразды власти в «конгрессовой Польше». 10 (22) мая 1856 г. в Варшаву прибыл Александр II. После ряда празднований и бала в Варшавской ратуше, в ходе которых демонстрировались верноподданнические чувства, 15 (27) мая император на приеме депутации польского дворянства сказал речь: «Держитесь действительности, составляя одно целое с Империей, и оставьте всякие мечтания о независимости, как не могущие осуществиться... Оставляя Польше права и учреждения, дарованные моим отцом, я буду неуклонно заботиться о ее благе и счастье... Все, что мой отец сделал, хорошо сделано, мое царствование будет продолжением его царствования. От вас зависит облегчить решение задачи. Вы должны помочь мне в моем труде. На вас одних падет ответственность, если мои намерения встретят на пути какие-либо химерические препятствия».¹⁵

Как и в Московской речи о крестьянском вопросе, речь императора содержала взаимоисключающие положения. Заявив о продолжении политики своего отца, Александр II сразу же объявил амнистию участникам восстания 1830–1831 гг. и разрешил вернуться всем эмигрантам. Более того, всем возвратившимся через 3 года «безупречного поведения» разрешалось поступать на государственную службу.¹⁶ С 1856 по 1861 гг. полную амнистию получили 8 693 чел., приговоренных за участие в событиях 1830–1831 гг. к высылке, изгнанию или иным взысканиям за политические преступления с разрешением вернуться в Царство Польское

¹⁴ Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л. 1957. С. 78.

¹⁵ Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях. М. 1873. С. 148.

¹⁶ Там же. С. 149.

и вступить в пользование всеми политическими и гражданскими правами. Указом 19 февраля (2 марта) с 8 (20) сентября 1859 г. были прекращены конфискации по делам 1831 г., указом 8 (20) сентября 1862 г. все эти льготы были распространены и на политических преступников, осужденных в последующие годы.¹⁷

«Мне приятнее, конечно, иметь возможность скорее награждать, чем наказывать... — Завершил свою речь император. — Но знайте также и помните постоянно, что если бы пришлось, я сумею укротить и наказать, даже наказать строго».¹⁸ На самом деле русская политика в Царстве с 1858 г. представляла собой цепь последовательных уступок, ведущих к восстановлению *de facto* целого ряда положений конституции 1815 г. Подобный курс был в какой-то степени естественным выражением настроений, царивших в Петербурге. «Я сожалею о первоначальном приобретении и восстановлении Королевства Польского. — Писал кн. А. М. Горчаков¹⁹ гр. П. Д. Киселеву²⁰ 19 (31) мая 1857 г. —

¹⁷ Русский инвалид. 17/29 апреля 1863 г. № 83. С. 355.

¹⁸ Записки Берга... С. 149.

¹⁹ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь (Светлейший князь с 1871), русский дипломат и государственный деятель. Выпускник Царского лицея. С 1817 г. на дипломатической службе, титулярный советник, служил под началом графа И. А. Каподистрия, камер-юнкер (1819). Во время работы Троппау-Лайбахского и Веронского конгрессов Священного союза состоял в свите императора Александра I, в 1822 г. назначен 1-м секретарем посольства в Лондоне, надворный советник (1824), камергер Двора Е. И. В. (1828), в 1828–1841 гг. — на службе в дипломатических представительствах в Лондоне, Риме, Берлине, Флоренции, Вене. Статский советник (1834), действительный статский советник (1838). В 1841–1850 гг. — посланник в Штутгарте, тайный советник (1846), в 1850–1854 гг. — чрезвычайный посланник при Германском сейме во Франкфурте-на-Майне, в 1854–1856 гг. — управляющий посольством, а затем и посланник в Вене, принимал участие в Венской конференции 1855 г. Действительный тайный советник (1856). Министр иностранных дел в 1856–1882 гг. Вице-канцлер (1862), канцлер (1867).

²⁰ Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), выдающийся военный и государственный деятель и дипломат, генерал-адъютант (1823), генерал от инфантерии, член Государственного Совета (1834), граф (1839). Родился в Москве и получил домашнее образование. В 1805 г. поступил на службу «коллегии юнкером» в канцелярию генерал-интенданта кн. Волконского, но в 1806 г. перешел корнетом в Кавалергардский полк, с которым в 1807 г. впервые и участвовал в бою под Гейльсбергом. Во время пребывания в Петербурге в 1808–1809 гг. прусской королевской четы состоял ординарцем при королеве Луизе. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., отличился при Бородино, в сентябре 1812 г. по собственному желанию был назначен адъютантом к Милорадовичу, с которым и принял участие во всех последовавших за Бородинской битвой событиях 1812 г. и в кампании 1813–1814 гг. За этот период Киселев участвовал в 25 сражениях и за боевые отличия получил орден Св. Анны 2 ст. с алмазами,

золотую шпагу и чин ротмистра. Флигель-адъютант (1814), сопровождал императора на Венский конгресс, в Париж после «Ста дней» и в Берлин на помолвку Великого Князя Николая Павловича с принцессой Шарлоттой (впоследствии императрица Александра Федоровна). Из Берлина Киселев был командирован на юг России для выбора нижних чинов в гренадерские и кирасирские полки и для осмотра некоторых полков 2-й армии, а от Аракчеева получил поручение расследовать дело о злоупотреблениях по винному откупу. Осенью 1816 г. сопровождал императора в поездке в Москву, Киев и Варшаву, он представил Александру I записку о крепостном праве, в которой излагал принципы его отмены — постепенность и отсутствие потрясений для государства. В том же 1816 г. ему было поручено расследовать злоупотребления и беспорядки во 2-й армии. Найдя, что 2-я армия «отстала во всех отношениях», что «дисциплина в ней пала, авторитет начальства нарушен мерами главнокомандующего и слишком большая мягкостью его характера». Генерал-майор с назначением состоять при особе императора (1817). В 1818 г. был выслан навстречу королю прусскому, ехавшему в Петербург, во время пребывания королевской фамилии в России находился при наследном принце. В 1819 г. был назначен начальником штаба 2-й армии, которой командовал гр. П. Х. Витгенштейн. За пять лет произвел ряд улучшений во 2-й армии: упростил и упорядочил делопроизводство, составил военные карты юго-западной России и пограничных турецких и австрийских провинций, положил основание собиранию статистических данных, приступил к составлению истории войн России с Турцией, усилил значение инспекторских смотров, но особенное внимание обратил на строевую подготовку и фронтовую выправку войск, развитие грамотности среди солдат. В 1824 г. за свои труды по устройству 2-й армии был пожалован генерал-адъютантом. Успешно и энергично боролся с чумой в 1819 и 1825 гг. Когда в 1821 г. вспыхнуло греческое восстание, стал деятельно готовиться к войне с Турцией, полагая, что Россия вступится за единоверцев. Он ремонтировал крепости, проверял карты, обновлял личный состав, завел секретную полицию для собирания сведений о Турции, послал полк. П. И. Пестеля в Скуляны для ближайшего наблюдения за ходом дел и хлопотал для себя о дивизии. Но на этот раз война не была объявлена. Восшествие на престол императора Николая I, бунт декабристов и военные бунты во 2-й армии едва не испортили карьеру Киселева, т. к. близость его с декабристами навлекла подозрения императора. Однако расследование генерал-адъютанта А. И. Чернышева установило полную непричастность Киселева к заговору. С конца 1826 г. он снова погрузился в деятельную подготовку армии к предстоявшей войне с Турцией, в которой и принял затем участие в качестве начальника штаба действующей армии. Отличился при переправе через Дунай, под Браиловым и Шумлой. Генерал-лейтенант, награжден шпагой с бриллиантами, пожалован Высочайший рескрипт (1828). 9 (21) февраля 1829 г. назначен командиром IV-го резервного кавалерийского корпуса, а через 2 месяца под его команду были отданы все войска, находившиеся на левом берегу Дуная, предназначенные прикрывать правый фланг главных сил армии на случай движения турок из Боснии и Герцеговины. 14 (26) сентября 1829 г. он был назначен полномочным председателем диванов княжеств Молдавии и Валахии, т. е. фактическим их правителем в 1829–1834 гг. При нем был выработан «Органический регламент», долго остававшийся основным законом для обоих княжеств, и проведена крестьянская реформа. Генерал от инфантерии, член Государственного Совета (1834). Император называл Киселева своим «начальником штаба по крестьянской части», т. е. по разработке вопроса об освобождении

Я не считаю, что это было актом обдуманной политики. Но раз дело сделано и безвозвратно, то все наши заботы должны быть, по моему скромному мнению, направлены на то, чтобы нейтрализовать его вредные последствия для России». ²¹ Очевидно, обдуманной политикой казались уступки и компромиссы.

«Русский гарнизон в Варшаве, — отмечал английский очевидец этой политики, — стал очень мал. Польский язык звучал повсюду, включая присутственные места, где по закону должен был использоваться русский. Поляки жили свободной жизнью, хотя и не были политически свободны. Ни в каком отношении они не притеснялись». ²² Результатом нового курса русской политики в Польше стало резкое ухудшение ситуации. Внешне все обстояло неплохо. В 1860 г. в Царстве Польском проживали 4 840 466 чел., 3 200 000 из них были поляками. Наиболее крупным меньшинством были евреи — их было 12,6 % населения, за ними следовали немцы — 5 % и т. д. В Царстве насчитывалось 433 города и местечка (228 из них находились в частном владении), в которых проживал 1 195 701 чел. (12,6 % населения), и 22 613 селений. За 45 лет русского владения Царством его население выросло на 78 %, прирост был постоянным, за исключением 1830 и 1831 гг. ²³

Ведущими силами, готовившими восстание, стали католическое духовенство и шляхта, в основном ориентировавшаяся на Францию, где находился центр польской политической эмиграции во главе с Владиславом Чарторыйским, ²⁴ сыном князя

крестьян. Дело это было решено начать с устройства казенных крестьян, для чего в 1836 г. было учреждено V отделение Собственной Е. И. В. канцелярии с Киселевым во главе, а в 1837 г. — Министерство государственных имуществ, во главе которого был поставлен Киселев. Деятельность его по крестьянскому вопросу вызвала много нареканий со стороны и крепостников, и либералов. Первые считали его человеком опасным, а вторые признавали его реформы недостаточными. Но император Николай I безусловно доверял Киселеву. В 1839 г. он был возведен в графское достоинство, в 1841 г. награжден орденом Св. Андрея Первозванного, в 1852 г. — портретом императора. Посол во Франции (1856–1862). В 1862 г. был уволен в отставку, проживал за границей, умер в Париже в 1872 г., похоронен в Москве, в Донском монастыре.

²¹ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 78.

²² Edwards S. H. Sir William White. For six years ambassador at Constantinople. His life and correspondance. Lnd. 1902. P. 25.

²³ Русский инвалид 5 (17) мая 1863 г. № 98. С. 420.

²⁴ Владислав Чарторыйский (1828–1894), князь, после смерти Адама Ежи Чарторыйского в 1861 г. — его преемник в качестве главы партии «Отеля Ламберт», рассчитывал путем организации интервенции добиться победы восстания. 15 мая 1863 г. назначен «белым», то есть аристократическим «Жондом народовым» главным дипломатическим агентом во Франции, Великобритании,

Адама Ежи.²⁵ В северной Италии, в Генуе и Кунео в 1862 г. действовала польская военная школа, подготовившая около 400 инструкторов, принявших участие в организации военных действий против русских войск.²⁶ Северная Италия в это время была законодательницей мод революционного движения, а «поход тысячи» Гарибальди в Неаполитанское королевство в мае—сентябре 1860 г., приведший к свержению власти местных Бурбонов и присоединению Сицилии и Неаполя к Сардинскому королевству, получил огромный отклик в Варшаве.²⁷ Объединение Италии, безусловно, служило вдохновляющим примером для польских революционеров.²⁸ Не случайно значительная часть будущих активных участников этого похода (как поляков, так и итальянцев и французов) позже приняли деятельное участие в польском восстании.

Италии, Швеции, Турции, с июля 1863 г. — председатель Комиссии национального долга в Париже.

²⁵ Чарторыйский (Адам-Ежи) Адам Адамович (1770–1861) — князь, близкий родственник последнего польского короля Речи Посполитой Станислава-Августа Понятовского. Получил домашнее образование, слушал лекции в университетах Англии и Германии, участвовал в восстании 1792 г. и боевых действиях против русских войск. В 1793 г. эмигрировал в Великобританию, в 1795 г. для того, чтобы вернуть секвестрованные по повелению императрицы Екатерины II владения, прибыл в Россию и вступил на русскую службу, поручиком гвардии. 1 января 1796 г. — камер-юнкер, входил в круг ближайших друзей Великого Князя Александра Павловича. С 12 августа 1799 по 20 июня 1801 г. — посланник при сардинском дворе. С восшествием на престол Александра I возвращен в Петербург, член Негласного комитета, принимал участие в разработке и проведении реформ государственного управления, товарищ министра иностранных дел (1802–1806), в 1804–1806 — управляющий Министерством иностранных дел, 1 января 1805 г. — сенатор, 9 января 1805 г. — член Непременного Совета. После Тильзита вышел в отставку. Странник восстановления независимой Польши, с 1813 г. — советник императора по польским делам. В 1814 г. подал план восстановления Польши на основе личной унии с Россией, частично реализованный в конституции Царства Польского (1815). С 1815 г. — сенатор-воевода и член административного совета Царства Польского. Во время Польского восстания 1830–1831 гг. возглавил правительство мятежников, 6 октября 1831 г. исключен из членов Государственного Совета и Сената Российской империи. После поражения эмигрировал во Францию, где возглавил аристократическую эмиграцию, названную партией «Отель Ламберт» (резиденция князя в Париже), провозгласившую его в 1834 г. «королем де факто» Речи Посполитой, каковой титул пытался «наследовать» его сын Владислав. Умер во Франции.

²⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М. 2003. С. 581.

²⁷ Записки Н. В. Берга... С. 165.

²⁸ «Россия под надзором». Отчеты III отделения 1827–1867. Составители М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М. 2006. С. 482.

Сменивший Паскевича М. Д. Горчаков,²⁹ «удрученный летами и болезнями», постоянно колебался.³⁰ Его управление представляло собой полную и разительную противоположность системе его предшественника — Паскевича.³¹ «В 1860 г. агитация в Царстве Польском, — вспоминал Д. А. Милютин,³² — приняла уже

²⁹ Горчаков Михаил Дмитриевич (1792–1861), князь, генерал от артиллерии (1843), член Государственного совета (1856). С 1807 г. на военной службе, юнкер, подпоручик (1807), в 1808 г. участвовал и отличился в войне со Швецией, в 1811 г. — с Персией, поручик (1812), участвовал и отличился в Отечественной войне 1812 г., в 1813 г. — под Бауценом, Дрезденом и Лейпцигом, в 1814 г. находился при армии, но в боях не участвовал, штабс-капитан (1814), капитан (1816), полковник (1817), переведен в Свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части, генерал-майор (1824), участвовал и отличился в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. на Балканском полуострове, в 1831 г. — в действиях против польских мятежников, генерал-лейтенант (1831), после подавления мятежа — генерал-губернатор Варшавы и начальник штаба действующей армии, генерал от артиллерии (1843), сенатор (1846), во время венгерского похода 1849 г. — начальник штаба действующей армии, в кампанию 1853–1854 гг. против турок командовал армией, в 1855 г. назначен главнокомандующим военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, в декабре 1855 г. отставлен от должности. В 1856 г. назначен членом Государственного совета по департаменту дел Царства Польского, в том же году назначен председателем этого департамента и заместником Е. И. В. в Царстве, вслед за чем — командующим 1-й армией с оставлением в занимаемой должности.

³⁰ Последняя польская смута. Рассказы очевидца. 1861–1864// Русская старина (далее — РС). 1874. Том 11. Вып. 9. С. 116.

³¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 48.

³² Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), русский военный и государственный деятель, граф (1878), генерал-фельдмаршал (1898), в 1832 г. окончил Благородный пансион при Императорском Московском университете, в 1833 г. поступил на службу фейерверкером 4-го класса, в том же году произведен в юнкеры и сдал экзамен на прапорщика. В 1835 г. зачислен слушателем в старший класс практического отделения Императорской военной академии, в 1836 г. — подпоручик, окончил Академию, причислен к Генеральному штабу и назначен состоять при Отдельном Гвардейском корпусе, произведен в поручики за успехи в науках. В 1837 г. переведен в Гвардейский Генеральный штаб, в 1839 г. командирован в Отдельный Кавказский корпус, участвовал и отличился в боях с отрядами Шамиля, произведен в штабс-капитаны за отличие в науках, а в 1840 г. — в капитаны за отличие при осаде, штурме и взятии аула Ахульго (17–30 августа 1839 г.). В 1840–1841 гг. находился за границей в отпуске для лечения, в 1843 г. произведен в полковники, назначен исполняющим должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории, с переводом в Генеральный штаб. Участвовал и отличился в боях против горцев Шамиля в 1843–1844 гг., в 1844 г. по состоянию здоровья уволен от должности и назначен в распоряжение Военного министра и генерал-квартирмейстера Главного штаба, в 1845 г. назначен профессором Императорской Военной академии по кафедре военной географии (с 1847 г. — военной статистики), полковник (1847), в 1848 г. назначен состоять для особых поручений

характер вызывательный».³³ С 10 (22) июля 1860 г. в Варшаве начались первые антиправительственные манифестации. Русское правительство и военные власти были застигнуты врасплох — Польша слишком долго была спокойной, волнений не было ни в 1848–1849 гг., ни во время Крымской войны.³⁴ Немногочисленная полиция (всего 540 чел.³⁵) не могла справиться с положением в городе с населением свыше 200 тыс. чел. Горчаков сначала подкреплял полицию войсками, а после столкновений с демонстрантами шел на уступки.³⁶

По точному замечанию современника, началось «ухаживание за магнатами и любезничание со шляхтою».³⁷ Оно было долгим и бессмысленным. В октябре 1860, во время встречи Александра II с императором австрийским и королем прусским, в Варшаве начались демонстрации недовольства короной. Тех, кто шел приветствовать императора, забрасывали грязью, обливали маслом и даже били, один из аристократов отказался принять приглашение на охоту, а перед приездом Александра II в его имение, выехал за границу.³⁸ На это предпочитали не обращать

при Военном министре, член Ученого комитета Главного управления путей сообщения и публичных зданий (с оставлением в занимаемых должностях), в 1853 г. находился в составе Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества при поездке императора в Ольмиоц и Потсдам. Генерал-майор (1854), делопроизводитель Особого комитета о мерах защиты Балтийского моря под председательством Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Николаевича, в 1855 г. — зачислен в Свиту Е. И. В., в 1856 г. назначен исполняющим должность начальника Главного штаба войск на Кавказе, в 1857 г. утвержден в должности начальника Главного штаба Кавказской армии, генерал-лейтенант (1858), участвовал в подготовке и выполнении плана по усмирению Чечни, 25 августа 1859 г. присутствовал при взятии аула Гуниб и пленении имама Шамиля, вслед за чем назначен товарищем Военного министра, в 1861 г. назначен Военным министром, занимал эту должность до 1881 г., провел ряд военных реформ, преобразивших русскую армию, генерал от инфантерии (1866), в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. находился при императоре Александре II в действующей армии на Дунае, в 1881 г. отставлен от должности. Почетный президент Николаевской академии Генерального штаба (1883), генерал-фельдмаршал (1898).

³³ Там же. С. 54.

³⁴ Карцов П. П. Варшава в 1860 и 1861 гг. // РС. 1882. Том 36. Вып. 12. С. 535–536.

³⁵ Записки Н. В. Берга... С. 157, 167.

³⁶ Последняя польская смута... // РС. 1874. Том 11. Вып. 9. С. 116.

³⁷ Карцов П. П. Ук. соч. // РС. 1882. Том 36. Вып. 12. С. 537.

³⁸ Гейнс А. К. Мемуары о Польском восстании 1863–64 годов // Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. СПб. 1899. Т. 3. С. 19–20.

внимание. Немалую роль сыграло и общественное мнение русской столицы, в целом симпатизировавшее полякам и считавшее необходимым условием к преодолению прошлого уступки.

«Среди тех, кто стремился к братанию, — вспоминал Отто фон Бисмарк³⁹, — русские были честнее; польское дворянство и духовенство едва ли верили в успех этих стремлений или принимали его во внимание как определенную цель. Вряд ли хоть один поляк видел в политике братания нечто большее, нежели тактический ход, имеющий целью обманывать легковерных русских до тех пор, пока это могло бы представиться нужным или полезным».⁴⁰ Другая сторона воспринимала братание куда как серьезно: «Русские предались идиллии и начали передавать друг другу трогательные рассказы о решительном сближении нашей власти с населением Польши».⁴¹ При императорском дворе польская партия также имела значительную поддержку в лице Великого Князя Константина Николаевича⁴² и среди влиятельного кружка родственников и зна-

³⁹ Отто Эдуард Леопольд Бисмарк фон Шенхаузен (1815–1898), граф, князь (1871), герцог Лауенбург (1890), выдающийся прусский и германский дипломат и государственный деятель, объединитель Германии, первый канцлер Германской империи. В 1848–1849 гг. занял жесткую контрреволюционную позицию, в 1849 г. был избран депутатом прусского Ландтага, в 1851 г. был назначен одним из представителей Пруссии во Франкфуртский сейм, где активно противодействовал политике Австрии, посол в России (1859–1862), во Франции (1862), министр-президент и министр иностранных дел (1862–1867), в первой же своей речи сформулировал программу будущих действий Пруссии: «великие вопросы нашего дня будут решены не речами и резолюциями большинства — это была большая ошибка 1848–1849 — но железом и кровью». Канцлер Северо-германского союза (1867–1871), рейхсканцлер (1871–1890). Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М. 1940. Т. 1. С. 224.

⁴¹ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3. С. 17.

⁴² Константин Николаевич (1827–1892), Великий Князь, второй сын императора Николая I, с рождения записан в л.-гв. Измайловский полк и назначен шефом Грузинского гренадерского и Польского 3-го линейного полков. В 1831 г. назначен генерал-адмиралом и шефом Гвардейского экипажа, с 1834 г. — на военно-морской службе, мичман, неоднократно находился в плаваниях по Балтийскому, Белому и Черному морям, подпоручик (1840), лейтенант (1843), штабс-капитан и капитан (1844), капитан I ранга (1846), контр-адмирал (1848), участвовал в венгерском походе 1849 г., вице-адмирал (1853), временно управлял Морским министерством в 1851 и 1853–1855 гг., в 1854 г. участвовал в подготовке Кронштадта к отражению возможного нападения англо-французского флота, в 1855 г. по званию генерал-адмирала назначен управлять флотом и Морским министерством, руководил подготовкой Кронштадта к обороне, адмирал (1855), в 1862 г. назначен Наместником в Царстве Польском с подчинением ему на правах главнокомандующего расположенными в Царстве войсками, после начала восстания 1863 г. покинул

комых польской аристократии. Она же была весьма активной и во Франции, где проживало около 4000 польских эмигрантов.⁴³

7 (19) декабря 1860 г. князь М. Д. Горчаков подал Всеподданнейшую записку на Высочайшее имя, в которой он говорил о возможности новых волнений в Венгрии и Польше. Генерал предлагал усилить русскую армию в польском выступе и перевести на военное положение губернии Царства Польского, Литвы, Подолья, Волыни и Бессарабии. Император считал, что торопиться с подобными мерами не нужно: он опасался повторения «1854 года».⁴⁴ В конце 1860 г. русская дипломатия, обеспокоенная информацией о поддержке, которая оказывалась принцем Наполеоном⁴⁵ польским эмигрантским организациям во Франции, потребовала от Наполеона III разъяснений. «В случае надобности мы сумеем справиться с нашими внутренними делами, — писал Горчаков Киселеву 9 (21) декабря 1860 г., — но совершенно ненормально, что наша задача затрудняется моральным пособничеством члена суверенного дома, который официально исповедует соглашение с нами».⁴⁶ Разъяснения были даны в исключительно

Варшаву и прибыл в Петербург, уволен от должности Наместника, занимался управлением флотом, в 1877 г. был назначен командующим эскадрой из 11 судов, предназначенных для действий в Средиземном море, но оставлен во внутреннем плавании. В 1881 г. уволен от председательствования в Государственном совете (с 1865 г.) и от управления флотом с оставлением членом Государственного совета.

⁴³ «Россия под надзором...» С. 484.

⁴⁴ Князь Михаил Дмитриевич Горчаков о мерах в случае восстания Венгрии и о следующих из того общих распоряжениях для обороны России со стороны Царства Польского. 7 (19) декабря 1860 года // РС. 1884. Том 41. Вып. 2. С. 407–412.

⁴⁵ Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль Бонапарт (1822–1891), принц, сын Жерома Бонапарта, французский государственный деятель, до 1847 г. — в эмиграции, член Учредительного собрания (1848) и Законодательного собрания (1849) — ярый республиканец, после 2 дек. 1852 г. принял титул принца императорской крови и наследника (до 1856 г.), сенатор, в 1854 г. — дивизионный генерал, короткое время находился в Крыму, выполнял различные дипломатические задачи, поручаемые ему Наполеоном III, министр Алжира и колоний (1858–1859), сторонник объединения Италии, командовал корпусом в войну с Австрией, в последние годы Второй империи перешел на сторону либералов, после 1870 г. дважды избирался членом генерального совета Корсики, в 1872 г. выслан из Франции, в эмиграции интриговал — боролся за роль главы бонапартистской партии, а во время выборов во Франции заявлял о себе как о республиканце для того, чтобы иметь возможность вернуться и участвовать в них. В 1886 г. в последний раз изгнан из Франции.

⁴⁶ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 80.

предупредительной и вежливой форме. Для оправдания по приказу своего кузена в русское посольство явился сам принц.⁴⁷ Наполеон III категорически отказался рисковать ухудшением отношений с Петербургом.

«Я нуждаюсь в России, — сказал он одной из польских аристократок, просивших императора «заступиться за Польшу», — чего ваше разгоряченное воображение не в состоянии понять...»⁴⁸ В начале 1861 г. французский министр иностранных дел Э.-А. Тувенель⁴⁹ отчитал старого князя Адама Чарторыйского, которому было заявлено, что «император будет крайне недоволен, если он (т. е. Чарторыйский) будет заниматься интригами противными и его взглядам и его политике, так как русский царь больше всех других государей Европы доказал ему свое расположение, и он желает остаться с ним в самой тесной дружбе».⁵⁰ Активность поляков не была безрезультативной — взаимное недоверие Парижа и Петербурга постепенно усиливалось.

Углублялся и кризис в Царстве Польском. Подпольщики активно готовились к выступлению, вербуя себе сторонников, прежде всего среди учащейся молодежи.⁵¹ Следует учесть, что абсолютное большинство учащихся в Царстве традиционно учились в учебных заведениях, принадлежащих частным лицам или костелу, — в 1840-х годах там насчитывалось 56 тыс. учащихся (не считая женских учебных заведений), в то время как в казенных училищах — только 8 тыс.⁵² Контролировать процесс обучения было невозможно, и рано или поздно это должно было закончиться плохо. «Откуда-то внезапно взялась страшная ненависть

⁴⁷ Татищев С. С. Ук. соч. М. 1996. Т. 1. С. 452–453.

⁴⁸ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 81.

⁴⁹ Эдуард-Антуан Тувенель (1818–1866), французский государственный деятель и дипломат. Сын генерала Людовика Тувенеля (1787–1843), верного сторонника Наполеона I, оказавшегося в немилости у Бурбонов во время Реставрации. Его сын окончил курс юридических наук в Сорбонне, после чего путешествовал по Востоку. В 1830 г. старший Тувенель был возвращен на службу Орлеанами, что позволило Тувенелю-младшему в 1840 г. поступить на службу в МИД. Естественно, что репутация представителя бонапартистской семьи помогла ему позже. Посланник в Греции (1849–1850), в Баварии (1850–1851), после переворота 2 декабря 1851 г. он был вызван в Париж, где по преимуществу занимался восточными делами. Сенатор (1856), министр иностранных дел (1860–1862), с октября 1862 г. в отставке.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 72, 74.

⁵² Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М. 2003. С. 102.

ко всему русскому и немецкому, — вспоминал один из учеников варшавского пансиона, — так что даже книги на этих языках неоднократно сжигались. Что вызвало такое настроение, никто из воспитанников не мог дать себе верного отчета. Но в общем задоре молодости, удаль и стремление к героизму охватили нас до такой степени, что не проходило дня без какой-нибудь отчаянной проделки». ⁵³ Активное участие в подготовке выступлений играла католическая церковь — собиравшиеся на молитву в костелах распевали революционные гимны и слушали проповеди, призывавшие к действиям. ⁵⁴ Все это делалось при полном одобрении церковных властей. ⁵⁵

Празднуя годовщины различных событий русско-польского противостояния, руководители подполья использовали всякую возможность, чтобы придать выступлениям религиозный характер, и добивались столкновения с полицией и армией и жертв. 15 (27) февраля 1861 г., после молебна в кармелитском монастыре в память о деятелях 1830 и 1794 гг., разгоряченная толпа вышла на улицы, где начала закидывать стоящую роту Низовского пехотного полка камнями. Произошло столкновение с войсками, последовал залп, было убито 5 и ранено 6 человек. ⁵⁶ Каждый раз после столкновения манифестантов с войсками Горчаков докладывал о спокойствии в городе. На этот раз он ожидал дальнейших беспорядков и испросил разрешение на введение военного положения (император предоставил ему такие права). ⁵⁷ Генерал не ошибся. К замку Наместника двинулась демонстрация, которая «закрывала себя живою стеною из женщин и детей». Растерявшись, Горчаков пошел на переговоры с депутацией демонстрантов. ⁵⁸ В результате он согласился с требованиями предоставить охрану порядка во время демонстрации ее организаторам. Фактически он санкционировал создание некоей параллельной власти, которая немедленно приступила к использованию своих полномочий. ⁵⁹

⁵³ Ягмин А. Воспоминания польского повстанца 1863 года // Исторический вестник (далее — ИВ). 1892. Том 49. Вып. 9. С. 572.

⁵⁴ Л. Д. Пережитое (Отрывочные воспоминания за 25 лет службы) // РС. 1907. Том. 131. Вып. 7. С. 106.

⁵⁵ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 49. Вып. 9. С. 580.

⁵⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 74–75.

⁵⁷ Донесения кн. М. Д. Горчакова и повеления Александра II в 1861 г. // РС. 1882. Том 36. Вып. 12. С. 553–554.

⁵⁸ Последняя польская смута... // РС. 1874. Том 11. Вып. 9. С. 116.

⁵⁹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 76.

Обстановка в Варшаве начала неуклонно ухудшаться. Горчаков явно нервничал. Уже через три дня после начала волнений он даже просил Александра II прислать в помощь человека, имеющего «полное доверие у императора», что вызвало у последнего явное удивление. Ответ гласил: «Вы имеете полное мое доверие, и поэтому не вижу причины посылать вам кого-либо».⁶⁰ Генерал приступил к практике запретов, но было уже поздно. 27 марта (8 апреля), после неудачной попытки уговорить демонстрантов, Горчаков отдал приказ стрелять.⁶¹ Это было сделано после того, как толпа начала уже строить баррикады и нападать на войска и полицию. В результате было убито 10 и ранено до 100 поляков, в войсках было также 5 убитых и 10 раненых. Попытка диалога завершилась оглушительным провалом, в костелах и монастырях католическое духовенство активно пропагандировало идеи восстания, придавая им оттенок религиозного противостояния.⁶²

Военное положение между тем так и не было введено и это планировали сделать 16 (28) мая с первыми признаками новых волнений.⁶³ В городе было относительно спокойно, а Горчаков серьезно болел уже несколько дней. Военное положение так и не ввели.⁶⁴ 18 (30) мая 1861 г. Горчаков умер, накануне исправляющим должность Наместника был назначен Военный министр генерал-адъютант граф Н. О. Сухозанет^{65, 66}. Этот генерал был также стар и с са-

⁶⁰ Донесения кн. М. Д. Горчакова и повеления Александра II в 1861 г. // РС. 1882. Том 36. Вып. 12. С. 556.

⁶¹ Последняя польская смута... // РС. 1874. Том 11. Вып. 9. С. 116.

⁶² Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 84.

⁶³ Донесения кн. М. Д. Горчакова и повеления Александра II в 1861 г. // РС. 1882. Том 36. Вып. 12. С. 575.

⁶⁴ Там же. С. 576–577.

⁶⁵ Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871), русский военный и государственный деятель, с 1811 г. — на военной службе, прапорщик. Подпоручик (1812), участвовал и отличился в Отечественной войне 1812 г., произведен в поручики. В кампании 1813 г. участвовал и отличился в сражениях под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом, в 1814 г. участвовал во взятии Парижа. Штабс-капитан, капитан (1818), полковник (1820), генерал-майор (1828), участвовал и отличился в действиях против польских мятежников в 1831 г. в качестве начальника штаба артиллерии 1-й армии. Генерал-лейтенант (1840), начальник артиллерии действующей армии (1849), генерал от артиллерии (1852), в 1855 г. участвовал в ряде действий против турок, назначен командующим Южной армией, в 1856–1861 гг. — Военный министр, в 1861 г. временно исполнял должность Наместника Царства Польского.

⁶⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 107–108.

мого начала рассматривал свое новое назначение как временное. Оно было во многом случайным и объяснялось тем, что Сухозанет командовал при Паскевиче артиллерией действующей армии, долго жил в Варшаве, «имел тесное знакомство со всеми лучшими польскими фамилиями и принимал у себя избранное польское общество». Кроме того, он в совершенстве владел польским. Эти качества казались достаточными в Петербурге, где все еще надеялись найти общий язык с этим обществом.⁶⁷

Сухозанет действовал так же, как и его предшественник, чередуя окрики и угрозы с призывами к армии воздержаться от применения силы в случае оскорблений и т. п.⁶⁸ Приказы быть выше обид при подобного рода случаях раздражали армию и вдохновляли варшавян на все большую активность.⁶⁹ А генерал в это время надеялся на преодоление кризиса и спокойствие в городе и даже планировал в качестве важной меры возобновить театральные представления в Варшаве.⁷⁰ В городе между тем начались совсем другие спектакли. В квартирах, в которых жили русские, выбивали стекла, перед окнами собирались многочисленные толпы, исполнявшие «кошачьи концерты», офицеров задевали на улицах, в них плевались, толкали и т. п.⁷¹ На солдат все это действовало обескураживающе — они попросту не могли понять, что происходит.⁷² Среди поляков начали распространяться слухи о том, что русским запретил стрелять в них Наполеон III. В результате летом 1861 г. «значение власти совсем погбло; страх к русским совершенно исчез».⁷³

Таков был результат действий и бездействия Сухозанета. Дряхлый, совершенно лишившийся сил, неспособный к энергичным действиям генерал явно не отвечал требованиям занимаемой им должности. Между тем население столицы Царства, по свидетельству капитана фон Верди дю Вернуа,⁷⁴ находившегося

⁶⁷ Последняя польская смута... // РС. 1874. Том 11. Вып. 9. С. 117–118.

⁶⁸ Там же. С. 129.

⁶⁹ Буланцов. Записки лазутчика во время усмирения мятежа в Польше в 1863 году. СПб. 1868. С. 2.

⁷⁰ Донесения кн. М. Д. Горчакова и повеления Александра II в 1861 г. // РС. 1882. Том 36. Вып. 12. С. 583.

⁷¹ Буланцов. Ук. соч. С. 2.

⁷² Потто [В. А.] Походные записки о кампании 1863 года против польских мятежников // ВС. 1867. № 8. С. 294.

⁷³ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3. С. 64, 73.

⁷⁴ Юлий-Адриан-Фридрих-Вильгельм фон Верди дю Вернуа (1832–1910), прусский военный и государственный деятель, историк и писатель. Происходил из семьи французских дворян, его дед перешел в 1770-х гг. на гессенскую,

в Польше в командировке с целью изучения кампании 1831 г., «держало себя вызывающим образом: гневные взоры и угрозы посылались вслед русским военным патрулям, постоянно обходящим бойкие улицы; на каждом шагу попадались процессии, производившие странное впечатление, а в костелах духовные проповеди завершались распеванием революционных гимнов».⁷⁵ В форму политической демонстрации превратились местные традиции — бросание венков в Вислу на Купалов день, поминовение усопших, поклонение изваяниям Богородицы,⁷⁶ и, конечно же, внешний вид. Улицы стали театром любви к былым временам Речи Посполитой. Яркие жупаны, откидные рукава, желтые сапоги, золотые кушаки,⁷⁷ заломленные конфедератки, брелоки в виде кандалов, разнообразные перстни с национально-революционной символикой, женщины распускали волосы или облачались в траур и т. п.⁷⁸

3 (15) июля под Парижем скончался 93-летний князь Адам Чарторыйский. Претендентом на польскую корону и безусловным главой «отеля Ламберт» стал его князь Владислав Чарторый-

а затем и на прусскую службу. Генерал от инфантерии (1888), Военный министр (1889–1890). Родился в Силезии, в гор. Фройштадт (совр. Козухов, Польша), в 1844 г. поступил в Потсдамский кадетский корпус, из которого в 1850 г. был выпущен в 14-й пехотный полк в Торн. В 1858–1860 гг. учился в Военной академии, в 1860–1861 гг. — в Топографическом отделе Большого Генерального штаба, капитан. С 1861 по 1863 гг. — в штабе IV-го Армейского корпуса, в 1863–1865 гг. — командирован в штаб командующего войсками Варшавского Военного округа. Участвовал и отличился в австро-прусской войне 1866 г., майор. Подполковник (1867), начальник Разведывательного отдела Большого Генерального штаба (1867–1870), один из ближайших сотрудников Мольтке-старшего при подготовке и ведении франко-прусской войны 1870–1871 гг., полковник (1870), лектор в Военной академии, сотрудник Большого Генерального штаба (1871–1873), генерал-майор (1876), командир 62-й пехотной бригады (Страсбург). Директор общего департамента Военного министерства (1879–1883), генерал-лейтенант (1881), губернатор Страсбурга (1887–1889), генерал от инфантерии (1888), Военный министр (1889–1890), в 1890 г. вышел в отставку, автор 138 работ по военной истории, переведенных на 12 языков, в 1891 г. за развитие науки и искусства был награжден орденом Pour le Merite, при праздновании 350-летия Кенигсбергского университета получил звание почетного доктора философии (1894).

⁷⁵ Воспоминания прусского министра Верди-дю-Вернуа о пребывании в России в 1863–1865 годах // ИВ. 1900. Том 100. Вып. 6. С. 872.

⁷⁶ Последняя польская смута по переписке с 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г. // РС. 1883. Том 37. Вып. 2. С. 324–325, 329.

⁷⁷ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3. С. 67.

⁷⁸ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 49. Вып. 9. С. 576–577.

ский.⁷⁹ Относительное спокойствие, установившееся летом, и полное отсутствие логики и последовательности в действиях Сухозанета привели к давно ожидаемой смене власти в Варшаве.⁸⁰ 6 (18) августа исправляющим должность Наместника и командующим 1-й армией был назначен генерал-адъютант граф К. К. Ламберт.⁸¹ Больной и нуждавшийся в лечении Сухозанет с нетерпением ждал приезда своего преемника.⁸² «Хотя он и католик, — писал Александр II, — но далеко не фанатик, и потому не считаю это препятствием».⁸³ 11 (23) августа 1861 г. он прибыл в Варшаву и приступил к исполнению своих обязанностей.⁸⁴ Генерал имел заслуженную репутацию храброго и трезво мыслящего человека.⁸⁵ В Петербурге ожидали от него успокоения края. Важным условием достижения такой задачи считался курс на установление административной автономии Царства.⁸⁶ Варшавское общество встретило нового Наместника весьма холодно. Поляки явно не связывали с ним надежд на будущее, хотя генерал вполне искренно хотел добиться преодоления прошлого и замирения.⁸⁷

С 1861 г. в Петербурге начинают появляться и первые революционные прокламации, в 1862 г. стал очевиден рост революционного движения в России, которое симпатизировало польскому освободительному движению. Летом 1862 г. по Петербургу и ря-

⁷⁹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 109.

⁸⁰ Последняя польская смута... // РС. 1874. Том 11. Вып. 9. С. 127–128.

⁸¹ Ламберт Карл Карлович (1815–1865), сын французского эмигранта, в 1793 г. перешедшего на русскую службу. Граф, генерал-адъютант (1854), генерал от кавалерии (1861), член Государственного совета (1861). В 1833 г. окончил Пажеский корпус, корнет лейб-Кирасирского полка. Поручик (1836), в 1837 г. переведен в Кавалергардский полк корнетом, поручик (1839). С 1839 г. — в Отдельном Кавказском корпусе, принял участие и отличился в боях за Кубанью, на побережье Черного моря и в Чечне. Штабс-ротмистр, флигель-адъютант (1843), ротмистр (1844), полковник (1844), в 1849 г. — начальник штаба 1-го Резервного кавалерийского корпуса, принял участие и отличился в походе в Трансильванию, генерал-майор, зачислен в Свиту Его Величества. Командир лейб-гвардии Конного полка (1853), командир 1-й гвардейской кирасирской бригады (1854), генерал-адъютант (1854), генерал-лейтенант (1857), генерал от кавалерии (1861), член Государственного совета (1861). С августа 1861 по апрель 1862 гг. — исполняющий должность Наместника Царства Польского и командующего 1-й армией, с апреля 1862 г. — в отставке по болезни.

⁸² Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 137.

⁸³ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского в 1861 г. Wrocław—Warszawa—Krakow—Gdansk. 1964. С. 141.

⁸⁴ Последняя польская смута... // РС. 1874. Том 11. Вып. 9. С. 129.

⁸⁵ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3. С. 86.

⁸⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 173.

⁸⁷ Последняя польская смута... // РС. 1874. Том 11. Вып. 12. С. 699.

ду городов Поволжья прокатилась волна масштабных пожаров, которые явно имели признаки поджога. Были ли поджоги проявлением революционного террора или нет, полиции доказать не удалось, но подозрение пало на революционеров польского или русского происхождения.⁸⁸ Результатом было некоторое охлаждение части русского общества по отношению к польскому движению и неуверенность правительства, колебавшегося между ужесточением своей политики в Польше и уступками.

2 (14) октября Ламберт обратился к императору со следующей просьбой: «В предупреждение новых возмутительных заявлений по случаю памяти о Костюшке (умер 15 октября 1817 г. — *А. О.*), долженствующей праздноваться завтра, я признал необходимым безотлагательно объявить завтра все Царство на военном положении. В городе войска занимают свои места нынешней же ночью».⁸⁹ Ответ Александра II последовал в тот же день: «Дай Бог, чтобы объявление всего Царства на военном положении произвело тот результат, которого я давно ожидаю».⁹⁰ 2 (14) октября 1861 г. в Царстве было введено военное положение. Вся его территория была поделена на 7 военных округов с окружными военными начальниками во главе: Августовский, Плоцкий, Калишский, Варшавский, Радомский, Люблинский и округ железной дороги. Полномочия начальников были весьма велики, они непосредственно подчинялись только Наместнику.⁹¹ Ужесточение режима не привело к ожидаемым результатам.

Положение в Польше продолжало ухудшаться, Ламберт не смог справиться с решением поставленной перед ним задачи. В принципе, этого уже не смог бы сделать никто. Тем более — такими методами. После массовых арестов, проведенных военным губернатором Варшавы ген.-ад. А. Д. Герштенцвейгом⁹²

⁸⁸ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М. 1993. С. 246–247.

⁸⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского в 1861 г. С. 309.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Истомина В. А. Военное положение в Царстве Польском во время мятежа 1863 года и его последовательные изменения. М. 1903. С. 3–5.

⁹² Герштенцвейг Александр Данилович (1818–1861), генерал-адъютант (1859), генерал-лейтенант (1861), сын генерала от артиллерии. В 1837 окончил Пажеский корпус, выпущен прапорщиком в л.-гв. Преображенский полк. Адъютант ген.-ад. гр. П. А. Клейнмихеля (1840–1847). Подпоручик (1840), поручик (1842), штабс-капитан (1846), в 1847 возвращен в Преображенский полк, где командовал ротой Его Величества. Капитан (1848), флигель-адъютант (1849). Принял участие и отличился в походе в Венгрию. Полковник

согласно нормам военного положения, последовал неожиданный шаг Ламберта. Арестованных, по донесению Наместника, было до 1 600 чел., большая часть была освобождена им «по старости или малолетству». Ламберт явно боялся реакции католического духовенства, грозившего закрыть костелы.⁹³ В результате между двумя высшими чинами произошла резкая сцена, а за ней — т. н. «американская дуэль», при которой вытянувший неблагоприятный жребий должен совершить самоубийство.⁹⁴ 5 (17) октября Ламберт сообщил императору о том, что военный генерал-губернатор Варшавы застрелился и что сам он очень болен. Письмо заканчивалось отчаянной мольбой: «Ради Бога, пришлите тотчас кого-нибудь на наши места».⁹⁵ Герштенцвейг мучительно умирал, и обстоятельства его смерти — самоубийство на почве разногласий с Наместником — в общих чертах не были секретом.⁹⁶

Последствия были неизбежны. Как отмечал сотрудник Наместника, колебания власти привели к тому, что все колеблющиеся в польском обществе встали на сторону революции. При всей внешней строгости — войска стояли бивуаками на площадях Варшавы, «это не производило, в сущности, устрашающего впечатления. Кто не знает добродушия и неумения рисоваться нашего достойного солдата?»⁹⁷ 6 (18) октября костелы были закрыты,⁹⁸ а Ламберт

(1849). С декабря 1854 по январь 1855 гг. принимал участие в обороне Севастополя. Генерал-майор (1855) помощник дежурного генерала Главного штаба (1855–1858), дежурный генерал (1858), генерал-адъютант (1859), генерал-лейтенант (1861). 6 (18) августа был назначен Варшавским военным генерал-губернатором и председательствующим в Правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского. В ночь на 4 (16) октября в Варшаве собралась большая демонстрация в районе костелов св. Иоанна, св. Креста и Бернардинского. Герштенцвейг, окружив войсками костел св. Иоанна, после безуспешных требований разойтись, арестовал, согласно приказанию Наместника, 1 684 человека. Арестованные были отведены сначала в замок, а затем в Александровскую цитадель. На следующий день по приказу Ламберта в течение 2 часов освобождено было более 1 660 человек. Герштенцвейг потребовал объяснений, в результате последовала «американская дуэль». Жребий выпал на Герштенцвейга. 5 (17) октября он выстрелил себе в голову, умер 24 октября (5 ноября) после 19 дней страданий.

⁹³ Последняя польская смута по переписке с 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г. // РС. 1883. Том 37. Вып. 2. С. 348.

⁹⁴ Мильютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 174–184.

⁹⁵ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского в 1861 г. С. 313.

⁹⁶ Мильютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 184.

⁹⁷ Последняя польская смута... // РС. 1874. Том 11. Вып. 10. С. 339.

⁹⁸ Последняя польская смута по переписке с 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г. // РС. 1883. Том 37. Вып. 2. С. 348.

вновь докладывал Александру II о том, что положение не улучшилось, что мятеж неизбежен и что его надо будет подавить, но затем «сколь можно скорее умиротворить край дарованием учреждений, которые вполне удовлетворили желание народа, соответственно действительным его нуждам».⁹⁹ Диалог, воспринимаемый как уступка ввиду слабости, провоцирует лишь требовательность, а не взаимопонимание. В том же письме Ламберт вновь просил императора о немедленном увольнении для отъезда на лечение.¹⁰⁰

9 (21) октября 1861 г. это разрешение было дано, и генерал отбыл из Варшавы. Т. к. формально это был отпуск, исправляющим должность Наместника и главнокомандующего был назначен ген. А. Н. Лидерс^{101, 102} Генерал прибыл в Варшаву 24 октября (5 нояб-

⁹⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского в 1861 г. С. 318.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Лидерс Александр Николаевич (1790–1874), русский военный деятель из голштинского рода, с середины XVIII века находившегося на русской службе, граф (1862), генерал от инфантерии (1843), генерал-адъютант (1849). Получил домашнее образование, с 1805 г. — на военной службе, подпрапорщик Брянского пехотного полка. Участвовал и отличился в войне 1805 г., в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. Прапорщик (1807), подпоручик (1809), поручик (1810), за отличие переведен в л.-гв. Егерский полк поручиком (1811), штабс-капитан (1813), майор (1813), за отличие произведен в подполковники (1818) и полковники (1823). С 1823 г. — командир л.-гв. Егерского полка, во главе которого отличился в русско-турецкую войну 1828–1829 гг. За отличие произведен в генерал-майоры (1829), командовал пехотной бригадой при подавлении Польского мятежа 1830–1831 гг., за отличие при штурме Варшавы произведен в генерал-лейтенанты (1831), после чего назначен начальником штаба, а в 1837 г. — командиром Пехотного корпуса. Генерал от инфантерии (1843). С 1844 г. — командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане, успешно действовал против Шамиля, в 1845 г. командовал Чеченским отрядом в Даргинской экспедиции. С 1848 г. — командующий войсками в Молдавии и Валахии, в нестабильной обстановке сумел наладить хорошие отношения между войсками и местным населением. В Венгерском походе 1849 г. командовал V Пехотным корпусом, действовавшим в Трансильвании. С началом Крымской войны командовал отрядом на нижнем Дунае, затем в южном Буджаке. С февраля 1855 г. — главнокомандующий Южной, с 28 декабря 1855 г. и Крымской армиями, до окончания военных действий в Крыму прежде всего занимался организацией снабжения и медицинского обеспечения войск. После войны — командир V Пехотного корпуса, затем главнокомандующий 2-й армией, с 1856 г. — в отпуске по болезни, с 1861 г. — исполняющий должность наместника в Царстве Польском и главнокомандующий 1-й армией, во время прогулки по Варшаве тяжело ранен в результате покушения мятежника, дезертира из рядов императорской русской армии А. А. Потебни. С 1862 г. — член Государственного совета.

¹⁰² Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 183.

ря) и через три дня вступил в должность.¹⁰³ Он имел репутацию не только знающего, но и весьма решительного человека, и что особенно важно — пользовался авторитетом в армии.¹⁰⁴ Тем временем волнения в русской Польше начали перетекать на смежные территории Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии. Местное польское дворянство было основной социальной базой этих движений.¹⁰⁵ Лидер прекрасно понимал временный характер своего назначения и те ограничения, которые этот характер налагал на его полномочия, но он решился «стоять и умирать» во славу Государя и русского имени, не опустив глаз и не опустив головы перед всеми ужасами давней распущенности, не знавшей до сих пор предела своим неистовствам».¹⁰⁶

Первые его распоряжения были направлены к тому, чтобы объявленное ранее военное положение было применимо на практике, а не только декларировалось.¹⁰⁷ Одновременно Лидер приступил к раздаче «царской милостыни» бедным — для этого было израсходовано 20 тыс. руб. сер. Успокоение в городах позволило вновь открыть учебные заведения, закрытые во время волнений.¹⁰⁸ Войска ободрились, увидя во главе человека, который вызывал у них безусловное доверие, местные власти убедились в том, что с колебаниями покончено, — в Царстве начались аресты активных сторонников революции, строгие ограничения привели к тому, что в Варшаве прекратились демонстрации.¹⁰⁹

Вслед за успокоением к политике диалога решили приступить в Петербурге. Судьба реформ в Царстве была связана с именем представителя видной польской аристократической фамилии графа А. И. Велепольского.¹¹⁰ Отправившись в столицу, он сумел

¹⁰³ Последняя польская смута по переписке с 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г. // РС. 1883. Том 37. Вып. 3. С. 635.

¹⁰⁴ Последняя польская смута... // РС. 1875. Том 12. Вып. 1. С. 125.

¹⁰⁵ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 184–185.

¹⁰⁶ Последняя польская смута... // РС. 1875. Том 12. Вып. 1. С. 127.

¹⁰⁷ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 188.

¹⁰⁸ Последняя польская смута по переписке с 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г. // РС. 1883. Том 37. Вып. 3. С. 640–641.

¹⁰⁹ Последняя польская смута... // РС. 1875. Том 12. Вып. 1. С. 127–129.

¹¹⁰ Александр (Иосифович) граф Велепольский (1803–1877), маркиз Гонзаго-Мышковский, во время польского восстания 1830–1831 гг. был отправлен революционным правительством с дипломатической миссией в Лондон. В столицу Англии он прибыл уже после взятия Варшавы, когда необходимость в его поездке отпала. После 1831 г. некоторое время проживал в Дрездене, но вскоре вернулся в Россию и при правлении И. Ф. Паскевича проживал в своем имении. В 1861 г. назначен главным директором Комиссии народного просвещения

убедить императора в том, что предлагаемые именно им меры приведут к решительному изменению положения.¹¹¹ В мае 1861 г. Александр II был еще категорически против назначения на пост вице-председателя Государственного Совета Царства поляка. Эта должность позволяла замещать Наместника в его отсутствие, что было совершенно неприемлемо для монарха.¹¹² За год ситуация изменилась, и даже Велепольский — бывший участник мятежа 1830–1831 гг. — оказался приемлемым. Маркиз убеждал, что Лидерс — волевой, опытный, стойкий и честный военный, все же лишен «высших административных способностей, которые необходимы для коренных преобразований...»¹¹³ Реформы были необходимы, но диалог, основанный на вынужденных уступках, привел к тем же результатам, что и ранее. «Из всех классов народонаселения, — писал комендант Варшавы ген.-лейт. князь Д. О. Бебутов,¹¹⁴ — шляхта, мещане, горожане, купцы, ксендзы и чиновники, одним словом, все против правительства; остается верным только сильный элемент — хлебопашцы».¹¹⁵ Между тем уступки были весьма значительными, но они не затрагивали интересы этого единственного лояльного элемента.

Велепольский предлагал провести целый ряд либеральных реформ, сводившихся, в основном, к воссозданию основных положений конституции Царства Польского от 1815 г. и, в конечном

и вероисповедания, членом Административного совета Царства Польского, в 1862–1863 гг. — начальник гражданской части и вице-председатель Государственного совета Царства Польского, с октября 1863 г. — в отставке.

¹¹¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 189.

¹¹² Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского в 1861 г. С. 186.

¹¹³ Последняя польская смута... // РС. 1875. Том 12. Вып. 1. С. 132.

¹¹⁴ Бебутов Давид Осипович (1793–1867), русский военный и государственный деятель армянского происхождения, младший брат ген. кн. В. О. Бебутова, князь (1826), генерал-лейтенант (1856). Получил образование в Тифлисском благородном училище, в 1811 г. поступил юнкером в Нарвский драгунский полк, принял участие и отличился в боях против горцев, в русско-персидской войне 1826–1827 гг. и русско-турецкой войне 1828–1829 гг. За отличие при штурме аула Гимры в 1831 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., командир Конно-мусульманского полка (1834–1856), генерал-майор (1846), принял участие и отличился в походе в Венгрию в 1849 г., награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. В Крымскую войну состоял при фельдмаршале кн. И. Ф. Паскевиче, отличился под Силистрией, награжден золотой саблей с бриллиантами и надписью «За храбрость». После смерти Паскевича и возвращения Конно-мусульманского полка на Кавказ был оставлен в Варшаве. Генерал-лейтенант (1856), состоял при Главнокомандующем 1-й армией, комендант Варшавы (1861–1866).

¹¹⁵ Генерал-лейтенант князь Давид Осипович Бебутов // ВС. 1867. № 7. С. 139.

итоге, к восстановлению действия этого документа, т. е. к созданию Польского королевства, связанного с Россией династической унией. Все русское безусловно исключалось из управления страной, в отношении других народов была принята программа ополячивания.¹¹⁶ 14 (26) марта 1862 г. император поддержал предложения маркиза, подписав указ, по которому создавались: 1) Государственный совет королевства — высший орган суда, управления и финансов, состоящих из «именитых лиц», назначенных императором и работающий под председательством наместника; 2) Правительственная комиссия духовных дел и народного образования во главе с поляком-католиком; 3) Губернские, уездные и городские советы, избираемые на основе высокого имущественного ценза, с правом обсуждать местные нужды и входить с представлениями в Государственный совет; 4) Главная школа, т. е. университет.¹¹⁷ Это был серьезнейший шаг к восстановлению широкой автономии русской Польши. Последовали другие меры.

8 (20) мая был введен новый устав общенародного образования в Царстве Польском — оно стало доступно представителям всех сословий, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. За короткий срок в Царстве были открыты новые приходские, сельские и городские школы, лицей в Люблине, в Варшаве — Главная школа, Медико-хирургическая академия и Александро-Мариинский девичий институт, в Новой Александрии (совр. Пулавы, Польша) — Политехнический и сельскохозяйственный институт, удвоено количество гимназий (с 6 до 13), открыты 3 сельскохозяйственные школы.¹¹⁸ Попытки правительства еще в 1830-е гг. ввести хотя бы частичное преподавание на русском закончились полным крахом.¹¹⁹ При Велепольском все 49 (!) русских преподавателей, работавших в учебных заведениях Царства, были уволены — началось формальное гонение на русский язык — все дети должны были получать образование исключительно на польском языке.¹²⁰ В результате преподавание в учебных заведениях Царства велось только на польском.¹²¹

Все эти преобразования, как это ни странно, шли с санкции Петербурга. В правительственных верхах установилась точка

¹¹⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 320–321.

¹¹⁷ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 90.

¹¹⁸ Русский инвалид. 17/29 апреля 1863 г. № 83. С. 355.

¹¹⁹ Шевченко М. М. Ук. соч. С. 102.

¹²⁰ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 321–322.

¹²¹ Авенариус Н. П. Варшавские воспоминания // ИВ. 1904. Т. 96. № 5. С. 420.

зрения на то, что действовать административными способами против начавшегося движения бесполезно и что единственный способ борьбы с революцией заключается в планах Велепольского.¹²² Так польская националистическая программа фактически реализовалась русской властью. Впрочем, не все было столь оригинально. 24 мая (5 июня) были сняты все ограничения бывшего польского законодательства в отношении евреев. Им разрешалось жить во всех городах и местечках Царства, приобретать недвижимость и выступать свидетелями в суде.¹²³ Все эти изменения, равно как и обещания новых, вызывали только раздражение в польском обществе: оно хотело гораздо большего. Что касается евреев, то, оказавшись между властью правительственной и подпольной, они в конце концов встали на сторону той, которая казалась им более действенной в городах, — то есть на сторону революционеров.¹²⁴

27 мая (9 июня) 1862 г. Наместником был назначен Великий Князь Константин Николаевич, первоначально планировавший продолжить успокоение края путем уступок и установления сотрудничества с местным дворянством. Ближайшим сотрудником Великого Князя и вице-председателем Государственного совета Царства Польского стал именно Велепольский.¹²⁵ Лидер в ознаменование заслуг по службе в Варшаве был произведен в графское достоинство. До приезда нового Наместника он должен был оставаться в должности.¹²⁶ Полномочия Наместника были весьма велики. Он был носителем высшей гражданской и военной власти, ему подчинялись все, включая лиц Императорской фамилии, приказания должны были выполняться, как высочайшие повеления. Помощник Наместника по военной части — командир отдельного корпуса.¹²⁷ Велепольский начал очищать государственный аппарат русских чиновников, заменяя их польскими. Маркиз надеялся «достигнуть автономии Польши силою ее перерожденного дворянства».¹²⁸ К этому необходимо добавить — при поддержке либеральной части русских правительственных верхов.

¹²² Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 322.

¹²³ Русский инвалид. 17/29 апреля 1863 г. № 83. С. 355.

¹²⁴ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3. С. 37, 50.

¹²⁵ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 344.

¹²⁶ Последняя польская смута по переписке с 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г. // РС. 1883. Том 37. Вып. 3. С. 646.

¹²⁷ Приказы Военного министра // ВС. 1862. № 8. С. 128–130.

¹²⁸ Последняя польская смута... // РС. 1875. Том 12. Вып. 3. С. 616.

Вслед за своим назначением Константин Николаевич обратился к жителям Царства Польского с воззванием. В обращении, кроме перечисления реформ, были следующие слова: «Поляки, важные обстоятельства настоящей минуты побуждают меня обратиться к вам еще раз со словами порядка и рассудка. Учреждения, всемиловитвейшее дарованные Государем Императором и Царем Царству Польскому служат ручательством интересов вашего края, самых дорогих интересов ваших сердец, религии и народности. Государю Императору угодно, чтобы эти учреждения были введены в действие в возможной скорости и со всею искренностью. Дабы осуществить это, явите единодушное желание сохранить порядок и спокойствие и остерегайтесь беспорядков, которых не потерпит правительство, — ибо каждое правительство обязано их сдерживать».¹²⁹ Как вскоре выяснилось — все эти слова были потрачены напрасно. «Великодушный русский царь, — отмечал фон Верди дю Вернуа, — тщетно предпринимал меры, имевшие способствовать свободному развитию страны, тщетно обещались еще более широкие реформы в будущем — все эти благожелательные намерения Александра II разлетелись в дым среди бушевавших в Польше страстей, раздуваемых фанатизмом политических агитаторов».¹³⁰

20 июня (2 июля) Великий Князь прибыл в Варшаву и провел ряд встреч с представителями общественности. Он был весьма доволен результатами.¹³¹ В первый день многим перспективы новой политики все еще казались безоблачными.¹³² Однако ожидания и расчеты на деле оказались иллюзиями. Дворянство почти единодушно выступило против Велепольского и его программы.¹³³ Уже 21 июня (3 июля) последовало покушение на жизнь Константина Николаевича, он чудом остался жив.¹³⁴ Вслед за этим был ранен граф Лидерс.¹³⁵ Генерал имел обыкновение гулять один, полицейская охрана следовала на большом удалении, и в резуль-

¹²⁹ Татищев С. С. Ук. соч. М. 1996. Т. 1. С. 480.

¹³⁰ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том. 100. Вып. 6. С. 873.

¹³¹ Из дневника в. к. Константина Николаевича. // Красный архив (далее — КА). М.-Л. 1925. Т. 3 (10). С. 229.

¹³² Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 346.

¹³³ К истории польского восстания 1863 г. (Неизвестная рукопись Оскара Авейде: «Краткий очерк последних событий в Польше 1861–1864 гг.») // КА. М.-Л. 1933. Т. 2 (57). С. 119.

¹³⁴ Из дневника в. к. Константина Николаевича // КА. М.-Л. 1925. Т. 3 (10). С. 229.

¹³⁵ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 346.

тате ему выстрелили в спину.¹³⁶ После неудавшегося покушения революционеры готовились отравить Лидерса, но этот план также сорвался.¹³⁷ Итак, слова воззвания Константина Николаевича не привели к желаемому успокоению. Наоборот, в городе начались массовые демонстрации, приобретающие все более и более ожесточенный характер.¹³⁸ Окончились они стычками с войсками, которые вынуждены были стрелять в агрессивную толпу. «Мы, т. е. общество, — вспоминал один из организаторов демонстраций Оскар Авейде,¹³⁹ — во все это время делали манифестации, доходя просто до сумасшествия».¹⁴⁰

Сторонники революции уже в феврале 1862 г. приступили к созданию параллельной администрации. Самое активное содействие заговорщикам оказали представители католической и униатской церкви. Царство Польское было разделено на 8 воеводств (9-м стала Варшава), делившихся на 39 округов. Везде выбирались руководители, ответственные за подготовку восстания и сбор средств, — каждое воеводство должно было собрать по 15 тыс. руб. серебром в год, которые поступали в распоряжении центрального органа — Дирекции. Из собранных средств 30 тыс. руб. были направлены Чарторыйскому «на прессу и дипломатию», 15 тыс. рублей было израсходовано на военную школу, остальные средства пошли на организационные нужды — закупку оружия и т. п. К концу 1862 г. было закуплено 4 тыс. карабинов и заказано такое же их количество, ввезено множество револьверов, боеприпасов и холодного оружия.¹⁴¹

6 (18) июля была упразднена 1-я армия — своеобразный символ николаевского прошлого. Ее корпуса вошли во вновь образо-

¹³⁶ Последняя польская смута... // РС. 1875. Том 12. Вып. 1. С. 143.

¹³⁷ Устимович М. П. Заговоры и покушения на жизнь Наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском и главнокомандующего войсками Варшавского Военного округа генерал-адъютанта графа Берга. 7 (19) сентября 1863 года. Польские конспирационные общества, комитеты и жонды с 1857 по 1869 год. Варшава. 1870. С. 10.

¹³⁸ Последняя польская смута... // РС. 1875. Том 12. Вып. 3. С. 615.

¹³⁹ Оскар Авейде (1837–1897), один из руководителей Польского восстания 1863–1864 гг., член Центрального национального комитета и Жонда Народового. В 1858 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, после чего выехал за границу, слушал лекции в университетах Берлина, Гейдельберга, Сорбонны, в 1861 г. вернулся в Польшу, активно участвовал в организации манифестаций и революционно-го подполья, летом 1863 г. арестован в Вильно, сослан в Вятскую губернию.

¹⁴⁰ К истории польского восстания 1863 г. // КА. М.-Л. 1933. Т. 2 (57). С. 118.

¹⁴¹ Там же. С. 122–123, 125–126, 133–134.

ванные Варшавский, Виленский и Киевский Военные округа.¹⁴² Там временем в Царстве Польском продолжались покушения на жизнь русских военных и чиновников. 26 июля (7 августа) состоялось покушение на Велепольского. Его реформы еще и не начали осуществляться, а маркизу уже пришлось ездить по городу под охраной жандармов. После казни покушавшегося города Царства демонстративно погрузились в траур.¹⁴³ Русские власти тем временем продолжали колебаться между репрессиями и уступками. Поначалу определенные надежды вызывал режим военного положения: в Варшаве проводились аресты, днем и ночью в город выходили смешанные патрули — несколько пехотинцев, кавалерист и местный полицейский. Ничего не помогало. На улицах города по-прежнему собирались толпы с пением революционных песен, которые вели себя демонстративно вызывающе по отношению к военным.¹⁴⁴

Пример Велепольского вдохновил дворянство Западного и Юго-Западного края следовать за ним и добиваться своих целей под прикрытием обеспечения лояльности и спокойствия земель.¹⁴⁵ В конце августа 1862 г. в Варшаве был собран съезд дворянства Царства, формально собранный под предлогом составления адреса с порицанием действия революционеров. 30 августа (11 сентября) съезд действительно составил адрес на имя графа А. Замойского,¹⁴⁶ который тот должен был передать Наместнику. Ссылаясь, разумеется, на необходимость поддержания мира и спокойствия, на то, что никакие суды и военное положение не остановят стремление Польши к независимости, адрес высказывал требования «польского народа» — восстановление конституции 1815 г. и присоединение к Царству западных и юго-западных губерний России.¹⁴⁷ Адрес не был принят, но все же он не остался без последствий.¹⁴⁸

¹⁴² Приказы Военного министра // ВС. 1862. № 8. С. 128.

¹⁴³ Последняя польская смута... // РС. 1875. Том 12. Вып. 3. С. 621.

¹⁴⁴ Л. Д. Пережитое... // РС. 1907. Том. 130. Вып. 6. С. 568–569.

¹⁴⁵ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 333.

¹⁴⁶ Анджей Артур Замойский (1800–1874), граф, польский общественный деятель. В 1857 г. основал Сельскохозяйственное общество, превратившееся в один из важнейших очагов антирусской пропаганды в Варшаве. В 1861 г. Общество было распущено, граф отправился в эмиграцию, проживал во Франции, в Саксонии и Австрии.

¹⁴⁷ Там же. С. 398.

¹⁴⁸ Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1963–1866 гг. М. 2008. С. 73–74.

Последовала немедленная и явно хорошо организованная реакция «общественности». В сентябре 1862 дворянское собрание Подольской губернии приступило к составлению адреса о присоединении губернии к Царству Польскому, так как это «есть выражение одного, всеобъемлющего желания края». В губернии проживали 1 620 тыс. чел., из них только 194 тыс. поляков и 200 тыс. евреев.¹⁴⁹ Реакция властей и общественности была очень острой. Собрание было распущено, и назначены новые выборы. В ноябре того же года с таким же адресом попытались выступить и дворяне Минской губернии. Проект был остановлен после предупреждения губернатора о незаконности и преступности подобного рода инициатив.¹⁵⁰ Замойский был вызван для объяснений в Петербург. На аудиенции у императора он потребовал восстановления автономии Польши в границах 1772 г. О растерянности русской власти можно судить по тому, что графу после этого демарша было предложено дать письменное признание в незаконности действий, вслед за чем ему приказали покинуть пределы Империи, и он отправился в Париж, где примкнул к партии «отеля Ламбер».¹⁵¹

27 августа (8 сентября) 1863 г. Константин Николаевич снял военное положение с Радомской губернии.¹⁵² Еще в марте, вслед за принятием программы Велепольского, было принято еще одно важное решение. Военный министр отмечал: «Не доставало только особого войска польского; но и в этом отношении сделан был первый шаг: решено было переместить в Варшаву те гвардейские полки, которые по своим названиям и мундирам, напоминали прежние полки польской армии времен Великого Князя Константина Павловича; именно — 3-ю гвардейскую пехотную дивизию и два кавалерийских полка: лейб-гвардии Уланский Его Высочества и Гродненский гусарский».¹⁵³ Так как решение было принято почти сразу же после покушения на Великого Князя,

¹⁴⁹ Постковский Н. Письмо в редакцию «Русского инвалида» малороссийского помещика по поводу адреса подольских дворян // Русский инвалид. 17/29 января 1863 г. № 13. С. 58.

¹⁵⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. 551–552.

¹⁵¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 189; «Готов собою жертвовать...» Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. М. 2008. С. 73.

¹⁵² Русский инвалид. 5/7 октября 1862 г. № 219. С. 752.

¹⁵³ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М. 1999. С. 342.

эти части должны были стать и его надежной опорой и охраной.¹⁵⁴ 19 сентября (1 октября) ожидалось прибытие гвардии в Варшаву. Одновременно планировалось открытие учебных заведений и Государственного совета.¹⁵⁵ 21–24 сентября (3–5 октября) в Варшаву стали приходить эшелоны с гвардейской пехотой.¹⁵⁶ Прибытие таких сил, очевидно, добавило уверенности Наместнику.

28 сентября (10 октября) военное положение было снято с Люблинской и Августовской губерний. Исключение составили города Люблин, Седлец и Сувалки.¹⁵⁷ Основными центрами революционной активности были именно города. Это сразу же почувствовали в Варшаве гвардейцы. Они попали в напряженную и весьма враждебную обстановку.¹⁵⁸ Манифестации по-прежнему продолжались. Обычно все происходило по следующему шаблону: при появлении толпы вызывался караул пехоты с сотней или полусотней казаков, которые перекрывали движение. После этого к месту прибывали командир полка и бургомистр, которые уговаривали собравшихся разойтись. Бургомистр читал объявление о военном положении, барабанщики два раза били «дробь». Все это время в солдат и офицеров летели камни, щебень и оскорбления. После третьей «доби» войска имели право открыть огонь, и тут толпа расходилась.¹⁵⁹ Отсутствие ясной и последовательной политической линии в действиях Наместника становилось все более и более неуместным.

После войны рекрутских наборов ни в Империи вообще, ни в Царстве Польском в частности не проводилось. В связи с коронацией императора Манифестом 26 августа (7 сентября) 1856 года они были отменены на 3 года.¹⁶⁰ Отменялись даже ежемесячные призывы нижних чинов, отправленных в бессрочный отпуск после выслуги 15 и более лет.¹⁶¹ Отмена действовала еще

¹⁵⁴ Луганин А. Опыт истории лейб-гвардии Вольнского полка. Варшава. 1889. Ч. 2. 1850–1879 гг. С. 31.

¹⁵⁵ Из дневника в. к. Константина Николаевича // КА. М.-Л. 1925. Т. 3 (10). С. 237.

¹⁵⁶ Маркграфский А. История лейб-гвардии Литовского полка. Варшава. 1887. С. 413; Луганин А. Ук. соч. Варшава. 1889. Ч. 2. 1850–1879 гг. С. 31.

¹⁵⁷ Русский инвалид. 5/7 октября 1862 г. № 219. С. 752.

¹⁵⁸ Маркграфский А. Ук. соч. С. 414–415; Луганин А. Ук. соч. Варшава. 1889. Ч. 2. 1850–1879 гг. С. 37–38.

¹⁵⁹ Л. Д. Пережитое... // РС. 1907. Том. 131. Вып. 6. С. 109–110.

¹⁶⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (далее — ПСЗ). Собрание второе. СПб. 1857. Т. 31. 1856. № 30878. С. 798–799.

¹⁶¹ Там же. С. 810.

несколько лет после 1859 г. В 1861 г. по ходатайству Наместника польским губерниям была списана рекрутская недоимка в 62 700 чел.¹⁶² Призыв временно-отпускных в том же году прошел без каких-либо осложнений, число неявившихся по 32 европейским губерниям и Царству Польскому составило 364 чел. из 45 090 (из них из русской Польши — 7 005 чел.).¹⁶³ Льготы не могли действовать вечно.

Уже в марте 1862 г. было сделано официальное заявление: «По окончанию последней войны и по заключению мира, армии наши были приведены в мирное положение, и потому огромная масса людей была уволена во временные отпуска, нижние чины, едва прослужившие год, возвратились обратно к своим семействам. Это дало возможность в последующие годы пополнять убыль в армии не рекрутами, а отпускными нижними чинами, что, в свою очередь позволило отдалить срок рекрутских наборов. Согласно тому, что в Высочайшем Манифесте 26 августа 1856 года было объявлено между прочим, что рекрутский набор не будет производиться в течение трех лет. Срок этот был продолжен, вследствие различных сокращений в наших войсках, так что в течение 6 лет вовсе не было наборов. Но в настоящее время запас нижних чинов, вследствие сокращения срока службы, выхода в отставку значительного числа их, дошел до такой численности, что если не принять своевременных мер к новому комплектованию армии, то, в случае войны, можно встретить недостаток в необходимом резерве, надлежащее образование которого должно составлять одну из важнейших забот правительства, в мирное время. Вследствие того, делается необходимым рекрутский набор, и следует ожидать, что правительство приступит к этой мере в нынешнем же году».¹⁶⁴

1 (13) сентября был подписан Манифест «О произведении в 1863 году рекрутского набора с обеих полос Империи». Он определял время и порядок набора — по 5 чел. с 1 тыс. душ с 15 (27) января по 15 (27) февраля 1863 г. Манифест был опубликован 5 (17) сентября.¹⁶⁵ В Империи набор начинался 1 (14) ноября. После реформы 1861 г. от него не ждали проблем. «При нынешнем Госуда-

¹⁶² Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М. 2003. С. 38.

¹⁶³ О призыве в 1861 году временно-отпускных нижних чинов на действительную службу // ВС. 1862. № 6. С. 255.

¹⁶⁴ Несколько слов о рекрутском наборе и предполагаемых преобразованиях по военному ведомству в России // ВС. 1862. № 3. С. 285.

¹⁶⁵ ПСЗ. Собрание второе. СПб. 1865. Т. 37. 1862. № 38 622. С. 1, 4.

ре, — гласил орган Военного министерства, — как известно, вовсе не было еще рекрутских наборов, а потому и надобно полагать, что настоящий первый набор, о котором объявлено в Высочайшем Манифесте, будет совершенно отличаться от всех прежних. Этот первый набор застал Россию уже в совершенно ином положении, далеко не прежнюю и во многом изменившуюся». ¹⁶⁶

Время проведения набора в Царстве Польском должно было быть указано позднее. 23 декабря (4 января) Наместник и Велепольский решили провести его со 2 на 3 января. ¹⁶⁷ 28 декабря (9 января) эта дата была подтверждена военной конференцией Варшавского округа. «Дай Бог, чтобы благополучно обошлось и без крови», — отметил в своем дневнике Великий Князь. ¹⁶⁸ Опасения были не напрасны. Поскольку обстановка в Польше к концу 1862 г. была уже явно взрывоопасной, то по предложению Велепольского было принято решение провести набор в весьма специфической манере. До этого наборы в Царстве Польском до 1856 г. проводились на основании закона от 5 (17) октября 1816 г., который допускал значительные поблажки для местного населения. ¹⁶⁹

Рекрутский набор охватывал христиан и мусульман от 20 до 30 лет и евреев от 18 до 25 лет. При этом от повинности постоянно освобождались все дворяне Царства Польского, российские дворяне, духовенство всех христианских вероисповеданий, иностранцы и их дети, натурализованные или нет, меннониты, моравские братья, крещенные евреи. Временное освобождение получали чиновники, организмы римско-католической церкви и певчие евангелистической (если они занимали должность не менее 2 лет), равнины, признанные в этом звании правительством, воспитанники еврейских школ, еврей-земледельцы, единственный сын в семействе или последний сын, проживающий при родителях, внук, признанный дедом или бабушкой, если они лишились детей, вдовцы, имеющие малолетних детей, лица, состоящие опекунами или попечителями. ¹⁷⁰ Очевидно, условия разверстки были весьма мягкими.

¹⁶⁶ Кудрин А. Первое ноября // Русский инвалид. 5/7 октября 1862 г. № 219. С. 752.

¹⁶⁷ Из дневника в. к. Константина Николаевича // КА. М.-Л. 1925. Т. 3 (10). С. 244.

¹⁶⁸ Там же. С. 245.

¹⁶⁹ Милотин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М. 2003. С. 38.

¹⁷⁰ О рекрутском наборе в Польше // Московские ведомости. 20 апреля 1863. № 84. С. 2.

3 (15) марта 1859 г. был обнародован новый закон, жестко регулировавший возможность освобождения от службы. От набора освобождались и русские дворяне, чиновники, преподаватели высших и средних учебных заведений, лица, получившие в средних и высших учебных заведениях ученую степень, позволявшую получить классный чин при поступлении на службу и поступившие в нее, служащие Варшаво-Венской и Варшаво-Бромбергской железных дорог и горнозаводских учреждений, почтальоны, студенты высших и средних учебных заведений (Царства и Империи — на время обучения) и т. п. Унифицировался призывной возраст — от 18 до 30 лет для лиц всех конфессий. Поскольку количество лиц, подпадавших под действие набора, превышало потребность армии, вводилась жеребьевка кандидатов. Вытянувший жребий мог заплатить 400 руб. серебром или представить замену по соглашению.¹⁷¹ Итак, новый закон расширял категории льготников и вводил жеребьевку — на практике призывался 1 из 6 кандидатов. Закон не реализовывался на практике вплоть до начала 1863 г. ввиду отсутствия призывов.¹⁷²

Восстание 1863–1864 гг. и его ближайшие последствия

Руководители заговора планировали одновременное нападение на крепости и гарнизоны, для чего собирались начать организованный сбор людей с 3 (15) января 1863 г. Рекрутский набор, который ожидался 13 (25) января, а начался 3 (15) января, нарушил эти планы.¹⁷³ С губерний Царства предполагалось собрать 8 тыс. чел.¹⁷⁴ Еще в сентябре 1861 г. Ламберт просил императора разрешить отдавать подозрительных лиц в солдаты в счет будущего рекрутского набора, а негодных к службе — ссылать на жительство в отдаленные губернии.¹⁷⁵ Теперь, по предложению Велепольского, набор решили провести по старому закону,

¹⁷¹ ПСЗ. Собрание второе. СПб. 1861. Т. 34. 1859. № 34 203. С. 153–162.

¹⁷² О рекрутском наборе в Польше // Московские ведомости. 20 апреля 1863. № 84. С. 2.

¹⁷³ К истории польского восстания 1863 г. // КА. М.-Л. 1933. Т. 2 (57). С. 137.

¹⁷⁴ Столетие Военного министерства 1802–1902. СПб. 1914. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 3. Кн. 1. Отдел. 2. Комплектование войск с 1855 по 1902 г. С. 57.

¹⁷⁵ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского в 1861 г. С. 297.

что позволяло ввести вместо жеребьевки списки и изъять из края нелояльный элемент. Эта мера, незаконная и непопулярная, лишь ускорила давно готовившееся выступление и послужила формальной причиной для начала восстания. Списки неблагонадежных были поручены полиции, целиком состоявшей из поляков, и эта секретная мера сразу же стала широко известной.¹⁷⁶ В конце 1862 — начале 1863 гг. значительная часть молодежи призывного возраста начала покидать города русской Польши и скапливаться в близлежащих лесах.¹⁷⁷ В целом набор был более тяжелым для городского, чем для крестьянского населения. Изъятию молодежи способствовала и особая льгота — призыву подлежали только холостяки.¹⁷⁸

Обстановка в Царстве накалялась с каждым днем. Бургомистры, уездные начальники, войты гмин стали получать письма от революционного подполья с призывами не оказывать поддержки набору. Наместник распорядился игнорировать их.¹⁷⁹ Войска были разведены на зимние квартиры — примерно по 8–10 солдат на деревню, при ротных дворах оставалось небольшое количество нижних чинов. В основном это были мастеровые.¹⁸⁰ 4 (16) декабря военное положение было временно снято по всей территории Царства.¹⁸¹ Это было удивительное легкомыслие. В войсках ожидали волнений во время набора.¹⁸² В какой-то степени это решение объяснялось влиянием Велепольского, который убеждал не обижать поляков недоверием.¹⁸³ Великий Князь пытался продемонстрировать спокойствие и уверенность. 1 (13) января он собрал пышный новогодний прием в королевском дворце — присутствовало духовенство всех конфессий, сенаторы, члены Государственного совета, представители городов и уездов.¹⁸⁴

2 (15) января в Варшаве началась «бранка» — так там называли набор.¹⁸⁵ Выглядело это следующим образом: заранее были

¹⁷⁶ А. С. «Бранка» (рекрутский набор) в Царстве Польском в 1863 году (рассказ очевидца) // РС. 1897. Том 92. Вып. 10. С. 93.

¹⁷⁷ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 112.

¹⁷⁸ Московские ведомости. 1863. 26 янв. № 21. С. 2.

¹⁷⁹ Московские ведомости. 1863. 12 янв. № 9. С. 3.

¹⁸⁰ Л. Д. Пережитое... // РС. 1907. Том. 131. Вып. 8. С. 337.

¹⁸¹ Истомина В. А. Ук. соч. С. 7.

¹⁸² Потто [В. А.] Походные записки... // ВС. 1867. № 8. С. 101.

¹⁸³ А-ов. К воспоминаниям о Варшавском мятеже 1861–1864 годов // Русский архив (далее — РА). 1886. № 7. С. 350.

¹⁸⁴ Московские ведомости. 1863. 11 янв. № 8. С. 2–3.

¹⁸⁵ А. С. Ук. соч. // РС. 1897. Том 92. Вып. 10. С. 94.

составлены списки и адреса конскриптов, набор проводила полиция при участии армии. Город был разделен на участки, и, поскольку комендантский час начинался в 23.00, набор проводили приблизительно в полночь. Полицейские вместе с солдатами входили в квартиры, будили конскриптов и вели их в полицейские участки, а оттуда партиями по 60–100 чел. под конвоем воинской команды во главе с офицером — в цитадель. Сопrotивления не было, только толпы родственников сопровождали конвоируемых до эспланады цитадели, далее следовать не разрешалось. В крепости набранных вновь разбивали на партии, для отправки по железной дороге в Петербург.¹⁸⁶ Город был тих и безмолвен. Казалось, все было спокойно, однако к вечеру всем стало ясно: набор сорван.¹⁸⁷ Власти при отчете явно пытались выдать желаемое за действительное. Несмотря на очевидное сопротивление «партии беспорядка», они заявили о том, что 3 (15) января рекрутский набор был удачно проведен в Варшаве.¹⁸⁸

По данным Наместника, представленным императору, первые сутки набора дали около 1800 конскриптов, к концу января их было собрано более 2400.¹⁸⁹ Разумеется, не все представленные кандидаты годились для службы в армии. Опубликованные официальные данные дали не столь радужную картину. К концу января рекрутскому присутствию были представлены только 1657 чел., из которых приняты в рекруты всего 559 и оставлены в резерве 149 чел.¹⁹⁰ Впрочем, в любом случае набор был сорван. С октября 1862 г. был замечен резкий рост польской революционной пропаганды. По линии железной дороги она стала проникать в Белосток и Гродно.¹⁹¹ В начале 1863 года наступило затишье. Не было ни выступлений, ни беспорядков.¹⁹²

В это же время, совершенно не скрываясь, масса польской молодежи начала покидать города, уходя в лес. Подготовка к выступлению велась столь активно, что ее невозможно было не заметить. Местная полиция, состоявшая из поляков, не об-

¹⁸⁶ Луганин А. Ук. соч. Варшава. 1889. Ч. 2. 1850–1879 гг. С. 47, 49.

¹⁸⁷ А. С. Ук. соч. // РС. 1897. Том 92. Вып. 10. С. 95–96.

¹⁸⁸ Русский инвалид. 12/24 января 1863 г. № 9. С. 40.

¹⁸⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. Wrocław—Warszawa—Kra-kow—Gdansk. 1974. С. 11.

¹⁹⁰ Московские ведомости. 1863. 26 янв. № 21. С. 2.

¹⁹¹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. М. 1964. С. 476–477.

¹⁹² Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 10. С. 74.

рашала на это внимания.¹⁹³ Вскоре появились слухи о скором выступлении поляков — русские власти получали информацию от местных евреев, но не обращали на нее должного внимания.¹⁹⁴ Русское чиновничество и военные уже привыкли к постоянным проявлениям недовольства и не ждали чего-то особенного.¹⁹⁵ Между тем уже 5 (17) января произошли первые стычки с войсками: отряды повстанцев напали на небольшие конвои с целью освобождения рекрутов.¹⁹⁶ Это вызвало в окружении Наместника и Велепольского явное уныние — они поняли, что поторопились отчитаться об успехах.¹⁹⁷

В полночь с 10 (22) на 11 (23) января 1863 г. на русские гарнизоны в Царстве Польском были совершены одновременные нападения. 12 (24) января Константин Николаевич доложил о случившемся императору первые данные о потерях — 30 убитых и примерно в 3 раза более раненых: «Сделал распоряжение об общем сосредоточении войск. Все Царство объявил на военном положении».¹⁹⁸ Правильнее было бы назвать этот акт восстановлением военного положения в русской Польше.¹⁹⁹ В тот же день был получен ответ Александра II: «Надеюсь на самые энергические меры с твоей стороны и на немедленное наказание виновных. Объявление всего Царства на военном положении одобряю».²⁰⁰

Официальное сообщение гласило: «Революционная партия решилась произвести варфоломеевскую резню в ночь с 10 (22) на 11 (23) января. В полночь, одновременно, были произведены во всех губерниях нападения на разные города и военные отряды, расположенные в деревнях и местечках. Нападая враспloh на спящих солдат, бунтовщики резали их в постели. В деревне, около Седлеца, где солдаты мужественно защищались в занимаемом ими доме, мятежники произвели в доме пожар и сожгли

¹⁹³ Буланцов. Ук. соч. С. 1; Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. Записки Н. В. Берга // РС. 1879. Том 24. Вып. 2. С. 180.

¹⁹⁴ Л. Д. Пережитое... // РС. 1907. Том. 131. Вып. 8. С. 338–339.

¹⁹⁵ Митропольский И. А. Повстанье в Гродне в 1863–1864 году. Из воспоминаний врача // РА. 1895. № 1. С. 130.

¹⁹⁶ Журнал военных действий в Царстве Польском с 6/18 по 13/25 января 1863 года. Б. м. Б. д. С. 1.

¹⁹⁷ А. С. Ук. соч. // РС. 1897. Том 92. Вып. 10. С. 96.

¹⁹⁸ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 6.

¹⁹⁹ Истомин В. А. Ук. соч. С. 7.

²⁰⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 6.

живыми храбрых защитников. Эти свирепства были повсюду тотчас же подавлены войсками, которые нанесли весьма значительный урон бунтовщикам, отраженным на всех пунктах. Во всем царстве объявлено военное положение».²⁰¹

13 (25) января император выступил в Михайловском Манеже в Петербурге перед л.-гв. Измайловским полком, сообщив его офицерам и солдатам о случившемся. Александр II особо отметил: «Но и после сих новых злодейств, я не хочу обвинять в том весь народ польский, но вижу во всех этих грустных событиях работу революционной партии, стремящейся повсюду к ниспровержению законного порядка. Мне известно, что партия эта рассчитывает и на изменников в рядах наших; но они не поколеблют веру мою в преданность своему долгу верной и славной моей армии».²⁰² «При нападении мятежнических шаек, в ночь с 10 на 11 число сего месяца, — гласил приказ Наместника № 17 от 17 (29) января 1863 г., — в разных пунктах Царства Польского на квартиры отдельно расположенных небольших частей, все воинские чины командуемых мною войск, при отражении сего нападения, в темную ночь, исполняли свои обязанности с мужеством, самоотверженностью и непоколебимую стойкостью».²⁰³

Стоявшие на квартирах, рассредоточенные части действительно должны были стать легкой мишенью для вооруженных толп. Однако они оказали серьезное сопротивление. На окраине Плоцка в казарме находились 12 казаков, половина из которых — больные. Фактически это был госпиталь. Толпа из приблизительно 300 мятежников попыталась сжечь его, но наткнулась на меткие выстрелы. Казаки отбивались, пока на помощь не подоспела пехота.²⁰⁴ В местечке Юзефов Люблинской губернии 15 казаков 10-го Донского полка в течение 3 часов отбивались от нападения толпы в 500 чел., потеряв при этом 3 человек убитыми и 3 — ранеными.²⁰⁵ Особенно тяжело пришлось пленным: над ними зверски издевались и убивали. Пленному барабанщику 6-го пехотного Либавского полка нанесли перед смертью 18 ран, отрезали нос, язык и детородный орган. Покалечены были и два других солда-

²⁰¹ Русский инвалид. 15/27 января 1863 г. № 11. С. 50.

²⁰² Там же.

²⁰³ Приказы по войскам в Царстве Польском расположенным // ВС. 1863. № 3. С. 85.

²⁰⁴ Буланцов. Ук. соч. С. 12.

²⁰⁵ Журнал военных действий в Царстве Польском с 13/25 по 18/30 января 1863 года. Б. м. Б. д. С. 5.

та этого полка, попавших в руки мятежников.²⁰⁶ Кроме войск, они нападали и на православные монастыри, подвергая их грабежу, а насельников — издевательствам.²⁰⁷

Всего было 25–26 нападений на войска. Большого успеха повстанцы не имели нигде.²⁰⁸ В результате атак был убит 1 полковник и 28 солдат, тяжело ранены 1 генерал, 1 подполковник, 1 младший офицер и 6 солдат, легкие ранения получили 4 младших офицера и 50 солдат. 92 солдата пропали без вести, мятежники захватили 67 ружей и 2 ранца, оставив в руках солдат 12 убитых, 14 раненых и 242 пленных.²⁰⁹ Всего же в Варшавском и Виленском Военных округах за январь 1863 г. были убиты 54, за февраль — 19 русских солдат и офицеров, умерли от болезней и ран 145 и 136 чел., бежали — 28 и 24 чел. Общие потери вместе с пропавшими за это время составили 406 чел.,²¹⁰ а вместе с без вести пропавшими или попавшими в плен (23 чел. за январь) — 429 чел. Соотношение убитых к строевым равнялось 1 на 1885 чел., умерших — 2,05 на 1 тыс. (за тот же период 1862 г. — 2,13 на 1 тыс. чел.). Абсолютное число заболевших при этом выросло — 4532 чел. за янв.—февр. 1863 г. против 1879 чел. за тот же период 1862 г.²¹¹ Подобный рост легко объясняется увеличением состава округа и активными действиями зимой.

В первой статье о мятеже М. Н. Катков²¹² пророчески предупреждал: «Итак кровь опять льется в семейном споре двух брат-

²⁰⁶ Л. Д. Пережитое... // РС. 1907. Том. 131. Вып. 8. С. 340.

²⁰⁷ Омелянский Л. Нападение повстанцев на Яблочинский православный монастырь в 1862 году // ИВ. Том 52. Вып. 4. С. 157–160.

²⁰⁸ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. // РС. 1879. Том 24. Вып. 2. С. 205.

²⁰⁹ Журнал военных действий в Царстве Польском с 6/18 по 13/25 января 1863 года. Б. м. Б. д. С. 6.

²¹⁰ По поводу событий в Польше // ВС. 1863. № 5. С. 306.

²¹¹ И. Заметка // Русский инвалид. 13 (25) апреля 1863 г. № 80. С. 340.

²¹² Катков Михаил Никифорович (1818–1887), общественный деятель, журналист, родился в семье мелкого канцелярского чиновника, детство и юность прошли в бедности, в 1834–1838 гг. учился в Московском университете, входил в кружки Н. В. Станкевича и В. Г. Белинского, был знаком с А. И. Герценом и М. А. Бакунным, печатался в журналах «Отечественные записки» и «Московский наблюдатель», в 1839–1842 гг. продолжил образование в Берлинском университете. В 1845 г. защитил диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка», после чего преподавал философию в Московском университете. В 1850–1855 гг. заведовал редакцией газеты «Московские ведомости», в 1856 г. стал издателем-редактором умеренно-либерального журнала «Русский вестник», выступая в защиту конституционно-монархи-

ских племен, соединенных под одним скипетром. Наши войска, отдельно расположенные, были повсюду в Царстве атакованы. Их пытались сперва совратить с пути долга, побудить к нарушению присяги; но эти попытки не удались, не смотря на уверение наших заграничных патриотов, и теперь русских солдат убивают в домах, по одиночке. Это безумие объясняется лишь совершенным неведением относительно расположения умов в России. Если бы польские демагоги знали чувствования русского народа, они не дерзнули бы умерщвлять наших солдат, исполнявших свой долг; они не навлекли бы на свою страну неизбежных последствий злодейского пролития братской крови. Польская агитация была в России причиной многих несчастий; она может и у нас считать свои жертвы. Всюду старалась она сеять бессмысленное и бесцельное раздражение и исказить народное чувство. Теперешний взрыв будет иметь для нас последствия грозы, очищающей атмосферу».²¹³

Агитация среди русских войск в Польше действительно велась весьма активно. Распространялись самые разные обращения: в октябре 1861 г. — «Прокламация к солдатам»,²¹⁴ в которой утверждалось: «А чего хочет поляк? Воли! А чего хочет мужик? Воли. Стало они хотят одного и то же — воли. И за что их бить? Неужто нам помнить, что 250 лет тому назад поляки ходили на Россию и чрез 250 лет все им мстить? Да такого глупого человека, который бы в самом деле хотел мстить за то, что было 250 лет назад, у нас в народе и не сыщешь».²¹⁵ Таких людей действительно не было. Очевидно, поэтому солдат уговаривали не соблюдать присягу и не слушать офицеров.²¹⁶ В мае 1862 г. появилась прокламация «Русским войскам в Польше»: «Братья! Время восстания Польши приближается; вас сегодня хотят сде-

ческих принципов государственного устройства, выступал за отмену крепостного права при наделении крестьян землей за выкуп. В 1863 г. возглавил «Московские ведомости», во время восстания 1863 г. выступил с программой удержания Польши «вооруженной рукой», в 1866 г., не оставляя газеты, стал чиновником особых поручений при министре народного просвещения. Во время подъема революционного движения стал склоняться ко все более правым охранительным позициям. После убийства Александра II стал сторонником жесткого курса Александра III, полностью отказавшись от своих старых взглядов.

²¹³ Московские ведомости. 1863. 15 янв. № 11. С. 2.

²¹⁴ Восстание 1863 года. Материалы и документы. М. 1963. Т. 1. Русско-польские революционные связи. С. 361–366.

²¹⁵ Там же. С. 362.

²¹⁶ Там же. С. 365.

лать палачами поляков. Но не будьте ими: если вы и победите поляков, ваши победы покроют вас позором, вам придется краснеть вашей храбрости».²¹⁷

В июне 1862 г. появилось воззвание «Русские офицеры солдатам русских войск в Польше». На этот раз солдат призывали не выполнять присягу уже от лица офицеров и, после восстания поляков, составить «вольные дружины» и поспешить «в Россию на помощь нашим...»²¹⁸ В сентябре того же года анонимные «русские офицеры» обратились к Наместнику через «Колокол». Адрес содержал знакомые утверждения о том, что войска не хотят быть палачами, что обязательно скажется в случае восстания. «Оно не только не остановит поляков, но пристанет к ним, и может быть, никакая сила не удержит его. Офицеры удержать его не в силах и не захотят». Единственным спасением было дать Польше «свободно учредить себя по понятиям и желаниям польского народа», «иначе грозит беда неминуемая».²¹⁹ Очевидно, авторы этих агиток в какой-то момент сами поверили в правдивость собственных призывов.

На самом деле это была ложь. Солдаты были чрезвычайно сильно утомлены как издевательствами со стороны поляков, так и приказами проявлять терпение. Они рвались в бой.²²⁰ Русские войска не стыдились своей храбрости. Они проявили ее не только в не удавшуюся полякам «Варфоломеевскую ночь», участия в которой, кстати, повстанцы не стеснялись. 14 (26) августа 1863 г. разъезд из 25 линейцев и 12 донцов под командой войскового старшины и 4 гусарских офицеров в течение 3 часов отбивалась от отряда из 1000 конных и 400 косинеров. Бой 1 против 40 закончился, когда в строю осталось только 7 человек. 15 тяжело- и 4 легкораненых через три дня были освобождены своими.²²¹ Призывы не мстить братьям после победы над ними ложились на добрую почву. Русские войска так и действовали. В характерной для себя манере они нашли в себе силы увидеть грань между правым и виноватым.²²² Это сказалось и на отношении

²¹⁷ Там же. С. 387.

²¹⁸ Там же. С. 403.

²¹⁹ Там же. С. 442.

²²⁰ Ностиц И. Г. Из воспоминаний о Польском восстании 1863 года. М. 1900. С. 13, 15.

²²¹ Журнал военных действий в Царстве Польском с 18/30 августа по 27 августа / 8 сентября 1863 года. Б. м. Б. д. С. 13–15.

²²² По поводу событий в Польше // ВС. 1863. № 5. С. 304.

к пленным — задержанных крестьян, силой уведенных в отряды повстанцев, отпускали домой.²²³

Поначалу руководство в повстанческих отрядах захватили выпускники школы в Кунео или люди без военного опыта — ксендзы, семинаристы, помещики и т. п.²²⁴ Они пытались организовать свои действия по образцу регулярной армии — сочетая огонь и удар линии пехоты. Не имея ни должного количества оружия и подготовленных кадров, ни времени для обучения своих отрядов и их спайки, они терпели поражение за поражением. Первые же столкновения показали эту закономерность.²²⁵ Один из корреспондентов «Русского инвалида» писал: «Вот как обыкновенно происходит дело: отряд войска встречается инсургентов, положим, от 300 до 500 человек, как это по большей части случалось; численность войск гораздо меньше; отряд обыкновенно состоит из одной или двух рот пехоты и 15–20 казаков. Разумеется, здесь не говорится о тех, впрочем, весьма редких, случаях, когда посылались и более значительные отряды против многочисленных шаек инсургентов. У инсургентов едва 1/10 часть вооружена ружьями, и то охотничьими, которые несут не далее 200 шагов; эта часть выстраивается впереди, сзади их стоят вооруженные косами, а за ними — просто палками и дубинами. Вооруженные огнестрельным оружием начинают перестрелку, но выстрелы цепи, вооруженной штуцерами и открывающей огонь на 600 и 800 шагов, перебьют всех, не допустив их и на расстояние даже 600 шагов; следовательно, первая линия инсургентов будет уничтожена прежде, чем огонь ее может причинить какой-либо вред войску».²²⁶

В случае, если по повстанцам действовала артиллерия, все заканчивалось гораздо быстрее.²²⁷ Из такой ситуации могла выйти только хорошо обученная регулярная армия, но не добровольцы. Неся значительные потери, они быстро разбежались, преследуемые пехотой и кавалерией.²²⁸ Исключением были редкие случаи, когда численный перевес позволял преодолевать огонь русских стрелков.

²²³ Журнал военных действий в Царстве Польском с 13/25 августа по 15/27 августа 1863 года. Б. м. Б. д. С. 4.

²²⁴ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 10. С. 75–76.

²²⁵ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. // РС. 1879. Том 24. Вып. 2. С. 217–218.

²²⁶ Н. Письма из Царства Польского // Русский инвалид. 10 (22) апреля 1863 г. № 77. С. 328.

²²⁷ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. // РС. 1879. Том 24. Вып. 2. С. 242.

²²⁸ Н. Письма из Царства Польского // Русский инвалид. 10 (22) апреля 1863 г. № 77. С. 328.

Однако и наше командование совершило ряд непростительных ошибок: поначалу оно удовлетворялось достигнутыми результатами и не преследовало противника до его полного уничтожения. Войска после быстрых успехов возвращались назад, а «недорубленный лес» вырастал через несколько дней вновь.²²⁹ Поначалу недостатки компенсировались распространением слухов об успехах — о разгроме русских отрядов, захваченных пушках и тому подобной несурризе, которой с явным удовольствием верили в Европе.

Реальными успехами поляков были действия на коммуникациях — нападения на железную дорогу и уничтожение телеграфных линий.²³⁰ Для конвоирования поездов русское командование вынуждено было выделять команды гвардейской пехоты по 40–60 чел.²³¹ В начале мятежа была допущена большая ошибка, свидетельствующая о растерянности в Варшаве, — был отдан приказ оттянуть пограничную стражу поближе к крупным гарнизонам. Часть пограничных разъездов перешла границу — только в Пруссии в первые дни нашли убежище 18 офицеров и 369 нижних чинов. Это привело к захвату ряда пограничных местечек, кроме того, значительная часть границы оказалась на время открытой.²³² Постепенно поляки начали переходить к методам партизанской войны и использовать тактику «бей и беги». Повстанцы передвигались на подводах, терроризировали крестьянское население, расправлялись с представителями власти на местах, атаковали войска только в случае абсолютного превосходства в силах,²³³ устраивали засады на лесных дорогах, иногда — вполне удачные.²³⁴

Так началась самая сложная фаза умиротворения, особенно в лесных районах Царства Польского и на границе с Австрией. Даже для отборных кавалерийских частей это была самая тяжелая форма борьбы.²³⁵ Ее судьба не могла быть быстро решена

²²⁹ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том. 100. Вып. 6. С. 889.

²³⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 13.

²³¹ Маркграфский А. Ук. соч. С. 415.

²³² Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. // РС. 1879. Том 24. Вып. 2. С. 211, 218.

²³³ А.-Д. Г. Двадцать дней в лесу (Рассказ очевидца) // ВС. 1863. № 8. С. 514–515.

²³⁴ Крестовский В. В. История лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. СПб. 1876. С. 303–304.

²³⁵ Елец Ю. Л. История лейб-гвардии Гродненского Гусарского полка 1824–1896. СПб. 1890. Т. 1. 1824–1865 гг. С. 309; История лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. Составлена офицерами полка. СПб. 1876. С. 477–478.

исключительно военными методами. Для успеха партизанской войны решающее значение имела поддержка местного населения, и прежде всего — крестьян. Руководители восстания призвали к восстановлению границ 1772 г. Эта мечта никогда не покидала головы поляков. Расхождения лежали только в методе. Просто «умеренная» партия надеялась добиться этой цели шантажом, а радикальная — оружием.

И социальная, и национальная структура Западного края была чрезвычайно сложной. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях проживали 2,7 млн чел., из них 1,185 млн литовцев (44 %), 0,95 млн русских (по современной классификации — белорусов, 35,2 %), 0,275 млн евреев (10,2 %), 0,22 млн поляков (8,1 %) и 0,07 млн прочих (2,5 %).²³⁶ Самыми распространенными категориями «прочих» были татары, немцы и латыши. Это население распределялось по трем губерниям следующим образом:

	Литовцы	Русские	Евреи	Поляки
Ковенская	785 тыс.	23 тыс.	115 тыс.	30 тыс.
Виленская	397 тыс.	273 тыс.	68 тыс.	106 тыс.
Гродненская	3 тыс.	654 тыс.	92 тыс.	84 тыс. ²³⁷

Таким образом, Ковенская губерния была преимущественно литовской, Гродненская — преимущественно белорусской, Виленская — контактной зоной двух народов с преимущественным белорусским населением в районе Вильно. Еврейское население было преимущественно городским, поляки в основном были представлены привилегированным дворянским сословием. Находясь в абсолютном меньшинстве, они составляли тем не менее 85 % помещиков Виленской, 95 % Гродненской, 78 % Ковенской и 94 % Минской губерний.²³⁸ Между тем дворянство оставалось наиболее прочной социальной опорой мятежа, планируя, в случае его удачи, присоединить эти территории к Польше. Особенно активно еще с осени 1862 г. было минское дворянство, однако большая часть губернии была православной, что в конечном итоге и оп-

²³⁶ Этнографическая заметка о племенном населении губерний: Ковенской, Виленской и Гродненской // ВС. 1863. № 5. С. 319.

²³⁷ Там же. С. 320.

²³⁸ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М. 2005. С. 20–21.

ределило крах мятежников и их надежд присоединиться к Польше.²³⁹ На взгляды и настроения большинства у боровшихся под лозунгом «за нашу и вашу свободу» не принято было обращать особого внимания.

Даже у самых левых представителей движения прочно установился взгляд на белорусские и литовские губернии, как на польское достояние и объект польского культуркампа. «Что такое Западный край? — писал Сераковский.²⁴⁰ — Высший и средний класс в нем представляют поляки или, говоря точнее, литовцы и русины, принявшие добровольно польский язык, польские стремления, одним словом, польскую цивилизацию. Все, что думает об общественных делах, все, что читает и пишет в Западном крае, — все это совершенно польское».²⁴¹ И, хотя соотношение представителей высшего и среднего класса в крае, по мнению Сераковского, к остальным было 1 к 10, это было самое лучшее — даже все разбогатевшие крестьяне и ремесленники стремились полонизироваться.²⁴² Вытравить польское влияние из края, считал польский революционер, невозможно, разве только «...попытаться возбудить резню,

²³⁹ «Готов собою жертвовать...» С. 118.

²⁴⁰ Сераковский Сигизмунд (Зигмунд) Игнатьевич (1826–1863), капитан Генерального штаба, участник восстания 1863–1864 гг. Учился в Императорском Санкт-Петербургском университете, где возглавил революционную организацию Союз литовской молодежи. В 1848 г. был арестован и отправлен рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, в марте 1856 г. произведен в прапорщики и направлен в 7-й батальон Брестского пехотного полка. В 1856 г. возвратился в Петербург, поступил в Военную академию, по окончании которой служил в департаменте Генерального штаба Военного министерства. Занимался военно-уголовной статистикой. В 1858 г. был послан за границу для исследования и обозрения тюрем в Западной Европе. За границей познакомился с Гарибальди, деятелями польской эмиграции, а также с сочинениями Прудона, которые произвели на него большое впечатление. Сотрудничал в журналах «Колокол» и «Современник». В 1859–1860 гг. организовал в Петербурге тайный кружок из офицеров-поляков, служивших в Генеральном штабе. В конце марта 1863 г. взял на службе отпуск за границу на 2 недели и выехал из Санкт-Петербурга в Литву, где стал одним из руководителей восстания. Провозгласил себя воеводой Литовским и Ковенским под именем Доленго. В короткое время собрал крупный отряд из 5 тыс. человек. В апреле 1863 г. отряд был разбит, Сераковский был ранен попал в плен. Приговорен к смерти военно-полевым судом. Казнен в 15 (27) июня 1863 г. в Вильно на Лукишской площади.

²⁴¹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. М. 1963. Т. 1. Русско-польские революционные связи. С. 234.

²⁴² Там же.

jaquerie,²⁴³ попытаться — нельзя ли крестьян, вышедших из крепостной зависимости, поднять против высших и средних классов».²⁴⁴

Намек Сераковского был прозрачен. 21 февраля 1846 г. в Кракове началось польское восстание, лидеры которого провозгласили окончательной целью своего движения восстановление Польши в границах 1772 г., а ближайшей — распространение восстания на австрийскую провинцию Восточная Галиция с центром в Лемберге (совр. Львов, Украина), которую они хотели сделать основной базой. Австрийские власти весьма опасались волнений в Галиции, где значительное и влиятельное положение занимало польское дворянство. Не будучи уверенными в том, что им удастся справиться с восстанием, если оно начнется, австрийцы решили использовать сословно-конфессиональные противоречия, существовавшие в провинции. Крестьянство, преимущественно русинское, православное или униатское, было фактически натравлено на польское и католическое дворянство. В Восточной Галиции начались аграрные беспорядки с четко выраженной этноконфессиональной направленностью. «Хлопы» уничтожали «панов», которые бежали от своих крестьян не только в Краков, но и на русскую территорию, под защиту императорской русской власти.²⁴⁵ Под влиянием этих событий в ряде пограничных русских губерниях также возникло недовольство крепостных своими помещиками, тем более что и здесь они были представлены в основном поляками. Правда, в России до резни шляхты дело не дошло, т. к. правительство пресекло это движение в зародыше.²⁴⁶

С первых же дней восстания польский элемент Западного края попытался поддержать своих соплеменников. Литовский провинциальный комитет обратился к жителям Литвы и Белоруссии со следующим воззванием: «Братья! Королевство восстало. Наши везде бьют москалей. Кровь, которая льется за Неманом, призывает нас к оружию. Ведь и для нас приближается час борьбы с захватчиками за наши священные права, за нашу свободу! Выступим же вместе и дружно, а Бог нам поможет! Боже,

²⁴³ Жакерия — крупнейшее крестьянское восстание во Франции в 1358 году, «война недворян с дворянами». Получило название от презрительной клички крестьян, распространенной у дворянства, — Жак-простак.

²⁴⁴ Там же. С. 235.

²⁴⁵ Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях. М. 1873. С. 105.

²⁴⁶ «Россия под надзором» ... С. 386.

спаси Польшу!»²⁴⁷ Воззвание пользовалось успехом только среди католического духовенства и польских помещиков. Эмиссары восстания в Литве и Белоруссии сразу же получили прозвище «варшавяков».²⁴⁸

14 (26) января 1863 г. Виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову²⁴⁹ были даны права командира отдельного корпуса, таким образом он получил возможность передавать дела взятых с оружием в руках мятежников в военный суд, дела зачинщиков и эмиссаров заграничных центров передавались в военно-полевые суды.²⁵⁰ На следующий день на военное положение были переведены пограничные уезды западных губерний, граничивших с территорией Царства Польского.²⁵¹ В самом Царстве приказом № 11 от 13 (25) января для мятежников, взятых на месте преступления с оружием в руках, вводился

²⁴⁷ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М. 1965. С. 1.

²⁴⁸ Краткий обзор событий в Польше и западных губерниях // ВС. 1863. № 3. С. 228.

²⁴⁹ Назимов Владимир Иванович (1802–1874), государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (1859), член Государственного совета (1861). Из дворянского рода литовского происхождения, с начала XV века перешедшего на русскую службу. Родился в имении отца в Псковской губернии, получил домашнее образование, с 1818 г. — на военной службе, подпрапорщик л.-гв. Преображенского полка. Прапорщик (1821), подпоручик (1823), поручик (1824), штабс-капитан (1828). Принял участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. на Балканском полуострове, участвовал в осаде и взятии Варны. Капитан (1831), полковник (1834), с 1836 г. назначен состоять при Наследнике Цесаревиче. Флигель-адъютант (1838), в 1841 г. — председатель Следственной комиссии в Вильно над злоумышленниками в Западном крае, был удостоен монаршего благоволения, за отличие произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Императорского Величества. Начальник штаба VI Пехотного корпуса (1842–1849), генерал-лейтенант (1849). Попечитель Московского учебного округа (1849–1855), Виленский военный губернатор, гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор, командующий войсками Виленского Военного округа (1855–1863). Покровительствовал польскому элементу Западного края, содействовал подаче помещиками края адреса на имя Александра II об устройстве быта принадлежащих им крестьян, последствием которого был Высочайший рескрипт 1857 года об образовании по губерниям Комитетов для определения новых отношений между помещиками и поселенными на их землях крестьянами. Генерал от инфантерии (1859), член Государственного совета (1861). Скончался в 1874 г. в Петербурге, похоронен в родовом имении Устье Псковского уезда.

²⁵⁰ ПСЗ. Собрание второе. СПб. 1866. Т. 38. 1863. Отделение первое. № 39 161. С. 60–61.

²⁵¹ Там же. № 39 169. С. 67.

сокращенный военно-полевой суд. Это не означало расправы на месте. Право окончательно утверждать и приводить в исполнение смертные приговоры получали военные начальники отделов: Варшавского, Люблинского, Радомского, Калишского, Плоцкого и Августовского.²⁵²

28 января (9 февраля) вышел приказ о направлении в Северо-Западный край 2-й гвардейской пехотной дивизии. Через три дня ее полки выступили в поход. 2 (14) февраля они прибыли в Вильно, где некоторые со страхом, а некоторые с надеждой ожидали прихода повстанцев. В городе ходили слухи о том, что их отряды уже нацелены на него. Настроение умов было «более чем напряженное».²⁵³ В Вильно стоял л.-гв. Финляндский полк, 4-й л.-гв. Императорской фамилии стрелковый батальон, гвардейский казачий полк. Командир финляндцев отдал приказ не обижать обывателей, но и не давать в обиду свой мундир. Всем, включая писарей и музыкантов, было приказано носить на улице тесаки. В Гродно стояли семеновцы и гвардейские уланы. Оскорблять военных стало небезопасно. Прежние забияки присмирели.²⁵⁴ Дневное и ночное патрулирование гвардии и усиленные караулы и конные разъезды быстро успокоили и сторонников, и противников русской власти.²⁵⁵

Мятежники попытались привлечь к себе жителей Западного края. «Временное Правительство Литвы и Белоруссии» издало 20 января (1 февраля) 1863 г. манифест, который имел следующие положения: а) все крестьяне «любой веры» объявлялись свободными, «как потомственная шляхта»; б) «Польское правительство передает помещичьим и государственным крестьянам навечно без выкупа и платежей землю, которой они до сих пор владели, а все законы русского правительства отменяет, *ибо эта земля польская, а не русская* (выделено мной. — А. О.); в) крестьяне, которые будут участвовать в защите этой самой «польской зем-

²⁵² Русский инвалид. 26 января/7 февраля 1863 г. № 21. С. 91.

²⁵³ Гулевич С. История лейб-гвардии Финляндского полка 1806–1906 гг. СПб. 1906. Ч. 3. 1856–1881 гг. С. 40, 42–43.

²⁵⁴ Богданович Е. В. История 4-го лейб-гвардии стрелкового Императорской фамилии батальона. СПб. 1881. С. 78.; Митропольский И. А. Ук. соч. // РА. 1895. № 1. С. 140; Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае (по воспоминаниям генерал-адъютанта Гонецкого) // РА. 1899. № 7. С. 379–380.

²⁵⁵ История лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. С. 476–477; Богданович Е. В. Ук. соч. С. 78–79; Гулевич С. Ук. соч. СПб. 1906. Ч. 3. 1856–1881 гг. С. 44.

ли», получают «не менее 3 моргов²⁵⁶» земли (т. е. всего 1,5 десятины. — А. О.), ставшие таким образом хозяевами земли должны защищать ее от русских; г) если кто-либо не подчинится манифесту, будь это «пан, крестьянин, чиновник» или еще кто-нибудь, «он будет за то предан военному суду».²⁵⁷

Следует отметить, что в нечерноземной полосе, в которой находилась и Белоруссия, и Литва, крестьянский надел по реформе 1861 г. колебался в пределах от 3,75 до 8 десятин.²⁵⁸ Даже советский автор, пытавшийся доказать, что польское движение не было ни шовинистическим, ни дворянским, назвал это предложение «жалким посулом».²⁵⁹ С ноября 1857 г., т. е. после знаменитого рескрипта Назимову, дворянство Северо-Западного края, заявившее о желании улучшить быт крестьян, приступило к массовому изъятию у него земли. Обезземеливание крестьян шло как путем сокращения наделов, так и полной их ликвидации. В среднем, например, по Гродненской губернии крестьянский надел сократился от 14,8 % (Белостокский уезд) до 26,5 % (Жобинский уезд).²⁶⁰ К 1861 г. формально эти изъятые земли считались уже безусловно помещичьими. При наделении крестьян землей в ходе реформы крестьянам в качестве удобной земли навязывались пески и болота.²⁶¹

Если учесть, что большинство чиновников и мировых посредников также были поляками, неудивительно, что сама реформа шла с трудом. До конца 1862 г. в Виленской губернии было под-

²⁵⁶ Морг (от нем. morgen, т. е. утро) — единица измерения площади земли в средневековой Западной Европе и, в частности, в Речи Посполитой, равная приблизительно 0,56 гектара. Первоначально морг означал площадь, которую 1 человек может вспахать или скосить на одной запряженной лошади в течение рабочего дня (то есть с утра до полудня), и ее величина — в зависимости от качества почвы, запряженных лошадей и инструментов в Европе колебалась от 0,33 до 1,07 гектара. Десятина составляла 1,95 новопольского морга.

²⁵⁷ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. С. 3.

²⁵⁸ Корнилов А. А. Ук. соч. С. 227.

²⁵⁹ Смирнов А. Ф. «Мужицкая правда» // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М. 1960. С. 22.

²⁶⁰ Хилота В. А. Обезземеливание помещичьих крестьян Гродненской губернии накануне отмены крепостного права // Регионалистика: сборник научных трудов. Гродно: ГрГУ. 2012. С. 198, 202.

²⁶¹ Улащик Н. Н. О количестве земли, полученной крестьянами Белоруссии и Литвы при отмене крепостного права // История СССР. 1961. № 6. С. 117, 126.

писано всего 9,67 % уставных грамот, в Ковенской — 6,04 %, в Гродненской — 3,81 % и Минской — 0,16 %.²⁶² Земельный вопрос и противоречия между помещиками и крестьянами и, следовательно, между поляками с одной стороны и белорусами и литовцами — с другой, были весьма острыми. В этой ситуации господа революционеры могли бы пообещать крестьянам и побольше, но, очевидно, не решились затронуть даже посулом интересы польского по преимуществу дворянства Западного края.

Фобии и мании не замедлили сказаться на особенностях поведения повстанцев. В частности, предлагая землю крестьянам, они обещали помещикам позже решить проблемы компенсации за нее. Очевидно, желающих получить «польскую землю» в Белоруссии было не столь уж много, и в мае 1863 г. в обращении к белорусам — «сынам Польской Родины» — земельное награждение выросло уже аж до 5 моргов! Разумеется, что сохранилось и следующее, весьма типичное положение: «Всем, кто пойдет в польские войска, навеки дается дворянство».²⁶³ Насколько привлекательным было это обещание, можно судить хотя бы по тому, что на территории Виленского Военного округа рекрутский набор не был сорван. Только лишь в Трокском уезде была попытка отбить рекрутов, но на следующий день они сами явились в уездное присутствие.²⁶⁴

Надо отдать повстанцам должное — они не ограничивались посулами и не церемонились в выборе средств, и их документы буквально пестрели угрозами и призывами к революционному террору. Будем объективны: были и проявления великодушия. В приказе «Польского правительства над всем краем литовским и белорусским», обращенном 11 июня 1863 г. к местным народам, обещалось прощение за то, что они существуют: «...Справедливое польское правительство, принимая во внимание, что москали не учили ни читать, ни писать; 2) что вы сегодня глупые как овцы; 3) что над вами нет еще милосердия Божьего, потому вы отступились от Его истинной веры». Тех же, кто будет упорствовать и сопротивляться свободе, приказ призывал «без лишних слов вести на виселицу!»²⁶⁵ Одной из проблем любого восстания было снабжение — поляки изымали подводы и продовольствие, то же

²⁶² Восстание 1863 года. Материалы и документы. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. IX.

²⁶³ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. ... С. 20.

²⁶⁴ Русский инвалид. 30 января/11 февраля 1863 г. № 24. С. 106.

²⁶⁵ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. ... С. 31.

самое делали и войска, однако, в отличие от повстанцев, они платили за изъятое, что не замедлило сказаться на настроениях не только крестьян, но и помещиков.²⁶⁶

Что касается образования, то стоит отметить, что, когда полякам удалось частично реализовать свои взгляды на «польскую землю», они достаточно убедительно проявили свое отношение к образованию «овец». В 1922–1923 учебном году в захваченной Польшей Западной Белоруссии существовали 32 белорусские начальные школы, в 1938–1939 учебном году при белорусском населении примерно в 2 млн чел. — только 5.²⁶⁷ В реалиях 1863 года, разумеется, не была забыта и церковь. В издаваемой повстанцами «Мужицкой правде», письмах «Ясько-гаспадара из-под Вильно», направленных «да мужиков земли польскай», содержались призывы к расправе над «чиновниками, попами и москалями».²⁶⁸ Разумеется, «униатские ксендзы» не вызывали такого неприятия у «Ясько», и он настоятельно советовал ходить к ним на исповедь.²⁶⁹

Все тем, кому все это не понравится, «гаспадар» в весьма энергичных и доходчивых выражениях, открыто, «по мужицки» обещал расправу: «...По новому польскому манифесту таких вешают, как подлых собак, селения их опустели, дымом пошли их избы, пропало ни за грош добро».²⁷⁰ К этому стоит добавить, что «Ясько» оказался к тому же весьма политически грамотным и не забыл про границу, которая, как известно, должна была помочь: «А французы нас только ждут, но кому же они помогать станут, если у нас будет тихо».²⁷¹ На Францию простой труженик из-под Вильны возлагал особые надежды. Накануне рекрутского набора он объяснял крестьянам, что рекрутов и высокие подати «Москалю» запретили брать французы, после того, как побили русских под Севастополем. За время, прошедшее после 1856 года, народ поумнел, чего «Москаль» допустить не мог и потому снова взялся за наборы.²⁷²

²⁶⁶ А.-Д. Г. Двадцать дней в лесу... // ВС. 1863. № 8. С. 514.

²⁶⁷ Шевченко К. В. «Нас считают то москалями, то большевиками...» Пресса Западной Беларуси о положении белорусов в возрожденной Польше // Родина. 2012. № 7. С. 123.

²⁶⁸ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. ... С. 26.

²⁶⁹ Там же. С. 25.

²⁷⁰ Там же. С. 26.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Восстание 1863 года. Материалы и документы. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. 128.

7 выпусков «правды» и письма «Ясько» составлялись польскими авторами — К. Калиновским,²⁷³ В. Врублевским и Ф. Рожанским, что многое объясняет.²⁷⁴ Не исключением была и «Гуторка старого деда», печатавшаяся в Познани и Париже. В ней рассказывалось о прекрасной жизни в Речи Посполитой до ее разделов, о том, как французы под Севастополем заступились за поляков и принудили русских объявить угнетенным всякие вольности, о том, что только поляки дадут свободу белорусам, и тому подобная демагогия.²⁷⁵ Демагогией было и обращение к «мужикам земли польской» на белорусском языке. Академик Е. Ф. Карский²⁷⁶ дал этому приему следующую оценку: «В начале шестидесятых годов, а может быть и раньше белорусское наречие служило орудием и другого рода литературы, имевшей целью возбуждение простого народа против православной церкви и русских. Как показали затем печальные события, эти брошюры-прокламации не оказали своего действия на белорусов, даже католиков. Происхождения они, несомненно, польского и католического: на это указывает их письмо, тенденция и некоторые другие обстоятельства».²⁷⁷

²⁷³ Викентий Константин Семенович Калиновский (1838–1864), польский революционер, один из руководителей восстания 1863–1864 гг. на территории Литвы и Белоруссии. Активно занимался пропагандой, в воззваниях постоянно подчеркивал польскую принадлежность этих земель, обращаясь к белорусским крестьянам на их родном языке, пытался внедрить в их сознание идеи борьбы с русскими и православием. Повешен 10 (22) марта 1864 г. в Вильно. В советское время был объявлен белорусским национальным деятелем. Работавшие с ним польские революционеры Валерий Антоний Врублевский (1836–1908) и Феликс Рожанский не были записаны в белорусы, так же, как и их коллеги, пытавшиеся спровоцировать на выступление украинских крестьян, не были записаны в украинцы.

²⁷⁴ Смирнов А. Ф. Ук. соч. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М. 1960. С. 11, 21.

²⁷⁵ Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава. 1903. С. 444–446.

²⁷⁶ Карский Евфимий Федорович (1860–1931), русский филолог-славист, палеограф и этнограф, ректор Варшавского университета (1905–1910), академик Петербургской Академии наук (1916). Почетный член Витебской губернской ученой архивной комиссии. Исследователь языка, литературы и культуры белорусского народа, древнерусской палеографии и памятников письменности. Вместе с И. В. Волк-Леоновичем и С. М. Некрашевичем входит в число основоположников современного белорусского языка. Придерживался взглядов, близких к идеологии «западноруссизма».

²⁷⁷ Там же. С. 443.

Подтверждением последней мысли может служить и манифест литовского отдела повстанческого правительства «к духовенству греческого исповедания», датированный 18 апреля 1863 г., Вильно. Он также содержал явно демагогические утверждения, вроде такого: «Свобода совести была искони свойственна польскому правительству и его законодательству... Ныне, когда восприсоединение Литвы и Руси к Царству Польскому неминуемо, накануне освобождения нашего отчества, народное правительство гарантирует всем исповеданиям равенство и свободу пред законом». Это правительство предупреждало, что внимательно следит за всеми, и хотя оно прощает прошлые проступки перед великой Польшей, но за настоящие и будущие ее противников ждет «неизбежная казнь».²⁷⁸

Один из классиков британской военной мысли — Б. Лиддел Харт²⁷⁹ — отмечал: «Партизанская война ведется немногими, но зависит от поддержки многих. Хотя сама по себе она является наиболее индивидуальной формой действия, она может эффективно оперировать и достигать своего конца только тогда, когда она имеет коллективную поддержку симпатий масс».²⁸⁰ О степени влияния польских призывов можно судить по тому, как крестьянство активно помогало властям. Обстановка была такой, что последние поначалу опасались повторения в Западном крае галицийских событий 1846 г.²⁸¹ Официальные сообщения буквально пестрят сообщениями о том, как «местные крестьяне обнаружили совершенную преданность правительству и всеми мерами содействовали войскам в уничтожении мятежнических шаек»

²⁷⁸ Русский инвалид. 19 июня/1 июля 1863 г. № 134. С. 570.

²⁷⁹ Безил Лидделл Харт (1895–1970), выдающийся британский военный историк и теоретик. Родился в семье священника-методиста, окончил школу Св. Павла в Лондоне и Корпус Кристи колледж в Кембридже, участвовал и отличился в I Мировой войне в боях во Фландрии, в 1914–1916 гг. в пехоте, с 1916 г. — в составе Королевского танкового корпуса, после ранения занимался подготовкой новобранцев в Англии (1916–1918). В 1927 г. вышел в отставку по болезни в звании капитана. Военный корреспондент «Дейли Телеграф» (1925–1935) и «Таймс» (1935–1939). В предвоенный период опубликовал ряд работ по римской, византийской и современной военной истории, активно выступал за развитие авиации и бронетанковых сил, входил в ближайшее окружение У. Черчилля. После окончания II Мировой войны издал ряд работ по военной истории гитлеровской Германии, теории партизанской и антипартизанской войны и т. д. В 1966 г. возведен в рыцарское достоинство.

²⁸⁰ Liddel Hart B. H. Strategy. NY. 1967. P. 367.

²⁸¹ Ностиц И. Г. Ук. соч. С. 7.

(Виленский Военный округ)²⁸², так происходило и в Витебской, Минской, Могилевской губерниях.²⁸³

19 февраля (3 марта) у села Турова Мозырского уезда Минской губернии был задержан крестьянами один из руководителей повстанцев Р. Рогинский.²⁸⁴ Пытаясь освободиться, он предлагал крестьянам 5 тыс. рублей серебром — гигантская для целой общины сумма. Крестьяне отказались, заявив, что служат своему Царю-Освободителю. Вместе со своим секретарем Рогинский был передан военным.²⁸⁵ Еще больший подъем последовал после того, как 19 (31) марта 1863 г. император утвердил временные правила «о порядке взноса крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, денежных повинностей и о выдаче оных помещикам в губерниях: виленской, гродненской, ковенской, минской, и в уездах: динабургском, дризенском, люцинском и режицком витебской губернии». Временно-обязанные отношения ликвидировались. Та же самая мера вводилась и для Юго-Западных губерний.²⁸⁶

В апреле 1863 г. в ответ на убийства русских солдат крестьяне Витебской губернии разгромили несколько отрядов повстанцев и около 20 имений.²⁸⁷ В том же месяце крестьяне Слуцкого уезда Минской губернии собрали отряд до 1 тыс. чел. для защиты местечка Тимковичи от поляков, в той же губернии крестьяне самостоятельно выбили мятежников из села Новоселки Игуменского уезда, потеряв при этом 3 человек убитыми и 8 ранеными.²⁸⁸ Знаток местных реалий — М. О. Коялович²⁸⁹ — оценивал про-

²⁸² По поводу событий в Польше. Краткие известия о военных действиях в Варшавском, Виленском и Киевском Военных округах // ВС. 1863. № 6. С. 643.

²⁸³ Там же. С. 649–650.

²⁸⁴ Рогинский Роман (1834–1915), польский революционер, выпускник школы в Кунео. Активный участник восстания 1863 г., комиссар Временного правительства в Подляшском воеводстве, в марте 1863 г. был арестован и сослан в Сибирь, вернулся из ссылки в 1894 г.

²⁸⁵ Русский инвалид. 3/15 марта 1863 г. № 49. С. 212.

²⁸⁶ Русский инвалид. 5/17 апреля 1863 г. № 73. С. 311.

²⁸⁷ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. ... С. 78.

²⁸⁸ Русский инвалид. 2/14 мая 1863 г. № 95. С. 408.

²⁸⁹ Коялович Михаил Осипович (1828–1891), русский историк, крупнейший специалист по истории воссоединения униатов с православием, политический публицист и издатель. Ведущий представитель «западнорусской» исторической школы. Родился в местечке Кузница Гродненской губернии в семье униатского священника, перешедшего в православие. В 1845 г. окончил Супрасльское духовное училище, в 1851 — Литовскую духовную семинарию, в 1855 — Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1855–1856 гг.

исходившее следующим образом: в т. н. «литовских» губерниях «происходила и происходит с незапамятных времен неутомимая народная борьба туземного литовского, белорусского и малороссийского элемента с пришлым элементом польским». ²⁹⁰

В Киевском генерал-губернаторстве поляки также активно готовились к выступлению. Варшавские события нашли отклик в польском обществе и, прежде всего, среди студенческой молодежи. ²⁹¹ В малороссийских губерниях проживало чуть менее 0,5 млн поляков, из них на левом берегу Днепра — 2 527 чел., на правом — 477 691 чел. Основой опорой их движения было поместное дворянство — чуть менее 5 тыс. чел., сосредоточенное по большей части на Правобережной Украине. На левом берегу Днепра поляки составляли 1% помещиков, в то время как на правом берегу эти показатели были в десятки раз больше: в Киевской губернии — 87%, в Подольской — 89%, в Волынской — 93%. ²⁹² Это был весьма активный элемент, что в полную силу продемонстрировал адрес Подольского дворянства. Он вызвал весьма болезненную реакцию у православного населения, в том числе и помещиков. Один из них писал: «Горсть поляков живет между нами: мы вас не трогаем, земля наша вас кормит, — зачем же вы берете на себя еще роль властителей и распорядителей? Не возбуждайте страстей, не возбуждайте воспоминаний, чтобы даже случайно не нарушилось наше гостеприимство и уважение к вашей малочисленности. Не нравится вам жить между нами, — никто вас не держит, уходите, куда и как знаете; возвращайтесь в вашу родину, живите и действуйте, как хотите, мы же не имеем ни малейшего желания принять на себя вновь роль народа завоеванного». ²⁹³ Польские революционеры и не думали идти на уступки. В 1862 г. их организации на Волыни установили прочные контакты с Вар-

преподавал в Рижской и Петербургской духовных семинариях, а с 1856 г. — в Санкт-Петербургской духовной академии. Магистр (1857), доктор (1873) богословия. Ординарный (1873), заслуженный ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии. Умер в Петербурге, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

²⁹⁰ Коялович М. Народное движение в Западной России. // Русский инвалид. 27 апреля/9 мая 1863 г. № 91. С. 392.

²⁹¹ Позанский Б. Воспоминания о польском восстании в Украине. 1863 г. // Киевская старина (далее — КСт.) 1885. № 11. С. 437.

²⁹² Восстание 1863 года. Материалы и документы. Общественно-политическое движение на Украине. Киев. 1963. С. VII.

²⁹³ Постковский Н. Письмо в редакцию «Русского инвалида» малороссийского помещика по поводу адреса подольских дворян // Русский инвалид. 17/29 января 1863 г. № 13. С. 58.

шавой.²⁹⁴ Огромное значение придавалось пропаганде. В Киеве была создана тайная организация «Общество научного пособия польскому народу», которое должно было действовать на Украине. Задачей общества было создание школ для детей чиншевой шляхты, которых затем предполагали использовать в качестве пропагандистов.²⁹⁵ Противоречия между помещиками-консерваторами и либералами-студентами были быстро преодолены. И те, и другие активно вооружались и готовились к выступлению.²⁹⁶ На балах в провинции польское дворянство не скрывало уже своих намерений и подвергало шумному остракизму сторонников умеренности. Студенты и помещики охотно именовались «поручниками» и «капитанами».²⁹⁷

Большое внимание уделялось и печати. Перед восстанием в юго-западных губерниях начали появляться запрещенные письма и призывы, напечатанные во Львове как на польском, так и на украинском языках. Специально для последней цели поддеживался и журнал «Мета», т. е. «цель», который редактировали ориентировавшиеся на поляков местные русины.²⁹⁸ Одним из примеров этой политики было стихотворение П. П. Чубинского²⁹⁹ «Ще

²⁹⁴ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Общественно-политическое движение на Украине. С. 256.

²⁹⁵ Там же. С. 309.

²⁹⁶ Позанский Б. Ук. соч. // КСт. 1885. № 11. С. 437–438.

²⁹⁷ Семенцова Р. Воспоминания-картинки времен польского восстания 1863 г. // КСт. 1894. № 8. С. 257–258.

²⁹⁸ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Следственные показания о восстании 1863 года. Wrocław—Москва. 1965. С. 107–108.

²⁹⁹ Чубинский Павел Платонович (1839–1884), русский этнограф малороссийского происхождения. Родился близ Борисполя, учился во 2-й киевской гимназии, потом в Петербургском университете, где попал под влияние народнической пропаганды. По окончании курса в 1861 г. был выслан в Архангельскую губернию. В 1863 г. поступил на службу в Архангельской губернии и оставался на службе до 1869 г., занимая разные должности: секретаря статистического комитета, редактора губернских ведомостей, чиновника особых поручений при губернаторе и т. д. В Архангельском крае началась и научная деятельность Чубинского, выразившаяся здесь в ряде работ по изучению этнографии и экономического состояния края. Работы Чубинского обратили на него внимание вольного экономического и географического обществ, и в 1867 г. Чубинский, по поручению этих двух обществ, предпринял экскурсию по северу России для изучения хлебной торговли и производительности в бассейне Северной Двины. Во время этой экскурсии Чубинский объехал семь губерний северного края. Материалы, собранные и обработанные им, изданы вольным экономическим и географическим обществами. Чубинский принимал также участие в трудах комиссии по исследованию

не вмерла Украина». Оно было опубликовано в 1863 г., в четвертом номере журнала «Мета». В XX веке оно стало гимном украинских националистов, а в несколько переработанной форме — и гимном Украинской республики. Время и место публикации весьма символично, как, впрочем, символично и явное подражание польскому гимну «Еще Польска не сгинела». Автор призывал поддержать восстание взявших за оружие «братьев»-поляков:

Наші браття Славяне вже за зброю взялись;
Не дінде ніхто, щоб ми по-заду зістались.
Поєднаймося разом всі братчики — Славяне:
Нехай гинуть вороги, най воля настане!³⁰⁰

И все же революционеры понимали свою слабость. С одной стороны, они планировали поднять восстание, опираясь на помещиков. Опираясь на дворянство, они вели подготовку, сбор средств и оружия. В качестве базы была выбрана Восточная

дованию Печорского края. В 1869 г. Чубинскому было предложено взять на себя осуществление задуманной географическим обществом этнографической экспедиции в Юго-Западный край. Район исследований экспедиции, который первоначально предполагалось ограничить тремя губерниями Юго-Западного края, был расширен Чубинским, включившим в него населенные малоруссами части губерний Минской, Гродненской, Бессарабской и Седлецкой. Кроме того, в собрание Чубинского вошли готовые материалы, собранные в разных частях Малороссии другими лицами. Результаты экспедиции были монументальны. В два года составлен был сборник в семь объемистых томов, представляющих собой по богатству и ценности материалов одно из замечательнейших явлений этнографической литературы не только русской. Кроме огромного собрания песен, сборник Чубинского заключает в себе очень богатое собрание сказок, верований, загадок, пословиц и т. д. Целый том (шестой) посвящен юридическим обычаям. Труды экспедиции печатались в Петербурге под наблюдением нескольких членов географического общества, в том числе Н. И. Костомарова. Лучшей оценкой трудов экспедиции является обширная рецензия академика А. Н. Веселовского, на основании которой Чубинскому была присуждена Уваровская премия. Кроме того, труд Чубинского был награжден золотой медалью географического общества и золотой медалью 2-го класса на международном конгрессе в 1875 г. в Париже. После экспедиции в Юго-Западный край Чубинский поселился в Киеве и был секретарем и вице-председателем киевского отдела географического общества. В 1876 г., после закрытия киевского отдела географического общества, переселился в Петербург, где поступил на службу в Министерство путей сообщения.

³⁰⁰ Марчук А. В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М. 2006. С. 69, 115.

Галиция, где располагались многочисленные склады оружия, боеприпасов и одежды. Предполагалось, что русско-австрийскую границу между Збаражем и Берестечком тремя или четырьмя отрядами перейдет группа до 5 тыс. чел. под единым командованием. Сосредоточившись в лесах Вольни, она приступит к партизанским действиям, имея за спиной линию сообщений с Галицией и рассылая отряды в Киевскую и Подольскую губернии.³⁰¹ Большое значение, естественно, придавалось и Западной Галиции с центром в Кракове. Этот город был главным центром польского национального движения. С началом восстания городское население — ремесленники, учащиеся, даже чиновники — стали в массовом порядке переходить русскую границу для участия в действиях против наших войск. Австрийские власти смотрели на это сквозь пальцы.³⁰²

Часть повстанцев — т. н. «хлопоманы» — планировали использовать и социальный фактор — распространять среди крестьян воззвания на украинском, так называемые «золотые грамоты» — т. е. фальшивые манифесты от имени императора о «настоящей воле» и т. п. Особое значение в этой пропаганде имел тот факт, что ее организаторы сознательно предпочитали умалчивать о Польше и польском будущем этих земель.³⁰³ Разговоры о братстве не действовали. Даже на бытовом уровне отношения между украинцами и поляками были пропитаны враждой.³⁰⁴ На левом и особенно правом берегу Днепра, как и в Белоруссии, не было никого более далекого крестьянину, чем польский мятежник, поддерживать которого в борьбе против собственного государства никто не собирался. Уже накануне восстания, понимая его неизбежность, крестьяне едва сдерживались от нападений на поляков.³⁰⁵

Чем более открытой была демонстративная подготовка поляков к выступлению, тем более недружелюбнее и внимательнее к панам были крестьяне. Всем было ясно, что после начала вос-

³⁰¹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Следственные показания о восстании 1863 года. С. 162, 169, 197.

³⁰² Восстание 1863 года. Материалы и документы. Галиция в восстании 1863 года. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1980. С. 19.

³⁰³ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Следственные показания о восстании 1863 года. С. 201–207.

³⁰⁴ Мацевич Л. Поляки и русины (к истории бытовых отношений) // КСт. 1882. № 2. С. 301–302.

³⁰⁵ Позанский Б. Ук. соч. // КСт. 1885. № 11. С. 445.

стания они не будут себя сдерживать.³⁰⁶ Таким же, или, во всяком случае, не менее острым и бдительным, было поведение мещан.³⁰⁷ Ничем хорошим для мятежников это закончиться не могло. Не увенчалась успехом и попытка поляков и русских сторонников революции поднять восстание в Поволжье, используя провокацию — подложный Высочайший манифест.³⁰⁸

«Но как наивны были эти воззвания! — отмечала свидетельница этих событий в Киевской губернии. — Неужели население могло забыть так скоро обращение польских панов со своими крепостными? Хотя жестокие помещики встречались и в коренной России, но там была общность религии, здесь же ничто не связывало, а все восстанавливало, и потому ясно, что народ смотрел на время мятежа, как на минуту отмщения, и нередко по его указанию пана, как мятежника, брали под стражу, сажали в тюрьму. И крестьяне пользовались этими правами с большим усердием».³⁰⁹

Подобного рода фальшивки распространялись поляками и в глубине России — вплоть до Нижегородской губернии. Провокация провалилась.³¹⁰ Попытка призвать к войне против России малороссов также закончилась крахом. Орган Военного министерства сам перепечатывал наиболее одиозные воззвания, как, например, «К братьям русинам», с призывами объединить косы с литвинами и поляками в борьбе против России: «Декретом народного правительства о наделении земель поселян мы приобрели миллионы новых граждан, которые, не смотря на различие веры и языка, на всем пространстве Речи Посполитой, будут пользоваться одними и теми же правами, свободно располагающими их судьбою. Братья русины! Земля ваша, столько веков разделявшая вместе с Речью Посполитой общее состояние, и ныне должна отозваться голосом свободы».³¹¹ Что касается Киевского Военного округа, то тут картина была простой: «местное население, состоящее исключительно из малороссов, питающих особенную ненависть к полякам, принимало самое энергичное

³⁰⁶ Отрывки из записок А. А. Солтыковского // КСт. 1892. № 12. С. 411–413, 416.

³⁰⁷ Семенцова Р. Ук. соч. // КСт. 1894. № 8. С. 258.

³⁰⁸ Отзвуки польского восстания 1863 г. // КА. М. 1923. Т. 4. С. 276–307.

³⁰⁹ Семенцова Р. Ук. соч. // КСт. 1894. № 8. С. 260.

³¹⁰ Кудринский Ф. Дело о подложных манифестах // РА. 1898. № 2. С. 310–313.

³¹¹ Письмо из Царства Польского. Варшава, 8 (20) мая 1863 г. // Русский инва-
лид. 19/31 мая 1863 г. № 109. С. 463.

участие в истреблении мятежнических шаек». ³¹² Местный фольклор весьма разительно отличался от писаний Чубинского:

Вражи ляхи звунтовались
Против русских ся збырались
Машируют пид лисами
Да с пиками и косами
На коньки посядады,
Мов чортынкы, изывалы. ³¹³

Когда восстание началось, крестьяне помогали войскам как могли — ловили одиночек, конвоировали пленных и даже громили крупные отряды мятежников. ³¹⁴ Их остатки поспешили укрыться за австрийской границей. Повезло не всем. ³¹⁵ В деревне Соловьевка Радомышльского уезда Киевской губернии целый отряд польских революционеров-освободителей был полностью перебит крестьянами, действовавшими исключительно топорами и кольями. ³¹⁶ Потери поляков при таких разгромах были велики. ³¹⁷ В украинской песне этого периода пелось:

Быглы, быглы вражи ляхи,
Быглы воны на три шляхи,
А москали на четьре
Ляшквив панкив погубилы. ³¹⁸

Разгром был очевиден каждому. 23 февраля 1863 г. один из участников восстания писал своему другу о том, что вся краковская молодежь погибла, что в отрядах повстанцев царит полный беспорядок, а мужики ловят их и сдают войскам, умоляя при этом сохранять все эти новости в тайне, «ибо здесь патриоты

³¹² По поводу событий в Польше. Краткие известия о военных действиях в Варшавском, Виленском и Киевском Военных округах // ВС. 1863. № 6. С. 650.

³¹³ Малинка А. Польский бунт на Волыни 1864 года // КСт. 1895. № 7–8. С. 27.

³¹⁴ Позанский Б. Ук. соч. // КСт. 1885. № 11. С. 453.

³¹⁵ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Следственные показания о восстании 1863 года. С. 203.

³¹⁶ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 25. Вып. 7. С. 555.

³¹⁷ Позанский Б. Ук. соч. // КСт. 1885. № 12. С. 589.

³¹⁸ Малинка А. Ук. соч. // КСт. 1895. № 7–8. С. 28.

за истинную правду осуждают на смерть».³¹⁹ Неудачи пытались компенсировать известиями о несуществующих успехах. «Вести из Польши чрезвычайно печальны. — Гласило другое письмо повстанца от 25 марта. — Все, что в газетах пишут — совершенная ложь. Пушек инсургенты никаких не имеют; мужиков-крестьян в лагере нет и они действуют совершенно заодно с русским правительством».³²⁰ Уже в мае все было ясно: два предводителя крупнейших отрядов были убиты, один попал в плен.³²¹ Волынский военный губернатор князь М. Друцкой-Соколинской докладывал: «Так польская пропаганда дерзнула поднять оружие и на Волыни, где господствует коренное — русское, православное население. За то везде, где только поднимали головы мятежники, — как то в уездах: Житомирском, Новоградволыньском, Заславском, Острогском и Овручском — они встречали первый отпор со стороны сельского населения, — населения мирного, но крепкого благодарностью Царю-Освободителю и преданностью своему правительству. Презирая опасности, они хватали десятками вооруженных повстанцев и представляли их начальству». Всего таким образом было захвачено более 500 пленных.³²²

С конца весны в Галицию в поисках убежища потянулись остатки разгромленных банд. Их пытались переформировывать и снова бросать в бой, но каждый раз неудачно. Импровизированные отряды держались несколько дней. Начиная с июня 1863 г. подобного рода вылазки стали все более редкими, а число беженцев постоянно росло.³²³ Последний раз поляки предприняли попытки крупного вторжения в Волынь в октябре 1863 года — банды от 300 до 800 и даже до 2 тыс. чел. попытались перейти границу, но повсюду были быстро разгромлены и отброшены назад, оставив за собой массу брошенного оружия, трупов и пленных. До 500 чел. было обезоружено при возвращении на австрийскую территорию местными властями.³²⁴

Провалом в целом закончились и попытки повстанцев сорвать сбор податей в Северо-Западном и Юго-Западном крае. Опираясь на развитую сеть информаторов среди ксендзов и чиновников

³¹⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Галиция в восстании 1863 года. С. 29.

³²⁰ Там же. С. 47.

³²¹ Русский инвалид. 4/16 мая 1863 г. № 97. С. 416.

³²² Московские ведомости. 12 июня 1863 г. № 127. С. 1.

³²³ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Галиция в восстании 1863 года. С. XXVI–XXVII.

³²⁴ Русский инвалид. 27 октября/8 ноября 1863 г. № 237. С. 1000.

польского происхождения, они сумели добиться ряда успехов, перехватывая собранные для правительства деньги.³²⁵ Но в целом с 1 (13) января по 1 (13) мая 1863 г. поступления в казну из Гродненской, Ковенской, Могилевской, Минской, Виленской, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской губерний превысили такой же показатель 1862 г. на 894 тыс. руб. При этом в ряде губерний были сокращения поступлений, например в Гродненской — на 62 тыс. руб. (при уровне 1862 г. в 451 144 руб. 80 коп.), Ковенской — на 318 тыс. руб. (при уровне 1862 г. в 1 050 592 руб. 06 коп.), Могилевской — на 67 тыс. руб. (при уровне 1862 г. в 305 080 руб.). Остальные губернии дали прирост — от 57 тыс. в Волынской до 544 тыс. в Киевской.³²⁶

Следует отметить, что и в Варшавском Военном округе повстанцы, в основном представленные горожанами и дворянством, не пользовались поддержкой крестьян. Это сословие в большинстве своем было союзником правительства.³²⁷ Последнее не удивительно, если вспомнить о том, что положение польского крестьянина было чрезвычайно тяжелым и он имел все основания к неприязни по отношению к своим господам, ставшим революционерами. В Царстве Польском практически сразу же после его образования непрерывно шел процесс обезземеливания крестьян. Ко второй половине 40-х гг. XIX в. таковых насчитывалось от 30 до 40 % всего населения. С 1846 по 1859 гг. число крестьянских хозяйств с наделом свыше 5 моргов на семью сократилось на 5 %, а до 3 моргов — на 65 %. В пользовании крестьян к началу 60-х находилось 6,2 млн моргов — 27,9 % земель Царства. Число безземельных и малоземельных крестьян (с наделом от 1,9 до 3,1 морга в среднем на семью) составило 528 631 чел., а вместе с членами семей — 1 178 807 чел.³²⁸

Увеличение численности армии ставило весьма сложную задачу перед генерал-провиантмейстером. Лето 1863 г. было засушливым, урожай зерновых и фуража незначительным. Тем не менее благодаря хорошим закупочным ценам удалось обеспечить к концу года 4-месячные запасы хлеба на 400 тыс. чел., к сожалению, положение с овсом и сеном было сложнее — пришлось

³²⁵ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 11. С. 420.

³²⁶ Бюджет предвидимых и непредвидимых расходов на 1863 г. // Русский инвалид. 1/13 июня 1863 г. № 119. С. 502.

³²⁷ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3. С. 134.

³²⁸ Костюшко И. И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М. 1962. С. 23, 25, 38.

решать за счет поставок из Динабурга.³²⁹ Отчеты армии пестрят сообщениями о том, как крестьяне выдали 59 мятежников солдатам, как захватывали и выдавали подозрительных лиц. В деревне Клут близ Конске для борьбы с такими лицами собралось свыше 3 тыс. крестьян. Выступления против помещиков начали приобретать столь масштабный характер, что это стало пугать власти.³³⁰ Это неудивительно: местные помещики весьма постоянно злоупотребляли своими правами в отношении крестьян.³³¹ «Крестьяне так были ожесточены против повстанцев, — вспоминал один из них, — что при первом удобном случае вооружались чем попало, вязали их и связанных приводили прямо в города».³³² В январе 1863 г. были случаи выдачи не просто рядовых мятежников, но и возмутителей-ксендзов.³³³

Настроения были таковы, что русские власти поначалу даже предупредили местное население о нежелательности слишком суровых расправ с мятежниками. Это было ошибкой.³³⁴ Русский административный аппарат был немногочислен и в основном сформирован из местных уроженцев. Это объясняет, каким образом повстанцы легко истребили власть вне городов.³³⁵ Константин Николаевич с явным опозданием понял значение террора мятежников и его последствия. «Зверство их, особенно с крестьянами, — докладывал он императору 2 (14) мая, — превосходят всякое воображение! Они их вешают и режут беспощадно, даже жен и детей. Чрез это крестьяне совершенно терроризированы... От всеобщего терроризма происходит также и всеобщая безнаказанность».³³⁶ Повстанцы действительно беспощадно расправлялись с освобождаемым ими народом. В ответ на поддержку русских военных польских крестьян и крестьянок вешали, иногда по 2 и по 4 вместе, связывая в «братском» объятии. Были

³²⁹ Зайцов П. Довольствие войск в Варшавском военном округе в 1863 и 1864 годах. // ВС. 1864. № 10. С. 358–360.

³³⁰ Журнал военных действий в Царстве Польском с 29 января/10 февраля до 2/14 февраля 1863 года. Б. м. Б. д. С. 7–8; Журнал военных действий в Царстве Польском с 21 февраля/5 марта по 1/13 марта 1863 года. Б. м. Б. д. С. 14.

³³¹ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 49. Вып. 9. С. 584.

³³² Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 10. С. 77.

³³³ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 18.

³³⁴ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том. 100. Вып. 6. С. 878.

³³⁵ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3. С. 134.

³³⁶ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 18.

и случаи расправ с детьми.³³⁷ Карательные акции осуществляли т. н. «жандармы-вешатели»: «Эти господа, переезжая в пределах своего района с места на место, поддерживали в жителях революционный жар веревкой и пулей».³³⁸

Как правило, это были наиболее религиозные и наиболее беспощадные кадры мятежников, совершавшие весьма жестокие убийства.³³⁹ «Поляку, воспитанному в иезуитской школе, — вспоминал очевидец этих событий, — ничего не значило содрать кожу с живого человека, даже брата-поляка, вонзить кинжал в сердце мирного гражданина, отца семейства, или отравить его ядом. Ксендзу, служителю алтаря Господня, проповедующему с кафедры о человеколюбивом учении Христа, ничего не значило самому убить какую-нибудь беспомощную женщину в глазах ее детей, повесить беззащитного старца или отравить не вменящего их богопротивному учению».³⁴⁰ Террор, развязанный революционерами, и мягкость правительства вызвали колебания — крестьянство в Польше начало склоняться в сторону «настоящей», то есть сильной власти.³⁴¹ Были случаи, когда крестьяне и старосты умоляли русских офицеров не разговаривать с ними, «потому что их за это повесят».³⁴² При такой манере действий повстанцы имели больше оснований надеяться на помощь извне, чем на поддержку самого многочисленного сословия — крестьянства.

«Белиберда и галиматья в здешних умах, и, в особенности, в так называемой умеренной партии — полная. — Докладывал своему брату Великий Князь Константин 22 февраля (6 марта). — С ними толком рассуждать невозможно, такую они несут чепуху. Надежды их на Европу огромны».³⁴³ Уже зимой 1863 года мятежники ожидали прихода французов, в отрядах ходили слухи о том, что они уже высаживаются на побережье Ковенской губернии и лишь выжидают весны, чтобы избежать повторения

³³⁷ Дополнения к журналу военных действий в Царстве Польском с 17 по 25 апреля 1863 года. Б. м. Б. д. С. 5–6.

³³⁸ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3. С. 136.

³³⁹ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 11. С. 422.

³⁴⁰ Буланцов. Ук. соч. С. 14.

³⁴¹ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том 100. Вып. 6. С. 878.

³⁴² Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 25. Вып. 5. С. 65.

³⁴³ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь-август 1863 г. С. 114.

1812 года. Кто-то даже уже видел французскую конницу у Буга.³⁴⁴ В Гродно среди поляков внезапно разнесся слух о том, что французы высадили десант в Петербурге. Радости не было пределов. Потом выяснилось, что ничего подобного не произошло, но вот-вот совершится. Польская колония ждала, «и каждый день сообщался точный наступательный маршрут французского флота».³⁴⁵ Десанта, конечно, не было, но ожидания вмешательства с Запада были не беспочвенны. Общественное мнение Англии и Франции, а вслед за ним и правительства этих государств заняли откровенно антирусскую позицию, австрийская Галиция превратилась в базу для польских отрядов. Особенную активность развил папский престол. В краковских костелах публично освящались знамена повстанцев.³⁴⁶

Католическая церковь в Польше активно участвовала в восстании, папа Пий IX³⁴⁷ публично крайне жестко осуждал ответные репрессивные действия русских властей, упрекая их в преследовании католицизма. В 1863 г. Ватикан начал процесс канонизации Иосафата Кунцевича³⁴⁸ — епископа Полоцкого и Витебского, который прославился своими изуверскими преследованиями православной церкви в XVII веке и был убит в 1623 г. отчаявшимися жителями гор. Витебска. Интересно, что Ватикан не был столь внимателен к судьбам своей паствы в Ирландии, $\frac{3}{4}$ населения которой исповедовало католицизм. Между тем вплоть до 1869 г. там существовала ирландская англиканская церковь и действовали официальные ограничения в отношении католической.³⁴⁹

Католики преследовались и в имущественных отношениях — уже в 1776 г. им принадлежало только 5 % всех земель в Ирлан-

³⁴⁴ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 10. С. 76.

³⁴⁵ Митропольский И. А. Ук. соч. // РА. 1895. № 1. С. 133.

³⁴⁶ Русский инвалид. 6/18 февраля 1863 г. № 30. С. 152.

³⁴⁷ Пий IX (1792–1878), занимал папский престол с 1846 г.

³⁴⁸ Кунцевич Иосафат (1580–1623), полоцкий римско-католический архиепископ, канонизирован в 1865 г. Отношение Ватикана к народам, исповедующим православие, очевидно. В 1998 г., во время войны в Югославии Иоанн-Павел II начал процесс канонизации другого изувера — хорватского кардинала Алоиза Степинаца, благословившего геноцид сербов, хорватских карателей, зверствовавших, в частности, и на территории СССР — в Белоруссии, на Украине и под Ленинградом. После окончания войны Степинац был осужден как фашистский преступник, и в 1960 г. умер в Ватикане. Выбор святого-фашиста, сделанный польским папой, в 2006 г. был поддержан его немецким преемником Бенедиктом XVI.

³⁴⁹ Альконост. Современная политика Великих Держав // Морской сборник (далее — МС). 1915. № 1. С. 62.

дии.³⁵⁰ Дворянское землевладение было полностью протестантским, католики вынуждены были арендовать землю на весьма жестких условиях. Все сказалось во времена «великого голода». Во второй половине 40-х гг. XIX в., а именно в 1845-м, 1846-м и особенно в 1848 г., неурожаем картофеля и жесточайшее английское, т. е. не католическое, управление Ирландией привели к катастрофе, от голода погибло около 1 млн чел., а покинуть «зеленый остров» в промежутки между 1845 и 1855 гг. вынуждены были около 2 млн чел. Точное количество жертв трудно поддается исчислению (о размерах катастрофы можно судить по следующим цифрам: население Ирландии в 1801 г. — 5,22 млн; в 1831 г. — 7,77 млн; в 1851 г. — 6,51 млн чел.³⁵¹). Протестов со стороны Ватикана тогда не последовало. А в 1863 г. дипломатические отношения Ватикана и России были фактически разорваны, а бестактные выходки папы, заявившего, что поляки защищают католицизм от ереси и преследуются за верность «религии Иисуса Христа», привели и к формальному разрыву отношений в конце 1865 г.³⁵² В 1866 г. в Ирландии также началось восстание, которое, конечно, не вызвало такого же внимания со стороны Ватикана, как Польша тремя годами ранее.³⁵³

Партия «отеля Ламберт», традиционно рассматривавшая Кавказ как уязвимую точку на карте России, осложнения в которой могут способствовать достижению задач польского революционного движения, с 1861 г. заметно активизировала свои усилия по поддержке черкесской эмиграции в Константинополе, Париже и Лондоне, надеясь привлечь общественное мнение этих стран и, в первую очередь, Англии к плану организации «войны народов» против России. С января 1863 г. они начали готовить провокации, подобные делу «Виксена». Парижский польский комитет планировал послать суда с оружием к берегам Балтики. На эти цели было собрано около 700 тыс. франков, и при организационной поддержке лондонского комитета был зафрахтован пароход «Уорд Джексон», на который было погружено 600 бочонков с порохом, 3 нарезных орудия, 1200 карабинов, 2000 сабель и 300 добровольцев.³⁵⁴

³⁵⁰ Lieven D. *Empire. The Russian Empire and its rivals*. Yale University Press. 2001. P. 274.

³⁵¹ Morgan K. *The Oxford illustrated history of Britain*. Oxford-NY. 1996. P. 425, 451.

³⁵² Татищев С. С. Ук. соч. М. 1996. Т. 1. С. 593–594.

³⁵³ Альконост. Ук. соч. // МС. 1915. № 1. С. 62.

³⁵⁴ «Россия под надзором...» С. 610–611.

23 марта судно вышло из Лондона и через пять дней прибыло в Копенгаген. Здесь у «экспедиционеров» начались проблемы. Капитан парохода, узнав о цели экспедиции, оставил корабль, а вслед за ним последовала большая часть команды. Добровольцы с трудом перевели «Джексон» в Швецию, где на него был наложен секвестр. Шведские власти конфисковали оружие, а пароход позже вернули владельцу. Позже было предпринято еще две попытки подобного рода на Балтике, но все они заканчивались приблизительно так же.³⁵⁵ Некоторые добровольцы добирались до Польши — в результате иногда в плен попадали итальянцы и французы в расшитых золотом куртках и бурнусах.³⁵⁶

Вслед за этим центр внимания был перенесен на Черное море. В Ньюкасле для перевозки оружия к берегам Кавказа была куплена шхуна «Чезапик». Общие расходы на операцию составили 125 тыс. франков, из которых поляки выделили 15 тыс., остальное было получено от сочувствующей планам общественности, прежде всего — британской. Летом 1863 г. «Чезапик» достиг Константинополя, на борту имелось оружие и обмундирование на 150 человек и небольшой отряд из 6 поляков, 4 турок, 4 черкесов и 2 французских офицеров. Предполагалось, что этот отряд станет организационным ядром для создания специального легиона из поляков, захваченных в плен горцами и русскими дезертиров. Протесты русского посольства заставили турецкие таможенные власти обратить внимание на шхуну только в Трапезунде, где ее груз был перегружен на баркас, достигший в сентябре 1863 г. небольшой бухты, контролируемой убыхами — одним из черкесских племен. Никакой поддержки у горцев провокация не получила, скорее наоборот, они были разочарованы малочисленностью отряда.³⁵⁷ Война на Кавказе уверенно шла к неизбежному концу. На территориях за Кубанью уже к концу 1861 г. было расселено 1763 семейства в 11 новых станицах. В августе 1863 г. сложили оружие абадзехи, а 21 мая 1864 г. — шапсуги и убыхи. Кавказская война закончилась. Уже с 1862 г. началось массовое выселение непокорных племен, некоторые выселялись за 2–3 дня. Это были трагические события. Около полумилли-

³⁵⁵ М. А. Бакунин по отчетам III отделения // КА. М. 1923. Т. 3. С. 201–205.; М. Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson» // КА. М. 1925. Т. 7. С. 108–145.

³⁵⁶ Потто [В. А.] Походные записки... // ВС. 1868. № 2. С. 141.

³⁵⁷ Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ. 1992. С. 214–215, 220, 222, 224.

она человек покинули свои земли, отправляясь морем в Турцию. С 1861 по 1866 гг. на оставленных территориях было размещено 14 396 семей в 111 новых станицах.³⁵⁸ Соппротивление горцев было уже сломлено. После этого французским дипломатам в Турции оставалось только жалеть о том, что шансы на диверсию на Кавказе были утеряны.³⁵⁹

Наиболее близкую России позицию заняла Пруссия. Берлин никак не устраивала перспектива восстановления польского государства, т. к. следующим его шагом мог бы стать союз с Францией для борьбы за Силезию и Померанию. Уже 29 января 1863 г. королем был подписан указ о концентрации на русской границе I, II, V и VI Армейских корпусов и о призыве в них резервистов.³⁶⁰ Это делалось для того, чтобы укрепить контроль над территорией, прилегающей к Царству Польскому, по всей линии от Восточной Пруссии до Силезии, для координации действий в штаб Варшавского Военного округа был направлен капитан фон Верди дю Вернуа.³⁶¹ Прусские власти удвоили военные патрули в Познани, перевели на границу конную жандармерию, усилили ее патрулирование.³⁶² Добровольцы из Силезии просачивались ранее в русскую Польшу. Имевшие опыт службы в прусской армии поляки и выходцы из Европы отличались гораздо более высоким уровнем боеспособности, чем выходцы из района Варшавы.³⁶³

Между тем возможность для интернационализации кризиса возникла там, где ее меньше всего ждали. В ходе боевых действий против мятежников один из небольших русских отрядов был прижат к прусской границе и вынужден был перейти ее. Местные власти не разоружили русских солдат, но перевезли их в удобный для перехода назад пограничный пункт. Этот

³⁵⁸ Официальный отдел. По наделу землями в Кубанской области, взамен земель, занимаемых новыми станицами // ВС. 1862. № 11. С. 267–270; Гейнс К. Шехский отряд. С октября 1862 по ноябрь 1864 г. (Материалы к истории покорения западного Кавказа) // ВС. 1866. №. С. 4, 6; ВС. 1866. № 2. С. 216–218; ВС. 1866. № 5. С. 39; Венюков М. И. К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 гг. // РС. 1878. Том 22. Вып. 6. С. 249–251; Берже А. Выселение горцев с Кавказа // РС. 1882. Том 33. Вып. 1. С. 161–167.

³⁵⁹ Берже А. Выселение горцев с Кавказа // РС. 1882. Том 33. Вып. 2. С. 345.

³⁶⁰ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 123.

³⁶¹ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том 100. Вып. 6. С. 873–874.

³⁶² Московские ведомости. 1863. 27 янв. № 22. С. 2.

³⁶³ А.-Д. Г. Двадцать дней в лесу... // ВС. 1863. № 8. С. 516.

случай стал отправной точкой для последующей координации действий против польских повстанцев.³⁶⁴ Вильгельм I отправил в Россию своего генерал-адъютанта Густава фон Альвенслебена.³⁶⁵ Целью этой поездки было заключение русско-прусского соглашения. 2 февраля 1863 г. Бисмарк обратился к Горчакову с письмом: «Рекомендую Вам Альвенслебена, как посредника столь же надежного, как и скупого на слова. Мы очень желали бы, чтобы относительно всякого польского восстания, как и в отношении всякой опасности из-за границы оправдались слова, сказанные императором Гольцу,³⁶⁶ что Россия и Пруссия так солидарно выступают против общей опасности, как будто они составляют одну страну».³⁶⁷ Поездка генерала несколько задержалась: в районе пограничной станции Вержболово был поврежден железнодорожный путь.³⁶⁸

27 января (8 февраля) 1863 г. Россия и Пруссия заключили в Петербурге т. н. «конвенцию Альвенслебена», позволявшую в случае необходимости войскам обоих государств переход границы.³⁶⁹ Кроме того, секретной статьёй предполагалось наладить обмен информацией о «политических происках как в отношении королевства Польского, так и Великого герцогства Познаньского».³⁷⁰ Бисмарк самым серьезным образом относился к опасности ухода России из Польши и открыто говорил, что в этом случае Пруссия будет вынуждена оккупировать «конгрессовую Польшу».³⁷¹ Ослабление России было, конечно, нежелательным для Берлина. Что касается отношения к полякам, то Бисмарк сформулировал его предельно ясно еще в 1861 г.: «Я полон сочувствия к полякам, но если мы хотим существовать, нам не остается ничего другого, как их искоренить; волк не виноват в том, что Господь создал

³⁶⁴ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 134.

³⁶⁵ Густав фон Альвенслебен (1803–1881) — генерал от инфантерии (1868), на военной службе с 1821 г., в 1861 г. получил звание генерал-майора и стал генерал-адъютантом короля Пруссии Вильгельма I. Во время австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870–1871 гг. успешно командовал IV Армейским корпусом.

³⁶⁶ Роберт-Генрих-Людвиг фон дер Гольц (1817–1869), прусский дипломат, граф. Посланник в Греции (1857–1859), в Турции (1859–1862), в России (1862–1863), во Франции (1863–1867).

³⁶⁷ Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову // КА. М. 1933. Т. 6 (61). С. 13.

³⁶⁸ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том 100. Вып. 6. С. 875.

³⁶⁹ Нольде Б. Э. Внешняя политика. Исторические очерки. Пгр. 1915. С. 183.

³⁷⁰ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 134.

³⁷¹ Там же. С. 134–135, 141.

его таким, каков он есть, но мы все же стараемся его застрелить, когда можем».³⁷²

Русские войска как минимум еще раз — 13 (25) апреля — воспользовались правом перейти Прусскую границу (в районе Пиотрокова).³⁷³ Важнее было другое — они всегда встречали у местных прусских властей полную поддержку и уважительное отношение.³⁷⁴ Как отмечалось в официальном докладе, «поведение и дисциплина русских войск не оставляла желать ничего лучшего».³⁷⁵ Гораздо хуже складывалась обстановка на стыке Царства Польского с Галицией. Через нее постоянно шел поток оружия и добровольцев.³⁷⁶ Среди них были и ушедшие в отпуска офицеры австрийской армии, многие из них позже были захвачены в плен.³⁷⁷ 20 марта (1 апреля), преследуя отряд повстанцев, казаки перешли австрийскую границу. Беглецы смешались с патрулем австрийского 20-го линейного полка, в результате столкновения один австрийский солдат был убит, остальные обезоружены и вместе с захваченными повстанцами отведены на русскую территорию, где все окончательно выяснилось.³⁷⁸ Учитывая тот факт, что Галиция с поущения австрийских властей активно использовалась повстанцами, это было неудивительно. Разумеется, австрийцам было возвращено оружие и принесены извинения, командовавший казаками офицер получил выговор.³⁷⁹ Это был весьма опасный инцидент.

Факт русско-прусского соглашения был использован, по разным причинам, рядом европейских государств, дипломатия которых заявляла о состоявшейся после «конвенции Альвенслебена» интернационализации конфликта. Реакция общественности

³⁷² Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе 1848–1918. М. 1958. С. 166.

³⁷³ Журнал военных действий в Царстве Польском с 17/29 апреля по 25 апреля / 7 мая 1863 года. Б. м. Б. д. С. 6–7; Московские ведомости. 26 апреля 1863. № 89. С. 2.

³⁷⁴ Русский инвалид. 21 апреля/5 мая 1863 г. № 86. С. 368.

³⁷⁵ Извлечение из донесения прусской службы 1-го Померанского уланского полка майор Шмидта, о переходе в прусские владения двух русских рот, под командою майор Нелидова // Русский инвалид. 24 апреля/6 мая 1863 г. № 88. С. 378.

³⁷⁶ Русский инвалид. 6/18 февраля 1863 г. № 30. С. 152.

³⁷⁷ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 25. Вып. 5. С. 72.

³⁷⁸ Приказ по войскам, в Царстве Польском расположенным // ВС. 1863. № 7. С. 25.

³⁷⁹ Там же. С. 26.

Англии и Франции на русско-прусскую конвенцию была весьма острой — поползли слухи о готовящейся ноте протеста, которую Лондон и Париж готовились направить Берлину против вмешательства Пруссии в польские дела.³⁸⁰ Протест был направлен, но в Петербург. 2 марта 1863 г. с нотой в защиту повстанцев выступила Великобритания. В английской прессе печатались бесконечные публикации в пользу поляков. В апреле 1863 г. с особым исследованием русско-польских отношений выступил лорд Солсбери³⁸¹. Оно заканчивалось категорическим выводом: требовалось восстановление положений 1815 г. при посредничестве европейских держав, которое они «к счастью хотят и имеют право предложить».³⁸² Как показали дальнейшие события, Лондон был не слишком обеспокоен судьбой поляков, но хотел использовать ситуацию для срыва русско-французского внешнеполитического диалога и немало преуспел в этих планах.

Для того, чтобы предоставить мятежникам возможность возвратиться к мирной жизни и продемонстрировать Парижу, Лондону и Вене свою готовность к мирному решению кризиса, 31 марта (12 апреля) 1863 г. Александр II подписал манифест «О Все милостивейшем даровании полного и совершенного прощения тем из вовлеченных в мятеж в Царстве Польском, которые, не подлежа ответственности за иные уголовные или по службе в рядах войск преступления, сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения до 1/13 мая 1863 года».³⁸³ В тот же день он написал брату в Варшаву: «Дай Бог, чтобы амнистия произвела то действие, которое мы от нее ожидаем. Затишье мятежа, хотя, может быть, и временное, я счел удобною для сего минутою. Посмотрим, что будет далее. Но я остаюсь при моем прежнем убеждении, что радикальной перемены мы не достигнем, пока политика Франции и Англии не разъяснится. На днях мы должны получить их кол-

³⁸⁰ Московские ведомости. 1863. 13 февр. № 33. С. 2.

³⁸¹ Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил (1830–1903), 3-й маркиз Солсбери (1868), британский государственный деятель и дипломат. Член палаты общин с 1853 г., член палаты лордов с 1868 г. Министр по делам Индии в 1866–1868 и 1874–1878 гг. Участвовал в Константинопольской конференции послов в 1876–1877 г., министр иностранных дел в 1878–1880 гг. и 1895–1900 гг., принял активное участие в подготовке и работе Берлинского конгресса, с 1881 г. лидер консерваторов, премьер-министр в 1885–1886, 1886–1902, 1895–1900 гг.

³⁸² Essays by the late Marquess of Salisbury. Foreign politics. Lnd. 1905. P. 60.

³⁸³ ПСЗ. Собрание второе. СПб. 1866. Т. 38. 1863. Отделение первое. № 39 443. С. 290–291.

лективные ноты, на которые амнистия будет лучшим ответом. Остальное в руке Божией, и уповаю на Его милость, что Он нас не оставит».³⁸⁴

В обращении император попытался убедить своих мятежных подданных в бесперспективности их борьбы: «Все эти проявления другого времени, над которым история уже давно произнесла свой приговор, не соответствуют более духу нашей эпохи. Настоящее поколение должно иметь целью не потоками крови, но путем мирного развития доставить благоденствие стране».³⁸⁵ Александр II, судя по всему, искренно верил в справедливость этих слов, но они вызвали подъем патриотических настроений в России. Почти сразу же последовало обращение на Высочайшее Имя от петербургского дворянства, за которым последовали другие адреса. «Пробудившееся русское чувство начинает говорить неумолчно», — констатировали 5 (17) апреля «Московские ведомости».³⁸⁶

Между тем настроение общественного мнения во Франции приняло такой характер, что Наполеон III счел необходимым отойти от первоначальной политики нейтралитета. 17 апреля 1863 г. к ноте Англии, после недолгого колебания, присоединилась Франция и Австрия. Лондон и Париж, ссылаясь на решения Венского конгресса 1815 г., требовали восстановления Польской конституции и проведения амнистии. К огромному неудовольствию Парижа, австрийцы воздержались от жестких требований. Вена опасалась оказаться в польском вопросе между Англией и Францией с одной стороны и Россией и Пруссией — с другой.³⁸⁷ Роль британской дипломатии в этой истории была чрезвычайно важна. По сути дела, именно Лондон выступил в данном вопросе инициатором. Это было очевидно такому вдумчивому современнику, как М. Н. Катков, который сумел в целом верно понять смысл демаршей: «Таким образом, Англия не желает войны, не желает и никогда серьезно не желала восстановления Польши. А между тем ей понадобился польский вопрос как орудие, как средство для других целей. Ей понадобилось отвратить внимание силы Европы от другого пункта».³⁸⁸

³⁸⁴ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 180.

³⁸⁵ ПСЗ. Собрание второе. СПб. 1866. Т. 38. 1863. Отделение первое. № 39443. С. 291.

³⁸⁶ Московские ведомости. 5 апреля 1863. № 72. С. 2,

³⁸⁷ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 200—211.

³⁸⁸ Московские ведомости. 7 апреля 1863. № 74. С. 2.

В Польше Пасхальная амнистия так и не привела к желаемому результату. «Высочайший Манифест от 31 марта, — докладывал по команде 7 (19) апреля один из русских офицеров, — решительно не производит на польские умы ожидаемого действия. Поляки положительно надеются на помощь западных держав, никакие слова и милости законного правительства близко к сердцу ими не принимаются, а, напротив, все более приходят в раздражение, находясь в затмении, умопомешательстве, каждое человеческое кроткое распоряжение правительства принимают за слабость и бессилие. Живя столько лет в Западном крае, зная общие черты польского характера, полагаю только одно средство может образумить их необузданность: это бить и бить до тех пор, пока они не скажут пословицу “падам до ног”!»³⁸⁹ Объективности ради следует отметить, что амнистией все же пользовались. К 1 (13) января 1864 г. добровольно сдались 208 дворян и 356 представителей податного сословия (мещан, однодворцев, разных категорий крестьян).³⁹⁰

Вслед за Великими Державами с нотами, пусть и не столь жесткими, по польскому вопросу выступили Испания, Швеция, Италия, Нидерланды, Дания, Португалия и Турция. Ноты не были идентичными по тону и тексту, тем не менее возникла угроза политической изоляции России, в дипломатическом походе против нее тогда отказались принять участие США, где не могли не принять во внимание благожелательное отношение Петербурга к Вашингтону во время гражданской войны. Ноты вызвали резкий подъем духа у повстанцев, они считали свое дело уже выигранным.³⁹¹ В Варшаве со дня на день они ожидали прихода французов.³⁹² Надежды возникли и у «русского Лондона». Из русских безусловно поддержала восставших только лондонская эмиграция. 1 апреля 1863 г. А. И. Герцен³⁹³ сформулировал

³⁸⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. ... С. 121.

³⁹⁰ Там же. С. 171.

³⁹¹ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 10. С. 94.

³⁹² Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 11. С. 415.

³⁹³ Герцен Александр Иванович (1812–1870), революционер, писатель, философ. Незаконнорожденный сын богатого русского помещика И. Яковлева и немецкой мещанки Луизы Гагг. В 1829–1833 гг. учился в Московском университете, где вместе с Н. П. Огаревым создал и возглавил революционный кружок. В 1834 арестован и сослан в Пермь, а затем в Вятку, где служил в губернской канцелярии. Вернулся из ссылки в 1842 г., примкнул к западникам. В 1847 г. вместе с семьей выезжает за границу. В ходе революции 1848–1849 гг. от-

свою позицию следующим образом: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польше, потому что хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих».³⁹⁴

14 (26) апреля Горчаков ответил на ноты Англии, Франции и Австрии. Ссылки на положения 1815 года были отвергнуты. Польское восстание 1830–1831 гг., заявил русский министр иностранных дел, «имевшее целью объявить свержение царствующей династии, разрушило и основы политического устройства, дарованного в силу Венского договора».³⁹⁵ Горчаков советовал: «И так кабинеты, искренно желающие скорее видеть Польшу в условиях прочного мира, всего лучше могут достигнуть этого, помогая, со своей стороны, утишить нравственный и материальный беспорядок, распространяющийся в Европе, и таким образом истребить главный источник волнений, возбуждающих их предусмотрительность».³⁹⁶ Нота, направленная в Париж, была наиболее учтивой, что соответствовало взглядам Горчакова на перспективы сотрудничества с Францией. Министр высказал надежду на то, что «император Наполеон не откажет в зависящей от него нравственной поддержке...»³⁹⁷ Что касается ответа Вене, то он был краток и сводился к высказыванию сухой уверенности в том, что австрийцы будут действовать согласно с собственными выгодами и в соответствии с «международными отношениями с Россией».³⁹⁸

После этого и польские повстанцы, и революционеры-эмигранты ожидали, что вслед за словами Великих Держав последуют действия. «Штиль! Нервная тишина; тишина ожидания... тяжелого, мучительного, — обращался к своим читателям 1 мая 1863 г. Герцен. — Кто не знает мгновений, которые происходят между

казался от своих западных воззрений, перешел к идеям, впоследствии сформировавшим основы теории русского социализма. В 1850 г. отказался вернуться в Россию по требованию Николая I, в 1852 г. переехал в Лондон, где в 1853 г. основал «Вольную русскую типографию», в 1855 г. стал издавать альманах «Полярная звезда», в 1857 г. — газету «Колокол», до 1863 г. имевшую значительное влияние на русское общественное мнение. Последние 5 лет жизни проживал в Женеве и Париже.

³⁹⁴ Колокол. 1 апреля 1863. № 160.

³⁹⁵ Особое прибавление к № 86 Русского инвалида. 21 апреля / 5 мая 1863 г.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Там же.

молнией и громом — мысль прервана, работа остановилась... иные крестятся, приговаривая «свят, свят», другие внимательно считают, стараясь отгадать, близко ли, далеко ли гроза. Мы все это переживаем теперь. Молния сверкнула на Западе, удара нет. Скоро ли, близко ли... уже скорее разразился бы!»³⁹⁹ Эти надежды на интервенцию были вовсе не новы для лондонского эмигрантского центра. Еще в Крымскую войну Герцен первым в России занял позицию «пораженчества». В марте 1855 г. он писал в частном письме: «Смерть Николая имеет для нас величайшее значение; сын может быть хуже отца, но все же должен быть иным, при нем не может продолжаться тот непрерывный, неумолимый гнет, какой был при его отце. Война для нас нежелательна — ибо война пробуждает националистическое чувство. Позорный мир — вот что поможет нашему делу в России».⁴⁰⁰

Эта его позиция уже тогда была поддержана польской эмиграцией. В апреле 1854 г. один из членов ЦК Польского демократического общества публично выступил в защиту русского пораженца: «Именно потому, что мы нашли во мнениях и трудах А. Герцена достаточные доказательства его уважения к правам Польши, его любви к свободе и отвращения к посягательствам московитов в чужих странах и тому деспотизму, с каким они управляют в своей стране, мы основали с ним тесный международный союз, союз “независимой и демократической Польши” и “демократической и свободной России”...»⁴⁰¹ Через 8 лет после кровавых сражений в Крыму Герцену снова нужен был позорный мир во имя торжества революции. Момент был выбран весьма удачно.

Положение России было сложным. Лучше всех это понимал император. 12 (24) апреля, накануне ответа на ноты Держав Александру II писал Константину Николаевичу: «...Но минута такова, что честь наша не позволяет нам уступить, и мы должны скорее все лечь за наше правое дело, чем согласиться на те унижительные условия или даже требования, которые могут быть нам предложены. К несчастью, несмотря на все наши усилия, Кронштадт будет почти в беззащитном положении благодаря броненосному флоту неприятеля, к устройству которого мы

³⁹⁹ Колокол. 1 мая 1863. № 162.

⁴⁰⁰ Герцен А. И. Л. Пяничени, 4 (16) марта 1855 г. // Соч. в 30 т. Т. 25. М. 1961. С. 248.

⁴⁰¹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. М. 1963. Т. 1. Русско-польские революционные связи. С. 16.

только начинаем приступать. Во всем этом меня всего более пугают огромные денежные расходы, которые еще более расстроят наши финансы, находящиеся в весьма неудовлетворительном положении».⁴⁰²

Положение было сложным, и это понимали многие. И все же в России настроения были совсем иными, чем ожидал Герцен. При этом следует отметить, что польский вопрос поначалу не вызвал резкой реакции общества. То есть собственно к Польше оно было настроено скорее позитивно, но все изменилось, когда речь пошла о польских претензиях на границы 1772 г. В Европе этого явно не поняли. «Один из государственных людей Франции выразился недавно, — писал Катков, — что судя по равнодушию, какое русские оказывают к польскому вопросу, надобно полагать, что у них нет того патриотического чувства, которое так сильно развито во Франции, в Англии, в Германии и т. д., и что «Русские — народ выродившийся, у которого нет будущности». Прошло несколько недель с тех пор, как эти слова были произнесены, и вся Европа могла убедиться, как мало в них истины».⁴⁰³

Тем не менее многим казалось, что расчеты на вторжение Запада и на капитуляцию Петербурга вовсе не строились на песке. Франция была настроена весьма решительно. Что касается Англии, то Лондон не хотел серьезных осложнений из-за Польши. Во всяком случае, со своим непосредственным участием. «Конечно, он не хотел войны с Россией, — писал Ороселе⁴⁰⁴ в начале 1864 г. Солсбери. — Но если он смог бы запугать Россию угрозами и так заставить ее принять английские требования, то для этого легко можно было потратить несколько энергичных предложений».⁴⁰⁵ Время для шантажа Петербурга было выбрано

⁴⁰² Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 191.

⁴⁰³ Московские ведомости. 9 апреля 1863. № 75. С. 1.

⁴⁰⁴ Одо Россель (1829–1884), лорд Амтхилл (1881), британский дипломат, племянник Дж. Росселя, с 1849 г. — на службе в Форейн офис, атташе в Вене (1849–1850), чиновник в центральном аппарате Министерства иностранных дел (1850–1852), 1852 г. атташе в Париже (2 месяца), затем в Вене, в 1853 г. переведен 2-м атташе в Париж, в 1854 г. — 1-м атташе в Константинополь, в 1858 г. назначен секретарем посольства во Флоренцию, в том же году переведен резидентом в Рим. Так как официально дипломатических отношений между Лондоном и папским двором не было, то до 1870 г. оставался неофициальным представителем Великобритании в Папской области, посол в Берлине (1871–1878), участник Берлинского конгресса, с 1881 г. — 1-й барон Амтхилл.

⁴⁰⁵ Essays by the late Marquess of Salisbury... P. 196.

весьма удачно. Внешнеполитическое положение России действительно было сложным. 29 июня 1863 г. союзники по «Крымской системе» вновь выступили с нотами, содержащими предложения о перемирии с поляками и созыве конференции 8 держав по польскому вопросу. Предварительная программа включала следующие требования: 1) полная и общая амнистия; 2) национальное представительство, участвующее в законодательстве страны и располагающее средствами действительного контроля; 3) назначение поляков на государственные должности для создания национальной администрации, пользующейся доверием страны; 4) полная и неограниченная свобода совести и отмена всех стеснений в отправлении католического культа; 5) исключительное употребление польского языка как официального в управлении, в органах юстиции и при преподавании; 6) введение упорядоченной и узаконенной системы рекрутского набора.⁴⁰⁶

Принятие этих требований и их реализация на практике имело бы единственным следствием отторжение Польши от Российской империи. Польский эмигрантский центр во Франции даже выступил с планом создания будущего государства за счет не только русской Польши, но и австрийской Галиции. Поддерживавших поляков австрийцев предполагалось компенсировать, предоставив им в обмен право на присоединение Дунайских княжеств. Естественно, что согласием Вены, и уж тем более Бухареста в «отеле Ламберт» никто не интересовался — ведь план был одобрен Наполеоном III.⁴⁰⁷ Впрочем, Париж явно торопил события. Александр II не собирался идти на уступки. На заседании собранного для обсуждения вопроса о Польше совета император заявил: «Семь лет назад, за этим столом я совершил один поступок, который могу определить, так как я его совершил: я подписал Парижский договор и это было трусостью».⁴⁰⁸ Изумление собравшихся было велико, но реакция на него у обычно весьма спокойного и мягкого императора была весьма энергичной: он ударил по столу рукой и повторил: «Это было трусостью, и я этого больше не сделаю».⁴⁰⁹ Столь резкие эпитеты были нетипичны для русского монарха.

⁴⁰⁶ Бисмарк О. Ук. соч. М. 1940. Т. 1. С. 227.

⁴⁰⁷ Edwards S. H. Op. cit. P. 133.

⁴⁰⁸ Горяинов С. [М.] Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском Архивах. СПб. 1907. С. 129.

⁴⁰⁹ Там же.

«Он (Александр II. — О. А.) был человеком школы Николая Павловича, но коренные его душевные свойства были им унаследованы не от отца, а от матери. Душевно он гораздо больше Гогенцоллерн, чем правнук Екатерины II, внук Фридриха-Вильгельма III, племянник Вильгельма I, сын принцессы Шарлотты, отпрыск гогенцоллернских поздних поколений, не талантливых, скорее даже ограниченных, но достаточно толковых и гибких, умевших идти с веком, без творчества, но и без дон-кихотства, всегда готовых самоограничиваться и склоняться одинаково перед сильными фактами и перед сильными людьми, подчиняясь им, с достоинством, но и без крикливого протеста, поколений Йены и Ватерлоо, Ольмюца и Садовой, Штейна и Бисмарка». — Таким, по мнению русского историка Б. Э. Нольде,⁴¹⁰ был Александр Николаевич.⁴¹¹

Кн. А. М. Горчаков в депеше от 1 (13) июля 1863 г. категорически отверг англо-франко-австрийские требования, указав на то, что с 1831 года Россия владеет Польшей не на основании положений 1815 г., а по праву завоевания, и, следовательно, претензии к Петербургу юридически не могут считаться обоснованными. Петербург был готов обсудить положение в русских, прусских и австрийских польских владениях вместе с Веной и Берлином. Ноты были почти сразу же опубликованы и получили в России горячую поддержку общественности.⁴¹²

⁴¹⁰ Нольде Борис Эммануилович (1876–1948), русский ученый из остзейской дворянской семьи, барон. Общественно-политический деятель, член ЦК кадетской партии, юрист, дипломат, профессор кафедры международного права Петербургского университета, Александровского лицея и Высших Бестужевских курсов, юридический консультант МИД (1907–1914). Товарищ министра иностранных дел в первом составе Временного правительства, член Предпарламента. В ноябре 1917 г. был подвергнут кратковременному аресту. Весной 1918 г. выступил с программой сотрудничества с Германией. В 1919 г. эмигрировал во Францию, один из организаторов русского отделения при Сорбонне, декан Русского юридического факультета при Институте славяноведения (Париж). Соредактор журнала «Право и хозяйство», председатель Главного управления Российского Красного Креста (Париж), Юридического общества в Париже, член Центрального бюро Комитета съездов русских юристов за границей, преподавал на Зарубежных высших военно-научных курсах в Париже. Во время нацистской оккупации Франции занял антигерманскую позицию, сотрудничал с Сопротивлением, после освобождения Франции награжден орденом Почетного легиона. Член, а с 1947 г. президент Международного института права, умер в Лозанне.

⁴¹¹ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859–1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага. 1925. С. 41.

⁴¹² Московские ведомости. 10 июля 1863 г. № 150. С. 1–2.

Для того, чтобы продемонстрировать Европе верность либеральным принципам управления народами Империи, Александр II предпринял поездку в Великое княжество Финляндское. Она была необходима в том числе и для того, чтобы противостоять антирусской пропаганде, развернутой поляками в Швеции, и рассеять их надежды относительно возможных волнений в Княжестве. В ходе поездки было озвучено решение вновь открыть сейм, который не собирался со времени первого и единственного собрания в Борго в 1809 г.⁴¹³ Результаты были более чем удовлетворительными. «Кратковременным пребыванием в Финляндии остался я вполне доволен, — писал император своему брату в Варшаву 23 июля (4 августа). — Прием везде был радушный, и народ, кажется, доволен своею судьбою».⁴¹⁴ Это, разумеется, не означало отсутствия проблем — их хватало и здесь. Местное дворянство — шведы — было лояльно, но все же тяготело в культурном отношении к Скандинавии и притесняло финское большинство. Указом 18 (30) июля было признано равноправие финского и шведского языков, снят ряд ограничений, инициированных ранее шведской партией.⁴¹⁵ 3 (15) сентября состоялось торжественное открытие императором сейма Финляндии в Гельсингфорсе. Церемония была весьма пышной.⁴¹⁶ Она знаменовала верность Петербурга политике реформ в случае верности поданных престолу.⁴¹⁷

Ответ Франции на депеши Горчакова прозвучал в начале августа — она возвращала себе «полную свободу суждений и действий». Это была официальная денонсация русско-французского соглашения.⁴¹⁸ Русское правительство увеличило численность войск в Польше и Западном крае (Белоруссия, Литва, Правобережная Украина), провело земельную реформу, в результате которой местное крестьянство активно поддержало русские власти. В начале восстания в России существовала и примиренческая позиция, сторонники которой рассматривали конфликт как прискорбное столкновение двух славянских народов. Позиция Запада и наиболее радикально настроенной части восставших придали

⁴¹³ Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М. 2003. С. 212–214.

⁴¹⁴ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 331.

⁴¹⁵ Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М. 2003. С. 218.

⁴¹⁶ Русский инвалид. 6/18 сентября 1863 г. № 195. С. 833.

⁴¹⁷ Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М. 2003. С. 276–277.

⁴¹⁸ Тэйлор А. Дж. П. Ук. соч. С. 171.

восстанию опасный характер политического и даже военного противостояния России и Европы.

«Если в восстановлении Польши, — писал Катков, — видят смерть России, то и всякая мера, которая прямо или косвенно будет поддерживать мысль об отдельном существовании Польши, будет мерою прямо или косвенно клонящеюся к пагубе России. Всякий совет в этом смысле будет советом врага».⁴¹⁹ Ноты западных держав по польскому вопросу усилили эти настроения. Были ли они только эффектной демонстрацией или нет, современники не задумывались об этом. «Общество проснулось, — общали «Московские ведомости», — подняло голову и громогласно, тысячами голосов, провозгласило, что оно встанет и будет крепко защищаться, когда придут грабить его дом и резать его детей».⁴²⁰

Правительство готовилось к войне, причем весьма серьезно, понимая мрачные перспективы такого развития событий. Военный министр Д. А. Милютин писал, что война с коалицией европейских держав «в эту эпоху была бы нам губительна. Военные наши силы не были готовы к войне, по всем частям только начаты были преобразования и разрабатывалась новая организация армии».⁴²¹ Рассчитывать на союзника в Европе в случае войны Россия не могла. Конвенция Альвенслебена не предусматривала поддержку Пруссии в случае нападения на Россию третьего государства. 17 июня 1863 г. король Вильгельм I твердо обещал Александру II в случае нападения на Россию Франции свой благожелательный нейтралитет и воздействие на государства Германии и Австрию для того, склонить их «к соглашению, имеющему целью соблюдение благожелательного нейтралитета».⁴²²

В начале 1863 г. под знаменами русской армии находились 818 105 чел., а через год — уже 1 076 124 чел.⁴²³ За первую половину 1863 г. Военное министерство увеличило численность войск в Европейской России на 167 тыс. человек, и она достигла (не считая Кавказа) 690 тыс. чел. при 1026 орудиях, из них в Варшавском, Виленском и Киевском округах — 342 тыс. при

⁴¹⁹ Московские ведомости. 5 мая 1863 г. № 97. С. 1.

⁴²⁰ Московские ведомости. 14 мая 1863 г. № 103. С. 1.

⁴²¹ Отдел Рукописей Российской Государственной библиотеки (далее ОР — РГБ). Ф. 169. Оп. 14. Карт. 3. С. 279.

⁴²² Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 285.

⁴²³ Столетие Военного министерства 1802–1902. СПб. 1914. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 3. Кн. 1. Отдел. 2. Комплектование войск с 1855 по 1902 г. С. 56, 60.

410 орудиях.⁴²⁴ В августе численность войск в трех последних округах достигла 405 тыс., при 442 орудиях.⁴²⁵ Боеготовность войск была низкой — опасность в случае столкновения с бывшими противниками по Крымской войне потерпеть поражение была реальной. Не хватало резервов, материального обеспечения. Из опасения столкнуться опять с ситуацией, в которой размещение заказов на оружие из заграницы станет невозможным, Военное министерство приняло решение о расширении собственной базы производства орудий — в 1863 году было решено, что существующей в Петербурге небольшой пушечной мастерской будет недостаточно для нужд армии, — она была расширена до завода, еще один завод — в будущем знаменитый Обуховский — был заложен под Петербургом, что стало возможным благодаря значительной беспроцентной ссуде — 2,5 млн руб. Кроме того, на Каме близ Перми были заложены стале-пушечный и чугунно-пушечный заводы.⁴²⁶ Однако эти меры не могли обеспечить быстрый, краткосрочный эффект. Тем временем многие части уже формировались или планировались.⁴²⁷

Два русских клипера, которых восстание застало в Англии по пути в Атлантику и Тихий океан, были возвращены на Балтику. Крупнейший фрегат Средиземноморской эскадры — «Генерал-адмирал» — был также направлен в Кронштадт, второй переведен в Пирей. 4 корвета и 2 клипера Тихоокеанской эскадры стягивались к Нагасаки.⁴²⁸ В январе 1863 г. на Балтике была заложена блиндированная батарея, в июне — башенные броненосные лодки, ускорены работы по переделке деревянного фрегата в броненосный.⁴²⁹ Всего было построено 10 башенных лодок, строящуюся в Англии броненосную батарею «Первенец», которую спустили на воду в мае 1863 г., несмотря на то, что

⁴²⁴ ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 14. Карг. 4. С. 4.

⁴²⁵ Там же. С. 108.

⁴²⁶ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914–1918 гг. М. 1922. Ч. 2. С. 96–98; Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб. 1902. С. 188.

⁴²⁷ ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 14. Карг. 4. С. 4.

⁴²⁸ Ведомость судам, находящимся в заграничном плавании // МС. 1863. № 3. С. 48–49; Ведомость судам, находящимся в заграничном плавании // МС. 1863. № 5. С. 247–248.

⁴²⁹ Спуск однобашенных броненосных лодок «Лава», «Перун» и «Тифон», двухбашенной лодки «Смерч» и 24-пушечной батареи «Не тронь меня» // МС. 1864. № 7. С. 1–2; Спуск броненосного фрегата «Севастополь» // МС. 1864. № 9. С. 1–2.

не была завершена установка броневых плит, в августе перевели в Россию.⁴³⁰ 5 (17) августа, сопровождаемая винтовыми фрегатами «Генерал-адмирал» и «Олег», она пришла на рейд Кронштадта.⁴³¹ На случай войны были подготовлены к обороне приморские крепости, срочно укреплялись Кронштадт и Керчь. На 1863 год на строительство в Кронштадтской крепости было выделено 2 млн 100 тыс. рублей.⁴³² Даже в устье Невы строилась резервная линия обороны, состоявшая из батарей тяжелой артиллерии.⁴³³

После окончания Крымской войны русское правительство почти в 2 раза сократило военные расходы и с 1859 г. стабилизировало их, не допуская резкого роста. В 1859 г. они составили 106,692 млн руб., в 1860 — 106,654 млн руб., в 1861 — 115,965 млн руб., в 1862 г. — 111,697 млн руб. Однако Польское восстание заставило Александра II отказаться от этой политики. В 1863 г. военные расходы достигли 115,577 млн руб., в 1864 г. — 152,577 млн руб. (цифры даются без учета экстраординарных расходов). В 1863 г. военные расходы составили 37,8 % всех государственных расходов Империи, в 1864 г. — 34,97 %.⁴³⁴ Увеличение военных расходов вызвало резкое ухудшение финансового положения России: если в 1862 г. дефицит государственного бюджета составил 34,85 млн рублей, то в 1863 г. — 123 016 790 рублей (считая 79,442 млн рублей потраченных сверх первоначальной росписи расходов на 1863 г., из которых 39 110 676 рублей было потрачено на нужды армии, и 5 557 522 рубля — на нужды флота).⁴³⁵ В 1864 г. сумма дефицита государственного бюджета понизилась до 90 млн рублей при доходах в 321,9 млн. рублей и расходах в 411,9 млн рублей. Благодаря внешнеполитической стабилизации и последовательной политике сокращения государственных расходов (военные расходы в 1866 г. составили 129 млн руб.), министерству финансов удалось добиться тенденции к сокращению бюджетного дефицита только к 1866 г., впрочем, это была лишь тенденция, так как сумма дефицита составила 88 млн рублей при доходах в 325 млн рублей и расходах в 413 млн рублей.⁴³⁶

⁴³⁰ Русские броненосцы. // МС. 1865. № 1. С. 7, 16.

⁴³¹ Русский инвалид. 10/22 августа 1863 г. № 175. С. 750.

⁴³² Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л. 1988. С. 245.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. СПб. 1882. Т. 2. С. 195.

⁴³⁵ Там же. С. 115, 117.

⁴³⁶ Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856–1871. К истории Восточного вопроса. М. 1989. С. 49, 51.

10 июня 1863 г. Жонд Народовый — правительство мятежников — издал декрет, гласивший, что целью движения является не только завоевание независимости собственно Польши, но и отторжение «от Москвы» литовских, белорусских и украинских земель, входивших некогда в состав Речи Посполитой.⁴³⁷ Восстание привело к резкому изменению отношения к Польше в значительной части русского общества. Императору направлялись многочисленные патриотические адреса с выражением готовности защищать интересы страны от всех сословий и всех губерний страны.⁴³⁸ С юридической точки зрения, восставшие поляки были мятежниками, но в условиях военных правовых норм, регулировавших формы партизанской войны и методы борьбы с ней, больше всего раздражала партизанская тактика инсургентов, которая для многих почти граничила с бандитизмом. Даже в более простой ситуации 1870–1871 гг. германские войска во Франции, например, отказывались признавать «вольных стрелков» (*franc-tireurs*) в качестве «законного врага», если они не имели правительственного разрешения на военные действия, не подчинялись уставам французской армии, не находились под командой офицеров и т. п. Пленных, не подходящих под эти критерии, рассматривали как разбойников в военное время и расстреливали на месте.⁴³⁹

Попавших в плен русских солдат и офицеров часто ждала жестокая расправа. Так, в Радомском лесу были повешены 4 раненых русских солдата и офицер — капитан Никифоров.⁴⁴⁰ Перед смертью их избивали и пытались склонить к причастию у ксендза. После отказа пытки стали особо изощренными. Увидев тела убитых, строй солдат издал из себя стон: «Теперь пленных не будет».⁴⁴¹ То же самое было, когда солдаты увидели,

⁴³⁷ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 234.

⁴³⁸ Татищев С. С. Ук. соч. М. 1996. Т. 1. С. 514–517.

⁴³⁹ Мартенс Ф. [Ф.] Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 г. СПб. 1879. С. 63.

⁴⁴⁰ Никифоров Алексей Игнатьевич (1823–1863) — капитан 28-го пехотного Полоцкого полка. В 1840 г. поступил на службу в 81-й пехотный Апшеронский полк подпрапорщиком, в 1846 г. произведен в прапорщики, в 1847 г. переведен с Кавказа. Имел награды за Крымскую войну. Повешен мятежниками.

⁴⁴¹ Дополнения к журналу военных действий в Царстве Польском с 17 по 25 апреля 1863 года. Б. м. Б. д. С. 6–7; Дополнения к журналу военных действий в Царстве Польском. Копия с рапорта частного Военного Начальника Келецкого уезда Военному Начальнику Радомского отдела от 7 мая 1863 года за № 218. С. 2; Капитан Полоцкого пехотного полка А. И. Никофоров // Русский инвалид. 24 мая/5 июня 1863 г. № 112. С. 476.

как изощренно издевались мятежники над трупами повешенных ими крестьян.⁴⁴² Не зря восстание 1830–1831 гг., которое было обычной войной полевых армий и осады крепостей, не вызвало такого ежедневного взаимного озлобления. Норма партизанской⁴⁴³ войны — беспощадность, отсутствие четкого деления на тыл и фронт, на комбатантов и некомбатантов, т. е. война вне законов и традиций еще не стала привычной для военных. Иначе говоря, борьба повстанцев приобрела формы, законность которых для современников-военных носила сомнительный характер. К осени 1863 г. число жертв революционного террора в городах достигло 600 чел., количество замученных крестьян, не симпатизировавших польскому национальному движению, было гораздо большим.⁴⁴⁴ Неудивительно, что, по свидетельству русского Военного министра, «войска были крайне озлоблены на мятежников за их бесчеловечные жестокости, которые они совершали над местными жителями и над попавшими в их руки Русскими солдатами и офицерами».⁴⁴⁵

12 марта дю Вернуа записал в своем дневнике: «Благожелательные намерения царя поляками игнорировались, и нельзя не пожалеть от всего сердца великого князя. Он терпит поражение в неосуществимой по настоящему времени задаче примирения поляков с русским владычеством».⁴⁴⁶ Крах политики Константина и Велепольского был очевиден. 15 (27) марта император известил Наместника о своем желании направить в Варшаву генерала графа Ф. Ф. фон Берга.⁴⁴⁷ Константин не стал скрывать своего огор-

⁴⁴² Потто [В. А.] Походные записки... // ВС. 1868. № 2. С. 129.

⁴⁴³ Термин «партизан» употребляется здесь в привычном для нас значении XX века, тогда как для офицера XIX в. партизанский отряд — это часть регулярной армии, выполняющая диверсионные или какие-то другие задания в тылу противника в форме своей армии, т. е. на законных (для XIX века) основаниях: «Партизанская война представляет самостоятельные действия выделенных армией отрядов, прервавших с ней связь, хотя бы и временно, преимущественно в тылу». (ВЭ. Т. 17. Пгр., 1914. С. 308.) Кстати, все войны XX века, в которых регулярные армии сталкивались с вооруженным сопротивлением народа, продемонстрировали зыбкость и неясность границы между терминами «бандит» и «партизан», так что и сегодня их использование зависит от политических пристрастий, а не от права.

⁴⁴⁴ Комзолова А. А. Ук. соч. С. 73.

⁴⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 14. Карт. 3. С. 248.

⁴⁴⁶ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том. 100. Вып. 6. С. 887.

⁴⁴⁷ Фон Берг Федор Федорович (1793–1874), выдающийся русский военный и государственный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1865), граф (1856). Из Лифляндских дворян, в 1812 г. покинул Дерптский университет, в котором

чения и даже попытался изменить позицию брата, убеждая его, что этот шаг будет возвращением к военному режиму.⁴⁴⁸ Ничего

проходил обучение, и добровольцем ушел в армию юнкером. Отличился в боях на Рижском направлении, произведен в прапорщики, в начале 1813 г. — в партизанских отрядах, отличился при занятии Кенигсберга, активно участвовал в боях с французами, с 10 августа по 5 сентября 1813 г. принял участие в 14 сражениях, отличился при Бауцене и Лейпциге, в 1814 г. — штабс-капитан, переведен в Гвардейский Генеральный штаб, отличился в сражениях при Бриенне, Ножане, Фер-Шампенуазе и взятии Парижа. В 1820 г. переименован в коллежские советники и некоторое время служил по дипломатической части при русских посольствах в Мюнхене, Риме и Неаполе, получил чин действительного статского советника и звание камергера. Пребывание за границей использовал для изучения полей сражений в Италии и Швейцарии, составил военно-статистическое описание Турции. В 1822 г. получил Высочайшее распоряжение умиротворить Киргиз-Кайсацкие степи, в 1823–1825 гг. возглавил рекогносцировочные походы в степь, использовал их для этнографического и экономического изучения края. В 1826 г. произведен в генерал-майоры, зачислен в Свиту Его Императорского Величества, перед началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. находился в составе посольства в Турции, с началом войны назначен генерал-квартирмейстером 2 армии. Особо отличился при взятии Браилова, организации переправы через Дунай, осаде Силистрии, боях под Шумлой. В то же время под его руководством была проведена картографическая съемка северо-восточной части Болгарии, составленная карта стала пособием для военных операций. В 1829–1830 гг. под его руководством была проведена картографическая съемка Дунайских княжеств и северо-восточной части Балканского хребта. В 1831 г. участвовал и отличился при подавлении Польского мятежа, отличился при взятии пригорода Варшавы — Воли, участвовал в переговорах, приведших к капитуляции города и армии, произведен в генерал-лейтенанты и назначен генерал-квартирмейстером действующей армии, в 1843 г. произведен в генералы от инфантерии, назначен генерал-квартирмейстером Главного штаба Его Императорского Величества. Этот пост занимал до 1863 г., под руководством в 1845–1867 гг. проведена работа по военно-топографической съемке России и начато издание военно-статистических описаний ее губерний. В 1849 г. выполнял дипломатические поручения в Вене и Берлине по подготовке похода в Венгрию, с началом похода находился при австрийском императоре для обеспечения связи между австрийским и русским командованием. В 1853–1856 гг. командовал войсками в Эстляндской губернии, затем был назначен финляндским генерал-губернатором и главнокомандующим войсками, расположенными в Финляндии. В 1856 г., в день коронации императора Александра II, был возведен в графское достоинство Великого Княжества Финляндского, в 1863 г. назначен Наместником Царства Польского, решительными и жесткими действиями способствовал подавлению восстания 1863–1864 гг., в 1865 г. произведен в генерал-фельдмаршалы, в 1873 г. подписал русско-германскую военную конвенцию, заложившую основу союза трех императоров.

⁴⁴⁸ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 157, 159–160.

не помогло. 17 (29) марта 1863 г. Берг был назначен помощником Великого Князя «по званию главнокомандующего войсками в Царстве Польском». ⁴⁴⁹ Он был облечен особым доверием императора, свидетельство чего стало письмо Александра II, которое генерал и вручил Наместнику. Берг должен был «...быть главным твоим помощником по военному управлению, а в случае твоего отсутствия заменять тебя временно, вступая во все твои права по званию моего Наместника и по гражданскому ведомству». ⁴⁵⁰

Войска встретили это назначение весьма сочувственно. ⁴⁵¹ Берг был настоящим служакой, добившимся и чинов, и званий кропотливым трудом и верной службой. ⁴⁵² Его приезд сразу же ознаменовал перелом в отношении к повстанцам. Свой приезд в Варшаву он отметил приказом о повешении пятерых видных мятежников в один день и час на пяти площадях города. Ничего подобного ранее не было. ⁴⁵³ Следует отметить, что генерал не был полонофобом. Он вообще не выделял какой-либо национальности. ⁴⁵⁴ Свое кредо Берг сформулировал следующим образом: «...мы должны сурово относиться к полякам-изменникам, к негодьям, восстающим против царя, не знающим верности, но мирных, честных жителей, идущих своей дорогой в труде, а также верою и правдою служащих, — мы должны уважать; это люди; вот-вот я знаю, много поляков, которые служат хорошо, это драгоценный служилый материал, я им всегда дорожил и дорожу...» ⁴⁵⁵

«Это был государственный человек в полном смысле слова, — вспоминал о нем современник, — возвышавшийся над всеми окружающими его друзьями и недругами». ⁴⁵⁶ Обширное образование, большая эрудиция, храбрость и самообладание снискали ему характеристику — «работоспособный офицер». ⁴⁵⁷ Он обладал всем необходимым для новой должности: «...Солидный чин, титул графа,

⁴⁴⁹ Отдел официальный // ВС. 1863. № 4. С. 93.

⁴⁵⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 170.

⁴⁵¹ Карцов П. П. Граф Федор Федорович Берг, наместник в Царстве Польском. Очерк из воспоминаний // РС. 1883. Том 37. Вып. 2. С. 312.

⁴⁵² Берг Н. В. Польское восстание в 1863—1864 гг. ... // РС. 1879. Том 25. Вып. 5. С. 76—78.

⁴⁵³ Андреевский Е. К воспоминаниям о графе Федоре Федоровиче Берге // РС. 1907. Т. 132. № 11. С. 444.

⁴⁵⁴ Андреевский Е. Ук. соч. // РС. 1907. Т. 132. № 12. С. 621.

⁴⁵⁵ Там же. С. 623.

⁴⁵⁶ Авенариус Н. П. Ук. соч. // ИВ. 1904. Т. 96. № 5. С. 423.

⁴⁵⁷ Андреевский Е. Ук. соч. // РС. 1907. Т. 132. № 11. С. 440—442.

множество регалий своих и иноземных, неимоверная служебная опытность, выдержка, хитрость, достаточно твердый характер, способный не смущаться ничем. Берг мог, в случае надобности, быть очень, очень мягок; а в другом случае — мог подписать какой угодно приговор, не моргнув глазом. Что касается исполнительности, настойчивости — этого старому дипломату было не занимать стать».⁴⁵⁸ Происходя из дворян Остзейского края, Берг очень щепетильно относился к своим обязанностям русского офицера. Он не любил, когда кто-то говорил по-русски с акцентом, и особо отмечал: «...Служа в России, мы обязаны быть вполне русскими, так же, как и заботиться обо всем русском».⁴⁵⁹ Если добавить к этому исключительное трудолюбие генерала, работавшего, несмотря на преклонный возраст, по 16–17 часов в сутки, и его привычку входить в детали — картина будет полной.⁴⁶⁰

Вслед за Варшавой настала очередь Вильны. 1 (13) мая 1863 г. император удовлетворил прошение Назимова об отставке.⁴⁶¹ В тот же день он получил благосклонный Высочайший рескрипт с заверениями о «всегдашнем неизменном благорасположении» и алмазные знаки ордена Св. Александра Невского.⁴⁶² Основные военные успехи над повстанцами были достигнуты именно при нем, после мая в крае было всего несколько крупных стычек с их отрядами.⁴⁶³ Однако заигрывание с польским дворянством сыграло с Назимовым злую шутку. В начале восстания крестьяне Динабургского уезда (Динабург — б. Борисоглебск, переименованный в 1893 г. в Двинск, ныне Даугавпилс, Латвия) не дали мятежникам отбить транспорт с оружием. Т. к. предводителями повстанцев были местные помещики графы Платер и Мольте (были захвачены крестьянами и впоследствии расстреляны в Вильно), они сумели представить все дело русским властям в нужном им свете.⁴⁶⁴

Опять пошли слухи о повторении Галицийской резни. В результате Вильно запросил Петербург о присылке войск для

⁴⁵⁸ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 25. Вып. 5. С. 87.

⁴⁵⁹ Андреевский Е. Ук. соч. // РС. 1907. Т. 132. № 12. С. 631.

⁴⁶⁰ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 26. Вып. 10. С. 264.

⁴⁶¹ Русский инвалид. 2/14 мая 1863 г. № 95. С. 407.

⁴⁶² Русский инвалид. 4/16 мая 1863 г. № 97. С. 415.

⁴⁶³ Имеретинский А. К. Воспоминания о графе М. Н. Муравьеве // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 607.

⁴⁶⁴ «Готов собою жертвовать...» С. 74–76.

борьбы с крестьянскими волнениями! Шеф жандармов генерал кн. В. А. Долгоруков⁴⁶⁵ и министр внутренних дел П. А. Валуев⁴⁶⁶ фактически поддержали эту просьбу. Активным защитником

⁴⁶⁵ Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868), военный и государственный деятель, князь, генерал-адъютант (1845), член Государственного совета (1853), генерал от кавалерии (1856). Получил домашнее образование. В 1821 г. поступил на службу в л.-гв. Конный полк, юнкер, эскадрон-юнкер. Корнет (1823), участвовал в подавлении мятежа декабристов, обратил на себя внимание Николая I, удостоился Монаршей признательности. Поручик (1826), штабс-ротмистр (1829), в 1830 г. состоял при графе А. Ф. Орлове, командированном для подавления бунта в Новгородских военных поселениях, по возвращении пожалован во флигель-адъютанты. Участвовал в кампании 1831 г. против польских мятежников. Ротмистр (1831), полковник (1835), член Комитета по составлению Устава кавалерийской службы (1839). В 1841 г. временно управлял двором Великого Князя Александра Николаевича, в том же году назначен исправлять должность начальника штаба резервной кавалерии. Генерал-майор с назначением в Свиту (1842). Генерал-адъютант (1845). Товарищ Военного министра (1848). Член секретного следственного комитета по делу петрашевцев (1849). Генерал-лейтенант, член Военного совета с оставлением в прочих должностях (1849). Управляющий Военным министерством, член Кавказского и Сибирского комитетов (1852). Военный министр (1853–1856). Генерал от кавалерии (1856). В 1856 г. уволен от должности с оставлением членом Государственного совета, назначен шефом жандармов и главным начальником III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Почетный член Совета Императорской Военной академии (1856). В 1866 г. уволен от должности шефа жандармов с присвоением звания обер-камергера Двора.

⁴⁶⁶ Валуев Петр Александрович (1815–1890), государственный деятель, граф (1880), получил домашнее образование, в 1818 г. пожалован в пажи, в 1831 г. поступил на службу в канцелярию Московского генерал-губернатора, в 1832 г. по выдержании экзамена на чин при Московском университете получил аттестат. Коллежский регистратор (1833). Камер-юнкер (1834). В том же году переведен на службу в I, а в 1838 г. во II отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, с 1836 г. состоял при М. М. Сперанском. В 1840 г. назначен помощником старшего чиновника II отделения, титулярный советник. Коллежский ассессор (1842). В 1845–1852 гг. — чиновник особых поручений при рижском военном генерал-губернаторе. В 1849 г. переведен на службу в МВД, статский советник, камергер (1850). Курляндский губернатор (1853–1858). С 1858 г. директор 2 департамента Министерства государственных имуществ, с 1859 г. заведующий 3 департаментом того же министерства с оставлением в прежней должности, председатель Ученого комитета министерства, тайный советник, статс-секретарь. В 1861 г. назначен управляющим делами Комитета министров, почетный член Ученого комитета Министерства государственных имуществ, в ноябре того же года назначен министром внутренних дел, которым оставался до 1868 г., сенатор (1861). Министр государственных имуществ (1872–1879). Граф (1880). Председатель Комитета министров (1879–1881). С 1881 г. уволен с оставлением членом Государственного совета (с 1868 г.) и статс-секретарем.

интересов польского дворянства был и петербургский военный губернатор ген.-ад. А. А. Суворов.⁴⁶⁷ Только вмешательство министра государственных имуществ генерала А. А. Зеленого,⁴⁶⁸ принявшего депутацию крестьян, остановила интригу.⁴⁶⁹ Защита

⁴⁶⁷ Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), внук А. В. Суворова, князь Итальянский, граф Рымникский, генерал-адъютант (1846), генерал от инфантерии (1859), член Государственного совета (1861). Его отец — ген.-л. А. А. Суворов — погиб при переправе через Рымник в апреле 1811 г. Мать отдала ребенка в иезуитский пансион, откуда через 3 года его забрал дядя. Проживал с матерью в Италии, окончил школу в Швейцарии, обучался в Сорбонне и Геттингене. В 1824 г. вернулся в Россию, определен на службу в л.-гв. Конный полк юнкером. Гвардии корнет (1826), принял участие в русско-персидской войне 1826–1828 гг., отличился при штурмах Эривани и Сардарапата, поручик (1827). Принял участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., отличился в штурмах Шумлы и Варны, флигель-адъютант, штабс-ротмистр (1828). Принял участие в подавлении Польского мятежа 1830–1831 гг., ротмистр (июнь 1831), отличился при штурме Варшавы, был послан в город парламентарем, а после его взятия отправлен курьером в Петербург, полковник (сент. 1831), генерал-майор (1839), в том же году зачислен в Свиту Его Императорского Величества. Генерал-адъютант (1846), генерал-лейтенант (1848), лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор (1848–1861). Во время Крымской войны — командующий войсками Рижской губернии на правах командира Отдельного корпуса, лично принял участие в боях с английским флотом. Генерал от инфантерии (1859), петербургский военный генерал-губернатор (1861–1866), член Государственного совета (1861), генерал-инспектор всей пехоты (1866), в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. сопровождал императора.

⁴⁶⁸ Зеленой Александр Алексеевич (1818–1890), генерал-адъютант (1863), генерал от инфантерии (1869), министр государственных имуществ (1862–1872), член Государственного совета (1862). В 1836 г. окончил Морской кадетский корпус, мичман. Лейтенант (1842), в 1847 г. уволен от службы по прошению, в 1848 г. поступил в межевую канцелярию на должность старшего члена с чином коллежского асессора. Надворный советник с переименованием в полковники межевых инженеров, одновременно с этим он был назначен состоять при управляющем межевым корпусом (1850). Полковник, помощник управляющего корпусом (1852). С началом Крымской войны изъявил желание вернуться на военную службу, командир Тобольского пехотного полка (1855), во главе которого принял участие и отличился при обороне Севастополя. Дважды ранен, награжден золотую саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами. Тобольский полк при эвакуации Южной стороны города прикрывал переправу и последним покинул ее. Генерал-майор с назначением состоять при Министерстве государственных имуществ (1857), в 1860 г. зачислен в Свиту Его Величества, генерал-лейтенант (1862), министр государственных имуществ (1862–1872), член Государственного совета (1862), генерал-адъютант (1863), генерал от инфантерии (1869).

⁴⁶⁹ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 25. Вып. 7. С. 516–517.

дворянства доходила до того, что русская власть фактически за-
прещала своим сторонникам бороться с ее противниками.

Такая ситуация была типичной. Результат оказался при-
скорбным. Северо-Западный край фактически превратился
в польскую колонию, где с попустительства русских властей шел
процесс насильственной абсорбции польским элементом осталь-
ных. «Западно-русские крестьяне до 1863 года, — вспоминал
современник, — вообще не могли знать своей родины. Земля,
на которой они жили, покоя века принадлежала не им. Облитая
их потом и кровью — двумя великими историческими правами
на обладание, — она принадлежала побежденным русскими
полякам, которые, *de facto*, пользовались правами победителей
над русскими племенами, живущими между Двиною, Наревом,
Днепром и Вепржем».⁴⁷⁰ Рано или поздно этому надо было по-
ложить конец. «Динабургское» дело бросило тень на Назимова
и его метод управления.⁴⁷¹ 1 (13) мая во главе Виленского генерал-
губернаторства (Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская
губернии) был поставлен генерал М. Н. Муравьев.⁴⁷² Тем же при-

⁴⁷⁰ Гейнс А. К. Ук. соч. // Собрание литературных трудов... СПб. 1899. Т. 3.
С. 166.

⁴⁷¹ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 25. Вып.
7. С. 517.

⁴⁷² Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), русский государственный
и военный деятель, граф Виленский (1865). Окончил Благородный пан-
сион при Императорском Московском университете, в 1811 г. поступил
на службу колонновожатым, прапорщик (1812), участвовал и отличился
в Отечественной войне 1812 г., в битве под Бородином тяжело ранен ядром
в ногу на батарее Раевского, подпоручик (1813), участвовал в сражении под
Дрезденом в 1813 г., в 1814 г. переведен в Гвардейский Генеральный штаб,
в 1815 г. командирован на Кавказскую линию, поручик (1816), штабс-ка-
питан (1817), капитан (1820), подполковник (1820), уволен в отставку
по ранению, в 1826 г. восстановлен на службе, в 1827 г. причислен к Мини-
стерству внутренних дел, уволен от военной службы, коллежский советник
(1827), витебский вице-губернатор, статский советник (1828), могилевский
гражданский губернатор, действительный статский советник (1830), в кам-
панию 1831 г. против Польского мятежа состоял при главнокомандующем
Резервной армией, назначен гродненским гражданским губернатором, про-
изводил следствие о политических преступлениях и занимался восстанов-
лением гражданского управления в крае. Генерал-майор (1832), получил
права военного губернатора в Гродно, в 1835 г. назначен военным и граж-
данским губернатором в Курске, в 1837 и 1838 гг. находился в заграничных
отпусках по лечению. Директор Департамента разных податей и сборов
Министерства финансов, тайный советник, сенатор (1842), генерал-лейте-
нант (1849), зачислен в армию и назначен членом Государственного совета,

казом ему были подчинены Витебская и Могилевская губернии и войска, в них расположенные.⁴⁷³

Генерал болел, с весны по осень 1862 г. он находился на лечении за границей и собирался продолжить его. Свое назначение он принял с нелегким сердцем, зная о том, насколько сильны в Петербурге позиции сторонников уступок полякам, боявшихся развития крестьянского движения и даже настаивавших на принятии мер по защите польских помещиков от русских, белорусских и украинских крестьян.⁴⁷⁴ В 1862 г. он был уволен с поста министра государственных имуществ в результате усилий Великого Князя Константина, сумевшего настроить против генерала императора.⁴⁷⁵ Но наступало время устройства Северо-Западного края, и тут Муравьев оказался незаменим.⁴⁷⁶ Еще после подавления мятежа 1831 г. он составил план необходимых действий в «губерниях от Польши возвращенных». Считая, что он был вызван «слабостью и беспечностью местного начальства», он видел его основные силы в местной шляхте — «сословии буйном и развратном», в католическом духовенстве, в то время как местное крестьянство представляло собой «сословие более страдательное».⁴⁷⁷

Перспективы разумной политики сводились к созданию эффективно действующей русской административной системы: «Но для сего необходимо предварительно образовать соответственное строгое полицейское управление — в губерниях и поручить главное управление оных особым наместникам, облеченным доверием

в 1856 г. произведен в генералы от инфантерии, председатель Департамента уделов (1856), министр государственных имуществ (1857–1862), в 1863 г. назначен виленским военным губернатором и гродненским, ковенским и минским генерал-губернатором, а также командующим войсками Виленского военного округа с правами командира корпуса в военное время, в 1865 г. уволен от этих должностей, в 1866 г. назначен председателем Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова.

⁴⁷³ Русский инвалид. 2/14 мая 1863 г. № 95. С. 407.

⁴⁷⁴ Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863–1866 // РС. 1882. Том 36. Вып. 11. С. 389, 391–399.

⁴⁷⁵ «Готов собою жертвовать...» С. 79.

⁴⁷⁶ Имеретинский А. К. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 611.

⁴⁷⁷ Кропотков Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб. 1874. Приложение XV к главе VIII. Записка о ходе мятежа в губерниях от Польши возвращенных и заключение о причинах столь быстрого развития оного, извлеченные из сведений, почерпнутых на месте происшествия и подлинных допросов. С. 504–505, 507, 511.

Государя Императора и опытных в способностях, нравственных качествах и знающих с должною точностию местность и свойства обывателей». ⁴⁷⁸ В 1863 г. во время встречи с императором он изложил ему свои мысли. На первом этапе главная задача сводилась к следующему: «открытие и задержание главных секретных деятелей мятежа и ограждение сельского населения, оставшегося верноподданым Вашему Императорскому Величеству, от насилий и неистовств мятежников, от которых страдала и личность, и собственность каждого...» Муравьев получил полное одобрение Александра II. ⁴⁷⁹

Теперь эта программа могла быть реализована на практике. Для начала генералу пришлось взяться за самое простое и самое важное: «Мне надо было на первых порах рассеять польскую дурь и возродить в русских и в войске уверенность в непоколебимости предпринимаемых правительством мер. Словом, надо было восстановить правительственную власть и доверие к оной — без этого ничего нельзя было делать». ⁴⁸⁰ Действия Берга и Муравьева, в основу которых было положено сочетание репрессий по отношению к мятежникам и гарантия мира и спокойствия лояльным подданным, продемонстрировали твердую решимость власти прекратить революционный террор.

14 (26) мая Муравьев прибыл в Вильно и вступил в командование войсками. Его первый приказ по округу гласил: «Смутам и мятежу, возникшим в здешнем крае, надобно положить предел. Обращаюсь к храбрым войскам, над которыми принимаю начальство, уверенный, что с помощью Божией, дружными усилиями нашим дерзкие крамольники скоро понесут заслуженную ими кару, и порядок, и спокойствие восстановятся в вверенном мне крае». ⁴⁸¹ Распоряжения генерал-губернатора к этому времени не просто игнорировались — их поднимали на смех. ⁴⁸² Вскоре Муравьев принялся за дело. Назимова он считал человеком слабым и недалеким и не собирался продолжать его политику. ⁴⁸³ Одним из первых шагов генерала еще по дороге в Вильно была встреча с представителями дворянства в Динабурге. Здесь же был подтвержден смертный приговор

⁴⁷⁸ Там же. С. 518.

⁴⁷⁹ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем с 1 мая 1863 по 17 апреля 1865 г. Б. м. Б. г. С. 1.

⁴⁸⁰ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1882. Том 36. Вып. 11. С. 400.

⁴⁸¹ Русский инвалид. 28 мая/9 июня 1863 г. № 115. С. 489.

⁴⁸² «Готов собою жертвовать...» С. 85.

⁴⁸³ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1882. Том 36. Вып. 11. С. 390.

графу Платеру.⁴⁸⁴ По приезде в Вильно генерал распорядился освободить из тюрьмы старообрядцев Динабургского уезда.⁴⁸⁵ Шеф жандармов округа, слишком далеко зашедший в покровительстве польскому дворянству, был уволен с занимаемой должности и отправлен в Петербург, к вящему неудовольствию ген. Долгорукова.⁴⁸⁶

В отличие от своего предшественника, Муравьев не заигрывал с польским дворянством и католическим духовенством, входил в детали управления и не терпел ложь, недомолвки и незнание.⁴⁸⁷ Генерал отличался завидной работоспособностью и трудился по 16 часов в сутки.⁴⁸⁸ Особое внимание Муравьев уделял системе управления. Местные власти и полиция состояли в основном из поляков и были в массе своей ненадежны.⁴⁸⁹ Генерал считал необходимым заменить в администрации польский элемент русским.⁴⁹⁰ «Вооруженным шайкам, — вспоминал его сотрудник, — он не придавал особого значения, называл их сволочью и сравнивал с ветвями и сучьями дерева, которые вырубаятся, сохнут, падают, но на их месте вырастают другие, и дерево продолжает расти и разветвляться, пока корни его целы. На эти-то корни и обрушился Муравьев».⁴⁹¹

Виленский католический епископ Красинский⁴⁹² на встрече с новым генерал-губернатором не принял серьезно его предупреждений о смене политического курса и попытался отшутиться от требований о сотрудничестве с властью.⁴⁹³ Следует отметить, что он не был столь шутлив, когда в 1860 г. призывал священников не допускать критики в адрес помещиков и служить «звеном любви, связывающих помещиков и крестьян». Нару-

⁴⁸⁴ Виленские очерки. 1863–1865. (Из воспоминаний очевидца) // РС. 1883. Том 40. Вып. 10. С. 189.

⁴⁸⁵ Войт В. К. Воспоминание о графе Михаиле Николаевиче Муравьеве. По случаю воздвигаемого ему памятника в г. Вильне (рассказ очевидца). СПб. 1898. С. 9.

⁴⁸⁶ «Готов собою жертвовать...» С. 91.

⁴⁸⁷ Имеретинский А. К. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 617, 619.

⁴⁸⁸ Войт В. К. Ук. соч. С. 11.

⁴⁸⁹ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева... С. 2.

⁴⁹⁰ Войт В. К. Ук. соч. С. 9.

⁴⁹¹ Имеретинский А. К. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 620.

⁴⁹² Адам Станислав Красинский (1810–1891), епископ Виленский в 1858–1864 гг. За отказ осудить восстание сослан в Вятку, где проживал до 1882 г., после чего получил разрешение выехать за границы Империи. Проживал в Кракове.

⁴⁹³ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1882. Том 36. Вып. 11. С. 402–403.

шителям тогда епископ грозил карами и предупреждал о том, что не будет никакой защиты от светских властей.⁴⁹⁴ Теперь, в 1863 г., он был полностью на стороне мятежа, не идя в осуждении его участников дальше шуток.⁴⁹⁵ Тем не менее он ожидал, что по всем вопросам, связанным с судьбой католических священников, будут предварительно советоваться с ним. Муравьев продемонстрировал свою позицию, утвердив смертный приговор Ксендзу, с которого перед казнью даже не был снят сан.⁴⁹⁶ Еще перед своим отъездом из Петербурга генерал был уверен в необходимости такого демонстративного наказания. По приезде он сразу же перешел от слов к делу.⁴⁹⁷ Казнь была публичной, о которой по всему городу возвестили барабанным боем и трубой, собравшими массу народа.⁴⁹⁸ Ксендза и дворянина, уличенных в чтении манифеста мятежного правительства в костеле с целью возмущения крестьян, казнили в полдень 24 мая (5 июня) на торговой площади.⁴⁹⁹ Епископ протестовал и выпустил воззвание к пастве, заявив о том, что произошло надругательство над верой (повешения православных священников мятежниками не вызывали у него такой реакции), проклял всех, кто имел отношение к этому делу, и потребовал выдать тело «покойного отца Агриппина» для предания земле «по закону христианскому». Понимая, что похоронам готовились придать характер политической демонстрации, Муравьев не пошел навстречу требованиям костела, а епископ был выслан из края. Католическое духовенство в ответ объявило церковный траур — богослужение было прекращено. Ксендзы ограничились только крещением и предсмертной исповедью, запретив даже похороны с церковным обрядом. Это вызвало известное смущение в народе, но светские власти не поддались на шантаж.⁵⁰⁰ Запрет не привел к массовым протестам и поддержке восстания, на что был сделан явный расчет. Постепенно епископы начали снимать траур, последним был епископ Варшавский.⁵⁰¹

⁴⁹⁴ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. 219.

⁴⁹⁵ Виленские очерки... // РС. 1883. Том 40. Вып. 10. С. 293.

⁴⁹⁶ Имеретинский А. К. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 618.

⁴⁹⁷ Ф. Михаил Николаевич Муравьев. 1 мая 1864 г. // РС. 1883. Том 39. Вып. 9. С. 653.

⁴⁹⁸ Виленские очерки... // РС. 1883. Том 40. Вып. 10. С. 195–196.

⁴⁹⁹ Московские ведомости. 31 мая 1863. № 117. С. 2.

⁵⁰⁰ Потто [В. А.] Походные записки... // ВС. 1869. № 6. С. 183–184.

⁵⁰¹ Потто [В. А.] Походные записки... // ВС. 1870. № 3. С. 187–188.

В день казни была издана новая инструкция по введению военно-гражданского управления на территориях Литвы и Белоруссии — в уездах вводилось военно-полицейское управление, караулы и пропускной режим, проводилось разоружение населения, очищение края от нежелательных элементов, местные помещики должны были нести ответственность за появление мятежников в их владениях, ксендзы несли ответственность за чтение революционных прокламаций в храмах. Ссылки на принуждение со стороны революционеров не принимались, «ибо служители алтаря еще менее других должны подчиняться сим угрозам». Нарушителей ожидал арест, военный суд и секвестр имущества. Все они должны были понести наказание: «Клятвопреступниками и сугубо виновными считать всех принимавших участие в мятеже лиц без различия национальностей, ибо различие это не может и не будет допущено: все обитатели России, какого бы исповедания не были — подданные одного Государя и России и одинаково ответственны за нарушение верноподданнической присяги».⁵⁰²

Генерал обратился к Красинскому с письмом, которое было предано гласности. Он обращал внимание на то, что часть ксендзов активно возбуждает народ, участвует в стычках с войсками, предводительствует шайками. «Все эти обстоятельства поставили меня в прискорбную необходимость, как уже известно Вашему Преосвященству, подвергнуть, по приговору военного суда, смертной казни двух ксендзов, обвиненных в нарушении долга верноподданнической присяги и содействии к мятежу; многие другие преданы также военному суду, — и с ними поступлено будет со всею строгостью законов». Не желая и впредь прибегать к подобного рода мерам, Муравьев просил Красинского довести это до лиц духовного звания и добавлял: «почитаю долгом присоветовать, что закон, карая измену и нарушение верноподданнической присяги, не менее строг и к тем, которые, будучи поставлены в возможность предупредить преступление, делают, по причине своего бездействия, соучастниками оно».⁵⁰³

⁵⁰² Инструкция для устройства военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний // Московские ведомости. 8 июня 1863 г. № 124. С. 2.

⁵⁰³ Письмо Виленского военного губернатора, гродненского и минского генерал-губернатора, командующего войсками Виленского Военного округа и главнокомандующего в Витебской и Могилевской губерниях, генерала от инфантерии Муравьева 2-го к виленскому римско-католическому епископу Красинскому от 26 мая сего года за № 333 // Русский инвалид. 4/16 июня 1863 г. № 121. С. 514.

27 апреля (10 мая) рота 4-го Копорского полка захватила в плен Сераковского и Колышко.⁵⁰⁴ Это был командир разбитого накануне отряда и его адъютант. Они были взяты вместе с остатками банды на отдаленной мызе в лесу, где и разместились, даже не выставив сторожевых постов.⁵⁰⁵ Сераковский, действовавший под именем генерала Доленго, был символом особых надежд мятежников. О его планах ходили легенды, от него ожидали крупных успехов.⁵⁰⁶ Пленный «генерал», как его называли подчиненные, был ранен. На вопрос, почему он не стал вести партизанскую войну, он не смог дать убедительного ответа. Командир л.-гв. Финляндского полка, к которому доставили пленных, назвал их гороховыми шутами и направил в Вильно.⁵⁰⁷ 28 мая (9 июня) Колышко был повешен. Он был уличен в руководстве шайкой, участии в действиях против русских войск, разграблении сельских правлений, повешении лиц земской полиции.⁵⁰⁸ Такая же судьба постигла и Сераковского, который до последнего демонстративно говорил о «сильной руке» в столице, которая его выручит. Все телеграммы заступников из Петербурга были проигнорированы.⁵⁰⁹ Муравьев считал, что раз Сераковский вешал других — то и сам он должен быть повешен.⁵¹⁰ Генерал понимал — если за нарушение присяги и дезертирство не будет наказан офицер Генерального штаба, моральное право наказания рядовых мятежников будет поставлено под вопрос.⁵¹¹ До последнего момента Сераковский не верил в то, что будет казнен, пытался спорить с читавшим

⁵⁰⁴ Болеслав Колышко (1838-1863), польский дворянин Лидского уезда Виленской губернии. В 1859 г. поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. В начале 1860 г. вернулся в Западный край, проживал в Лиде, где развернул активную польскую революционную агитацию, в 1861 г. для того, чтобы избежать ареста, выехал в Италию. В начале 1863 г. вернулся, возглавил один из отрядов повстанцев, действовавших под руководством С. Сераковского. Весной 1863 г. разбит, пленен, повешен в Вильно.

⁵⁰⁵ Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае... // РА. 1899. № 7. С. 395–396.

⁵⁰⁶ Гулевич С. Ук. соч. СПб. 1906. Ч. 3. 1856–1881 гг. С. 64.

⁵⁰⁷ Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае... // РА. 1899. № 7. С. 396–399.

⁵⁰⁸ Московские ведомости. 2 июня 1863. № 119. С. 2.

⁵⁰⁹ Имеретинский А. К. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 611–612.

⁵¹⁰ Шамшев И. И. Рассказы старого лейб-казака // РС. 1878. Том 21. Вып. 3. С. 535.

⁵¹¹ Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае... // РА. 1899. № 7. С. 406.

приговор, отбиваться от палачей и потерял сознание перед казнью.⁵¹²

В Вильно никто не верил, что генерал-губернатор пойдет на такие не виданные до этого здесь меры. После решительных действий слова Муравьева стали воспринимать по-другому.⁵¹³ Красинский после этого предпочел сказаться больным и отправиться на воды в Друскеники.⁵¹⁴ Вскоре он был сослан с жандармом в Вятку.⁵¹⁵ «Высылка из края главного духовного деятеля мятежа, епископа Красинского и несколько примеров строгого взыскания с римско-католического духовенства, — писал Муравьев, — в скором времени ослабили его преступное влияние на местное население».⁵¹⁶ Результат был очевиден: «Спевание в костелах прекратилось моментально, разные эмблемы польского угнетения в виде брошек и булавок (сломанный крест) и польских надежд в виде запонок в форме одноглавого орла и цветочных кокардок исчезли».⁵¹⁷ Вместе с модой на эту бижутерию еще в 1862 г. пришла и другая — дамы начали носить траур по Польше. За ношение траура без справки о смерти в семье вводился штраф 25 руб., который при повторном нарушении удваивался.⁵¹⁸ Улицы городов расцвели дамскими нарядами, самые упрямые продолжали носить траур дома, что, естественно, не возбранялось.⁵¹⁹

Генерал призывал действовать решительно и строго: «Сознавая, что скитающиеся теперь банды суть ни что иное, как шайки разбойников, не заслуживающих по их упорству и зверским поступкам, никакой пощады, я уже предписал тех, которые будут взяты в плен из этих бродячих разбойнических шаек, ежели сии последние учинили какое-либо неистовство или насилие над крестьянами или иным кем, судить полевым уголовным судом в 24 часа (разр. авт. — А. О.) и исполнять над ними смертные приговоры по конфирмациям военно-уездных начальников, донося об этом мне в то же время».⁵²⁰ Воинские начальники получили приказы не ограничиваться перестрелкой с мятежниками,

⁵¹² Шамшев И. И. Ук. соч. // РС. 1878. Том 21. Вып. 3. С. 537.

⁵¹³ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1882. Том 36. Вып. 11. С. 407.

⁵¹⁴ Имеретинский А. К. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 618.

⁵¹⁵ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1882. Том 36. Вып. 11. С. 407.

⁵¹⁶ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева... С. 4.

⁵¹⁷ Митропольский И. А. Ук. соч. // РА. 1895. № 1. С. 138.

⁵¹⁸ «Готов собою жертвовать...» С. 95.

⁵¹⁹ Митропольский И. А. Ук. соч. // РА. 1895. № 1. С. 138–139.

⁵²⁰ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 69.

а энергично преследовать их вплоть до уничтожения банд. Те, кто не мог воевать подобным образом, подлежал замене.⁵²¹

Летом 1863 г. было принято решение о направлении в генерал-губернаторство гвардейских частей. Гвардия стала основной опорой политики губернатора, его надежными, верными и инициативными помощниками.⁵²² В июле в Вильно стали прибывать эшелоны 1-й гвардейской дивизии. Пехота усилила городские гарнизоны, охрану железных дорог и вместе с казаками немедленно вступила в активные действия против повстанцев.⁵²³ Выступая перед семеновцами, которых он направил в Гродно, Муравьев говорил: «Задача ваша — уничтожить престиж террора, произведенного агитаторами народного жонда. Вооруженное повстание сломлено, но его надо искоренить до тла. Виноваты не крестьяне, а помещики; из последних невинных нет, — все мятежники или помогали мятежу».⁵²⁴

Муравьев решительно и бескомпромиссно ответил на революционный террор репрессиями.⁵²⁵ К июлю 1864 г. из края было выслано 177 католических священников, все расходы на содержание арестованных и сосланных ксендзов возлагались на католическую церковь. 7 ксендзов были расстреляны.⁵²⁶ В наиболее напряженный период борьбы, с приезда Муравьева в Вильно в мае по сентябрь 1863 г., был казнен 31 чел., примерно столько же, сколько мятежники убили за один день в деревне Ремигола Поневежского уезда.⁵²⁷ Вообще же, с начала мятежа по декабрь 1864 гг. в генерал-губернаторстве было казнено 128 человек: «за измену долгу и присяге побегом из войск и вступлением в мятежнические шайки» — 24; «за участие в мятеже и совершение в оном: грабежей — 3; смертоубийств — 47; особенно деятельное участие в мятеже и долговременную бытность в шайках мятежников — 6; за предводительствование мятежническими шайками — 24; публичное чтение и распространение возмутительных манифестов и подговор жителей к восстанию — 7; бытность во

⁵²¹ Там же. С. 45.

⁵²² «Готов собою жертвовать...» С. 92.

⁵²³ Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб. 1882. С. 144–145; Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб. 1883. Т. 2. С. 195.

⁵²⁴ Дирин П. Ук. соч. СПб. 1883. Т. 2. С. 196.

⁵²⁵ «Готов собою жертвовать...» С. 111–112.

⁵²⁶ Комзолова А. А. Ук. соч. С. 70–71.

⁵²⁷ Сивинис А. Двадцать дней в Вильне // Русский инвалид. 9/21 октября 1863 г. № 215. С. 940.

главе распорядителей революционной организации и высшие распоряжения мятежным движением — 6; служение революционному комитету в звании жандармов-вешателей и полицейантов для совершения убийств — 11».⁵²⁸

Таким образом, большинство казненных понесли наказание за убийства (47) и деятельность в качестве палачей (11), что вместе с грабежами (3) и изменой присяге (24) представляет значительно более половины казненных (75 из 128). Лично Муравьев утвердил 68 смертных приговоров.⁵²⁹ Из общего числа казненных служащими были 14 офицеров и 10 нижних чинов, 1 гражданский чиновник, 7 отставных офицеров и 7 нижних чинов, 7 ксендзов, 40 дворян, 10 шляхтичей, 4 однодворца, 8 мещан, 18 крестьян и 2 иностранца прусского подданства.⁵³⁰ Очевидно, что наиболее активным элементом восстания были явно не крестьяне, что позволяет сделать достаточно очевидный вывод и о национальном составе движения, которое и сами его участники, и их противники со всем основанием называли польским. Разумеется, лидирующую роль в нем традиционно играло избалованное правительством дворянство. На этот раз снисхождения к нему не было. Ни принадлежность к аристократическим родам, ни связи в Петербурге, ни сан католического священника не помогали при смягчении приговора, если речь шла о грабеже или об убийстве офицера, солдата или чиновника, крестьянина или православного священника.

В июле 1863 г. местное дворянство направило к генералу делегацию с просьбой передать на имя императора адрес с выражением раскаяния и верноподданнических чувств. Наместник принял представителей высшего сословия, напомнив им об ответственности, и заявил, что им следует доказать свою лояльность и готовность восстановить спокойствие в крае.⁵³¹ Разгром мятежа шел быстро, как отмечал современник, «в плен стали попадать повстанцы целыми бандами».⁵³² Пленные и арестованные мятежники препровождались в тюрьмы. Режим их содержания там никак нельзя было назвать жестким: арестанты получали приличную пищу, их выводили на ежедневные прогулки, были разрешены передачи — как продовольственные, так и вещевые,

⁵²⁸ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. ... С. 100.

⁵²⁹ Комзолова А. А. Ук. соч. С. 95.

⁵³⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. ... С. 99.

⁵³¹ Виленские очерки... // РС. 1883. Том 40. Вып. 11. С. 395.

⁵³² Митропольский И. А. Ук. соч. // РА. 1895. № 1. С. 137.

допускалась переписка и передача книг.⁵³³ Для того, чтобы прекратить сплетни и небывлицы, распространяемые в европейской, и особенно британской и французской, прессе, Муравьев даже допустил двух корреспондентов «Morning Herald» посетить тюрьмы, в которых содержались политические преступники.⁵³⁴ Их было много. По приговорам военных судов с лишением прав состояния были сосланы на каторжные работы 972 чел., на поселение в отдаленные места Сибири — 573, на поселение в менее отдаленные места Сибири — 854, определены в военную службу рядовыми 345, сосланы в арестантские роты 864, высланы на водворение на казенных землях внутри Империи 4096 чел. (или около 800 семей), сосланы на жительство во внутренние губернии по решению суда 1254 чел., из края были выселены 629 семей так называемой околичной шляхты. В административном порядке, по приказанию Муравьева, за пределы генерал-губернаторства были высланы 279 чел. В целом высланные из Северо-Западного края составили большинство (57 %) всех репрессированных участников восстания 1863 г. (высланные из Царства Польского составили 38 %, из Юго-Западного края — 5 %).⁵³⁵

Разумеется, репрессиями защита крестьянского населения от мятежников не ограничивалась. При полной поддержке Петербурга была проведена реформа, которая нанесла серьезный удар по основной социальной и экономической базе восстания — дворянству. В Царстве Польском к ее подготовке приступили осенью 1863 года, когда в Петербург из-за границы был вызван Н. А. Милютин.⁵³⁶ 31 августа (13 сентября) на аудиенции у импе-

⁵³³ Буланцов. Ук. соч. С. 42.

⁵³⁴ Сивинис А. Двадцать дней в Вильне // Русский инвалид. 1/13 октября 1863 г. № 215. С. 916.

⁵³⁵ Комзолова А. А. Ук. соч. С. 73–74.

⁵³⁶ Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), выдающийся государственный деятель России, один из виднейших участников подготовки реформ 1861–1864 гг., тайный советник (1860), сенатор (1861), член Государственного совета (1865), почетный член Университета Св. Владимира (1861), Московского университета (1867). Окончил Благородный пансион при Московском университете (1835), определен на службу в Хозяйственный департамент МВД, губернский секретарь (1835). Коллежский секретарь (1838), титулярный советник (1840), коллежский асессор (1842), надворный советник (1844), коллежский советник (1846), статский советник (1849), действительный статский советник (1852), тайный советник (1860), сенатор (1861). В сентябре 1863 командирован в Царство Польское, где вместе с Ю. Ф. Самариным и кн. В. А. Черкасским составил проект устройства быта крестьян. Статс-секретарь Его Величества (18 комитета по делам Царства Польского

ратора он изложил Александру II свои взгляды на крестьянский вопрос в Польше и 11 (23) сентября был командирован в Варшаву для подготовки реформы. В октябре Н. А. Милютин вместе с ближайшими сотрудниками провел поездку по Царству, в ходе которой он встречался с крестьянами и уточнял на месте применимость своих первоначальных проектов на практике.⁵³⁷ Очевидно, что к этому времени на положении в деревне сказалась политика, проводившаяся не только Бергом, но и Муравьевым.

Необходимо отметить, что в период подготовки и проведения реформы 1861 г. Муравьев выступал в поддержку интересов помещичьего землевладения и был противником группы «либеральной бюрократии». Это не помешало ему преодолеть разногласия и найти общий язык с братьями Милютиными в 1863–1864 гг. В белорусских губерниях Виленского генерал-губернаторства действительно возникла опасность повторения событий в австрийской Галиции в 1846 г., когда выступление польского дворянства вызвало эффект резонанса классовых, религиозных, экономических и культурных противоречий. Резня в России была недопустима, как невозможно было и сохранение прежних льготных условий привилегированного сословия.

Распоряжениями Муравьева польские помещики края были обложены временным 10 % денежным сбором, поместья участников восстания обложили «усиленным» — 20–30 % сбором, помещики русского и остзейского происхождения платили 5 % сбор, позже сокращенный до 2,5–1,5 %. Поземельный сбор с доходов всех помещиков Северо-Западного края составил 2,6 млн рублей. За убытки, нанесенные революционерами крестьянам и другим сословиям, за материальный ущерб казне особыми сборами были обложены имения, на территории которых происходили нападения на русские власти и верных императорской короне людей. Таким образом, польское дворянство заплатило еще 800 тыс. рублей. Имущество активных участников движения секвестрировалось, к концу июня 1863 г. было секвестровано 369 имений, по материальной базе мятежа был нанесен мощный удар.⁵³⁸ Сборы с дворянства, пусть и мятежного, встретили нарекания в столице, но все же неуклонно проводились.⁵³⁹

(1864). Член Государственного совета (1865). Главный начальник Собственной Его Величества Канцелярии по делам Царства Польского (1867).

⁵³⁷ Костюшко И. И. Ук. соч. С. 79, 81, 87–88.

⁵³⁸ Комзолова А. А. Ук. соч. С. 74, 76–77.

⁵³⁹ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1882. Том 36. Вып. 11. С. 429.

Из числа местных крестьян формировались «сельские вооруженные караулы», в них активно участвовали крестьяне белорусских и пассивно — литовских губерний. В них должны были участвовать 1/3 всех способных к службе в каждом селении. Огнестрельное оружие получали только десятники и сотники, остальные вооружались пиками, косами и топорами, а вне зоны активных действий — только палками и дубинами. Караулы должны были обеспечивать заставы на дорогах, прочесывание лесов, поимку одиночных мятежников, извещение войск о скопищах и т. п. Они подчинялись полиции, в случае смерти или ранения на службе семья получала компенсацию в виде зачетной рекрутской квитанции. Караулы получали часть добычи из трофеев.⁵⁴⁰ Стражник получал жалованье 10 коп. в день, не считая хлебного довольствия.⁵⁴¹ Хлебное довольствие доходило до 3 фунтов в день.⁵⁴² Финансирование сельских караулов осуществлялось за счет контрибуций с дворянства. Численность в среднем по уездам колебалась от 1 до 2 тыс. человек.⁵⁴³

Они получали право задерживать подозрительную шляхту, управляющих, арендаторов и т. п., и передавать их властям для дальнейшей проверки.⁵⁴⁴ Участники караулов получали по 3 рубля за каждого безоружного мятежника, по 5 рублей — за каждого вооруженного и за захваченное оружие — от 50 коп. до 3 руб. в зависимости от вида трофея.⁵⁴⁵ Реакция крестьян на введение сельских караулов была весьма позитивной. Старообрядцы Динабургского и Режицкого уездов вызвались в 2 недели сформировать конную сотню ополчения. Генерал-губернатор одобрил их намерение.⁵⁴⁶ «Смело и без боязни, — обращался он к сельским стражникам, — станьте лицом к лицу против бунтовщиков, которых страх наказания гонит в леса, а грабеж и разбой вызывают оттуда на ваши селения».⁵⁴⁷ Формирование стражи, докладывал

⁵⁴⁰ Временные правила для образования в западных губерниях сельских вооруженных караулов // Русский инвалид. 7/19 июня 1863 г. № 124. С. 526–527.

⁵⁴¹ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863–1864. Сост. Н. Цылов. Вильна. 1866. С. 184.

⁵⁴² Русский инвалид. 29 ноября/11 декабря 1863 г. № 264. С. 1112.

⁵⁴³ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1882. Том 36. Вып. 11. С. 431.

⁵⁴⁴ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 20.

⁵⁴⁵ Русский инвалид. 29 ноября/11 декабря 1863 г. № 264. С. 1112.

⁵⁴⁶ Московские ведомости. 1 июня 1863. № 118. С. 3.

⁵⁴⁷ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 231.

Муравьев, «исполнено с усердием и неподдельною преданностью Вашему Императорскому Величеству».⁵⁴⁸ Сельские караулы организовывались не только в Виленском генерал-губернаторстве, но и в Царстве Польском.⁵⁴⁹

Появление эффективно действующей сельской стражи способствовало решению еще одной проблемы — увеличению безопасности коммуникаций. Стража активно помогала армии и полиции. 3 (15) июня 1863 г. в ответ на заявление Польского революционного комитета о прекращении движения по Петербурго-Варшавской железной дороге генерал-губернатор издал циркуляр о рубке леса вдоль дорог и усилении караулов.⁵⁵⁰ Каждая железнодорожная станция получила свой маленький гарнизон и была обнесена деревянным тыном.⁵⁵¹ От Динабурга поезда, следовавшие до Варшавы, сопровождала команда из 50 солдат при унтер-офицере. Обычно они ехали в специально отведенном последнем вагоне, а на остановках выставляли цепь. Одновременно под охраной сельской стражи рабочие команды начали высекать лес вдоль железнодорожного полотна — на 150 и у станций — на 300 саженой. К середине июля работы были завершены уже на 167 верстах вдоль линии Динабург — станция Подбрюзье и активно велись на 111 верстах до Вильно.⁵⁵²

Муравьев придавал огромное значение православию и русскому крестьянству. «Я говорю — русской народности и Православия, — отмечал он, — потому, что все дело наиболее заключается в сельском населении, которое в душе русское, но было загнано и забито. Паны называли его быдлом».⁵⁵³ При новом генерал-губернаторе положение стало меняться. 8 костелов и 2 монастыря, бывших ранее православными, были возвращены церкви.⁵⁵⁴ В 1864 г. было закрыто еще 30 католических монастырей и большое число самовольно открытых среди православного большинства филиальных костелов и приходов.⁵⁵⁵ Параллельно началось

⁵⁴⁸ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева... С. 4.

⁵⁴⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 248.

⁵⁵⁰ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 87.

⁵⁵¹ Записки Ильи Васильевича Селиванова // РС. 1880. Том 29. Вып. 12. С. 851.

⁵⁵² Лебедев П. Два дня в Вильно // Русский инвалид. 2/14 июля 1863 г. № 144. С. 612.

⁵⁵³ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева... С. 10.

⁵⁵⁴ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 196.

⁵⁵⁵ «Готов собою жертвовать...» С. 174.

строительство и восстановление православных храмов. Только в Витебской и Могилевской губерниях было открыто 560 народных школ.⁵⁵⁶ Для строительства этих школ Муравьев испросил у Зеленого согласие на безденежный забор дерева из казенных лесов и запасов. Министр государственных имуществ, естественно, согласился.⁵⁵⁷

Преподавание в народных школах Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской губерний велось только на русском, Закон Божий преподавали только православные священники. В том случае, если помещик пытался помешать этому, — он облагался штрафом от 200 до 600 рублей, а подавший давление учитель — до 100 рублей. Польские библиотеки закрывались, учебники по истории Польши и костела запрещены к ввозу в генерал-губернаторство.⁵⁵⁸ Ранее обучение велось только на польском. «Главною опоячивающею силою было здесь, как и всюду в Белоруссии, — писал корреспондент «Русского инвалида», — *польское воспитание* (курсив автора. — А. О.). Для того, чтобы уничтожить горькие плоды такого неестественного порядка вещей, надо, чтобы воспитание было народное, русское; чтобы ни слова польского не было допущено в наши училища. Чтобы не принуждали русских, на нашей земле, изменники чиновные говорить и *знать* (курсив автора. — А. О.) по польски...»⁵⁵⁹ Началась активная деполонизация всей общественной жизни края. Даже за разговор на польском в присутственном месте вводились высокие штрафы.⁵⁶⁰ К началу 1865 г. все учителя школ были русскими.⁵⁶¹

Изменения в отношении к образованию, хоть и не такие масштабные, начались и в Царстве Польском, где все, включая русских, обязаны были учиться только на польском языке и в польских учебных заведениях. Безразличие отечественного чиновничества к образованию, его неспособность, за малейшими исключениями, узреть в школе основу государства и его будущего, потрясает. Берг, как и Муравьев, принадлежал к счастливым для России исключениям. В ноябре 1863 г. с его разрешения было

⁵⁵⁶ Войт В. К. Ук. соч. С. 10.

⁵⁵⁷ Русский инвалид. 17/29 ноября 1863 г. № 255. С. 1074.

⁵⁵⁸ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 25, 190–191, 227–228.

⁵⁵⁹ Борис О-ш. Частная корреспонденция «Русского инвалида». Августов, 3 ноября // Русский инвалид. 10/22 ноября 1863 г. № 249. С. 1050.

⁵⁶⁰ Войт В. К. Ук. соч. С. 10.

⁵⁶¹ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1883. Том 37. Вып. 2. С. 303.

принято решение открыть в Варшаве бесплатную русскую школу для детей обоего пола. Было опубликовано обращение с призывом помочь школе материально — на начало ноября было собрано 1600 руб. сер. К этому времени было уже 50 детей, родители которых хотели обеспечить им образование на родном языке.⁵⁶²

7 (19) декабря школа была открыта на частные (!) пожертвования. К этому времени кандидатами на обучение было уже 154 ребенка — 99 мальчиков и 55 девочек. В подготовительном классе было 78 детей, 40 из которых не знали даже русской азбуки!⁵⁶³ 9 (21) ноября были проведены экзамены, и еще через 2 дня начались занятия. Начало было очень сложным: русской школе не хватало учебников, средств, помещений.⁵⁶⁴ Неудивительно, что последовала весьма острая негативная реакция на открытие русской школы в Варшаве среди польской эмигрантской печати — в появлении этого частного учебного заведения видели чуть ли не зловещий план «омаскаливания поляков», «уничтожение польской национальности» и тому подобный бред. Для сравнения отметим, что общее число учащихся по ведомству народного просвещения на 1856 год в Царстве Польском составило 71 755.⁵⁶⁵

Реформа 1861 г. была скорректирована с большим учетом интересов крестьян. Завершение выкупной операции проводилось с учетом переplat, сделанных ранее крестьянами.⁵⁶⁶ Крестьянское землевладение было увеличено за счет возвращения земель, отнятых помещиками в 1846–1861 гг., и за счет наделения земель обезземеленных крестьян. Прежде всего, все безземельные крестьяне получили по 3 десятины, затем началось возвращение крестьянам земель по состоянию на 1846 год (в 1845–1847 гг. в Северо-Западном крае была проведена реформа инвентарей — описаны повинности и владения крестьян и помещиков).⁵⁶⁷ В Виленской губернии «новые прирезки» составили около 2,5 % размера крестьянского надела, в Ковенской — не более 3,5 %, в Гродненской — 5,4 %, в Могилевской — примерно 7,8 %.⁵⁶⁸

⁵⁶² В. О. Письмо к редактору «Русского инвалида» // Русский инвалид. 9/21 ноября 1863 г. № 248. С. 1046.

⁵⁶³ Русский инвалид. 25 декабря 1863 г. / 6 января 1864 г. № 285. С. 1198.

⁵⁶⁴ Русский инвалид. 20 ноября / 2 декабря 1863 г. № 257. С. 1084.

⁵⁶⁵ Шевченко М. М. Ук. соч. С. 171.

⁵⁶⁶ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 11.

⁵⁶⁷ Улащик Н. Н. Ук. соч. // История СССР. 1961. № 6. С. 118–121.

⁵⁶⁸ Комзолова А. А. Ук. соч. С. 91.

В Вильно к Муравьеву с просьбой о защите стали присылать депутации даже крестьяне из Царства Польского.⁵⁶⁹ Это были 25 уполномоченных от общества Зыпле Августовской губернии. Польские крестьяне заверяли в своей верности и просили о защите от мятежников.⁵⁷⁰ Первоначально генерал-губернатором были приняты меры по соседним уездам губернии. Зная о негативном отношении своего брата к Муравьеву, император предупредил Константина в личном письме от 12 (24) августа: «Я их одобряю и требую, чтобы до личного объяснения не было с твоей стороны тому препятствуемо».⁵⁷¹ В сентябре Августовская губерния была передана в административное подчинение Муравьеву.⁵⁷² Покрытая плотными лесами, в которых хозяйничали банды, практически лишенная гарнизонов, она представляла собой один из очагов активного движения повстанцев. Сюда был направлен доблестный генерал-лейтенант Я. П. Бакланов.⁵⁷³ Он получил экстраординарные полномочия, но с необходимостью постоянного доклада Муравьеву.⁵⁷⁴

⁵⁶⁹ Русский инвалид. 10/22 августа 1863 г. № 175. С. 750.

⁵⁷⁰ Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае... // РА. 1899. № 7. С. 418.

⁵⁷¹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 356.

⁵⁷² Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае... // РА. 1899. № 7. С. 418.

⁵⁷³ Бакланов Яков Петрович (1809–1873), генерал-лейтенант (1860), герой Кавказской войны, сын донского казака, дослужившегося до полковника. С 1824 г. — на службе, урядник 1-го Донского казачьего полка, в сотне, которой командовал его отец. Принял участие и отличился в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., хорунжий (1829), сотник (1831). Принял участие и отличился в делах против горцев в действиях за Кубанью и в Чечне. Есаул (1837). В 1841 г. переведен в 41-й Донской казачий полк на границу с Пруссией. В 1844 г. переведен на Кавказ, войсковой старшина. За отличие в боях с отрядами Шамиля при обороне крепости Внезапная назначен командиром 20-го Донского казачьего полка. Награжден золотой саблей «За храбрость» (1849). Полковник (1850), командир 17-го Донского казачьего полка (1850), за умелые действия в Чечне награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (1852), генерал-майор (1852). Начальник иррегулярной кавалерии в Отдельном Кавказском корпусе (1855), участвовал и отличился в штурме Карса в 1856 г., награжден орденом Св. Анны 1-й ст. и после полученной контузии отправлен в отпуск. Походный атаман донских казачьих полков на Кавказе (1857). Генерал-лейтенант (1860). Окружной генерал 2-го округа Области войска Донского (1861–1863). В командировке в Виленском генерал-губернаторстве (1863–1867). С 1867 г. — в отставке, умер в Петербурге, в 1911 г. перезахоронен в Новочеркасске.

⁵⁷⁴ Бакланов Я. П. Моя боевая жизнь. (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова, написанные собственною его рукою) // РС. 1971. Том 4. Вып. 8. С. 154–155.

Генерал-губернатор, понимая, что часто селянин вынужден был снабжать мятежников под угрозой смерти, приказал Бакланову быть снисходительным к ранее сделанным ошибкам, но впредь не жалеть такого рода проступки. Бакланову были даны Преображенский, Семеновский, Измайловский, Драгунский и Донской казачий полки. 18 (30) сентября они выступили в губернию.⁵⁷⁵ Эти войска быстро привели ее к спокойствию.⁵⁷⁶ Бакланов лично проверил тюрьмы и не собирался брать на себя ответственность и освобождать тех, кто попал туда случайно, без доказательств вины.⁵⁷⁷ Доказанное преступление не давало надежды на прощение. Повсюду наблюдалась одна и та же картина. Имущество активных участников мятежа — ксендзов, помещиков и шляхты — конфисковалось и затем подлежало продаже на аукционах, полученные деньги шли в пользу пострадавших от мятежа, хлеб поступал на довольствие войск.⁵⁷⁸ Эти меры очень быстро сказались на поведении помещиков. Они начали бояться представителей императорского правительства, а не Народного Жонда. Помощь повстанцам резко сократилась.⁵⁷⁹

26 августа (7 сентября) добровольно явившимся было обещано прощение. На это раз амнистия не была полной. «Но при этом прошу иметь в виду, — предупреждал Муравьев, — что те, которые учинили какое-либо особое преступление, не могут подлежать прощению; действия их должны быть рассмотрены порядком, в законе указанном».⁵⁸⁰ Эта мера в первую очередь касалась тех, кто был уведен в лес насильно, помимо своего желанья и не был связан с убийствами. Прежде всего это были крестьяне.⁵⁸¹ Возвращающиеся после проверки принесли очистительную присягу в присутствии губернатора, а потом возвращались домой. Эта церемония происходила почти ежедневно. Так, например, 26 сентября (8 октября) в костеле Святого Иоанна в Вильно присягнули 8 человек: 2 помещика, 4 шляхтича и 2 крестьянина.⁵⁸² В течение нескольких месяцев более 3 тысяч человек покинули банды и водворены на места жительства под ручательство об-

⁵⁷⁵ Там же. С. 155.

⁵⁷⁶ «Готов собою жертвовать...» С. 123.

⁵⁷⁷ Бакланов Я. П. Ук. соч. // РС. 1971. Том 4. Вып. 8. С. 159.

⁵⁷⁸ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 70.

⁵⁷⁹ Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 11. С. 428.

⁵⁸⁰ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 71.

⁵⁸¹ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева... С. 5.

⁵⁸² Русский инвалид. 1/13 октября 1863 г. № 215. С. 915.

ществ. Все преступники сослались в Сибирь.⁵⁸³ Мятежники повесили до 500 крестьян и нескольких священников⁵⁸⁴ — теперь наступило время расплаты.

Положение крестьянской семьи, лишившейся кормильца, было трагичным. «Русский инвалид» начал сбор средств на нужды этих людей. На 10 (22) июня 1863 г. было собрано 2386 руб. 36 коп.,⁵⁸⁵ через неделю эту сумма выросла до 2 617 руб. 21 коп.,⁵⁸⁶ а 2 (14) сентября — уже 4 452 руб. 75 коп.⁵⁸⁷ Но основную тяжесть бремени финансового милосердия пала на плечи убийц. Мятежникам и их сторонникам пришлось платить за совершенные преступления и в прямом смысле этого слова. Средства для компенсации семьям убитых крестьян взимались с польского дворянства.⁵⁸⁸ Если на месте происшествия окочная шляхта уличалась в содействии в насилии над крестьянами, то на всех накладывалась контрибуция от 10 до 25 рублей серебром со двора в пользу семейств, пострадавших от шайки.⁵⁸⁹

К таким же мерам прибегали русские власти и на территории Царства Польского — в Седлицкой губернии за любые насилия мятежников в отношении крестьян, за изъятие у них продовольствия и фуража, в случае отсутствия сопротивления со стороны помещиков и шляхты, платили именно они. На эти же сословия были возложены штрафы за предоставление квартир повстанцам, за насильственный увод людей в лес и т. п., причем платила округа на расстоянии 10 верст от места происшествия.⁵⁹⁰ В результате Муравьеву и Бергу удалось достаточно быстро добиться перелома в настроениях колеблющегося польского крестьянства и наградить литовских и белорусских крестьян за их лояльность. После этого восстание было обречено и быстро пошло на убыль.⁵⁹¹

Безусловно, свою роль сыграла и концентрация силы. Летом 1863 г. в Царстве было сконцентрировано 14 пехотных и 5 кавалерийских полков.

⁵⁸³ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева... С. 5.

⁵⁸⁴ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева... С. 6.

⁵⁸⁵ Русский инвалид. 13/25 июня 1863 г. № 129. С. 547.

⁵⁸⁶ Русский инвалид. 19 июня/1 июля 1863 г. № 134. С. 569.

⁵⁸⁷ Русский инвалид. 3/15 сентября 1863 г. № 192. С. 821.

⁵⁸⁸ Секретно. Отчет графа М. Н. Муравьева... С. 6.

⁵⁸⁹ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 70.

⁵⁹⁰ Истомин В. А. Ук. соч. С. 47–48.

⁵⁹¹ Краткие известия о военных действиях в Царстве Польском и Виленском Военном округе // ВС. 1863. № 7. С. 313, 318–320.

лерийских дивизий — 163 тыс. штыков и сабель.⁵⁹² Тем не менее буквально на излете движения мятежники успели достичь своего первого серьезного успеха. 26 июля (7 августа) в Жиржинском лесу приблизительно на полпути между Ивангородом и Люблином они внезапной атакой из засады разбили русский отряд, конвоировавший денежный транспорт.⁵⁹³ 2 роты саперов и Ивангородского крепостного батальона были внезапно атакованы вдесятеро сильнейшим неприятелем.⁵⁹⁴ Будучи захваченными врасплох атакой из засады, роты сражались 3 часа в окружении и, израсходовав боезапас, вынуждены были пробиваться штыками. Было убито 2 офицера и 82 солдата, ранено 6 офицеров и 149 солдат.⁵⁹⁵ В Ивангород вернулись 267, в Люблин — 50 чел. В результате противник захватил 2 орудия и до 125 тыс. рублей.⁵⁹⁶ Нет нужды говорить, насколько воодушевил этот успех мятежников. Объем трофеев мгновенно вырос аж до 3 млн руб. Впрочем, на преследование банд были брошены усиленные пехотой отряды гвардейской кавалерии и казаков.⁵⁹⁷ Трофейные орудия были заклепаны, и противник вынужден был закопать их.⁵⁹⁸ 12 (24) августа повстанцы были разгромлены в Фейславицком лесу. Их 4-тысячный отряд, сражавшийся в Жиржино, потерял до 1 тыс. убитыми и ранеными и 680 пленными.⁵⁹⁹ Остатки банд бежали через австрийскую границу в Галицию.⁶⁰⁰

Эта неудача ускорила завершение давно назревших перемен в администрации Царства Польского. Еще 4 (16) июля Варшаву покинул Велепольский. Он отправился в длительный зарубежный отпуск. 27 августа (8 сентября) Царство Польское покинул Константин Николаевич. Он отправился в Крым через Европу.⁶⁰¹

⁵⁹² Керсновский А. А. История русской армии. М. 1993. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814–1881 гг. С. 198.

⁵⁹³ Крестовский В. В. Ук. соч. С. 313.

⁵⁹⁴ Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. СПб. 1911. Т. 4. 1855–1894 гг. С. 67.

⁵⁹⁵ Орлов Н. А. Умирение Польского восстания 1863–1864 гг. // История русской армии. СПб. 2003. Т. 2. 1812–1864 гг. С. 711.

⁵⁹⁶ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 334–335, 341–342.

⁵⁹⁷ Крестовский В. В. Ук. соч. С. 314–316.

⁵⁹⁸ Орлов Н. А. Ук. соч. // История русской армии. СПб. 2003. Т. 2. 1812–1864 гг. С. 711.

⁵⁹⁹ Хронологический указатель... СПб. 1911. Т. 4. 1855–1894 гг. С. 67.

⁶⁰⁰ Керсновский А. А. Ук. соч. М. 1993. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814–1881 гг. С. 199.

⁶⁰¹ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 26. Вып. 10. С. 259–260.

По случаю отъезда Великого Князя исправление должности Наместника и Главнокомандующего войсками, в Царстве Польском расположенными, во время его отсутствия перешло к Бергу.⁶⁰² Фактически смена власти в Варшаве была оформлена. Оставалось поставить точку. 19 (31) октября Константин Николаевич получил Высочайший рескрипт — император удовлетворил его просьбу об отставке. «Не взирая на все усилия Ваши, — говорилось в нем, — учреждения, дарованные Мною Царству Польскому, доселе не работают согласно их значению, встречая постоянные препятствия не в доброй воле и стараниях правительства, а в самой стране, находящейся под гнетом крамолы и пагубным влиянием иноземных возмутителей».⁶⁰³ 6 (18) ноября Берг собрал высший командный состав округа и чиновников для ознакомления с последним приказом Великого Князя от 24 октября (5 ноября) — Константин Николаевич прощался с войсками и благодарил их за службу.⁶⁰⁴

Последним всплеском активности стала попытка вернуть террор на улицы польских городов и, в первую очередь, — Варшавы. Покушения и убийства в городе следовали одно за другим.⁶⁰⁵ В ответ Берг ужесточил режим управления. В случае агрессии против войск, напр. бросания камней и т. п., было разрешено применять оружие.⁶⁰⁶ Город был разбит на специальные районы с круглосуточным патрулированием, была усилена полиция, кроме того, в Варшаву было введено около 30 тыс. солдат.⁶⁰⁷ Районы делились на мелкие участки во главе с офицером. В каждом участке было по 8–10 домов, офицер должен был знать всех живущих и их занятия. Над горожанами устанавливался довольно эффективный контроль.⁶⁰⁸ С этого момента судьба «сражения за Варшаву» была решена. Желая переломить ситуацию, 7 (19) сентября 1863 г. подпольщики организовали покушение на жизнь Берга.

Оно готовилось задолго, и из подготовки не делали секрета — по городу ходили слухи о скором убийстве Наместника и «резне

⁶⁰² Русский инвалид. 6/18 сентября 1863 г. № 195. С. 833.

⁶⁰³ Высочайший рескрипт, данный на имя Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича // МС. 1863. № 11. С. 34.

⁶⁰⁴ Русский инвалид. 12/24 ноября 1863 г. № 250. С. 1054.

⁶⁰⁵ Русский инвалид. 25 августа / 6 сентября 1863 г. № 187. С. 800.

⁶⁰⁶ Маркграфский А. Ук. соч. С. 429.

⁶⁰⁷ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 26. Вып. 10. С. 261–262.

⁶⁰⁸ Луганин А. Ук. соч. Варшава. 1889. Ч. 2. 1850–1879 гг. С. 70.

москалей», которая должна была последовать за ним. Берг с утра выслушал обычные доклады, затем съездил в предместье Воля, которое штурмовал в 1831 г., посетил раненых в госпитале и возвращался по улице Новый Свет.⁶⁰⁹ Он ехал в коляске с конвоем из 10 казаков, из четвертого этажа дома ЗамоЙского в его коляску был сделан выстрел рубленным свинцом.⁶¹⁰ Затем на мостовую было брошено пять фосфорных бомб. Осколки пробили открытую коляску в 17 местах, картечь пробила воротник шинели генерала.⁶¹¹ Каким-то чудом в конвое обошлось без убитых — был контужен его адъютант В. В. фон Валь,⁶¹² ранен 1 казак и 6 лошадей.⁶¹³ К сожалению, осколками был тяжело ранен в живот и в ногу мальчик — продавец газет, вскоре он скончался от ран.⁶¹⁴

Во время покушения граф остался совершенно спокоен.⁶¹⁵ «Пришлось это как раз вовремя, — заметил он. — Дом ЗамоЙского поместителен, а мы стеснены квартирами. Таким образом, конфискация окажется для нас весьма ценна».⁶¹⁶ Берг приказал очистить дом — самое большое здание в городе на тот момент — и арестовать всех мужчин (таковых оказалось 150). Женщин

⁶⁰⁹ Устимович М. П. Ук. соч. С. 36, 40.

⁶¹⁰ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 26. Вып. 10. С. 273.

⁶¹¹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского август 1863 — май 1864. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1978. С. 21.

⁶¹² Фон Валь Виктор Карл Конрад Вильгельм Вильгельмович (1840–1915), русский государственный деятель остзейского происхождения. Генерал от кавалерии (1904), вице-губернатор Ярославской губернии (1876–1878), губернатор Гродненской (1878–1879), Харьковской (1879–1880), Витебской (1880–1884), Подольской (1884–1885), Волынской (1885–1889), Курской (1889–1892) и Виленской (1901–1902) губерний, градоначальник Санкт-Петербурга (1892–1895), член Государственного совета (1903). В 1859 г. окончил Николаевское инженерное училище, прапорщик. В 1859–1860 гг. учился в Инженерной академии. Подпоручик (1860), поручик (1861), штаб-ротмистр (1863). Адъютант графа Ф. Ф. фон Берга (1863–1864). Участвовал и отличился в действиях против повстанцев, за отличие был произведен в ротмистры (1864). Штабе-ротмистр гвардии (1867), полковник (1873), генерал-майор (1879), генерал-лейтенант (1893), генерал от кавалерии (1904).

⁶¹³ Русский инвалид. 12/24 сентября 1863 г. № 200. С. 859; Андреевский Е. Ук. соч. // РС. 1907. Т. 132. № 11. С. 445.

⁶¹⁴ Устимович М. П. Ук. соч. С. 43.

⁶¹⁵ Фон Валь [В. В.] Граф Федор Федорович Берг. 7 сентября 1863 г. // РС. 1879. Том 26. Вып. 12. С. 69–70; Андреевский Е. Ук. соч. // РС. 1907. Т. 132. № 11. С. 445.

⁶¹⁶ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том. 100. Вып. 7. С. 150.

и детей аресты не касались.⁶¹⁷ Впрочем, их было немного, что еще раз подтвердило мнение о том, что к покушению хорошо подготовились.⁶¹⁸ Как выяснилось — многие были в курсе, что в этом районе готовится террористический акт.⁶¹⁹ Вошедшие в дом солдаты 1-го батальона л.-гв. Литовского полка были настроены весьма решительно и жестко — в первые минуты арестов в окна полетела мебель и картины. Солдат вскоре остановили.⁶²⁰ К сожалению, когда вещи жильцов выбрасывались на улицу, этой судьбы не избежал и рояль, на котором в свое время играл Шопен, когда был гостем Замойских.⁶²¹ В результате обысков было обнаружено большое количество оружия — кинжалы, револьверы, ружья, патроны, порох, около 4 тыс. гильз, революционная литература, а также документы мятежников.⁶²² Сын хозяина дома — граф Станислав Замойский⁶²³ пытался бежать, но был схвачен, имея в кармане значительную сумму денег — 105 471 руб. 53,5 коп. и 100 золотых монет заграничной чеканки.⁶²⁴ Дом был передан войскам — в нем разместился 3-й батальон л.-гв. Литовского полка.⁶²⁵ Покушавшиеся на жизнь Наместника вскоре были арестованы и публично повешены.⁶²⁶

Берг систематически конфисковывал здания, в которых совершались убийства, объявлял домовладельцев ответственными за антиправительственные акции или покушения, совершаемые под

⁶¹⁷ Русский инвалид. 12/24 сентября 1863 г. № 200. С. 859.

⁶¹⁸ фон Валь [В. В.] Ук. соч. // РС. 1879. Том 26. Вып. 12. С. 70.

⁶¹⁹ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 26. Вып. 10. С. 273.

⁶²⁰ А-ов. Ук. соч. // РА. 1886. № 7. С. 351.

⁶²¹ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 26. Вып. 10. С. 273; Записки Ильи Васильевича Селиванова // РС. 1880. Том 29. Вып. 12. С. 857.

⁶²² Русский инвалид. 12/24 сентября 1863 г. № 200. С. 859.; Устимович М. П. Ук. соч. С. 47.

⁶²³ Станислав Антон Замойский (1834–1881), граф, сын Аджея Замойского, польский общественный деятель. После покушения 7 (19) сент. 1863 г. арестован и предан суду. 1 (13) авг. 1864 г. приговорен к ссылке в Сибирь на 8 лет, помилован Ф. Ф. Бергом, считавшим возможным проявить мягкость в случае, когда речь шла о покушении на его собственную жизнь. Ссылка в Сибирь заменена на высылку в отдаленную губернию под надзор и штраф в 25 тыс. руб. сер. без конфискации имущества. Возвращен по инициативе Берга в 1866 г.

⁶²⁴ Устимович М. П. Ук. соч. С. 47.

⁶²⁵ Маркграфский А. Ук. соч. С. 431.

⁶²⁶ Записки Ильи Васильевича Селиванова // РС. 1880. Том 29. Вып. 12. С. 858–860.

прикрытием стен их владений, привлекал свидетелей нападений, не пытавшихся остановить их, как соучастников.⁶²⁷ 23 сентября (5 октября) в гостинице «Европейская» было совершено убийство русского агента — она также была немедленно передана в Военное ведомство,⁶²⁸ для размещения офицеров и чиновников.⁶²⁹ Берг вообще не любил жестокости и прибегал к ней исключительно по необходимости, например в случае наказания за убийство. Он предпочитал штрафы и прочие экономические наказания, которые шли на содержание семейств, пострадавших от мятежников. По мнению Наместника, такие меры гораздо эффективнее обеспечивали спокойствие края.⁶³⁰ Действия Берга вызвали всплеск критики в польской и французской печати, но его авторитет среди русских военных значительно вырос.⁶³¹ Впрочем, не только среди них. Всем стало понятно, что «времена шуток прошли».⁶³² Все это изменило и положение в столице Царства.

Изменилось и отношение к восстанию собственно в России. У той части российского общества, которое порицало поляков, был замечен подъем патриотических настроений. Князь А. К. Имеретинский⁶³³ вспоминал: «Два имени было у всех

⁶²⁷ Воспоминания прусского министра... // ИВ. 1900. Том. 100. Вып. 7. С. 151, 154.

⁶²⁸ Русский инвалид. 4/16 октября 1863 г. № 217. С. 923.

⁶²⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского август 1863 — май 1864. С. 42.

⁶³⁰ Записки Ильи Васильевича Селиванова // РС. 1881. Том 31. Вып. 8. С. 536–539.

⁶³¹ Андреевский Е. Ук. соч. // РС. 1907. Т. 132. № 11. С. 446.

⁶³² Русский инвалид. 18/30 сентября 1863 г. № 204. С. 874.

⁶³³ Имеретинский (Багратион-Имеретинский) Александр Константинович (1837–1900), русский военный и государственный деятель, потомок царей Имеретинских, уроженец Московской губернии, Светлейший князь (1865), генерал-адъютант (1879), генерал от инфантерии (1891), член Государственного совета (1892). В 1855 г. выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в лейб-гвардии Конно-пионерный дивизион, в 1857 г. произведен в поручики и переведен по собственной просьбе в 14-й Грузинский гренадерский полк, с которым принял участие в действиях отряда лезгинской кордонной линии и занятии аулов Хистрахо и Хупро. В 1858 г. по семейным обстоятельствам вышел в отставку; в 1859 г. вернулся на службу, подпоручик лейб-гвардии (1859), поручик (1860), в 1861 г. вернулся на службу в лейб-гвардии Конно-пионерный дивизион и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, в том же году за отличные успехи в учебе произведен в штабс-капитаны, окончил академию в 1863 г. с производством в капитаны за отличие, назначен исполняющим должность начальника штаба Варшавского гвардейского отряда. В качестве офицера Генерального штаба принял участие в усмирении польского мятежа, полков-

на языке: Муравьев и Катков». ⁶³⁴ Странники революции и радикалы оказались в изоляции. Выступивший в защиту восставших поляков А. И. Герцен, который с 1856 г. был одним из безусловных властителей умов русской либеральной общественности, был ею отвергнут. Его журнал «Колокол», издававшийся в Лондоне, еще в 1862 г. расходился в России в количестве от 2,5 до 3 тыс.

ник (1864). Выдающиеся качества Имеретинского были оценены наместником Царства Польского, гр. Ф. Ф. фон Бергом, который приблизил его к себе, сделал в 1867 г. начальником штаба Варшавского Военного округа. Пожалованный званием флигель-адъютанта Его Императорского Величества, Имеретинский в 1869 г. был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту. Из-за разногласий с преемником гр. Берга покинул должность начальника окружного штаба, в 1876 г. он был назначен помощником герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого по званию инспектора стрелковых батальонов. С объявлением войны Турции был отправлен в Белград для наблюдения за военными приготовлениями Сербии, но т. к. разрыв ее с Турцией замедлился, то в июне 1877 г. вернулся и был назначен состоять при Главной квартире императора, который возложил на него наблюдение за вторым штурмом Плевны. Получив приказание говорить «всю правду», при личном докладе Александру II откровенно изложил причины неудачного исхода боя, особо выделив беспорядочность и личную храбрость М. Д. Скобелева. Получив в командование 2-ю пехотную дивизию, возглавил отряд, штурмовавший Ловчу. За взятие ее награжден орденом св. Георгия 4 ст. При командовании блокадой Плевны Тотлебен, Имеретинский был назначен начальником штаба отряда обложения. Тотлебен считал Имеретинского «незаменимым помощником», и в день падения Плевны князь получил из рук императора орден Св. Георгия 3 ст. и произведен в генерал-лейтенанты. После расформирования отряда обложения Плевны Тотлебен был назначен начальником Рушукского отряда, а Имеретинский — начальником его штаба, но т. к. Цесаревич Александр Александрович отказался оставить командование своим отрядам до конца войны, то Тотлебен и И. остались при отряде в качестве «гостей». Когда же Тотлебен был отозван в Санкт-Петербург, Имеретинский получил предложение занять должность начальника тыла армии. Но назначение это не состоялось, как и назначение послом в Турцию, окончательно решенное по заключении мира. Последнему помешало назначение главнокомандующим армией, остававшейся еще в Турции, Тотлебена, который поставил условием приемлемости этого поста назначение к нему начальником штаба Имеретинского, который и пожертвовал для пользы дела блестящим и более спокойным постом посла. Занимался организацией возвращения армии в Россию, заведовал расчетами за продовольствие ее с т-вом Когана, Горвица и К^о, устройством военных сил в Болгарии и в Восточной Румелии. Генерал-адъютант, начальник штаба главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-петербургского Военного округа (1879). Главный военный прокурор и начальник Главного Военно-судного управления (1881–1891). Генерал от инфантерии (1891), член Государственного совета (1892), с января 1897 г. — командующий войсками Варшавского Военного округа и Варшавский генерал-губернатор.

⁶³⁴ Имеретинский А. К. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 605.

экземпляров. С 1863 г. тираж «Колокола» упал до 500 экземпляров, и хотя он продолжал издаваться еще 5 лет, но тираж его так ни разу и не превысил этой цифры.⁶³⁵

«Боже мой! — писал В. П. Боткин.⁶³⁶ — Каким заблуждением было думать о какой бы то ни было автономии в Польше! Только недостаток политического смысла и бессмысленное либеральничанье могли породить в иных русских людях их бессмысленные симпатии к полякам — этим коренным, вечным врагам России и русского народа».⁶³⁷ Д. А. Милютин вспоминал: «Вооруженный мятеж Поляков и дипломатическое вмешательство Европы, столь прискорбные сами по себе, имели однако же и свою полезную сторону для России. Они произвели благоприятный перелом в настроении умов в среде наших образованных слоев; открыли глаза той части нашей интеллигенции, которая в течение двух предшествующих лет легкомысленно поддавалась в сети Польской интриги».⁶³⁸ Даже иностранцы были поражены силой патриотического единомыслия русских. Английский посол лорд Ф. Нэпир⁶³⁹ писал графу Дж. Росселю: «В случае вмешательства или угроз со стороны иностранных держав воодушевление будет чрезвычайно сильное. Все национальные и религиозные страсти Русского народа затронуты Польским Вопросом. Рекруты спешат стать в ряды войска с небывалым рвением, твердо уверенные в неизбежности войны за веру».⁶⁴⁰

⁶³⁵ Корнилов А. А. Ук. соч. С. 250.

⁶³⁶ Боткин Василий Петрович (1811–1869), очеркист, литературный критик, переводчик. Старший брат коллекционера Д. П. Боткина, врача С. П. Боткина, художника М. П. Боткина, путешественника и литератора Н. П. Боткина. В 30-е гг. входил в кружок Н. В. Станкевича, где увлекся философией Гегеля. Был близок А. И. Герцену, М. А. Бакунину, В. Г. Белинскому, публиковался в журнале «Телескоп» и «Отечественные записки». В 40-е гг. стал постоянным членом кружка Белинского. В Париже в 1844 году благодаря Бакунину познакомился с К. Марксом, а также с французскими социалистами П. Леру, Л. Бланом и другими. Слушал лекции О. Конта. В 1855 г. сблизился с Н. А. Некрасовым и стал активным сотрудником журнала «Современник». События восстания 1863 года изменили его общественную позицию, которая становилась близкой к позициям консерваторов и монархистов. Умер в Петербурге.

⁶³⁷ Из частного письма покойного Василия Петровича Боткина // РА. 1872. № 5. С. 1056.

⁶³⁸ ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 14. Карг. 3. С. 248.

⁶³⁹ Френсис Непир (1819–1898), барон, лорд, в 1861–1864 гг. посол Великобритании в России.

⁶⁴⁰ Там же. С. 72.

В условиях, когда вполне возможным казалось столкновение с Францией и Англией, Россия нашла союзника за океаном в лице США. Еще в ходе Крымской войны значительная часть американской прессы заняла демонстративно русофильские позиции — Николая I называли защитником христианства, неприязнь к Англии и Франции была также открытой и иногда доходила до прямых столкновений на улицах американских городов.⁶⁴¹ Петербург, в отличие от своих потенциальных противников, оказал дипломатическую помощь Северу в борьбе против Юга в гражданской войне 1861–1865 гг. Лондон и Париж в мае 1861 г., т. е. практически сразу же после ее начала, признали Юг воюющей стороной, т. е. *de facto* признали правительство Конфедерации.⁶⁴² Одной из задач признания, по свидетельству дипломатов этих стран, было обеспечение своей торговле «выгод нейтралитета». «Французский посол (в Вашингтоне. — О. А.), кроме того, отмечает, — докладывал Горчакову 2 (14) апреля русский посланник в США барон Э. А. Стекль,⁶⁴³ — что Соединенные Штаты всегда признавали фактические правительства, не очень беспокоясь на счет того, получили ли они свою независимость в результате революции или иным путем и что, следовательно, они не будут иметь права высказать неодобрение, если европейские державы будут следовать той же политике по отношению к ним».⁶⁴⁴

16 (28) июня 1861 г. последовала депеша Горчакова, в которой говорилось о желании России видеть США едиными и, по возможности, избежавшими гражданской войны. «Этот союз, — отмечал русский министр, — в наших глазах является не только существенным элементом мирового политического равновесия, но он кроме того представляет нацию, к которой наш Государь и вся Россия питают самый дружественный интерес, так как две страны, расположенные на концах двух миров, в предшествующий период их развития были как бы призваны к естественной солидарности

⁶⁴¹ Двойченко-Маркова Пр. Е. Русско-американская дружба во время Крымской войны // Морские записки. Издание Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Нью-Йорк. 1954. № 2. С. 5–6, 18.

⁶⁴² Вильсон Х. Ук. соч. С. 203.

⁶⁴³ Фон Стекль Эдуард Андреевич (1804–1892), русский дипломат, барон, с марта 1854 г. — исполняющий должность поверенного в делах в США, посланник в США (1857–1869), в 1867 г. заключил договор о продаже Аляски вернувшись в Россию, вышел в отставку, после чего проживал в Париже, где и умер.

⁶⁴⁴ К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // КА. М. 1939. Т. 3 (94). С. 114.

интересов и симпатий, чему они давали взаимные доказательства. Я не хочу затрагивать ни одного из вопросов, которые ведут к разделению конфедеративные штаты. Не наше дело высказываться по поводу этого спора. Вышеизложенные соображения имеют своей целью засвидетельствовать живую заботливость Государя перед лицом опасностей, угрожающих Американскому союзу, и искренние пожелания, выражаемые Его Величеством в целях поддержания этого великого здания, с таким трудом построенного и обладавшего, казалось, столь богатым будущим». ⁶⁴⁵

24 февраля (8 марта) 1862 г. Горчаков сформулировал свой подход к проблеме гораздо более ясным и энергичным образом: «Для нас нет ни Севера, ни Юга, а есть федеральный Союз, на расстройство которого мы смотрим с сожалением, разрушение которого мы наблюдали бы с прискорбием. Мы проповедуем умеренность и примирение, но мы признаем в Соединенных Штатах только то правительство, которое находится в Вашингтоне». ⁶⁴⁶ Эта поддержка в очередной раз пришла в весьма сложное для федератов время. Воспользовавшись ослаблением США, Наполеон III организовал совместное вмешательство Франции, Великобритании и Испании в гражданскую войну в Мексике. Крупные биржевые спекулянты, поддержанные герцогом де Мори, ⁶⁴⁷ требовали от правительства Мексики признания весьма сомнительных долговых обязательств, сделанных руководителем лагеря, проигравшего в гражданской войне. 31 октября 1861 г. Лондон, Париж и Мадрид договорились добиваться компенсации потерь, понесенных их подданными в ходе внутреннего мексиканского конфликта. Результатом стала высадка союзных десантов в Мексике в январе 1862 г.

Еще в 1823 г. президентом США Дж. Монро ⁶⁴⁸ была провозглашена доктрина разделения мира на «американскую» и «евро-

⁶⁴⁵ Там же. С. 116.

⁶⁴⁶ Там же. С. 126.

⁶⁴⁷ Шарль-Огюст-Луи-Жозеф де Мори (1811–1865), герцог, французский государственный деятель, сводный брат Наполеона III, в 1834–1835 гг. участвовал и отличился в войне в Алжире, до 1848 г. занимал лояльную позицию по отношению к режиму Луи-Филиппа, после революции вошел в ближайшее окружение принца Шарля-Луи Наполеона, один из активных участников и организаторов переворота 2 декабря 1851 г., министр внутренних дел со 2 дек. 1851 по 22 янв. 1852 г., депутат Законодательного корпуса (с 1852 г.), председатель Законодательного корпуса (1854–1865). В 1856 г. возглавил французскую делегацию на коронации Александра II.

⁶⁴⁸ Джеймс Монро (1758–1831), президент США в 1817–1825 гг.

пейскую» системы, исключавшей возможность импорта последней в Западное полушарие. С середины XIX века она стала одной из основ внешней политики США, стремившихся к доминированию на американских континентах. Во время гражданской войны Вашингтон не мог отстаивать этот принцип. Мексиканская авантюра, в которой в конце концов осталась действовать одна лишь Вторая империя, была тесно связана не только с финансовыми махинациями ближайшего окружения Наполеона III, но и с его собственными политическими расчетами. Вслед за первыми военными неудачами французского 6-тысячного экспедиционного корпуса в Мексике, император Франции летом 1862 г. перешел к широкомасштабной интервенции — за океан была отправлена 40-тысячная армия. В мае 1863 г. она сумела овладеть Мехико.

Война в Мексике не усилила Францию новым союзником, а лишь ослабила ее — прежде всего в военном отношении. Существующая конскрипционная система исключала возможность резкого увеличения французской армии. До 1853 г. под знаменами ежегодно призывалось 80 тыс., в 1853–1855 гг. — 140 тыс., и с 1856 г. — 100 тыс. чел., т. е. приблизительно 1/5 всех мужчин 20-летнего возраста. Система делала выгодной сверхсрочную службу и связывала армию ветеранов с династией, но практически лишала страну обученного резерва.⁶⁴⁹ В 1861 г. армия Второй империи по штатам мирного времени насчитывала 431 546 чел., по штатам военного — 620 642 чел., т. е. могла увеличиться лишь в 1,43 раза.⁶⁵⁰ В 1866 г. экспедиционный корпус пришлось отозвать. Что касается внешнеполитического отношения, то интервенция в Мексику резко ухудшила отношения Парижа и Вашингтона.

8 ноября 1861 г. военный корабль северян «Сан-Джасинто» под угрозой оружия остановил в открытом море британский пароход «Трент», на котором в Европу следовали послы южан, которые были арестованы и силой уведены с «Трента». В Англии этот инцидент вызвал бурю возмущения. Правительство Пальмерстона⁶⁵¹ потребовало извинений и демонстративно

⁶⁴⁹ В. Я. Французская конскрипция // ВС. 1858. № 3. С. 62–63.

⁶⁵⁰ Лаврентьев А. Очерки вооруженных сил Европейских государств. Франция // ВС. 1861. № 7. С. 53.

⁶⁵¹ Генри Джон Темпл Пальмерстон (1784–1865), виконт, британский государственный деятель и дипломат. В 1809–1828 гг. — военный министр, в 1830–1834, 1835–1841 и в 1846–1851 гг. — министр иностранных дел, в 1855–1858 и в 1859–1865 гг. — премьер-министр, убежденный противник России, сыграл активную роль в развязывании Крымской войны, участвовал в Парижском конгрессе.

начало подготовку к войне. Президент А. Линкольн⁶⁵² вышел из кризиса, освободив арестованных, но англо-американские отношения остались натянутыми. За этим случаем последовали другие, в связи с объявленной Вашингтоном морской блокадой побережья Конфедерации корабли северян захватывали нарушителей, среди которых было немало англичан.⁶⁵³ Крейсера и каперы южан, часть из которых была построена в Англии по заказу Конфедерации, нанесли существенный ущерб североамериканскому торговому флоту, захватив 261 судно. Самым известным из таких судов была «Алабама», активно действовавшая с августа 1862 по июнь 1863 г. В результате судовладельцы и купцы предпочитали переводить свои суда и грузы под британскую юрисдикцию. В 1861 г. из-под американского флага под британский ушло 126 судов и 71 673 т грузов, в 1862 г. — 135 судов и 74 578 т грузов, в 1863 г. — 348 судов и 252 579 т грузов. Только в 1864 г. эти потери американцев стали идти на убыль — 106 судов и 92 052 т грузов.⁶⁵⁴

На этом фоне в Петербурге было принято решение отправить русские эскадры к побережью США. 13 сентября 1863 г. в Нью-Йорк прибыли 2 фрегата под командованием контр-адмирала С. С. Лесовского⁶⁵⁵. До конца месяца русская эскадра здесь была усилена еще 2 корветами и клипером. 1 октября 1863 г. 4 русских корвета и 1 клипер под командованием

⁶⁵² Авраам Линкольн (1809–1865), президент США в 1861–1865 гг.

⁶⁵³ Вильсон Х. Броненосцы в бою 1855–1895. М. 2003. С. 227–228.

⁶⁵⁴ Там же. С. 188, 190.

⁶⁵⁵ Лесовский Степан Степанович (1817–1884), русский военный моряк и государственный деятель, с 1833 г. — на морской службе, гардемарин, мичман (1835), лейтенант (1835), капитан-лейтенант (1846), в 1853 г. командир фрегата «Диана», совершил переход из Балтики на Дальний Восток, капитан 2-го ранга (1855), капитан 1-го ранга (1856), в 1857 г. уволен для службы на коммерческих судах, занимался устройством Русского общества пароходства и торговли. Капитан над Кронштадтским портом (1858), над Петербургским портом (1863), в том же году — контр-адмирал, начальник эскадры, посланной к берегам США, младший флагман Балтийского флота, в 1864 г. зачислен в Свиту Е. И. В., в 1866 г. — исполняющий должность главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора гор. Кронштадта, генерал-адъютант (1869), вице-адмирал (1871), назначен товарищем управляющего Морским министерством, в 1872–1874 гг. временно управлял Морским министерством, в 1880 г. уволен от должности, с назначением членом Государственного совета, в 1880–1881 гг. — начальник Тихоокеанской эскадры с расширенными полномочиями (по случаю возникших недоразумений с Китаем), адмирал (1881), с 1884 г. — в отставке.

контр-адмирала А. А. Попова⁶⁵⁶ пришли в Сан-Франциско.⁶⁵⁷ С этих позиций, опираясь на поддержку Америки, русские корабли могли угрожать морским коммуникациям Англии в Тихом океане и Атлантике. Адмиралы еще июле 1863 г. получили инструкции от Морского министерства, предписывавшие начало действий против купеческого флота противника в случае начала военных действий.⁶⁵⁸ Военное значение этих возможных операций не стоит преувеличивать, речь шла только об угрозе торговым перевозкам, но и она воспринималась достаточно серьезно. Приход русской эскадры во время гражданской войны имел и другое значение. Россия была единственной Великой Державой, продемонстрировавшей свое сочувствие Вашингтону в тяжелое для федерального

⁶⁵⁶ Попов Андрей Александрович (1821–1898), русский военно-морской деятель, инженер-кораблестроитель, генерал-адъютант (1871), адмирал (1891). Окончил Морской кадетский корпус, гардемарин (1837). В 1837–1838 гг. служил на Балтийском флоте, мичман (1838). С 1838 г. — на Черноморском флоте, участвовал при занятии бухты Пезуапе десантом, плавал на различных кораблях. В 1853 г. — командир парохода «Метеор», успешно провел морскую разведку укреплений Босфора и западных берегов Черного моря до Рущука, капитан-лейтенант (1853). Состоял для особых поручений при адмиралах Корнилове и Нахимове, с началом военных действий Крымской войны находился в крейсерстве, уничтожил 6 турецких купеческих судов, после чего, прорвав блокаду Севастополя на пароходе «Тамань», уничтожил еще 1 турецкое судно и ушел в Одессу. В сентябре 1854 г. вернулся в Севастополь, участвовал в обороне города, награжден орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени, золотым оружием, произведен в капитаны 2-го ранга. Флигель-адъютант, командующий 32 флотским экипажем (1855). В 1856–1858 гг. — начальник штаба Кронштадтского порта, руководил постройкой 14 винтовых корветов и 14 клиперов в Архангельске, которые затем привел в Кронштадт. В 1858–1864 гг. командовал эскадрой на Тихом океане, контр-адмирал (1861), с 1861 г. — член Главного кораблестроительного технического и Морского ученого комитетов. В 1863–1864 гг. совершил визит в Сан-Франциско, наблюдал за строительством и плаванием американских мониторов. В 1869 г. по проекту Попова в Санкт-Петербурге был заложен монитор «Крейсер», в 1872 г. переименованный в «Петр Великий». В 1870–1873 гг. по его проекту в Петербурге был построен первый мире океанский броненосный крейсер «Генерал-адмирал». Вице-адмирал (1872), с 1876 г. член Адмиралтейств-совета, автор проекта плавучих броненосных батарей, т. н. «поповок». С 1888 г. — руководитель Кораблестроительного отдела Морского технического комитета, адмирал (1891).

⁶⁵⁷ Гончаров В. Американская экспедиция русского флота в 1863–1864 гг. // МС. 1913. № 8. С. 39–40, 48.

⁶⁵⁸ Адамов Е. А. Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // КА. М.-Л. 1930. Т. 1 (38). С. 159–161.

правительства время, и этот шаг был с воодушевлением воспринят в обеих странах.⁶⁵⁹

В Сан-Франциско русские суда ждал очень радушный прием.⁶⁶⁰ Атлантическое побережье не отставало в любезности. Часть эскадры поднялась по Потомаку до Вашингтона. Бывший секретарь американского посольства в России прочитал в Нью-Йорке публичную лекцию «Россия и русские», в которой «выразился, что Польша не сочувствия и симпатии заслуживает, а только сожаления, как предмет политических интриг».⁶⁶¹ Впрочем, иногда это воодушевление в Америке казалось излишним русскому внешнеполитическому ведомству. Многочисленные приемы и речи на них, в которых хозяева заявляли, что «Россия посылает эскадру в Нью-Йорк для того, чтобы по данному сигналу смести английскую и французскую торговлю с поверхности морей», не входили в планы Петербурга.⁶⁶² Там не хотели торопиться с излишним обострением и без того сложных отношений с Лондоном.

10 (22) октября 1863 г. Горчаков инструктировал русского посланника в Вашингтоне: «Мы весьма тронуты приемом, оказанным нашей небольшой эскадре. Концентрация судов имела своей главной целью охранение безопасности в то время, когда, как нам казалось, нам угрожала война. Мне нет нужды заявлять, что такая возможность никогда не соответствовала нашим желанием. Сегодня шансы на войну кажутся нам еще менее вероятными. Мы хотели бы быть уверенны, что наши храбрые моряки, сердечно отвечая на оказываемый им прием, воздержатся от того, чтобы придавать своим речам характер, угрожающий какой бы то ни было державе, и чтобы тем самым давать повод к предположениям, не входящим в наши намерения и не соответствующим нынешней политике. Такая осторожность тем более необходима, что наши моряки находятся в стране, где страсти чересчур возбуждены и нравы весьма экспансивны».⁶⁶³

⁶⁵⁹ Rosen R. R. Forty years of diplomacy. Lnd. 1922. Vol. 1. PP. 21–22; К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // КА. М. 1939. Т. 3 (94). С. 136.

⁶⁶⁰ Зеленой К. Из записок о кругосветном плавании (1861–1864 годы) // МС. 1865. № 9. С. 64.

⁶⁶¹ Зарубин А. Нью-Йорк // МС. 1864. № 1. С. 55–56.

⁶⁶² Адамов Е. А. Ук. соч. // КА. М.-Л. 1930. Т. 1 (38). С. 162.

⁶⁶³ К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // КА. М. 1939. Т. 3 (94). С. 137.

Что касается антирусской коалиции, то она не состоялась ни в 1863, ни в 1864 году. Ни Франция, ни Австрия, ни Великобритания не готовы были заходить в своей поддержке Польши за пределы дипломатических демаршей. Каждая из этих стран имела значительные проблемы в собственной внутренней политике — выборы 1863 г. усилили оппозицию Наполеону III, Франц-Иосиф⁶⁶⁴ был обеспокоен ростом недовольства в Венгрии, в Англии вновь обострились дебаты по вопросу об избирательной реформе.⁶⁶⁵ Последним, на что оказались способны Париж, Лондон и Вена, — это направить России ноты соответственно от 3, 11 и 12 августа 1863 г. Французская нота завершалась следующими словами: «Франция, Австрия и Англия указывала на необходимость положить конец, печальному и угрожающему спокойствию Европы, положению дел, они предложили, сверх того, способы по их мнению, наилучшие, и собственное содействие, для достижения предполагаемой цели. Если Россия не сделает всего, зависящего от нее, для приведения в исполнение умеренных и миролюбивых намерений трех держав, если она не вступит на путь, указанный ей дружественными советами, то на нее должна пасть ответственность за те важные последствия, которые могут возникнуть от продолжения польских смут». Так же завершались и ноты Англии и Австрии.⁶⁶⁶

Эта угроза никого не испугала. «Давно пора положить конец этой бесплодной полемике», — заметил император Александр II 4 (16) августа 1863 г.⁶⁶⁷ В ответной ноте 26 августа (7 сентября) Горчаков отказался продолжать переговоры по польским делам, ссылаясь на то, что они могут только ухудшить отношения между Францией, Австрией, Великобританией и Россией. «Что касается той ответственности, — заключал он, — которую она может принять на себя в своих международных отношениях, то эти последние определяются международным правом. Лишь нарушение основных начал этого права может навлечь ответственность. Наш августейший Государь всегда уважал и соблюдал эти начала по отношению к другим государствам. Его Величество имеет поэтому право ожидать и требовать того же уважения и с их стороны».⁶⁶⁸

⁶⁶⁴ Франц-Иосиф I (1830–1916), император Австрии (1848–1866), император Австрии, король Венгрии (1866–1916).

⁶⁶⁵ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 317.

⁶⁶⁶ Русский инвалид. 8/20 сентября 1863 г. № 197. С. 843.

⁶⁶⁷ Ревуненков В. Г. Ук. соч. С. 317.

⁶⁶⁸ Там же. С. 318.

Стремясь сохранить хорошую мину при плохой игре, после осенних выборов при открытии Законодательной сессии 5 ноября 1863 года Наполеон III выступил с речью, в которой он, разумеется, обратился к проблемам внешней политики. Внешнеполитическое положение Франции, по его словам, было блестящим — в Мексике и Индокитае Вторая империя шла от одного успеха к другому благодаря доблести и предприимчивости своих подданных. Император затронул и польский вопрос. Наполеон заявил о том, что положения 1815 года ушли в небытие и потребовал передать обсуждение будущего Польши международному конгрессу. «Два пути открыто стоят перед нами: один ведет к прогрессу, — говорил он, — посредством мира и примирения; другой, рано или поздно, роковым образом приводит к войне, из упрямства поддержать прошедшее, которое разрушается».⁶⁶⁹ Эти предложения, смешанные с угрозой, были игнорированы. Жаль, что сам оратор не следовал своим принципам, если он действительно верил в них. В 7 лет из упрямства поддержать прошедшее, которое уже разрушилось в Германии, он втянулся в войну и в сентябре 1870 г. оказался в прусском плену.

К концу 1863 г. обстановка в Царстве Польском и Западном крае стабилизировалась, сокращалось количество столкновений с мятежниками, что позволило осенью приступить к выводу гвардии. 2 ноября 1-я гвардейская пехотная дивизия и л.-гв. Драгунский полк покинули Виленское генерал-губернаторство. Их провожало письмо Муравьева, свидетельствовавшее о заслугах этих частей.⁶⁷⁰ К началу 1864 г. все было кончено. В феврале была разбита последняя более или менее крупная банда, ее руководитель повешен на дымящейся балке здания, которое он сам приказал поджечь.⁶⁷¹ Местное дворянство — застрельщики мятежа — уже не чуралось русских офицеров и чиновников и при каждом удобном случае заявляло о своей полной лояльности и о том, что «мятеж затеяли портные и сапожники».⁶⁷² 29 февраля 1864 года австрийские власти объявили в Галиции осадное положение. Всякая помощь повстанцам, включая косвенную, разбиралась в военном суде. Все оружие и боеприпасы

⁶⁶⁹ Русский инвалид. 29 октября/10 ноября 1863 г. № 238. С. 1005.

⁶⁷⁰ Московские ведомости. 3 декабря 1863 г. № 263. С. 1.

⁶⁷¹ Берг Н. В. Польское восстание в 1863–1864 гг. ... // РС. 1879. Том 26. Вып. 12. С. 677.

⁶⁷² Ягмин А. Ук. соч. // ИВ. 1892. Том 50. Вып. 12. С. 716.

подлежали немедленной сдаче, все иностранцы в течение 48 часов должны были явиться в полицию для последующей высылки за границы австрийской империи. Не явившиеся в случае поимки подлежали выдаче русским властям.⁶⁷³ Революционеры потеряли единственную территорию, которую они могли использовать в качестве базы.

Впрочем, и это самое главное, к этому времени они давно потеряли базу в Царстве Польском. Русские официальные сообщения гласили: «Мятеж, успевший распространиться в Царстве Польском, почти совершенно подавлен. Значительнейшие шайки уничтожены, мелкие партии истреблены или преследуются. Многие из главных предводителей мятежа, принимавших непосредственное участие в волнении, захвачены. Масса населения, избавленного от страшного террора, свободно вздохнула. Сельское население формирует сельские караулы. Народ посылает депутации с заявлением правительству своей преданности и с уверениями, что он ничего общего не имел с революционной партией».⁶⁷⁴ С 1 (13) января по 1 (13) декабря 1863 г. войска Варшавского Военного округа потеряли заболевшими 49 761 (умерли 2 010), боевые потери — 3 200 чел., включая сюда раненых 2 338 чел. (из них умерло 309). Потери мятежников оценивались приблизительно в 22 тыс. чел., в плен было взято 6 925 чел., в русские госпитали поступило 697 раненых поляков (из них умер 51). За то же время мятежники повесили 918 чел.⁶⁷⁵

В немалой степени прочному замирению способствовала проведенная в Царстве Польском реформа. В ноябре 1863 г. Николаем Милютиным был подготовлен и представлен императору ее проект. 13 (25) февраля 1864 г. он был обсужден в Зимнем Дворце на заседании Особого комитета под председательством Александра II, а 19 февраля (2 марта) того же года им были подписаны указы об устройстве крестьян, сельских гмин и т. п., ставших основанием этой реформы. Крестьяне в Царстве Польском становились собственниками земли, бывшей у них в пользовании, фактически без выкупа помещикам.⁶⁷⁶ Милютин смотрел на все это, как на начало работ по исправ-

⁶⁷³ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Галиция в восстании 1863 года. С. ХХІХ.

⁶⁷⁴ Краткие известия об усмирении польского мятежа // ВС. 1864. № 1. С. 136.

⁶⁷⁵ Русский инвалид. 29 декабря 1863 г. /10 января 1864 г. № 286. С. 1204; Сведения о состоянии войск Варшавского Военного округа за 1863 год // ВС. 1864. № 2. С. 265–266.

⁶⁷⁶ Костюшко И. И. Ук. соч. С. 96, 105, 119, 121–132.

лению «ненормального положения края», что в перспективе сократит власть немногих. Эти начинания будут удачны, считал он, если «явится на сцену новый, неведомый в польской истории деятель — народ».⁶⁷⁷

Весной 1864 г., вслед за успокоением, в Петербурге вновь подняли голову сторонники «диалога» с польским дворянством как лучшего способа закрепления за Россией Северо-Западного края. Положение Муравьева резко ухудшилось, «мавр сделал свое дело».⁶⁷⁸ Оппозиция ему гнездилась в самых верхах Империи. Прежде всего это был Великий Князь Константин, который открыто враждовал с Муравьевым, особенно после того, как генерал отказался лично встретить его при проезде из Варшавы в Петербург. Тот был вне себя от ярости⁶⁷⁹ и даже сообщил о случившемся августейшему брату.⁶⁸⁰ Постоянно колебавшийся А. М. Горчаков еще в сентябре 1863 г. убеждал генерала: «Рядом с вопросом о достоинстве, от которого Его Императорское Величество не отступится, мы в наших ответах имели главным образом в виду области, вам доверенные».⁶⁸¹ После того, как мятеж был подавлен, министр иностранных дел снова перешел в лагерь противников жесткой политики «рядом с вопросом о достоинстве». Вместе с Долгоруким и Валуевым на этой стезе отметился и ген.-ад. А. А. Суворов. В ноябре 1863 г. Ф. И. Тютчев⁶⁸² напи-

⁶⁷⁷ Николай Алексеевич Милютин // РС. 1880. Том 27. Вып. 2. С. 390.

⁶⁷⁸ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1883. Том 37. Вып. 1. С. 131–132.

⁶⁷⁹ «Готов собою жертвовать...» С. 140.

⁶⁸⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь—август 1863 г. С. 360.

⁶⁸¹ Из бумаг графа М. Н. Муравьева. С предисловием графа С. Д. Шереметева. СПб. 1908. С. 9.

⁶⁸² Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, публицист, дипломат, член-корреспондент Петербургской академии наук (1857). Получил домашнее образование, в совершенстве овладел латынью, с 12 лет успешно переводил на русский язык Горация. В 1819 г. поступил на отделение словесности Московского университета и в 1821 г. окончил его, после чего поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел. Внештатный атташе в Мюнхене (1821–1836), первые стихи Тютчева были опубликованы в 1829–1930 гг. в журнале «Галатеея», но внимания читателей тогда не привлекли. В 1836 г. 16 его стихотворений были напечатаны в пушкинском «Современнике», на этот раз публикация имела успех. Первый секретарь миссии в Турине (1837–1839), из-за самовольного отъезда в Швейцарию после второго брака уволен со службы. Проживает за границей, где активно занимается публицистикой. Ряд статей обратил на себя благосклонное внимание императора Николая I. В 1844 г. возвращается в Россию, вновь поступает на службу в МИД. Камергер двора Его Императорского Величества, старший цензор (1848),

сал стихи, посвященные князю Итальяскому по случаю адреса, направленного в Вильно (тот заявил, что его дед никогда бы не подписал такой адрес):

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь....

Как извинить пред Вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя народу своему.

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе —
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе.
Кто избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
На зло врагам, их лжи и озлобленью.
На зло, увы! и пошlostям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, Ваш дед великой
Его скрепил бы подписью своей!⁶⁸³

Муравьев был абсолютно безразличен к критике, которой все больше и больше подвергала его либеральная пресса. По его словам, этими действиями она улучшала его аппетит.⁶⁸⁴ Не действовала на него и лесть. Когда великий Н. А. Некрасов⁶⁸⁵ написал

продолжает заниматься публицистикой и изящной словесностью. Председатель комитета иностранной цензуры (1858–1873), действительный статский советник (1858), тайный советник (1865).

⁶⁸³ Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский. Стихотворения, рассказы и очерки к его характеристике // РС. 1883. Том 38. Вып. 4. С. 209.

⁶⁸⁴ Войт В. К. Ук. соч. С. 11.

⁶⁸⁵ Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878), выдающийся русский поэт, писатель и публицист. Издатель журналов «Современник» (1846–1866), «Отечественные записки» (1868–1878).

в честь генерала стихи, которые прочел во время чествования Муравьева в апреле 1865 г. в Английском клубе Петербурга:

Бокал заздравный поднимая,
Еще раз выпить нам пора
Здоровье миротворца края...
Так много ж лет ему... Ура!
Пускай клеймят тебя позором
Надменный Запад и враги;
Ты мощен Руси приговором,
Ее ты славу береги...

Поэт не сумел добиться своего. Лесть была слишком очевидна. Реакция на стихи была вежливой, но весьма холодной. На вопрос, не рекомендует ли граф напечатать эти стихи, Муравьев ответил отрицательно.⁶⁸⁶ Дело в том, что таким путем поэт надеялся найти поддержку своего журнала «Современник» — их появление на страницах издания могло защитить его от угрозы закрытия. Но генерал не сочувствовал ни политическим взглядам Некрасова, ни позиции его журнала, в котором весьма заметную роль играли Н. А. Добролюбов⁶⁸⁷ и Н. Г. Чернышевский.⁶⁸⁸

⁶⁸⁶ Стихи Н. А. Некрасова графу М. Н. Муравьеву // РА. 1885. № 6. С. 202–203.

⁶⁸⁷ Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), литературный критик, революционный демократ. Из семьи священника, учился в Главном Педагогическом институте, занимался фольклором. После смерти родителей в 1854 г. занимал антимонархические, антирелигиозные и антикрепостнические позиции, которые пытался излагать в подцензурной печати. Активный автор журнала «Современник», умер от туберкулеза.

⁶⁸⁸ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), философ-утопист, литературный критик, публицист и писатель, революционный демократ. Родился в Саратове в семье священника, в 1842 г. поступил в Саратовскую духовную академию, в 1846 г. — на историко-филологический факультет Петербургского университета, который закончил в 1850 г. Преподаватель Саратовской гимназии (1850–1853), в 1853 г. переезжает в Петербург, в 1854 г. поступает преподавателем во 2-й кадетский корпус, который в том же году вынужден покинуть. В 1853 г. начинает публиковать статьи в ряде петербургских газет, в 1854 г. приходит в редакцию «Современника», где активно работает вплоть до 1862 г. В 1855 г. защищает магистерскую диссертацию в Петербургском университете (ученая степень утверждена только в 1858 г.). В 1858 г. несколько месяцев входил в редакцию журнала «Военный сборник». Летом 1859 г. ездил в Лондон, где встречался с А. И. Герценом, с 1861 г. — под тайным надзором полиции, подозревался в причастии к составлению и распространению прокламаций революционного характера, к организации пожаров в городе в 1862 г. Весной 1862 г. арестован, содержался в Петропавловской

Самую активную и надежную поддержку в правительстве Муравьеву оказали Д. А. Милютин и А. А. Зеленой, в прессе — М. Н. Катков. 7 (19) июля издатель писал генералу: «Вы не можете сомневаться в моей живейшей готовности оказать всякую по моим силам услугу делу, которому я служу до упада сил». ⁶⁸⁹ Не будет преувеличением утверждение, что двух этих людей объединяли не только общие идеи, но и общие враги. «Известно, — писал Муравьев, — что большая часть русской аристократии, воспитанная в идеях европейских, без чувства уважения к своей религии и своему отечеству, всегда действовала без убеждений, согласно господствующему направлению на Западе. Для них России и православной религии нет, они космополиты, бесцветные и бесчувственные для пользы государства, и первое место у них занимают их собственные выгоды и своя личность. Вот та среда главных правительственных лиц, с которою мне предстояло бороться, чтоб провести свою систему в крае». ⁶⁹⁰

Прямые последствия мятежа

Продолжением курса улучшения отношений с США против Великобритании стал договор о продаже Русской Америки (Аляски и Алеутских островов), заключенный 30 марта 1867 г. в Вашингтоне. Россия уступала 1519 тыс. кв. км за 7,2 млн долларов золотом. Удержать эти территории, на которых проживало около 10 тыс. алеутов, 40 тыс. индейцев и 600 русских (из них 200 человек гарнизона) при наличии огромной границы с британской Канадой было весьма проблематично. ⁶⁹¹

Прямым следствием событий 1863 г. было и сближение России с Пруссией, министр-президент которой Отто фон Бисмарк стремился осуществить объединение Германии. Александр II, в отличие от А. М. Горчакова, разочаровался в идее русско-французского союза. С Берлином императора

крепости, где написал роман «Что делать?». В 1862 г. приговорен в ссылке на каторжные работы на 14 лет (срок уменьшен императором до 7 лет) и последующим поселением в Сибири навечно. В 1889 г. разрешено вернуться в Саратов, где он и умирает от кровоизлияния в мозг.

⁶⁸⁹ Из бумаг графа М. Н. Муравьева... С. 5.

⁶⁹⁰ Граф Михаил Николаевич Муравьев... // РС. 1883. Том 37. Вып. 1. С. 135.

⁶⁹¹ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М. 1997. С. 145.

связывали и личные связи, его мать — императрица Александра Федоровна⁶⁹² — была урожденной принцессой Прусской, сестрой прусского короля Вильгельма I.⁶⁹³ Сам император был убежденным сторонником союза с Пруссией. 8 (20) апреля 1862 Бисмарк, покидая пост прусского посла в России, получил прощальную аудиенцию. «Император, — сообщал он в донесении королю, — лестным образом выразив сожаление по поводу моего отозвания, дал мне, в словах, полных волнения, поручение по приезде в Берлин еще раз словесно уверить Ваше Величество, что он намерен при всех условиях крепко держаться теснейшей дружбы с Вашим Величеством и что его побуждают к тому не только узы крови и унаследованных склонностей его сердца, но и сознание, что тесный союз с Пруссией один отвечает русским интересам. Из двух стран, сказал Его Величество, ни одна не может ничего выиграть и ни к чему стремиться за счет другой, и обе взаимно связаны общей защитой одинаковых интересов от разнородных опасностей, обусловленных общим положением Европы».⁶⁹⁴

Англо-австро-французский союз явно нарушал равновесие сил в Европе. Необходимость усиления Пруссии как противовеса этой комбинации понимал и Горчаков. «Мы хотим единства и силы Германии, — говорил он в ноябре 1861 г. Бисмарку. — Они нам нужны, как основы нашей собственной политики. Наш лучший друг в Германии — Пруссия, и мы можем только радоваться, если Германия консолидирует себя под водительством Пруссии. Совершенно независимо от наших взаимных отношений оборонительная сила и благополучие Германии, которые идут рука об руку с нашими интересами, не могут получить развития иначе, как под руководством Пруссии».⁶⁹⁵ В последовавших войнах за объединение Германии Россия заняла позицию доброжелательного к Пруссии нейтралитета. И Крымская война, и Польский кризис демонстрировали, что Пруссия является единственным возможным партнером России и что усиление ее влияния и удельного веса в Германии ослаб-

⁶⁹² Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина (1798–1860), принцесса Пруская, дочь короля Фридриха-Вильгельма III, с 1817 г. замужем за Великим Князем Николаем Павловичем, в св. крещении — Александра Федоровна, императрица (1825–1855), вдовствующая императрица (1855–1860).

⁶⁹³ Вильгельм-Фридрих-Людвиг (1797–1888), король Пруссии Вильгельм I (1861–1888), император Германии Вильгельм I (1871–1888).

⁶⁹⁴ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка... С. 278.

⁶⁹⁵ Там же. С. 279.

ляет Австрию и отнюдь не противоречит интересам Империи. Кроме того, после подавления Польского восстания наметилась активизация русской политики в Средней Азии, что ввиду возможного обострения отношений с Великобританией значительно повышало ценность прусского союзника в Европе.

АДАМ ВЕЛОМСКИ

О ГЕГЕЛЕ И ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ:
АЛЕКСАНДР ВЕЛЁПОЛЬСКИЙ И ПОНИМАНИЕ
ПОЛИТИКИ В XIX ВЕКЕ

Маркиз Александр Велёпольский вызывает в польской научной литературе не очень большой интерес. Его политическая линия не была популярна и понятна ни в 60-х годах XIX века, ни сейчас. Доминирующий в XIX и XX веках романтизм, инсurreкционизм, пилсудчина, а в Третьей (а также Четвертой) Речи Посполитой неосанационная официальная *историческая политика* были и остаются враждебными Маркизу. Для таких доминирующих тенденций это фигура, символизирующая предательство по отношению к национальному вопросу, поскольку этот политик не признавал повстанческого пути в качестве единственного, неизбежного и безальтернативного для обретения независимости. Хуже: не верил, что независимость является условием *sine qua non* существования нации, поэтому смирялся с политической экзистенцией нации в условиях аннексии, ограничивая свои требования расширением автономии Королевства Польского. Для историков, воспитанных в доминирующем мартирологически-независимском духе, Маркиз не может быть привлекательным объектом для исследований. Велёпольский не был и выдающимся политическим мыслителем. Отсюда и малый интерес к нему тех исследователей, что занимаются изучением истории политической мысли и истории идей.

Пишущий эти слова — политолог — и осознает, что мы имеем дело хоть и не с польским Бёрком, де Местром или Доносо Кортесом, но с политиком большого формата. Поэтому

стоит попытаться воспроизвести концепции, которых он придерживался, и характерное для него понимание *политики*. Хотя Маркиз не написал ни одного основательного труда по политической философии, тем не менее можно довольно ясно обозначить источники его политической стратегии и позиции по отношению к миру, в частности в некоторых течениях политической мысли, которые знал и из которых черпал? Обозначение это проясняет многие из его действий, политическую позицию и антипатии.

В тексте такого объема невозможно исчерпывающе представить столь обширную тему, как понимание *политики* Александром Велёпольским. В связи с этим нам бы хотелось обозначить две темы, которые до сих пор не были подняты в польской научной литературе, посвященной Маркизу:

- 1) связь его понимания *политики* с правым гегельянством и немецкой философией государства и права;
- 2) сравнение стратегических концепций польской политики с теми политиками эпохи, которые также вышли из немецкой философии государства и имели такую же цель: восстановление национального государства (Отто фон Бисмарк и Камилло Кавур).

Велёпольский и гегелевское понимание политики

Биографы и исследователи Александра Велёпольского постоянно подчеркивают тот факт, что этот политик презирал просто народье и абсолютно не считал надлежащим стараться завоевать популярность, высказывать популярные тезисы или использовать простые технические приемы для улучшения своего имиджа¹. В том числе из-за этого он и не имел широкой поддержки среди общественности Конгрессовки². Ему противопоставлялись не только революционное, так называемые *красные* (что понятно), но и консервативное дворянство, сосредоточенное в лагере так называемых *белых*, то есть та социальная группа, из которой

¹ W. Karpiński, M. Król. Sylwetki polityczne XIX wieku. Kraków, 1974. S. 81.

² По итогам Венского конгресса 1814–1815 гг. Российская империя приобрела Королевство Польское, Пруссия — Великое герцогство Познаньское, Австрия — Галицию. Имя Венского конгресса стало основой для обиходных названий «Конгрессовая Польша» (Królestwo Kongresowe) и «Конгрессовка» (Kongresówka) в польском языке (прим. пер.)

Маркиз происходил сам³. Эту крайнюю непопулярность интерпретировали двумя способами:

1) Личными чертами характера, такими как конфликтность и склонность к разбирательствам⁴. Мы убеждены, однако, что это не является решающим аргументом, так как подобные черты характера могли бы стать причиной неприязни многих людей — даже влиятельных — но не всеобщей антипатии.

2) Этот политик единогласно помещается историками в консервативно-дворянское течение тогдашней польской политической мысли, признаком которой было неприятие, опасение и непонимание процессов демократизации, трактуемых исключительно как революционные лозунги⁵. Этим можно объяснить его абсолютное и фундаментальное неумение наладить — как это сегодня определяется — общественный диалог. Таков архетипичный дворянин, гордый аристократ с редким среди поляков титулом маркиза, который не умеет и не хочет разговаривать с демократизируемым обществом.

Сложно игнорировать факт, что Велёпольский был консерватором. Сложно также ставить под сомнение то, что он происходил из дворянского сословия и исповедовал множество его политических идей, равно как и элитарных предрассудков, которые в то время уже уходили в прошлое. Но мы сомневаемся в том, что для него действительно решающими были исключительно вдохновения польской и традиционной консервативно-дворянской политической мысли.

Александр Велёпольский изучал право и философию в Варшаве, Париже и в немецком Гёттингене. Можно полагать, что последнее место имеет большое значение для его концепции. В тогдашней (разделенной) Германии господствовала философия В. Ф. Гегеля, а в Гёттингене Маркиз изучал как раз

³ Лагерь белых описывают: H. Lisicki. *Le marquis Wielopolski: sa vie et son temps, 1803–1877*. T. II. Vienne, 1880. S. 30–48, 308–12; R. Ludwikowski. *Główne nurty polskiej myśli politycznej 1815–1890*. Warszawa, 1982. S. 118–128.

⁴ J. N. J. Margrabia Aleksander Wielopolski. *Rys biograficzny*. Paryż, 1861. S. 7–8; H. Lisicki. *Le marquis Wielopolski*. T. I. S. 113n; R. Ludwikowski. *Główne nurty polskiej myśli politycznej*. S. 124–125. Писавший для французского читателя свидетель эпохи презрительно говорил о Велёпольском: «il semble exclusivement préoccupé de son importance» (R. Raczyński. *Ch. de Mazade: Mémoires sur la Pologne*. Berlin-Posen, 1863. S. 8). О его конфликтном характере см.: *Ibidem*. S. 8–9.

⁵ A. Witkowska. *Wielkie stulecie Polaków*. Warszawa, 1987. S. 171.

философию! Концепции Гегеля доходили также до России при посредничестве дворянства и управителей, чьи сыновья учились за границей. Все люди, получившие образование в Германии, в то изъяснялись при помощи гегелевского дискурса. Это явление было настолько распространенным, что никто широко его не описывал, считая его нормальным и не заслуживающим внимания. Гегельянами являются также — как бы это ни звучало — русские славянофилы⁶.

В связи с обучением в Гёттингене польские биографы Маркиза вспоминают о влиянии на него философии Гегеля⁷, но не развивают далее эту тему⁸. Проблема усложняется тем, что Гегель был мыслителем, сотворил три основных учения, содержащиеся в трех различных магистральных книгах: 1) освобождения личности от традиционных структур господства, что символически

⁶ H. Lisicki. Le marquis Wielopolski. T. I. S. 211–212, 215. О популярности гегельянства в Польше: Ibidem. T. I. S. 239–40.

⁷ Несколько примеров: «Афоризмы, которые он записывал в этот период, свидетельствуют о влиянии Гегеля на формирование его философии» (W. Karpiński, M. Król. Sylwetki polityczne. S. 77–78); «Обучаясь праву и философии, он увлекся концепцией Бёрка и Гегеля» (R. Ludwikowski. Główne nurty. S. 129). Об этой проблеме не вспоминает самый крупный из биографов Маркиза, а именно Х. Лисицки, описывающий всё обучение Велёпольского едва ли не в двух предложениях (Le marquis Wielopolski. T. I. S. 118).

⁸ Следует полагать, что этот недостаток имеет две причины: 1) Велёпольским занимались традиционные историки, а не историки философии. Сосредоточились они на открытии фактов и их объяснении с точки зрения классической истории, в том числе сравнивая действия Маркиза с настроениями общественного мнения и его родного дворянского сословия. Поэтому не было обращено внимания на философские источники мировоззрения этого политика. Добавим, что гегельянство — это особенно сложная концепция мира, написанная специфическим языком. Говоря прямо: большинство историков не имеет достаточной философской подготовки, чтобы проводить такие исследования; 2) Маркиз был правым гегельянцем. Исследования правого гегельянства не имеют в нашей стране традиции, потому что в период Польской Народной Республики доминировало восхищение левым гегельянством, из которого вырос марксизм. О правых представителях этого движения говорили с презрением и даже связывали их с фашизмом. Характерно, что единственным доступным до 1989 года польскому читателю трудом о правом гегельянстве был перевод западных неомарксистов из *новых левых* (H. Marcuse. Rozum i rewolucja. Hegel a powstanie teorii społecznej. Warszawa, 1966. S. 379–87; T. W. Adorno: Dialektyka negatywna. Warszawa, 1986. S. 418–506). В стране ничего об этом не писалось; правых гегельянцев лишь вспоминали как плохо интерпретирующих победителя противников Маркса, редко называя даже фамилии. Об анализе взглядов не было и речи. Следовательно, особо не было с чем сравнивать концепцию Велёпольского.

выражает известная притча о господине и рабе (*Феноменология духа*, 1807); 2) авторитарного видения государства и административной власти (*Основы философии права*, 1821); 3) оригинальная философия истории, то есть убеждение в изменчивости и историчности институтов и идей (историзм) в сочетании с историзмом, то есть уверенностью в высшей целесообразности этих изменений, проводимых Духом (*Лекции по философии истории*, 1821)⁹.

Этим трем темам соответствуют три школы послегегелевской философии:

1) тему освобождения, соединенную с историзмом (целесообразность исторических изменений), подняло левое гегельянство;

2) темой философии государства заинтересовалось правое гегельянство;

3) историзм повлиял на развитие позитивизма и релятивизма в вопросах добродетели и ценностей.

Как дворянин, Александр Велёпольский не был сторонником освободительного левого гегельянства, и это не вызывает никаких сомнений. Следует согласиться с Богданом Шляхтой, что не был он также гегелианским истористом¹⁰. Тем не менее можно предположить, что — как философ и одновременно юрист — именно в философии государства Маркиз мог еще в Гёттингене оказаться под сильным влиянием правого гегельянства, истоки которого находятся в политико-правовых работах немецкого философа. К сожалению, Маркиз не написал ни одного большого (или малого) труда по философии или политической философии, из которого можно было бы узнать, что конкретно он читал, какие его посещали идеи. Однако отмеченное биографами пристрастие к Гегелю, датируемое периодом учебы в немецком университете, позволяет нам выдвинуть *исследовательскую гипотезу*, что это влияние могло бы быть значительным. Эту гипотезу невозможно преобразовать в тезис с помощью цитат из (несуществующих) писем Велёпольского. Можно, однако, попытаться косвенно аргументировать это влияние с помощью практического рассуждения о государстве и политике, которые представлял Маркиз.

⁹ Z. Kuderowicz. Hegel i jego uczniowie. Warszawa, 1984. S. 119–216. В первую очередь см. классический труд: K. Löwith: *Od Hegla do Nietzschego. Rewolucyjny przełom w myśli XIX wieku*. Warszawa, 2001.

¹⁰ B. Szlachta. Wielopolski a polskie nurty konserwatywne. Следует согласиться с общей мыслью краковского исследователя о том, что гегелевская историософия была неприемлема для католических консерваторов из польских земель (Idem. *Ład — Kościół — Naród*. Kraków, 1996. S. 66–68).

Попытаемся показать те идеи Гегеля, которые раскрываются в концепциях, реализованных Велёпольским. Мы уверены, что в его рефлекторной политике содержатся, по меньшей мере, три фундаментальные идеи немецкого философа:

1. *Политик как «разум верхом на коне»¹¹*

Известная формула Гегеля гласит, что Наполеон, командующий своими войсками под Йеной, — «разум верхом на коне». В этом своем высказывании он выразил убеждение в том, что большие идеи и исторические течения находят свое выражение в политике, которому Дух (*der Weltgeist*) вверил миссию высказывания и реализации актуальной идеи¹².

Маркиз также считал, что историей руководят большие единицы, которые выражают дух своей эпохи и которые ведут массы, а не агитируют их. Современный руководитель польской нации, которому Дух доверил руководство национальными вопросами в данный период истории, также является *разумом верхом на коне*. Это рассуждение находило свое отражение в стиле проводимой им политики. Велёпольский никогда не стремился к популярности. Это показное презрение к еще ползающей технике политической пропаганды привело к тому, что он пользовался плохой репутацией. Маркиз был, если можно так выразиться, абсолютным мастером черного автопиара. Он был бы дисквалифицирован в сегодняшних публичных дебатах, как дисквалифицировали его уже в 60-х годах XIX столетия. Своей властью в Царстве Польском он обязан не всеобщим выборам, а царскому назначению. Поэтому, как ему ошибочно казалось, он мог не объясняться перед народом за свою политику, а — словно разум за письменным столом — реализовывать национальные цели исходя из перспективы рационального взгляда на окружающий его мир и политические реалии, без оглядки на легкомысленное, пылкое, политически иррациональное и руководящее жестами и символами общественное мнение. Это выражает его известная формула, гласившая: «Для поляков можно что-то сделать, с поляками — никогда».

2. *Рациональность эмпиризма*

Александр Велёпольский считается одним из политических реалистов, которые холодным и бесстрастным взглядом смотрят

¹¹ Перефразированная цитата о Наполеоне из письма Гегеля Фридриху Нитхаммеру из Йены от 13 октября 1806 г., накануне сражения при Йене и Ауэрштедте. Цитата существует также в другом виде: «Разум верхом на коне» (*La raison à cheval, франц.*), «Абсолютный дух на белом коне». — *Прим. перевод.*

¹² T. Kroński. Hegel. Warszawa, 1966. S. 27–28.

на соотношение сил в международных отношениях и осуществляют расчеты — что хорошо для нации, а что принесет убытки. Маркиз всегда боролся лишь за то, что возможно, а не за мир — такой, каким он должен быть. Этот холодный реалистический эмпиризм является не только результатом дворянского происхождения и характерного для этой группы людей эмпиризма и осторожности, присущей сельскохозяйственной посессии, но и правого гегельянства.

Известная фраза Гегеля гласит, что «все действительное — разумно, и все разумное — действительно»¹³. Переводя это на язык тогдашней польской ситуации, можно сказать: действительность того факта, что Польша находится под оккупацией, не вызывает сомнения, это и означает разумность ситуации. Оккупация не является ни несправедливой, ни бесчеловечной, а именно разумной. То есть то, что произошло, не только должно было произойти, но и обязано было произойти. Таким было свидетельство Духа. К существующей действительности подойти следует, также руководствуясь разумом, а не сердцем. Консервативный и гегелевский реализм связаны между собой в подтверждении суждения о том, что отправной точкой для любых политических планов является существующий мир, такой, каким он представляется чувствам познающего субъекта. Противоположным этой точке зрения является романтическо-инсurreкционное видение создания плана нового и справедливого мира с помощью чувства и на основе этических понятий, где задачей воли является реализация этого идеала через действие. Велёпольский хорошо должен был знать это понимание политики — как воспитанник философии немецкого идеализма, он наверняка читал Иоганна Г. Фихте и знал его концепцию воли, проламывающую эмпирические ограничения и создающую новый мир. Как гегельянец, он придерживался противоположного мнения: разумность существующего мира диктует так же разумно приспособиться к нему, а не изменять его в революционном восстании.

3. *Этапистские признаки*

В *Основах философии права* Гегеля мы находим главные источники концепции правого гегельянства. Тут мы имеем взгляд иерархического общества, где монарх является источником и творцом государства. Поэтому он монополизирует все политические решения. Гегель полностью отвергал революционные

¹³ G. W. F. Hegel. *Zasady filozofii prawa*. Warszawa, 1969. S. 17.

идеи суверенности нации¹⁴. В этой книге без особого труда можно найти источники немецкого взгляда на то, что политика — это сфера исключительно государства, тогда как этактистские субъекты могут, максимум, стремиться к фракционной и субъективной *политичности*¹⁵.

В этом гегелевском взгляде содержится источник пристрастия Маркиза к сотрудничеству с царизмом. Но если царь является чужим и навязанным правителем, то сам факт, что является законной властью и осуществляет ее, придает этим правительствам рациональный характер. Протест Велёпольского в отношении австрийской политики подстрекательства крестьян против шляхты — завершившейся преступлениями вооруженных банд Якуба Шеля¹⁶ — это возмущение тем, что рациональная *ex definitione* власть повела себя иррациональным способом. Если Дух установил власть, дабы продолжать уклад, то использование ее в революционных целях противоречит ее рациональности. Концепция Маркиза компромисса с Россией — это признание существующей власти рациональной, и основание политики на том, что существует реально и защиты существующего порядка¹⁷.

Для консерватора, и в частности для правого гегельянца, реальность существования государства и власти не подлежит дискуссии. В государстве власть имеет необходимый характер,

¹⁴ A. Ruge. Patriotismus. Baden-Baden, 1990. S. 53–64, 99–114; Z. Stawrowski. Państwo i prawo w filozofii Hegla. Kraków, 1994. S. 108–26; E. Cassirer. Mit państwa. Warszawa, 2006. S. 276–306.

¹⁵ Эта проблема научно будет развита в XX веке К. Шмиттом, см.: E. Hoerl. Die Privatisierung des Politischen bei Carl Schmitt // W. Pircher (red.). Gegen den Ausnahmezustand. Zur Kritik an Carl Schmitt. Wien, 1999. S. 85–118; Ch. Schönberger. «Staatlich und Politisch». Der Begriff des Staates in «Begriff des Politischen» // R. Mehring (red.). Carl Schmitt «Der Begriff des Politischen». Ein kooperativer Kommentar. Berlin, 2003. S. 21–44. Также здесь коренятся источники известного взгляда Т. Манна на то, что немец по природе своей является «аполитичным» существом, поскольку политика — это сфера государственной власти (Considérations d'un apolitique. Paris, 1975. S. 34, 133–134, 239, 245–251, 330).

¹⁶ A. Wielopolski. Lettre d'un Gentilhomme polonais sur le massacre de Gallicie adressee au prince de Metternich à l'occasion de sa depeche circulaire du 7 mars 1846 // H. Lisicki: Le marquis Wielopolski. T. I. S. 315–337 (Перевод на польский язык в: J. Moszyński (red.). Myśl polityczna z księgi dziejów cierpień i praicy. T. II. Kraków 1895. S. 54–85.

¹⁷ См. известное окончание письма на стр. 336, фрагмент в кавычках, начинается с фразы «*Nous venons nous remettre à vous, comme le plus généraux de nos ennemies...*».

тогда как та или иная социальная или этническая группа имеет второстепенный характер: государство может существовать без части своих подданных, но подданные не могут существовать без власти и государства. Поэтому, ища политического партнера, правый гегельянец не обращается к своим соотечественникам, которые являются второстепенными, а обращается к существующей политической власти, как к необходимой. Даже если эта власть чужая. Факт чуждости Велёпольскому особо не мешал, поскольку ему был чужд любой национализм. Он был государственным, этатистом, а не патриотом или националистом.

Эмпирический подход Александра Велёпольского к политике несомненно имел свои источники как в правом гегельянстве, так и в родном дворянском консерватизме. Правое гегельянство и консерватизм онтологически и эпистемологически отличаются, но представляют похожую программу политического реализма. Консерватор без колебания может принять утверждение, что *то, что разумно, — действительно, а что действительно — разумно*, если, однако, не вынужден будет укрепить это утверждение при помощи гегелевского религиозного гностицизма. Наиболее бросающимся в глаза своей реальностью является институт государства, который консерватор воспринимает более или менее религиозным способом, имея всегда где-то в подсознании павловское *всякая власть от Бога*. Отсюда и стремление Велёпольского строить политику, опираясь на реально существующие этатистские структуры, даже если они чужие и навязаны. Однако они существуют, а следовательно, рациональны. Следует не бунтовать против них, а сотрудничать с ними. Политика является тем, что возможно, а это и увеличение автономии, полонизация администрации, подчеркивание правовых отличий от царства. Инсurreкция является бунтом против рациональной власти, а следовательно, имеет характер *ex definitione* иррациональный, являясь взрывом хаоса и анархии против рационального порядка.

Ошибки в политическом реализме Александра Велёпольского

Правое гегельянство является необычайно эмпирической позицией, отсюда и пристрастие его сторонников к так называемому

политическому реализму в международных отношениях¹⁸. Итак, значит, Александр Велёпольский был политическим реалистом?

Да, Маркиз был политическим реалистом, но кабинетным, который не понимал духа своей эпохи и утратил связь с общественными кругами (а может, и вовсе не пытался установить — по причине своего правого гегельянства). Исходя из этого можно сказать, что мы имеем дело с выдающимся дипломатом и тактиком, разыгрывающим политику в царских салонах в Петербурге. Велёпольский достиг тут необычайно многого, уговорив русских отказаться от части репрессий, которые были установлены после разрушительного поражения Ноябрьского восстания, и открыв дорогу к новым реформам, которые по причине вспышки Январского восстания Маркиз не смог осуществить. Целью этой операции было предоставление Конгрессовке того, что в период было политически возможным, — автономии¹⁹.

Сложно нам сегодня однозначно оценить: имела ли эта программа шанс на удачу. Она была реализована против всех. Имела врагов среди твердолобых в правительственных кругах Петербурга. Внедрялась без одобрения польского общественного мнения и, очевидно, вопреки той же общественности. Были два основных повода, когда общественное мнение Конгрессовки противопоставлялось политике Маркиза, хотя она была выгодна ей, способствуя полонизации администрации или выгодным школьным реформам.

1. Инсurreкционное состояние души

Значительная часть общественного мнения не признавала иного метода борьбы за польский вопрос, кроме вооруженных действий. Романтично-инсurreкционное понимание политики, насыщенное патриотическим пафосом, мистицизмом, мессианизмом, прометеизмом, полное женщин-военнослужащих и подавшееся в псевдорелигиозные течения было очень популярным, особенно среди молодежи. С той частью нации, что находилась в состоянии мистического восторга, Велёпольский (консерваторы вообще) не мог найти общий язык²⁰.

Эта последняя оценка подтверждается фактами. Маркиз ссылался на консервативно-гегелевские категории политической ра-

¹⁸ Эту позицию не в простых, а в научных категориях прекрасно описывают: R. Aron. *Pokój i wojna między narodami*. Warszawa, 1994. S. 69–98; H. J. Morgenthau. *Polityka między narodami. Walka o potęgę i pokój*. Warszawa, 2010. S. 20–34.

¹⁹ Програму представляет. H. Lisicki. *Le marquis Wielopolski*. T. II. S. 102–18.

²⁰ B. Szlachta. *Z dziejów polskiego konserwatyzmu*. Kraków, 2000. S. 131–32.

циональности. Считал, что сущностью политики является указание целей, а далее — определение того, какая из них и насколько является достижимой при существующем положении сил, после чего их реализовывал. Из его вычислений следовало, что восстание, направленное против России, не имеет шансов, поскольку Конгрессовка не имеет ни армии, ни средств, ни зарубежной поддержки. Соседи — Пруссия и Австрия — были жизненно заинтересованы в выгоде от плодов политики раздела, и сомнительно, чтобы они пассивно наблюдали бы за победоносным восстанием. В связи с этим независимость Польши находится за пределами современных политических и военных возможностей. Значит, следует, в согласии с русскими правительственными кругами, предложить следующий порядок: русские дадут нам автономию, а взамен мы будем лояльными подданными.

Проблема в том, что романтически настроенная часть общественного мнения, в частности вскормленная романтическими предсказаниями молодежь, не хотела слышать о рациональных аргументах, программно отвергая разум. Ведь в *Большой Импровизации* Мицкевича²¹ разум является образом царизма. Сущность польскости — это чувство, которое отвергает любой компромисс, любые переговоры и требует великих дел, героизма, демонстрации больших знамен и полей битв, орошенных кровью *настоящих патриотов*. С этой частью общественного мнения Велёпольский объективно не мог договориться, поскольку рациональность его аргументации была для нее контраргументом. Поэтому он принял решение политически устранить эту группу при помощи известного призыва в армию. Это было единственным способом успокоить эту буйную и политически вредную группу.

Призыв Велёпольского является свидетельством понимания властью, руководствующейся рациональной политикой, того, что диалог с бунтарской молодежью невозможен. К сожалению, операция эта была проведена мало профессионально, способствуя поражению всей политики Маркиза. Он был выдающимся кабинетным политиком, но русские офицеры не смогли технически справиться с этой операцией²².

2. Разница нарративов власти и подданных

Большой идеей XIX столетия был национализм, под которым подразумевалось право нации на самоопределение — как во

²¹ Большая Импровизация (Wielka Improwizacja) — монолог Конрада в III части драмы «Дяды» Адама Мицкевича.

²² Описание призыва в: H. Lisicki. Le marquis Wielopolski. T. II. S. 342–50.

внутреннем измерении (собственное национальное государство), так и во внешнем (суверенность нации)²³. Польскими представителями этого течения на польских землях были повстанцы-романтики, которые боролись за воскрешение Польши в качестве республиканского и демократического государства в дораздельных границах, признаваемых в то время еще *национальными*²⁴.

Тем временем консервативные круги не признавали национальной идеи. С одной стороны, видели в ней опасную, плебейскую и демократическую доктрину, которую исповедовал Максимилиан Робеспьер, с другой — нехристианское видение мира, где снова возникло разделение на иудея и эллина, отвергаемое св. Павлом и Католической традицией²⁵. Смотри в этой перспективе, Маркиз был радикальным консерватором и сверхсовременным человеком, который не понимал националистических инстинктов. Как помещик, он имел аграрное понимание социальной иерархии, где люди делятся на шляхту и крестьянство. В аграрно-традиционалистском мировоззрении шляхта переживает большую солидарность с представителями своего статуса за границей, нежели с крестьянами, вспахивающими поле за окном. Следовательно, нельзя говорить о чувстве национального сообщества в нашем понимании этого термина²⁶. Тогдашняя аристократия не скрывала своего глубокого презрения к народу, что сочеталось с абсолютным непониманием идеи, что она принадлежит с ним к одному, какому бы то ни было сообществу.

К сожалению, нравилось это Маркизу или нет, факты были таковы, что низший класс уже был затронут призывами в наполеоновскую армию и повстанческие ряды 1830–1831 и 1848 годов — и реалистически смотрящий политик должен был это увидеть и учесть в своих концепциях. Но дворянские суеверия и гегельянская философия стали препятствием для этого.

Сегодня любой специалист по политическому маркетингу сказал бы Александру Велёпольскому, что ему необходимо информировать о своих политических планах общественное мнение на том

²³ M. Clément. Enquête sur le nationalisme. Paris, 1957. P. 25n.; P. Alter. Nationalism. London, 1989. S. 28–31.

²⁴ J. Maciejewski. Pojęcie narodu w myśli republikanów lat 1767–1775 // J. Górkowski, A. Walicki (red.). Idee i koncepcje narodu w polskiej myśli politycznej czasów porozbiorowych. Warszawa, 1977. S. 21–41.

²⁵ A. de Blas Guerrero. Sobre el nacionalismo español. Madrid, 1989. P. 32–36; A. Wielomski. Nacjonalizm francuski 1886–1940. Geneza, przemiany i istota filozofii politycznej. Warszawa, 2007. S. 472–74.

²⁶ E. Gellner. Narody i nacjonalizm. Warszawa, 1991. S. 20.

языке, которым оно пользуется. Фразеология инсurreкционизма не могла быть, по очевидным причинам, принята Маркизом, но национальная наррация — вполне. Используя националистический или патриотический язык, следовало описывать политику правительства в качестве *национальной*. Именно это спустя несколько десятков лет сделал Роман Дмовский, когда в 1905 году противопоставил себя революции / восстанию и выступил за компромисс с Россией. Сделал, однако, это в националистической наррации, представляя свой план в категориях *национального интереса* и *польской политики*. Кроме городского пролетариата, который последовал за революционно-повстанческой Польской социалистической партией, большинство населения Конгрессовки подержало Дмовского. А ведь политика Национально-демократической партии ничем не отличалась от политики Велёпольского, по крайней мере, в своих самых существенных вопросах.

Похожую *национализацию* языка политики мы видим среди тех европейских правых политиков, которые во второй половине XIX века достигли успеха и в последующей историографии были вознесены до ранга отцов нации и государственности. Мы имеем в виду Отто фон Бисмарк и Камилла Кавура. Оба этих политика достигли объединения своих стран после сотен лет раскола и подчинения влиянию иностранных держав — именно благодаря искусному вписыванию в националистический дискурс. Это вовсе не означает, что они полностью приняли основы этого дискурса. Они исключили из него один из основных принципов раннего национализма, а именно внутренний суверенитет нации во благо национальных интересов, популистски, хоть и идентично по сути, обозначенный как *национальный интерес*. Таким образом, инсurreкционный, революционный и разрушительный национализм преобразился в прогосударственный, поскольку им удалось представить власть в качестве носителя его постулатов²⁷.

Националистический дискурс не может существовать без указания внешнего или внутреннего врага, против которого возможно проводить национальную мобилизацию общественного мнения. Бисмарк указал сперва на социалистов как на врагов, и в первую очередь на национальные меньшинства, главным образом на поляков. Потом Бисмарк и Кавур мобилизовали общественное мнение против католицизма, используя в этом вопросе

²⁷ H. Schulze. The Course of German Nationalism. Cambridge 1991. S. 82–101; O. Dann: Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770–1990. München, 1996. S. 149–63.

миф об унижении Генриха IV в Каноссе, выступление Лютера и образ большого мирового иезуитского заговора (Бисмарк)²⁸, либо указывая на невозможность объединения Италии, пока у Папы есть Церковное государство посреди Аппенинского полуострова (Кавур)²⁹. Таким образом консервативные политики вписались в доминирующий национал-либеральный антиклерикальный дискурс. Публично антицерковный, в частной жизни Бисмарк осознавал вредность нападков на Католическую церковь, которую считал одним из столпов западной культуры³⁰. Но таков был национальный интерес...

В Конгрессовке антиклерикальная демагогия была неприемлема для общественного мнения, которое не требовало борьбы с Костелом. Консерваторы были католиками, крестьяне тем более, а романтические революционеры с удовольствием эксплуатировали символы веры, подкладывая под них свои идеологические светские политические содержания. По естественным причинам антирусские лозунги также не были возможны, раз уж Велёпольский стремился расширить автономию Конгрессовки. Значит, националистической общественности следовало указать на других врагов. Мы уверены, что это прекрасно понял упомянутый уже великий и созидательный продолжатель политики Маркиза — Роман Дмовский. Он показал общественному мнению две угрозы: немцев (внешний враг) и евреев (внутренний враг). И потом уже мобилизовал нацию против Вильгельмовской империи, призывая ее — вполне успешно — к пророссийскому варианту. Кажется, что и Маркиз мог осуществить подобную операцию:

1. Власти России были глубоко обеспокоены изменением политической ситуации в Европе, в связи с явным стремлением Бисмарковской Пруссии объединить Германию. Это угрожало внезапным появлением в Срединной Европе великой военной державы особенно, если бы это произошло по великогерманскому варианту, то есть с включением в такое государство Австрии, вместе с ее большой балканской империей, объединяющей Венгрию (до Трианонского соглашения, то есть в три раза большую, чем современная). Следует помнить, что Россия признала мало-

²⁸ G. Kucharczyk. Kulturkampf. Walka Berlina z katolicyzmem (1846–1918). Warszawa, 2009. S. 91n., 157n.

²⁹ См., например, политические издания министра Кавура: M. Minghetti. Scritti politici. Roma, 1986. S. 429–598.

³⁰ O. von Bismarck. Le retablissement du pouvoir temporel du pape. Paris, 1885. S. 73–74, passim.

немецкое решение только по той причине, что Бисмарк умно предоставил ей поддержку в борьбе с Январским восстанием, в том числе блокируя прусские границы для поставок провизии для повстанцев. Признание Россией объединения Германии — это результат Восстания и поражения политики Маркиза³¹. В 1861–1862 годах национальная наррация с антипрусским звучанием, особенно антибисмарковским, была бы принята русскими.

2. Маркиз не был ни националистом, ни антисемитом. Исторический парадокс, что единственной долговременной его реформой оказалось равноправие для евреев. Но если российская политика уже тогда была сильно антисемитской (например, благодаря так называемой черте оседлости)³², то в Конгрессовке не господствовали антисемитские настроения или подчеркнутое неприятие к чужим. В связи с этим классический элемент националистической политики, коим является враждебность по отношению к чужим, проживающим на национальной территории, — с таким успехом примененный Бисмарком и Дмовским, — было применить трудно. В этой ситуации для использования во внутренней политике следовало провести акцию по *национализации* крестьян. Это требовало не наделения крестьян землей за выкуп, что являлось решением, запоздавшим на несколько десятков лет, а наделения землей без выкупа таким образом, чтобы превратить их в мелких собственников, а впоследствии — в сознательных граждан. Этому мероприятию можно было придать *национальный* вид и объединить его со школьной политикой Маркиза. Ее целью была бы колонизация крестьянства посредством указания ему на связь его с вопросом польского народа. При случае Маркиз отобрал бы у красных так называемый общественный лозунг и в принципе воспрепятствовал бы проведению партизанской войны в лесах — невозможной без поддержки сельского населения по причине проблем с продовольствием. Эту колонизацию крестьянства лишь в конце XIX века провели национальные демократы³³.

Отсутствие хотя бы попытки Александра Велёпольского использовать националистический дискурс указывает на то, что он не понимал, что время аристократической кабинетной политики, управляемой при пассивности широких масс, закончилось. «При-

³¹ J. Feldman. Bismarck a Polska. Warszawa, 1980; A. Bocheński. Dzieje głupoty w Polsce. Warszawa, 1988. S. 343n.

³² L. Poliakov. Historia antysemityzmu. T. II. Kraków, 2008. S. 264n.

³³ W. Feldman. Dzieje polskiej myśli politycznej w okresie porzbirowym. T. III. Warszawa, 1920. S. 134–38.

рода его ума толкала Маркиза служить своей стране вопреки этой же стране», — писал свидетель эпохи Рогер Рачиньски и добавлял, «что он был совершенно один и поддерживала его лишь ближайшая родня (...) он был в полной изоляции»³⁴. Эта слабость Маркиза была вызвана предрассудками дворянского сословия и его гегелевской философией, которая основывалась на утверждении высшей рациональности государства и власти в отношениях с подданными. Однако если утверждение Гегеля является истинным и проверено эмпирически, то в условиях рождаемого массового общества оно должно быть модифицировано с необходимостью вписать реализуемую политику в доминирующие политические лозунги, повторяемые населением.

Этой глубокой правды о демократизирующейся реальности Александр Велёпольский не понимал, и также поэтому его величественная поза гегелевского *разума за столом* наталкивалась на повсеместную ненависть как современных ему, так и последующих поколений. Роман Дмовский успешно реализовал ту же самую политическую линию, но с помощью другого дискурса и не отваживаясь даже сослаться на Маркиза. Поэтому Велёпольский стал символом *предательства* — «явным и недвусмысленным отступником»³⁵, а Дмовский стал одним из отцов возрожденной Речи Посполитой.

Перевод с польского Марины Брутян

³⁴ R. Raczyński, Ch. de Mazade. Mémoires sur... S. 17–19.

³⁵ J. N. J. Margrabia Aleksander... S. 5.

Г. Н. СИМАКОВ, Н. А. БОРОДКИНА

ВОЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНТРАБАНДА
В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ЛИТВЕ
В КОНЦЕ 1850-х – НАЧАЛЕ 1860-х ГОДОВ

Решением Венского Конгресса 3 мая 1815 г. к Российской империи «на вечные времена» была присоединена значительная часть Варшавского герцогства, получившая в дальнейшем наименование Царство Польское. Обустройство новых рубежей империи в соответствии с Таможенным уставом 1820 года планировалось осуществить вынесением таможенной линии на внешние границы Царства Польского. Для выработки условий реорганизации таможенного управления в Царстве Польском в октябре 1819 г. в Варшаве был создан Особый комитет. В его состав вошли: сенатор Н. Н. Новосильцев, председатель правительственной комиссии финансов и казначейства А. А. Венгильский, статс-секретарь И. В. Соболевский, генерал-майор А. Я. Ланг, действительные статские советники Л. С. Байков и Ф. Х. Вист, рефендарий Государственного Совета Царства Польского А. А. Грайбнер. Для управления российскими таможенными в Царстве Польском было создано Главное управление торговых и таможенных дел, которому подчинялись российские таможи. Оно вело торговые дела в Царстве Польском и на сухопутной границе от Палангена до Дубосар. Главное управление начало свою работу с 19 января 1820 г., его возглавил начальник таможенных и торговых дел генерал-майор А. Я. Ланге, и закончило свою деятельность в ноябре 1827 г. При этом таможенные округа и Пограничная стража вплоть до начала 1850-х годов продолжали осуществлять охрану административной границы Российской империи с Царством Польским.

В период польского восстания 1830–1831 гг. Таможенная пограничная стража непосредственно принимала участие в боевых действиях. Так в Высочайшем приказе от 26 февраля 1831 г. отмечалось:

«Его Императорское Величество, по засвидетельствованию Министра финансов генерала от инфантерии графа Е. Ф. Канкрина, об отличном исполнении своих обязанностей Таможенной стражей, расположенной по границам с Царством Польским, в особенности же Юрбургского округа, объявляет всем чинам Высочайшее свое благоволение». В последующих циркулях по Таможенному ведомству от 17 и 18 апреля 1831 г. было уточнено, что «Таможенная стража Юрбургского округа отличилась при всех нападениях мятежников. При Полангене же, соединяясь с частью Либавского округа и составляя до 200 человек против 3 000 и более, они, после четырех главных причиненных неприятелю поражений, происходивших в поле и деревнях, взяли при этом две пушки, очистили почтовую дорогу, взяли Поланген и убили большое число мятежников. Господин Министр финансов довел о сем до сведения Государя Императора. Его Величество Всемилостивейшее пожаловать соизволил в 3-й день сего апреля для нижних чинов, особенно отличившихся, знак отличия Военного Ордена, и в 12-й день апреля ротному командиру Г. Б. Бушену — орден Святого Владимира 4-й степени и надзирателю 10 класса Экварту орден Святой Анны 3-й степени с бантом, в воздаяние отличной храбрости»¹.

После подавления польского восстания 1830–1831 гг. в значительных размерах возросло количество контрабанды, водворяемой в пределы Российской империи, особенно на участке границы между городами Юрбургом и Полонгеном. Вооруженные группы контрабандистов в количестве от 100 и более человек вступали в открытые боевые столкновения с чинами Таможенной пограничной стражи. Имея численное превосходство над чинами стражи, хорошо вооруженные контрабандисты в результате дерзких боевых стычек прорывались через 1-ю и 2-ю линии охраны границы, доставляя таким образом огромные партии контрабандных товаров на российскую территорию. Кроме того, контрабандистами во время совершения прорывов на границе производились погромы и грабежи местного населения. Широкомасштабное развитие кон-

¹ РГИА. Ф. 19. Оп. 4. Д. 17. Л. 33.

трабандного промысла на западной границе империи, непрекращающиеся вторжения на российскую территорию вооруженных банд потребовали от Министерства финансов принятия экстренных мер по пресечению подобного рода деятельности. Учитывая, что увеличение численного состава стражи для надежной охраны границы в политическом и таможенном отношении повлечет за собой огромные государственные расходы, было принято решение о выделении на Австрийскую и Прусскую границу российских регулярных войск. В соответствии с Высочайшим повелением в апреле 1831 г. министр финансов граф Е. Ф. Канкрин обратился в Главный штаб о выделении 300 конных и нескольких пехотных рот в распоряжение начальника Юрбургского таможенного округа. С прибытием в Виленскую бригаду Пограничной стражи 2-х эскадронов кавалерии и 2-х пехотных рот была осуществлена перестройка охраны границы. Весь личный состав бригады переведен на первую линию, а на второй линии охраны размещены армейские подразделения. Общее командование над всеми силами и средствами было поручено командиру Виленской бригады Пограничной стражи подполковнику П. И. Мартосу.

Кроме того, в целях пополнения некомплекта Таможенной пограничной стражи, произошедшего в результате утверждения новых штатов и понесенных потерь в ходе усмирения польского мятежа, произведено усиление Юрбургского и Радзивиловского таможенного округа, за счет передачи из военного ведомства двух полков. По Высочайше утвержденной записке от 14 сентября 1832 г. за подписью военного министра А. И. Чернышова и министра финансов Е. Ф. Канкринина, два малороссийских казачьих полка в полном составе (кроме офицеров) переданы на укомплектование Пограничной стражи².

На основании акта, заключенного Россией с правительством Пруссии от 10 июня 1838 г. в Берлине, о назначении с каждой стороны пограничного комиссара и мерах к прекращению водворения контрабанды и беспорядков на прусской границе, была введена должность Российского комиссара. В компетенцию Российского комиссара по пограничным делам с Пруссией входила координация действий по осуществлению мер таможенного контроля, соблюдению интересов России на границе с Пруссией. Права и обязанности комиссара были определены в особой Высочайше утвержденной 14 сентября того же года инструкции. Эти обязанности предусматривали «содействие к точнейшему испол-

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. СПб., 1833. № 5602. С. 601.

нению мер, предназначенных к отвращению там насильственных действий при водворении контрабанды; к защите правильных порубежных отношений»³. По соглашению с правительством Пруссии комиссары имели местом своего пребывания: российский в Полангене, прусский в Мемеле или же в Юрбурге и Тельзите. Российский комиссар при разрешении пограничных и полицейских вопросов находился в зависимости от Гродненского, Белостокского, Минского генерал-губернаторов и Виленского военного губернатора, которые выдавали необходимые разрешения и предписания в рамках его компетенции, также он подчинялся шефу Корпуса жандармов.

Офицеры Пограничной стражи обязывались исполнять немедленно все требования Российского комиссара относительно пограничного надзора и исправности Пограничной стражи, донося о всех его требованиях и сделанных распоряжениях начальнику таможенного округа. Надзирателям Пограничной стражи и их помощникам строго обязывались наблюдать, чтобы чины Пограничной стражи не переходили за границу в прусские владения и в этом отношении не давали бы повода к малейшим жалобам⁴.

С 10 июля 1841 г. Российским комиссаром по пограничным делам с Пруссией был назначен полковник Корпуса жандармов А. И. Кох⁵.

Развитие контрабандной деятельности на западной границе империи, а также революционные события 1848–1849 гг. в Австрийской империи потребовали от Министерства финансов произвести в таможенном управлении значительные перемены. Высочайшим указом от 25 октября 1850 г. была снята таможенная линия между Российской империей и Царством Польским. С 1 января 1851 г. были упразднены на этой линии таможи и таможенные заставы Гродненского таможенного округа. В результате чего таможенные учреждения и Пограничная стража были переведены на внешнюю границу государства. Во исполнение Высочайшего повеления о введении в Царстве Польском с 1 (13) января 1851 г. Российского таможенного управления на основании Высочайшего указа от 13 (25) октября 1849 г., министр финансов представил

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1839. № 11 538. С. 120.

⁴ Дополнительная инструкция надзирателям и помощникам надзирателей Пограничной стражи, расположенной на границе с Королевством Прусским. СПб., 1838. С. 1–4, 6–7, 10–11.

⁵ ГАРФ. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 3. Л. 71–77, 159–165, 220–226.

на утверждение императора проект штата таможенного ведомства в Царстве Польском. Император утвердил 3 ноября 1850 г. штат таможенного ведомства в Царстве Польском⁶, а 5 ноября 1850 г. — Таможенный устав для Царства Польского. В соответствии с этими законодательными актами в Царстве Польском учреждались три таможенных округа: Вержболовский — от истока в Пруссию р. Неман до истока р. Вислы; Калишский — от истока р. Вислы в Пруссию до поста Нивки и Завихостский — от поста Нивки до р. Буга. В этих таможенных округах также формировались и бригады Пограничной стражи, которым определялось осуществлять охрану границы империи («в одной или двух линиях»). Пограничная стража, в каждом округе разделенная на роты, составляла бригаду. Роты делились на отряды конных объездчиков и пеших стражников, где каждый отряд именовался по главному посту дистанции, которую он занимал⁷. Таким образом, были сформированы три новые бригады Пограничной стражи — Вержболовская, Калишская, Завихотская, а численный состав стражи был усилен на 26 офицеров и 3 760 нижних чинов. На содержание 3 образованных бригад определялась сумма 455 239 руб. 91¼ коп. в год⁸. Всего на обустройство трех таможенных округов, в состав которых входили бригады Пограничной стражи в Царстве Польском, из государственной казны в 1851 году была выделена сумма в 583 316 руб. 62 коп⁹.

Однако, несмотря на предпринятые меры по усилению охраны внешней границы Российской империи, в ее пределы стала активно водворяться военная и политическая контрабанда. Такая ситуация на западной границе империи возникла не случайно, а в результате целенаправленной и не прерывавшейся с 1831 года деятельности польской эмиграции, осуществлявшей планомерную подготовку нового вооруженного восстания в Царстве Польском.

Эти факты зафиксированы в служебной переписке соответствующих должностных лиц. Так, российский комиссар по пограничным делам с Пруссией отношением № 943 от 24 июля 1849 г. информировал Шефа жандармов о том, что по поступившим к нему сведениям крестьяне Августовской губернии запасаются косами, которых водворено в Польшу около 10 000 штук. «7 июля

⁶ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 25. Ч. 1. СПб., 1851. № 24 594. С. 46–47.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 25. Ч. 1. СПб., 1851. № 24 598. С. 49–51.

⁸ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 243. Л. 207, 210 об., 211, 211 об.

⁹ Там же. Ф. 21. Оп. 12. Д. 13. Л. 35 об.

около Нового места водворены три места с 500-ми косами, одно место с одним центнером пороха, 50 олова и шестью ружьями, для известного по 1831 году Годлевскому, живущего около Алексоты, а гминные войты и таможенные чиновники Царства Польского не расположены к нашему правительству»¹⁰.

Управление Виленского военного губернатора и генерал-губернатора Гродненского, Минского и Ковенского отношением № 1445 от 30 ноября 1853 г. уведомляло Российского комиссара по пограничным делам с Пруссией генерал-майора А. И. Коха, что находящиеся в Париже поляки закупают в большом количестве порох. «Запас пороха в Мемеле уже закуплен ими и отправлен в Литву и Польшу, через Кретинген или Юрбург»¹¹.

Эти данные были перепроверены Российским комиссаром и отношением № 2196 от 7 декабря 1853 г., он докладывал Виленскому военному губернатору, что эти данные подтвердились тем, «что из бывшего в Мемеле от прошлого года запаса пороха 102-х центнеров и привезенного в нынешнем году 176 центнеров, осталось только из привоза 95 центнеров, из которого около 10 пудов раскуплено тамошними жителями, и около 173-х центнеров (519 пудов) вывезено к нам»¹².

12 июля 1859 г. генерал-майор А. И. Кох направил сообщение Шефу жандармов генерал-адъютанту В. А. Долгорукову, в котором отмечал, что «20 июня 1859 г., на дороге от Нейденбурга в Виттенбург, Нейденбургским ландратом Пегюльченом задержано 13 центнеров пороха, назначенного к отправлению в Польшу. 27 июня 1859 г., неизвестный поляк предпринял попытку заказать в Нейденбурге 200 ружей, обещая и впредь делать такие же заказы. Это случайное задержание приводит к мысли, что оружие и взрывчатые вещества могли пройти незамеченными на других путях, как предполагают в Пруссии»¹³.

По полученным из Англии сведениям, как отмечено в письме от 11 марта 1861 г., произведенная прусскими таможенными властями конфискация оружия, ввезенного в Пруссию, не остановила в Англии заказов для его приобретения:

«Разные лица с ложными немецкими письмами продолжают производить покупки и заказы на разных фабриках разных

¹⁰ ГА РФ. Ф. 1743. Оп 1. Д. 8. Л. 11 об., 12.

¹¹ Там же. Д. 15. Л. 16.

¹² Там же. Д. 9. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 7–7 об.

городов Англии, платя за большую часть наличными деньгами и отправлять оружие, малыми количествами, на купеческие Прусские корабли, на которых оно распределяется в разные тюки товаров самими капитанами или товарными приказчиками, все меры предосторожности могут быть приняты только в Пруссии и на границах с оной».

Это сообщение подтверждалось новыми фактами изложенными 23 марта 1861 г.: «из города Гуля, в Англии, отправлены в Данцинг и другие прибрежные города Пруссии 5 000 ружей, с целью тайного водворения их в Царство Польское»¹⁴. 19 сентября 1861 г. Российский пограничный комиссар был уведомлен, что

«Польский Комитет, учрежденный в Париже, поручил Л. Ходзко сочинение манифеста, призывающий жителей бывших польских провинций к восстанию против России. Этот Манифест должен распространяться в Царстве Польском в сентябре. Из Лондона отправляют в большом количестве оружие и военное снаряжение к Балтийским портам. Суда с каменным углем возят военную контрабанду в Ригу, Ревель, Данцинг. Все это на счет Польского комитета.

В каждом уездном городке Царства Польского учрежден высший комитет, находящийся в сношении с центральным Парижским комитетом, через посредство эмиссаров обоих полов, которые беспреданно разъезжают между Парижем и Варшавой, где заседает распорядительный комитет. В каждом центре волости еще существует волостной комитет, который действует на подведомственной ему сельской общине.

Польский комитет отправляет в бывшие польские провинции эмиссаров для возбуждения там беспорядков. Вот их имена: Гиндинец Алексей из Познани направлен в Торн, Блазиовский Казимир, русский подданный, в Варшаву, Ладенский Иосиф, австрийский подданный, в Краков, Милевский, русский подданный, в Вильно, Новицкий Эдвард, австрийский подданный, в Киев, Вольский Станислав, эмигрант, в Волынь. Все эти лица снабжены иностранными паспортами.

Говорят, что шведские суда ведут с Курляндскими евреями весьма деятельную контрабанду оружием. Уверяют, что евреи за весьма значительную сумму обязались доставлять штуцера и даже ввозят нарезное оружие.

¹⁴ Там же. Л. 28.

26 августа с. г. в Париж прибыл с весьма важной депешей из Варшавы, какой-то священник, который прибыв в Комитет, передал им известие, где подробно было описано положение дел в Польше, состояние умов и количество народного войска, тайно вооруженного и готового действовать по первому призыву. Восстание должно быть весьма сильно и произойти разом во всей Польше. Во всех городах требуют, чтобы возмущение не было отлагаемо дальше октябрьской годовщины. Священник через неделю должен отбыть в Варшаву с приказами Комитета»¹⁵.

Кроме того, в переписке указывалось, что в этот период в Польшу и Литву в значительном количестве стала поступать политическая контрабанда, представлявшая собой различного рода антиправительственные и революционные издания, призывавшие местное население к вооруженной борьбе. Например, в июле 1856 г. наместник в Царстве Польском информировал Виленского военного губернатора о том, что А. И. Герцен и демократический комитет в Лондоне издали воззвание к русскому народу и протестацию на польском языке¹⁶. Российский консул в Мемеле 21 мая 1861 г. сообщил, что в местную типографию поступил заказ на публикацию литовских писем в количестве 10 000 экз¹⁷. Виленский военный губернатор 26 марта 1862 г. отмечал, что «в Лондоне отпечатано на русском языке, отдельными брошюрами в большом количестве экземпляров, два воззвания «Что надо делать войску» и «Что надо делать духовенству». Получено сведение, что воззвания эти в непроизвольном времени располагают отправить в Россию». В дополнение к этому отношению было указано «принять самые решительные меры к нераспространению возмутительных сочинений «Что нужно помещикам» и «Великорус, или ниспровержение правительства», о выпуске которых в публике вновь получено много достоверных сведений»¹⁸.

В своих отношениях № 207 и 208 от 18 февраля 1863 г. Российский комиссар по пограничным делам с Пруссией генерал-майор А. И. Кох докладывал Виленскому военному губернатору генерал-лейтенанту В. И. Назимову и директору Департамента внешней торговли генерал-лейтенанту М. В. Пашкову о полученных им сведениях из Кенигсберга:

¹⁵ Там же. Д. 15. Л. 6–9.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 16. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 15. Л. 16–17.

«В восточной части страны, в особенности около прусской границы, — революционные волнения в высшем градусе, и достоверно в скором времени вспыхнет мятеж. Главные двигатели и возмутители там, — как и везде, католические ксендзы, они разъясняли народу его заблуждения в польских мятежах. Ксендзы с кафедры объясняли им правильное мнение, проповедовали им, это волнение, как надлежащий крестовый поход. Да эти люди мира осмеливаются даже сами доставлять для поляков оружие и огнестрельные припасы. Так я сам был очевидцем, как это выполнял один ксендз по имени Доргевич.

Большое число поляков и полек ежедневно ездят за границу в Пруссию и вывозят оттуда оружие и порох целыми ящиками, как через главные таможи так и через малые. Тут нет ничего удивительного, ибо чиновники таможенные сами поляки и соумышленники. Большой частью оружие и огнестрельные припасы провозятся контрабандой самими помещиками с помощью таможенных чиновников. Так два поляка по имени Милевский и Миссевич, купили большое количество ружей и приказали уложить в ящики. Прусские купцы смотрят на это с удовольствием, ибо они берут почти тройную цену. За револьвер, стоящий не дороже 13 талеров платят 36, цена также возвышена и при большой закупке. Они искали порох и готовы были заплатить баснословную цену. Одним словом подобного рода торговля проходит ежедневно». Возвращаясь к деятельности таможенных чиновников, автор сообщения Ле Крои указывал, что он «возвращаясь в прошлом году из Берлина обращал внимание господина окружного начальника К. И. Дена (начальник Юрбургского таможенного округа) на образ действий его чиновников, но он оставил псевдонимное письмо без внимания. Так теперь он должен уразуметь, как его провели (обманули) его же чиновники. Тогда они обманывали только казну, теперь же политическое преступление чему способствует настоящее время»¹⁹.

Таким образом, начиная с 1830-х годов польская революционная эмиграция осуществила ряд организационных, идеологических и технических мероприятий по подготовке к вооруженному восстанию, основными из которых стали незаконная транспортировка оружия и нелегальной литературы на территорию Царства Польского, Литвы и части белорусских земель Российской империи.

22 января 1863 г в Царстве Польском вспыхнуло восстание, которое продолжалось до осени 1864 г. Оно охватило губернии

¹⁹ Там же. Д. 15. Л. 20–24 об.

собственно Царства Польского, а также шесть северо-западных: Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Могилевскую и две юго-западные губернии — Волынскую и Киевскую. В подавлении восстания, наряду с российскими войсками, приняли участие части и подразделения Пограничной стражи. В боевых столкновениях с мятежниками были задействованы чины Калишской, Вержболовской, Завихостской, Таурогенской и Волынской бригад. Завихостская бригада Пограничной стражи во время подавления восстания была передана в ведение Военного ведомства. Основной задачей, возложенной на бригады Пограничной стражи, стало оказание ими содействия войскам по очистке пограничных местностей от мятежников. В процессе выполнения этой задачи Пограничной стражей пресекались попытки повстанцев по доставке из-за границы оружия и боеприпасов. Например, в 1863 г. чинами Калишской бригады Пограничной стражи было произведено следующее количество задержаний военной контрабанды. Штуцеров: английских — 151, бельгийских — 20, французских — 5, новой конструкции — 60 единиц. Карабинов кавалерийских — 49, ружей пехотных — 111, ружей кавалерийских — 52, драгунских ружей — 58, бельгийских нарезных ружей — 20, двуствольных ружей — 15, ружей с широкими ножами — 43. Револьверов и пистолетов — 19, сабель кавалерийских — 182, пик — 113, кинжалов и ножей — 37, кос — 419. Пуль ружейных — 2 000 штук, патронов — 630 штук и 1 мешок, капсулей — 15 600, форм для литья пуль — 51, свинца — 57 пудов, пороха — 50 пудов, а также другое военное снаряжение²⁰.

За задержание военной контрабанды ряд офицеров и нижних чинов Пограничной стражи был поощрен высшими наградами. 18 октября 1863 г. «за открытие до 200 единиц разного оружия, зарытого мятежниками», офицер Таурогенской бригады поручик Климович награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и деньгами в размере 340 руб. 12 октября 1863 г. отрядной офицер Калишской бригады прапорщик Микулич «за распорядительность при задержании военной контрабанды» награжден орденом Святого Станислава 3 степени. «За поимку военной контрабанды» на сумму 305 руб. — 6 марта 1864 г. произведен в штабс-капитаны офицер Завихостской бригады Дамич. Приказом по Пограничной страже № 7 от 10 апреля 1865 г. вахмистр Завихостской бригады Алексей Лядович и унтер-офицер

²⁰ Чернушевич М. П. Материалы к истории Пограничной стражи. Ч. 2. Служба Пограничной стражи в военное время. Вып. 2. СПб., 1909. С. 107.

этой же бригады Семен Ховзин «за отличие оказанное ими 24 и 25 декабря 1863 г. при отбитии у польских мятежников военной контрабанды», награждены знаками Отличия Военного ордена 4-й степени²¹.

По неполным данным, в 1863 году в Завихостской бригаде в ходе боевых столкновений с польскими повстанцами были понесены следующие потери: один офицер и два нижних чина повешены мятежниками, убито нижних чинов — 21, ранены четыре офицера и 18 нижних чинов, несколько нижних чинов пропало без вести и 22 чина скончались от болезней. В Калишской бригаде были убиты 1 офицер и 11 нижних чинов; ранено — 1 офицер и 32 нижних чина.

Кроме участия в боевых действиях, на офицеров Пограничной стражи также возлагались обязанности и по управлению таможенными учреждениями. Это обстоятельство было продиктовано тем, что таможенные чиновники, в большинстве случаев симпатизировавшие восставшим, «не соблюдали казенный интерес, давали возможность забирать казенные суммы», осуществляли незаконный пропуск лиц и оружия через государственную границу. Приказами по Таможенному ведомству в 1863–1864 годах временно были назначены исправляющими должность управляющего Барановской таможней — поручик Сердешнев, поручик Доможиров — казначеем Иглоумийской таможни, капитан Хабаров — управляющим Иглоумийской таможни, штабс-капитан барон фон Фитингоф — казначеем Завихостской таможни, штабс-капитан Езерский — управляющим Кршеовской таможни, штабс-капитан Васильев — управляющим Долгобычевской таможни²².

Таким образом, как свидетельствуют документы, в период с начала 1830-х по середину 1860-х годов западная граница Российской империи стала ареной активности польской революционной эмиграции. Представители польской эмиграции, стремясь подготовить очередное вооруженное восстание, нелегально переправляли через границу литературу, эмиссаров, оружие и боеприпасы, тем самым пытаясь усилить свои позиции в Царстве Польском и Литве. Российские силовые структуры, пресекая такую деятельность на границе, наносили им определенный материальный ущерб.

²¹ РГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

²² Чернушевич М. П. Материалы к истории Пограничной стражи. С. 267.

А. В. СУСЛОВ

1863 ГОД И ОТНОШЕНИЕ ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА
К ИДЕЯМ НАСИЛЬСТВЕННОГО
И МИРНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

С о времен разделов Польши до Январского восстания (1863–1864 гг.) по территории бывшей Речи Посполитой прокатилось несколько волн вооруженного сопротивления. Борьба местного дворянства с тремя державами — Россией, Пруссией и Австрией — не приводила (и не могла привести) к успеху, однако предания о восстаниях служили стимулом как для последних деятелей конспиративного движения, так и для людей творческих профессий, созидавших патриотические образы и метафоры. Мотив «борьбы за свободу» настолько глубоко проник в ткань польской общественной жизни, что у людей печатного слова не оставалось сомнений, какому делу должны быть посвящены их тексты.

Восстание, которое вспыхнуло на западных окраинах Российской империи в январе 1863 г. и было полностью подавлено весной следующего года, положило конец, как принято считать, гегемонии романтического течения в польской общественно-политической мысли, покоившегося на вере в будущее «воскрешение» Речи Посполитой. Прежний тип патриотизма, с его идеалами самопожертвования, постулатом о братстве свободолюбивых народов, евангельскими аллюзиями, верой во всенародное объединение и надеждой на помощь дружественных стран Западной Европы, исчерпал меру своей привлекательности. В «последянварских» условиях интеллектуальная среда польских земель, оставшись без прежней доминанты, начала прорастать новыми понятиями

о том, какой была и какой должна быть Польша, а также дала пропуск ранее непопулярным воззрениям консерваторов.

На умонастроениях образованного общества польских земель сказывалось не только разочарование значительной его части в радикальных идеях первой половины XIX в., но и совокупность разнообразных факторов. Во-первых, со стороны имперских властей в Петербурге последовала политическая реакция: считая польскую шляхту элементом, враждебным самой идее порядка, оно больно ударило по ней ссылками и лишением собственности, ограничениями экономического и административного характера, а также крестьянской реформой. Западные окраины империи испытали на себе действие целого ряда мер, направленных на полную унификацию этих территорий с «внутренними» губерниями. Писательская, публицистическая и издательская деятельность в Царстве Польском (Привислинском крае) была поставлена под строгий контроль цензуры, пресекавшей даже намеки на возбуждение политических тем. Во-вторых, наблюдался рост немецкого национализма, на волне которого одерживал свои победы канцлер Отто фон Бисмарк, сделавший Пруссию одним из сильнейших европейских государств. Становление Германской империи, провозглашенной в 1871 г., было связано с попытками устранить все препятствия на пути к консолидации немцев, в том числе польский вопрос. В-третьих, до разделенной Польши доходили новые веяния западноевропейской философии: позитивизм и марксизм, демонстративно отвергающие метафизику, а вместе с ней идеалы романтических поколений польской интеллигенции. Наконец, приносила свои плоды социально-экономическая модернизация, хоть и неравномерно затронувшая территории бывшей Речи Посполитой, под воздействием которой менялась традиционная сословная структура общества.

Возникает вопрос: как изменившиеся условия развития польской общественно-политической мысли повлияли на отношение образованных поляков к идее восстания? В этом контексте стоит обратить внимание на взгляды одного из самых популярных и известных в мире представителей польской литературы конца XIX — начала XX в. Речь идет о Генрике Сенкевиче — писателе, в чьих романах воспета слава польскому оружию, храбрости, выносливости и способности поляков к самопожертвованию. Особо отметим, что задача данной статьи заключается не в том, чтобы выявить степень репрезентативности этих взглядов, но в том, чтобы показать яркий пример поддержания патриотической идеи в обстоятельствах, не допускающих активных проявлений сопротивления.

Г. Сенкевич родился в 1846 г. на Подляшье, в семье обедневшей шляхты. Предками его отца были осевшие в Литве татары, а матери — представители «сенаторского» рода Цецишовских, связанные со многими известными фамилиями. Так, например, дальним родственником писателю приходился Иоахим Лелевель (1786–1861), основоположник романтической школы в польской историографии. С самого детства Сенкевич поглощал тексты, предопределявшие его отношение к миру в категориях героическо-патриотической традиции. «Не знаю и не помню, умел ли я читать, когда меня учили «Историческим думам» Немцевича¹, — признавался писатель уже в годы своих триумфов. — Тогда я хотел ездить по цецорским и другим полям, словно Сенявский, «отважный и печальный»² — иначе говоря, я мечтал быть рыцарем»³. Автор «Крестоносцев» с удовольствием рассказывал, как ребенком он обнаружил на чердаке сундук с изданиями старопольских авторов — Миколая Рея, Яна Кохановского, Лукаша Гурницкого и Петра Скарги⁴. Одной из книг, произведших на Сенкевича неизгладимое впечатление в годы детства, была биография Наполеона. «Мне казалось, что лишь на поле битвы можно обрести подлинную славу — и я носился с идеей поступить в какую-нибудь военную школу», — вспоминал автор⁵.

Из этих высказываний следует, что юность Сенкевича, как и многих представителей шляхты его поколения, прошла в атмосфере мечтаний о ратных подвигах во славу отечества. Источником таких настроений служило не только чтение, но и семейные традиции: дед писателя участвовал в наполеоновских походах, отец принимал участие в Ноябрьском восстании 1830–1831 гг., а старший брат Казимеж — в Январском (он пропал без вести и, как считается, впоследствии погиб в битве под Орлеаном, сражаясь против Пруссии на стороне

¹ «Исторические думы» (1816) — одно из главных и самых популярных произведений политика, поэта и историка Юлиана Немцевича (1757–1841), состоящее из 32 сюжетов на темы из истории Речи Посполитой.

² Имеется в виду «Дума о Станиславе Жолкевском», в которой странствующий рыцарь Сенявский оплакивает судьбу киевского воеводы, погибшего в битве под Цецорой (1620) (Niemcewicz J. U. *Śpiewy historyczne*. Petersburg, 1859. S. 249–258).

³ Sienkiewicz H. *Listy*. T. 1. Cz. 1. Warszawa, 1977. S. 36.

⁴ Hoesik F. U Henryka Sienkiewicza w Warszawie // Sienkiewicz i Wyspiański. Warszawa, 1918. S. 33–34.

⁵ Sienkiewicz H. *Listy*. T. 1. Cz. 1. S. 37.

французов)⁶; двоюродный брат Генрика Здзислав Дмоховский, в 1863 г. записавшийся в один из повстанческих отрядов, нашел свою смерть в стычке с русскими войсками на Подляшье.

Если верить одной из легенд, будущий писатель, когда ему исполнилось 13 лет, разработал собственный план освобождения Польши и поделился им с Казимежем Лапчиньским — этнографом, который вернулся с военной службы на Кавказе и гостил в доме Дмоховских. По замыслу мальчика, поляки должны были массово эмигрировать в Америку и там подготовить армию, способную отвоевать страну у захватчиков⁷.

События января 1863 г. застали Сенкевича семнадцатилетним учеником Второй варшавской гимназии. Этот период его жизни оставил едва заметный след в источниках и, соответственно, почти не нашел отражения в биографиях писателя. Доподлинно известно лишь одно: в восстании Сенкевич участия не принимал. Можно лишь догадываться, по какой причине молодой человек, лелеявший мечты о воинской славе, не бросил учебу, чтобы взяться за оружие. Трудно согласиться с тем, что главным препятствием для него стал юный возраст⁸, ведь другой известный польский писатель — Болеслав Прус (Александр Гловацкий, 1847–1912) — был младше его на год, когда оставил келецкую гимназию и влился в ряды повстанцев.

Более обоснованной представляется версия А. Нофер-Ладьки, писавшей, что будущего мастера исторического романа, по всей видимости, остановил запрет испуганных родителей⁹. Отец с матерью, кажется, не имели над сыном большой власти — ведь впоследствии Генрик, будучи студентом Главной школы, перешел, вопреки их воле, с медицинского отделения на историко-филологическое, связав свою судьбу с профессией литератора — непредсказуемой и непрестижной. Тем не менее, когда

⁶ Хотя во многих биографиях Сенкевича это обстоятельство приводится как факт, внучка писателя Мария Корнилович пишет, что «наверняка об этом никто не знает» (Kornilowiczówna M. Onegdaj. Opowieść o Henryku Sienkiewiczu i ludziach mu bliskich. Warszawa, 1972. S. 22).

⁷ Krzyżanowski J. Kalendarz życia i twórczości Henryka Sienkiewicza. Warszawa, 1953. S. 28.

⁸ Например, Ю. Щублевский пишет: «В январе 1863 года товарищи из его класса были еще слишком молоды, чтобы влиться в ряды добровольцев, ускользающих из Варшавы к повстанческим формированиям из провинции, так что Генрик — хотя уже семнадцатилетний — не бросил гимназии» (Szczublewski J. Żywot Sienkiewicza. Warszawa, 1989. S. 10).

⁹ Nofer-Ładyka A. Henryk Sienkiewicz. Warszawa, 1965. S. 46.

из дома ушел их старший сын Казимеж, они должны были сильно встревожиться, и молодой Генрик, видя их в таком состоянии, уже не смог поддаться мечте о героической жизни. Не стоит также забывать, что Сенкевич был сравнительно небольшого роста, миниатюрного телосложения и часто болел. Вполне допустимо, что фантазия, выраженная в литературной форме, стала для него средством преодоления личных комплексов — ведь не случайно созданный им образ «маленького рыцаря» Михала Володыёвского считается одним из писательских alter ego.

Разумеется, Сенкевич, живший в Варшаве и знавший обо всем, что происходило вокруг, не мог оставаться равнодушным к восстанию. Спустя два года в письме к своему другу Конраду Добрскому он вспоминал о 63-м, «когда в серое время дня или вечером мы творили тысячами новые и новые системы, переворачивали вверх ногами все человечество — или вступали с ним в борьбу...»¹⁰. Однако подобными дискуссиями радикализм молодых друзей, по всей видимости, был исчерпан. И если Прус заплатил свою цену за «безумства молодости», получив ранение, пролежав в госпитале и попав под арест¹¹, то Сенкевича такой травматический опыт не коснулся.

За подавленным восстанием последовала переоценка идеалов и ценностей юных лет: иллюзия наступления новой исторической эпохи рассеялась, и молодой человек, как и многие его сверстники, оказался на пороге взрослой жизни, не имея ни малейшей уверенности в завтрашнем дне. Семья Сенкевичей находилась на грани полного разорения, поэтому единственным шансом для Генрика хоть как-то обеспечить свое будущее и поддержать родных было обучение профессии, дающей заработок. Будущий писатель, по целым дням остававшийся без обеда, ушел из гимназии и нанялся гувернером к семье помещика Вейхера, жившего под Варшавой. Там он начал самостоятельно готовиться к сдаче экзамена на аттестат зрелости и впервые взялся за перо. В своих письмах этого периода Сенкевич предстает в образе прагматичного молодого человека, рационалиста и скептика, который с едкой иронией описывает помещичью жизнь и провинциальные предрассудки, а также в шутливой манере отзываясь о своих ли-

¹⁰ Sienkiewicz H. Listy. T. 1. Cz. 1. S. 296.

¹¹ О влиянии личного участия в Январском восстании на творческие принципы Б. Пруса см.: Бахуж Ю. Образы русских в произведениях Б. Пруса на фоне межповстанческой традиции (1831–1863) // Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой. М., 2008. С. 9–26.

тературных опытах. Казалось, что все его мечты о возрождении отечества, военной славе и рыцарской жизни остались в прошлом. Да и политическая обстановка настолько ужесточилась, что вызывала скорее глухое чувство бессилия и раздражения, чем желание активно сопротивляться.

В течение всей своей зрелой жизни Сенкевич был связан с группами и партиями, идеологи которых критически относились к романтикам-демократам и, соответственно, их идеям вооруженного восстания. Поступив в варшавскую Главную школу, начинающий писатель оказался в среде университетской молодежи конца 1860-х гг., из которой затем выросло влиятельное интеллектуальное движение, известное как «молодые», «прогрессивный» лагерь, или варшавские позитивисты. Лидеры этого направления — Александр Свентоховский, Болевлав Прус, Петр Хмелёвский, Юлиан Охорович, Юзеф Котарбиньский и др. — считали авторитетами классиков первого издания позитивистской философии, отвергающих значимость метафизики, а не представителей польского мессианизма. Молодые «прогрессисты» пришли к убеждению, что шанс на выживание польской нации может дать лишь устойчивая материальная база, поэтому призывали общество сосредоточиться на законных методах кооперации, развитии предпринимательства и торговли, учреждении кредитных обществ, клубов по обмену хозяйственным опытом — словом, на модернизации экономики и социальных институтов. Патриотическая активность, с их точки зрения, должна была заключаться в содействии этим процессам, а также в демократизации общественной жизни, секуляризации социальной этики, просвещении крестьян, критике отсталости, лени и предрассудков исторического класса, ответственного за деградацию страны.

Становление Сенкевича как литератора и журналиста пришлось на 1870-е гг. Значительная часть текстов, вышедших из-под пера писателя в этот период, позволяет говорить о его близости к «прогрессивному» лагерю. Критика неустроенности социальной жизни польского села, изображение равнодушия и предрассудков помещиков, осуждение отвлеченности церкви от жизненных реалий, демонстрация незащитности крестьянства — такова их тенденция. Путешествие в Америку, совершенное Сенкевичем в 1876–1878 гг., жизнь в Калифорнии, а затем в Париже только усилили в нем эти настроения. В 1877 г. он сообщал своему начальнику — редактору «Газеты Польской» Эдварду Лео — о планируемой серии «весьма смелых очерков, в которых был бы представлен патриотизм нашего общества»: «Вы не поверите,

какие шеренги растяп, олухов и дураков <...> прошли через мое воображение. <...> О, моя маленькая отара патриотов! Каких чудных особей я выберу среди вас для заклания, если дойду до цели»¹². Между прочим, отрицательный герой сатирической повести «Наброски углем» — сельский писарь Золзикевич — по намекам писателя, участвовал в Январском восстании, «ринувшись в объятия Марса и Беллоны»¹³. В 1879 г. Сенкевич написал радикальный и «ультраатеистический» очерк «С берега моря», который Э. Лео не только отказался напечатать, но и счел необходимым придержать у себя¹⁴. Другими словами, писатель не только предлагал нации задуматься о своих грехах и пороках, но и обличал патриотическую фразеологию, за которой, по его мнению, любили скрываться негодяи.

Вместе с тем в творчестве Сенкевича с самого начала прослеживалась и совершенно иная тенденция. Чувствуя себя проводником реалистических принципов, писатель одновременно создавал произведения идиллические и сентиментальные. Таков его цикл, получивший название «Малая трилогия», состоящий из рассказа «Старый слуга», повестей «Ганя» и «Селим Мирза». Еще перед поступлением в Главную школу Сенкевич, написавший несохранившийся роман «Жертва», дал К. Добрскому обещание — шуточное и, однако, выполненное: «Саму «Жертву» я, словно белорунного агнца, посвятил Минерве, сатирам и прочим подобным божествам. Но придет время — и я объявлю войну этим силам, и, хотя предвижу бурю, не думаю, что олимпийские молнии критиков низвергли бы меня, близкого к небесам, обратно к подножию горы»¹⁵.

¹² Sienkiewicz H. Listy. T. 1. Cz. 2. Warszawa, 1977. S. 468–469.

¹³ Стоит оценить иронию Сенкевича: «Кочевая жизнь, песни, облака табачного дыма, романтические приключения на постоях с молоденькими девушками, которые носили крестики на груди и ничего не жалели для «родины и ее храбрых защитников», — такая жизнь, говорю я, гармонировала со страстной и мятежной душой молодого Золзикевича. Он находил в ней воплощение своей мечты, владевшей его умом с давних пор, когда он еще в школе, под партой, зачитывался «Ринальдо Ринальдини» и другими произведениями, которые развивали ум и сердце и пробуждали воображение нашей молодежи. Но у этой жизни были свои темные, рискованные стороны. Бешеная отвага слишком увлекала Золзикевича. Увлекала настолько, что — хоть ему верится с трудом — еще до сего дня показывают в Вжецёндзе плетень, через который не мог перескочить самый лихой конь, а пан Золзикевич однажды бурной ночью перескочил одним махом, охваченный страстным желанием сохранить себя на радость отечеству» (Сенкевич Г. Наброски углем // Сенкевич Г. Без догмата. Рассказы. М., 1989. С. 431–432).

¹⁴ Sienkiewicz H. Listy. T. 3. Cz. 2. S. 85.

¹⁵ Ibid. T. 1. Cz. 1. S. 293.

В начале 1880-х гг. Сенкевич разочаровался в мысли, что постоянное обличение грехов общества, их демонстрация в обнаженном, а иногда преувеличенном виде способствует их искуплению. Писатель окончательно переосмыслил свои взгляды и создал новую программу, легшую в основу его творческой деятельности. По его убеждению, автор обязан не сеять в обществе семена скепсиса и безверия, а, напротив, вдохновлять читателей картинами лучшей жизни, пробуждать в них надежду и волю в жизни, показывать примеры мужества и стойкости. «...У профессии писателя, — размышлял Сенкевич в одной из статей, — есть свои шипы, о которых читателям и не снилось. Мужик, свозящий снопы в овин, абсолютно уверен, что пшеница, жито, ячмень или греча, которые он свозит, принесут людям здоровье. Автор, даже если пишет из лучших побуждений, может переживать минуты сомнений: не дает ли он вместо хлеба отраву? не есть ли его труд одна большая ошибка, одна большая провинность? послужил ли он людям во благо, и не было бы лучше для них и для него самого, если бы он ничего не совершил, ничего бы не написал и зачах?»¹⁶

Со времен, когда начал выходить в печать роман «Огнем и мечом» и до самого конца жизни, Сенкевич был охвачен идеей «укрепления сердец»¹⁷ своих соотечественников. Именно в этой формуле и нашли выход ранние романтические увлечения писателя оружием и рыцарскими идеалами, которыми проникнуты его исторические романы. В повсеместном знании и уважении национальной традиции Сенкевич усматривал шансы на возрождение Польши — хотя бы в необозримом будущем. Задача же автора, как он считал, заключалась в том, чтобы художественными средствами сделать из прошлого живительный источник настоящего: «...Если историк хочет связать историю с жизнью и сделать из нее *vitae magistrum*, понятную для большинства и влияющую на большинство, он, прежде всего, должен уметь передавать формы, тогда как сам материал должен оставить большую часть читателей равнодушными»¹⁸.

Какое место в этих рассуждениях могли занять идеи национально-освободительного восстания? Понятно, что говорить о них открыто в императорской России было немыслимо. Сенкевич до-

¹⁶ Sienkiewicz H. *Dziela*. T. 45. Warszawa, 1951. S. 127.

¹⁷ Формула, которую признают лежащей в основе творчества Сенкевича, впервые появилась в эпилоге романа «Пан Володыёвский»: «На том кончается наша трилогия; создавалась она не один год и в трудах немалых — для укрепления сердец» (Сенкевич Г. *Пан Володыёвский*. М., 2007. С. 472).

¹⁸ Sienkiewicz H. *Dziela*. T. 50. Warszawa, 1950. S. 120.

рожил возможностью жить (а точнее бывать) в Царстве Польском, равно как печататься там и пользоваться спросом у читателей. Протест, в его понимании, следовало выражать в мирных и законных формах — сохраняя самобытность, вопреки замыслам русификаторов и германизаторов, пробуждая во всех слоях общества осознание принадлежности к Польше и ее славному прошлому, развивая частные образовательные инициативы, обретая моральную поддержку в мудрости и опыте католической церкви.

По мнению Сенкевича, главным аргументом поляков в борьбе с притеснителями должно было стать их нравственное превосходство. Отсюда роман «*Quo vadis?*» с его идеей о том, что даже самая мощная административная машина не может справиться с людьми, на стороне которых вера и правда. Отсюда и знаменитая сцена из «*Крестоносцев*», когда Юранд из Спыхова прощает своих врагов, отнявших у него зрение и голос. Сенкевич указывал, что силу полякам могут дать лишь религия, объединяющая их с «цивилизованным миром», и чувство принадлежности к истории великого народа. Посильная же задача писателя — открыть всеобщий доступ к этому источнику. «Не упраздняется народ с таким прошлым, который имеет столь безмерную привязанность к своей национальности и осознает свою особость в широких слоях, — обращался Сенкевич к германским администраторам со страниц польскоязычного «*Дзенника Берлинского*». — Пусть история научит вас, что когда речь заходит об упразднении народов, слабо или вовсе не просвещенных, всего одной извлеченной из-под земли песни, одной легенды, одного слова достаточно, чтобы за год пошли прахом усилия целых столетий»¹⁹.

Учитывая, что Сенкевич был сторонником накопления и сбережения символических ценностей нации, создания культурных опор для ее «возрождения», он не мог одобрить действий повстанцев, готовых рискнуть всем, пусть даже из высших побуждений. Но, если речь шла о Ноябрьском или Январском восстании, писатель, безусловно, проявлял сочувствие к их участникам и жертвам. Доказательством тому служит письмо Сенкевича к историку Станиславу Смольке, одному из редакторов краковской газеты «*Час*». Писатель делился замыслом новеллы о двух влюбленных, которые в течение 10 лет скрываются в лесах, — их дом сожгли войска М. Н. Муравьева при подавлении Январского восстания, а соседей сослали в Сибирь. Изложив эту идею, Сенкевич оговаривался, что не сможет опубликовать такого рода произведе-

¹⁹ Sienkiewicz H. *Dziela*. T. 53. Warszawa, 1952. S. 133.

ние в Царстве Польском, но будет рад послать его в редакцию «Часа»²⁰. Рассказ «На маяке» (1880) и вовсе посвящен поляку-эмигранту с боевым прошлым (возможно, принимавшему участие в Ноябрьском восстании): он обрел покой в Центральной Америке, став хранителем маяка, но однажды ему в руки попался томик Мицкевича — и он, погрузившись в родную речь, забыл зажечь фонарь. За этот проступок он потерял место, однако в новой жизни его сопровождает книга, напомнившая ему о тех идеалах, за которые он проливал кровь. Таким образом, Сенкевич объединил в рассказе свою идею о предназначении литературы и предание о неутомимом борце за свободу.

В период первой революции в Российской империи, когда появилась возможность высказываться более свободно, писатель заявлял, что в 1863 г., в отличие от событий 1905 г., «были кровавые несчастья, но кровавой грязи не было»²¹. В связи с этой фразой стоит обратить внимание на отношение Сенкевича к революции, которую он застал на пике своей славы — в 1905 г. он получил Нобелевскую премию по литературе. Если императив служения обществу велел ему трактовать Январское восстание как трагический, но значимый эпизод в польской истории, то революцию он воспринимал совсем иначе. Автор «Крестonosцев», призывавший к объединению общества на основе патриотических идей (в их консервативной редакции), видел в событиях, охвативших Привислинский край и всю империю, опасность разобщения и братоубийства. То, что часть общества встала на сторону революции, Сенкевич объяснял разлагающим влиянием русской бюрократии²² и еврейских подстрекателей²³. События 1905–1907 гг. произвели на Сенкевича такое впечатление, что он посвятил ей

²⁰ Sienkiewicz H. Listy. T. 5. Cz. 1. Warszawa, 2009. S. 44–45.

²¹ Сенкевич Г. Народное объединение // Сенкевич Г. Два луга. М., 1909. С. 152.

²² «Никто так прочно не подготовил грунт для теперешних беспорядков, — заявлял писатель публично, — как бюрократия, тогда как при различных [генерал-губернаторах] Коцебу, Гурках и Чертковых она была действительною силою» (Там же. С. 149). И еще: А. Л. Апухтин (попечитель Варшавского учебного округа) «не изгнал польского языка, зато напустил восточной гнили в польские жилы. Он искажил сердца, искажил совесть, оглушил умы, понизил культурность польской природы» (Там же. С. 153).

²³ Вот как Сенкевич описывал польских социалистов своему другу и соратнику (переводчику на французский язык) Брониславу Козакевичу: «Эти политически невменяемые марионетки в руках российских и заграничных евреев вредоносно влияют на страну, доводя ее до полного разорения и разлада, и нации она альны е (разрядка Сенкевича. — А. С.) интересы, о которых они, положе, совсем не пекутся» (Sienkiewicz H. Listy. T. 3. Cz. 1. Warszawa, 2007. S. 228).

один из своих последних романов — «Омут», почти забытый сегодня. В уста одного из главных героев этого произведения автор вложил слова, которые можно трактовать как его собственную позицию: «...Народ наш съедят лишь тогда, когда получится его съесть. А если не получится? Если он великими и благородными трудами создаст просвещение, общественную дисциплину, благосостояние, науку, литературу, искусство, богатство, бодрость, здоровье, силу внутреннего спокойствия — что тогда? И кто сегодня сможет сказать, как в будущем сложатся политические и общественные отношения? Кто может поручиться, что нынешние правительственные системы полностью не сменятся, не падут и не будут признаны такими идиотическими и преступными, какими сегодня, например, признаются пытки?»²⁴

Итак, надежды Сенкевича — одного из самых влиятельных польских писателей конца XIX — начала XX в. — были связаны с объединением народа вокруг патриотических ценностей, с просвещением и напряженной работой, а не вооруженными авантюрами. Задача поляков в неблагоприятной для них обстановке — не воевать, а упорно ковать свое будущее; не разрушать, а строить. Взяв такой курс, народ может рассчитывать на то, что само Провидение вознаградит его за труды и смирение. В этом смысле Сенкевич следовал формуле одного из лидеров консервативного лагеря Галиции историка Юзефа Шуйского: «Если государство пало, то по своей вине, если возродится — то по своим трудам, своему разуму, своему духу. Это то же самое, как если бы я сказал, что народ пал, по воле Божьей наказанный, а подымется — по Его же воле возрожденный»²⁵. Знаменательно, что в XX в. романы Сенкевича, наряду с произведениями классических авторов первой половины XIX столетия, стали источником вдохновения уже для тех поляков, кто боролся с оружием в руках²⁶.

²⁴ Sienkiewicz H. *Dzieła*. T. 36. Warszawa, 1951. S. 58.

²⁵ Szujski J. *Kilka prawd z dziejów naszych: ku rozważeniu w chwili obecnej*. Kraków, 1867. S. 4.

²⁶ В Первую мировую войну Сенкевича провозглашала своим духовным отцом патриотическая молодежь из польского легиона, созданного на территории Австрии (Szczublewski J. *Op. cit.* S. 434). Во время и после Второй мировой войны одним из самых популярных в Польше произведений был роман «Крестоносцы». Он стал первой польской книгой, изданной по окончании войны — в августе 1945 г. См.: Markiewicz H. *Henryk Sienkiewicz // Polski Słownik Biograficzny*. T. 37. Warszawa, 1997. S. 214.

ЯЦЕК БАРТЫЗЕЛЬ

1863 – ВМЕСТЕ В ПРОПАСТЬ

Стопятидесятая годовщина самой большой трагедии после-раздельной эпохи и одновременно одной из самых больших трагедий нашей истории аж до Варшавского восстания — то есть Январского восстания — не только склоняет, но и обязывает задуматься над смыслом этой истории.

В настоящей статье *мы сосредоточимся на двух измерениях: политико-идейной специфики* этого восстания на фоне инсurreкционной традиции в польской политике, а также на проявлении его *последствий*. В обыденном сознании — и надо четко сказать: состоящем из нескольких туманных лозунгов и стереотипов, и весьма скромных знаний о фактах — Январское восстание сливается в одно целое с другой крупнейшей инсurreкцией XIX века, то есть с *Ноябрьским восстанием*, как проявление бескомпромиссной воли к борьбе за независимость и (независимо от того, как оно оценивается) действенный экспонат романтического этоса и национального мессианизма. Тем временем, в действительности, если рассматривать их досконально под разными углами, это два очень разных феномена.

Если говорить о военной стороне (а также о вытекающих из нее последствиях для восприятия не столько событий, сколько символов, связанных с ними), то само определение «Ноябрьское восстание», как охватывающее целый ряд событий с 29 ноября 1830 года по 21 октября следующего года, является по меньшей мере неточным, а в основе своей абсолютно неадекватным. В буквальном смысле слова «восстание» длилось одну ночь — трагическую, а местами и трагикомическую (вспомним, что одного из генералов, присягнувших конс-

титутционному королю, убили «по ошибке») и все ещё полную неразгаданных тайн.

Были два месяца общей борьбы, чтобы найти какой-то выход из ситуации, в которую неожиданно впутала их акция разгоряченных молокососов — подхорунжих и группки гражданских литераторов, которые сами не знали, что следует дальше делать.

Наверное, можно сказать, что «восстание», как акция по своей природе *hors-la-loi*¹, «институционализируется» вместе с появлением (3 декабря) Временного Правительства или установлением (5 декабря) диктатуры генерала Хлопицкого и формальным оглашением Сеймом Царства повстанческого манифеста (20 декабря), а завершается актом Сейма о детронизации царя Николая I, что одновременно является актом независимости и разрывом персонального, а в дальнейшем реального союза двух неравноправных субъектов: Царства с Российской империей.

Отныне идёт уже не «восстание», а польско-русская война, протекающая между двумя самостоятельными государствами и их регулярными армиями. Если Войско Польское со времён этой войны является с любой стороны настоящей, нормальной армией, с строгой иерархией и степенями, структурой разделения видов войск и тактических соединений, штабом и квартирмейстерством, командованием и дисциплиной, мундирами и отличиями, то это не беспорядочное «восстание», а принадлежит оно (и как оказалось — завершает этот период) к многолетней эпопее польских воинских формирований периода наполеоновских войн и Герцогства Варшавского.

Будь то в 1809 году во время польско-австрийской войны, будь то в годы Большой войны 1812–1814 гг., будь то в 1831 году, борющийся с оружием в руках поляк — это поляк в мундире регулярной польской армии, и эта история завершается вместе с поражением в войне 1831 года — очень надолго, аж до Первой мировой войны. Этот факт имеет также серьёзные следствия для восприятия *Ноябрьского восстания* в польском массовом сознании (а скорее подсознании), в первую очередь то, что вопреки поражению представляется оно в «светлых тонах», принадлежит к сфере образования «мифа разноцветного улана»², военной тру-

¹ «Вне закона» (франц.). *Прим. ред.*

² Согласно эпизоду, вошедшему в фильм Анджея Вайды «Лётна» («Летучая»), польские уланы с холодным оружием в конном строю атаковали немецкую бронетехнику в начале Второй мировой войны. Как отмечают историки, этот эпизод является мифом, хотя в основе истории лежит реальный бой между поль-

бы и парадов, отважных атак и гула пушек, не носит стигматов поражения.

Январское восстание же является восстанием *par excellence*, то есть *нерегулярным брожением*, возрастающим (а затем снова слабеющим) до партизанской войны. Войной импровизированной, протекающей «в лесу», а не в открытом поле, значительное время без фактического высшего командования, штаба и плана, осуществляемой повстанческими «партиями» из добровольцев, в большинстве не имеющими военного образования, идущими скорее на стычки, чем на битву, расходящимися врассыпную, а иногда собирающимся вновь, вопреки нечеловеческим усилиям единственного настоящего диктатора — то есть Ромуальда Траугутта. Войной, никогда не достигающей уровня регулярных тактических соединений, наконец — не являясь с формально-правовой точки зрения «стороной» войны, а сборищем людей вне закона, повстанцев, мятежников и им подобных.

Такой характер «малой» партизанской войны — *геррильи, которая велась против регулярной армии самой мощной страны тогдашней Европы*, — изначально должен был придать иной тон и оттенок его восприятию не только потомством, но и самими участниками. Даже самые запальчивые инсurreкционисты не могли не понимать гигантской диспропорции собственных сил и сил врага.

Следовательно, добавим, что если победу не в состоянии была одержать тридцатью годами ранее прекрасно обученная и вооруженная регулярная армия Царства Польского, то каким чудом это могло получиться у вялых лесных отделов, часть из которых, по крайней мере, вначале были «дронгальерами»?³

Существовал только один, хоть также чреватый трагедией способ придания смысла такой борьбе, то есть сознательный выбор гибели за родину, жертвы всеожжения. Эта безвыходность Январского восстания в смысле его военных шансов придаёт ему совершенно иной оттенок: однотонно чёрного, траурного покрова. Эта духовная атмосфера ясно видна в циклах рисунков Артура Гроттгера, посвящённых восстанию и повстанцам.

Одновременно Январское восстание открывает абсолютно новый период в психологической истории *польского мученического*

скими и немецкими войсками под Кроянтами. «Цветными» этих улан называют потому, что фильм, вышедший на экраны в 1959 году, был первым польским фильмом, снятым на цветную плёнку Orwocolor (на последние кадры фильма плёнки не хватило, и они были сняты черно-белыми). *Прим. переводчика.*

³ Крестьяне, вооруженные «дронгами» (польск. drag, дрын — кол с покрытым железом наконечником). *Прим. переводчика.*

патриотизма, «кладбищенского патриотизма» (перефразируем Морраса), нездорового восхищения смертью, *delectatio morosis*, и, к сожалению, этот пример патриотизма — несмотря на гигантские усилия (хотя бы Выспяньского или Дмовского) — вытесняет его из польской психеи, продолжает возвращаться вплоть до приерженцев «смоленского культа» после 2010 года.

Затрагивая «глубинный слой» обоих восстаний, то есть их духовно-идейное дно, следует констатировать, что похожее упрощение настолько существенно, что приобретает признаки лжи, а именно воспринимаются они как равные, как экспрессия романтического мессианизма. Конечно, каждое из них в широком смысле — «романтическое» и является проявлением того менталитета, который носит название «*политического романтизма*», подчиняя действия переполняющему душу романтика чувству и подпитываемому им идеалу, которому должна подчиниться эмпирическая реальность, в соответствии с волюнтаристской этикой «хотеть и мочь» и «практическому императиву» мерить силы по намерениям.

Романтизм, однако — особенно польский, — является многообразным и разнообразным течением, а значит, применение тут единого гребня поведёт по ложному пути. Если говорить о Ноябрьском восстании (придерживаясь для удобства этой номенклатуры), то оно без сомнения романтическое по духу, но отвечает той фазе и образу романтизма, который сформировался в эпоху, предшествующую его вспышке (напомним, что, по меньшей мере, один из ключевых «бельведерчиков»⁴, Северин Гоциньски, является также одной из главных фигур литературы раннего романтизма).

Эту фазу романтизма в основном составляют: иррационализм, эмоциональность, волюнтаризм, индивидуализм, эгоизм, «байроническая» меланхолия, переходящая во вспышки страстной активности (на самом деле: маниакально-депрессивный цикл), эстетическое отношение к жизни, увлечение насильем и паранормальным состоянием, «разумность безумия» и апофеоз безумцев, презрение к расчётливым и здравомыслящим.

По своему мировоззрению тогдашний романтизм, несмотря на жёсткую и насмешливую полемику с «глазом и стёклышком»

⁴ Группа заговорщиков, которая во время восстания в Варшаве 29 ноября 1830 года под предводительством Людвика Набеляка атаковала Бельведерский дворец (Белведер) — загородную резиденцию наместника в Царстве Польском великого князя Константина Павловича. *Прим. переводчика.*

мудреца⁵, на самом деле всё ещё был сплавом просветительских и почерпанных из немецкого романтизма и идеализма идей: скорее «эмоциональный» и даже неконфессиональный, в любом случае абсолютно безразличный к ортодоксии, его «спиритуализм» может переплетаться и сосуществовать с вольтеррианскими акцентами (ранний Мицкевич) или с враждебным отношением к «иезуитизму» (Гощиньски). Не угасает в нём и просветительская вера в «прогресс», только приобретает более «зигзагообразное» и эзотерическое значение, связываясь с организационной деятельностью «гениальных людей». Остаётся в нём даже типично просветительская фразеология («суеверия, затемняющие свет»), но связующей сутью представляется «тёмная», «окультиная» тропа Просвещения — Калиостро, Мартинеса де Паскуалли и Сен-Мартена, а значит — масонско-эзотерическая и кабалистическая.

В целом, однако, тогдашний романтизм не особо интересуется религией — это, можно сказать, «светский романтизм». Характерно также, что «бельведерчики» всё ещё являются поколением, воспитанным на античных чтении и архетипах: так же, как и французские революционеры, они думают о себе как об инкарнациях Леонидов, Фемистоклов, Горациев или Брутов. На идеологическом уровне известный «бельведерчикам» и исповедуемый ими романтизм является индивидуалистически-либеральным романтизмом, точно таким же, как его определял в этот же период в прологе к «Эрнани» Виктор Гюго.

В первую очередь, грубейшей ошибкой является утверждение, что Ноябрьское восстание является верхом романтического мессианизма. Так быть не могло по той простой причине, что до 1830 года мессианизм едва «полз», а те его зародыши, что, например, скрупулезно вычисляет и описывает в своем классическом труде *Юзеф Уйейски*, имели ещё мало общего с идеями, которые появились в творчестве больших романтиков — как поэтов, так и философов — уже после подавления восстания, в эмиграции; принадлежали они скорее к тому же течению «темного Просвещения», а их значительную часть составляла реинтеграция «традиционного» еврейского

⁵ «Мицкевич отрицал науку в области антропологии и психологии. В балладе «Романтичность» он прямо говорит, что чувство и вера — сильнее глаза и стелька мудреца» (Г. Сарматская. Мицкевич А. // Литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1934): «Czucie i wiara silniej mówi do mnie / Niż mędrca szkiełko i oko» («Больше, чем разуму, больше, чем глазу, / Верю я чувству и вере») (Адам Мицкевич. «Romantyczność» («Романтика», 1821). Перевод А. Ревича). *Прим. переводчика.*

мессианизма в кругу франкистов и их польских сторонников или даже «неофитов», новообращённых в другом направлении.

В действительности, уже в 20-х годах XIX века свою оригинальную версию мессианизма в своих трудах на французском языке развивал в Париже Хёне Вронский, но они не имели никакого отклика в стране. Помимо этого мессианизм Вронского был чисто спекулятивно-философским и лишённым какого-либо «национального» оттенка (до 1830 года Вронский считал саму идею национальности примитивной, позднее, правда, несколько смягчил своё мнение, тем не менее будущее Польши всегда видел в тесном союзе с Россией, — если та не погрязнет в революционном сатанизме, — как двух взаимодополняющих членов внутренней антиномии Славянства).

Первая, правда, скромная попытка «мессианизации» ноябрьского опыта была предпринята лишь *ex post*, а точнее спустя несколько дней после Ноябрьской ночи, в виде брошюры *Кароля Боромеуша Гофмана* (иначе — «чарторийчика») *«Великая неделя поляков»*.

Итак, мессианизм становится «лицом» польского романтизма лишь в послевосстанческой эпохе и в так называемой Великой Эмиграции. Не пытаясь даже представить здесь его внутренне очень разнообразное обличье, чтобы отметить степени отклонения от католической ортодоксии последующих его «аватаров», следует одновременно подчеркнуть одну его кардинальную черту, имеющую существенное значение для наших решений.

Мессианизм романтиков четвертого и пятого десятилетий XIX века неидентичен и несовместим с официальной «идеологией» Эмиграции, являющейся смыслом её существования, то есть инсurreкционной основой и доктриной. Наоборот, он был её полной альтернативой как проявление убеждённости в том, что дорога к воскрешению Польши ведёт не через вооружённую борьбу, а через молитву, работу, духовное упражнение и интериоризацию жертвенных мук мессианского народа. Так он, в качестве «пессимистского поражения», удивившего от деятельности, и воспринимался всеми эмигрантами. Особенно мессианизм «товяньчиков», вместе с Мицкевичем-товянтистом, смущал и потрясал не столько даже очевидной ересью *«Мастера Анджея»* и его сторонников или извращенно-эротической атмосферой Круга Божьего Дела⁶, но в первую очередь — дружественно-пророссийскими декларациями во главе с известным подобострастным обращением к Николаю I.

⁶ В 1842 в Париже Анджей Товяньский основал секту Круг Божьего Дела (*Koło Sprawy Bożej*), в которую вошли десятки польских эмигрантов, в том числе ряд выдающихся и влиятельных лиц. *Прим. переводчика.*

Далеки от инсurreкционных позиций были и самые яркие представители не идентичной с мессианизмом, но во многом близкие к нему, так называемой польской национальной философии, кроме Либельта (остерегайся Либельтчика, — предупреждал Красиньски Чешковского), который, однако, также после революции 1848–1849 гг перешёл на позиции законной «органической работы», на которых всегда стояли и Чешковски с Трентовским.

Январское восстание — под которым следует понимать также его долгую увертюру в виде патриотически-религиозных манифестаций в Варшаве 1860–1862 гг. — действительно является *плодом* и результатом этого *романтического мессианизма* предшествующих ему десятилетий в польской культуре. Оба эти определения чересчур приукрашивают это явление, было бы лучше заменить его простым словом «последствие», подчёркивая его пагубность. Не случайно всплеск патриотически-религиозной экзальтации произошёл после того, как произведения романтиков действительно вошли в широкий читательский оборот и родилась фигура «Трёх Пророков»⁷, давно покинувших это мир. То, что «повстанческий акт» родился с духом мессианизма романтиков, не означает, что это было верным и соответствующим основному посылу и намерениям мёртвых уже авторов этого исповедания, но это ведь не единственный случай такого рода, а повсеместный.

Основным нововведением и «неверностью» в прочтении романтически-мессианистского «евангелия» является *сращивание мессианизма с инсurreкционизмом* и использование его идеи в революционной акции. Интеллектуальная история Январского восстания и того, что привело к нему, должна быть описана как особенный случай буквального прочтения — что всегда является сплющиванием и искажением — того, что является рефлексией и медитацией в духовной работе над смыслом польскости и утилитарным восприятием его в качестве политико-идеологической дубинки (а также инструментализации религии).

Особым парадоксом «инсurreкционизированного» январского мессианизма является то, что автор, мысли которого в наибольшей степени вписывались в течение этих действий, был как раз самый консервативный из романтиков, то есть *Зигмунт Красиньски* (никогда уже потом он не занимал такого места в польском массовом сознании). Это парадоксально потому, что к восстанию толкали и в конечном итоге привели к нему крайние

⁷ «Три пророка» — Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий и Зигмунт Красиньски.
Прим. ред.

левые из революционных красных, то есть партия, которую пророк Зигмунд ненавидел и которой особенно опасался.

Это было возможно только благодаря ярко выраженному избирательному приему Красиньского, у которого антихрист имеет двойственный или же двуглавый образ: московского деспотизма и революционной анархии. Писатели, как видим, беззащитны перед эксплуатацией их творчества, и в этом случае оказалось, что партия революции может без смущения использовать анти-московский оттенок идеи пророка в собственных целях. Немалое участие в этом принимали «грешные заговорщики» — священники, подобные отцу Каролю Миошевскому (как называл их в своём, к сожалению, проигнорированном письме о. Хероним Кайсевич), — вместе со светскими революционерами. И только благодаря их, к счастью, скромным возможностям они не оставили нам в наследство какой-то более теоретизированной версии польской «теологии освобождения» *avant la lettre*⁸.

Перейдём теперь к составлению — не считая непосредственных физических потерь в виде погибших, расстрелянных, повешенных и сосланных на сибирскую каторгу — *баланса общих последствий Январского восстания*, которые представляются следующим образом:

1. В сугубо политическом аспекте потеря за короткое время всех приобретений Велёпольского в период колонизации административных, образовательных и судебных институций, тем самым уничтожение первого и последнего шанса после поражения в войне 1831 года на приближение к состоянию хотя бы полунезависимости 1815–1830 годов в рамках автономии, сопоставимой с той, которая вскоре была получена в австрийской оккупации⁹.

Вместо этого — потеря практически всех институций, характеризующих отличие Царства Польского от Российской империи во главе с должностью наместника, и даже исчезновение самого названия царства из официальной номенклатуры, замененного унижающим национальное достоинство «*Привислинским краем*». С этого периода начинается действительная — не только официальная, но в значительной степени и духовная — *русификация* (а в прусской оккупации — германизация), и с этих пор борьба велась не за возрождение государства, а за обыкновенное выживание польскости (и католической религии), за то, чтобы

⁸ «Первой печати» (франц.). *Прим. ред.*

⁹ Польских землях в составе Австро-Венгерской империи, в Цислейтании. *Прим. ред.*

не опустилась она до уровня этнического материала, «обогащающего» великорусский или германский этнос.

2. В геополитическом аспекте — *скрепление русско-польского союза* (вскоре и немецкого), а в дальнейшем и впоследствии возобновление «союза трёх императоров», тем самым окончательное исчезновение «польского вопроса» из повестки европейской политики, что утвердил Берлинский конгресс в 1878 году. В результате восстания крышка гроба над польской государственностью захлопнулась окончательно, поскольку для любого разумного человека, даже для тех, кто инициировал либо планировал предыдущие восстания, было очевидно, что не только нельзя бороться сразу со всеми тремя захватчиками одновременно, но и что предварительным условием для шанса на успех является обеспечение благожелательного нейтралитета одного из них. История зафиксировала лишь одно исключение из этой очевидности в виде самого гротескного из польских восстаний — Краковского восстания 1846 года, когда вооружённые главным образом зонтами клерки и аптекари «объявили войну» одновременно всем трём захватчикам. Такой ситуации, при которой будет нарушена солидарность захватчиков, назреет их конфликт и, наконец, война между ними, как известно, ждать нужно было более полувека.

3. С точки зрения как политических, так и цивилизационных последствий для забужских земель — окончательное поражение не только надежды на возрождение Речи Посполитой Трёх Народов в дораздельных границах, но и даже на сохранение политически и культурно руководящей роли польского (а точнее веками полонизированного) и одновременно шляхетского элемента. Суровые репрессии и конфискации, а также подавление всех культурных очагов польскости вплоть до запрета публично разговаривать на польском, с одной стороны, и поддержка русскими властями зарождающихся плебейских *националитаризмов* — литовского и украинского — с другой, привели эту всё ещё фактически общественно, экономически и культурно доминирующую элиту до состояния постоянно тающего меньшинства, борющегося за выживание и сохранение хотя бы родового наследия, языка и польского домашнего обычая. Наверное, самый трагический парадокс этого восстания состоит в том, что провозглашение уже тогда нереалистической программы немедленного возвращения границ 1772 года (провозглашённую также лагерем белых и графом Замойским до восстания) и принятие в качестве знака на печати Национального правительства красивого трой-

ного герба Польши-Литвы-Руси, фактически *вбило гвоздь в гроб Геллонской Польши*. Оставило нам символ вместо Империи.

4. В социокультурном аспекте национальной жизни, хоть и в границах «конгрессового» Царства, такая трагическая потеря позиции польским элементом, как на землях Западного края, была невозможна (серьёзную угрозу создал лишь в начале XX века резкий рост стремления еврейского населения, также косвенно спровоцированное чиновным антисемитизмом, который, обозначая «границы оседлости», одновременно открыл плотину для массового наплыва «литваков» в Царство). Но те же самые причины — репрессии за участие в восстании и конфискация имущества, а также нанесение усадьбам экономического удара путём отмены крепостного права — привели и к *ликвидации общественно-моральных связей между усадьбой и деревней*, и к утрате родовой аристократией и шляхтой роли «ведущего слоя» в народе, вытекающей из истории и естественного порядка вещей.

Последствий этого было два, и оба весьма негативные. С этого времени постоянно шла *политическая плебеизация общества*, а после — плебеизация и брутализация политической культуры, основным пространством которой стала улица. Низшие слои с точки зрения культуры принимают (что является польской спецификой) множество элементов и символов так называемого шляхетского этоса. Это приводит к тому, что они, лишённые исторической памяти и наследственного политического разума, одновременно начинают совершать те же ошибки всплывших легкомысленных «шляхетков»¹⁰ во главе с *«как-нибудь да будет»*, ведя к новым бедствиям.

С другой стороны, на часть шляхты, особенно бедной, которая переживала полную экономическую деградацию и была вынуждена переехать в города («высажены из седла»), не теряет своего истинного стремления вести общество, но сама начинает пропитываться надвигающимися как с Запада, так и из России интеллектуальными и идеологическими течениями во главе с позитивизмом и социализмом, в том числе с нигилистически-террористическим оттенком, характерным для русского социализма.

Так формируется *феномен польской прогрессивной интеллигенции* с разным уровнем радикализма у разных лиц, но одной общей чертой: все её представители абсолютно свободны от латинско-католических традиций, а значит, от того, что является

¹⁰ Бедный безземельный шляхтич. *Прим. переводчика.*

фундаментом «вечной польскости». Даже открытые и радикальные атеисты не отказываются от инструментального использования религиозной символики в агитационных целях среди народных масс, что началось в период усиленной патриотической экзальтации в религиозном одеянии перед восстанием и что, к сожалению, продолжается до сих пор

Между использованием варшавских костёлов в начале 1860-х годов до антицарских демонстраций и «смоленскими партиями» сегодня существует континуум, ось которого составляют, в том числе, листовки с Красным Знаменем и Ченстоховской Божьей Матерью одновременно, распространявшиеся социалистами среди рабочих Лодзи и Заглембе.

5. В религиозно-церковном аспекте (как институциональном, так и духовном) — лишение Костёла столицы и Царства его головы посредством вывоза архиепископа Фелинского в Ярославль, дальнейших препятствий в комплектовании епархий, перенос Духовной академии в Петербург, целевое ограничение, касающееся семинарий, с целью сократить численность и уровень католического духовенства, фактическое закрытие связи партикулярного Костёла с Римом, роспуск орденов, — все это привело к *ослаблению влияния Костёла на жизнь народа*, в частности ограничило его эффективность в сфере защиты от пагубного влияния антирелигиозных, светских и масонских течений, Отдельную часть, конечно же, составляет мартирология униатов, уже и в границах Царства.

6. Наконец, с точки зрения социальной психологии, естественно, травма беспрецедентного поражения должна была довести до того, что маятник настроений от неизмеримой насыщенности патриотизма и идеализма, склонного к самым большим жертвам, должен был качнуться в другую, тоже крайнюю, сторону. Пришла так хорошо известная из литературы и публицистики эпоха *«падения идеалов»*, практического материализма, эгоизма и нуворишества, соединённых с податливостью на фактическую русификацию — политическую, языковую и психическую (а если речь идёт о получении высших должностей, то и на отступничество от католицизма).

Даже прежние герои, что выжили, часто скрывают от собственных детей своё прошлое и перестают учить их патриотизму (*Зигмунт Василевски*, например, где-то вспоминает, что песню «*Jeszcze Polska nie zginęła*» услышал уже почти в двадцатилетнем возрасте на какой-то экскурсии, а его отец в восстании был главой повяты!). Эта ситуация повторится спустя более чем 80 лет — уже

после того поражения, чьи размеры превышали поражение 1863–1864 гг., то есть *Варшавского восстания*, что привело к соответственно высокому уровню восприимчивости к советизации.

Ночь восстания, которая окутала своей тьмой все земли русской оккупации (а одновременно вскоре и прусской), должна была предвещать полное уничтожение польскости, даже в этнически-языковом и моральном смысле. Божье Провидение, которое управляет судьбами людей и народов постоянно и прямо, прислало нам спасение, которое мы, неблагодарные, так же как и древние израильтяне, всё ещё не ценим, а порой им прямо пренебрегаем. Этим спасением была автономия, которую сразу же после поражения восстания получил район старой Польши, официальным названием которой под австрийским господством стала *Галиция*.

Благодаря благоразумию галицийской шляхты, краковских и львовских консерваторов, которые тоже вынуждены были свести счёты с совестью за то, что пошли за безумными порывами сердца (даже такой образцовый польский консерватор, как Павел Попель, некоторое время поверил в смысл восстания и в помощь Запада), выраженными в высмеиваемом, злобно и дурацки читаемом обращении Национального Сейма к императору Францу Иосифу I: «*При Тебе, Ваше величество, мы стоим и хотим стоять*», — эта часть Польши получила возможность свободного политического и культурного развития, *сохранения сокровищ польской традиции* и передачи их будущим поколениям, предоставления убежища и возможности деятельности даже тем, кто высказывал абсолютно бессмысленную идею «непрерывности восстания», а также позднейшим оппонентам и неумолимым критикам «лоялизма», выступавшим с позиций националистов или «левых сил независимости».

В первую очередь, выбор, который сделала та первая польская школа рационального политического патриотизма, то есть краковская школа, получив убежище под заботливыми крыльями имперского орла Габсбургской монархии, обозначил линию сохранения польскости в виде единого курса, который гарантирует ей подлинную, тысячелетнюю идентичность: латинского западничества и римского католицизма, на «оси» *Краков—Вена—Рим*.

Это Голуховским, Абраамовичам, Хольцлам, Попелям, Шуйским, Тарновским, Кожмянам и Баденам мы обязаны тем, что мы те, кто мы есть, за то, что ни Москаль, ни Прусак «не одолели», что мы — дай Бог! — не будем никогда ни пригородом Берлина, ни «еврозиатами».

Перевод с польского Марины Брутян

А. Д. ГРОНСКИЙ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БЕЛОРУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ ИЗ УЧАСТНИКА
ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ.
ВИКЕНТИЯ КОНСТАНТИНА КАЛИНОВСКОГО

До сих пор очень часто в спорах о том, кто же на самом деле является белорусским национальным героем, используется достаточно размытый набор критериев. Некоторые считают белорусскими героями белорусов по крови, тогда встаёт вопрос, как быть с историческими персонажами, жившими до появления белорусов. Другие видят «своих» во всех, кто здесь родился, а прославился где угодно, в том числе и за пределами Белоруссии. Третьи считают своими тех, кто жил и действовал на благо Белоруссии, хотя понятие о благе для белорусского народа тоже у каждого своё. В начале XX в. белорусскими героями пытались представить белорусов, действующих на благо Белоруссии. Причём самой большой проблемой было как раз определение кого-либо как белоруса. Объявить какой-либо исторический персонаж белорусом и создать систему доказательств этого — вот что являлось одной из главных задач белорусского национализма начала XX в.

Для становления и развития любой нации нужны национальные герои — люди, на которых будут равняться остальные представители нации. Белорусский национализм начала XX в. таких героев сразу предложить не смог. Герой, литературный или национальный, представляет собой не конкретного человека, а некий идеальный образ, который является эталоном для представителей

нации. Национальный герой быстро обрастает легендами и мифами и воспринимается уже как некий сверхчеловек с идеальной биографией, не делающий ошибок. Именно идеальный образ, а не его реальный прототип является национальной гордостью. Образ героя начинает транслироваться в художественной литературе, восприятие этого образа становится шаблоном, а этот шаблон как объективную реальность начинают использовать околонучные исследователи-популяризаторы и даже иногда серьёзные учёные. Мифы о героях полнее свидетельствуют о героическом образе, чем строчки реальных биографий¹. К тому же реальные национальные герои, как и любой человек, обладают рядом неидеальных черт. Пока такой «герой» жив, «баланс героического и негероического в нём колеблется и не предрежён. Одна смерть всё ставит на свои места»². Живущий претендент на звание национального героя может повести себя неподобающим образом, чем дискредитировать саму «национальную» идею, тем более если она находится в зачаточном состоянии и практически не имеет шансов выжить.

Первые белорусские националисты не могли найти «национальных героев», способных удовлетворить всем требованиям. Инициатор белорусского национализма Ф. Богушевич, призывая крестьян к идентификации Великого княжества Литовского с Белоруссией, тем не менее не называл конкретных белорусских героев, сражавшихся за родину в средние и иные века³. В начале XX в. белорусский национализм начал эксплуатировать образы великих князей литовских как белорусских правителей. Эта привычка была вычищена советским периодом, но осталась в среде белорусской эмиграции, а в период перестройки опять вернулась в белорусскую историографию и эксплуатируется до сих пор, что вызывает логичные обвинения со стороны некоторых российских учёных⁴.

Однако героизация средневековых князей оказалась для начала XX в. неудачным проектом. Крестьянин попросту не замечал никакой логической или другой связи, например, между деяниями великого князя литовского Витовта и современной крестьянину начала XX в. ситуацией. Кроме того, сами крестьяне не являлись носителями какого-то регионального патриотизма. Причём такая

¹ Сапронов П. А. Феномен героизма. Изд. 2-е исправ. и доп. СПб., 2005. С. 12.

² Там же. С. 11.

³ Текст «Предисловия» к «Дудке белорусской» см.: Багушэвіч Ф. Творы. 2-е выд. Мінск, 2001. С. 21–22.

⁴ Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998. С. 4.

ситуация тянулась достаточно давно, с периода первых уний Великого княжества Литовского с Польшей. Постепенное польское влияние на жизнь западнорусского населения привело к тому, что у высших слоёв постепенно героические русские образы трансформировались в польские, т. е. поменялся пантеон героев. Огромная же масса крестьянства своим положением вообще была выведена за рамки циркуляции различных государственно и территориально ориентированных высоких эмоций.

Таким образом, для польских крестьян, как и для крестьян западнорусских/белорусских, патриотизм был ненужной эмоцией, которая была актуальна для других социальных групп, но не для крестьянства. Постепенно народная масса стала забывать русский героический эпос, бытовавший ещё со времён Древнерусского государства, поскольку он оказался не нужен крестьянам для существования в своей социальной нише, а для перешедших в другую, более высокую нишу актуальным были уже не русские, а польские герои. Академик Е. Ф. Карский в своей работе «Белорусы» указывал, что от богатырских былин остались лишь несвязные воспоминания. Сами русские былины были попросту вытеснены польской героикой, на которую в своё время переориентировалась шляхта Великого княжества Литовского⁵.

С конца XVIII в., когда восточные земли Польской Речи Посполитой вошли в состав Российской империи, у белорусских крестьян стала появляться общерусская имперская героика. Это было связано в первую очередь со службой в российской армии. Если крестьяне в Польше никогда не имели статуса защитников Родины, ибо защитой Родины занималась шляхта, то в Российской империи служба в армии всем не давала перспектив перейти в другой социальный слой. Белорусские крестьяне, отслужившие в императорской армии, возвращались к себе в деревни и, рассказывая о боевых действиях против других государств, подспудно формировали у крестьянской молодёжи уверенность в том, что крестьяне также причастны к защите Родины, которая в этом случае начинала представляться не как небольшой регион, а как большая страна. Судя по всему, российский имперский патриотизм у белорусских крестьян ко второй половине XIX в. уже существовал. Видимо, именно поэтому польские повстанцы в 1863 г. расправлялись с отставными солдатами, вернувшимися в свои деревни, даже если эти отставники были католиками. Общерусский

⁵ Карский Е. Ф. Белорусы: в 3 т. Т. 3. Кн. 1. Очерки словесности белорусского племени. Минск, 2007. С. 492.

имперский патриотизм блокировал эффективность как польской, так и появившейся в начале XX в. белорусской пропаганды.

Себя на роль героев белорусские националисты того времени выдвинуть не могли по вполне тривиальным причинам — они вряд ли пошли бы на верную смерть ради идеала свободной и независимой Белоруссии. Ведь герой должен обладать, кроме всего прочего, элементом трагизма: умереть за родину, сражаясь с превосходящими силами врагов, погибнуть под пытками, но не отречься от великой идеи, наконец, просто потерять семью из-за своей общественной деятельности на благо отечества. Вариантов трагизма множество. Трагедия — результат и смысловой предел героизма⁶. Ничем из перечисленного набора трагизмов белорусские националисты не обладали. Они были обычными интеллигентными людьми своей эпохи, не желавшими резких перемен и готовых удовлетвориться хотя бы признанием своей региональной значимости. Первые белорусские националисты не имели харизмы, они не были вожаками масс и не могли ради идеи пойти на смерть. Они предпочитали приспособливаться к изменяющейся ситуации, чтобы выжить и продолжать действовать. Естественно, что, сохраняя себе жизнь в любых условиях, белорусские националисты получали возможность и дальше вести пропаганду, однако никто из них не решился на смерть ради идеи, чтобы его образ оставшиеся в живых могли эксплуатировать как героический. В итоге заигрывания белорусского национализма с любой доминирующей в регионе силой вряд ли могли привлечь к нему крестьянскую массу, не привыкшую понимать тонкости высокой политической игры и уступок ради достижения своих целей.

Нужно заметить, что белорусский национализм старался не конфликтовать с реальной властью. Так, в период до Первой русской революции разговор шёл о культурной автономии, во время революции прозвучали более радикальные призывы (например, свержение самодержавия). Это произошло потому, что власти в 1905 г. были растеряны и инициативу в идеологической доминанте в Северо-Западном крае Российской империи переняли польские националистические и революционные партии, выступавшие за ликвидацию монархии. С 1906 г. белорусский национализм вновь переходит на более лояльные по отношению к имперской власти позиции и становится больше культурно-просветительским явлением, чем общественно-политическим.

⁶ Сапронов П. А. Указ. соч. С. 15.

В период Первой мировой войны националисты, оказавшиеся под немецкой оккупацией, зафиксировали свою лояльность оккупационным властям, а в 1918 г., после того, как немецкие войска вошли в Минск, белорусские националисты даже отправили телеграмму кайзеру с благодарностью за избавление от большевизма⁷. После того, как вместо немцев Минск оккупировали поляки, националисты приветствовали нового «освободителя из-под российского империализма» Ю. Пилсудского⁸. А позже, когда Литва и Польша спорили о том, кому должно принадлежать Вильно, белорусские националисты, оказавшиеся в Литве, в обмен на финансовую поддержку литовского правительства обязались в случае референдума признать Вильно литовской, а не польской территорией, хотя сами претендовали на этот город как на центр белорусской культуры и националистической деятельности⁹. Достаточно ярко коллаборационистскую составляющую белорусского национализма вскрыла Великая Отечественная война.

Другой проблемой разработки белорусской национальной героики стало стремление найти таких персонажей, которые бы могли своей жизнью и поведением подчёркивать отдельность белорусов от русских или поляков. Декларирование так называемого «литвинского патриотизма», когда польская по самосознанию элита Великого княжества Литовского подчёркивала некоторые свои отличия от жителей собственно Польши, не могло служить примером, поскольку все эти различия в предках могли быть постигнуты людьми интеллигентных профессий. Для крестьян же всё должно представляться более просто.

Одним из таких белорусских героев, созданных в начале XX в., стал Кастусь Калиновский, который до того, как им интересовались белорусские националисты, никогда не носил имени именно в данной форме. Образ К. Калиновского как белорусского героя актуален до сих пор, поэтому представляется достаточно интересным рассмотреть, как этот образ сформировался.

В начале XX в., когда были живы свидетели польского восстания 1863–1864 гг., представители белорусского национализма не находили в восстании присутствия белорусских деятелей. В единственной в то время белорусской газете «Наша ніва» нет

⁷ Текст телеграммы см.: Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921 [Репринт]. С. 124.

⁸ Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. СПб, 2003. С. 43.

⁹ Мірановіч Я. Указ. соч. С. 50.

ни одного упоминания о Калиновском¹⁰. О белорусской ориентации издававшейся им «Мужицкой правды» белорусские националисты начала XX в. даже и не подозревали. В далекой от научности «Краткой истории Белоруссии» («Кароткая гісторыя Беларусі») В. Ю. Ластовского, выходявшей отдельными статьями в «Нашай ніве» на протяжении 1909 г., а в следующем году опубликованной отдельной брошюрой и ставшей своеобразным катехизисом белорусского национализма, о таком, казалось бы, значимом издании нет ни слова¹¹. По мнению Г. В. Киселёва, «в 1915 г. Максим Богданович писал о Калиновском в статье «Белорусское возрождение», как будто примеряя его личность к контексту белорусской национально-культурной истории»¹². Однако исследователь грешит желанием выдать желаемое за действительное. Приведём цитату Богдановича полностью: «Польские повстанцы 1863 г. в свою очередь выпустили ряд изданий на белорусском языке. Таковы «Мужыцкая праўда», «Гутарка старога дзеда», «Перадсмертны разгавор пустэльніка Пятра» и т. д. К. Калиновский издавал даже в Белостоке белорусскую газету «Нутарка» (стихотворную), подписываясь псевдонимом «Яська гаспадар з-пад Вильні»»¹³. Вот и вся цитата. Никакой примерки личности Калиновского к эпохе в ней не прослеживается. Академик Е. Ф. Карский усматривал в содержании «Мужицкой правды» лишь цель «возбуждения простого народа против православной церкви и русских», подчеркивая, что прокламация написана «очень зло»¹⁴.

Калиновский стал белорусским национальным героем лишь в конце Первой мировой войны, более полувека спустя после своей смерти. Идея о том, что польское восстание 1863–1864 гг. на землях Белоруссии явилось белорусским движением, была попыткой легитимизировать право на власть белорусских националистических группировок, с одной стороны, и оправдать

¹⁰ Кісялёў Г. Радаводнае дрэва: Каліноўскі — эпоха — наступнікі. Мінск, 1994. С. 223.

¹¹ Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. Мінск, 1992 (Рэпрынт, 1910).

¹² Кісялёў Г. В. К. Каліноўскі і беларуская культура // Кастусь Каліноўскі (1838–1864). Матэрыялы рэспубліканскай навучнай канферэнцыі, прысвечанай 150-летцю со дня рожнення выдаючагася беларускага рэвалюцыйна-дэмакрата і мысліцеля К. Каліноўскага / Рэдкал.: І. П. Крень, В. Н. Чарэпіца, Я. Н. Мараш, Т. І. Томашевіч, М. П. Костюк. Гродно. 1988. С. 20–28.

¹³ Багдановіч М. Зорка Венера: Творы / Уклад. і праэдм. А. Клышкі. Мінск, 1991. С. 408.

¹⁴ Карскі Е. Ф. Беларусы. Мінск, 2006. С. 351.

политическую активность белорусских эмигрантов — с другой. Впервые, судя по всему, идеальную «белорусскость» Калиновского сконструировал активный деятель белорусского национализма В. Ю. Ластовский в своей статье «Памяти Справедливого» («Памяці Справядлівага») в газете «Гоман» за 15 февраля 1916 г.¹⁵ В биографии Калиновского подчеркнута антирусская направленность его деятельности, но этой антирусскости приданы белорусские черты. *Константы* стал у Ластовского *Касцюком*¹⁶. Таким образом, первый миф — о белорусском имени — родился в 1916 г. на оккупированной немцами территории. Позже «Касцюк» трансформировался в «Кастуся», что и закрепилось до наших дней¹⁷.

Свое повествование о Калиновском Ластовский начинает с фразы: «Много лет пролежала у меня в секретном тайнике пачка бумаг, отрывками из которых хочу поделиться со своим обществом»¹⁸. Рукописью, которую пришлось прятать от жандармов, оказались так называемые «Письма из-под виселицы», опубликованные ещё в 1867 г. в Париже польским эмигрантом А. Гиллером.

Абсолютно голословны утверждения Ластовского о деятельности Калиновского в русле белорусского возрождения. Согласно биографу, Калиновский не только «добивался широких культурно-национальных прав для белорусского и литовского народов», но и руководил переводами революционных песен на белорусский язык, основывал «начальные школы с обучением по-белорусски», создавал литературные кружки молодежи, «которые обрабатывали к печати популярные белорусские книжки». (Следует заметить, что белорусскоязычные эксперименты проводил и оппонент Калиновского в польском национальном движении Б. Шварц.) Влияние Калиновского, утверждал Ластовский, было столь велико, «что даже польский Жонд Народовый (польское повстанческое правительство. — А. Г.) его слушал»¹⁹.

Еще один штрих конструирования национального героя — приписывание ему текстов в редакции, отвечающей канонам белорусского национализма. В статье «Памяти Справедливого» Ластовским цитируется текст Калиновского из «секрет-

¹⁵ Ластоўскі В. Выбраныя творы / Уклад., прадмова і каментары Я. Янушкевіча. Мінск, 1997. С. 306–308.

¹⁶ Там же. С. 306.

¹⁷ Кастуся Калиновского на самом деле звали Викентий. Интервью с А. Грицкевичем // Салідарнасць. 2008: www.gazetaby.com/cont/print.php?sn_id=11203.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

ных тайников», который мы имеем возможность сопоставить с аутентичным:

<i>Оригинал</i> ²⁰	<i>Редакция Ластовского</i> ²¹
Братья мои, мужики родные!	Белорусы, братья мои родные!
Марыська, черноброва голубка моя	Белорусская земляка, голубка моя

Налицо явная попытка автора «обелорусить» Калиновского, которая, несмотря на позднейшие обвинения Ластовского в антисоветской деятельности и последовавшие за этим репрессии, пустила глубокие корни в белорусской историографии. Ориентированная на крестьян «Мужицкая правда» Калиновского служила доказательством его революционности, о том же, что он был *польским* патриотом, предпочитали не говорить²². Справедливости ради отметим, что культ Калиновского утверждался небеспроблемно: не миновало его обвинение в мелкобуржуазном национализме. В то же время этнические белорусы второй половины XIX — начала XX в. (М. О. Коялович, Л. М. Солоневич и др.), стоявшие на позициях монархизма и западнорусизма, не воспринимались как борцы за белорусское возрождение, хотя сделали для белорусов неизмеримо больше, чем белорусские националисты.

Интересен факт, что в «Беларускім календары «Сваяк» на 1919 год» наряду с перепечаткой статьи «Памяти Справедливого», в которой, в отличие от первого варианта текста, Калиновский боролся за независимость уже не Литвы, а Белоруссии²³, была помещена статья «Белоруссия под Россией», где два вос-

²⁰ Паўстанне на Беларусі 1863г.: «Мужыцкая праўда» і лісты «з-пад шыбеніцы»: Тэксты і каментарыі. Нью-Ёрк, 1980. С. 46, 47.

²¹ Ластоўскі В. Выбраныя творы. С. 307, 308.

²² См., напрыклад: Кісялёў Г. Радаводнае дрэва: Каліноўскі — эпоха — наступнікі. Мінск, 1994; Он же. Сейбіты вечнага. Артыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячоў рэвалюцыйнага руху 1863 г. Мінск, 1963; Он же. З думай пра Беларусь. Мінск, 1966; Кулакевіч Т. М. Касцюшка і Каліноўскі — нацыянальныя героі Беларусі // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: Матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2004. Ч. 1. С. 79–81; Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сямья: Папулярныя нарысы з гісторыі Беларусі. Мінск, 1993; Паўстанне на Беларусі 1863 г.: «Мужыцкая праўда» і лісты з-пад шыбеніцы; Шалькевіч В. Каліноўскі Кастусь // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1997. Т. 4. С. 31–33.

²³ Там же. С. 484.

стания 1833 и 1861 гг. (почему именно эти даты В. Ю. Ластовский использовал для обозначения восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. — неизвестно) назывались польскими, а белорусский народ, по утверждению автора, «в целом не принадлежал им»²⁴, то есть в них не участвовал. Ничего не сказано и о белорусской роли Калиновского. Получается, в одном и том же календаре об одном и том же событии один и тот же человек имеет два разных, причём совершенно противоположных, представления. Судя по всему, это была первая слабая попытка искусственно создать белорусского идола, чтобы состарить начало «белорусского возрождения». Однако, видимо, автор сам понимал всю шаткость такого утверждения, поэтому и не рекламировал белорусские идеи сугубо польского восстания.

Кстати, не все белорусские деятели воспринимали восстание 1863 г. как белорусское. Интерес представляет письмо Я. Купалы — белорусского поэта, сформировавшегося в период начала XX в. Письмо датировано 1928 г., т. е. периодом, когда образ Калиновского-белоруса был сформирован и восстание, в котором он участвовал, не считалось сугубо польским. Купала на рубеже веков был знаком с С. Чеховичем — повстанцем, сосланным в Сибирь и после вернувшимся в родные места. Вот что пишет Купала: «Беседовали с ним много о чём, о чём — трудно вспомнить, но больше всего, кажется о *польском* [выделено мной. — А. Г.] восстании <18>63 года. [...] у него первого я познакомился с нелегальной литературой, больше всего относящейся к польскому восстанию»²⁵. Известный белорусский поэт, один из создателей белорусского литературного языка, знавший Ластовского — создателя мифа о Калиновском-белорусе, работавший с Ластовским ещё до революции Янка Купала указывает, что восстание 1863–1864 гг. — польское. Нужно заметить, что Чехович знал Калиновского и поддерживал его в период восстания, но, судя по отношению Янки Купалы к восстанию, Чехович не указывал на какие-то непольские мотивы в деятельности повстанцев, поэтому восстание белорусским поэтом однозначно названо польским.

Кульٹ повстанца 1863 года благодаря усилиям белорусских националистов утвердился в советской историографии, особо озабоченной поиском национальных героев-революционеров, боровшихся за свободу простого народа. Помимо белорусских

²⁴ Там же. С. 320.

²⁵ Купала Я. П'есы. Публіцыстыка. Янка Купала пра сябе. Мінск, 2002. С. 473.

исследователей, к личности и наследию Калиновского специально обращались российские и литовские ученые. Для литовцев он стал олицетворением борца за счастье литовских крестьян лишь в период послевоенного строительства в Литве — до этого восстание 1863—1864 гг. оценивалось ими как польское²⁶. Московские исследователи в основном склонялись к оценке деятельности Калиновского в русле польского национально-освободительного движения. Известным исключением можно считать А. Ф. Смирнова, который, начав работать в Белоруссии, впоследствии обосновался в Москве. В его работах 1950-х гг. Калиновский рассматривался как крестьянский вождь, не стремившийся к независимости белорусских земель. В дальнейшем Смирнов пересмотрел свои взгляды и стал утверждать, что его герой выступал за независимость Литвы от Польши, что, по мнению историка, было прогрессивным²⁷. Эта оценка сближает Смирнова с основной линией белорусской историографии. М. В. Миско не нашел серьезных оснований указывать на какую-то национальную специфику Калиновского, действовавшего от имени варшавского повстанческого правительства. Согласно историка, родился «белорусский герой» в семье мелкопоместного польского дворянина, а не белорусского шляхтича, как принято считать в белорусской историографии. Миско подчеркивал польскую направленность его агитации в крестьянской среде и приводил воспоминания современников о Калиновском, который, по их свидетельствам, обращался к крестьянам со словами: «Польское дело — это наше дело!»²⁸ Послевоенная польская историография рассматривала Калиновского как польского революционера. Это подтверждают даже название польских исследований, например монографии В. Кордовича, для которого Калиновский — деятель польской революционной демократии²⁹.

²⁶ Лазутка С. А. О некоторых концепциях восстания 1863—1864 гг. в литовской советской историографии // Кастусь Каліноўскі (1838–1864). Матэрыялы рэспубліканскай навучнай канферэнцыі, прысвечанай 150-літцю со дня рожання выдаючага беларускага рэвалюцыянера-дэмакрата і мысліцеля К. Каліноўскага. Гродно, 1988. С. 34–41.

²⁷ Біч М. В. Кастусь Каліноўскі ў беларускай савецкай гістарыяграфіі // Кастусь Каліноўскі (1838–1864). Матэрыялы рэспубліканскай навучнай канферэнцыі, прысвечанай 150-літцю со дня рожання выдаючага беларускага рэвалюцыянера-дэмакрата і мысліцеля К. Каліноўскага. Гродно, 1988. С. 17–18.

²⁸ Миско М. В. Польское восстание 1863 года. М., 1962. С. 123–124.

²⁹ Kordowicz W. Konstanty Kalinowski: Rewolucyjna demokracja polska w powstaniu styczniowym na Litwie i Białorusi. Warszawa, 1955.

Между тем «нацдемовское» по своей родословной освещение деятельности Калиновского было воспринято той концепцией белорусской истории, что заявила о себе в конце 80-х гг. XX в. В постсоветской Белоруссии тема Калиновского и связанной с ним «Мужицкой правды» оказалась как нельзя более востребованной.

Винценты Константы Калиновский был крещеным католиком, однако, судя по всему, к религии относился достаточно индифферентно. Во всяком случае, его религиозный фанатизм нигде не зафиксирован. Последнее не удивительно, если учесть, что, обучаясь в Санкт-Петербургском университете, Калиновский имел возможность познакомиться со взглядами русских революционеров. Религия использовалась им лишь в целях антирусской пропаганды.

Как уже отмечалось, для придания Калиновскому белорусских черт его стали называть Кастусем (Кастусь — белорусская форма имени Константин), хотя ни один источник не зафиксировал, что при жизни его именовали таким образом. Сам Калиновский, когда писал по-русски, предпочитал называть себя первым именем — Викентий, а во время восстания пользовался своим вторым именем в его польской форме Константы.

Для того, чтобы побудить польские патриотические организации Северо-Западного края к большей активности, Варшава в начале 1862 г. стала направлять в Литву и Белоруссию своих представителей, которые должны были радикализировать польскую молодежь края. Этим занимались Я. Франковский, будущий представитель Варшавы в Вильне Н. Дюлеран и другие. Видимо, Калиновскому пришили по душе радикальные призывы последнего в бытность Дюлерана в Гродненской губернии, где тогда находился наш герой³⁰. Впрочем, известен случай, когда варшавский коллега был удалён с заседания Литовского провинциального комитета, возглавляемого в то время Калиновским. Это было связано с тем, что Варшава подчинила себе часть территории, ранее контролирувавшейся из Вильны, и начала там сбор денег. Болезненную реакцию Калиновского белорусские историки бесосновательно истолковывают как доказательство его белорусской идентичности. Холодность в отношениях с Н. Дюлераном продолжалась до самого начала восстания, но затем они были восстановлены, что прослеживается по протоколам допросов повстанцев³¹.

Даже если Калиновский и видел историческую Литву независимой от Польши, то лишь в качестве «другой Польши» —

³⁰ Ibid. S. 122, 139.

³¹ Ibid. S. 134, 135, 154.

государства крестьян, исповедующих утопический социализм и имеющих польское самосознание. Один из повстанцев консервативных убеждений Я. Гейштор, не разделявший «хлопоманских» убеждений Калиновского, называл его патриотом³². Вряд ли человек, много раз споривший с ним, не указал бы на белорусскую ориентацию Калиновского. Гейштор определённо имел в виду польский патриотизм. Прочие участники восстания также не находили в деятельности Калиновского никакой белорусской составляющей³³.

Польские сепаратисты пытались охватить пропагандой все слои населения, в том числе и крестьян. Для этого летом 1862 г. начался выпуск специально адресованной крестьянам «Мужицкой правды» (в оригинале «Музыкаја прауда»). Её называли газетой, листовкой, воззванием, брошюрой и даже журналом, но по своей сути «Мужицкая правда» является, скорее, листовкой, выпускавшейся серийно. Авторами считаются Калиновский с группой его приверженцев. «Мужицкая правда» просуществовала всего год, причём первые шесть выпусков увидели свет до конца 1862 г., а последний — летом 1863 г., когда восстание в Северо-Западном крае было уже практически подавлено. Печаталась она латинским шрифтом на гродненском диалекте белорусского языка (последний номер — на брестском диалекте) с большим количеством полонизмов.

Одни современные исследователи считают, что «Мужицкая правда» выпускалась на территории Гродненской губернии, другие склоняются к тому, что типография располагалась в Вильне, поскольку именно в этом городе был центр польского движения в Северо-Западном крае. Однако, согласно донесениям секретных осведомителей российских властей, «Мужицкая правда» печаталась на территории этнической Польши, скорее всего в Варшаве³⁴. В качестве ещё одного вероятного места указывался Белосток, но местная жандармерия утверждала, что листовки доставляются туда из Варшавы³⁵. Варшавское происхождение «Мужицкой правды» подтверждается и тем обстоятельством, что она нередко распространялась местными

³² Миско М. В. Польское восстание 1863 года. С. 124.

³³ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. Минск, 1988. С. 142; Миско М. В. Польское восстание 1863 года. С. 124.

³⁴ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. С. 141; Хаўстовіч М. «Цяпер маскаль пня мудрагелікі свае» // Спадчына. 1999. № 5–6. С. 88.

³⁵ Там же. С. 142.

дворянами после их приезда из Варшавы. При определении ареала распространения листовок оказывается, что их находили на обширной территории — в этнографических Белоруссии, Польше, Литве, Латвии и даже на северо-западе этнографической Великороссии, но больше всего листовок было обнаружено в пограничной с Царством Польским Гродненской губернии³⁶. Экземпляры появлялись раньше именно в тех населенных пунктах, которые располагались вдоль польской границы. По полицейским сведениям, листовки доставлялись из Варшавы в Гродно по железной дороге³⁷. Некоторые шляхетские агитаторы сами объясняли крестьянам Восточной Белоруссии, что «Мужицкую правду» написал поляк Ясько и печатается она в Польше³⁸. Таким образом, есть основания утверждать, что «Мужицкая правда» инспирировалась из Варшавы, а участие в этом проекте Калиновского и других представителей Северо-Западного края потребовалось ввиду того, что они лучше знали местную специфику. Существует гипотеза, по которой «Мужицкая правда» сначала писалась по-польски и затем переводилась на белорусский³⁹. Это позволяло варшавским руководителям восстания утвердить тексты. Уже доказано, что некоторые написанные по-белорусски листовки, подобные «Мужицкой правде», например «Гутарка старога дзеда», именно таким образом и создавались⁴⁰. Поэтому можно сказать, что гипотеза логична и имеет право на существование, однако фактов, полностью подтверждающих её, пока не найдено.

Основное содержание «Мужицкой правды» — призыв к борьбе против русских: не только представителей власти, а русских вообще, изображаемых жестоким и умным врагом. «Мужицкая правда» затрагивала наиболее злободневные проблемы жизни деревни и указывала на русских как источник всех бед. Одна-

³⁶ В книге Г. В. Киселёва «З думай пра Беларусь» указываются некоторые территории, на которых находили «Мужицкую правду». В основном это Гродненская губерния (С. 5–67).

³⁷ Архивные материалы муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильна, 1915, Ч. 2. С. 11; Революционный подъём в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. 141.

³⁸ Кисялёў Г. З думай пра Беларусь. С. 47.

³⁹ Трещенок Я. И. История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период. Могилев, 2003. С. 132.

⁴⁰ Хаўстовіч М. «Цяпер маскаль пня мудрагелікі свае» // Спадчына. 1999. № 5–6. С. 88.

ко ряд фигурирующих в листовках притеснений был надуман⁴¹, в результате чего агитация в поддержку польского восстания не производила на крестьян ожидаемого впечатления, а, наоборот, настораживала их⁴².

В листовках отсутствуют упоминания о том, что местные крестьяне — белорусы или литвины/литовцы. Единственное раз обозначение «литовский» появляется в словосочетании «Король Польский и Литовский» («Мужицкая правда» № 2)⁴³, что, несомненно, относится к королю Речи Посполитой, называемому в других случаях «Королем нашим польским». Сами крестьяне не идентифицировали себя по этническому признаку и различали в своей среде русских и поляков, исходя из вероисповедной принадлежности. Понятно, что польские повстанцы не могли обращаться к православным крестьянам как к русским. Считать же их поляками не позволяла вера. Лишь в позднем «Письме Ясыкигаспадара из-под Вильно к мужикам земли Польской» Калиновский прямо объявил белорусских крестьян поляками⁴⁴, что было уже скорее проявлением отчаяния по поводу проигранного дела. Таким образом, «Мужицкая правда» апеллировала к социальному слою — крестьянству, а не к этнической общности — белорусам. Тот факт, что она выходила на белорусском языке, вовсе неравнозначен белорусской направленности издания: пропаганда на польском воспринималась бы крестьянами как «панская», что не давало шансов получить какую-либо поддержку с их стороны.

Повстанцы всячески подчёркивали отличия между населением северо-западных и центральных губерний империи. Едва ли не основная надежда возлагалась на возрождение унии. Призывая православных белорусов перейти в униатство, Калиновский стремился противопоставить большинство местных крестьян государственным и православным началам⁴⁵. Кроме антирусской направленности, «Мужицкой правде» присуще и антиправославное начало. Православие всячески компрометировалось. В листовках оно именуется схизмой и «собачьей верой», всем православным сулятся вечные мучения в загробном мире⁴⁶.

⁴¹ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. С. 175.

⁴² Кісялёў Г. З думай пра Беларусь. С. 41–42.

⁴³ Революционный подъём в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. 127.

⁴⁴ Каліноўскі К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы. С. 241–242.

⁴⁵ См. текст «Мужицкой правды» в: Революционный подъём в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. М., 1964. С. 124–133.

⁴⁶ Этот тезис присутствует практически во всех номерах «Мужицкой правды». См.: Революционный подъём в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. 124–133.

Примечательно, что печатавшиеся на гродненском диалекте белорусского языка листовки явно предназначались для крестьян Центральной и Восточной Белоруссии, ибо призывы вернуться в униатство касались православного населения, а Гродненщина была в основном католической. В «Мужицкой правде» нет ни одного упоминания о католиках, как будто среди крестьян их вовсе не было: католики, по мнению руководителей восстания, должны априори поддерживать восстановление католической Речи Посполитой. Очевидно, что ни о каком самоопределении белорусов как этнокультурной общности речи не шло.

В восстании в основном приняла участие молодежь, что дало повод называть его «мятежом детей»⁴⁷. Между тем именно молодое поколение крестьян не имело опыта перевода в православие и могло судить об унии лишь по рассказам старших. Православные священники Северо-Западного края до 1839 г. были в большинстве своём униатскими священниками, что также безуспешно пыталась использовать польская агитация. Авторы «Мужицкой правды» исходили из своих собственных представлений и были уверены, что такими же ценностями руководствуются и крестьяне, к которым обращены их послания. Речь Посполитая изображалась ими идеальным для крестьян государством.

«Мужицкая правда» допускала единение крестьянства с помещиками при условии, что те будут считаться с интересами простолюдинов. О российском же императоре высказывались однозначно негативные суждения. Такая расстановка акцентов противоречила собственным крестьянской среде неприятию панов и наивному монархизму, усиленному теми коррективами аграрной реформы в Северо-Западном крае, которые были произведены правительством в 1863 г.⁴⁸

Большинство современных белорусских исследователей рассматривает «Мужицкую правду» как первую декларацию самоопределения белорусов, а Калиновского — как основоположника белорусского национального движения и первого белорусского националиста

⁴⁷ Гулюк М. А. Дореволюционная историография о правительственной политике по подготовке педагогических кадров в Виленском учебном округе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 2003. Ч. I. С. 228.

⁴⁸ Панютич В. П. Историография аграрной истории Беларуси 1861–1917 гг. (исследования 1990-х годов) // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 2003. Ч. I. С. 153.

Он наделяется широким спектром достоинств. «Кастусь» и поэт (хотя известно всего лишь одно его стихотворение), и философ (хотя философских сочинений он после себя не оставил вообще), и просветитель (хотя именно он призывал к физическому уничтожению дворян, не останавливаясь даже перед убийством грудных детей). Белорусскоязычное наследие В. К. Калиновского весьма невелико. Это шесть выпусков «Мужицкой правды» (седьмой, судя по всему, был подготовлен не им), «Письмо Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской», три «Письма из-под виселицы» и два приказа, один из которых вполне мог принадлежать и другому автору⁴⁹. Его тексты, предназначенные в российские инстанции, написаны по-русски, а остальные тексты — по-польски.

Складывается впечатление, что Калиновский использовал белорусский язык исключительно в целях пропаганды среди сельского населения. То, что печатание «Мужицкой правды» было сугубо пропагандистской акцией, подтверждает параллельное издание польскоязычной газеты «Знамя свободы» («Chorągiew swobody»), участие в выпуске которой также принимал Калиновский. Газета, как и абсолютное большинство агитационных материалов того времени, рассчитана на ополяченное дворянство и горожан и имеет совершенно иное смысловое наполнение. Равноправие сословий упоминается, но допускается лишь «без ущерба для чьей-либо собственности»⁵⁰, что противоречит постулатам «Мужицкой правды». Таким образом, для более широкого распространения антирусских идей Калиновский, стремясь соответствовать ожиданиям различных социальных слоев, использовал различные, порой взаимоисключающие, призывы и разные языки.

Пропаганда повстанцев в крестьянской среде не принесла значительных результатов. Из общего количества репрессированных за участие в восстании 1863–1864 годов 22,93 % составляли крестьяне, 5,72 % — мещане, 3,32 % — представители католического духовенства, 57,8 % — дворяне, 4,57 % — шляхта, 2,8 % — однодворцы; остальные категории (православное духовенство, колонисты, купцы и прочие) составляли менее одного процента каждая⁵¹. Дворян, шляхту и однодворцев по сходству менталитета есть смысл

⁴⁹ Всё, что написал Калиновский, белорусские исследователи собрали в книге: Калиноўскі К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / Уклад., прадм., паслясл. і камент. Г. Кісялёва. Мінск, 1999.

⁵⁰ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. С. 63.

⁵¹ Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. Табл. 2.

объединить в одну шляхетскую категорию, представители которой составляли, таким образом, до двух третей повстанцев. Кроме того, часть крестьян вполне могла быть «разобранной шляхтой», которая не смогла подтвердить своих дворянских прав и оказалась записанной в податное сословие. Вряд ли менталитет этой категории лиц соответствовал крестьянскому. Скорее «разобранная шляхта» несла комплекс, сформированный обидой по отношению к российской власти. Исходя из этого процент «настоящих крестьян», т. е. людей, имевших крестьянское, а не шляхетское самосознание, следует снизить. Правда, насколько снизить, остаётся непонятным, т. к. для этого нужно проверить, были ли шляхтой крестьяне, участвующие в восстании, или их предки.

Действия повстанческих отрядов на территории Белоруссии не отличались большой активностью. Белорусские исследователи насчитывают 46 боев с русскими войсками, $\frac{2}{3}$ из которых произошли в Виленской и Гродненской губерниях — территориях с сильным польско-католическим влиянием и многочисленным этническим польским элементом⁵². На востоке Белоруссии боевых действий практически не велось, и попытки создания повстанческих отрядов были там пресечены в самом зародыше⁵³. Повстанцы использовали партизанские⁵⁴ методы борьбы, поскольку не могли противостоять регулярной русской армии. Сложность борьбы с мятежниками заключалась в неприспособленности армейских подразделений к действиям в условиях лесисто-болотистой местности. Лишь изменения в тактике после того, как администрацию Северо-Западного края возглавил М. Н. Муравьев, принесли эффект. В условиях начавшегося спада движения польский повстанческий центр вновь, после нескольких месяцев перерыва, сделал Калиновского руководителем восстания в Северо-Западном крае. Однако его энергичные действия и изобретательность уже не смогли переломить ситуации. Последние повстанческие отряды на территории Белоруссии продержались в глухих лесах до осени 1863 г. и, не имея поддержки населения, вынуждены были самораспуститься.

Чтобы склонить крестьян к антиправительственным действиям, Калиновский приказал зачитывать приказ польского пов-

⁵² Біч М. Паўстанне 1863–64 // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1997. Т. 5. С. 449.

⁵³ Миско М. В. Польское восстание 1863 года. С. 231.

⁵⁴ «Партизанские» в современном смысле слова, т. к. до революции партизанами назывались лишь армейские подразделения, действовавшие в тылу противника, поэтому на тот момент партизанские действия могли вести только армейские отряды, каковыми повстанцы не являлись.

станческого правительства, в котором им сулились бесплатные земельные наделы. Однако акция, которой придаётся большое значение в историографии, не оправдала себя: по уходе повстанцев из деревни ее жители часто возвращались к прежним надеждам⁵⁵. Крестьяне всеми силами старались уклониться от вербовки в повстанческие отряды. Далеко не всегда местное население давало требуемое повстанцами добровольно — в большинстве случаев им приходилось применять силу или угрозы. Крестьяне страдали от действий повстанцев независимо от вероисповедания. Крестьяне-католики, на которых особо рассчитывали повстанцы, при появлении их отрядов покидали свои деревни и скрывались в лесах⁵⁶. Они искали у русской военной администрации защиты от польского произвола. Показательно, что белорусские крестьяне достаточно быстро организовали вооружённые караулы для самообороны и помогали брать повстанцев в плен⁵⁷.

«Письмо Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли Польской» более явно обнаруживает политические предпочтения автора. В нём постулируется, что население Белоруссии живет на польской земле, ест польский хлеб и является поляками⁵⁸. Судя по стилистике документа и подписи Яськи-гаспадара, автором является Калиновский. Г. В. Киселёв сомневается в авторстве Калиновского на том основании, что тот не мог исповедовать артикулируемых в письме мыслей. Однако оно как раз подтверждается созвучием заключённых в письме мыслей с первыми шестью выпусками «Мужицкой правды». Например, в «первой белорусской газете» нет ни единого упоминания ни о белорусах, ни о литвинах (как сейчас пытаются назвать белорусов), но последовательно внушается, как хорошо крестьяне жили в Речи Посполитой, короли которой заботились о своих подданных. Примерно те же идеи и даже выражения можно обнаружить и в «Письме Яськи-гаспадара».

«Письмо Яськи-гаспадара» было отпечатано в варшавской типографии летом 1863 г., которым датируется и седьмой выпуск «Му-

⁵⁵ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. С. 70.

⁵⁶ Архивные материалы муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. С. 310; Миско М. В. Польское восстание 1863 года. С. 169.

⁵⁷ См., например: Талмачова С. А. Некаторыя аспекты уплыву паўстання 1863–1864 гг. на сялянскае самакіраванне на Беларусі // Германский и славянский миры: Взаимовлияние, конфликты, диалог культур (история, уроки, опыт, современность). Материалы международной научно-теоретической конференции. Витебск, 2001. С. 347.

⁵⁸ Каліноўскі К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы. С. 241–242.

жицкой правды», написанный уже не на гродненском, а на брестском диалекте. В этом последнем выпуске издания заявлена идея отличия Белоруссии от этнической Польши, чего не было в предыдущих выпусках листовки. Кроме того, отличалось от предыдущих выпусков само расположение текста на странице. На основании совокупности имеющихся особенностей можно полагать, что эту листовку готовил не Калиновский, а кто-то другой. Думается, что «Письмо Яськи-гаспадара» можно рассматривать как реакцию Калиновского на вышедшую из-под его контроля «Мужицкую правду». Центральный Национальный комитет к тому времени признал Калиновского руководителем Литвы и Белоруссии, поэтому амбициозному двадцатипятилетнему диктатору уже не было резона вступать в конфликт с варшавским руководством.

В «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли Польской» к крестьянам апеллируют не только как к бывшим униатам, но, в первую очередь, как к полякам. В условиях, когда очевидной стала неэффективность антиправославной пропаганды, пришлось взывать к «этническим корням», убеждая в том, что белорусские крестьяне — поляки. Последним белорусскоязычным произведением Калиновского стали так называемые «Письма из-под виселицы» (начало 1864 г.), в которых незадолго до казни он прощался с крестьянами, призывая их к образованию и борьбе против русских и православия.

В своей популярной книге В. В. Хурсик после знакомства с архивными документами пришел к выводу, что «избранный им (Калиновским. — А. Г.) путь кровавой борьбы со своим народом... был с самого начала тупиковым». Однако эта констатация не побуждает автора квалифицировать деятельность Калиновского как антибелорусскую, — напротив, поддерживая сложившийся стереотип, он пишет: «Если отечественную историографию лишить личности Калиновского, то нация теряет не только героя, но и своё присутствие на исторической арене в конкретный период»⁵⁹. Оценка Калиновского характерным образом переносится в идеологическую плоскость, не связанную с исторической действительностью. Тезис об универсальности Калиновского некритично принимается многими до сих пор. Автор настоящей статьи лет десять назад слышал высказывание одной из читательниц Национальной библиотеки Республики Беларусь о том, что Калиновский, оказывается, помимо

⁵⁹ Хурсік В. В. Трагедыя белай гвардыі: Беларускія дваране ў паўстанні 1863–1864 гг.: Гістарычны нарыс і спісы. 2-е выд. Мінск, 2002. С. 11.

всего прочего, неустанно боролся за искоренение нецензурной лексики в белорусском языке...

Калиновский до сих пор воспринимается в качестве белорусского национального героя. Мне сложно сказать, насколько многочисленны сторонники данного убеждения, но их немало. Отмечу, что есть те, кто критически относится к Калиновскому-белорусу. Его фигура была достаточно удобна для формирования белорусского образа в период Первой мировой войны.

Во-первых, для мобилизации этнической, социальной или иной группы нужен символ. Желательно символ из прошлого, так как ныне живущий символ может дискредитировать себя.

Во-вторых, символ должен быть «идеальным белорусом», поэтому современники символа не должны были рассказывать о нём правду. К 1916 г. участников восстания 1863–1864 гг. практически не осталось, поэтому никто не мог возразить против придуманной «белорусскости» Калиновского.

В-третьих, белорусский символ должен был иметь явную антирусскую направленность, чтобы обосновать в новой белорусской идее противодействие широко бытовавшему тогда утверждению о триединстве русской нации.

В-четвёртых, конструирование образа проходило под немецкой оккупацией, т. е. на территории, контролируемой противниками России, а Калиновский имел как раз антироссийскую направленность своей деятельности.

В-пятых, на оккупированной территории очень широко вёл свою пропаганду польский национализм, которому тоже надо было противостоять, поэтому перевод польских героев в белорусские был необходим, чтобы для обывателя застолбить образ именно белорусского героя.

Образ «белорусского героя Кастуся Калиновского» закрепился в массовом сознании только в период советской власти. Причём до сих пор Калиновский считается именно белорусским национальным героем, и доказательства обратного зачастую попросту не принимаются.

В целом же попытка создания пантеона белорусских героев (не только из Калиновского) в начале XX в. оказалась безуспешной. Видимо, белорусские националисты так и не смогли связать деятельность конкретного персонажа истории с обоснованием того, что эта деятельность была на благо суверенного белорусского народа. Потребовались специальные усилия по конструированию образа и пропаганде белорусскоязычного наследия Калиновского, чтобы национальный герой состоялся.

ЛЕХ МАЖЕВСКИ

АМНИСТИЯ 12 АПРЕЛЯ 1863 ГОДА.
ВОЗМОЖНО ЛИ БЫЛО ОБЪЕДИНЕНИЕ
РЕФОРМ ВЕЛЁПОЛЬСКОГО
С РАСКРЕПОЩЕНИЕМ КРЕСТЬЯН?

Слабость реформ Велёпольского основывалась не на отсутствии постулата о независимости, как утверждали его противники, а на неудачном решении земельного вопроса¹. Освобождение от крепостной зависимости с наделением земель (а потом и выкуп наделов) было глубоко анахроничным². В тогдашних реалиях возможна была лишь реализация программы «красных»: освобождение крестьян путем предоставления им используемой земли в собственность. Так именно поступило Временное Правительство в декретах от 22 января 1863 года, отказываясь одновременно от разжигания классового конфликта в сельских местностях³.

¹ Иначе думал об этом сам Маркиз, который представил свои взгляды на крепостное право и освобождение крестьян в: Biblioteka Ordynacji Myszkowskiej, Rok 1859, przymierek 11. Он считал «освобождение, будь то в виде принудительного дарения или принудительной продажи (..) покушением на право собственности, открывающим дорогу для дальнейших, никогда не завершающихся захватов». Кроме этого, Велёпольский утверждал, что у крестьян «страсть к земле не является страстью к собственности на неё. Наш крестьянин загорается от того, чего может достичь — арендовать землю там, где был крепостным, увеличить арендованную территорию, закрепить ее за собой».

² Социально-экономический анахронизм этого предложения связан с тем, что выкуп наделов должен был длиться до конца XIX века, превращая Царство в своего рода социальный музей в Центральной Европе, перманентно находящийся под угрозой крестьянского бунта

³ Это было встречено критикой С. Кеневича (O stanowisku w. ks. Konstantego i cara por. S. Kieniewicz // Powstanie styczniowe. Warszawa, 1983. S. 350),

Могла ли царская амнистия от 12 апреля 1863 года стать шансом на соединение реформ Велёпольского с освобождением крестьян в соответствии с программой Национального правительства? Известно, как развивались события, но думаю, что имеет смысл поразмыслить над тем, могло ли быть иначе и что бы это значило не только для процесса политической реконструкции Королевства, но и вообще для дальнейшей истории Польши.

Вокруг амнистии

Адам Скалковски писал, что Велёпольский вместе с сыном Зигмунтом уже в середине февраля 1863 года имели подготовленный проект амнистии⁴, предназначенный для великого князя Константина.

В соответствии с проектом Велёпольских⁵, амнистия должна была охватить всех тех участников повстанческих действий, которые не совершили ни одного преступления, если до 10 марта «добровольно предстанут перед ближайшими гражданскими или военными властями или перед властями места своего проживания, получают полное прощение за участие в повстанческих отрядах. Власти должны были составить протокол по каждому случаю желая воспользоваться амнистией. Далее отмечалось, что одновременно с явкой необходимо сдать оружие, которое явившийся имел при себе». И наконец: «Нынешняя амнистия не распространяется на тех, кто после того как покинул (повстанческий отряд. — Прим автора) тайно вернулись домой или укрывались в других местах».

Как видим, проект амнистии не охватывал выявленных ранее властями повстанцев, не говоря уже об осужденных или сосланных.

Поначалу царские власти откладывали с принятием решения об амнистии⁶. В начале марта наместник Царства Польского великий князь Константин Николаевич послал в Петербург некий проект амнистии, но неизвестно, насколько он охватывал ранние предложения Маркиза. Царь ответил, что в данный момент

согласно которому «мы можем сегодня сожалеть, что красные в 1863 году не встали во главе крестьян и не повели их против Поместья».

⁴ A. Skalkowski. Aleksander Wielopolski w świetle archiwów rodzinnych (1861–1871). Poznań 1947. Т. III. S. 171.

⁵ In extenso проект размещен: Ibidem. S. 372–373.

⁶ S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe. S. 448.

амнистия «вместо пользы принесла бы вред, и в ней увидели бы новую слабость правительства и как бы боязнь перед угрозами из-за границы». С этой позицией наместник согласился⁷. Великий князь вернулся к вопросу об объявлении амнистии в письме к брату от 24 марта, в котором писал, что очень рассчитывает на ее эффект, но одновременно аргументировал, что пока не настало время; однако подчеркивал, что окончательное решение по этому вопросу принадлежит царю⁸.

Из рассказа Элжбеты Боньчи Томашевской⁹, дочери Казимежа Кживицкого, преемника Маркиза на должности директора правительственной Комиссии религиозных исповеданий и общественного просвещения, следует, что на рубеже марта и апреля состоялся ночной разговор между великим князем Константином Николаевичем и ее отцом. Великий князь говорил, что Велёпольский будет уволен, после чего Кживицкий будет назначен сперва заместителем начальника гражданского правительства, а после объявления амнистии и смягчения ситуации в Царстве станет начальником гражданского правительства. И тут наместник добавил: «Действуем в соответствии с указанием, данным нам братом нашим Его величеством Александром II». Несмотря на это, поляк отказался от этого предложения. На что услышал от Константина Николаевича: «Я бы объявил, что из этих повстанцев создам польскую армию, польских улан, как некогда мой дядя Константин, и все успокоятся, пойдут за мной». На это Кживицкий прошептал: «Но ведь это переворот, я слишком мал, чтобы приложить к этому руку». Помимо этого, он не хотел оказаться нелояльным по отношению к Маркизу, которому он был благодарен за высокую должность в администрации Королевства.

В переписке между Константином Николаевичем и его братом-императором нет и следа описанных событий, что, однако, не значит, что вышеупомянутого разговора не было; из неопубликованной части дневника князя следует, что разговор этот мог состояться, вероятнее всего, 29 марта¹⁰. В это время «белые» при-

⁷ List Aleksandra II do Konstantego, 13 III 1863 r.; Konstanty do Aleksandra II, 13 III 1863 r. // Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego styczeń-sierpień 1863 r. Wrocław, 1974. S. 129.

⁸ List Konstantego do cara, 24 III 1863 r. // Ibidem. S. 153.

⁹ Дочь Кживицкого получила эту информацию от Антония Бялецкого, находившегося в дружеских отношениях с Кживицким в период Январского восстания, сообщает А. Скалковски: А. Skalkowski, Aleksander Wielopolski. T. III. S. 374–376.

¹⁰ Константин Николаевич отметил в своем дневнике, что 29 марта 1863 имел ночной разговор с Кживицким, хоть и не назвал никаких подробностей, каса-

ступали к восстанию, а конкретно в этот день просьбу об отставке написал Велёпольский. Конечно же, Константин Николаевич таким образом мог искать выход из всё более усложняющейся ситуации, но кажется маловероятным, что действовал он по указанию брата-императора.

Как бы то ни было, ночной разговор Константина Николаевича с Кживицким свидетельствует о том, какое значение придавал акту амнистии великий князь. В сочетании с другими предложениями амнистия должна была стать как бы элементом нового начала в вопросах Царства, стать существенным политическим фактом, влияющим на ход событий в Варшаве.

10 апреля наместник Царства выслал в Петербург пакет проектов: об амнистии, о манифесте, который бы напоминал полякам все милости императора, начиная с 1861, о вероятном расширении состава Государственного совета и о разработанных Маркизом проектах выкупа крепостных наделов, муниципальной реформы и сельской полиции¹¹.

В Петербурге считали амнистию не только преждевременной, но и призванной реализовать иные цели, нежели те, которые преследовал Константин Николаевич¹². Решение по этому вопросу было принято в конце первой декады апреля, а проект манифеста об амнистии срочно сформулировал генерал Павел Корф. Сразу же содержание документа было телеграфировано в Варшаву, а сам текст был объявлен 15 апреля с датой от 12 апреля¹³.

Современники прекрасно знали, почему амнистия была объявлена именно 12 апреля¹⁴. За два дня до этого России были направлены ноты трех держав (Англии, Франции и Австрии), а 17 апреля они были уже доставлены¹⁵. 24 апреля генеральный консул Франции в Варшаве писал своему министру иностранных дел, что «он (указ об амнистии) может иметь целью лишь уступить перед европейским мнением, и с этой точки зрения был бы ловким

ющихся этой встречи. Этой информацией я обязан проф. Дариушу Шпоперу, за что выражаю ему благодарность

¹¹ В письме от 10 апреля 1863 Константин Николаевич информирует царя об отправке гонца с важной посылкой: *Korespondencja namiestników*. S. 174; содержание послания описано в: S. Kieniewicz. *Powstanie styczniowe*. S. 448.

¹² S. Kieniewicz. *Powstanie styczniowe*. S. 448.

¹³ Письмо Константина Николаевича царю, 16 апреля 1863: *Korespondencja namiestników*. S. 183.

¹⁴ Понятно об этом писал царь в письме к Константину Николаевичу от 10 апреля 1863: *Ibidem.*, S. 175.

¹⁵ Больше о нотках см.: S. Kieniewicz. *Powstanie styczniowe*. S. 439–441.

ходом»¹⁶. Спустя годы Кеневич высказал точно такое же мнение: «Амнистия имела целью создать видимость, что царское правительство встало на путь мирного решения польского вопроса»¹⁷.

Не подлежит сомнению тот факт, что царская амнистия была попыткой парировать дипломатическое вмешательство держав, после которого поляки ожидали вспышки вооруженного конфликта между европейскими государствами и Россией, но разве только этот ее смысл мог привести к таким последствиям?

Амнистия от 12 апреля 1863 года

Информация об амнистии была опубликована в Варшаве в воскресенье 12 апреля в специальном дополнении к газете «Dziennik Powszechni»¹⁸.

Амнистия не распространялась на преступления, совершенные во время борьбы в партизанских отрядах, не затрагивала осужденных, сосланных и поддерживающих повстанческие действия, предполагала сравнительно длительный период — месяц, то есть до 13 мая повстанцы могли ею воспользоваться.

В сравнении с проектом Велёпольского появились две существенные новации. В первую очередь, положения указа об амнистии касались не только Королевства, но и Литвы¹⁹; во-вторых, Александр II обещал, что если существующее решение, состоящее из попытки политической реконструкции Царства «в последствиях своих будут иметь положительный опыт — приступить к дальнейшему их развитию в соответствии с требованиями времени и страны»²⁰. Юзеф Грабец, автор, связанный с Польской социалистической партией, придавал словам царя существенное

¹⁶ E. Valbezen do Edouarda Drouyn de Lhuysa. Warszawa, 24 IV 1863 r. // Raporty polityczne konsulów generalnych Francji w Warszawie (1860–1864). Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965.

¹⁷ S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe. S. 448.

¹⁸ Также краковский «Czas» издал чрезвычайное приложение (14. IV. 1863. Nr 4), в котором не только опубликовал новость об амнистии, но и информацию о дипломатических нотах западных государств. Кроме того, в редакционном комментарии говорилось о тесной связи между этими двумя фактами.

¹⁹ Александр II проинформировал об этом в депеше от 10 апреля 1863 г.: Kore-spondencja namiestników. S. 175.

²⁰ А. Скалковски считает, что «этого заявления без сомнения добился маркиз, своими усилиями и всем своим сохраняющимся еще давлением», хотя времена, когда он был у руля Царства, уже прошли (A. Skalkowski. Aleksander Wielopolski. T. III. S. 175).

значение: «Одно было важно — торжественное обещание сохранения и дальнейшего развития институций, коими было наделено Царство»²¹.

Что было действительно важным в акте амнистии? В первую очередь, распространение его постановлений на Королевство, как и литовские губернии, помимо этого существование царской гарантии не только сохранения институциональных приобретений (и возможность их расширения в будущем), а также сравнительно долгий период, в течение которого можно было бы воспользоваться амнистией. Одним словом, польская сторона получила месяц на обдумывание позиции, которую она займет в отношении российского предложения о завершении борьбы и сохранении — и даже расширении — сферы политической реконструкции Королевства Польского.

Спустя три месяца после восстания должно было быть уже ясным, что крестьянский вопрос невозможно решить путем предоставления земли в аренду и выкупа этой аренды, но лишь на основе декрета Временного Национального Правительства о раскрепощении крестьян. Здесь победа «красных» не подлежала сомнению²², неясно было лишь то, из чьих рук крестьянин получит в собственность используемую землю. Иначе говоря, усилит ли общественная победа «красных» русское господство над Вислой или станет очередным элементом, усиливающим процесс политической реконструкции Царства?

Позиция поляков в отношении царской амнистии

Принятие польской стороной царской амнистии позволило бы объединить реформы Велёпольского (с возможностью их расширения) с раскрепощением крестьян, превращая Царство в бастион польскости на землях бывшей Речи Посполитой. Какую позицию в этой ситуации заняли поляки?

12 апреля 1863 года, то есть сразу же после объявления указа Александра II об амнистии, конспиративное Национальное Пра-

²¹ J. Grabiec. Ostatni szlachcic. Warszawa-Kraków, 1924. Т. II, S. 295.

²² Победа программы освобождения крестьян (а не наделения их землей за выкуп) и выкупа наделов означала, что пошатнулось доминирующее положение предыдущих владельцев, что сближало бы ситуацию Царства и революционной Франции, а не Пруссии, соединяющей экономическую модернизацию с сохранением общественного преобладания юнкеров. В случае победы программы наделения землей этого бы не произошло.

вительство, остающееся еще в то время под влиянием «красных», хоть и с определенным участием «белых» политиков, отвергло *en bloc* все эти предложения: «Мы начали борьбу не для приобретения более или менее свободных институций, которые при московском правительстве никогда не представляются гарантируемыми, а для того, чтобы сбросить с себя ненавистное нам ярмо, для отвоевания полной независимости и свободы». Кроме этого заявлялось: «Народ проливает кровь, потому что хочет политического бунта, потому что хочет независимости, хочет быть самобытным народом. (...) Долой царскую любезность, мы взяли за оружие, только оружие разрешит наш спор с Москвой»²³. Вышеупомянутая позиция была утверждена в Манифесте об отказе от амнистии от 13 мая: ошибочно там указано, что «ни один поляк не сдал оружия»²⁴.

Позиция подпольных властей государства не вызвала сомнений: и речи быть не может о том, чтобы воспользоваться царской амнистией²⁵, потому что не для этого была начата вооруженная борьба с Россией. Аналогичным образом писалось на страницах повстанческой прессы²⁶. Историк — современник Январского восстания — также говорит: «Это были правильные лозунги»²⁷.

Не все, однако, разделяли взгляды повстанческих властей в вопросе об амнистии. Более того, Я. Грабец считал, что «если бы у руля восстания встали его творцы — красные, с тактической точки зрения, это облегчило бы выход из невероятно сложной ситуации. (...) теперь могли бы достойно завершить протест

²³ Komitet Centralny jako Rząd Narodowy, 12.04.1863 // Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu Narodowego 1862–1864. Wrocław, 1968, S. 99.

²⁴ *Ibidem*. S. 117. В. Пжиборовски (Dzieje 1863 roku. Kraków, 1898. T. II. S. 451) писал, что некоторые повстанцы воспользовались амнистией, «но они не были многочисленны и не были столь значительны, чтобы это изменило общий характер позиции по амнистии, занятой народом».

²⁵ Ш. Фелиньски (Pamiętniki. Warszawa, 1986. S. 599) вспоминал, что аналогичный взгляд доминировал среди повстанцев: «Каждый, кто столкнулся с польской молодежью, будь то в лагерях или на патриотических собраниях, вынужден был признать, что она была охвачена лихорадочным безумием жертвенности, что ничто разумное не в состоянии было ни остудить, ни сдержать ее. Только кровопускание, причем обильное, могло усмирить и вернуть трезвость мысли».

²⁶ См. например: Strażnica. Nr 3, 13.04.1863 // Prasa tajna z lat 1861–1864. Wrocław, 1966. Cz. 1. S. 105–106; Prawda. Nr 2, 29.04.1863 // Prasa tajna z lat 1861–1864. Wrocław, 1969. Cz. 2. S. 26.

²⁷ S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe. S. 461.

и позволить себе реформы»²⁸. Но мне не кажется, что так действительно могло быть. Осенью 1862 года Стефан Бобровский, наиболее выдающийся деятель «красных», говорил: «Поднимая восстание, к которому мы ведем подготовку, мы исполняем нашу обязанность и уверены, что для подавления нашего движения Россия не только уничтожит страну, но и будет вынуждена пролить реку польской крови; эта река на долгие годы станет преградой для любого компромисса с захватчиками нашей страны, и мы не думаем, чтобы даже через полвека польский народ забыл эту кровь и протянул руку неприятелю, который эту реку наполнил польской кровью»²⁹.

Позиция «белых» в вопросе амнистии вытекала из их расчетов на эффективную помощь западных государств борьбе с Россией. Правильно заметил Кеневич, что «белые полностью отвернулись бы от восстания, если бы не прогресс дипломатического вмешательства»³⁰.

Полный воодушевления Францишек Венгленский писал 13 апреля лидеру Отеля Ламберт: «Этот Манифест (акт амнистии) имеет характер и последствия месячного прекращения огня. (...) Весь этот месяц даже без большого усилия можно переждать в условиях перемирия, а потом и благоприятная пора и более упорядоченные силы позволят какое-то время противостоять русской армии». Помимо этого, помощник Анджея Замойского считал, что до конца апреля появятся новые царские уступки, и советовал: стоит ли складывать оружие, если нам отдадут «институции 1815 года», или «возможно стоит ожидать большего, а тогда дальнейшее сопротивление было бы выгодным и необходимым»³¹.

Аналогичным образом в отношении акта амнистии повела себя редакция консервативного «Czas»³². Станислав Козьян,

²⁸ J. Grabiec. Ostatni szlachcic. S. 292.

²⁹ Цит. по: A. Wrotnowski. Porozbiorowe aspiracje polityczna narodu polskiego. Kraków, 1898. S. 335. Спустя годы похожим образом оценивал Январское восстание П. Попель (Pamiętniki Pawła Popiela. Kraków, 1927. S. 68): «Движение в 1863 году не было восстанием, это не была революция, это было отчаянное кровопролитие, чтобы раны раздела сохранить кровотоками».

³⁰ S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe. S. 450.

³¹ Memoriał z 13. IV. 1863 r. adresowany do W. Czartoryskiego: Цит. по: Ibidem. S. 452.

³² К. Ольшански писал: «С первых дней января (1863) Czas полностью перешел на повстанческие позиции в качестве верного представителя вооруженной борьбы в Царстве Польском» (К. Olszański. Krakowski «Czas» wobec powstania styczniowego // Kraków w powstaniu styczniowym. Kraków, 1968. S. 198).

исполнявший функции политического редактора этого издания, спустя годы вспоминал: «Амнистия уничтожала один из важных аргументов, которые выступали в поддержку восстания — отсутствие иного выхода, кроме перспективы, которые давало вмешательство держав (...) ее принятие не только воспрепятствует жестокой репрессии, но и спасет национальные институты, а с ними и народный быт Королевства Польского, о чем обещалось в манифесте». А ведь редактор «Czas» не задумываясь выступил за отказ от амнистии, несмотря на то, что это был единственный момент после начала войн, когда от решения самих поляков что-либо зависело. Почему он так поступил? «Если бы я был, не скажу — старше, но более рафинированным, если бы уже прошел через жесткий опыт 1863 года, не утверждаю, что в этом случае и в этих обстоятельствах поступил бы иначе. А ведь последствия были прискорбными. (...) Фатальность хотела, чтобы две вышеуказанные новости (речь идет о царской амнистии и о западном вмешательстве в Петербурге в связи с польским вопросом. — *Л. М.*) дошли в течение нескольких часов, чтобы последняя не запоздала на несколько десятков часов³³. Эта фатальность была только радикальным выражением последствий главной ошибки восстания и ошибки поддержки его нами в надежде на внешнюю эффективную помощь»³⁴.

Весьма точно спустя годы всю ситуацию подытожил Казимеж Ольшаньский: «Наиболее разумно поступила бы редакция (Czas), если бы не спешила занять позицию по вопросу указа об амнистии, а заняла бы выжидательную позицию, сохраняя тем самым польские козыри в начинающихся дипломатических играх»³⁵.

С определенным огорчением можно подытожить, что реакция «белых» на царскую амнистию имела мало общего с поведением, характерным для кругов правых консерваторов. Решение не только было принято в ненужной спешке, но и без необходимого учета польского интереса. Возможно, в очередной раз «белые» уступили повстанческому шантажу «красных»?³⁶ Этого нельзя

³³ Ibidem. S. 264, przyp. 5. Последовательность получения депеш в действительности была обратной, то есть сначала была получена депеша об амнистии, а потом о нотах держав. Так что вышеупомянутое сообщение было сильно драматизировано.

³⁴ S. Koźmian. Rzecz o roku 1863. Kraków, 1894. T. I. S. 113, 117.

³⁵ K. Olszański. Krakowski... S. 265.

³⁶ Действительно такое было в ходе разговора, который состоялся между Анджеем Замојским и великим князем Константином Николаевичем в Варшаве 6 сентября 1862 года. В ходе разговора поляку было предложено войти в правительство

исключать. А может речь шла о зависимости лидеров Отеля Ламберт от политики во Франции? Это тоже весьма вероятно.

Удивительным было также то, что никто из матадоров польской политики не был в состоянии понять, что принятие указа об амнистии предоставляло неповторимый шанс объединить реформы Велёпольского (и даже их расширить) с программой «красных» по крестьянскому вопросу, несмотря даже на то, что «белые», вступая в восстание, одобрили ее³⁷. В результате освободилось место для действий управляющего Комитета по делам Царства Польского, который весной следующего года в интересах русских осуществит раскрепощение крестьян³⁸, причем одновременно будет проводиться ликвидация политических приобретений Маркиза³⁹.

Князь Владислав Чарторыски и Наполеон III об очередной амнистии

Организованное и руководимое «красными» восстание после трех месяцев борьбы явно угасло. В это же время, однако, усиливается дипломатическое давление европейских держав на Россию, и главную роль тут играл Наполеон III. В этой ситуации «белые» принимают решение вступить в восстание с целью придать ему

и, по крайней мере, оказать ему моральную поддержку, на что был дан ответ, что страну может успокоить лишь присоединение к ней Литвы и Руси и придание ей конституционных институций (S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe. S. 256). После высылки из России князь Владислав Чарторыски встретился в Париже с лидером «белых» и попросил его «решительно заявить и выступить против восстания»: «Пан Анджей следующими словами красочно отказал мне: «В каждой машине должно быть безумное колесо, иначе машина остановится». С этого момента я больше не разговаривал с ним о политике» (W. Czartoryski. Pamiętniki 1860–1864. Warszawa, 1960. S. 111). И правильно.

³⁷ В. Пжиборовский (Dzieje 1863 roku. S. 448) писал: «В этом общем изумлении (...) любой голос, выступающий за амнистию, был голосом вопиющего в пустыне и даже, по правде говоря, таких голосов и вовсе не было».

³⁸ Такое могло бы быть в случае принятия программы наделения крестьян землей за выкуп. Александр Киреев, адъютант великого князя Константина Николаевича, отметил в своем дневнике: «Слава Богу! Я обрадовался этой новости, как редко чему еще; главная гарантия нашего правления, нашего существования определена, как и надлежит». Цит. по: H. Głębocki. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000. S. 206.

³⁹ См. также: G. Smyk. Demontaż reform Wielopolskiego na tle przemian ustroju Królestwa Polskiego po upadku powstania styczniowego.

характер вооруженной манифестации в ожидании скорейшего вмешательства Запада. Пламя восстания вновь запылало, но все закончилось дипломатическими нотами. Только Маркиз, когда слышал заверения соратников Замоиского о скором вмешательстве держав, спрашивал: «Не прибыл ли уже англо-французский флот под Ченстохову?»⁴⁰

Весной 1864 года, то есть через год после издания царем указа об амнистии, продолжают усилия польской стороны по соглашению России на новую амнистию. В ситуации очевидного провала восстания ничего иного уже сделать нельзя.

18 апреля 1864 года Наполеон III принял князя Чарторыского, чтобы заявить ему о том, что пора бы завершить восстание, в поддержании которого он принимал существенное участие. Французский император говорил: «Существующее положение дел плохо, ты должен сказать правду своим землякам. Сейчас нет никакой надежды и для вас». На это лидер Отеля Ламберт спросил: «Если нельзя спасти страну, то, по крайней мере, можно спасти людей. (...) Не можно ли получить настоящую амнистию». «Но вы всегда так неудачно и не вовремя рветесь к оружию», — отвечал французский монарх. И тут отвечает князь: «Что до нынешнего восстания, император тоже знает, кто нам советовал продолжать и расширять движение, вместо того, чтобы погасить (...) Разговор завершился кисло»⁴¹. Действительно, разговаривать было не о чем.

Как бы выглядело Царство после принятия амнистии?

В заключение стоит попытаться ответить на вопрос, как бы выглядела ситуация в Царстве Польском и вокруг него, если бы польская сторона приняла бы царский указ об амнистии.

Описывая вопрос об освобождении крестьян, Владзимеж Спасович размышлял: «Не слишком ли дорого куплен этот, хоть и важный, социальный результат: расширение основ общественного строительства за счет освобождения земледельцев? — Нет, не дорого, даже с учетом кровопролития из-за восстания, всех потерянных позиций из-за национальности, в результате восстания,

⁴⁰ A. Skalkowski. Aleksander Wielopolski. S. 164.

⁴¹ W. Czartoryski. Pamiętniki 1860–1864. S. 199, 200. Кеневич, цитируя этот фрагмент воспоминаний лидера Отеля Ламберт, полностью упустил вопрос об амнистии (S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe. S. 728).

и что хуже — даже этой неразберихи в понятиях о собственности и о позиции народа против правительства, которое должно было сформироваться после остро проведенных реформ»⁴². Но следует добавить и то, что если бы это проводила польская администрация Царства, а не Управляющий комитет (а так стало бы в случае принятия амнистии), то цена раскрепощения не была бы столь велика, как это было в действительности.

Результатом раскрепощения крестьян было ускорение прокапиталистических изменений в Царстве, потому что таким образом наконец-то был создан емкий внутренний рынок для продукции отечественной промышленности, чего не было в 1815–1830 годах, когда князем Ксаверием Друцким-Любецким была предпринята попытка полной модернизации страны⁴³.

Освобождение крепостных стало бы также основой для создания партии тех, кто сохранил малую и большую собственность, характеризующейся политическим реализмом. Иначе не могло бы быть, учитывая обстоятельства, в каких был разрешен земельный вопрос в Царстве. Одним словом, с польской шляхтой был бы польский народ, вместе трезво смотрящий на общественные вопросы.

Принятие амнистии — это не только возможность разрешения земельного вопроса самими поляками, но также и сохранение институциональных приобретений в рамках осуществляемой политической реконструкции Царства Польского. В указе об амнистии содержалось также царское обещание расширить реформы Велёпольского за счет дальнейших уступок.

Нельзя определить, куда мог бы нас завести процесс политической реконструкции Царства, начатый реформами Маркиза в 1861–1862 годах. Очевидно одно: был заложен фундамент под строительство польского бастиона в центре земель бывшей Речи Посполитой. Дальнейшие перемены в большей степени зависели от европейской конъюнктуры и ситуации в самой России.

Мы часто забываем, что политической реконструкции Царства сопутствовали похожие перемены в соседней Галиции. Правильно подчеркивал Станислав Гродзиский: «В Галиции жива была память о январском восстании и его крахе; последствия поражения, хоть не так болезненно, как в Царстве, переживались глубоко. Они потянули за собой ослабление радикальной

⁴² W. Spasowicz. Literacki i polityczny spadek po A. Wielopolski. Poznań, 1880, S. 84.

⁴³ L. Mażewski. Rzeczypospolita jeden i pół. O narodzinach, istnieniu i upadku państwa polskiego w latach 1806–1831. Warszawa, 2011. S. 110–117.

ориентации, привели к кристаллизации взглядов, провозглашаемых краковскими «станчиками», о том, что безответственные конспиративные действия (*liberum conspiro*) приносят ужасные поражения национальному вопросу»⁴⁴.

Наконец, территория, находившаяся под австрийской оккупацией, получила автономную институцию⁴⁵. Стоит отметить, что в какой-то мере это произошло благодаря стараниям тех политиков, которые в период Январского восстания выступали против реформ Маркиза, критикуя их половинчатость. Я имею в виду, например, С. Козьмяна, Станислава Тарновского⁴⁶ или Юзефа Шуйского, то есть лидеров формирующейся тогда партии краковских консерваторов, обычно называемых «станчиками».

Сохранение реконструированного Царства, не говоря об установлении автономии в Галиции, имело бы существенное влияние также на ситуацию на двух оставшихся территориях, находящихся под оккупацией. Значительно труднее было бы осуществить антипольские действия в Пруссии или литовско-русских губерниях, если бы из Варшавы могли противостоять лидеры польского мнения, поддерживаемые солидарной активностью Кракова и Львова.

И, наконец, в завершение стоит заметить, что в 1863 году продолжалось длящееся уже несколько лет францужско-русское сближение. Плодами его были реформы Велёпольского, которые положили начало постепенной трансформации польского вопроса на европейской арене. Было похоже на то, что Царство Польское станет автономным политическим явлением в системе русско-французского союза, имеющим возможность определено влиять на европейскую политику и, занимая прорусскую и профранцузскую позицию, стать привлекательным центром для захваченных Пруссией и Австрией территорий⁴⁷. Все это было разрушено

⁴⁴ S. Grodziski, Walka o wyodrębnienie Galicji (1868–1873), «Czasopismo Prawno-Historyczne», 1985, z. 1, S. 63.

⁴⁵ По теме автономии Галиции существует обширная литература: из новых работ см J. Goclon, Statut Krajowy Galicji z 1861 r., (w:) Konstytucje polskie, M. Kallas (red.), Warszawa 1990. T. I, S. 383–435.

⁴⁶ Много информации по этой теме предоставляет S. Kieniewicz, Powstanie styczniowe..., passim.

⁴⁷ К. Прушиньски спустя много лет намекал, что Велёпольский мог исходить из того, что русско-французский союз приведет к войнам с немецкими государствами: «Предвидел ли, что из тех войн Австрия выйдет разбитой, а Пруссия раскроенной на польские области? Это очень логичная гипотеза. Другой, более удачливый русско-французский союз привел к этому спустя не-

вспышкой Январского восстания. Это восстание перечеркнуло возможность польско-русского примирения, низвергло француско-русский союз и, будучи беспощадно использовано Отто фон Бисмарком, дало Пруссии исторический шанс объединения Германии, благодаря чему она получила гегемонию над Центральной Европой и стремились к доминированию в Европе в целом.

Похоже думал Спасович: «Не посчитаны последствия, к которым привела бы автономия Царства с соответственно уже готовыми уступками в пользу польского элемента на литовских и русских землях бывшей Польши, развивающаяся в союзе с движением либеральных реформ внутри империи. Абсолютно другим был бы внутренний строй отношений, другой должна была бы быть и внешняя политика, польская привязанность к Франции и конституционной Австрии отразилась бы на России. Не смею утверждать, что не было бы Садовой и Седана, но, по крайней мере, Пруссия не могла бы иметь той свободы действий, которая сделала возможным осаду Парижа и Версальский мир, но и новая Восточная война, в случае успеха, протекала бы без преобладающих в ней свойств московского славянофильства, которое раскчалось после пробуждения в 1863 году национальных страстей в ходе подавления польского восстания»⁴⁸.

Таким образом, принятие указа об амнистии привело бы к тому, что вторая половина XIX века могла бы выглядеть для Польши совсем по-другому, нежели это было в действительности. Возможно также, что дорога к возрождению польского государства подверглась бы значительному сокращению. Если в этот период было осуществлено объединение Италии, а Венгрия стала партнером Австрии в рамках дуалистической монархии Габсбургов, то почему и польское государство не должно было бы возродиться в той или иной форме? Могло бы так быть, но нет никакой уверенности, что так было бы.

Возможно ли было объединение реформ Велёпольского с освобождением крестьян?

Теоретически возможно было объединение реформ Велёпольского с освобождением крестьян на принципах, предложенных

сколько десятков лет» (К. Pruszyński. Margrabia Wielopolski, Warszawa 1957, S. 143).

⁴⁸ W. Spasowicz. Literacki... S. 114.

в январских декретах Временного Национального Правительства. Достаточно было бы лишь принять царский указ об амнистии от 12 апреля, чтобы так произошло. Но на практике это было неисполнимо. На польской стороне не было никого, кто хотел бы довести дело до принятия амнистии и завершения восстания. «Красные» были не в состоянии из-за своей фанатичной антирусскости, «белые», в свою очередь, были зависимы от мысли о военном вторжении западных государств, были не в состоянии осознать шанс, который им давал акт амнистии.

Оглядываясь назад, можно утверждать, что, отказываясь от амнистии, мы не только потеряли возможность предотвратить бедствия, которые свалились на Польшу, оккупированную Россией и Пруссией во второй половине XIX века, но и, возможно, растянули дорогу к возрождению независимого государства.

Перевод с польского Марины Брутян

ДИАКОН ГОРДЕЙ ЩЕГЛОВ

ЖЕРТВЫ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

1863–1864 ГОДОВ

В начале 1863 г. на территории Царства Польского вспыхнуло национально-шляхетское восстание, охватившее затем частично территории Белоруссии, Литвы, Украины. Не имея достаточно сил и избегая открытых столкновений с русскими военными командами, отряды повстанцев действовали в основном методами партизанской войны. Между тем руководители восстания всячески старались привлечь на свою сторону простой народ — то заигрывая с ним и суля разные льготы, то запугивая и открыто угрожая расправой. Однако народ не только не сочувствовал восстанию, но с каждым днем все более проникался ненавистью к повстанцам, видя многочисленные злодеяния, совершаемые ими. Сотни ни в чем не повинных людей были убиты, искалечены, и часто с изуверской жестокостью. Среди убитых повстанцами мирных жителей оказались поляки, русские, евреи, иностранцы, католики и православные, люди самых различных званий, профессий и положения. Их вешали, стреляли, забивали до смерти. Повстанцы грабили местечки, деревни, разоряли и поджигали церкви, жгли дома и целые поселения. Одним словом, принесли в край кровавую смуту.

Сколько именно мирных жителей погибло от рук повстанцев с достоверностью установить трудно. Например, по данным «Московских Ведомостей» на 19 сентября 1863 г., количество повешенных достигало 750 человек¹. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона указывает число повешенных пов-

¹ Московские Ведомости. 1863. № 213. С. 2.

станциями около 2000, оговариваясь, впрочем, что цифра неточная и спорная.

Приведем некоторые факты расправ над мирными жителями, в том числе и наиболее вопиющие.

В Вильнюсе в Пречистенском соборе сохранились установленные еще в XIX в. памятные доски с 349-ю именами жертв восстания 1863–1864 гг. Возглавляют список имена православных священников Даниила Конопасевича, Романа Рапацкого и Константина Прокоповича. Начнем с них наш краткий мартиролог и мы.

Священник Даниил Конопасевич служил в местечке Богушевичи Игуменского уезда Минской губернии. 18 апреля 1863 г. группа повстанцев во главе с местным помещиком-поляком Болеславом Свенторжецким явилась в богушевичское волостное правление. В присутствии нескольких крестьян Свенторжецкий «прочитал польский манифест и объявил крестьянам, чтобы они не платили никаких податей, не давали рекрут, и что землю отдает им в дар», заверив при этом, что все книги и бумаги в богушевичской канцелярии уничтожены². В это же время повстанцы устроили обыск в доме отца Даниила, разыскивая его, но не нашли, так как священник отсутствовал. В тот же день повстанцы уехали из Богушевич.

Вернувшись домой и узнав о случившемся, отец Даниил немедленно отправился в волостное правление, где нашел на полу разорванный портрет императора Александра II, а на столе — пачку прокламаций, в которых объявлялось о восстановлении Польши и ее прав, объявлялись льготы крестьянам и звучало воззвание к русским «хлопам» вступить в число граждан будущего польского королевства. Недолго думая отец Даниил собрал прокламации, порвал их и бросил в топившуюся печь, а разорванный портрет государя забрал домой.

9 мая под селом Юревичи, недалеко от Богушевич, произошло сражение русских военных с повстанческим отрядом Лясковского. На другой день после сражения военные позвали отца Даниила исповедать и причастить раненых и отпеть павших воинов.

В это время посылаемые за припасами члены отряда Лясковского доложили ему, что «священник Конопасевич разъезжает с казаками и уговаривает крестьян преследовать мятежников». Тогда Ляковский созвал штаб, на совете которого отца Даниила приговорили к смертной казни.

² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 16. об.

Прослышав, что повстанцы хотят расправиться с отцом Даниилом, управляющий имением Малиновский стал настоятельно советовать ему уехать из Богушевич в Бобруйскую крепость, но отец Даниил решил не оставлять паству в смутное время. По свидетельству родных, страха смерти у него не было. Происходившие тогда события, видимо, подготавливали его к принятию любой ситуации. Незадолго до смерти отец Даниил отправился к соседнему священнику и, исповедовавшись у него и причастившись, радостный вернулся домой со словами: «Вот я уже теперь совсем готов — причастился»³.

Для расправы над богушевичским священником Лясковский отправил отряд из 40 человек во главе со шляхтичем Альбином Тельшевским.

23 мая 1863 г. около шести часов вечера повстанцы окружили дом Конопасевичей с требованием, чтобы кто-нибудь вышел. Отец Даниил вышел с супругой на черное крыльцо, но повстанцы не сразу поняли, что перед ними священнослужитель, и спросили, где «ксендз», разумея под этим словом «священник». Дело в том, что отец Даниил хотя и носил, как священник, длинные волосы, был одет не в подрясник или рясу, а так, как обычно ходил дома — в старое семинарское пальто. На вопрос повстанцев он ответил: «Я и есть священник. Что вам нужно от меня?» Тогда к отцу Даниилу подступил шляхтич Тельшевский и направил в грудь револьвер, но супруга оттолкнула оружие. Повстанцы тут же втолкнули ее и выбежавшего на шум ребенка в кухню и подперли дверь. Несчастливая женщина в истерике металась по дому, пока не упала в обморок. Она впоследствии рассказывала, что, когда отца Даниила схватили, он не издал ни звука. Еще она слышала, как кто-то крикнул: «Веревки!», а что было после, не помнила.

Схватив священника, повстанцы вывели его на середину двора: Тельшевский зачитал постановление штаба и приказал повесить. Когда отец Даниил что-то возразил, его с бранными словами схватили за волосы, накинули на шею веревку и повесили тут же на воротах.

Когда супруга священника пришла в себя и вышла на улицу (двери дома уже были отперты), то увидела повешенного мужа.

³ Конопасевич А. Воспоминания о жизни и мученической кончине в 1863 году священника Богушевичской Крестовоздвиженской церкви Минской губернии Даниила Стефановича Конопасевича, записанные сыном его, Алексеем Конопасевичем, 15-го ноября 1908 года со слов очевидицы его смерти, жены его, Елены Ивановны // Минские епархиальные ведомости. 1909. № 1. С. 18.

Рядом с ним, обняв ноги, сидел плачущий старик — «дед Иван», работавший в доме паробком. Он ничего не знал о расправе, пока не привел с выгона скотину, и, потрясенный увиденным, горько оплакивал любимого батюшку. Из людей вокруг никого больше не было. Жители Богушевич, узнав, что в местечко вошли повстанцы, попрятались и боялись даже показаться на улицу.

Когда дед Иван стал снимать отца Даниила, тотчас прибежали повстанцы, бражничавшие неподалеку в корчме, и с угрозами запретили снимать повешенного, чтобы тело его висело подольше на устрашение всем русским, противящимся «польскому делу». И только после отъезда их из Богушевич тело отца Даниила сняли, омыли и положили в доме, как подобало умершему.

Для погребения мученика в Богушевичи к вечеру 25 мая прибыли священники Роман Пастернацкий, Иоанн Шафалович и Порфирий Ральцевич с псаломщиком. Из опасения попасть в руки к повстанцам им пришлось переодеться в крестьянскую одежду и даже обрезать волосы. В тот же вечер в Богушевичи пришли русские пехотинцы и казаки. Благодаря военным священники смогли безопасно совершить погребение. Из дома на церковный погост гроб мученика несли русские солдаты. Похоронили отца Даниила при фундаменте местной приходской церкви, сгоревшей при невыясненных обстоятельствах в 1862 г.⁴

Другой священник, убитый повстанцами, — Константин Прокопович — служил настоятелем церкви заштатного города Суража Белостокского уезда Гродненской губернии. В дни восстания священника предупреждали, что повстанцы хотят убить его. Причиной было, по свидетельству его сына Льва, то, что отец Константин «принимал к себе войска, проходившие для стычек с мятежниками»⁵. За неделю до праздника Троицы действовавший близ Суража повстанческий отряд разбила рота русских солдат, и после боя офицеры были радушно приняты и угощены в доме Прокоповича. После этого повстанцы, подстрекаемые ксендзами Крынским и Моравским, с ненавистью стали смотреть на священника Константина, посмеявшего «принимать и угощать «пшеклентых москалей»⁶.

⁴ Подробно см.: Щеглов Г. Э. Год 1863. Забытые страницы. 2-е изд., доп. Минск, 2007.

⁵ Страдания православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 11. С. 379.

⁶ Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 27. С. 277.

Ночью с 22 на 23 мая 1863 г. повстанцы через окно вторглись в дом Прокоповича и стали искать его, однако священник успел укрыться на конюшне. Бандиты «дубинами и прикладами» избили жену, 17-летнюю дочь и 16-летнего сына Льва — ученика Литовской духовной семинарии, угрожая повесить. Перепуганный юноша с веревкой на шее причитал: «Боже мой! Боже мой!» Но повстанцы с насмешками и ругательствами издевались: «Какой твой Бог? Какая твоя вера? Твоя вера — собачья, схизматическая ... Подлец, собачья твоя кровь...»⁷.

Найдя отца Константина, повстанцы бросились к нему, вытащили на двор, «рвали волосы на голове и из бороды, нанесли более 100 ударов ружьями и кольями, толкали во все стороны, бросали на землю и топтали его ногами; потом один изверг выстрелом еще и ранил его в бок». Наконец, еле живого, окровавленного, истерзанного священника «повесили на тополе в пяти шагах от дома»⁸.

Когда перед смертью отец Константин просил дать ему помолиться, повстанцы с издевкой говорили: «Какой твой Бог? Вы ни что иное, как собаки, ваша вера тоже собачья, русская; ваш Бог — русский». При этом его не переставали бить, не давая выговорить и слова, и все время кричали: «Молчи!» Уже с веревкой на шее страдалец успел лишь сказать: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»⁹. Палачи издевались над священником и после его смерти. Приведя сына к трупу отца, говорили: «Видишь, отец твой висит, как собака; то же и с тобой будет». Повстанцы избили юношу, затем ограбили дом и, уходя, стали выкрикивать: «Теперь у нас не будет схизматиков; теперь у нас настоящая Польша»¹⁰.

По свидетельству сына, главным вдохновителем убийства отца Константина был ксендз Моравский. А вообще в расправе участвовало около 100 человек, среди которых находились и жители Суража — католики¹¹.

Спустя пять лет после мученической кончины священника Константина, при устройстве на могиле памятника, был вскрыт гроб. Вот как описывал виденное священник Иоанн Котович: «Гроб сосновый, покрашенный голубой краской. Краска на гробе

⁷ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 11. С. 379.

⁸ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 27. С. 277.

⁹ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 11. С. 380.

¹⁰ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 27. С. 278.

¹¹ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 444.

клеевая, несмотря на низменное место и сырость, постоянно под-держиваемую льющей с церковной крыши водой, сохранилась в целости, не полинявшей. <...> Руки, крест, ризы и все в гробе покрыто нежной синевою, какая бывает на сливах (плодах); тело нетленное, желтоватое; на голове плешь от вырванных волос, сделанная мучителями — мятежниками»¹². Как видим, тело священника было обнаружено нетленным, что бесспорно свидетельствует о его святости, как мученика за веру.

Другой священник-мученик — иерей Роман Рапацкий — служил настоятелем в селе Котры Пружанского уезда Гродненской губернии. Еще в начале 1863 г. его предупреждали об опасности и советовали куда-нибудь уехать с семейством, но отец Роман не пожелал оставлять прихожан. Он, кажется, предчувствовал кончину — 3 июля, уходя на сенокос, много молился и взял с собой молитвослов. А вечером его схватили повстанцы и подвергли издевательствам: предлагали водку и папиросу перед смертью. Когда отец Роман стал просить о позволении проститься с женой и детьми, ему отказали. Повесили священника на груше, затем один из повстанцев выстрелил ему в грудь¹³. Вместе с отцом Романом на груше повесили и местного крестьянина Константина Шведа за то, что он открыто осуждал восстание и сообщал властям о местонахождении отрядов¹⁴. Тело отца Романа висело на дереве три дня, так как испуганные крестьяне боялись запрета повстанцев снимать его. И только прибывшие священники сняли тело страдальца и погребли. Жил отец Роман в такой бедности, что в доме не нашлось даже средств на похороны. Доски на гроб привез священник соседней церкви, а собравшиеся на погребение люди вскладчину покрыли остальные расходы. «Никогда в жизни не забудем часов погребения страдальца, — вспоминал очевидец. — Каждая минута была горестна, но душа наша была преисполнена чего-то неземного. Не страх и трепет волновал душу нашу, но веял какой-то дух жизни, проявлявшийся в слезах и неземных размышлениях...»¹⁵.

От рук повстанцев пострадал псаломщик Крестовоздвиженской церкви села Святая Воля Пинского уезда Минской губернии Федор Яковлевич Юзефович. Хорошо зная местность, он

¹² Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 27. С. 280.

¹³ События 1863 года. Далекое и близкое... // Гродненские епархиальные ведомости. 1993. № 5. С. 6.

¹⁴ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 27. С. 282.

¹⁵ Памяти графа М. Н. Муравьева, усмирителя польского мятежа в 1863 г. и восстановителя русской народности и Православной Церкви в Северо-Западном крае России. Вильно, 1898. С. 33–34.

сообщал представителям власти, где скрываются повстанческие отряды. А однажды сам догнал и отнял у некоего пана Кобылинского порох и провизию, предназначавшуюся для повстанцев. Узнав о таких действиях Юзефовича, повстанцы решили расправиться с ним.

Все произошло в деревне Гать, где находились усадьба священника и дом псаломщика. Утром 1 июня 1863 г. в дом Юзефовича пришли два неизвестных человека и, сказавшись путниками, попросили поесть. Сам Феодор Яковлевич в это время находился где-то на огородах. Жена его приняла незнакомцев и приготовила угощение. За едой «странники» завели разговор с отцом Феодора, заштатным священником Яковом Юзефовичем, проживавшим в доме сына. Во время беседы хозяйка заметила, что эти люди «не здешней стороны», и, заподозрив в них повстанцев, послала за мужем.

Узнав о подозрениях супруги и, видимо, почувствовав недоброе, Феодор Яковлевич, прежде чем идти домой, зашел к соседу-крестьянину, чтобы с его помощью при необходимости задержать подозрительных людей. Придя в дом, он стал расспрашивать незнакомцев, кто они и откуда. Во время беседы в комнату вбежал испуганный сын Феодора и сказал, что «в село идут поляки». Все выбежали из дома, чтобы разузнать, кто приближается к деревне. Меж тем находившиеся в доме незнакомцы, а это были «передовые» повстанческого отряда, стали убеждать, что это русские казаки, и, сделав испуганный вид, просили спрятать их. Этой притворной игрой, видимо, хотели спровоцировать или сбить с толку Феодора Юзефовича и задержать его в доме. Однако, когда все убедились, что в деревню вошли повстанцы, Феодор Яковлевич, понимая, что ничего доброго от встречи с ними не будет, хотел скрыться. В этот момент один из незнакомцев приставил к его груди револьвер и закричал: «Стой! Никуда не пойдешь! Ступай за мной в корчму!» К этому времени отряд повстанцев численностью около 400 человек уже вошел в село.

В корчме над псаломщиком стали издеваться и объявили, что ему осталось «всего полчаса времени до смерти». Командир отряда велел отправить пленника к местному священнику Николаю Стояновичу для исповеди. Между тем жена и пятеро детей Феодора Яковлевича со слезами умоляли повстанцев помиловать его. Отец — священник-старик ползал у них в ногах, прося пощадить сына. Но никакие уговоры не помогли.

Исповедь Феодора происходила в гостинной священнического дома, в присутствии нескольких вооруженных соглядатаев. Пос-

ле исповеди повстанцы в форме издевательства предложили отцу Николаю деньги «за труд», но тот, естественно, отверг постыдную мзду и именем Христа стал упрашивать пощадить жизнь своего сослуживца, хотя бы ради его малолетних детей. О том же умоляла и жена отца Николая, стоя на коленях. Но как бы назло повстанцы заявили, что повесят Юзефовича у ворот священнического дома и уже стали делать к тому приготовления. С большим трудом отец Николай сумел убедить не делать его двор местом убийства. Тогда повстанцы согласились повесить Юзефовича на вербе, как раз напротив его дома, находившегося через улицу. Вместе с тем они потребовали, чтобы во время казни присутствовал и сам священник, но, услышав об этом, отец Николай впал в глубокий обморок, так что его оставили в покое.

Повесили Феодора Юзефовича на вербе возле его дома на глазах у всей семьи. К повешенному приставили стражу, чтобы тело оставалось так до третьего дня и чтобы «не только десятый, но и двадцатый видел и знал, как противодействовать полякам». При этом, воображая себя «рыцарями-благодетелями», оставили жене повешенного 30 рублей «на воспитание детей».

После убийства Феодора Юзефовича весь отряд собрался на дворе священнической усадьбы. «Гости» стали хозяйничать в доме, амбарах, конюшне и забрали съестные припасы, а также муку, овес, повозки, упряжь и т. п. Затем частью там же на дворе, частью на кладбище, расположенном при усадьбе — за сараями, разложили костры и почти до вечера харчевались. После этого они взяли отца Николая и повезли в лес, в урочище под названием «Млынóк», где была мельница, и там хотели повесить, для чего на одной из сосен уже приготовили веревку. Но неожиданно появившийся какой-то помещик, знакомый повстанцам, с большим трудом упробил их не вешать священника. Тогда повстанцы «на память» остригли отцу Николаю голову и бороду, переодели в жупан и отправили едва живого домой на телеге проезжавшего мимо крестьянина¹⁶.

21 апреля 1863 г. трагедия случилась в селе Новоселки Игуменского уезда Минской губернии, куда пришел отряд повстанцев. Местные жители решили не впускать его в Новоселки, а в соседние селения послали верховых с известием об опасности. В 11 часов вооруженные двустолками, пистолетами и саблями повстанцы вошли в село и направились прямо в усадьбу местного помещика Крупского, который, впрочем, отсутствовал. Крестьяне потребовали у пришедших объяснения, кто они и чего хотят. Те назвали

¹⁶ См.: Щеглов Г. Э. Год 1863. Забытые страницы. 2-е изд., доп. Минск, 2007.

«воинами царства польского и сказали, что хотят рассчитаться только с попом, а им, крестьянам, ничего худого не сделают».

Священником в Новоселках служил отец Фома Русецкий. Еще до восстания он препятствовал распространению в местной приходской школе польских идей. В 1861 г. помещик Крупский неожиданно начал оказывать материальную помощь школе, и вскоре там появился учитель, студент Киевского университета, некто Легенза — протеже помещика. Как-то раз, во время отсутствия в школе отца Фомы, Легенза принес в класс картины из Священной истории и при объяснении одной из них — «Распятия Спасителя», указывая на римских воинов, сказал: «То są moskale» (это москали). Случай этот стал известен и вызвал возмущение священника, запретившего Легензе преподавать все, кроме русской грамоты. В 1862 г. помещик Крупский открыл школу в своем доме, где Легенза начал учить детей на польском языке и в польском духе. Однако эта школа по ходатайству Минского архиепископа Михаила (Голубовича) в том же году была закрыта, а Крупский попал на несколько месяцев под арест. И вот, видимо, по наущению Крупского отряд повстанцев пришел расправиться со священником.

Отец Фома уже подвергся нападению еще в самом начале восстания. Вечером 2 февраля 1863 г., когда он по делам проезжал мимо местечка Дукора, на него напали несколько повстанцев. Спасся он тогда благодаря лишь тому, что испуганные лошади помчались повозку, подмяв при этом под себя одного из нападавших. И вот новая угроза нависла над священником.

Узнав о намерениях повстанцев, крестьяне закричали: «Не пустим!» и дружно бросились на непрошенных гостей. К сожалению, эта храбрость дорого обошлась безоружным селянам. В их сторону сперва раздался ружейный залп, а затем в дело пошли сабли. В результате столкновения четверо крестьян были убиты и десять ранены, однако их мужество заставило повстанцев уйти в лес. Среди убитых жителей Новоселок были: Петр Казак, Антон Варивончик, Дорофей Горбачик и Герасим Андросик. Всех их похоронили в одной могиле на кладбище при Мариинской Горской Успенской церкви.

После второго покушения на жизнь священника власти распорядились приставить к нему охрану из 15 солдат и 20 вооруженных крестьян¹⁷.

¹⁷ Летопись Новоселковской Покровской церкви, Игуменского уезда // Минские епархиальные ведомости. 1877. № 20. С. 411–414.

28 мая 1863 г. в 11 часов утра в селе Великорита Брестского уезда Гродненской губернии появился небольшой отряд повстанцев, одетых в красные рубахи, верхом на лошадях и вооруженных ружьями и пиками. Пришли они из села Пожежина, где перед тем жестоко избили плетью нескольких крестьян и еврейку. Прискакав с шумом в Великориту, повстанцы с ходу влетели на священнический двор с криком: «Где поп, где поп, где сельский старшина?» Великоритский священник Куханович успел спрятаться в церкви. Изнутри он слышал шум и крики жителей. До четырех часов дня повстанцы громили селение. Когда все стихло, священник вышел из церкви и вернулся в дом. Родные рассказали, что повстанцы искали его, угрожая семейству повешением и поджогом дома. Бандиты говорили, что хотят повесить самого Кухановича и еще настоятеля дывинской церкви Пиотровского. Разыскивая священника, повстанцы все в доме перевернули, в амбаре выбили окошко и выбросили все вещи, а в поисках ключей от церкви выломали двери в колокольне. Начали даже пилить засов церковных дверей, но, поломав пилку, оставили эту затею. Кроме того, повстанцы устроили погром в сельском правлении, наказали плетью волостного старшину Евдокима Хомычука, дав ему до 300 ударов. Повесили сборщика податей Василия Хомычука. Еще двух крестьян жестоко избили плетью, посыпая раны песком и поливая водкой¹⁸.

9 января 1863 г. в деревню Санники Гостынского уезда Варшавской губернии прибыли несколько повстанцев и стали уговаривать народ идти в отряд, призывая вооружаться «чем попало». 11 января набранных волонтеров, отчасти пришедших добровольно, частью насильно собранных, отправили в местечко Жихлин, под надзором ксендза Стефана Скупинского из Щавинского монастыря. Будучи в Санниках, этот ксендз стал допрашивать одну крестьянку относительно местонахождения ее мужа, которого он хотел увести вместе со всеми. Женщина долго и упорно отговаривалась незнанием, пока не вывела из себя Скупинского. Разъяренный ксендз приказал одному из своих подручных, Юзефу Стржичковскому, убить женщину. Тот ударил ее пикой, но удар оказался не смертельным. Несчастная вскрикнула и едва успела проговорить: «в стоделе» (в сарае), как ксендз в порыве бешенства выстрелил в нее из револьвера, велев Стржичковскому добить. Сам меж тем поджег дом жен-

¹⁸ Страдания Православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 413.

щины и сарай, намереваясь живьем сжечь ее мужа, который, к своему счастью, успел скрыться. Приведенный в ужас народ оставался безмолвным зрителем этой сцены. Однако, когда через два дня ксендз Скупинский вновь появился в Санниках, толпа около 200 человек набросилась на него, обезоружила и растерзала на месте¹⁹.

Крестьянин деревни Клепачей Слонимского уезда Матфей Макаревич, старшина Озерницкой волости, отличаясь честностью и трезвостью взглядов, несочувственно отзывался о польском восстании, открывал повстанцев властям, почему и был особенно ненавидим ими. 1 июля 1863 г. повстанцы схватили Макаревича на служебном месте и, не дав ему даже помолиться, о чем тот усиленно просил, повесили на воротах священнической усадьбы, прямо напротив церкви, вблизи волостного правления²⁰.

Учитель Лысковского народного училища Волковысского уезда Гродненской губернии Фридрих Вишгольд, несмотря на угрозы помещиков-поляков, учил детей по-русски. Не подчинившись требованию снять портреты императорских особ в училище и ввести польский язык, он был убит выстрелом из револьвера среди бела дня на базарной площади помещиком Засуlichem. Тело Фридриха три дня лежало на площади, так как никто не осмеливался нарушить приказ повстанцев, запретивших под угрозой смерти поднимать тело, делать гроб и участвовать в погребении. Только на четвертый день вдова убитого под большим страхом похоронила мужа на поле за местечком. Так распорядился начальник повстанческого отряда, местный помещик Эдислав Быховец, сказавший вдове: «Закопай там, где псы воют»²¹.

Был убит и православный сельский учитель местечка Субочь Поневежского уезда Ковенской губернии Викентий Смольский. Когда повстанцы вербовали в отряд жителей местечка, то насильно забрали с собой и Викентия. Однако тот, улучив момент, убежал и вернулся домой. Уход из отряда, естественно, грозил Смольскому неприятностями. В то время русские военные, расположенные близ Субоча, узнав о появлении в окрестных лесах большого отряда повстанцев, двинулись туда, зайдя по дороге

¹⁹ Доклад особой комиссии, высочайше учрежденной в Варшаве, по делу о римско-католических монастырях в Царстве Польском // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. I. С. 359–360.

²⁰ Иосиф, епископ. Гродненский православно-церковный календарь или Православие в Брестско-Гродненской земле в конце XIX века. В 2-х т. Т. 1. Воронеж, 1899. С. 69.

²¹ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 27. С. 284.

в местечко. Смольский явился к русским офицерам, рассказал обо всем с ним случившемся и о грозящей ему опасности, а также указал место, где располагались повстанцы. Подсказка Смольского помогла военным найти и разбить повстанческий отряд. Однако поступок этот стоил Смольскому жизни. Повстанцы догадались, кто мог выдать место расположения их лагеря. Когда военные ушли, оставшиеся повстанцы пришли в Субочь, захватили Смольского и после пыток повесили в лесу²².

В Ковенском уезде в местечке Эйраголь повстанцы убили сельского учителя Константина Котлинского²³.

Крестьянин местечка Лыскова Волковысского уезда Игнатий Кулеша, служивший при винокуренном заводе имения Харовщина, в мае 1863 г. повешен в лесу повстанцами по жалобе поляка, управлявшего заводом. Кулеша обозвал управляющего «глупым мятежником», что и послужило поводом к убийству²⁴.

Крестьянин села Новоселки Кобринского уезда Григорий Полетило, волостной старшина, открыто осуждал восстание и угрожал крестьян «не бояться бандитов и быть верными царю и родине». О действиях местного повстанческого отряда он сообщил военному начальнику в Кобрин. Через чиновников-поляков это стало известно повстанцам. 30 мая 1863 г., когда Полетило возвращался домой из церкви, его схватили люди из отряда Казимира Нарбута и повесили на вербе²⁵.

Становой пристав Россиенского уезда Ковенской губернии Филипп Билима-Пастернаков, шестидесятилетний старик, возвращаясь из Россиен, заехал в местечко Скавдвили к знакомому ксендзу. Когда приятели сели пить чай, ксендза позвали в костел крестить младенца. Между тем находившиеся неподалеку в лесу повстанцы, узнав о приезде Пастернакова, вошли в дом ксендза, схватили старика-пристава и отвели на шоссе к шлагбауму, чтобы повесить. Во время убийства шнур сорвался, и несчастный упал на землю. Сбежавшаяся толпа евреев «с плачем просила пощады мученика, и он сам с раздирающим душу воплем просил расстрелять его, а не подвергать позорной виселице... Ужас был так велик, что одна еврейка, услышав

²² Три мученические кончины // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. IV. С. 177–178.

²³ Страдания Православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 436.

²⁴ Там же. С. 285.

²⁵ Там же. С. 287–288.

эти вопли, чрез три дня умерла». Однако убийцы снова стали вешать старика, который успел сказать: «Вам отдаю тело, а Богу душу». Совершая в костеле таинство крещения, ксендз услышал вопли и поспешил к месту расправы, но опоздал, старик-пристав был уже мертв. Ксендзу удалось лишь вымолить помилование пятисотскому, которого также намеревались убить. Повешенного повстанцы под страхом смерти запретили снимать с виселицы. Несчастливая вдова Пастернакова только через три дня с помощью военного отряда смогла предать тело мужа земле²⁶.

Крестьянин деревни Подбельск Брестского уезда Иероним Седун служил сторожем Беловежской пуши в местности Грани. В ночь с 18 на 19 августа 1863 г. его повесили в сарае повстанцы из отряда Рогинского, рассеявшегося в пуше после поражения. Видимо, они опасались, что Седун, зная прекрасно местность, может сообщить об их местонахождении военным. От тяжелых побоев, нанесенных повстанцами, вместе с Иеронимом умерла и его жена Анна²⁷.

В ту же ночь в той же деревне и по той же причине люди Рогинского повесили и затем сожгли вместе с сараем крестьянина Иосифа Седуна²⁸.

Аналогичную смерть приняла и крестьянка Анна Седун, жительница той же местности. В ночь с 18 на 19 августа ее повесили и сожгли люди Рогинского — вместо мужа Викентия, приговоренного к смерти, но в тот момент не оказавшегося дома²⁹.

Крестьянин деревни Сороки Гродненской губернии Иван Макаревич отказался вступить в ряд к повстанцам, после чего те решили с ним расправиться. В ночь на 1 июля 1863 г. два шляхтича из местечка Шуки вызвали Макаревича из дома и под предлогом указать дорогу в местечко Мосты увели с собой. Придя в Шуки, все трое зашли в дом, в котором в ту ночь праздновалась свадьба. Повстанцы заставляли Ивана есть, приговаривая: «Ешь, легче будет идти на тот свет». Потом отвели его в отдельную комнату, где подвергли жестоким истязаниям: обвязав веревками и привязав за шею к стене, отрезали нос и уши, содрали с обеих ног кожу, разорвали правую щеку. Затем истерзанного страдальца вывели

²⁶ Страдания Православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 433–434.

²⁷ Там же. С. 289, 290.

²⁸ Там же. С. 289.

²⁹ Там же. С. 290.

за деревню, бросили в картофельную яму вниз головой и еще живого забросали землей, а само место, чтобы скрыть следы, забороновали. Только на десятый день тело Макаревича случайно обнаружил один крестьянин: труп лежал вниз головой, руки и тело были связаны, шею обвивала веревка, на ногах полосами висела содранная кожа. Родные опознали Макаревича, оплакали и погребли на ближайшем кладбище³⁰.

Пристав второго стана Бельского уезда Гродненской губернии титулярный советник Иосиф Курганович повешен на дверях комнаты гостиницы, в которой намеревался разместиться³¹.

В начале лета 1863 г. колонист Генрих Дерер казнен близ города Лодзи. Содрав кожу с головы, повстанцы перебили ему одну за другой все конечности, после чего несчастного, имевшего еще признаки жизни, повесили³².

Крестьянин деревни Ставчины подвергся казни иного рода: повстанцы, окружив его, начали побивать камнями, но так, чтобы продлить мучения.

В том же месте колонист и его беременная жена были схвачены и отведены в лес. Сперва повстанцы повесили мужчину, заставив жену присутствовать при казни. Потом повесили и ее, распоров живот³³.

13 июня 1863 г. отряд повстанцев в 50 человек, придя в деревню Богдананцы Трокского уезда Виленской губернии, повесил крестьян Яна Седелевского, Яна Стефановича и Казимира Дятловского, находившихся ночью в сельском карауле³⁴.

От рук повстанцев пострадал волостной старшина деревни Грабовец Бельского уезда крестьянин Франц Фальковский. Местные поляки невзлюбили его за то, что он в год отмены крепостного права решил принять на себя учрежденную тогда должность старшины. Паны не желали мириться с тем, что «быдло» заимело свое волостное правление. Кроме того, во время начавшегося восстания Фальковский разъяснял крестьянам волости, что «польский мятеж — пустая затея», и призывал не верить повстанцам и не бояться их. 8 июня 1863 г. десять вооруженных повстанцев напали на дом Фальковского, схватили его и, отведя

³⁰ Там же. С. 290–291.

³¹ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 29. С. 293–294.

³² Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. IV. С. 163.

³³ Там же. С. 163–164.

³⁴ Разные известия // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 444.

в лес, после жестоких пыток умертвили. Тело страдальца с петель на шее нашли в лесу зарытым в землю³⁵.

Крестьянин деревни Лишницы Брестского уезда Василий Светюк, сельский сборщик податей, пострадал за то, что уговаривал крестьян не бояться мятежников. 28 мая 1863 г. шесть повстанцев из отряда помещика Казимира Нарбута схватили Светюка в его доме и, связав, повели в село Великориту. По дороге над ним издевались, били нагайками и всячески истязали. В Великорите измученного страдальца повесили на дереве возле волостного правления. Затем повстанцы схватили местного волостного старшину Евдокима Хомичука и нанесли ему 400 ударов плетью, а крестьянам Ивану Светюку и Ивану Хапалюку дали по 300 ударов³⁶.

Отставной унтер-офицер Альбин Волочкович, писарь Подоросской волости Волковысского уезда, 16 августа 1863 г. захвачен повстанцами возле волостного правления и уведен в деревню Даликевичи. Там, после издевательств и истязаний, повешен на груше в саду крестьянина Ивана Новицкого, которого самого повесили рядом с Волочковичем³⁷.

Крестьянин деревни Кончатки Гродненского уезда Алексей Жук за твердые патриотические убеждения повешен повстанцами на крыльце дома³⁸.

Жена отставного солдата Клара Раткевич из местечка Новый Двор Волковысского уезда повешена 4 июля 1863 г. возле своего дома. Повстанцы хотели повесить ее мужа, который якобы собирав военный об их местонахождении, но Иосифа Раткевича в тот момент не оказалось дома³⁹.

Отставной солдат местечка Боцьки Бельского уезда Михаил Дмитриев за преданность законному правительству 10 апреля 1863 г. схвачен повстанцами и после истязаний и издевательств повешен на базарной площади на столбе недалеко от церкви⁴⁰.

Отставной фельдфебель Петр Кузьмин из местечка Росси Волковысского уезда не согласился на уговоры повстанцев пойти в их отряд, за что 17 августа 1863 г. был повешен на тополе близ базарной площади⁴¹.

³⁵ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 29. С. 294–295.

³⁶ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 412–413.

³⁷ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 29. С. 297.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 298.

⁴⁰ Архивные материалы... Т. 1. С. 427.

⁴¹ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 29. С. 298.

Отставной рядовой из села Хотыничи Пинского уезда Григорий Крупенич задушен повстанцами веревкой из его собственных лаптей⁴².

Крестьянин деревни Бродятина Брестского уезда Фома Прокочук, будучи 17 мая 1863 г. в сельском карауле, схвачен проходившим отрядом повстанцев и тут же повешен на дереве⁴³.

В Трокском уезде Виленской губернии близ деревни Богданцы повстанцы повесили трех крестьян. На трупах была найдена записка, угрожавшая такой же участью всем, кто будет оставаться верным русскому правительству.

В Млавском уезде Плоцкой губернии близ деревни Завады повстанцы повесили женщину, на трупе которой оставили дощечку с надписью похабного содержания.

В Плоцком уезде группа повстанцев увела с собой в качестве проводника трактирщика Вержбицкого, чтобы он указал дорогу из Вотинки в Зиолоков. Когда дошли до места, трактирщика повесили, сказав, что «хотя избавить его от скуки возвращаться домой по такой дурной дороге»⁴⁴.

16 апреля 1863 г. повстанцы повесили пятисотского Филиппа Лебедева из местечка Вижуны Вилкомирского уезда Ковенской губернии. Это был молодой человек «с душой кроткой и доброй», всего несколько месяцев как приехавший на новое место службы в имение графа Эдуарда Чапского. В тот роковой день, возвратившись из служебной поездки, Филипп был схвачен двумя крестьянами, которым под страхом смерти приказали взять его, а за исполнение обещали два рубля награды. Напрасно жена несчастного просила защиты у помещика. Женщину прогнали, а Филиппа повели в лес, где повесили на дереве, не позволив при этом предать его тело земле. Совершив убийство, повстанцы с торжеством говорили: «Вот хотя одного попадзюка повесили!» Филипп Лебедев был единственным сыном 60-летней вдовы священника, великоритской просфорницы Александры Васильевны Лебедевой. Только на четвертый день жена Филиппа смогла предать его тело земле, похоронив под тем деревом, где он был повешен. Примечательно, что местный ксендз, 70-летний старец, не оставил могилу невинного страдальца. Жена Филиппа во все время пребывания в Вижунах каждое утро и вечер видела

⁴² НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–106.

⁴³ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 29. С. 301.

⁴⁴ Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. IV. С. 166.

старика ксендза «на коленях пред могилой ее бедного мужа...»⁴⁵. К сожалению, история не сохранила имя этого доброго человека.

4 апреля 1863 г. подобной участи подвергся пятисотский Семен Легченко. Жена несчастного уверяла, что убийцы оставляли ему жизнь с условием принять католичество и присоединиться к их отряду. Но Семен отверг эти предложения, предпочтя смерть мученика измене православной вере и отечеству⁴⁶.

Крестьяне деревни Гошево Кобринского уезда Михаил Луцко и Алексей Михнюк, находившиеся 19 сентября 1863 г. в сельском карауле, схвачены проезжавшими повстанцами и повешены⁴⁷. А «крестьянская девка», гнавшая волов в поле, изнасилована⁴⁸.

Крестьянин Дмитрий Сытый повешен повстанцами в лесу, вблизи которого пас скот⁴⁹.

Недалеко от местечка Свислочь Бобруйского уезда Минской губернии повстанцы повесили пастуха за то, что тот выразил недовольство по поводу зарезанной ими телушки⁵⁰.

Органист католического монастыря Св. Екатерины Ян Петрал, принимавший участие в восстании, будучи пойман властями, просил о помиловании и получил его. Однако, вернувшись в деревню, принадлежавшую монастырю, в первый же день выстрелом из пистолета в упор застрелил женщину Катерину Любец и возвратился к повстанцам⁵¹.

В деревни Редошевице при личном участии монаха реформатского монастыря в Велоне Станислава Корецкого повстанцами повешены сотский Рабенда, крестьянин Лучик и крестьянка Софья Собчик⁵².

В Мариампольском уезде близ деревни Дзензиовольска повстанцы повесили на дереве неизвестного человека, на труп которого прибили гвоздями дощечку с надписью: «Ян Бургшайтис

⁴⁵ Страдания Православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 435.

⁴⁶ Там же С. 436.

⁴⁷ Архивные материалы... Ч. I. С. 301–302.

⁴⁸ Архивные материалы... Ч. II. С. 400.

⁴⁹ Там же. С. 302.

⁵⁰ Гродненские епархиальные ведомости. 1993. № 5. С. 6.

⁵¹ Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. IV. С. 165.

⁵² Доклад особой комиссии, высочайше учрежденной в Варшаве, по делу о римско-католических монастырях в Царстве Польском // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. I. С. 359.

телеграфирует Царю, что в бельвезийском лесу образовался лагерь»⁵³.

На дороге к Полоцку захвачены повстанцами и повешены в придорожном лесу унтер-офицер Полоцкого кадетского корпуса Василий Васильев и воспитанник того же корпуса Клобушевский⁵⁴.

Повстанец Антон Залеский около Пултуска перерезал бритвой горло отставному солдату Добрусеу⁵⁵.

25 июля 1863 г. крестьянин села Завык Белостокского уезда Лаврентий Семенчук принял мученическую кончину за преданность православию и законному правительству. Пытаясь скрыться от повстанцев, Лаврентий был ранен выстрелом из ружья. Подбежавшие повстанцы начали саблями рубить его по голове, ногам и рукам. Изувеченного, с отсеченной нижней челюстью, его топтали ногами и приговаривали: «А то маш (это тебе за то), шызматыку-русине песий сыне, что не хочешь идти с нами»⁵⁶.

В местечке Цехановце Бельского уезда повешен отставной майор Хлусс. Ему, как офицеру, повстанцы предложили быть предводителем отряда, но Хлусс не только не согласился, а стал убеждать их образумиться и разойтись по домам. Через некоторое время Хлусса ночью схватили и повесили на вербе, а его служанку, как свидетельницу, утопили⁵⁷.

Крестьянин села Завык Белостокского уезда Матфей Матыс открыто порицал восстание и уговаривал крестьян не поддерживать его. В ночь на 25 июня 1863 г. его схватили повстанцы и после жестоких истязаний и издевательств (выбив зубы, заставили есть твердый крестьянский хлеб) отвели в лес, где принудили вырыть себе могилу. Тут же у могилы Матыса вкопали по колени в землю, обложили ветками и подожгли. Обгоревшего, но еще с признаками жизни, его бросили в яму и засыпали землей. Впоследствии, чтобы уничтожить следы преступления, убийцы вырыли тело Матыса и утопили в болоте у реки Нарвы⁵⁸.

⁵³ Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. IV. С. 164.

⁵⁴ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 52 449. Л. 10.

⁵⁵ Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. IV. С. 164.

⁵⁶ Там же. С. 302–303.

⁵⁷ Иосиф, епископ. Указ. соч. С. 367.

⁵⁸ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 29. С. 304–305.

С 16 по 19 июня 1863 г. в Остроленском уезде найден 21 труп неизвестных лиц, в том числе и женщин, повешенных повстанцами⁵⁹.

В деревне Турота-Костельск Белостокского уезда Гродненской губернии сборщик податей Франц Помахер повешен за то, что отказался передать повстанцам собранные деньги⁶⁰.

20 июля 1863 г. отряд повстанцев до 300 человек окружил в Бельском уезде Гродненской губернии Гродзискую церковь, в то время когда в ней совершалась литургия. Повстанцы вызвали из церкви отставного солдата Адама Грисюка, вывели за деревню и повесили. Священник Проневский окончил богослужение в большом страхе за безопасность прихожан и храма. Люди же были в таком испуге, что не смогли ничего предпринять для спасения солдата, тем более что число повстанцев во много раз превышало число молящихся. Несмотря на запрет хоронить повешенного, священник Проневский все же совершил его погребение по православному чину⁶¹.

Конные отряды повстанцев, объезжая в течение июня 1863 г. Опочинский уезд Радомской губернии, отличились особыми зверствами: грабя деревни, сжигая дома, похищая всюду деньги и припасы, они производили насилия над крестьянами. Так, например, в деревне Янковице повесили десять колонистов⁶².

В двух километрах от деревни Кнорид Бельского уезда повстанцы схватили неизвестного, оскопили и затем повесили на сосне при дороге⁶³.

В первых числах апреля повешен один из богатейших польских помещиков — пан Леманский — в собственном имении Загурье в двух верстах от Ченстохова. Несмотря на свое огромное богатство, помещик не хотел помогать повстанцам деньгами, не давал им овса, съестных припасов, лошадей и по этой причине тайным комитетом варшавского национального правительства был приговорен к виселице. Когда повстанцы пришли его убивать, он не потерял присутствия духа, выхватил у кого-то из них пистолет и ранил одного из повстанцев.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. IV. С. 164.

⁶¹ Страдания Православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 17. С. 658.

⁶² Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Т. IV. С. 165.

⁶³ Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 29. С. 305.

Несмотря на сопротивление, Леманский все же был повешен⁶⁴.

Повстанцы под управлением Чаховского в деревне Становиско Опочинского уезда повесили крестьянина; в деревне Лысове повесили семь крестьян и женщину с ребенком; в Келецком уезде, в имении Лопушно, застрелили двух крестьян; 10 апреля в деревне Борчовице тяжело ранили овчаря, изнасиловали и избили его жену, отняли деньги и разграбили имущество; 11 апреля напали на торговцев кабанями, возвращавшихся из местечка Пинчова, ограбили их, забрав до 225 рублей серебром; 13 апреля в деревне Бржезнице зверски замучили еврея Меняжа: трижды подвешивали за шею и снова опускали на землю, а затем смертельно ранили выстрелом из ружья.

1 февраля 1863 г. отряд повстанцев ворвался в деревню Павлово и, придя на господский двор, потребовал от помещика, сенатора Дзедзицкого, значительную сумму денег. Дзедзицкий ответил, что не имеет в наличности столько денег, и был за это убит.

16 февраля отряд повстанцев, придя в селение Ольховки Остроленского уезда, хотел завербовать крестьянина Лясковского. Когда тот не согласился и убежал, повстанцы избили его престарелую мать и ограбили дом, а его самого, отыскав вскоре в другой деревне, убили.

17 февраля 1863 г. отряд повстанцев под предводительством ксендза Горбачевского вторгся в имение помещика Турского в Лидском уезде Виленской губернии и, разорив имение, увел управителя и убил за то, что тот не хотел выдать кассу.

23 февраля в Равском уезде группа повстанцев ворвалась в жилище лесного сторожа Пнотека и, не найдя никого, кроме жены, расстреляла ее без повода.

4 марта Андрей Вендланд, мясник из деревни Ходеча Влоцлавского уезда, повешен повстанцами в лесу за то, что не хотел подчиниться насильственным реквизициям.

8 марта повстанцы под начальством Подлевского насильно увели из деревни Журомино Млавского уезда 17 парней вместе с мещанином Винцентом Пшидоровским. Последнего умертвили следующим образом: завязав на шее петлю, двое тянули концы веревки в противоположные стороны, а третий распарывал несчастному живот косою, которую затем еще вонзил несколько раз в грудь.

10 марта повстанцы, придя в трактир деревни Болна Влоцлавского уезда, разорили его и убили трактирщика Козаковского вместе с женой. Уходя, прибили к дверям дощечку с запрещени-

⁶⁴ Московские Ведомости. 1863. № 70. С. 2.

ем под страхом смерти, «именем национального правительства», хоронить трупы этих людей.

23 марта в Гостынинском уезде в местечке Красновица лазаретный служитель Адам Яблонский и каретник Карл Гаке повешены в лесу.

26 марта повстанцы увели из деревни Квассне Млавского уезда и умертвили: крестьян Мозура, Шепеля, Мантанкова, Коржа, Костанука, Грегоровича, женщину Софью Саджик, евреев Дорфмана, Космуля и др. — всего 40 человек.

3 апреля в Бельском уезде близ города Янова повешены евреи Шмульт Гольдберг, Абнер Гольдшефт и двое крестьян.

7 апреля отряд повстанцев, проходя через деревню Недржевич-Костельной, увел с собой насильно пятерых евреев и двух женщин, которых повесил в соседнем лесу.

10 апреля повстанцы под начальством Чаховского во время боя захватили капитана Плоцкого полка Никифорова и пятерых тяжелораненых русских солдат. После долгих и ужасных истязаний их повесили в деревне Нецлаве Опочинского уезда Радомской губернии. Одному из солдат по фамилии Турлин чудом удалось выжить. Он и рассказал обо всем случившемся. Пойманный впоследствии один из участников зверств над русскими солдатами, Иосиф Гузовский, на очной ставке с Турлиным во всем признался и подтвердил рассказ солдата.

11 апреля повстанцы вторглись в дом жителя деревни Чарна Плоцкой губернии, схватили двух его малолетних сыновей, Станислава и Августа, и бросили их в колодец. Родители сумели спасти лишь одного ребенка.

14 апреля в Плоцком уезде в деревне Воля-Длужневска повстанцы выволокли из дома колониста Матвея Уманского и изрезали косами в куски. Жену его увели в лес, изнасиловали и затем повесили.

19 апреля в местечке Гловачево Радомского уезда повстанцы похитили жену некоего Калинского, изнасиловали и умертвили.

21 апреля в Россиенском уезде близ деревни Ягиной повстанцы захватили и повесили жену крестьянина Карабинова. Женщина была беременной уже на восьмом месяце и в момент смерти решила от бремени. Убийцы бросили младенца висящим рядом с мертвой матерью.

22 апреля в Белостокском уезде близ Аннопольского поместья десять крестьян повешены за то, что не хотели присоединиться к повстанцам⁶⁵.

⁶⁵ Московские Ведомости. 1863. № 103. С. 2.

В Слонимском уезде близ деревни Гуть повстанцы убили еврейку, везшую из деревни хлеб.

В Несвиже рекрут Федор Мокин, идя за водой, был схвачен двумя вооруженными людьми, которые затащили его под мост и нанесли глубокую рану ножом в живот, от которой Мокин вскоре умер⁶⁶.

В уезде Сейненском в деревне Сереа повешен сапожник Готлиб Радман за то, что отказался бесплатно снабдить повстанцев обувью.

В Красноставском уезде близ деревни Рудник повешена молодая девушка.

В Калишском уезде близ Костельницы найден труп, висевший на дереве с запиской: «Август Вендлафт, казненный за услуги, оказанные им русским. Такая же участь постигнет всякого, кто покусится подражать ему».

В Стопницком уезде отряд повстанцев вторгся в деревню Бугушница, созвал на площадь всех жителей и для устрашения их повесил Антона Кондзеля, Франциска Сметана и Петра Валигура, случайно выбранных из толпы.

В деревне Сендове Опочинского уезда повстанцы схватили женщину Иозефину Дуперас и ее мужа. Последнего секли ремнями, дом и амбары сожгли, а бедную женщину, обвиненную в равнодушии к революционному делу, повесили, надев на шею портрет императора Александра II.

В деревне Буки Млавского уезда повстанцы изрубили в куски пивовара Теофила Радецкого за то, что он отказался присоединиться к ним.

В деревне Медзихине Варшавского уезда повешена нищенка, собиравшая милостыню.

В Люблинском уезде близ города Томашева повстанцы схватили отставного Мордку Гольдурса, увечили и жестоко издевались над ним. Найдя при нем аттестат об отставке, прибили этот документ четырьмя гвоздями к груди, а самого Гольдурса повесили⁶⁷.

В Гродненской губернии отряд из 40 конных повстанцев, под предводительством духовного лица Стасюлевича, повесил в селе Бродятине крестьянина Прокопука, наказал плетью местных жителей и ушел в Замшанские леса⁶⁸.

⁶⁶ Там же. № 109. С. 2.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. № 169. С. 2.

12 июля в местечке Лошица Бяльского уезда на рынке во время торга повесили секретаря магистрата Козьминского, сторожа и вдову-работницу⁶⁹.

В Радзынском уезде повстанцы привязали к хвосту лошади мешанку Вавржецкую и волокли ее с версту в лес, к деревне Ляски, где и повесили.

Этот скорбный список можно продолжать еще долго — подобных свидетельств сохранилось немало. И ни в коем случае нельзя забывать об этих невинных страдальцах, ставших жертвами фанатичной жестокости.

Для сравнения укажем, что на территории Северо-Западного края при генерал-губернаторе М. Н. Муравьеве, подавлявшем восстание, было казнено по суду, с соблюдением всех юридических процедур, 128 повстанцев⁷⁰. Как видим, в сравнении с убитыми мирными жителями, цифры несопоставимые.

⁶⁹ Там же. С. 3.

⁷⁰ Арлоў У., Сагановіч Г. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862–1918): Падзеі. Даты. Ілюстрацыі. Вільня, 1999. С. 193.

А. Ю. БЕНДИН

РОЛЬ М. Н. МУРАВЬЕВА В РУССКО-ПОЛЬСКОМ
СПОРЕ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе —
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?..

Ф. И. Тютчев

Личность и деятельность Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в последнее время вызывает все больший исследовательский интерес у отечественных и зарубежных историков. Ученые рассматривают различные аспекты жизни и деятельности этого известного российского реформатора, который прославился своим подавлением польского восстания и глубокими преобразованиями в Северо-Западном крае Российской империи в 1863–1865 гг.¹

Учитывая сложившиеся историографические традиции в изучении исторического муравьевского наследия, автор ставит своей задачей рассмотреть взаимосвязи, которые существовали между антагонистическими представлениями об идентичности

¹ Ананьев С. В. Конфессиональная политика М. Н. Муравьева на посту генерал-губернатора Северо-Западного края в 1863–1865 гг. // Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. С. 34–44; Сталюнас Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М. Н. Муравьева (1863–1865) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Вильнюс, 2003. Т. VII. С. 250–271; Федосова Э. П. Православие в Северо-Западном крае при графе Муравьеве: 1863–1865 гг. // История народов России в исследованиях и документах. М., 2007. С. 192–218.

края и основными направлениями политики Виленского генерал-губернатора. Установленный ракурс исследования позволит выявить те принципиальные перемены, которые внес М. Н. Муравьев в практику управления Северо-Западным краем².

Включение в состав Российской империи белорусско-литовских земель, находившихся на ее западных окраинах, на протяжении XIX — начала XX вв. сопровождалось сложной борьбой за установление политических, конфессиональных и этнолингвистических границ. Результаты этой борьбы должны были определить принадлежность территории и населения этих земель либо к Речи Посполитой, либо к Российской империи.

Представления о польской идентичности Литвы и Белоруссии, бытовавшие в то время среди российской элиты, определялись не только прежней принадлежностью этого региона к Речи Посполитой. Местная элита — дворянство, шляхта, чиновники и католическое духовенство — состояла в основном из поляков и ополяченных белорусов и литовцев. Ее численность не превышала 6 % населения западных губерний, но польское меньшинство занимало при этом доминирующие позиции в Северо-Западном крае Российской империи³. Поляки в основном были представлены привилегированным дворянским сословием. Находясь в абсолютном меньшинстве, дворяне-поляки составляли, тем не менее, 85 % помещиков Виленской, 95 % Гродненской, 78 % Ковенской и 94 % Минской губерний⁴.

² Так неофициально называлась особая территориально-административная единица, созданная в начале 60-х гг. XIX в. в связи с нарастающей угрозой польского сепаратизма. В край входило шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская. Северо-Западный край находился в подчинении генерал-губернатора, резиденция которого находилась в г. Вильна. См: *Гісторыя Беларусі. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў — па люты 1917 г. / Пад рэд. Я. К. Новіка і Г. С. Марцуля. 3-е выд. Мінск, 2007. С. 278–279.* Существование в Российской империи генерал-губернаторств как особых административно-территориальных единиц диктовалось задачами сохранения целостности государства. См: Ремнев А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии: К проблеме организации регионального управления Российской империи // *Имперский строй России в региональном измерении. М., 1997. С. 54.*

³ Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX — начале XX в. // *Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): Материалы науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 199–200.*

⁴ Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/292-2012-10-18-23-07-16.tml>

Утратив в 1772—1795 гг. политическую власть над белорусскими землями, помещики и часть шляхты приобрели в Российской империи привилегированный статус дворянства, сохранив свое социально-экономическое, религиозное и культурное господство над белорусским и малороссийским (до 1861 г. крепостным) населением края⁵.

Органами реализации сословных привилегий дворянства являлись, согласно закону, их губернские корпорации. Учитывая, что в губерниях Северо-Западного края большинство дворян являлись поляками, эти сословные корпорации становились официальными представителями интересов польских этнических сообществ перед государством. И хотя дворянские губернские корпорации не имели права заниматься политическими вопросами, в ноябре 1862 г. Минское дворянское собрание выразило желание представить Александру II адрес, в котором говорилось о необходимости присоединить Минскую губернию к Царству Польскому. Планировалось представить такие же адреса во всех губерниях края. Таким образом, польское дворянство накануне восстания 1863 г. недвусмысленно заявляло правительству, что идентичность региона не русская, а польская, и это обстоятельство требует воссоединения его с этнической Польшей.

Виленский генерал-губернатор В. И. Назимов наложил запрет на инициативу польского дворянства. Но это не остановило начавшуюся борьбу польских дворян за «польское достоиние», коим считали земли Западного края⁶. Выход из сложившейся ситуации, который предлагал Назимов, заключался в том, что в борьбе с польским дворянством правительству следует опереться на «на-

⁵ Сборник статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Вып. второй / Сост. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. 295. Известный российский славяновед А. Ф. Гильфердинг отмечал: «Источник польского вопроса находится в западных губерниях, в господстве там польского шляхетского меньшинства над русской народностью... Прямым следствием такого положения дел было то, что гореть «чужеземцев» и отчасти туземцев, перешедших в их лагерь, в течение большей половины текущего столетия с напряженной энергией и успехом работала в русском крае во имя Польши и для Польши, работала во всех сферах его политической жизни: религиозной, учебной, административной, экономической и общественной. Польская среда пользовалась всеми преимуществами русского привилегированного сословия и в то же время враждебно относилась ко всему русскому». См: Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. IV–V.

⁶ Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/26-2012-10-16-16-11-50.html>

род», т. е. местное сельское население, русское по этническому происхождению. Для этого, по мнению генерал-губернатора, необходимо было предпринять решительные меры «к скорейшему разрешению крестьянского вопроса» и к организации в крае как можно большего числа народных школ.

С развитием народного просвещения Назимов связывал надежды на «нравственное возрождение» крестьянского населения, освобождение его из-под нравственного гнета «польского элемента». «Вследствие преимуществ и привилегий, которыми исключительно пользовались члены польской народности, — писал он в апреле 1863 г., — слово «поляк» сделалось синонимом помещика, дворянина, человека образованного, пользующегося доверием общества и кредитом правительства, человека светского и благовоспитанного; и на той же самой почве слово «русский», с одной стороны, стало синонимом холопства, рабства, неволи под властью Польши, нищеты, грубости, невежества, отчуждения, презрения, ничтожества относительно к Польше и ее духовенству»⁷.

Таким образом, социальный критерий принадлежности к высшему дворянскому сословию выступал в качестве маркера престижной этничности, обладавшей экспансионистской энергией и статусным превосходством над всеми этническими сообществами Северо-Западного края. Неудивительно, что и некоторые представители высшей российской бюрократии воспринимали идентичность края в качестве польской, традиционно исходя из этнической маркировки его дворянской элиты⁸.

Существовавшие представления о польской идентичности края непроизвольно зафиксировали те особые отношения, которые сложились между местной помещичьей элитой и православным крепостным крестьянством после присоединения этого региона к Российской империи.

Различия между доминирующим польским меньшинством и крестьянским православным большинством носили сословный,

⁷ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 31, 34.

⁸ М. Н. Муравьев. Записки о мятеже в Западной России // Русская старина. 1883. № 1. С. 135; Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 494–495. Об этом явлении сообщал императору Николаю и министр внутренних дел И. Л. Горемыкин: «В первое время, по воссоединению края с Россией, правительство наше смотрело на западные губернии, как на польский край». (См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 13).

конфессиональный, культурный и отчасти этнический характер. В результате в отношениях между ними имелись признаки *колониальной ситуации*. Определяющим моментом для такого вывода служит не отношение к средствам производства, конституирующее классы в индустриальном обществе, а отношение к знакам различий, конституирующим власть. Колониальная ситуация базируется на культурной дистанции между теми, кто обладает властью, и теми, кто подвергается эксплуатации. Нет культурной дистанции — нет колониальной эксплуатации. Эта дистанция маркируется разными средствами: расовыми, этническими, лингвистическими, религиозными, юридическими — одним словом, культурными⁹.

Существование культурной дистанции между господствующей польско-католической элитой и эксплуатируемым православно-белорусским большинством позволяет охарактеризовать Северо-Западный край до отмены крепостного права в 1861 г. как регион, имевший признаки *внутрироссийской польской колонии*. Это был особый тип колониального господства, созданный самим российским государством, при котором польско-католическая элита, не обладая политической властью, получила легальную возможность эксплуатировать белорусское православное большинство и держать «господствующее» православие на западных окраинах империи в «униженном» положении.

Особенность этой многослойной конфликтной ситуации заключалась также и в том, что часть доминировавшей в крае польско-католической элиты, не примирившаяся с утратой польской государственности, воспринимала российскую власть как политического врага, а свое положение оценивала в категориях национального угнетения¹⁰.

Это и послужило мотивом для ее участия в антироссийском восстании 1863 г., направленном на восстановление политической независимости Речи Посполитой в границах 1772 г., что в свою очередь предполагало отторжение Литвы, Белоруссии и губерний Юго-Западного края от Российской империи¹¹.

⁹ Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 108–112.

¹⁰ Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 2–4.

¹¹ Польский патриотизм не отказывается от своих притязаний: он считает Польшей все те истинно русские области, где в прежнее время огнем и мечом и католической пропагандой распространялось польское владычество. См: М. Н. Катков. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещав-

Вторым мощным фактором, который влиял на формирование польской идентичности края, являлось набиравшее силу местное католичество латинского обряда. Исторически возникшая еще во времена унии, проблема латино-польской экспансии была весьма болезненной для православного духовенства. Ксендзы, ощущая мощную экономическую поддержку доминировавших в крае польских помещиков, развернули активное костельное строительство, продолжавшееся до начала 1860-х гг. Только с 1854 по 1863 г. в Северо-Западном крае было построено 399 новых костелов даже там, «где кроме ксендза и пана не было католического населения»¹².

Исходя из мотивов религиозно-охранительного характера, православная иерархия и духовенство в нарастающей силе и влиянии польского католицизма усматривали серьезную угрозу для интересов господствующей Церкви и «русской народности» края, состоявшей из белорусов и малороссов¹³. Духовенство хранило память об исторических обидах, которые нанесли им католики — латиняне и униаты — во времена существования Речи Посполитой. В этот период местное православие лишилось многих храмов, монастырей, пережило дискриминацию, унижения и гонения, которым подвергались духовенство и миряне со стороны воинствующего польского католичества¹⁴.

Старые обиды подогревались новыми, которые появились уже в период пребывания края в составе Российской империи. Римско-католическая церковь, будучи в правовом отношении

шихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Выпуск первый. М., 1887. С. 28.

¹² Брианцев П. Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 145; Правда, А. И. Миловидов называет другую цифру. По его подсчетам, с 1856 по 1862 гг. было построено около 200 молитвенных католических домов. См: Миловидов А. И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М. Н. Муравьеве // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1913. № 1. С. 10.

¹³ Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1907 гг.: дис... на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 236.

¹⁴ Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002. С. 306–311; Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии с 1839–1889 гг. М., 1889. С. 286; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 442; Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 31261. Л. 4. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30 932. Л. 18–20, 77; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 411. Л. 1; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 448. Л. 1–2.

только «терпимой», наряду с крестьянством, включала в свой состав практически всю социально-экономическую и культурную элиту — польских помещиков, шляхту, чиновничество и интеллигенцию. Поэтому местные католики, составляя религиозное меньшинство среди христианского населения края, уверенно позиционировали себя представителями престижной, «польской» или «панской веры»¹⁵.

Высокомерное и пренебрежительное отношение к православию со стороны ксендзов и местной польской элиты было продиктовано не только их статусным, сословным и материальным превосходством, но и экклезиологией Римско-католической церкви, с точки зрения которой православные воспринимались как «схизматики», отпавшие от истинной веры¹⁶.

В общественно-религиозной иерархии Северо-Западного края местные православные, наоборот, обладали низким социокультурным статусом, несмотря на то, что численно доминировали и в правовом отношении «господствовали». Православие было Церковью крестьян, принадлежавших к «русской народности». Таков был исторически сложившийся социальный и этнический состав его паствы, как традиционно православной, так и воссоединенной из упраздненной в 1839 г. Греко-католической церкви. Поэтому православие в Северо-Западном крае, несмотря на то, что к нему принадлежали представители высшей российской администрации, воспринималось католическим духовенством и населением как «хлопская», «мужицкая» или «русская» вера¹⁷. Православные священники, экономически зависимые от польских помещиков, в социальной иерархии местного общества стояли гораздо ниже ксендзов, принадлежавших к польской элите¹⁸.

Фактором, усиливавшим идентификационный приоритет местного католичества перед православием, являлись его эсте-

¹⁵ Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. С. 20.

¹⁶ Юдин А. Исторические этапы взаимных отношений церковью Востока и Запада // Введение к книге: Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия. М. 2001. С. 76; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 425–432; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 740. Л. 4.

¹⁷ Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Вып. 2. С. 278; Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 16. С. 572; Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 34.

¹⁸ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 13. С. 475; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 101. Л. Г. Л. 37.

тико-культурные преимущества. Римско-католическая церковь располагала богато украшенными каменными костелами, воздействуя на души своей паствы и привлекая к себе православных органной музыкой и пышными религиозными процессиями. На этом великолепном фоне сельские православные церкви, деревянные и убогие, являли собой резкий контраст с костелами и только усиливали миссионерский «соблазн», исходящий от Католической церкви¹⁹.

Нельзя не отметить и другие факторы, влиявшие на функционирование конфессиональных механизмов идентификации края. Если Российское государство признавало легальный статус «терпимой» Римско-католической церкви, то для православного духовенства присутствие католицизма на территории Белоруссии не являлось религиозно легитимным.

Духовенство видело в католицизме лишь «латинскую схизму», которая приобрела свою паству в результате массового «сращения» православных во времена Речи Посполитой и переходов униатов в латинство в XVIII — начале XIX в.²⁰.

Местное католицизм, в противовес исторически традиционному русскому православию, воспринималось также и как этнически чуждая сила, пришедшая из Польши с миссией полонизма и прозелитизма²¹.

В силу указанных обстоятельств, «господствующая» в правовом отношении и доминировавшая численно Православная церковь, и русское (белорусы и малороссы) крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения края (за исключением Ковенской губернии, населенной литовцами) в этноконфессиональных и социокультурных механизмах формирования идентичности края играли второстепенную роль. Низкий социальный статус крепостного крестьянского сословия, имевший за собой долгую историческую традицию, сформировал отношение польского общества и к Православной церкви, и к русской этничности. После отмены крепостного права в 1861 г. и начавшихся политических волнений вопрос о том, кто будет определять идентичность Северо-Западного края, польская дворянская элита

¹⁹ Миловидов А. И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М. Н. Муравьеве // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1913. № 1. С. 11; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 347. Л. 1; Ф. 136. Оп. 1. Д. 30 932. Л. 19 об.

²⁰ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 261. Л. 4; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 448. Л. 2.

²¹ Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 16. С. 579–580; № 23. С. 876–877.

или православно-русские социальные низы, начал приобретать для правительства и его противников все большую актуальность. Нарастающее стремление польского дворянства добиться отторжения территории Северо-Западного края от России, «ибо это земля польская, а не русская»²², вывело решение этого вопроса на уровень вооруженного противоборства.

В январе 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло вооруженное восстание, затем боевые действия распространились и на губернии Северо-Западного края. Хотя при генерал-губернаторе Назимове были разбиты основные силы повстанцев, его административные мероприятия, направленные на подавление восстания, оказывались малоэффективными и не удовлетворяли Петербург²³. Назначение генерал-губернатором Северо-Западного края М. Н. Муравьева, состоявшееся 1 мая 1863 г., ознаменовало смену курса правительства в этом беспокойном регионе империи.

Новый начальник края своими продуманными и решительными мерами в короткий срок окончательно подавил вооруженные выступления польской шляхты и приступил к политике системного обрусения края. Социально-экономические и культурные реформы, начатые им, ставили своей целью изменить сложившееся не в пользу России соотношение сил между польско-католической элитой края и крестьянским православным большинством, между католичеством и православием²⁴. Речь шла о кардинальных решениях, призванных внести принципиальные перемены в содержание и функционирование краевых идентификационных механизмов — социальных, конфессиональных, этнических и культурно-образовательных. Как подчеркивал А. Ф. Гильфердинг: «Подавление вооруженного восстания есть только, и самое легкое, начало дела, дело будет, собственно, впереди, дело возвращения русской народности в Западной Руси того значения, которое ей принадлежит по праву. Дело это потребует постоянного участия всего русского общества в дружном содействии правительству. Оно потребует не столько действий *против* польского элемента, сколько действий в *пользу* русского народа»²⁵.

²² Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/26-2012-10-16-16-11-50.html>

²³ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. С. 36.

²⁴ Муравьев М. Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Русский архив. 1885. № 6. С. 186–187.

²⁵ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 34–35.

М. Н. Муравьев разработал и реализовал комплекс мер, который можно определить как программу социально-экономической, культурной и этнической модернизации белорусского крестьянства. (Преобразования в Литве — особая тема, которая не входит в задачи нашего исследования.) Реформы, проведенные в интересах крестьянского большинства, придали процессам модернизации края системный характер. В категориях своего времени эти реформы были представлены как политика «обрушения края». Этнический маркер этой политики недвусмысленно указывал на ее социальные и конфессиональные приоритеты, получившие идейное обоснование²⁶.

Сам М. Н. Муравьев характеризовал содержание своих реформ следующим образом: «Русскому правительству следовало бы соорудить в Вильне памятник с надписью «Польскому мятежу — благодарная Россия». Важнейшим, труднейшим и первостепенным делом в Северо-Западном крае является не укрощение мною польского, в сущности, бессильного мятежа, но восстановление в древнем искони русском Западном и Литовском крае его коренных, исторических, русских начал и бесспорного, преобладающего первенства над чуждыми России, пришлыми элементами»²⁷.

Содержание «системы» управления и реформирования Северо-Западного края, созданной М. Н. Муравьевым, свидетельствовало о том, что имперская политика радикально изменила свои приоритеты на этой территории. Прежние политико-стратегические задачи сохранения российского господства, реализация которых допускала компромиссы с польскими землевладельцами и Римско-католической церковью на основе сословной солидарности и принципов имперской веротерпимости, приобретали новое социально-этническое и конфессиональное измерение. Выбор, сделанный в пользу защиты интересов белорусского крестьянства и Русской православной церкви, определил новый вектор политики России в отношении ее западных окраин — ускорение процессов интеграции с центральными губерниями на основе формирования русской идентичности Северо-Западного края²⁸.

²⁶ Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. С. 2–4.

²⁷ Жиркевич А. В. Сонное царство великих начинаний (к столетнему юбилею со дня рождения Ивана Петровича Корнилова). Вильна. 1911. С. 8–9.

²⁸ Политические записки графа М. Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 186–199; Граф М. Н. Муравьев. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем польского мятежа 1863–1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134–139; Всеподданнейший отчет графа

Новый политический курс основывался на признании этнической однородности всех русских (белорусов, малороссов и великороссов), которые населяли Российскую империю. Реализация этого курса должна была служить практическим подтверждением решения Западного комитета 1864 г. о том, что «Северо-Западный край является русским, составляющим древнее достояние России»²⁹.

Принципиальная новизна политических решений М. Н. Муравьева заключалась в том, что *впервые* в Российской империи было сформулировано идейное обоснование для активного проведения системных региональных реформ. Они не только ускорили процесс социально-экономического и правового освобождения крестьян, начатый в 1861 г., но и позволили внести принципиальные изменения в положение сословий, этнических групп и конфессий Северо-Западного края.

Реформы М. Н. Муравьева, соответствовавшие критериям модернизации (образование, социально-экономическая и административно-правовая эмансипация), представляли собой политическую *форму* идеологии русского национализма, в качестве идеологов которого выступали М. Н. Катков и А. Ф. Гильфердинг, И. С. Аксаков. В качестве идейной мотивации для проведения реформ в пользу русского населения края эти публицисты и ученые указывали на общерусскую этническую солидарность, конкретным проявлением которой должно было стать восстановление исторической справедливости по отношению к угнетенному белорусскому народу. Газета «День», издаваемая И. С. Аксаковым, так писала об этом национальном долге образованной России: «Мы виноваты перед вами; простите нас... Мы, русское общество, как будто забыли о существовании Белоруссии; мы долгое время не знали о той глухой, неизвестной борьбе, которую вели белорусы за свою народность и веру со своими могущественными, сильными, хитрыми и богатыми, со всех сторон окружающими их врагами — польщиизной и латинством»³⁰.

Русский национализм, предлагаемый российской общественностью генерал-губернатору Муравьеву, по своему содержанию

М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 487–510.

²⁹ Литовский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3.

³⁰ Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М. Канфесія на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). Мінск, 1998. С. 61.

выходил за рамки усвоенного бюрократией донационального сословно-династического имперского патриотизма³¹.

Новая политическая практика, порожденная чрезвычайными обстоятельствами, вызвала необходимость модернизации идейных основ той политики, которую традиционно проводило правительство в западных регионах Российской империи. Идеи русского национализма, основанные на исторических традициях местного православного населения, в специфических условиях Северо-Западного края показали свою способность к распространению и воздействию на политические решения администрации. Поэтому меры, принятые М. Н. Муравьевым с целью «утвердить благосостояние сельского населения», имели ярко выраженную целевую идеологическую мотивацию. Это позволило придать им точную этническую и конфессиональную направленность, сформулированную в категориях «восстановления и упрочения русской народности и православия»³².

Начало процесса деколонизации края М. Н. Муравьев усматривал в достижении полной экономической независимости крестьян от польских помещиков-землевладельцев на условиях более выгодных, нежели у крестьян Центральной России, увеличении земельных наделов, повышении интенсивности труда и развитии крестьянского самоуправления. Речь шла об «окончательном утверждении крестьянской собственности и водворении на прочном основании «начало русской народности и православия... потому что, все дело наиболее заключается в сельском населении, которое в душе русское, но было загнано и забито. Паны называли его быдлом»³³.

Таким образом, важнейшая социальная группа населения, занимавшая низшее место в правовой, экономической и социокультурной иерархии края стала приоритетным объектом этнически ориентированной политики модернизации. В то же время польское дворянство — высшее сословие, претендовавшее на монополию в общественной жизни региона — было подвергнуто политическим репрессиям, экономическим санкциям и культурным ограничениям. Тем самым были созданы необходимые социально-правовые и экономические условия для начала постепенного

³¹ Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 151.

³² Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем. С. 495–497.

³³ Там же. С. 497.

преодоления негативных коннотаций, связанных с этнонимом «русский», которое в сознании польской элиты и местного общества фактически трансформировалось в соционим.

Концептуальный поворот, совершенный М. Н. Муравьевым в политике региональной модернизации, внес принципиальные изменения в исторически сложившееся соотношение сил между двумя главными социально-этническими группами, влиявшими на процессы определения идентичности Северо-Западного края. Глубокие социально-экономические преобразования, сделанные российской администрацией в пользу местного крестьянства, способствовали позитивным переменам в восприятии этнонима «русский». В результате — свободное, экономически независимое от польских помещиков русское (белорусы и малороссы) крестьянство постепенно начинает играть определяющую роль в общественных и государственных представлениях об идентичности региона.

Начатый М. Н. Муравьевым процесс глубинных преобразований социально-экономического положения крестьянства имел в Северо-Западном крае свои уникальные, отличительные черты. Их своеобразие проявлялось в том, что региональный процесс *модернизации края* после восстания 1863 г. начал осуществляться в форме системного *обрусения*, а *деколонизация края* проводилась в форме ограниченной *реконкисты*, призванной сократить влияние польского дворянства и Римско-католической церкви на крестьянское население края.

Свою непосредственную задачу генерал-губернатор видел в том, чтобы с помощью системы специальных мер остановить, а затем обратить вспять польско-католическую экспансию и связанные с ней процессы усиления польской идентичности Северо-Западного края. Системно структурированные социально-экономические и культурно-образовательные реформы, предпринятые им в защиту «православия и русской народности», должны были предотвратить всякие попытки польского дворянства считать край польским и на этом основании воссоединить его с этнической Польшей³⁴.

³⁴ Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем. С. 490–452; Политические записки графа М. Н. Муравьева. С. 187–199; Граф М. Н. Муравьев. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем польского мятежа 1864–1865 гг. С. 134–139; Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. С. 1–3; Миловидов А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 г., и вызванная им реформа

Вызов польского дворянства был не только политическим, но и социально-экономическим, идеологическим и культурно-психологическим, иными словами — экспансионистским. Мобилизирующий эффект этого вызова усиливался тем, что польское национальное движение выступало под католическими знаменами, угрожая не только целостности Российской империи, но и существованию православия в Литве и Белоруссии. Память об унии, упраздненной в 1839 г., питала надежды местных польских сепаратистов заполучить поддержку воссоединенного с православием крестьянства³⁵.

Поэтому ответные действия Муравьева, который намерен был окончательно интегрировать Северо-Западный край в состав Российской империи, были вполне адекватными. При этом основная ставка делалась на возвращение православию его исторически главенствующего положения и формирование русского самосознания православных белорусов, которые считались главной социальной опорой империи на ее западных окраинах. М. Н. Муравьев в категориях своей эпохи впервые заявил о необходимости формирования русского этнического самосознания в белорусской крестьянской среде как актуальной политической задаче российского правительства³⁶.

В этот период белорусы рассматривались как «русская народность», которая в силу различных исторических, политических и конфессиональных причин переживала кризис самоидентификации, утрату этнического самосознания. В понимании М. Н. Му-

местных учебных заведений (по архивным материалам). Вильна, 1904. С. 13–27; Миловидов А. И. К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1911. С. 45–49; Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. 2-е изд., проверен. и доп. (посмертное). Вып. первый. СПб., 1908. С. 82–86; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 1–5; Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 11, 18, 33, 50, 56, 60, 72.

³⁵ Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). С. 60.

³⁶ По утверждению М. Н. Муравьева: «По окончании вооруженного восстания, ... оставалось приступить к восстановлению и упрочению русской народности и православия в крае, в котором они были подавлены многие десятки лет и совершенно забыты, ибо и сами русские, жившие в тех губерниях, не считали себя русскими, а край тот считали принадлежностью Польши». См.: Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем. С. 494–495; Бендин А. Ю. Граф М. Н. Муравьев-Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е гг. XIX в. // Исторический поиск Беларуси / Сост. А. Ю. Бендин. Минск, 2006. С. 53–77.

равьева, «восстановление и упрочение русской народности» означало также организацию эффективной системы народного просвещения, способной дать населению осознание своей традиционной русской идентичности. Достижение этой цели становилось возможным при условии преодоления глубокого культурного и образовательного неравенства, которое существовало между польской дворянской элитой и белорусским крестьянством.

Одним из важных условий, необходимых для преодоления культурных различий, придававших отношениям местной дворянско-шляхетской элиты и крестьянского большинства черты колониальной эксплуатации, стали правительственные меры по ограничению доминирующего положения польской дворянской культуры с ее высокоразвитым литературным языком. Для этого народное образование (светское и церковное) строилось на основе изучения русского и церковнославянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял белорусского наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской коммуникации, т. е. выступал инструментом этнической и социальной модернизации белорусского населения. Церковнославянский язык изучался как богослужебный язык Русской православной церкви³⁷.

Правительство разрешило издавать литературу на белорусском языке, но использовать при этом кириллицу, а не латиницу, чтобы не допустить «полонизации» белорусского языка и отрыва его от русского языка и русской культуры.

В условиях, когда на территории Северо-Западного края противостояли друг другу два главных проекта этнического строительства — русский и польский, конкурентоспособным и социально престижным по отношению к польскому языку мог быть только русский. Он изучался и распространялся не только как государственный, но и как социально престижный язык развитой дворянской культуры³⁸.

Наряду с Русской православной церковью важную роль в формировании этнического самосознания белорусов начали играть учреждения Виленского учебного округа, деятельность которого

³⁷ Корнилов И. П. Общие замечания к отчету о состоянии народных училищ Виленского учебного округа за 1864 г. Вильна, 1865. С. 51–57.

³⁸ Сборник статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Выпуск 2. С. 447; Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 261–292.

охватывала Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии Северо-Западного края. К середине 60-х гг. по инициативе М. Н. Муравьева и попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова вся система народного образования в крае была коренным образом перестроена. Русский язык в качестве языка преподавания стал господствующим на всех ступенях школьного обучения, а польский был полностью устранен из школы, даже как предмет изучения. Более того, с этого времени обязательным языком преподавания ксендзами-законоучителями католического Закона Божьего стал русский³⁹.

Первые итоги перемен, произошедших в этническом самосознании крестьянства под влиянием новых политических и лингвистических реалий, подвёл И. П. Корнилов: «Русская пропаганда, действующая через школы, церкви, администрацию, делает свое дело; она возбуждает в массах ясное сознание и убеждение, что здешний край — исконно русский, что здесь колыбель русского государства и Православия, что если губернии около Москвы называются Великой Россией, то здешние губернии имеют полное право называться первоначальной древнею Россией... Поэтому все меры, клонящиеся к восстановлению древнего Православия, к восстановлению в народе сознания о его русском происхождении и коренном Православии, конечно, сильнее, прочнее и действительнее всяких мер, полицейских и военных... Белорус мало-помалу перестает быть быдлом, работающим безответно на пана и жиды».

Русский язык и русская вера перестают называться холопски-ми; русского языка не стыдятся как прежде, а польским не щеголяют. Русское образование сильнее русского штыка»⁴⁰.

Таким образом, благодаря усилиям российской администрации и Православной церкви, осознание своей принадлежности к «русской народности» впервые за долгий исторический срок становилось для православных белорусов положительной самооценкой.

Осуществляя политику системного обрусения края, администрация М. Н. Муравьева выстроила систему ответов на польско-католические вызовы в экономике, религиозно-этнической и социокультурной областях. Опираясь на местные исторические традиции, администрация с помощью системы образования, Русской православной церкви и других социальных институтов, спо-

³⁹ Свод Законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1893. Ст. 3549.

⁴⁰ Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. С. 218–219, 280–281.

собствовала формированию русской идентичности православных белорусов как оппозицию идентичности польской.

И. П. Корнилов отмечал: «Русский элемент не есть здесь нечто чуждое, водворяемое силой извне, он здесь свой, родной, и каждая мера правительства, направленная к восстановлению его законных исторических прав потому-то и принимается в крае сочувственно и сопровождается быстрыми успехами, что она пробуждает к жизни начало родное, всем близкое, кровное; край возвращается ныне к своему русскому источнику, к своей естественной исторической форме; система же нынешнего управления [созданная М. Н. Муравьевым. — Прим. авт.] есть не что иное, как освобождение русского народа от долговременного и тяжело-го латино-польского гнета»⁴¹.

Этот процесс, инициированный правительственной политикой этнической модернизации, потребовал создания системы государственных и церковно-приходских школ, православных братств, светских и церковных печатных изданий и, наконец, культурно-религиозной работы местного православного духовенства и интеллигенции, выступавших в качестве русских этнических активистов⁴².

Политический курс М. Н. Муравьева, его ближайших последователей и соратников, реализовавших решения Западного комитета, вызвал подъем религиозного и этнического самосознания народа. Из белорусско-литовских губерний на имя императора Александра II поступили десятки адресов. В них крестьянские и городские общества заявляли о том, что они русские, которые в трудную годину польского мятежа остаются верными монархии и России⁴³. Преобразования, осуществленные в сфере народного просвещения, привели к появлению слоя западнорусской интеллигенции. Начался процесс преодоления польской монополии, которая утвердилась в интеллектуальной и культурной жизни края не без помощи российского правительства⁴⁴.

⁴¹ Корнилов И. П. Общие замечания к отчету о состоянии Виленского учебного округа за 1864 год. С. 4.

⁴² Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006. С. 323–333.

⁴³ Виленский вестник. 19 марта 1863 г.; 9 мая 1863 г.; 18 июня 1863 г.; 27 июня 1863 г.; 29 июня 1863 г.; 16 июля 1863 г.; 8 августа 1863 г.; 10 августа 1863 г.; 17 августа 1863 г.; Северная почта 8 мая 1863 г.; 25 мая 1863 г.

⁴⁴ «Что такое Западный край? — писал один из руководителей восстания З. Сераковский. — Высший и средний класс в нем представляют поляки или, говоря точнее, литовцы и русины, принявшие добровольно польский язык,

По определению А. И. Миловидова, эпоха М. Н. Муравьева вошла в историю Белоруссии как *западнорусское возрождение* 60-х гг. XIX в.⁴⁵ Имя М. Н. Муравьева стало одним из важнейших идейно-политических символов формирующейся западнорусской идеологии. Практическим результатом введенной им «системы» управления краем стало радикальное упразднение отмеченных выше *колониальных* отношений, парадоксальных с точки зрения российского права, русских исторических традиций, нравственной, религиозной и политической ответственности российского государства перед белорусским народом⁴⁶.

Эта политика была созвучна настроениям, преобладавшим в российском образованном обществе, и стимулировала пробуждение русского национального самосознания⁴⁷. С точки зрения политической практики, курс на западнорусское возрождение означал защиту социально-экономических интересов белорусского крестьянства; укрепление религиозных, социальных и культурных позиций православия; уменьшение влияния католической церкви и развитие народного просвещения. Этнокультурный аспект западнорусского возрождения заключался в теоретической разработке представлений о белорусах как о «русской народности». Тем самым русская идентичность края получила историческое, этнографическое и идейное обоснование в трудах и деятельности новой интеллектуальной элиты края — М. О. Кояловича, Е. Романова, П. Штейна, И. Носовича, М. Дмитриева, Е. Карского, М. Кояловича, А. Миловидова, Г. Киприановича и др.

В этот период этноним «русские» в государственном, церковном и общественном понимании означал общее название всех восточнославянских народов: великороссов, малороссов и белорусов. Между великороссами, малороссами и белорусами не было четких этнических границ, существовали широкие диалектные и культурно-бытовые переходные зоны. Благодаря первенствующему

польские стремления, одним словом, польскую цивилизацию. Все, что думает об общественных делах, все, что читает и пишет в Западном крае — все это совершенно польское». См: Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/26-2012-10-16-16-11-50.html>

⁴⁵ Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева. С. 67.

⁴⁶ Политические записки графа М. Н. Муравьева. С. 187–188.

⁴⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 1999. Т. 1. С. 37.

значению православной идентификации этноним «русские» носил *инклюзивный* (расширительный) характер, не замыкаясь на узко этнической составляющей. Вероисповедание в пореформенный период являлось важнейшим культурным признаком, определявшим групповую идентичность. Конфессиональная и этническая идентичность были тесно взаимосвязаны. Поэтому понятия «русский и «православный» считались синонимами, несмотря на то, что православными были и представители нерусских этнических групп. Российская Православная церковь, несмотря на официальное самоопределение, неизменно подчеркивала свой этнический характер, отмечая традиционно установившуюся связь между вероисповеданием и этничностью. «Русский человек остается русским пока держится Православия, но он становится поляком, татаринном, немцем и т. д., как скоро принимает римско-католичество, магометанство, лютеранство и т. п.»⁴⁸.

Воссоединение униатов с православием в 1839 г. привело к конфессиональному размежеванию этнически и культурно однородного белорусского крестьянства. Новые конфессиональные границы между православием и католичеством утверждались в Северо-Западном крае в качестве линии этнической демаркации между русским большинством и меньшинством, постепенно обретающим польскую идентичность. Проведение этих границ создавало для государства и двух конкурирующих конфессий объективные критерии принадлежности подданных к разным этническим группам, так как в регионах со смешанным православно-католическим населением этнические идентичности зависели в первую очередь от *конфессионального фактора*.

Д. Сталюнас отмечает: «В начале 60-х гг., чиновники МВД при обработке данных национальной статистики обнаружили, что “племенное происхождение”... в низших сословиях затемнялось религиозным различием. Бытовало мнение, что и сами крестьяне так определяли свою национальную принадлежность... Очень часто при определении национальной принадлежности крестьян главным критерием служила конфессия. Католики считались поляками (или, по крайней мере, “потенциальными поляками”), а православные — русскими (“потенциально русскими”)⁴⁹.

⁴⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 125.

⁴⁹ Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ. С. 279–280.

Исторически существующая взаимосвязь между русской идентичностью и православием обусловила меры М. Н. Муравьева по изменению положения Православной церкви в Северо-Западном крае. Свою задачу генерал-губернатор выразил следующим образом: «Упрочить и возвысить русскую народность и православие так, чтобы не было и малейшего повода опасаться, что край может когда-либо сделаться польским... Без содействия православного духовенства мы не можем надеяться на прочное водворение русской народности в том крае»⁵⁰.

Таким образом, усиление позиций православия рассматривалось в качестве необходимого условия утверждения русской идентичности Северо-Западного края. Исключая, разумеется, Ковенскую губернию, населенную литовцами. Для этого М. Н. Муравьевым были предприняты меры по улучшению материального положения православного духовенства, повышению его образовательного и социального статуса⁵¹. На основе государственного и частного финансирования началась реализация широкомасштабной программы строительства и реконструкции храмов. Восстанавливались древние православные святыни, на всенародные пожертвования, собранные в Центральной России, приобретались церковная утварь и богослужебные книги.

За короткий срок (с 1863 по 1865 гг.) было построено 98 церквей; отремонтировано — 126; перестроено из костельных зданий — 16; построены 63 часовни. Исследователь М. Носко отмечал: «Построенные при М. Н. Муравьеве православные храмы не только украсили внешний вид белорусских городов и деревень, но, прежде всего, дали белорусам возможность духовного возрождения и вместе с тем — национальной самоидентификации»⁵².

Благодаря решениям Виленского генерал-губернатора, православие, как этническая церковь социальных низов, получила возможность вступить в соперничество с эстетически доминирующим католичеством в местностях с православно-католическим населением.

Предпринятое Муравьевым имперское бюрократическое наступление на социально-экономические и культурные позиции

⁵⁰ Политические записки графа М. Н. Муравьева. С. 186–187, 191.

⁵¹ Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатова А. М. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). С. 64.

⁵² Носко М. М. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев и православное храмостроительство в Беларуси // Исторический поиск Беларуси / Сост. А. Ю. Бендин. Минск, 2006. С. 200–201.

региональной польско-католической элиты осуществлялось в условиях военного положения, с помощью чрезвычайных методов управления. Это относилось, в первую очередь, к осуществляемой администрацией политике репрессий против мятежников и административных ограничений, наложенных на деятельность польских помещиков и ксендзов.

В Северо-Западном крае выступление польских сепаратистов в 1863 г. проходило под знаменами католицизма. Часть радикально настроенных ксендзов использовала авторитет священного сана и духовную власть над паствой для антиправительственной пропаганды и политической мобилизации повстанцев⁵³. По словам М. Н. Муравьева, «католическое духовенство никогда еще так дерзко и незаконно, как ныне, не заявляло своих преступных действий: призыв к мятежу раздается с высоты костельных кафедр; речи, пропитанные духом ненависти и разрушения, оглашают своды католических святынь, и даже некоторые исступленные проповедники сами берутся за оружие, присоединяются к шайкам бунтовщиков и предводительствуют некоторыми из них. Высшее же духовенство, владея главным и вернейшим средством к умиротворению края — призывом, во имя Божие, к порядку и законному долгу, умышленно бездействует, потворствуя, таким образом, кровавым смутам и беспорядкам»⁵⁴.

Внесение религиозных мотивов в вооруженный гражданский конфликт привело к увеличению отрядов польских сепаратистов из числа местной шляхты и способствовало расширению масштабов восстания⁵⁵.

Правительство не признавало участников польского восстания воюющей стороной. С государственной точки зрения это были мятежники, с оружием в руках выступившие против законного правительства. Поэтому ответной реакцией власти на политический вызов местного католицизма стали меры чрезвычайного характера — репрессии против представителей мятежного

⁵³ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864. М., 1965. С. 95–101; Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. С. 106, 114; Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем. С. 488, 491, 496; ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 12, 18, 33, 50, 72. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 5.

⁵⁴ Виленский вестник. 27 июня 1863 г.

⁵⁵ Виленский вестник. 9 февраля 1863 г.; 12 февраля 1863 г.; 25 мая 1863 г.; 1 июня 1863 г.; 11 июля 1863 г.; 24 августа; День. 5 октября (№ 40) 1863 г. С. 19.

католического клира, а также закрытие костелов и монастырей, клир и монашествующие, которых принимали участие в антиросийском восстании⁵⁶.

Помимо сугубо политических мотивов, которыми руководствовалась администрация края при конфискации церковных зданий, существовали мотивы правовые и религиозные, так как десятки костелов и каплиц были построены польскими помещиками незаконно, с откровенно прозелитическими целями⁵⁷.

Польское восстание 1863 г. только усилило религиозно-этническую и социальную неприязнь православного духовенства, прибавив к ней политическую составляющую. По отзывам священников, еще накануне восстания ксендзы стали открыто проповедовать ненависть к православным, заражая ею свою паству⁵⁸. Пропаганда религиозной нетерпимости оказалась результативной. Польские мятежники принесли многим православным священнослужителям унижения, страдания, беды, а некоторым и мученическую смерть⁵⁹. После трагических событий 1863 г. у верноподданного православного духовенства появились весомые основания испытывать религиозную, этническую и политическую нетерпимость к местному польскому католицизму. Обратной стороной политики системного обрусения Северо-Западного края явились меры М. Н. Муравьева, направленные на ограничение силы и влияния католицизма, польской культуры и польского помещичьего землевладения. Эта упоминаемая выше

⁵⁶ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. С. 70–71, 94–95; Лясковский А. И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин, 1939. С. 122.

⁵⁷ Миловидов А. И. Меры, принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С. 15. М. Н. Муравьев. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем польского мятежа 1863–1864 гг. С. 138–139; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 223. Л. 1–2; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 248. Л. 1–2; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 420. Л. 1.

⁵⁸ Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатова А. М. Канфесіі на Беларусі. С. 60; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 112. С. 425.

⁵⁹ Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. М., 1889. С. 286, 364; Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католицизма и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006. С. 270; Щеглов Г. Э. 1863-й. Забытые страницы. Минск, 2005. С. 11–44; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 10. С. 330–335; № 11. С. 372–383; № 12. С. 410–423; № 13. С. 457–463; № 14. С. 512–520; № 15. С. 567–575; № 17. С. 655–659.

западнорусская *реконкиста* была призвана остановить и повернуть вспять польско-католическую экспансию, достигшую своего высшего пика к 1863 г. и тем самым окончательно закрепить Северо-Западный край за Российской империей⁶⁰.

В административную реконкисту, начатую «сверху», включилась социально и религиозно активная часть православного духовенства. Для него настало время предъявления счетов — исторических, религиозных, социальных, политических, этнических и личных для решительного и максимального вытеснения польского католичества из местностей, традиционно населенных русским православным населением⁶¹. В свою очередь администрация создала для этого необходимые политические и правовые условия⁶².

Так, с 1864 г., в условиях военного положения, начался совместный административно-конфессиональный процесс принудительного перераспределения богатой католической церковной собственности в пользу православной церкви. Эти действия трактовались не только как заслуженное наказание за участие в мятеже, но и как восстановление исторической, религиозной и социальной справедливости, как долгожданное торжество православия над «латинской схизмой». В результате — приходское православное духовенство получало не только храмы, но и жилые дома ксендзов, землю и хозяйственные постройки.

К обвинениям католического клира и мирян в политически враждебном поведении, на основании которых администрация принимала решения о закрытии костелов, монастырей и каплиц, духовенство присовокупило свои, конфессиональные. В прошенных епископата и приходского духовенства, подданных администрации, появляется универсальная формулировка о том, что

⁶⁰ Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. С. 3, 13–14; ЛГИА, Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3–8.

⁶¹ Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuviu kataliku mokslo akademijos. Metrastis XXVI*. Vilnius. 2005. С. 344; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 101. Л. Г. Л. 37–38.

⁶² Высочайшими повелениями от 23 июня 1864 г., от 14 апреля 1866 г. и от 3 сентября 1866 г. генерал-губернатор Северо-Западного края получал право закрывать монастыри, костелы и каплицы, «существование коих оказывается особенно вредным и закрытие коих будет признано генерал-губернатором необходимым», с предварительным уведомлением об этом министра внутренних дел. См: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 298 а. Л. 1–3, 60–61, 111–112, 118.

существование костела или каплицы в данной местности представляет собой «соблазн» и является «вредным» для интересов Православной церкви⁶³.

Как правило, речь шла о проявлениях «враждебной православию и правительству латино-польской пропаганды» среди «доверчивого» православного сельского населения⁶⁴.

Эти распространенные миссионерские и этнические аргументы приобретали политическую окраску и становились столь же весомыми для судебных костелов, как и обвинения духовных лиц, монашествующих и мирян в мятежных действиях. Единомыслие в оценках католицизма, проявленное администрацией и частью активного православного духовенства, позволило осуществить массовую конфискацию католической церковной собственности, что существенным образом ослабило институциональные позиции католицизма в крае.

Поводом для закрытия католических храмов и часовен были не только вышеупомянутые обвинения в государственных преступлениях и противоправном прозелитизме, но и массовые переходы католиков в православие, происходившие в 1864–1868 гг., частью добровольно, частью с использованием административного ресурса. В случае, если переходил весь приход, иногда даже с ксендзом-настоятелем, или его большая часть, тогда костел закрывался и передавался в ведение Православной церкви. Иногда инициатива о закрытии костелов исходила от новообращенных в православие прихожан⁶⁵.

Результаты были впечатляющими. По подсчетам Д. Сталюнаса, в пяти губерниях Северо-Западного края с 1864 г. по 1 июня 1869 г. были закрыты 377 костелов, монастырей и каплиц⁶⁶.

Участие в борьбе за независимость Польши в форме вооруженной борьбы и противоправная прозелитическая деятельность отдельных групп духовенства привели к тяжелым негативным

⁶³ Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 4 (1868–1874 гг.). Святотроицкая Сергиева Лавра. 1902. С. 54; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 343. Л. 1–2; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 330. Л. 11; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 181. Л. 17. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 347. Л. 1–4.

⁶⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 365. Л. 1–9; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2170. Л. 6–11.

⁶⁵ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1917. Л. 1–2; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1926. Л. 259; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 356. Л. 1–2, 7; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 828. Л. 21.

⁶⁶ Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия. С. 331; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1869. Д. 946. Л. 1–29.

последствиям для Католической церкви как социального и религиозного института. В результате предпринятых администрацией чрезвычайных мер по закрытию костелов и монастырей, институциональные позиции католицизма на территории края — религиозные, социальные, экономические и этнокультурные — к началу 70-х гг. XIX в. были значительно ослаблены⁶⁷.

Следует отметить, что политические репрессии против ксендзов за преступления против государства, закрытие костелов, часовен и монастырей, кампания по обращению католиков в православие, т. е. чрезвычайная конфессиональная политика, были продиктованы непосредственной реакцией правительства на вооруженный мятеж. Несмотря на столь впечатляющие проявления *политической* враждебности части католической иерархии и клира к российскому государству и православию, эта политика не исходила из общей *правовой* оценки Католической церкви как религиозно нетерпимой или преступной политической организации.

Предпринятые меры, несмотря на их масштабы и жесткость, носили *ситуативный и ограниченный* характер. Они не изменили, и не могли изменить, легального положения Католической церкви как религиозного института, продолжавшего функционировать на основе статей 44–45 «Основных законов» Российской империи и действовавшего законодательства о веротерпимости. Католическая церковь в государстве по-прежнему сохраняла правовой статус «терпимой», государственной, находившейся под покровительством императора, ее духовенство и епископат получали жалование из казны, пользовались всеми установленными законом правами и сословными привилегиями⁶⁸.

В завершение следует сказать, задачи реформирования края, которые пришлось решать М. Н. Муравьеву в связи с попыткой насильственного отторжения края от России, привели к переменам в характере управления этой особой территориально-административной единицей империи. Одновременное осуществление разнонаправленных политических проектов, определяемых нами

⁶⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–68; ЛГИА (Политическое отделение). Ф. 378. Оп. 1867. Д. 147. Л. 7, 13, 22; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 1289. Л. 1–26; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 16. Ед. хр. 51. Л. 13. Брянецев П. Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 67.

⁶⁸ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. СПб., 1857. Ст. 44–45; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1857.

как модернизация, деколонизация и реконкиста, представляли собой систему мер, которые обеспечивали адресную практику репрессий и ограничений, с одной стороны, и столь же адресные решения, обеспечивавшие развитие крестьянского населения и региона, в целом. В результате, польское дворянство и католическое духовенство, которые традиционно формировали представление о польской идентичности Северо-Западного края, перестали восприниматься правительством как политически лояльные высшие сословия.

В качестве социальной опоры российской власти М. Н. Муравьевым выдвигается крестьянское, в первую очередь русское (православные белорусы, малороссы и старообрядцы) население края и православное духовенство. Правительственная ориентация на поддержку и развитие низших социальных сословий и представлявшую их Православную церковь придали представлениям о русской идентичности края новое политическое и статусное измерение. «Русскость» белорусского населения и его православная вера стали рассматриваться в качестве ведущих социальных и политических факторов, способных обеспечить целостность империи на ее западных рубежах.

Поэтому выстроенная М. Н. Муравьевым «система» управления краем получила дифференцированно направленный, целевой характер. По отношению к польско-католическому сообществу оно выступало как проявление *внешнего* господства с присущими ему ограничениями, запретами и административным контролем. По отношению же к русскому православному сообществу правительство выполняло *внутреннюю* регулирующую роль, направленную на его социально-экономическое, культурное и этническое развитие. Свидетельством результативности нового подхода к управлению регионом стали территориальные изменения в его административной структуре. По мере снятия военного положения, из состава Северо-Западного края постепенно были выведены три белорусские губернии: Могилевская — 27 июня 1869 г., Витебская — 2 ноября 1869 г. и Минская — 25 декабря 1870 г. — и переданы в непосредственное управление МВД⁶⁹. Остальные три белорусско-литовских губернии — Виленская, Гродненская и Ковенская, в силу своего особого положения, по-прежнему оставались в ведении Виленского генерал-губернатора.

⁶⁹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58–60; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1869. Д. 66. Л. 48–53; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 97. Л. 1–4.

А. А. ЗАГОРНОВ

ВОССТАНИЕ 1863 Г.
И СУДЕБНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ

Введение

Разделы Речи Посполитой, включив белорусские и литовские земли в состав Российской империи, стали важным рубежом, отделившим эти территории от польского национального развития. Они обусловили возникновение «польского вопроса», который на протяжении всего XIX в. занимал одно из основных мест во внешней и внутренней политике Российской империи.

Северо-Западный край, основу которого составляли белорусские земли, стал регионом, где решение данного вопроса приобрело принципиальный характер и где столкновение польского и русского начала было особенно острым. Польско-русское противопоставление проявилось уже в самом определении западных губерний империи — «возвращенные» губернии и «забранный» край; Западный край и восточные окраины (крессы). К 60-м годам XIX в. «польский вопрос», ставший одним из самых серьезных вызовов российской государственности, был связан с событиями, которые глубоко врезались в сознание современников: период Смуты, восстание 1794 г. и штурм А. В. Суворовым предместья Варшавы, Отечественная война 1812 г. и присутствие польских формирований в составе армии Наполеона, польское восстание 1830–1831 г. и снова тяжелый штурм польской столицы.

В эпоху Великих реформ острота указанного вопроса усугубилась тем, что модернизация империи совпала по времени с очередным польским восстанием.

Подготовка судебных преобразований

Отмена крепостного права, подготовка к другим глубоким реформам сопровождалась масштабной перестройкой государственного механизма и некоторой дисфункцией власти. Этим воспользовались организаторы восстания.

Восстание 1863 г. по своему характеру отличалось от предыдущих вооруженных выступлений. В нем преобладала иррегулярность, что выражалось в ведении, по существу, партизанской войны, отсутствии линии фронта, использовании восставшими террористических методов. Для его подавления власти, выйдя из замешательства, стали активно использовать самые строгие меры наказания, вплоть до смертной казни, что стабилизировало ситуацию и снизило активность восставших. При этом следует отметить, что наказанию предшествовало судебное разбирательство и отсутствовали массовые казни. Чрезвычайные военно-судные комиссии часто освобождали помещиков, привезённых крестьянами, за недостатком улик.

Все северо-западные губернии были объявлены на военном положении и управлялись по чрезвычайным циркулярам и распоряжениям.

Проведение активной политики деполонизации губерний Северо-Западного края должно было предотвратить повторение восстания.

Острота польской проблемы сохранялась на протяжении всего периода преобразований государственных институтов. Как весьма точно отзывался современник, у правительства при решении этой проблемы «не оказалось ни традиций, ни ясного сознания своей роли»¹. Данный вопрос определил, во многом, специфику реформирования судебной сферы. Возможность повторения вооруженных выступлений, антирусские и антиимперские настроения среди части местного дворянства, отсутствие ясной и долгосрочной политической программы правительства в отношении этой территории ограничили раскрытие всего потенциала, заложенного в судебной реформе.

¹ Филевич И. П. Польша и польский вопрос. М., 1894. С. 96.

Характерно, что в правительство поступали различные проекты решения этой важной для государства проблемы, в том числе и с максимальным учетом интересов польской стороны. Так, в поданной военному министру Д. А. Милютину записке офицера Генерального штаба З. Сераковского «Вопрос польский» (декабрь 1862 г.) отмечалось, что данный вопрос является одним из самых важных, разрешение которого предстоит всей Европе. Говоря о судебных аспектах разрешения вопроса, автор подчеркивал, что судебные чиновники на территории бывшей Речи Посполитой должны знать польский и русский языки, что, например, «уроженцы западных губерний имеют право без всяких ограничений занимать по своим способностям административные, судебные и ученые должности в своем крае», что необходимо, чтобы выборное начало преобладало при формировании судебных учреждений, а все чиновники были ответственны перед самостоятельным и независимым судом². Данные предложения еще более укрепили бы польское влияние в крае и поэтому не были приняты. Отметим, что З. Сераковский изменил присяге, стал одним из предводителей восстания в Северо-Западном крае и был повешен в Вильно.

После восстания противодействие всему польскому становится сердцевинной правительственной политики, что, безусловно, сказывается и на готовящемся судебном реформировании.

Правительство, тем не менее, стремилось постепенно адаптировать край с центральными губерниями империи. Судебная реформа, среди других, способствовала включению этой территории в единый государственный организм.

Для создания более благоприятных условий для такого включения Могилевская и Витебская губернии (1869 г.), а также Минская (1870 г.) были отделены от Виленского генерал-губернаторства. Такое административно-территориальное разделение должно было обеспечить скорейшую политическую и организационную ассимиляцию данных земель с центром России.

От политики примирения с поляками власть перешла к жесткому противостоянию.

При этом признавалось, что бывшие земли Речи Посполитой для государственно-правовых изменений подготовлены лучше, чем центральная часть империи. Как свидетельствовали современники, в 1863 г. Александр II говорил Н. Милютину, что хотя он признает возможность представительной формы правления,

² Русско-польские революционные связи. Т. I. М., 1963. С. 231, 237–238.

но «не может дать его бунтующим полякам, не давая верноподанным русским», которые, по его словам, были еще не готовы для такого рода изменений³.

Следует отметить, что правительство не отказалось от проведения судебной реформы на территории края, предполагая, что единство изменений судоустройства и судопроизводства на всей территории империи сделает невозможным повторение вооруженных выступлений.

Задача сохранения целостности империи, актуализируемая памятью о восстании 1863 г., стала диктовать введение ограничений при проведении судебных преобразований на землях, которые могли лучше их усвоить благодаря своему предшествующему развитию.

В указах даже в первой четверти XIX в. подчеркивалось, что «суд и расправа» являются сугубо внутренними делами «территорий, вновь присоединенных к России», и должны основываться «на местном праве» и вестись «на местном наречии»⁴.

Как писал представитель высшей администрации Северо-Западного края, «здесь судебная реформа встречена будет с особой симпатией и потому еще, что она заключает в себе много начал общих со Статутом Литовским, искони действовавшим и так еще недавно отмененным»⁵.

Примечательно, что в мятежном 1863 г. в типографии II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, которое занималось кодификацией законодательства, был издан «Очерк судоустройства и гражданского процесса по бывшим статуту Литовскому и конституциям»⁶. Статут был полностью отменен в западных губерниях в 1840 г., однако сохранил свою ценность для разработчиков судебных преобразований, которые стремились учесть местный судебный опыт.

Кроме того, и министром юстиции, и виленским генерал-губернатором отмечалось, «что реформа будет иметь огромное влияние на экономическое состояние западных губерний, что, вместе

³ Чубинский М. П. Судебная реформа. История России в XIX веке. Эпоха реформ. М., 2001. С. 266.

⁴ Оржеховский И. В., Теплова В. А. «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. // Выбранные научковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У сямі тамах. Т. II. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. Мінск, 2001. С. 80.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 851. Л. 2 об.

⁶ Очерк судоустройства и гражданского процесса по бывшим статуту Литовскому и конституциям / Сост. М. М. Новаковский. СПб., 1863.

с тем, она послужит к достижению тех политических целей, к которым стремится правительство, — к прекращению обособленностей польской и еврейской национальностей»⁷.

Предполагалось, что само учреждение новых судов и повышение русского участия в них показало бы, что «с введением в крае более совершенных учреждений значение отдельных национальностей все более и более умалется, а поэтому польской и еврейской народностям при дальнейшем развитии государственных учреждений не остается ничего другого, как слиться окончательно с господствующим в крае племенем»⁸.

Считалось, что при гласности судопроизводства русский язык вытеснит польский и только судебной реформой можно положить сильное русское начало, которое необходимо для подчинения его влиянию «враждебных русским интересам религиозно-национальных особенностей страны»⁹. Запрет официального использования польского языка в Северо-Западном крае должен был способствовать этому процессу. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев своим циркуляром от 1 января 1864 г. воспретил пользоваться им в официальной переписке и в присутственных местах¹⁰. При этом в целом на территории Российской империи польский язык не запрещался.

Глубокое преобразование судебной системы требовало кардинальных изменений в кадровой политике, так как местных кадров, лояльных власти, явно не хватало. Правительство настаивало на «повадки всевозможного европейничанья» местного дворянства¹¹.

Ситуацию с местным дворянством хорошо иллюстрирует И. Н. Захарьин, оставивший воспоминания о службе в Белоруссии, где с 1865 по 1871 г. был мировым посредником. Будучи чиновником, призванным для «обрусения терроризированного края»¹², он постарался противодействовать польскому влиянию.

⁷ Белевич Ф. Р. Судебная реформа 1864 г. и политика русского самодержавия по отношению к лицам польского происхождения в Белоруссии. Материалы к IX конференции молодых ученых. Общественные науки. Минск, 1964. С. 153.

⁸ Там же.

⁹ Белевич Ф. Р. Судебная реформа 1864 г. и политика русского самодержавия по отношению к лицам польского происхождения в Белоруссии. С. 153.

¹⁰ Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 40.

¹¹ Филевич И. П. Польша и польский вопрос. М., 1894. С. 38.

¹² Захарьин И. Н. Рассказы о былых делах. СПб., 1885. С. 176.

Им отмечалось, что на мировых посредников «легла очень серьезная обязанность — устроить быт несчастных белорусских крестьян, обиженных и почти обезземеленных польскими мировыми посредниками, составившими неправильные и недобросовестные уставные грамоты»¹³.

Кроме того, И. Н. Захарьин указывал, что большинство чиновников, например, в Могилевской губернии, где он служил, «состояло все еще из поляков, между которыми была масса лиц, числящихся православными; это были местные уроженцы — «белорусы», как они стали называть себя после усмирненного восстания. В сущности же это были истые поляки, рожденные от смешанных браков, носившие даже польские фамилии, предпочитавшие для молитвы костелы церквям и вспоминавшие о своем православии лишь случайно — то есть тогда, когда это сделалось выгодным. Они занимали в губернии очень видные должности, потворствовали на каждом шагу полякам и вредили, насколько только могли, русскому делу»¹⁴.

Чтобы изменить ситуацию с комплектованием судебных учреждений, особенно местного уровня, правительство предпринимало законодательные меры по усилению русского землевладения в Северо-Западном крае.

Указ от 5 марта 1864 г. предоставлял льготы русским помещикам при покупке имений в западных губерниях¹⁵.

В 1865 г. были установлены пониженные цены на конфискованное имущество для увеличения притока русских помещиков в Западный край¹⁶.

10 декабря 1865 г. вышел указ о запрещении полякам приобретать имения в 9 западных губерниях¹⁷. Все сделки, противоречащие этому закону, считались недействительными. Допускалось только наследование по закону. Высланные в связи с восстанием 1863 г. владельцы секвестрированных имений обязывались в течение двух лет продать их лицам русского происхождения или обменять их на имения в другой части империи¹⁸.

Помимо указанных мер, в августе 1864 г. чиновникам русского происхождения, служащим по ведомству Министерства юстиции,

¹³ Там же. С. 163.

¹⁴ Там же. С. 253.

¹⁵ ПСЗ. 2 собр. Т. XXXIX. № 10 656А.

¹⁶ Там же. Т. XLII. № 42 328А.

¹⁷ Там же. Т. XL. II отд. № 42 759.

¹⁸ Подробнее см.: Горизонтов Л. Е. Указ. соч. С. 135–141.

в шести северо-западных губерниях на 50 % увеличивалось содержание¹⁹.

При подготовке к введению судебной реформы в Западном крае в печати звучала и точка зрения о том, что поляки не являются препятствием для проведения преобразований.

Так, Н. Ренненкампф писал, что, «сделав самые незначительные и несущественные уклонения от судебных уставов», можно успешно провести реформу. Он указывал на следующие изменения: во-первых, назначение мировых судей от правительства; во-вторых, «определить процент польских уроженцев в числе 12 присяжных, и тем отнять у польского населения, более деятельного и интеллигентного, возможность преобладать в судах в качестве присяжных»; в-третьих, не допускать поляков к адвокатской деятельности²⁰.

После официального введения в действие Судебных уставов 1864 г. подготовительные работы по преобразованию судебной системы на белорусской территории ускорились. Например, генерал-губернатор Северо-Западного края в сентябре 1865 г. предложил гродненскому губернатору, чтобы председатели палат уголовного и гражданского судов и прокурор в соответствии с инструкцией министра юстиции представили сведения по введению судебных уставов в Гродненской губернии «с условием, конечно, некоторых временных отступлений, вызываемых настоящим положением края, не вполне еще соответствующего всецелому применению гласного, основанного на выборном начале, судопроизводства»²¹.

Среди ограничений судебной реформы выделяется установление принципа назначения мировых судей вместо выборности. По мнению генерал-губернатора, если этого не сделать, то в мировые учреждения попадут в основном представители «полякующего еще дворянства и шляхты» и польское влияние в крае только усилится²². Еще одно предлагаемое для обсуждения отступление заключалось в существенной корректировке формирования суда присяжных и адвокатуры. Так, помимо общих условий, закрепленных уставами, присяжные заседатели и поверенные должны были быть «православного вероисповедания и хорошо умеющими

¹⁹ ПСЗ. 2 собр. № 41 236.

²⁰ Ренненкампф Н. Еще раз о сущности судебной реформы и о применении ее в Юго-Западном крае. Киев, 1866. С. 5–6, 10.

²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5784. Л. 2.

²² Там же. Л. 3.

читать, писать и говорить по-русски»²³. Таким образом усиливался русский элемент в целом и, особенно, обеспечивалось его определяющее влияние в суде. Отзывы председателей гражданского и уголовного суда Гродненской губернии, а также губернского прокурора позволяют определить подходы к разрешению «польского вопроса» на белорусской территории. С одной стороны, например, указывалось, что недопущение местных юристов «из поляков» в адвокатуру противоречило бы «всем юридическим понятиям и в особенности состязательному началу, проводимому реформой»²⁴. С другой — предлагалось самым существенным образом ограничить, иногда до полного исключения, участие «лиц польского происхождения» в судебных учреждениях, особенно в системе местных судов.

Одним из представителей этой точки зрения был гродненский губернский прокурор Миловецкий, который писал, что «при выборном начале мировые судьи в западных провинциях, без сомнения, будут, по большей части, состоять из лиц польского происхождения, столь враждебных для России», «эти лица будут одними из самых усерднейших деятелей польской пропаганды»²⁵.

Важным моментом судебного реформирования, по мнению прокурора, является, как и указывал генерал-губернатор, формирование состава присяжных заседателей. Предлагалось расширить права крестьян по избранию в заседатели. В частности, допускать не только крестьян, занимающих какую-либо должность в органах крестьянского самоуправления, но также просто авторитетных и влиятельных. Обращает на себя внимание, что данное предложение касалось и православных, и католиков, так как крестьянство, в целом, проявило лояльность правительству во время восстания 1863 г. и поэтому заслуживало доверия.

Такое расширение прав крестьян позволяло ограничить или, во всяком случае, уравнивать возможности достаточно многочисленной «прежней польской шляхты, обращенной в последнее время в податное состояние» и проживающей в сельской местности, быть избранной в присяжные заседатели²⁶.

Таким образом, администрация Северо-Западного края считала, что важнейшим компонентом судебной реформы на подведомственной территории являлось противодействие польскому

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 12 об.

²⁵ Там же. Л. 14–14 об.

²⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5784. Л. 15 об.

влиянию, и в этом смысле решение «польского вопроса» виделось в ограничении участия местного ополяченного дворянства в формировании новой судебной системы.

Иллюстрацией роста антипольских настроений среди высших чиновников на белорусской территории, вызванных, в первую очередь, конечно, восстанием 1863 г., может служить отзыв гродненского губернатора генерал-губернатору края по вопросу введения судебной реформы. Так, он подчеркнул, что, «находясь в западных губерниях довольно долгое время и постоянно следя за достоинством чиновников-поляков, я положительно знаю, что с такими юридическими качествами, каких требует закон, служащих, особенно по судебной части почти не было»²⁷. Мнение губернатора подтверждало общую установку на ограничение положений судебных уставов в части формирования мировой юстиции (назначение вместо выборов), комплектования адвокатуры (ограничение польского участия, что противоречило осторожно высказанному мнению местных юристов о существующей здесь традиции организации защиты вплоть до 1840 г.), учреждения суда присяжных (расширение прав крестьян избираться в состав присяжных заседателей, снизив имущественный и образовательные цензы).

Примечательно, что судебным преобразованиям, проводимым в этой части империи, некоторыми высокопоставленными чиновниками придавалось большое значение не только в плане совершенствования правосудия и приведение его в соответствии с западноевропейским уровнем, но, в более широком контексте, как средство распространения русской культуры.

В качестве примера можно привести автора всеподданнейшей записки о введении судебной реформы в Северо-Западном крае, поданной императору в 1869 г. Автором, скорее всего, являлся генерал-губернатор края. В частности, он писал, что изменения в судебной сфере следует рассматривать «как могущественное орудие для полного обрусения края». Новые судебные учреждения «с мировым институтом и исключительно русским составом, чиня суд и правду, получают не только гражданское, но и бытовое значение». При этом «язык же русский, при условии гласности и судебного разбирательства, неминуемо вытеснит польский и сделается общеупотребительным»²⁸. В записке содержалось также положение о службе лиц польского происхождения в судебном ведомстве

²⁷ Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 1. Оп. 6. Д. 451. Л. 55–55 об.

²⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 851. Л. 2 об-3.

на территории края. Автор исходит из того, что запрещение служить — это, конечно, несправедливо, а допустить — расширить их «вредное влияние». Поэтому целесообразнее не разрешать полякам занимать должности в судебных палатах, окружных и даже мировых судах²⁹.

Важным моментом подготовки судебной реформы в Северо-Западном крае был сбор и публикация судебно-статистических сведений и мнений лиц судебного ведомства о применении судебных уставов.

Так, в них, например, подчеркивалось, что значительную часть населения губерний составляли поляки и евреи, которые, в силу своего образовательного уровня и контактов с жителями соседних государств, «гораздо более подготовлены к делу введения судебной реформы (...), чем жители средних губерний Империи»³⁰. Готовность населения к восприятию судебных уставов, выделялось еще раз, усиливалась тем обстоятельством, что на территории края действовал ранее Литовский Статут, «имеющий в коренных основаниях судопроизводства и судоустройства весьма много применений к Судебным Уставам»³¹.

Однако, наряду с подготовленностью почвы для судебных преобразований в указанных землях существовали и факторы, ведущие к ограничению реформы. Прежде всего — это оппозиционность пропольски настроенной шляхты западных губерний новой власти. Другим фактором было недостаточное количество русских помещиков на территории края. Поэтому сразу предлагалось ограничить выборное начало при определении мировых судей и присяжных заседателей, что было серьезным отступлением от принципов судебной реформы.

Председатель витебской гражданской палаты обращал внимание, что назначаемых мировых судей необходимо отбирать «из лиц русского происхождения»³². Предлагалось даже сформировать судебные округа таким образом, чтобы не допустить в них «преобладания польского элемента»³³.

Комплектование мировой юстиции кадрами соответствующего происхождения, увеличение процента русских землевладельцев,

²⁹ Там же. Л. 5–5 об.

³⁰ Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20-го ноября 1864 г. Ч. 1. СПб., 1866. С. 24.

³¹ Там же.

³² Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20-го ноября 1864 г. Ч. 1. СПб., 1866. С. 33

³³ Там же. С. 38.

публичность судопроизводства должны были привести к тому, что население края «обратит внимание на изучение русского языка»³⁴.

Таким образом, после подавления восстания правительство не только не отказалось от преобразования судов на современных началах, но и попыталось придать им политическое и культурное значение. Новые учреждения призваны были противостоять польскому влиянию, поэтому сохранялось влияние администрации на суды в беспокойном регионе, что повышало управляемость, однако существенно ограничивало скорость и целостность преобразования судебной сферы.

Введение новых судебных учреждений

Отметим два основных условия стабильного существования государства в период правовой модернизации. Во-первых, формирование единого правового пространства, предполагающее, прежде всего, единство правовых норм и судебной практики, что, в свою очередь, ликвидировало феодальные и сословные ограничения. Так, необходимо было постепенно преодолеть различия в региональных правовых нормах. Это, например, явилось одной из причин отказа от введения в действие уже подготовленного Свода законов западных губерний. Во-вторых, преодоление правового дуализма, которое заключалось в постепенном сближении прав привилегированных и непривилегированных сословий после отмены крепостного права. Более отчетливо выполнение данного условия проявилось в принятии Судебных уставов в 1864 г., где принципы равенства всех перед законом и презумпция невиновности были основополагающими. Оба условия ограничивали влияние пропольски настроенного дворянства.

В 1870-е годы новая судебная система стала распространяться на белорусские и прибалтийские губернии, Сибирь и Кавказ. Число судебных служащих за 30 лет (с 1870 по 1900 г.) увеличилось в три раза, бюджет Министерства юстиции за 1869–1894 гг. также вырос приблизительно втрое³⁵. Все это позволяет говорить о серьезном укреплении судебной власти.

Правительство решило вводить судебные уставы на данной территории постепенно, со значительными изменениями. Внача-

³⁴ Там же. Ч. 2. С. 29.

³⁵ Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 480.

ле были организованы мировые учреждения отдельно от общих, что нарушало целостность судебных преобразований.

В соответствии с «Временными правилами об устройстве мировых судебных установлений в девяти западных губерниях впредь до введения земских учреждений», утвержденных 23 июня 1871 г., мировые судьи не избирались, а назначались правительством³⁶. Отсутствие выборности судей было обусловлено, в первую очередь, недоверием правительства к местному дворянству, а формальным поводом явилось то, что в крае еще не были введены земства, при участии которых и должны проходить выборы мировых судей.

От кадрового состава этих судов, так же как и общих, напрямую зависел успех преобразований судов на белорусской территории. Поэтому в одном из решений Государственного Совета четко указывалось, чтобы министр юстиции назначал на судебные должности исключительно лиц «непольского происхождения»³⁷.

Для расширения круга кандидатов на должность мирового судьи специально был снижен имущественный и образовательный ценз³⁸. Это давало возможность привлекать к занятию указанной должности всех подходящих по своим качествам чиновников и землевладельцев русского происхождения, прибывающих в край.

При введении мирового суда антипольский аспект проявился очень четко, определяя, по сути, форму и характер мер правительственного противодействия возможному восстанию. Так, минский, витебский, моголевский, гродненский губернаторы в отношениях министру внутренних дел в 1871 г. просили сохранить в действии распоряжения о запрещении употреблять польский язык в официальной переписке в государственных и общественных учреждениях, о запрещении обучать крестьян польской грамоте, о запретах распевания польских патриотических гимнов, ношения траура как политической демонстрации, употребления польских национальных эмблематических знаков, открывать публичные библиотеки польских книг, крестных ходов вне костелов и т. д.³⁹

³⁶ Певзнер Б. В. Сборник узаконений и решений Сената по введению Судебной реформы в Западном крае. Житомир, 1880. С. 21; См. также: Марышкин А. В. Судебная реформа 1864 года и особенности ее проведения на территории Белоруссии. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1985. С. 21.

³⁷ Самбук С. М. Указ. соч. С. 85.

³⁸ Певзнер Б. В. Указ. соч. С. 21–24.

³⁹ Белевич Ф. Р. Указ. соч. С. 156.

Правительство считало, что недостаточно высокий уровень благонадежности дворянства северо-западных губерний, обусловленный, прежде всего, сохранением польского влияния, не позволял провести здесь судебную реформу «без изъятий».

Только в 1883 г. на белорусской территории начали действовать окружные суды и открылась Виленская судебная палата. Таким образом, через 19 лет после официального провозглашения судебных уставов они в полном объеме были распространены на указанных землях. За это время изменилась политическая ситуация в стране, а некоторые положения судебной реформы подверглись корректировке.

Заключение

Таким образом, восстание 1863 г. самым серьезным образом повлияло на судебные преобразования в Северо-Западном крае. В отличие от центральных губерний Российской империи был принят план поэтапного введения судебных уставов. В 1871 г. (через 7 лет после утверждения судебных уставов) началось создание мировых судебных установлений. Вместо выборности вводилось назначение мировых судей, кроме того, на них не распространялся принцип несменяемости.

Указ о введении в действие судебных уставов в западных губерниях в полном объеме появился в 1877 г.⁴⁰ И только в 1883 г. (через 19 лет после официального начала судебных преобразований) в г. Вильно была открыта судебная палата, что завершило формирование реформируемых судебных органов в Северо-Западном крае.

Сама судебная реформа должна была соответствовать главной цели правительственной политики — укреплению позиций Российской государственности в этом регионе. Ослабление польского влияния было ее важнейшей составляющей.

По существу, антипольский компонент, включающий в себя запрет полякам занимать судебные должности, назначение мировых судей, ограничение польского участия в составе коллегии присяжных заседателей, распространение русского языка в судопроизводстве определил специфику судебных преобразований в этой части империи.

⁴⁰ ПСЗ. 2 собр. № 57 589.

А. А. КИСЕЛЁВ

РЕФОРМА УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ
В ГУБЕРНИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В 60-Х ГГ. XIX В.

Польское восстание 1863–1864 гг. оказало значительное влияние на внутреннюю политику российского правительства в белорусских губерниях, поскольку произошло в период разработки и осуществления целого ряда реформ: от отмены крепостного права до создания местного самоуправления. Среди этих начинаний правительства была и проблема реорганизации местных полицейских структур Министерства внутренних дел. Необходимость полицейской реформы диктовалась отменой крепостного права, введением нового судебного устройства, которые существенным образом меняли правовые отношения в стране. Кроме того, местные полицейские учреждения являлись одновременно и низовыми органами исполнительной власти, поэтому предстояло модернизировать аппарат управления. В одной из служебных записок о положении дел в западных губерниях накануне восстания совершенно справедливо утверждалось, что городская и уездная полиция «составляют важнейшую часть управления: на них возлагается окончательное исполнение правительственных распоряжений». Чины полиции были не только исполнителями циркуляров и требований вышестоящих органов власти, но и зачастую первой инстанцией, с которой «принимают начало» множество «весьма важных дел, восходящих на рассмотрение высших

государственных мест»¹. В этой связи представляет интерес вопрос о том, как польское восстание 1863–1864 гг. сказалось на преобразовании уездной полиции в губерниях Северо-Западного края.

Началом реорганизации уездной полиции по всей империи стало утверждение 25 декабря 1862 г. «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых»². Этими правилами создавались уездные полицейские управления вместо земской полиции или земских судов, чья структура и порядок деятельности были упорядочены «Положением о земской полиции» от 3 июня 1837 г.³ В структуру дореформенного земского суда входили исправник, старший неперменный заседатель, становые приставы и заседатели для пресечения корчемства, секретарь и подчиненные ему столоначальники и регистратор. Обязанности нижних чинов уездной полиции исполняли выборные от крестьян десятские и сотские, а также пятисотские и тысяцкие. Последняя должность учреждалась в посадах и местечках «на городском положении», где имелись пристани или проводились крупные ярмарки, а также в заштатных городах. Однако в белорусских губерниях количество тысяцких было значительно больше, чем во внутренних губерниях. Это связано с тем, что под названием «тысяцких» в западных губерниях неофициально сохранялся полицейский институт ключовитов, существовавший в крае со времен Речи Посполитой.

17 февраля 1863 г. Министерством внутренних дел были утверждены новые штаты уездных полицейских управлений для литовско-белорусских губерний. По сравнению с прежними штатами земской полиции состав уездной полиции увеличился, однако этот рост был номинальным и обуславливался исключительно тем, что в состав уездных полицейских управлений включили расформированные городнические правления. В частности, в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях было открыто 48 уездных полицейских управлений. Их штатное расписание предусматривало классные должности 48 исправников, 48 помощников исправника, 48 старших неперменных заседателей, 48 секретарей, 96 столоначальников, 48

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 334. Л. 107.

² ПСЗРИ. Собрание 2-е. 1865. Т. XXXVII. № 39 086.

³ ПСЗРИ. Собрание 2-е. 1838. Т. XII. № 10 305.

регистраторов, 167 станowych приставов, 2 полицейских приставов и 5 их помощников, 28 полицейских надзирателей 1 разряда и 26 надзирателей 2 разряда. Всего в этих губерниях Северо-Западного края обязанности штатных чиновников уездной полиции исполняли лишь 564 человека. Интересно, что при разработке и утверждении организационно-штатной структуры уездных полицейских управлений в литовско-белорусских губерниях не был принят во внимание факт роста польского национального движения и начала восстания. Не изменилась ситуация и позже. К 1870 г. штатные должности занимали 569 полицейских чиновников, т. е. существенного увеличения штатов уездной полиции в губерниях Северо-Западного края во время самого польского восстания 1863–1864 гг. и в последующие годы не произошло. Кроме того, если из числа служащих исключить штат канцелярии полицейского управления, то окажется всего 334 исполнительных полицейских чиновника на 5 литовско-белорусских губерний.

Однако восстание все же вынудило Министерство внутренних дел внести коррективы в устройство полиции в литовско-белорусских губерниях. В частности, с утвержденными штатами виленский генерал-губернатор В. И. Назимов получил секретное распоряжение министра внутренних дел П. А. Валуева. В нем излагались новые принципы кадровой политики при комплектовании полицейских структур Министерства внутренних дел в губерниях, охваченных польским восстанием. При назначении на должности в уездные полицейские управления преимущественно следовало предоставлять выходцам из внутренних губерний империи. Среди уроженцев западных губерний дискриминации подвергались лишь лица католического вероисповедания. Главным подтверждением политической лояльности чиновника становилась «без сомнений национальность избираемого лица», которая «представляет одно из главнейших ручательств, и потому коренное русское происхождение должно быть предпочтительно туземному, в особенности римско-католического исповедания, отличающегося своим фанатическим направлением, столь враждебным основным законам империи»⁴.

Санкционирование кадровой «чистки» в рядах чинов полиции имело некоторые основания, поскольку акции гражданского неповиновения и политического протеста затронули и полицейских чиновников. По крайней мере, в своем предписании от 22 августа

⁴ Литовский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1863. Д. 18. Л. 20.

1861 г. о ведении военного положения в Гродненской губернии виленский генерал-губернатор В. И. Назимов был вынужден специально оговорить право на увольнение и «предание суду» чинов уездной и городской полиции⁵. В служебной записке жандармского подполковника А. М. Лосева от 8 января 1863 г. отмечалось, что в Виленской губернии земская полиция «составляется почти из поляков, на всю губернию только 4 исправника и 2 станowych пристава православные, почему на помощь полиции рассчитывать невозможно»⁶. По мнению штаб-офицера, следовало найти «средство улучшить нравственное состояние земской полиции, заменив ее, сколько возможно, русскими чиновниками; только в таком случае она будет иметь значение главной опоры правительства в здешней губернии»⁷. В настоящее же время «при теперешнем положении земская полиция наша не имеет никакого значения и смысла». Показательно, что виленский губернатор М. Н. Похвиснев в своем представлении генерал-губернатору от 15 февраля 1863 г. указывал на проявления «с некоторого времени бездействия и малонадежности, в политическом отношении, многих из чинов земской полиции»⁸. В этой связи для укрепления полицейского контроля губернатор предлагал откомандировать в каждый стан «военных офицеров, коим поручить надзор за действиями местной полиции, предоставив в их распоряжение как нижних полицейских служителей, так и станowych приставов»⁹. Каждому из них следовало добавить на усиление по 3–4 казака. С 23 марта 1863 г. эта мера была приведена в действие на территории генерал-губернаторства и Витебской губернии, причем каждому из офицеров прибавлялись 5 казаков и 10 пеших стрелков¹⁰. Это лишний раз подтверждает, что особой уверенности в служебном рвении местных чинов уездной полиции у администрации края все же не было.

В служебной записке виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева от 14 мая 1864 г. указывалось, что в западных

⁵ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. *Revoliucinis pakilimas Lietuvoje ir Baltarusijoje 1861–1862 m.* / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения, Гл. архив. упр. СССР; [Редкол.: В. Дьяков и др.; Подгот.: Л. Аржаева и др.]. М.: Наука, 1964. С. 453.

⁶ Там же. С. 318.

⁷ Там же. С. 319–320.

⁸ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 172. Л. 24.

⁹ Там же.

¹⁰ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. / Предисл. Ю. Жюгжды, В. Неупокоева: Сб. документов / АН СССР, Ин-т славяноведения и др. М. — Вроцлав: Наука, 1965. С. 22.

губерниях следует все «высшие служебные должности по всем ведомствам, а также все места, имеющие прикосновение с народом, заместить русскими чиновниками, прочие же должности замещать русскими постепенно»¹¹, что и было утверждено императором Александром II 22 мая 1864 г. В системе учреждений МВД после соответствующего распоряжения генерал-губернатора от 7 июля 1864 г. и запроса от 15 июля 1864 г., в котором требовалось указать численность чиновников польского происхождения в полицейских управлениях и фамилии лиц, подлежащих немедленной замене русскими чиновниками, последовали новые увольнения и перемещения. В феврале 1865 г. виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев еще раз напомнил губернаторам о том, что нахождение чиновников-католиков на службе возможно только после строгой проверки «личного состава штатных чиновников польского происхождения», причем проверяемые чиновники должны были засвидетельствовать политическую «благонадежность и преданность правительству не на словах, а на самом деле»¹². Циркулярное предписание заканчивалось пожеланием того, чтобы чиновники, которые «остаются в душе преданными революционным устремлениям мятежной польской партии»¹³, добровольно покинули государственную службу. Курс на замещение полицейских постов чиновниками православного исповедания не был изменен и при преемниках М. Н. Муравьева.

В результате кадровой чистки к 1868 г. среди 47 исправников 43 (92 %) чиновника были православными. Обязанности помощников исправника исполняли 44 чел. (94 %) православного вероисповедания, неперменных заседателей и дополнительных — 46 чел. (84 %), становых приставов — 152 (88 %), секретарей — 37 (79 %), столоначальников — 56 (60 %), регистраторов — 29 (62 %), полицейских приставов и надзирателей — 63 чел. (94 %)¹⁴. В свою очередь католиками оказались только 1 исправник, 1 помощник исправника, 2 неперменных и 1 добавочный заседателя, 8 (17 %) секретарей, 7 (4 %) становых приставов, 3 полицейских надзирателя, 7 регистраторов и 18 (19 %) столоначальников. Интересно, что из всех 48 католиков 28 (58 %) проходили службу в полицей-

¹¹ Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772–1903 гг.) / Пад рэд. Н. М. Нікольскага. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. Т. 2. С. 575.

¹² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 312. Л. 69.

¹³ Там же. Л. 70.

¹⁴ Подсчитано по: Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. СПб., 1868.

ских управлениях Могилевской губернии. Такой высокий процент был обусловлен личной позицией могилевского губернатора А. П. Беклемишева, уверенного в политической лояльности чиновников-католиков. Правда, далеко не все чиновники разделяли такую позицию. Так, по словам мирового посредника И. Н. Захарьина, могилевский губернатор «принимал этих чиновников на свою личную ответственность перед генерал-губернатором, — и они продолжали служить, вредя русскому делу, мстя, где только можно, крестьянам — за их участие в подавлении мятежа, и нам — за наш незванный «наезд» на службу»¹⁵.

Таким образом, в период польского восстания 1863–1864 гг. и в последующие годы произошло замещение должностей в уездных полицейских управлениях чиновниками преимущественно православного вероисповедания. Следует отметить, что инициатором этой меры выступило Министерство внутренних дел, а не М. Н. Муравьев. Виленские генерал-губернаторы лишь последовательно осуществляли эту установку в области кадровой политики. В своей политической программе М. Н. Муравьев настаивал на необходимости для «прочного обеспечения власти русского правительства замещать постепенно и постоянно все главные должности, в особенности же полицейские и соприкасающиеся непосредственно с народом, лицами русскими, вызванными из сердца империи»¹⁶. Однако на практике значительный процент должностей в полицейских управлениях занимали местные уроженцы. В частности, в 1868 г. не менее 34 % всех полицейских чиновников православного вероисповедания являлись выходцами из западных губерний.

Одним из направлений по преобразованию полиции стало обсуждение проекта по организации конной полицейской стражи, возможность создания которой предусматривалась «Временными правилами об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». В отношении министра внутренних дел П. А. Валуева от 17 февраля 1863 г. виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову рекомендовалось представить соображения об учреждении конно-полицейской стражи в белорусских губерниях. Скорее всего, предложение министра

¹⁵ Захарьин И. Н. Воспоминания о Белоруссии: 1864–1870 гг.: Из записок мирового посредника. СПб., 1884. С. 66.

¹⁶ Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 500.

П. А. Валуга было обусловлено необходимостью усиления полицейских сил в период польского восстания. К 9 марта 1863 г. при виленском генерал-губернаторе был разработан и направлен губернаторам проект по введению конной полицейской стражи в Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерниях. В проекте предлагалось учредить при каждом исправнике по 12, а при каждом становом приставе по 6 конных вооруженных стражников. Стражникам предстояло дополнительно исполнять обязанности по земской почте, развозить командируемых чиновников. Их планировалось вооружать шашками и пистолетами и комплектовать отставными нижними чинами православного вероисповедания из полков, расквартированных в Виленском военном округе. При каждом управлении и становой квартире полагалось содержать по паре подвод и саней для перевозки людей и почты. По мнению авторов проекта, устройство конной полицейской стражи принесет улучшение по нескольким позициям. Местные жители освободятся от подводной повинности и расходов на содержание тысячекских и пятисотских. Нужда в последних отпадет, поскольку становые приставы в лице чинов полицейской стражи получат надежных исполнителей, которые смогут напрямую доставлять приказы волостным старшинам. Военные смогут освободить казаков от несения полицейской службы как в мирное, так и в военное время. К осени 1863 г. губернаторские предложения были обобщены и изложены в специальной записке «О конной полицейской страже в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской»¹⁷. В этом документе предлагалось учредить стражу в количестве 1700 нижних чинов во всех 55 уездах губерний Северо-Западного края. Однако в зависимости от ситуации в уезде предполагалось в 35 уездах назначить по 20 чинов, в 10 — по 30, в 10 — по 40 и в оставшихся 10 — по 50 стражников. Распределение полицейской стражи между губерниями являлось прерогативой генерал-губернатора, между уездами — губернатора и станами — исправников. На первое время рекомендовалось комплектовать стражу по образцу жандармских команд. Однако в последующем следовало перейти к вольному найму, отдавая предпочтение отставным нижним чинам кавалерийских полков, имеющим аттестации от командиров эскадронов. Расход на содержание одного стражника определялся в 200 руб. в год с тем, чтобы искомая сумма взималась с местного населения в рамках земского сбора. Чины полиции бесплатно вооружались

¹⁷ ЛГИА. Ф. 370. Оп. 1863. Д. 172. Л. 71–92.

военным ведомством. Первоначальные средства на организацию стражи предполагалось получить от государственного казначейства, но с постепенным возвращением позаимствованной суммы. Поскольку земская почта упразднялась, то расходы на ее содержание обращались в пользу полицейской стражи. Однако этот проект остался без последствий, а вместо полицейской конной стражи 27 ноября 1863 г. были учреждены уездные жандармские команды¹⁸. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев полагал, что эти команды составили «самую деятельную и благонамеренную, в видах правительства, полицию, в роде *Mavéchaussé* во Франции, окончательно послужили к умиротворению края» и «успели заслужить доверие населения, так что сами крестьяне приходили заявлять им о тайных ковах и укрывательстве мятежников»¹⁹. Однако представляется, что появление жандармов вместо конной полицейской стражи оказалось худшим решением. Вместо реформы уездной полиции была создана структура, выведенная из подчинения уездной полиции. Согласно «Инструкции» жандармам запрещалось «вмешиваться в обыкновенные гражданские дела, которые идут своим порядком через уездные и городские полиции»²⁰. Их компетенция ограничивалась только «политическо-административными делами», т. е. преимущественно политическим сыском. Правда, указывалось, что жандармские команды «составляют главную помощь земской полиции к охранению в городах и уездах порядка, к задержанию преступников, бродяг, беглых и вообще вредных людей, а также к предупреждению могущих образоваться в лесах и иных удобных для укрывательства местах разбойничьих шаек и мятежных банд»²¹. В результате жандармы могли от случая к случаю лишь оказывать помощь полиции, когда ее чиновники нуждались в вооруженной силе. Такая поддержка имела ограниченное значение и не могла заменить чинов полицейской стражи. Более того, по словам члена совета МВД В. К. Ржевского, инспектировавшего Могилевскую губернию в 1867 г., между полицией и жандармскими командами складывались конфликтные отношения в силу «не понимания

¹⁸ ПСЗРИ. Собр. 2-ое. 1866. Т. XXXVIII. № 40 321.

¹⁹ Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 506.

²⁰ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях, 1863–1864 / Составил Н. Цылов. Вильна, 1866. С. 160.

²¹ Там же.

взаимных отношений и собственных обязанностей»²². В своих воспоминаниях П. А. Черевин раскрыл причины конфликта, заметив, что уже «в конце управления краем М. Н. и в бытности генерал-губернатора генер.-фон-Кауфмана уездные команды отделились от своего прямого назначения: не обращая внимания ни на панов, ни на ксендзов, они исключительно занялись донесениями о том, что такой-то становой пьет, что такой-то исправник взятки берет»²³.

На какое-то время вопрос о реорганизации уездной полиции в белорусских губерниях отошел на второй план, поскольку в условиях военного положения и боевых действий против повстанческих отрядов руководство полицией и отчасти ее функции перешли к военно-уездным начальникам. В частности, в «Инструкции для устройства военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний» от 24 мая 1863 г. указывалось, что «все вообще чины полиции должны состоять в непосредственной ... зависимости» от офицеров русской армии, назначенных уездными начальниками²⁴. Им даже разрешалось брать под стражу тех полицейских чиновников, кто подозревался в прямом или косвенном содействии мятежу. В таких случаях дознание и, если обвинение подтверждалось, отрешение от должности оставались в компетенции губернатора. Виновные в том, что «заведомо допустили мятежные сговоры, вооружения или приготовления к формированию мятежных шаек» и не предприняли своевременных мер или «не донесли о том тогда же начальству», передавались в руки военного суда²⁵. Интересно, что в инструкции специально оговаривалось, что наказание за «клятвопреступление» должно назначаться «без различия национальностей, ибо различие это не может быть и не будет допущено: все обитатели России, какого бы исповедания они не были — подданные одного государя и России и одинаково ответственны за нарушение верноподданнической присяги»²⁶.

К проблеме полицейской реформы в западных губерниях вплотную приступили после того, как в крае удалось в основ-

²² РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 279. Л. 363.

²³ Черевин П. А. Воспоминания: 1863–1865 гг. Кострома, 1920. С. 57.

²⁴ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях, 1863–1864. С. 102.

²⁵ Там же. С. 108.

²⁶ Там же.

ном ликвидировать повстанческое движение. В аналитической «Записке об усилении уездной полиции» в губерниях Северо-Западного края, разработанной в окружении виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, констатировалось, что полиция «оказалась в начале мятежа вполне несостоятельной по своим действиям» и зачастую «не могла даже доставить верные сведения о месте нахождения мятежников»²⁷. Польские повстанческие отряды сформировались именно в сельской местности «вдали от городов, где, пользуясь слабостью надзора уездной полиции, успевали образовывать из себя более или менее значительные скопища»²⁸. Неспособность уездной полиции оперативно предотвращать возникновение повстанческих отрядов, с одной стороны, проявилась благодаря «ненадежному личному ее составу, в котором преобладали здешние уроженцы польского происхождения и католики», а с другой стороны, благодаря «быстроте и обдуманности действий мятежников, которые постоянно предупреждали принимаемые против них правительством меры»²⁹. Однако главная причина неэффективности полиции коренилась в ее устройстве. В записке указывались основные организационные дефекты уездной полиции.

Во-первых, отмечалось недостаточное количество чиновников и нижних полицейских чинов. Так, на «50 верст пространства и несколько десятков тысяч жителей находится один полицейский чиновник (становой пристав), в городе на то же число жителей, не говоря уже о пространстве, существует целое полицейское управление». Если в городской полиции приказ полицейского офицера выполняют чины полицейской команды, имеющей «военное устройство», то в уезде «обязанности такой команды исполняют рассыльные, которых полагается по 3 при каждом полицейском управлении и по 1 при каждом становом приставе»³⁰. Весь низовой аппарат уездной полиции — тысяцкие, пятисотские, сотские и десятские — признавался неблагонадежным. В частности, тысяцкие вообще «существуют в здешнем крае не по закону, а по укоренившемуся издавна обычаю» и выполняют функции аналогичные обязанностям квартальных надзирателей в городской полиции, причем даже не получают жалования. В основном «занимают эти должности люди довольно способные, по большей

²⁷ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 18. Л. 315.

²⁸ Там же. Л. 314.

²⁹ Там же. Л. 315.

³⁰ Там же. Л. 316.

части шляхтичи, отставные писари и т. п., вообще не надежные». Сотские и десятские избирались «почти исключительно из крестьян, не могущих заняться чем либо другим. Содержания им тоже не положено, а пользуются добровольными приношениями жителей. Если имеют хозяйство, то тяготеют своей обязанностью, которой не понимают и исполняют ее с побуждениями, а в некоторых казенных селениях сотские иногда отказываются от исполнения распоряжений полиции, требуя предварительно на это разрешения старшины». В результате в уездной полиции власть распределялась «между станowymi приставами, сельскими старшинами, помещиками и лицами их представляющими, экономами, управляющими». Если при крепостном праве помещики своей властью и авторитетом обеспечивали повиновение крестьян, то во время польского восстания «эти же самые помещики, возмущившись против правительства, нашли впоследствии огромный запас средств ослабить действия полиции». Зависимость станowych приставов в исполнении служебных обязанностей от местного населения приводила к тому, что многие полицейские чиновники «не желая потерять своего значения и сохранить хорошие отношения к жителям, стараются обходить некоторые распоряжения правительства (иногда весьма важные), которые могли бы быть в чем-нибудь неприятны влиятельным лицам стана. Они должны ладить с обществом, а в некоторых случаях, дорожа местом и репутацией, смотреть сквозь пальцы и на явные злоупотребления».

Во-вторых, указывалось на то, что под контролем станowego пристава оказывается огромная территория. Если частный пристав «может обойти пешком всю свою часть в два часа времени», то отдельные части стана «в продолжении нескольких недель оставляется без надзора или надзор в оной поручается таким лицам, которые считаются уже тогда хорошими, если сами не делают никаких насилий и злоупотреблений»³¹.

Наконец, для передачи сведений и распоряжений, преследования преступников становому приставу приходится полагаться только на местных жителей. Однако преследование преступников «почти всегда безуспешно, так как с них нельзя требовать ни того усилия, ни того самоотвержения к общей пользе в особенности, когда преступники эти вооружены и поимка их сопряжена с опасностью для жизни». Использование же десятских для передачи распоряжений «не может считаться правильным, так как

³¹ Там же. Л. 318.

они должны находиться безотлучно в тех селениях, в которых они избраны».

Резюмируя положение станowych приставов, автор записки констатировал, что становые приставы, «действуя на большем пространстве, не имея вполне надежных и развитых помощников и достаточного числа полицейских служителей, не соответствующих требованиям благоустроенной полиции». Они в случае серьезных беспорядков, не имея возможности самостоятельно принять «действительных мер к их прекращению», предпочитают ожидать распоряжений вышестоящих властей. Более того. Поскольку почти вся деятельность станowych на практике сводится к обеспечению полицейского порядка в процессе постоянных разъездов, то «все другие дела, как то: взыскание податей, исполнения по гражданским делам, по делам казенного интереса, подробная и верная статистика стана и другие находятся в совершенном запустении и всегда исполняются приставами несвоевременно, только по строгим внушениям губернского начальства»³².

Несмотря на то, что «в настоящее время полиция много выиграла от замены личного ее состава, в особенности в нижних должностях, чиновниками русского происхождения», становой пристав все равно не может оказывать непосредственного влияния на крестьянство. Между ним и крестьянами «есть еще посредники, которые имеют всегда возможность дать делу то или другое направление, сообразно личным выгодам и целям враждебной правительству партии»³³. В целях усиления связи между чиновниками и крестьянами, а также ослабления влияния на них помещиков предлагалось «заменить нынешних тысяческих (ключвойтов), хотя меньшим числом помощниками приставов, во всем соответственных помощникам приставов в городах и устроить здесь достаточную конную полицейскую стражу»³⁴. В качестве возможного примера усиления уездной полиции составители записки предложили преобразования, проведенные по инициативе киевского генерал-губернатора в отдельных уездах Волынской и Подольской губерний в 1840 г.

Практически одновременно в канцелярии виленского генерал-губернатора была подготовлена еще одна служебная «Записка о нижних служителях уездной полиции». Интересно, что ее появление было следствием деятельности еще виленского генерал-

³² Там же. Л. 319.

³³ Там же. Л. 319.

³⁴ Там же. Л. 320.

губернатора В. И. Назимова, который в своем циркуляре от 11 апреля 1863 г. затребовал от гражданских губернаторов сведения, характеризующие положение тысячских. В частности, генерал-губернатора интересовало, во всех ли приходах на территории губернии имеются эти полицейские служители, распространяется ли их власть на особые полицейские округа и, наконец, существует ли «крайняя надобность в оставлении на дальнейшее время этого органа земской полиции, и если должности их не могут быть упразднены без вреда для службы, то не следовало бы распространить их власть на казенные имения и назначать их преимущественно из отставных и бессрочно отпускных нижних чинов, с решительным устранением от сих должностей польской шляхты и лиц римско-католического исповедания»³⁵. Кроме того, начальникам губерний следовало представить соображения о порядке и размере материального обеспечения данных полицейских нижних чинов. В том случае, если губернатор допускал, что возможно обойтись силами одних сотских и десятских, ему предлагалось ответить на вопросы о порядке их назначения, размере необходимого жалования, а также необходимости служебной инструкции. Правда, мнения губернаторов по вопросу о реорганизации тысячских были получены уже после назначения на генерал-губернаторский пост М. Н. Муравьева. Рассуждения губернаторов и представления генерал-губернаторской администрации получили отражение в «Записке о нижних служителях уездной полиции».

В этом документе утверждалось, что наличие института ключвойтов свидетельствует о развитом полицейском контроле над крестьянским населением в Речи Посполитой. Однако их существование в пределах Российской империи обуславливалось не только традицией, но и тем, что их «поддерживали полицейские чиновники польского происхождения и в особенности помещики, которые, находя в них часто усердных слуг, охотно распространяли власть их над своими крестьянами»³⁶. Отнюдь не случайно «эти должности занимали почти исключительно лица из бывшей польской шляхты»³⁷. Убежденность губернаторов в необходимости ключвойтов была в большой степени вызвана, во-первых, низким уровнем развития белорусских крестьян, у которых «значительно подавлено здесь значение выборного

³⁵ Там же. Л. 59.

³⁶ Там же. Л. 340.

³⁷ Там же.

начала»³⁸ и, во-вторых, недостаточным количеством полицейских чиновников. В белорусских губерниях они исполняли обязанности, аналогичные функциям квартальных надзирателей. Признавая относительную полезность существования тысячских, составитель записки все же посчитал невозможным сохранение должности ключвойтов как «непризванных» посредников между правительством и белорусским крестьянством, которые «в иных случаях и вредно могут действовать на народ в отношении к правительству и составляют преграду для более тесного сближения»³⁹. Кроме того, наличие ключвойтов не соответствовало общей направленности кадровой политики по отношению к корпусу полицейских чинов Министерства внутренних дел в период польского восстания 1863–1864 гг. Их следовало просто упразднить, а вместо них ввести должность помощника станового пристава с жалованием в 400 руб. и выплатой 100 руб. на квартирные и канцелярские расходы. Новая штатная единица соответствовала бы посту помощника пристава в городском полицейском управлении. Назначение вместо выборных тысячских полицейских чиновников поднимет «полицию в глазах народа, сблизит ее с правительством, ослабляя в то же время влияние помещиков, и усилит в весьма значительной степени непосредственный надзор полиции за жителями»⁴⁰. Предложения губернаторов по замене ключвойтов отставными или бессрочноотпускными нижними чинами русской армии, по мнению автора записки, не приведут к улучшению полицейской организации. Это обуславливалось тем, что они будут существенно уступать тысячским по своим деловым качествам и влиянию на местное крестьянское население, поскольку последние в большинстве случаев «принадлежат к шляхетскому сословию и весьма способны к полицейской службе»⁴¹. В силу того, что расходы на содержание тысячских из солдат составят не менее половины денежных трат на ключвойтов, то имеет смысл обратить эти расходы на содержание полицейских чиновников. По крайней мере, достаточное жалование предотвратит поборы с крестьянства. Поскольку результативность от деятельности чиновников ожидалась более высокой, то их будущее штатное количество предполагалось меньшим, чем число тысячских. Их приблизительное число устанавлива-

³⁸ Там же. Л. 341.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 342.

лось из расчета 10 чиновников на уезд, что для всех губерний Северо-Западного края давало не менее 550 должностей. Однако делалась оговорка в том смысле, что назначение осуществляется «по мере потребностей». Финансирование обеспечивалось за счет земских сборов. Право назначения кандидатов на должности предоставлялось генерал-губернатору, что мотивировалось важностью политической роли этих полицейских чиновников. Они «назначаются для непосредственных сношений с народом и будут проводниками в нем русской идеи и жизни»⁴². К кандидатам предъявлялись неординарные требования: помимо нравственных и деловых качеств высказывалось пожелание видеть на постах полицейских чиновников «преимущественно же из молодых людей воспитанников университетов, одушевленных истинно патриотическими стремлениями по возрождению здешнего края и народа». Служба на этих должностях стала бы не только полезной административной практикой, но и, наряду с достаточным содержанием, оберегла бы начинающих свою карьеру молодых людей от ошибок. Кроме того, несмотря на их подчиненность по делам службы становым приставам, эти чиновники превратились бы в неофициальный источник информации о положении дел в уезде для высшего местного управления. Вместе с тем в записке предусматривались меры по реорганизации полицейской службы сотских и десятских. Оптимальным сроком выборной службы считались 3 года, но для десятских допускался годичный срок. На период исполнения ими служебных обязанностей они и их семья освобождались от выплаты податей и выполнения натуральных повинностей. При наличии 9 лет выслуги крестьяне пожизненно освобождались от несения повинностей и выплат. Администрации следовало обеспечивать выборы на эти места грамотных исполнителей.

Однако проект замещения ключвойтов полицейскими чиновниками, которые стали бы агентами «русификации» среди крестьянской массы и напрямую связали государство в лице проектируемых помощников становых приставов и крестьян, избавив последних от польского влияния ключвойтов-тысячских, не получил воплощения на практике. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев сделал ставку на замещение должности тысячских лицами православного вероисповедания из числа нижних чинов русской армии, т. е. принял к руководству более реалистичные предложения губернаторов. В «Инструкции для

⁴² Там же. Л. 343.

начальников и нижних чинов уездных жандармских команд в 6-ти Северо-Западных губерниях, учреждаемых на основании на основании Высочайше утвержденного 27 ноября 1863 г. Положения» к исполнению принималось, что тысячские и пятисотские «до особого распоряжения, остаются по прежнему, но избираются преимущественно из отставных нижних чинов, не польского происхождения, вполне благонадежных, грамотных и православного исповедания, или же из крестьян, соединяющих в себе такие же условия»⁴³. На их содержание назначалось по 10 руб. в месяц по раскладке с землевладельцев полицейского округа. Сама инструкция вводилась в действие с 22 января 1864 г.

Нельзя не отметить, что М. Н. Муравьев фактически принял то решение, которое предлагалось еще в циркуляре В. И. Назимова. Впоследствии при виленских генерал-губернаторах К. П. Кауфмане, Э. Т. Баранове и А. Л. Потапове предпринимались попытки решения проблемы «тысячских». В частности, 22 июня 1866 г. в канцелярии виленского генерал-губернатора К. П. Кауфмана была подготовлена новая служебная «Записка о тысячских и пятисотских», в основу которой лег документ, составленный в 1863 г. В ней констатировалось, что упразднение тысячских является «самым необходимым последствием реформы в личном составе полицейских управлений, последовавшего при управлении краем бывшего и настоящего начальников края»⁴⁴. Вместе с тем простое упразднение этой должности «почти невозможно», поскольку «признавалось бы нужным заменить первых конною полицейскою стражею, что и предполагалось привести в исполнение в некоторых местностях»⁴⁵. Кроме того, существование в крае уездных жандармских команд, нижние чины которых согласно инструкции были «исполнителями в полном смысле слова», позволяет переложить на них обязанности тысячских, благодаря чему «само собою уничтожается значение тысячских и пятисотских»⁴⁶. В свою очередь виленский генерал-губернатор А. Л. Потапов в 1868 г. предлагал упразднить не только тысячских, но выборных десятских и сотских, заменив их назначаемыми чиновниками — «участковыми надзирателями»⁴⁷. Каждый участок проектировался в размере около 10 кв. верст. Любопытной

⁴³ Там же. Л. 221.

⁴⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1865. Д. 112. Л. 102.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 13 785. Л. 3.

особенностью стало то, что будущим участковым надзирателям следовало носить «особую унтер-офицерскую форму», чтобы «не придавать им того внешнего чиновничьего характера, который мог бы служить препятствием к сближению их с крестьянским и мещанским сословиями»⁴⁸. По предварительным расчетам, финансовые расходы на их содержание не должны были превысить издержки сельских обществ на обеспечение службы имеющихся нижних полицейских чинов. Однако дальше проектов и обсуждения проблемы на уровне губернаторов решение так и не сдвинулось с мертвой точки. Точка в попытке реорганизации службы нижних полицейских чинов была поставлена 5 июля 1868 г., когда согласно указу в губерниях Северо-Западного края сохранялись должности нижних полицейских служителей — тысяческих⁴⁹. Пятисотские переименовывались в тысяческих. Этот пост должны были занимать «по преимуществу лица русского происхождения и православного исповедания», а «лица польского происхождения допускаются только в случае крайней необходимости»⁵⁰, причем каждый раз следовало согласовывать назначение с губернатором, предоставляя обоснование о невозможности избрать на должность русского, то есть православного. В обязанности тысяческих входил постоянный полицейский надзор за проселочными дорогами, корчмами и шинками, мостами, розыск, наблюдение за подозрительными и поднадзорными личностями, сбор сведений. Кроме того, на них возлагалась ответственность за полицейский порядок в заштатных городах и местечках в том случае, если в этих населенных пунктах не было полицейского чиновника. Они отвечали за поставку подвод, обнаружение официальных распоряжений и постановлений, отправку по служебной надобности лиц к становой квартире. Им поручалось составление протоколов по потравам и надзор за соблюдением санитарных норм. Этим документом устанавливалась норма, согласно которой в каждом стане полагалось не более 3 тысяческих. Вся территория уезда разделялась на равные тысяческие участки, причем их границы не должны были совпадать с границами католических церковных приходов. Тысяческим назначалось ежемесячное жалование в размере 10 рублей, причем средства выделялись из дополнительных земских сборов. Как представляется, в основу указа лег проект генерал-губернатора Э. Т. Баранова, который в апреле 1867 г.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ПСЗРИ. Собр. 2-ое. 1873. Т. XLIII. № 46 082.

⁵⁰ Там же.

направил соответствующий запрос на имя министра внутренних дел. В сущности, указ законодательно оформил кадровую политику и организацию службы нижних чинов уездной полиции, сложившуюся при генерал-губернаторе М. Н. Муравьеве и предложенную еще В. И. Назимовым.

В 1867 г. ряд высокопоставленных чиновников МВД по приказу министра внутренних дел П. А. Валуева провели инспекцию положения дел в западных губерниях, обращая свое внимание и на службу полиции. Недостатком низших полицейских чинов по Виленской губернии было признано то, что они «слишком пользуются авторитетом своей власти при сношениях с католическим дворянством и духовенством». Однако полицейские служители «совершенно бессильны в обуздании беспорядков в простом народе»⁵¹. В целом все местные полицейские власти характеризовались крайне негативно. По словам автора записки, они «производят общее весьма безотрадное впечатление грабительства, пьянства, воровства, взяточничества — все эти такого рода явления, которые нельзя назвать исключительными и обнаружение этих пороков кладет самую черную тень на русское дело в крае». Вместе с тем представляется, что в своих оценках чиновник сгущал краски. После такой убийственной характеристики он заметил, что за поведением чиновников пристально наблюдает местное дворянство и «старается молвой преувеличить все, что только может уронить достоинство русского в крае». Спрашивается, что же можно преувеличить после такой аттестации местного чиновничества? Во-вторых, в материалах других министерских чиновников-ревизоров наблюдаются более взвешенные экспертные оценки.

В частности, в своем обзоре Минской губернии состоящий при МВД коллежский советник Н. Д. Можневский констатировал, что из станowych «редкий откажется от вознаграждения», но «вообще не слышится особого ропота против приставов, что случаи явного вымогательства представляются разве как исключения». Расспросы показали, что чины полиции, как правило, не «злоупотребляли исключительным положением, в котором находятся помещики, позволяя себе резкие выходки». Отдельные случаи злоупотреблений «не остались без последствий для виновных», но чиновник признавал мягкость вынесенных наказаний. Так, один из станowych приставов в Мозырском уезде, задержав проезжего помещика, забрал у него ценную вещь. Предмет помещику

⁵¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 279. Л. 173.

пришлось выкупить за 50 рублей. Это вымогательство закончилось для станowego лишь отстранением от должности. Взятки становые пристава получали, как правило, от шляхты и евреев, благодаря чему компенсировалось «более или менее определенную данью недостаточность получаемого приставами содержания». В своем отчете чиновник ссылался на интересные оговорки своих информаторов, которые в известном смысле оправдывали принятие подношений. Так, говорили о том, «чем он будет жить и тому подобное». Интересно, что от поборов считались огражденными крестьяне. Что касается исправников, то о большинстве из них отзывались «одобрительно и помещики». Это оговорка особенно важна, поскольку острое внутренней политики было направлено против польского поместного дворянства. Хотя и признавалось, что главы полицейских управлений Минской губернии скорее всего «не откажутся от вознаграждения или от принятых по полиции доходов, но и не торгуют своими обязанностями»⁵². Больше всего жалоб и нареканий высказывалось на подводную повинность, когда чины полиции использовали для разъездов по стану и уезду лошадей местных жителей. Исправник и становые, «предпочитая ездить на помещичьих лошадях, всегда находят к сему нужный повод». Дело доходило до того, что, по слухам, отдельные помещики откупались от поставки лошадей фуражом. Тысячские, требуя подвод от шляхты, задерживали телеги у себя и соглашались вернуть владельцам после «выкупа».

Чиновник особых поручений МВД В. А. Козлов, обследовавший положение дел в Витебской губернии, в своем рапорте от 4 июня 1867 г. утверждал, что «взяточничество встречается редко, а когда обнаруживается, то виновные подвергаются строгим взысканиям»⁵³. В его же отчете можно найти объяснение той сравнительной мягкости наказаний полицейских чиновников, о которой писал его коллега при анализе ситуации в Минской губернии. Чиновник центрального аппарата МВД отметил, что «замен всех увольняемых чиновников другими весьма затруднителен, так как приходится их вызывать из внутренних губерний, где людьми дельными и честными дорожат и не отпускают со службы»⁵⁴.

Можно предположить, что взяточничество среди чинов уездной полиции, как правило, не являлось результатом вымогатель-

⁵² Там же. Л. 324.

⁵³ Там же. Л. 392.

⁵⁴ Там же. Л. 392.

ства, когда дача взятки становится условием для исполнения служебных обязанностей чиновника. Рапорты показывают, что взятки не стали и прямым результатом политических последствий польского восстания 1863–1864 гг., когда полицейские чиновники, пользуясь режимом военного положения и недоверием властей к местному дворянству, вымогали денежные подношения, угрожая репрессиями. Среди населения взятка рассматривалась скорее как способ ускорить ход дела, побудив пристава или исправника обратить на него внимание в первую очередь, или как естественная компенсация недостаточного материального содержания полиции. Сказанное выше не отменяет того, что в отдельных случаях наблюдалось вымогательство, но оно не превратилось в правило, и с высокой долей вероятностью пресекалось самими властями. В этих условиях сам факт того, что по тем или иным причинам чины полиции не отказывались от денег, означает скорее слабость местного полицейского аппарата как исполнительной структуры.

С началом работы Комиссии о губернских и уездных учреждениях, призванной разработать общеимперскую реформу полиции, всем губернаторам, в том числе западных губерний, было предложено в свободной форме изложить свое видение недостатков уездной полиции и возможных способов их устранения. Эти отчеты показывают состояние уездной полиции в Северо-Западном крае после польского восстания 1863–1864 гг., отмены военного положения и позволяют оценить изменения в ее положении, которые произошли в 60-х гг. XIX в.

Виленский губернатор Е. П. Стеблин-Каменский в своем отношении от 8 сентября 1870 г. констатировал, что преобразования 1862 г. имели «характер только внешний, коснувшийся исключительно административных частей», но «коренного же преобразования не было». По мнению губернатора, главная проблема уездной полиции Виленской губернии заключалась в «полной несостоятельности низших ее органов: тысячских, сотских и десятских»⁵⁵. Тысячские, набранные из отставных или бессрочно отпускных нижних чинов русской армии, годились лишь в качестве исполнителей несложных приказаний и не были способны к самостоятельной полицейской службе. Кроме того, их незначительное количество и удаленность от полицейского управления и станового пристава при «неспособности действовать

⁵⁵ РГИА Ф. 1316. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.

без ближайшего руководства»⁵⁶ обесценивали их роль в качестве агентов полицейской власти. В сотские и десятские крестьянами традиционно избирались «самые бесполезные люди», которых удавалось использовать лишь как рассыльных, но не более того. В итоге единственными дееспособными сотрудниками полиции оставались высшие чины, т. е. исправник и становые, но их усилия «при совершенной несостоятельности низших полицейских органов, в большей части случаев, остаются безуспешными, по совершенной невозможности иметь постоянное личное наблюдение на обширной территории за всем тем, что возложено на них»⁵⁷. Без преобразования полиции грядущая судебная реформа не принесет ожидаемых «благодетельных последствий». При этом губернатор указывал на то, что в этом крае «общественные и гражданские начала еще не везде установились на твердых основаниях и в некоторых частях его разнородного населения сохранились привычки к буйству, грабежу и разбоям»⁵⁸. В качестве образца переустройства полиции виленский губернатор указывал на опыт создания земской стражи в Царстве Польском, однако признавал, что это потребует дополнительных финансовых расходов. Вместо этого он предложил ликвидировать должности тысяцких, сотских и десятских, заменив их участковыми надзирателями и полицейскими стражниками. Согласно проекту губернатора каждый стан следовало разделить на несколько полицейских участков площадью до 300 кв. верст. В каждый участок назначался надзиратель, которому поручался бы общий надзор за порядком и исполнение части обязанностей станового пристава. Его подчиненными становились 2 стражника с правами младших стражников земской стражи Царства Польского. Дополнительно в качестве своеобразного кадрового резерва и усиления состава управлений и помощи становым предполагалось добавить 4 стражника при уездном полицейском управлении губернского города, по 3 — в каждое уездное полицейское управление и по 2 при становых квартирах. К этим проектируемым должностям следовало допускать всех, кто грамотен, физически здоров и «хорошего поведения». Жалование планировалось установить в следующем размере: участковому надзирателю — 400 руб. в год, стражнику — 120 руб. и прикомандированному стражнику — 90 руб. В поддержку своего проекта виленский гу-

⁵⁶ Там же. Л. 25.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Л. 26.

бернатор представил расчеты, которые показывали, что расходы на содержание 124 участковых надзирателей и 328 стражников составят всего 86 560 руб. Эта сумма была на 1790 руб. меньше той, которую приходилось тратить на содержание тысячских, выборных от крестьянских обществ сотских и десятских.

Иное видение будущего уездной полиции было у гродненского губернатора А. Е. Зурова. В своем отношении от 19 июня 1871 г. он ратовал за ликвидацию уездного полицейского управления как совершенно избыточной инстанции между губернским правлением и непосредственными исполнителями распоряжений губернской администрации в лице становых приставов. По словам губернатора, такая система лишь «значительно усложняет переписку и замедляет ход дела»⁵⁹. Если до судебной реформы полицейское управление еще имело какой-то смысл, поскольку в нем рассматривались некоторые судебные дела, то после введения в действие новых судебных уставов его функции сведутся лишь к контролю над становыми приставами. В этой связи губернатором предлагалось сделать становых приставов главным полицейским органом с непосредственным подчинением губернскому руководству. Исправнику отводился общий надзор за деятельностью чиновников и порядком в уезде. В его обязанности входила бы ревизия делопроизводства, исправление ошибочных действий, разбор жалоб на чиновников полиции и прямое содействие становым в чрезвычайных ситуациях. Кроме того, его ведению могли поручаться какие-нибудь отдельные важные дела по прямому приказу губернатора. При исправнике предполагалось ввести должность секретаря для ведения архива и особого чиновника для замещения должностей становых. Последний чиновник должен был, по мысли автора проекта, играть роль помощника исправника, замещать пристава или оказывать ему помощь при большом количестве дел. Это должностное лицо рассматривалось как кадровый резерв при открытии вакансии станового пристава. С его появлением губернатор планировал решить проблему подготовки и отбора кандидатов, поскольку в «настоящее время нередко приставами назначаются люди без всякого практического знания полицейских обязанностей»⁶⁰. В условиях, когда становой пристав находится в «изолированном положении», он может «неумышленно впадать в ошибки, влекущие иногда за собой ответственность,

⁵⁹ Там же. Л. 224.

⁶⁰ Там же. Л. 226.

или заимствоваться знанием от какого-нибудь наемного писца, и тем невольно подчиняться влиянию последнего». В отличие от виленского губернатора, гродненский начальник губернии позитивно оценивал деятельность тысяцских как ближайших сотрудников пристава. Однако он отмечал их малочисленность: при штатном числе в 117 человек один тысяцкий приходился в среднем на 7430 жителей, проживавших на территории площадью 280 кв. верст. Вместе с тем уже привычно констатировалось, что выборные сотские и десятские комплекуются «по большей части из людей малоспособных к какой-либо общественной службе, тем более полицейской..., исполняя почти единственную обязанность рассыльных»⁶¹. Наиболее оптимальным губернатор считал создание вольнонаемной полицейской стражи. Но этот проект признавался нереалистичным. Причина заключалась в том, что при численности населения Гродненской губернии в 1009034 человек и соотношении 1 стражник на 1000 жителей, стража потребует расходов на сумму более 100 тыс. руб.

Однако при предварительной разработке этого проекта были признаны чрезмерными даже расходы в 87980 руб. Наконец, «двух стражников недостаточно для того, чтобы состав стражи мог быть вполне удовлетворительным»⁶². Единственным более-менее реалистичным выходом губернатор полагал увеличение количества тысяцских хотя бы до соотношения 1 на 3000 жителей, что означало доведение их числа с 117 до 336 человек. Кроме того, следовало придать им внешний вид военизированной стражи: ввести «однообразную форму и дать оружие»⁶³. Одним словом, главные препятствия к созданию сильной полицейской стражи коренились в «недостаточности к тому денежных средств»⁶⁴.

Детальный анализ проблем уездной полиции и способы их решения изложил витебский губернатор П. Я. Ростовцев в представлении Комиссии от 29 августа 1870 г. В отличие от своего коллеги по Гродненской губернии, он не советовал упразднить управление, но предлагал его реорганизацию. В частности, он подверг критике коллегиальный характер управления, указывая на фиктивность совместного обсуждения дел. На практике «неграмотные или полуграмотные сельские заседатели и большую частью малоспособные заседатели от дворянства» не играют ни-

⁶¹ Там же. Л. 231.

⁶² Там же. Л. 231.

⁶³ Там же. Л. 232.

⁶⁴ Там же. Л. 231.

какой роли в принятии решения и, как правило, соглашаются во всем с исправником. Сам исправник в силу существующей штатной структуры и порядка работы вынужден постоянно покидать управление, оставляя вместо себя помощника, и разъезжать по уезду как исполнитель поручений губернатора. В результате он не может ни контролировать деятельность полицейского управления, ни надзирать за уездом. В идеале исправник должен держать «в своих руках все нити делопроизводства по полиции», подвергать «самой строгой проверке ... исполнительские бумаги приставов» и руководить службой подчиненных. Для помощи ему предлагалось добавить еще одного помощника с тем, чтобы первый отвечал за делопроизводство, а второй мог исполнять поручения исправника, не требующие обязательного присутствия начальника управления. Должности столоначальников и регистратора следовало бы лишить прав государственной службы и замещать их вольнонаемными. Это обусловлено тем, что с лицами по найму проще работать, чем «с чиновниками от правительства при таком жаловании, на которое способный человек пойдет очень редко и то лишь в крайности»⁶⁵. Вообще предлагалось увеличить канцелярские расходы, причем дифференцировать их распределение в зависимости от объема служебной переписки.

При анализе деятельности станových приставов губернатор П. Я. Ростовцев указал на то, что при имеющейся организации полиции самый деятельный пристав при участке «в окружности от 100 до 200 и в диаметре от 60 до 100 верст» вынужден преодолевать «неодолимые затруднения». Причина этих затруднений заключается в том, что ближайšie помощники пристава тысяцкие не имеют права самостоятельных действий и ограничены лишь «наблюдением и донесением пристава о факте». В итоге при невозможности физически быть «одновременно в пунктах, один от другого лежащих в отдаленных и совершенно противоположных направлениях»⁶⁶, становой в первую очередь исполняет наиболее важные поручения. Прочие дела исполняются от случая к случаю, когда пристав оказывается по делам службы в местности, где произошло правонарушение или требуется его вмешательство. Это приводило к медленному исполнению дел, вызывающему «недовольство общества», спешке и выработке привычки «сбыть как-нибудь дело»⁶⁷. На практике, не принимая

⁶⁵ Там же. Л. 147.

⁶⁶ Там же. Л. 149.

⁶⁷ Там же.

во внимание многочисленные экстренные выезды, один объезд в месяц требовал расходов на сумму не менее 20 руб. при выделяемых «на прогоны 13 руб. с копейками». В итоге «не подлежит сомнению, что в некоторых станах есть уголки, где о приставах знают лишь понаслышке»⁶⁸. Для улучшения службы губернатор предлагал ввести должность помощника становой пристава с правом принятия решений под ответственность пристава. Сам становой оставлял за собой общее руководство, дознание по уголовным преступлениям, составление описей по взысканию государственных повинностей, исполнение поручений исправника. На помощника возлагалась бы работа в канцелярии, помощь становому. Кроме того, предлагалось существенно повысить расходы на разъезды, доведя выплаты хотя бы до размера выплат акцизным надзирателям. Сам состав низших полицейских служителей расценивался как крайне неудовлетворительный за исключением тысячских. На места сотских и десятских избирается «обыкновенно тот, кто меньше просит денег, больше представляет ручательств на снисхождение и поблажку, коему дома нечего делать или кого влечет приманка получить задаром хотя небольшие деньги — вообще избираются плохие люди и хозяева». На содержание каждого сотского крестьянские общины тратили приблизительно 50 руб. в год деньгами и хлебом, десятского — 10 руб. при том, что на них не распространялись прочие повинности. В качестве решения проблемы начальник губернии рекомендовал ввести полицейскую стражу из расчета 5 стражников на каждые 2—3 тысячи мужских душ. Среди этих стражников один являлся бы старшим, а 4 — младшими. Предпочтение следовало отдавать грамотным отставным воинским чинам, но допускался найм всех с «хорошими задатками для полицейской службы»⁶⁹. Однако с учетом политических последствий польского восстания в стражу губерний Северо-Западного края закрывался доступ католикам и, что интересно, староверам. Стражникам предоставлялось обмундирование сроком на 3 года и жалование в размере 12 руб. в месяц старшему и 10 руб. младшему стражнику. При становой квартире для дежурства, конвоирования арестантов, преследования по горячим следам уголовных преступников следовало держать 3-х конных стражников, которые получали бы казенную лошадь, фураж, обмундирование и месячное жалование в 10 руб. Каждую субботу старший стражник докладывал бы становому

⁶⁸ Там же. Л. 150.

⁶⁹ Там же. Л. 152.

об обстановке в отведенном ему районе. Кроме того, губернатор предлагал подчинить уездной полиции волостных старшин и сельских старост в той области, которая касалась полицейских дел. На данный момент все зависело исключительно от способности исправника наладить контакт с мировым посредником, чтобы принудить представителей крестьянского самоуправления к каким-либо действиям.

В своих предложениях от 1 сентября 1870 г. минский губернатор В. Н. Токарев, как и начальник Гродненской губернии, предложил ликвидировать уездные полицейские управления, передав исправнику право контроля над деятельностью становых приставов путем ежемесячных ревизий, разбора жалоб на деятельность полиции и наложения административных взысканий за упущения по службе. Исправнику отводилось исполнение непосредственных поручений губернатора. В свою очередь становые приставы превращались в полномочный полицейский орган власти на местах. Эта мера, по мысли губернатора, позволила бы избежать ситуации, когда становым приставам «предоставляется возможность уклоняться от исполнения прямого долга службы и слагать ответственность на других, чем порождается обременительная и более всего вредная в делах полиции исполнительная отписка, значительно замедляется своевременное принятие необходимых полицейских мер и дается повод к нареканиям и неудовольствиям, как правительственных учреждений, так равно и частных лиц»⁷⁰. Вместе с тем признавалось, что даже самый ответственный становой пристав попадает в ситуации, когда выполнение служебных обязанностей «становится иногда невозможным»⁷¹. Это обусловлено значительным пространством и населенностью стана: по расчетам губернатора, в среднем на одного станового выпадал участок площадью в 2450 кв. верст с населением в 33 600 душ. Для решения этой проблемы предлагалось увеличить количество станов. При условии ликвидации управлений высвобождались средства на открытие трех дополнительных станов на каждый уезд Минской губернии. В вопросе о реорганизации службы низших полицейских чинов губернатор ратовал за передачу всех полицейских функций волостным старшинам и сельским старостам. По словам В. Н. Токарева, даже при всех недостатках крестьянского самоуправления они «являются лучшими помощниками чинов уездной полиции, в охране порядка и общественной

⁷⁰ Там же. Л. 521.

⁷¹ Там же. Л. 522.

безопасности, а также взыскании податей, в исполнении рекрутской и других повинностей»⁷². Вместо упраздняемых чинов сельской полиции губернатор рекомендовал учредить должность околоточных надзирателей из расчета по 2–3 человека на стан «без всякого самостоятельного значения»⁷³. Наконец, при управлении в станových квартирах предлагалось держать специальных рассыльных.

При анализе положения дел в уездной полиции Могилевской губернии отмечалось, что, при загруженности исправника, все текущие полицейские дела падали на станových приставов. Последние же фактически оказывались без помощников, поскольку нижние чины сельской полиции состояли из «неграмотных, не развитых и в большей части бедных крестьян, избираемых обществом в службу не более чем на год, с весьма ничтожным вознаграждением ..., а чаще без всякой платы»⁷⁴. Всех этих сотских и десятских можно было использовать лишь как рассыльных или конвоиров. Кроме того, поскольку при приставе не было писмоводителей, то им приходилось брать на себя и всю канцелярскую работу. В итоге как общее правило наблюдается «медленное течение дел, до полиции относящихся, с одной стороны, недостаток надзора и надлежащей настойчивости в открытии и преследовании преступлений, с другой»⁷⁵. Не менее важным недостатком полиции считалась ее обремененность делами, которые следовало бы передать в ведомство «судебных учреждений»⁷⁶. Перспектива скорого введения в действие мировых судов, по мысли губернатора П. Н. Шелгунова, давала основание для ликвидации при управлении должностей неперемennого и сельских заседателей. Это позволило бы отказаться от коллегиальности в работе полицейского руководства.

По мнению губернатора, при существующем устройстве полиции даже самый лучший корпус чиновников не сможет избежать критики и нареканий на плохую службу. Это просто неизбежно, особенно с учетом того, что на службе в полиции находится «весьма ограниченный состав исполнительских полицейских чинов»⁷⁷. Для исправления ситуации могилевский губернатор П. Н. Шел-

⁷² Там же. Л. 524.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 526–527.

⁷⁵ Там же. Л. 527.

⁷⁶ Там же. Л. 525.

⁷⁷ Там же. Л. 526.

гунов предлагал ввести должность помощника станового пристава с правом замещения последнего при его отсутствии и передачей в его ведение канцелярской работы. Ему полагалось жалование в размере 400 руб. в год. Следующим необходимым шагом считалось упразднение тысяцких, сотских и десятских. Вместо них планировалось ввести должность участковых надзирателей без прав государственной службы. На каждого надзирателя отводился бы участок площадью не более 200 кв. верст, а в местечках и городах с населением до 4000 человек рекомендовалось назначать особого участкового надзирателя. Жалование для надзирателей устанавливалось бы в размере 325 руб. в год с тем расчетом, чтобы его хватало на содержание собственной лошади для служебных поездок. Это позволило бы избежать конфликтов на почве подводной повинности. При полицейских управлениях и становых квартирах предлагалось учредить специальных рассыльных, которым выплачивалось бы жалование в размере 85 и 75 руб. в год соответственно. Помимо курьерских функций им предстояло охранять и конвоировать арестантов. Наконец, следовало повысить суммы, выделяемые на канцелярские расходы для управлений и становых квартир.

Анализ губернаторских рапортов показывает, что уездная полиция в белорусских губерниях Северо-Западного края нуждалась в кардинальных преобразованиях. Введенные «Временными правилами» штаты не отвечали потребностям административно-полицейской деятельности и требовали пересмотра. Губернаторами отмечалась необходимость расширения полномочий становых приставов и передачи в их подчинение дополнительных полицейских чиновников, полной или частичной реорганизации службы нижних чинов полиции, причем все администраторы считали совершенно бесполезным сохранение сотских и десятских.

Таким образом, после подавления польского восстания 1863–1864 гг., отмены военного положения состояние уездной полиции ненамного отличалось от положения, которое существовало в самом начале восстания. Численность уездной полиции по сравнению с утвержденными 17 февраля 1863 г. штатами в белорусских губерниях почти не изменилась. Более того, не произошло существенного количественного роста чинов уездной полиции по сравнению с дореформенными штатами. Сохранились и все те недостатки полицейской организации, которые затрудняли полицейский контроль над населением. Интересно, что ряд мер по усилению полиции был начат Министерством внутренних дел или инициированы виленским генерал-губернатором В. И. Назимо-

вым еще до появления в крае М. Н. Муравьева. В частности, одновременно с утверждением новых полицейских штатов Министерство внутренних дел предписало закрыть доступ на полицейские должности католикам и разработать проект введения конной полицейской стражи. Виленский генерал-губернатор В. И. Назимов приступил к решению вопроса об определении статуса тысяцких и утвердил предложенную виленским губернатором М. Н. Похвисневым должность военных станowych начальников. Несмотря на то, что М. Н. Муравьев пользовался заслуженной репутацией опытного администратора, не все его действия по обустройству уездной полиции представляются эффективными. По крайней мере, создание временных уездных жандармских команд вместо конной полицейской стражи не позволило в перспективе увеличить силы и средства общей полиции. Нельзя не отметить, что в основном проекты по улучшению деятельности уездной полиции не получили практического воплощения. Например, полицейская стража, предлагавшаяся губернаторами в рамках работы Комиссии, или конно-полицейская стража, проектировавшаяся в самый разгар восстания, появились в белорусских губерниях лишь в период 1903–1905 гг. Губернаторские предложения 1870–1871 гг. показывают, что правовое оформление института тысяцких не привело к решению проблемы ближайших помощников станowych приставов. Большинство губернаторов предлагало упразднить эту должность, заменив ее помощниками станowych, участковыми или околоточными надзирателями. Можно сказать, что, по сравнению с ситуацией накануне польского восстания 1863–1864 гг., возможности полиции по надзору над населением существенно не изменились. При значительной площади и населенности уездов, несколько полицейских чиновников, которые фактически не имели в своем подчинении более-менее подготовленных низших полицейских служащих, были просто не в состоянии должным образом справляться со всеми административно-полицейскими обязанностями. По нашему мнению, говорить о каком-то системном и плотном полицейском контроле в политических целях со стороны общей полиции вообще не приходится. В целом преобразования 60-х гг. XIX в., помимо создания самих уездных полицейских управлений, способствовавших централизации административно-полицейской власти⁷⁸, и урегулирования положения тысяцких, не привели к созданию сильного аппарата уездной полиции в белорусских губерниях. Отнюдь не случайно

⁷⁸ Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 10.

впоследствии виленский генерал-губернатор П. П. Альбединский в своем всеподданнейшем отчете об управлении краем за 1874–1877 гг. констатировал, что «необходимость преобразования» полиции «ощущается здесь более, чем в какой-либо другой местности империи, где самое охранение спокойствия и порядка не соединено с столь усиленною бдительностью и большею ответственностью, как здесь»⁷⁹. Генерал-губернатор признавал, что «действующие ныне штаты не соответствуют современным потребностям». Пожалуй, наиболее последовательно в 60-х гг. XIX в. была проведена линия на замещение полицейских должностей лицами православного вероисповедания. Представляется, что эта мера в политических условиях западных губерний была неизбежной и давала уверенность в лояльности чинов полиции как исполнителей мероприятий внутренней политики российских властей в крае.

⁷⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 16. Д. 51. Л. 98.

Р. Н. РАХИМОВ

«РАЗМЯТЕЖНАЯ ВАРШАВА!
НА ТЕБЯ ПРИШЛА РАСПРАВА»:
«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ОКРАИНЕ ИМПЕРИИ

Польские события 1863 г., всколыхнувшие всю Россию, нашли свой отзвук и на юго-восточной окраине империи. Более того, благодаря им через два года сама юго-восточная граница перенеслась далеко на юг, а Оренбургский край превратился в провинциальную глубинку. В это время юго-восток России являл собой огромную территорию, включавшую большую часть Башкирии, в административном отношении он представлял Оренбургскую, Уфимскую и Самарскую губернии. В XVIII — первой половине XIX в. по р. Урал (Яик) проходила Оренбургская пограничная линия; в Оренбурге, Челябинске и Троицке осуществлялась торговля со странами Востока; на степном и лесостепном пространстве проживали русские, башкиры, татары, чуваша, марийцы, мордва, удмурты.

Особенностью региона было то, что здесь находились три иррегулярных войска — Башкирское (временно исполняющий должность командующего, полковник А. П. Богуславский) и два казачьих: Оренбургское (наказной атаман, генерал-майор граф И. А. Толстой, с 6 марта 1863 г. полковник П. В. Зворыкин) и Уральское (наказной атаман, генерал-майор В. Д. Дандевиль), входившие в состав Отдельного Оренбургского корпуса¹. Орен-

¹ Корпус упразднен 10 августа 1864 г. с переименованием в войска Оренбургского края. Существовало еще одно, четвертое иррегулярное войско — Ставропольское калмыцкое, но оно в 40-е гг. XIX в. было упразднено.

бургский и Самарский генерал-губернатор, генерал от артиллерии А. П. Безак считался корпусным командиром.

Для, казалось бы, далекого от западных губерний Оренбургского края, «Азиатской России», «диких мест», как иногда называли в XIX в. эти земли современники, польская тема, как ни странно, была близкой еще с XVII в.

В эпоху Смуты, в 1611–1612 гг., башкиры, находясь в составе Первого и Второго ополчения, участвовали в боевых действиях против польской конницы. Этот факт подтверждает грамота уфимскому воеводе Ф. А. Алябьеву царя Алексея Михайловича: «Башкиры при прежних государях и при отце нашем, Блаженные памяти, при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея России и против поляков, а в Московское разорение были под Москвою и до Московского разорения были в нашей службе под Новым Городом на Бронницах с боярином с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, а после де того были они на нашей службе в полку у боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского»².

Поскольку после вхождения Башкирии в состав России во второй половине XVI в. началось освоение обширного края, переселение крестьян, строительство городов и крепостей, власть испытывала нехватку военной и гражданской администрации. Дворянская корпорация пополнялась как представителями нерусских народов, принявшими крещение и поверстанными в службу, так и сосланными за различные проступки дворянами из Центральной России. Далекий край надолго стал местом ссылки военнопленных. Так, среди первых дворян Уфы и Мензелинска были представители полоцкой и смоленской шляхты (более 200 чел.), попавшие в плен в ходе русско-польской войны 1654 г. и присланные в 1655 г. для несения службы на Закамской пограничной черте³. В 1682 г. в Уфу прислали 26 шляхтичей, уже находившихся в плену более 20 лет, из которых 17 человек были католиками, отказавшимися принять православие⁴.

В последующем столетии «польский вопрос» на юго-востоке империи получил свое дальнейшее развитие. В 1768 г. поляки,

² Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР. Стерлитамак, 1922. Вып. 2. С. 22.

³ Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 33–34; Смоленская шляхта. Смоленск, 2010. Т. I. С. 612–655.

⁴ Азнабаев Б. А. Уфимское дворянство в конце XVI — первой трети XVIII в. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа, 1999. С. 76–77.

недовольные действиями короля С. Понятовского, проводившего прорусскую политику, образовали «Барскую конфедерацию», которая объявила сейм низложенным и начала вести военные действия против русских войск, введенных в Польшу. Боевые действия в Польше и Литве шли одновременно с начавшейся русско-турецкой войной. В 1769 г. основные силы конфедератов были разбиты русскими войсками под командованием А. В. Суворова. В 1771 г. они вспыхнули с новой силой, но русские войска вновь нанесли поражение польским повстанцам. Для ведения боевых действий с оставшимися отрядами конфедератов, в связи с тем, что армия отправлялась на юг, на войну с Турцией, правительство направило иррегулярные войска.

8 октября 1771 г. Екатерина II повелела Военной коллегии направить в Польшу в состав русской армии три тысячи башкир⁵. Императорский указ от Военной коллегии последовал 15 октября: «повелено из Уфимской провинции командировать противу польских возмутителей башкирцев три тысячи человек, при одном главном их начальнике с надлежащим числом старшин и сотников»⁶.

Для сопровождения башкир из оренбургского гарнизона направили офицеров, которыми командовал секунд-майор И. Шмаков. Команду разбили на партии по триста человек во главе со старшиной и урядниками, в каждой из них находились армейские офицеры. С 18 декабря готовые к маршу партии башкир начали отправляться из Уфы в Смоленск. Сохранились «Ведомости» башкирских команд, они представляют собой именные списки с указанием количества запасных лошадей и предметов

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 954. Л. 1.

⁶ Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 37. В исторической литературе данное событие почти не получило освещения. См.: Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769 по 1774 год. СПб., 1866–1874. Т. II–V; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1. С. 217; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 289; Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999. С. 153–154; Асфандияров А. З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006. С. 43; Рахимов Р. Н. Поход башкирской команды в Польшу в 1771 году // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 147–151; Васильев И. М. Денежные повинности башкир и мишарей во второй половине XVIII в. Уфа, 2008. С. 83–86; Башкирское войско в Польском походе (1771–1773). Сборник документов / Сост. И. М. Гвоздикова, Б. А. Азнабаев, К. А. Мухамедьярова. Уфа, 2009.

вооружения. Судя по ним, основным видом оружия были лук и копье, которые имелись у 88 % башкир. Ружья и сабли имели 10–11 % — старшины, есаулы, хорунжие, сотники⁷.

Башкиры прибыли в Смоленск между 30 марта и 5 апреля и вошли в состав Польского корпуса генерал-поручика А. И. Бибикова. Башкирские партии командование распределило в войска, находящиеся в Польше и Литве, они приняли участие в боях под Варшавой, Вильно и других местах. Несмотря на слабое, по сути, средневековое оружие, которым владели, башкиры смогли выполнить задачу — подавить повстанческое движение. Уже 25 августа 1772 г. Военная коллегия направила Бибикову указ, в котором, отмечая, что надобности в башкирах нет, предлагала оставить 1000 человек со старшинами в корпусе, а остальных отправить партиями «в дома свои»⁸. 14 ноября он сообщил, что отправлено 2042 башкира, оставлено 933. Подсчеты показывают, что на ноябрь месяц из 3101 чел. башкиры потеряли 126 воинов, причем одну треть из них, скорее всего, на марше. Таким образом, боевые и небоевые потери составили примерно 4 %. Оставшиеся башкиры из 4-й, 8-й и 9-й партий по-прежнему находились в Литве. Указ об их отправке в Оренбургскую губернию был дан 17 июля 1773 г.

Мужество и отвага степных воинов были отмечены наградами — главный начальник башкирского войска Кулуй Балтачев получил «саблю, жалованную господином генерал-аншефом и разных орденов кавалером Александром Ильичем Бибиковым, с серебреною оправою и на ножнах бляхами», ряд башкир получили сабли и чины, некоторые — медаль с надписью: «За службу и храбрость» или «За усердие к службе»⁹.

Итогом этой войны был первый раздел Польши. Другим итогом стало то, что около 100 пленных конфедератов было направлено в ссылку в Оренбургскую губернию. Их пребывание вошло в историю, поскольку они стали родоначальниками театральной жизни в крае, впервые поставив в 1772 г. в Уфе оперетту «Пан Бронислав» на польском языке¹⁰. Башкирская трехтысячная ко-

⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 104–186 об.

⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 62.

⁹ Башкирское войско в Польском походе (1771–1773). С. 173; Кузнецов А. А., Чепурнов Н. И. Наградная медаль. М., 1992. Т. I. 1701–1917. С. 102–104; Дуров В. А. Русские и советские боевые награды. М., 1989. С. 7.

¹⁰ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1. Ч. 2. С. 256.

манда, вернувшись на родину, приняла активное участие в движении Е. И. Пугачева.

Последнее в XVIII в. «столкновение» азиатской конницы с поляками произошло сразу после русско-шведской войны 1788–1790 гг., в ней принимали участие четыре башкирских и один мещеракский полк¹¹. По окончании боевых действий в Финляндии два башкирских полка командование отправило домой, а 1-й, 4-й башкирские и 1-й Мещеракский — в Двинскую армию, расположенную на границе Курляндии с Польшей. Ее задачами были пограничная служба и защита Прибалтики от возможных действий Пруссии.

Сохранились интересные наблюдения контактов между поляками и расположенной на границе национальной конницей, сделанные П. А. Левашевым и сообщенные им в корреспонденции графу А. Р. Воронцову. В августе 1790 г. он писал из деревни близ Могилева: «На сих же днях прошел слух в Польше по всей границе, что находящиеся здесь в Белоруссии наши войски вскоре вступят в Польшу, от чего у них многие тем потревожились; а всего больше они боятся башкир и прочих татарских войск, о которых носится у них слух, что еще идет сюда их много из-за Волги: тем больше они их страшатся, слыша, будто бы они лошадиное сырое мясо едят и кровью их запивают»¹².

В январе следующего года в очередном письме он отметил забавный случай с поляками, буквально понявшими шутку одного из мещераков: «Прежде сего, когда наших войск здесь не было, господа польские жолнеры, около нашей границы делая разъезды, чрезмерно храбрились и мне, как живущему на самой границе, не без заботы было. А ныне хвост прижали так, что и не слышно об них, где они и что у них делается. <...> Я с удивлением примечаю, что поляки гораздо более страшатся татарского имени, нежели регулярных войск, особливо, видя наших башкир и мещераков, что они едят лошадей. Я скажу вашему сиятельству очень смешную историю об оных поляках и татарах; а именно

¹¹ Мещераки (совр. мишари) — представители татароязычного служилого сословия. Переселены правительством в Башкирию в XVII–XVIII вв. из Симбирской и Нижегородской губерний. В первой половине XIX в. входили в состав Башкиро-мещеракского войска. Часть исследователей считает их этнографической группой татар, некоторые — отдельным тюркским народом, имеющим финно-угорские корни.

¹² Письма П. А. Левашова к графу А. Р. Воронцову. 1786–1791 // Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. XIV. Бумаги графов Александра и Семена Романовичей Воронцовых. С. 463.

случилось сею осенью, что из стоящих здесь кордонов татары купили на свою артель лошадь, оную зарезали и хорошенько ободрали и потом мяса довольно наварили и нажарили и кушали с превеликим аппетитом, на что смотря некоторые поляки спросили у них, как они могут есть лошадиное мясо, на что один из них, как видно большой шпын, сказал, что они едят лошадей с большою охотою; а когда войдут в неприятельскую землю, тогда уже не будут есть лошадей, но жирных мальчиков еще с гораздо лучшим аппетитом, а по нужде и взрослых, чему многие из поляков и в правду поверили и в Польшу к своим землякам писали, как слышно, такой там страх напустили, что многие по глупости своей и заподлинно татар наших людоедами почитают и начали было по деревням прятать своих детей преждевременно»¹³.

Несмотря на кажущуюся абсурдность представлений и действий польского населения, тем не менее это имело свою логику, опирающуюся на подсознательную память народа, сохранившую ужасы монгольских вторжений в Польшу в XIII в. Через двадцать три года, в 1813–1814 гг., этот миф о башкирах и татарах, пожирающих детей, будет успешно применяться наполеоновской пропагандой в немецких землях и во Франции.

Таким образом, в XVIII в. уже сложившийся «польский коридор» из Польши в Башкирию получил встречное движение. Оренбургская губерния продолжала оставаться местом ссылки для поляков, а представители национальной конницы — башкиры и мишари — приняли участие в боевых действиях в Польше, а в мирное время несли службу на западной границе империи.

В XIX в. все эти элементы «польского вопроса» — пограничная служба, боевые действия, ссылка польских военнопленных на Южный Урал — реализовались с большим размахом. Основные события проходили в 1812–1814, 1830–1831, 1863–1864 гг. В них, кроме башкир и мишарей, принимали участие оренбургские и уральские казаки, а также тептяри¹⁴.

Отечественная война 1812 г. началась с перестрелки с французами, переправившимися на российский берег, тептярей 1-го полка и черноморских казаков, несших пограничную службу

¹³ Письма П. А. Левашова к графу А. Р. Воронцову. С. 464–465. Шпын, шпынь — насмешник, балагур.

¹⁴ Тептяри — сословие из башкир, татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, существовавшее на территории Башкирии в XVIII — первой половине XIX вв. В 1790–1845 гг. тептяри за свой счет содержали конные полки, которые несли службу на границе.

по р. Неман. Первое крупное столкновение поляков и кочевников юго-востока — атака башкирами 1-го Башкирского полка, находившегося в составе корпуса донского атамана М. И. Платова, польских улан во время боев при м. Мир 27–28 июня. В дальнейшем, в ходе наполеоновских войн в бои с польской кавалерией вступали как уральские и оренбургские казаки, так и башкиры и тебтяри.

После победы над Наполеоном, согласно решению Венского конгресса, бывшее Варшавское герцогство вошло в состав Российской империи под названием Царство Польское. Оно управлялось наместником императора Великим князем Константином Павловичем, имело свою автономию в виде Конституции 1815 г., административный аппарат, великолепную армию, денежную систему. В 1828 г. Николай I короновался в Варшаве Польским королем.

Несмотря на многие привилегии, недоступные для всей России, поляки проявляли недовольство сложившимся положением и готовились к антирусскому выступлению. Поводом к восстанию послужили слухи о том, что готовится направление польских войск в составе российской армии в Бельгию, где разразилась революция.

Восстание началось 29 ноября 1830 г. захватом арсенала и падением на дворец наместника. 25 января 1831 г. сейм Польши объявил Николая I и его семью лишенными прав на польский престол. В ответ была направлена армия, во главе которой стоял генерал-фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский, а после его смерти, последовавшей от холеры, генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич-Эриванский. Начались ожесточенные боевые действия.

В 1830–1831 гг. из иррегулярных войск Оренбургской губернии, для подавления польского выступления, командование направило значительные силы — уральский, два оренбургских казачьих, тебтярский и пять башкирских полков¹⁵. В советской историографии тема по понятным причинам была запретной, и лишь в «Очерках» сообщалось, что «В 1830–1831 гг. два оренбургских и пять башкирских полков были командированы в Белоруссию и Польшу для несения этапной службы и конвои-

¹⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5089. Л. 3. См.: Расписание всех казачьих войск, 25 декабря 1831 г. СПб., 1831. С. 31–32; Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1886; Казин В. Х. Казачьи войска. СПб., 1912. С. 264–265.

рования военнопленных»¹⁶. В последнее время появились работы, посвященные непосредственно военной службе башкир, тептярей и казаков в западных губерниях в 1830–1831 гг., а также были выявлены, переведены на русский язык и опубликованы мемуарные записки башкира-участника похода¹⁷.

Участие казаков и национальной конницы в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. было различным по задачам, которые ставились им командованием. Так, 4-й Уральский казачий полк (подполковник Хорошхин), понесший большие потери во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и направленный в Польшу, принял участие в осаде крепости Замостье в 1830–1831 гг.

Остальные иррегулярные части были доведены до штатной численности и использовались непосредственно в боевых действиях против польской кавалерии.

Отправление 2-го Тептярского полка последовало вследствие Высочайшего повеления командиру Отдельного Оренбургского корпуса графу П. П. Сухтелену 7 декабря 1830 г.¹⁸ Полк выступил из Сеитовской слободы под Оренбургом и должен был следовать в Гродно, куда ожидалось его прибытие к 17 апреля 1831 г.¹⁹ Полк переправился через Березину на пароме в районе д. Березина, далее направился к Минску, но в город по случаю эпидемии холеры не вошел. Затем тептяри выступили к г. Вилейке, поскольку имелись сведения о том, что в нем находится польский

¹⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 71; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. С. 357; Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005.

¹⁷ Рахимов Р. Н. Башкирские полки в русско-польской войне 1830–1831 гг. // Истоки российского федерализма в свете провозглашения автономии Башкортостана: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2007. С. 121–124; он же. История тептярских конных полков. 1790–1845 гг. Уфа, 2008. С. 92–97; Кузнецов В. А. Военная служба полков Оренбургского и Уральского казачьих войск после Отечественной войны 1812 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 13 (150). История. Вып. 31. С. 65; История башкирского народа в 7 т. СПб, 2011. Т. IV. С. 97–99; Надергулов М. Х. Образец башкирской войсковой мемуаристики XIX века // Ватандаш. 2008. № 8. С. 42–51; Он же. Ценный источник из башкирской мемуарной литературы XIX века // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Уфа-Сибай, 2009. С. 216–219.

¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5089. Л. 3.

¹⁹ РГВИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 31. «Описание похода 2-го Тептярского полка в 1831 г.», составленное обер-квартирмейстером Отдельного Оренбургского корпуса полковником А. А. Жемчужниковым. Л. 1–6 об.

отряд под командой некоего Болишевского. Из-за темной ночи и «по не знанию проводника» в Вилейку полк вошел лишь с рассветом. Польский отряд был предупрежден о движении полка и ночью покинул город, оставив в нем оружие, хлеб и 30 солдат с офицером, которых тептяри взяли в плен и, вместе с 200 тыс. руб., найденными в городе, доставили Виленскому военному губернатору. Заключенные поляками в тюрьму священник и городские служители получили свободу. 11 апреля 1831 г. полк переправился через р. Вилию и направился к Сморгони, затем к Солле.

Литовцы втайне поддерживали поляков, поэтому полк решено было не направлять в Польшу, а оставить в распоряжение Виленского военного губернатора, генерал-адъютанта М. Е. Храповицкого. Он, в свою очередь, командировал сотню № 1 под командой есаула Леружа в отряд генерал-майора Я. О. Отрошенко в г. Ошмяны, а сотню № 3 под командой есаула Коитова — в Минскую губернию «для преследования мятежных шаек»²⁰. Оставшиеся сотни № 2, 4, 5 направились из Соллы в Вильну, куда вступили 20 апреля 1831 г. и были осмотрены Виленским военным губернатором. После 25 апреля еще одна сотня, № 2, под командованием есаула Иванова была командирована в г. Троицк для оказания помощи земской полиции в усмирении жителей и преследовании отрядов мятежников. Оставшиеся в Вильне две сотни производили рекогносцировки, преследовали отряды мятежников, в районе г. Ошмяны к ним были прикомандированы эскадроны уланского Его Императорского Высочества, Великого князя Михаила Павловича полка и одно орудие конной артиллерии. Этот отряд в течение мая делал экспедиции по Виленской и части Минской губерний, потом вернулся в Вильну и стал лагерем рядом с ней.

Командующий польской армией генерал Я. Скржинецкий, спасая свои войска в Польше от полного разгрома, решил провести отвлекающий маневр, атаковав русские войска в Литве и захватив Вильну. 19 июня польская дивизия Гелгуда атаковала город, но была разбита русскими войсками во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. В. фон дер Остен-Сакеном. В этом сражении полк (два эскадрона — 234 чел.) находился на Понарских высотах в резерве и в бою непосредственного участия не принимал²¹. С 27 июня часть полка была командирована в отряд генерал-лейтенан-

²⁰ РГВИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 об.

²¹ Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. СПб., 1911. Т. III. 1826–1854. С. 114.

та В. И. Каблукова. Затем она вошла в отряд генерал-лейтенанта Е. Я. Савоини, преследовавший отступавших поляков²². Тептяри под его командованием участвовали в бою при г. Паневеже 5 июля, а с 16 июля находились в «поиске, открытии и преследовании» неприятеля от м. Авант до м. Мамты, завершившемся упорным боем, закончившимся лишь ночью²³.

1 февраля 1832 г. командиром полка назначен майор, барон Ф. Н. Корф, получивший предписание выступить обратно в Оренбургскую губернию, в Бузулук, куда тептяри прибыли 20 июня.

Оренбургские сводные казачьи полки № 8 (есаул Ваулин) и № 11 (войсковой старшина П. П. Нагашев), состоявшие наполовину из оренбургских казаков, наполовину из башкир, несшие пограничную службу на юге России, приняли участие в боевых действиях в Польше. В 1830 г. четыре сотни полка № 8 под командой сотника Новокрещенова были командированы в Польшу в команду начальника казачьих полков генерал-майора М. Г. Власова, одна сотня находилась в распоряжении Минского губернатора А. Ф. фон Дребуша вместе с сотней № 11 полка и действовала в отряде генерал-лейтенанта Ф. В. Ридигера²⁴. Для пополнения полка № 8 в ноябре из Оренбургского казачьего полка № 9, несшего службу на кордонах по р. Прут, откомандировали 5 офицеров, 9 урядников и 167 казаков. «Сведения о казачьих войсках в действующей армии. 1831 г.» показывают, что в это время Оренбургский казачий полк № 8 находился в отряде генерал-майора, барона Д. Е. фон дер Остен-Сакена в Загряжье на правом берегу р. Нарев²⁵. В феврале—марте сотни полка участвовали в боях при Мариополе, Вильно и Ковно²⁶. В 1832 г. полк вернулся в Оренбургскую губернию. За отличия в боях хорунжий Хусаин Агиев был награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом²⁷.

Оренбургский казачий полк № 11 был командирован в Херсонскую губернию для несения карантинной службы на кордонах и постах в г. Тирасполе и на р. Днестре. В декабре 1830 г. он был направлен в Польшу, где принял участие в боевых действиях

²² Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее — ЦИАРБ). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1276. Л. 22.

²³ Денисон Дж. История конницы. М., 2001. Кн. 1. С. 377.

²⁴ Пузыревский А. К. Указ. соч. Приложения. Всего 210 чел.

²⁵ Казин В. Х. Указ. соч. С. 264–265.

²⁶ Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 65–66.

²⁷ Никольский А. И., Чернощекон Н. А. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк // Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб., 1907. Т. 11. Ч. 3. С. 479.

на Волыни и в Подолии²⁸. Для пополнения из Оренбургского № 9 полка в него направили 2 офицеров, 2 урядников и 79 казаков. В 1831 г. № 11 полк имел одну сотню у Минского гражданского губернатора, две сотни находились в распоряжении временного Волынского губернатора А. П. Римского-Корсакова, и две сотни следовали из Дубоссар в армию²⁹. В 1832 г. полк сменил Оренбургский казачий полк № 9 на карантинной службе. Вернулись казаки в свою губернию в феврале 1835 г.

Сохранились мемуары башкира Усмана Ишмухаметова, служившего в этом полку, которые помогают воссоздать детали боевой и походной жизни башкир и казаков.

«В 20-х же числах мая и до нас дошла весть о том, что польская армия взяла штурмом город Абросов, вооружила и включила в себя семьсот рекрутов, в этом же городе удерживает направлявшийся в Варшаву транспорт, около пятисот провиантов³⁰. Затем полторы тысячи солдат — пехотинцев, из нашего полка двести казаков, а также из других полков — в целом более трех тысяч воинов были отправлены на штурм этого города.

После того, как мы прошли одну станцию, навстречу нам выехала польская почта на тройке, где сидели три человека. Увидев их, наш полковой командир Негашов скомандовал: «Отстанись, дорогу давай!»³¹ И мы пропустили их, отстранившись на две стороны. Те внезапно пальнули в сторону полкового командира. Командир приказал догнать и взять в плен эту тройку. Несколько казаков поскакали за ними, однако вернулись ни с чем.

После этого, миновав еще одну станцию, мы дошли до одной деревни и встретили пикеты польской армии. Разогнали их пиками с алыми лентами, некоторых из них взяли в плен, а некоторых убили. После чего служба стала очень строгой. Каждый казак и солдат не должен был дремать, ночевать только в сосновом лесу польской территории, подложив под себя саблю, ружье и подсумок. Утром снова были на ногах, в походном строю. Выступивших против нас войск противника уничтожали, некоторые же спасались бегством в лес. Нас никак не могли одолеть.

И днем и ночью осторожничали, около десяти дней вовсе не могли спать. Офицеры и сам полковой командир обходили дозоры и ударяли плетками спавших людей. Если бы они утром

²⁸ Пузыревский А. К. Указ. соч. Приложения.

²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5089. Л. 20.

³⁰ Предположительно речь идет о городе Острог.

³¹ Правильно — Нагашев.

сказали: «Этим вечером вам спокойно можно будет спать», — мы так остались бы довольными! До чего мы нуждались во сне!

27-го дня мая месяца, не дойдя до города Абросов шесть километров, мы столкнулись с польской армией, которая, заранее заняв нашу дорогу, стала теснить нас. Стреляя из ружей, после полудня они заставили нас отступить на километр, а после заката солнца перешли в наступление. Ночь просидели мы на поле спелой ржи. Ружейные ядра падали на нас как капли морозящего дождя. Тем не менее, в тот день никто из нас не пострадал.

<...> В середине ночи от командующего поступил приказ собраться в поход. Мы тронулись с большой осторожностью, не гремя нашими ружьями и саблями. <...> Когда мы совершили круг в двенадцать километров и подошли к городу на расстояние в полторы километра, стало светать. Польская армия узнала о нашем приближении и, выйдя за пределы города в конном и пешем порядке, открыла стрельбу. Наша армия под барабанным боем два—три раза пальнула из пушек и, построив солдат посередине, а казаков — с двух сторон, мы, мусульмане, со словами «Аллах велик!» пошли в наступление.

В тот день мы потеряли надежду остаться в живых. Думали, что вот-вот погибнем. Польская армия в пять раз превосходила нас в численности. В тот день нами командовал один гусарский офицер. «Матри, ребята, не бежи, не бежай! — говорил он, это значит, «не убегайте» — «Дорожи, не стреляй!» — говорил, т. е. «все залпом не стреляйте». — Заряжай!» — говорил, т. е. «ружья заряжайте».

Мы, надеясь на Аллаха, распрощавшись с жизнью, со слезами на глазах и с криком «ура» пошли вперед. Офицеры, вытаскивая сабли из ножен, ударили тыльной стороной сабли и кричали: «Вперед, да вперед!». «Кто отступит на десять сажень, будет расстрелян из ружья, а кто — на двадцать сажень, будет расстрелян из пушки!» — говорили они. Их слова «вперед, да вперед» означали «идите вперед, идите вперед, не отступайте».

Поляки стреляли в сторону тех, которые шли по два—три человека. Их ядра попадали и коням, и нам самим. В конце концов, с божьей помощью мы победили поляков и заставляли их бежать с поля боя. Многих из них уничтожили. Присоединившиеся к ним рекруты и некоторые шляхты побросали оружия и, давая пардон, стали перебегать в сторону нашей армии. <...> 29 мая взяли город Абросов, и там воцарилось правление нашего шаха Николая Павловича»³².

³² Надергулов М. Х. Образец башкирской войсковой мемуаристики. С. 45–47.

Анализ боевых действий тептярского и оренбургских сводных казачьих полков показывает, что командование дробило их на сотни и использовало либо отдельно, направляя для несения сторожевой службы, уничтожения мелких шаек повстанцев (в Литве), участия в преследовании отступающего противника, либо командировало в подвижные отряды, состоящие из легкой регулярной кавалерии (гусары, уланы), казаков и артиллерии.

В 1831 г. в Башкиро-мещерякском войске сформировали пять башкирских полков, направленных для конвоирования пленных поляков. 3-й полк (войсковой старшина Адеев) находился по этапам от Бобруйской крепости до Земли Войска Донского; 4-й (есаул Шубин) — от Москвы до Казани; 5-й (есаул Савин) — от Воронежа до Пензы и Земли Войска Донского; 6-й (есаул Альмемев) — от Минска до Москвы; 7-й (есаул Ситников) — от Минска до Воронежа. Срок их службы показывают сведения из формулярного списка М. Уметбаева служившего в 5-м полку с 25 июня 1831 по 2 апреля 1832 г.³³ Эти полки, находившиеся на довольствии Военного министерства и считавшиеся откомандированными на внешнюю службу, в число войск, участвовавших непосредственно в военных действиях, не входили. В данном случае командование приняло совершенно правильное решение, поскольку ему приходилось учитывать два важных аргумента: по уровню боеспособности башкирские полки не были готовы воевать на равных с польской легкой кавалерией — уланами; с другой стороны, у башкир имелся опыт несения конвойной службы на Сибирском тракте. Моральный дух войска, его желание служить оставались неизменно устойчивым.

Взятые в ходе боевых действий в плен офицеры и нижние чины польской армии частично были направлены для прохождения службы в Отдельный Оренбургский корпус, всего 2800 человек³⁴. Наличие такого большого числа поляков, вместе с политическими ссыльными и штрафованными солдатами российской армии, уже служившими в крае, привело к тому, что почти треть солдат 28-й пехотной дивизии оказывалась неблагонадежной. По аргументированной просьбе оренбургских властей император 9 мая 1831 г. принял решение не отсылать ссыльных в Оренбургскую губернию. С этого времени политическая ссылка в край, существовавшая с XVII в., перестала носить массовый характер.

³³ Надергулов М. Х. Из архива Мухаметсалима Уметбаева // Ядкарь. Вестник АН РБ. Уфа, 1995. Гуманитарные науки. № 1. С. 169–172.

³⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 80.

Военное командование пыталось сосланных солдат развести по гарнизонам или перевести под контроль местной администрации. Так, в 1832 г. около 200 пленных поляков были зачислены в Оренбургское казачье войско.

1830–1831 гг. явились своеобразным пиком в истории «польского вопроса» для юго-восточной окраины российской империи. В боевых действиях против польской армии вместе с частями регулярной армии участвовали казаки, башкиры, тептяри. Затем большое количество поляков, одетых в солдатские шинели, вдруг оказалось в степных гарнизонах Оренбургского края.

События января 1863 г., которые современники справедливо назвали польским мятежом, всколыхнули всю страну. Внезапное нападение на русские войска, зверства повстанцев по отношению к попавшим в плен солдатам, оскорбления русского населения и представителей православной церкви привели к всеобщему единению российского общества. Вмешательство Великобритании и Франции в польский вопрос и угроза европейской войны способствовали необычайному патриотическому подъему.

В отличие от 1830–1831 гг., в этот раз российским войскам противостояла не польская армия, имевшая кавалерию, пехоту и артиллерию, а отряды повстанцев, избравшие партизанскую тактику. Благодаря активным действиям российских войск, мятежникам не удалось захватить населенные пункты, в основном они находились в лесах. Для преследования отрядов повстанцев и несения полицейской службы командование активно использовало казачьи части — 9 донских, 3 кубанских, 3 оренбургских, 2 малороссийских, 2 уральских, 1 терской казачьи полки.

Пять полков, участвовавших в подавлении мятежа из обшего количества казачьих, прибыли из Оренбургского края. В 1863–1864 гг. Уральский казачий полк № 1 (подполковник Акутин) противодействовал повстанцам и нес полицейскую службу в Киевской, № 2 (войсковой старшина А. Я. Сладков), в Екатеринославской губерниях, а впоследствии был направлен в Бессарабию³⁵.

В Оренбургском казачьем войске, с получением 1 мая 1863 г. повеления о направлении казаков в Польшу, сформировали и отправили в июне—июле из Оренбурга, Троицка, Челябинска и станицы Кизильской три полка (№ 1–3). Они несли службу в Царстве Польском, но в военных действиях не участвовали. Патриотический настрой казаков этих полков показывает ред-

³⁵ Мякушин Н. Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890.

кий случай поступления на службу женщины. В одном из полков, № 2 (полковник А. М. Сильнов), находилась казачка, 16-летняя девица Варвара Зайцева из поселка Спасского, Верхнеуральской станицы, пожелавшая в тяжелое для страны время служить вместе со своими родными братьями. Зайцева носила форменное обмундирование, прекрасно ездила и стреляла. Известно, что она отличилась на скачках 18 октября 1864 г. в Варшаве³⁶.

Башкирское войско в это время не могло принять участия в польских делах, поскольку находилось в процессе своего упразднения. Эпоха реформ привела к отмене кантонной системы у башкир, мишарей и тептярей, 14 мая 1863 г. было Высочайше утверждено «Положение о башкирах». Тем не менее башкиры не остались в стороне от острого политического вопроса и откликнулись на польскую тему Всеподданнейшим письмом, отправленным 6 августа 1863 г. императору Александру II. В нем, за подписью 8320 человек, говорилось следующее: «Башкирский народ всегда служил верно своим законным Государям и память войны 1812 года, в которую отцы наши запечатали кровью преданность свою Престолу и Отечеству, еще свежи между нами. Если ты повелишь, Государь, то и настоящее время мы не пожалеем ни себя, ни своего достоинства на защиту Твоих священных прав и неприкосновенности Твоей Империи»³⁷. В ответ башкирам была объявлена Высочайшая благодарность.

Большая часть попавших в плен польских повстанцев высылалась в Сибирь. Прежнюю практику отправки в ссылку в Оренбургский край участников восстания сменила политика переселения уже находящихся в ссылке во внутренних российских губерниях отдельных участников восстания. Но и она не носила массовый характер. Так, в январе 1864 г. в Оренбургскую губернию «для водворения на казенных землях» были отправлены из Пскова находившиеся там в ссылке Петр Наркевич, Кароль Пацкевич и Казимир Федорович. В сопроводительных документах, подписанных генералом от инфантерии М. Н. Муравьевым, указывалось, что Казимир Федорович, крестьянин Ковенской губернии, «добровольно возвратился из мятежа, но за него никто

³⁶ Севастьянов С. Н. Казак-девица Варвара Зайцева. Оренбург, 1899. По его мнению, полков оренбургских казаков было пять. Вероятно, два уральских казачьих он засчитал как оренбургские казачьи, поскольку местом службы двух оренбургских полков он указывает Киевскую и Екатеринославскую губернии.

³⁷ Русский инвалид. № 172. 6/18 августа 1863. С. 737.

не поручился»; Кароль Пацкевич, 19 лет, из шляхты Шавельского уезда, «находился в шайке мятежников и не раскаялся»; Петр Наркевич, 26 лет, также из шляхты Шавельского уезда, «из шайки добровольно явился и чистосердечно раскаялся», за что получил прощение и после приведения к присяге на верно-подданничество отправлен в Псков³⁸.

Буквально следом за этой партией, в январе этого же года, уже из Владимира, по решению уже военно-судной комиссии, «для водворения на казенных землях» отправились находившиеся в ссылке «за бытность в боях с оружием» Виктор Добровольский, Михаил Райский, Петр Юзейк, Семен Грусегорек, Ян Ольчаковский, Вицентий Грабовский, Антоний Клутковский, Адам Пиорковский, Константин Завацкий — уроженцы Варшавы и Варшавской губернии³⁹. Как видно из документов, никаких массовых переселений поляков, как иногда сообщается в литературе, не было.

Если в 1830–1831 гг. на подавление польского восстания было направлено девять полков казаков и национальной конницы, сформированных в Оренбургском крае, из которых четыре приняли непосредственное участие в боевых действиях, то в 1863–1864 гг. таковых отправлено всего пять, причем, по крайней мере, три из них не воевали.

Но воевать уральским и оренбургским казакам пришлось в следующие двадцать лет на юге. В связи с восстанием в Польше во французской и британской печати началась антироссийская кампания. Опасение вмешательства в польские дела Великобритании привело к тому, что настроенные решительно оренбургский и западносибирский генерал-губернаторы А. П. Безак и А. О. Дюгамель, военный министр Д. А. Милютин смогли убедить императора Александра II провести ряд военных действий в Туркестане, угрожающих интересам Британии в Азии, с целью отвлечь ее от европейских проблем. Предполагалось провести рекогносцировку в степи, которая должна была привести к соединению Сыр-Дарьинской и Западносибирской пограничных линий. 20 декабря 1863 г. доклад Милютина о решительных действиях в степи был утвержден царем и стал программой действий в Средней Азии. В 1864 г. началось планомерное проникновение российских войск в Туркестан, сопровождавшееся военными действиями и завер-

³⁸ ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13 005. Л. 1–9 об.

³⁹ ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13 006. Л. 2–3.

шившееся присоединением огромной территории к Российской империи. С 1864 по 1880-е гг. во всех походах в Туркестан против Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата принимали участие оренбургские и уральские казаки, находящиеся в отдельных сотнях, батареях и сводных Оренбургско-Уральских полках. Таким образом «польская тема» 1863 г. в какой-то мере спровоцировала продвижение империи в Азию.

Для башкир, уральских и оренбургских казаков, местной администрации юго-востока России «польская тема» в течение трех столетий то забывалась, то возникала вновь. Походы в Польшу, размещение польских военнопленных и ссыльных в крае периодически повторялись. Своего апогея «польский вопрос» в России достиг в XIX в. Если для польских повстанцев в течение XVIII–XIX вв. объект «войны» постепенно менялся — в XVIII в. это был собственный король, в 30-е годы XIX в. уже русский царь, а 1863–1864 гг. вообще русские, то для представителей военнослужилых сословий — башкир и казаков — «польский поход» был одним из многих в череде военных кампаний. Никаких «антипольских», равно как и «антифранцузских», «антинемецких» настроений у жителей юго-восточной окраины империи не было. Неизменным для них было одно — исполнение служебного долга, «монаршей воли». Так сложилось, что в следующем веке, уже без царя, при другом режиме, башкиры вновь приняли участие в польском походе во время советско-польской войны в 1920 г., а тема «польские военнослужащие в Оренбуржье» стала реальностью в процессе формирования в 1941–1942 г. в Тоцке и Бузулуке армии генерала Андерса.

КРИСТИИНА КАЛЛЕЙНЕН

РАБОТА В ПАРЛАМЕНТЕ ВМЕСТО МЯТЕЖНИЧЕСТВА:
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ
В 1863 ГОДУ

Начиная с 1863 года положение Великого княжества Финляндского и Царства Польского весьма различалось. Как нам известно, причиной тому были отличные друг от друга опыты, которые эти государства переживали в предыдущие столетия, — Польша имела статус великой державы, тогда как Финляндия являлась частью Шведского королевства, перед тем как в 1809 году вошла в состав Российской империи. В настоящей статье мною в общих чертах будет освещен отличный от развития Польши путь Финляндии до 1863 года, когда состоялась первая после 1809 года сессия финляндского сейма, положившего начало регулярным заседаниям финского парламента.¹

От Боргоского сейма к Крымской войне

Период с заседания Боргоского сейма (нын. *Порвоо*) до Крымской войны можно охарактеризовать как время политического взаимопонимания между Финляндией и Россией. Присоединение к России оказалось выгодным для Финляндии: страна получила собственный отечественный центральный орган управления (Им-

¹ В 2013—2014 годах в Финляндии на средства, ассигнованные финским парламентом, будут праздноваться 150 лет со дня начала регулярных заседаний парламента.

ператорский финляндский сенат) и учреждение, представляющее финляндские дела, — Комитет по делам Финляндии в Петербурге — и многие другие привилегии, помогавшие поддерживать порядок в стране. Чиновникам, служившим верой и правдой императору, жаловали дворянские титулы, ордена, ценные денежные подношения и т. д.²

После Боргоского сейма в Финляндии жила вера в то, что новые заседания сейма состоятся в 1819 и в конце 1820-х годов, но эти надежды не оправдались. Польское восстание 1830 года стало также одной из причин для запрета созыва парламента. Хотя восстание и пробудило чувство солидарности в некоторых студентах, которые поднимали «польский кубок» в честь Польши,³ подобное отношение едва ли было распространенным, а распитие «польского кубка» было списано на счет излишней чувствительности, вызванной алкоголем.⁴ Высшие чиновники Финляндии не одобряли и не понимали бунтовавших поляков. Министр-статс-секретарь Р. И. Ребиндер отмечал тогда: «Поляки совершили безумный ход. Если не случится ничего непредвиденного, они проиграли собственное дело, а наше дело значительно подпортили, хотя мы совершенно невиновны».⁵

Поддержка и одобрение российского императора со стороны высшего чиновничьего аппарата Финляндии и большей части народа страны продолжалась вплоть до Крымской войны и даже дольше, но исход этой войны, то есть проигрыш России, ознаменовал поворотный пункт в финско-российских отношениях и в особенности в отношении финнов к российской власти.

После смерти императора Николая I на престол вззошел его сын, император Александр II. Приход к власти нового императора, а также произошедшая весной 1855 года смена на посту

² Об этом, например, в книге: Savolainen Raimo, Suosikkisenaattorit. Venäjän keisarin suosio suomalaisten senaattorien menestyksen perustana 1809–1892. Painatuskeskus, Helsinki 1994.

³ После истории с «польским кубком» студентов, участвовавших в «пирушке», допрашивали, и существовало опасение, что событие вызовет ненужную шумиху и привлечет к себе внимание на высшем государственном уровне. Дело, однако, разрешилось без серьезных последствий.

⁴ Klinge Matti, Ylioppilaskunnan historia 1 1828–1852. Turun ajoista 1840-luvun aktivismiin WSOY, Porvoo 1967, 16–17.

⁵ Danielson-Kalmari, J. R., Tien varrelta kansalliseen ja valtiolliseen itsenäisyyteen III. Söderström, Porvoo 1930, 129; Kalleinen Kristiina, Suomen kenraalikuvernementti. Kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä keisarille 1823–1861. Painatuskeskus, Helsinki 1994, 108.

генерал-губернатора Финляндии, который князь А. С. Меншиков уступил графу Ф. Ф. фон Бергу, предвосхитили многочисленные перемены, которые произошли затем в Финляндии. Имеющим наибольшее значение в Крымской войне фактом было то, что тогда Россия перестала быть в глазах финнов самой мощной европейской державой, статус которой она приобрела в результате победы над Наполеоном. После проигранной Крымской войны стало очевидно, что Россию теперь вовсе не следует почитать и бояться так же, как это делали раньше.⁶ В то же время в период, предшествовавший Крымской войне, господствовавшее в Финляндии стремление и желание сблизиться с Россией ослабилось и вскоре, наоборот, превратилось в стремление как можно больше отдалиться от России и приблизиться к Западу.⁷

По окончании войны за реформы принялись не только в России, но и в Финляндии, следовавшей политическому курсу русских. В марте 1856 года император Александр II приезжал в Хельсинки с визитом, когда и озвучил для записи в протокол сената программу общественного реформирования, к осуществлению которого сенату вскоре предстояло приступить. Естественно, программа была создана не самим императором: составлять ее стали в начале того же года, когда по просьбе министра-секретаря Александра Армфельта финляндские чиновники начали создавать план реформ с прицелом на послевоенное время. К концу оглашения замысла нововведений для протокола император чел разумынным предостеречь: «Прежде всего не забывайте, уважаемые господа, выразители всеобщего образа мыслей, что, будучи добропорядочными финнами, вы в то же время являетесь частью того огромного общественного единства, глава которого — российский император».⁸

⁶ Юссила Осмо, Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917. WSOY, Helsinki 2004, 268–269. Книга вышла также на русском языке: Юссила, Осмо, Великое княжество Финляндское. Ruslania Book OY, Хельсинки 2009.

⁷ Об эпохе политики сближения, предшествовавшей Крымской войне, см., например: Kalleinen Kristiina, Isänmaani onni on kuulua Venäjälle. Vapaaherra L. G. von Naartmanin elämä. SKS, Helsinki 2001 и Каллейнен Кристиина. Взгляд высшего чиновничества Финляндии на Россию, на русских и на положение Финляндии по отношению к России в начале XIX в. Санкт-Петербург и страны северной Европы. Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ 2004, 272–282.

⁸ Kalleinen 2001, 268.

Навстречу парламенту

Для осуществления программы общественных реформ созыв сейма стал рассматриваться как необходимая мера, так как для выполнения запланированных преобразований требовались новые и увеличение старых налогов, которые было невозможно ввести без созыва парламента. Созыв сейма не был сиюминутным делом. Возникла большая полемика, когда на празднике, организованном в честь коронации императора в 1856 году, епископ и профессор богословия Ф. Л. Шауман выступил с речью, в которой высказал пожелание к созыву парламента. В своей речи Шауман объяснил, что университет является сердцем мира и он в связи с этим говорит от имени мира и своего народа. В последней части речи он вслух зачитал конституционные правила созыва парламента и высказал мнение, согласно которому император, дав присягу, принял на себя обязательство возродить институт законодательного органа в виде парламента: «На этом слове императора, как на каменной скале, зиждется наша надежда». У требований, предъявленных Шауманом, был большой политический размах, и именно поэтому их посчитали опасными: в Петербурге приняли меры, целью которых стало предотвратить распространение речи в прессе.⁹

Произошедшее в Финляндии после войны освобождение общества и перемена в образе мыслей на рубеже 1860-х годов проявились также в том, что общественность начала активно обсуждать вопрос, является ли Финляндия провинцией или самостоятельным государством. Год 1861 известен в политической истории Финляндии как *annus mirabilis* (лат. *год чудес*). Наименование это знаменует собой, что в ту пору в сознании людей будто прояснился тот факт, что Финляндия — это государство, а не провинция и что она связана с Россией только властью императора, то есть речь в данном случае идет лишь о личной унии.¹⁰

В апреле 1861 года император собрал так называемую Январскую комиссию, которую местные круги либералов посчитали чуждой конституции; они опасались, что комиссия отстранит от действий ожидавшийся к созыву сейм. Было решено в четкой форме объявить императору о случившемся поправки конституции с помощью массового выражения общественного мнения. Из-за большого ажиотажа, возникшего вокруг дела, в декабре

⁹ Jussila 2004, 287.

¹⁰ Jussila 2004, 270–282.

1861 года император объявил через только что назначенного нового генерал-губернатора Финляндии ген. от инф. П. И. Рокасовского о том, что работа комиссия была лишь подготовительной и сейм будет создан сразу по окончании ее деятельности.¹¹ В известной степени произошло непоправимое: по причине спора, родившегося из-за Январской комиссии, возникло еще большее желание прояснить, что собой представляет конституция Финляндии и что она определяет. В результате этих разногласий, связанных с комиссией, люди так сильно озаботились вопросом финляндской конституции, что беспрестанно интересовались этой проблемой у профессора юриспруденции Ю. Ф. Палмена. Он даже всерьез опасался за сохранность своих дверных косяков: так много людей, интересовавшихся конституционными вопросами, являлось к нему с визитами. Именно поэтому он счел нужным выпустить отдельное издание о конституции Финляндии, которое увидело свет в сентябре 1861 года. В первый же день в Хельсинки было продано свыше 300 экземпляров, что, учитывая описываемую эпоху, является числом значительным. Знаменательно то, что в то же время и в тот же год, когда в кругу образованной прослойки Финляндии распространилось представление о Финляндии как об отдельном государстве, распространилось и укрепилось знание и понимание статей конституции Финляндии.¹²

Новый 1860-й год начался в Финляндии с того, что по окончании Крымской войны пресса стала постоянно отслеживать международные события и связанные с ними кризисные явления. Момент был благоприятным в особенности с точки зрения распространения национальной идеи: объединение Италии 1859—1861 годов и в первую очередь фигура Джузеппе Гарибальди пробудили восторг как среди фенноманов (сторонников «финской» идеи), так и среди либералов; некоторые финские добровольцы даже отправились сражаться в рядах отрядов Гарибальди. В финляндской прессе также следили за вспыхнувшей в 1861 году в Соединенных Штатах гражданской войной и, что вполне естественно, за восстанием, возникшим в Польше в 1863 году.¹³

¹¹ О созыве Январской комиссии и ее последствиях: Krusius-Ahrenberg Lolo, *Valtiopäiväajatus etsii toteutumistaan (1856–1863)*. Suomen kansanedustuslaitoksen historia 2. Eduskunnan historiakomitea, Helsinki 1981, 42–63.

¹² Jussila 2004, 282. Под конституцией тогда понимали законы, принятые при шведском короле Густаве III, или Закон о форме правления Швеции 1772 года и Акт соединения и безопасности 1789 года.

¹³ Paasivirta Juhani, *Suomi ja Eurooppa. Autonomiakausi ja kansainväliset kriisit (1808–1914)*. Kirjayhtymä, Helsinki 1978, 220–221.

1863 год

После начала восстания в Польше дружественное отношение западных государств к полякам породило опасность крупной войны. По понятным причинам, в России, напротив, возникла сильная неприязнь по отношению к полякам, которая впоследствии стала основанием для того, чтобы начать рассматривать все граничившие в Российской империи государства еще более критично и пристально, чем прежде. В этом особо «отличились» основанная весной 1863 года газета «Московские ведомости» и, в частности, ее главный редактор Михаил Катков.

В Финляндии за событиями в Польше наблюдали с интересом и значительно активнее, чем в 1830 году: причина такой заинтересованности была связана с тогдашним курсом развития самой Финляндии и в политическом, и в идеологическом плане. Новое восстание вызывало интерес именно с точки зрения выражения национальной идеи, а не потому, что Польша была автономией наподобие Финляндии. На первых порах пресса следила за событиями в Польше, основываясь на данных российских газет, но начиная с конца февраля в Финляндии начали пользоваться иностранными печатными источниками. При сравнении данных в российских и зарубежных газетах быстро заметили, что русские новости зачастую были противоречивыми и ненадежными.¹⁴

Помимо восстания в Польше интерес в Финляндии был направлен на международное положение и возможную угрозу войны между Россией и западными государствами, в связи с чем в либеральных кругах Финляндии начали спекулировать возможностью сохранения нейтралитета. Эта мысль стала актуальной, когда с конца апреля 1863 года русские войска начали перевозить в Финляндию. Приблизившаяся опасность войны возбудила крайнюю озабоченность в гражданах, в памяти которых еще сохранились опыты времен Крымской войны.¹⁵

Весной 1863 года прозападные либеральные круги Финляндии сделали несколько предложений по ослаблению напряжения, царившего в отношениях между Финляндией и Россией, и под угрозой международного кризиса все чаще заговаривали о «позиции союзника» по отношению к России. Предложения либералов помимо всего прочего состояли в том, что Финляндия долж-

¹⁴ Paasivirta 1978, 223–224.

¹⁵ Paasivirta 1978, 224–225.

на была иметь возможность назначить собственного консула, получить собственный торговый флаг и сохранить нейтралитет в возможной крупной войне. Фенноманы, сторонники финской национальной политики, и преданные императору круги отвергли предложения либералов, из которых идею сохранить нейтралитет в войне посчитали самой вероломной. С точки зрения фенноманов знаменательным было то, что как раз в апреле 1863 года их предводитель, Йохан Вильгельм Снелльман, был назначен на должность в сенат. Это назначение означало, что у фенноманов были теперь уже совсем другие условия для достижения своих целей на высшем уровне.¹⁶

В статье «Война или мир для Финляндии», вышедшей в начале июля в газете *Litteraturblad*, Йохан Снелльман наметил «линию политики безопасности» в сложившейся ситуации международного кризиса: отправной точкой была преданность императору. Спекуляции по поводу того, что результатом предполагаемой войны между Россией и Финляндией станет возвращение Финляндии в состав Швеции, Снелльман решительно отвергал. Он считал, что война, в которой противоборствующими сторонами выступали бы Россия и Швеция, была бы с точки зрения национального развития Финляндии судьбоносной: Россия никогда бы не отказалась от Финляндии полностью. Самым важным для Снелльмана было сохранить условия для национального развития Финляндии, и именно поэтому польский вопрос надо было рассматривать не как политико-моральное явление, а с точки зрения реальной политики. Согласно Снелльману, война принесла бы лишь горе такому немногочисленному и политически несамостоятельному народу, каковым был народ Финляндии.¹⁷

В такой тревожной общественной ситуации император счел самым разумным усмирить финских подданных, и лучшим «успокоительным» средством стало подписанное 18.сб.1863 объявление о созыве парламента: открытие заседаний финляндского сейма должно было состояться в Гельсингфорсе в сентябре 1863 года при личном присутствии императора.

Созыв и открытие заседаний сейма в Гельсингфорсе были частью показной, «витринной» политики Александра II: в то время как русская армия жестоко подавляла восстание в Польше, Александр хотел показать, что он может быть либеральным

¹⁶ Paasivirta 1978, 227–230.

¹⁷ Paasivirta 1978, 230–231; Savolainen Raimo, *Sivistyksen voimalla. J. V. Snellmanin elämä*. Edita, Helsinki 2006, 713–715.

и с точки зрения конституции «правильным» руководителем.¹⁸ Сейм в Гельсингфорсе имел колоссальное значение в плане воздействия на общественное мнение, то есть, выражаясь современным языком, его созыв был гениальным PR-ходом, когда огни в созданной Финляндией «витрине» зажглись совершенно невиданным раньше образом, как отмечал Лоло Крузиус-Аренберг. 14 сентября император прибыл в Гельсингфорс на корабле «Штандарт» на открытие сейма, которое с большим размахом праздновалось в течение несколько дней; его сыновья, великие князья, тоже участвовали в праздничных мероприятиях. На тогдашнее положение Польши указывало то, что в связи с празднествами считалось необходимым показать военную мощь России и то, что императорская власть располагала значительными военными силами на территории Финляндии: 17 сентября был организован грандиозный военный парад, в котором приняли участие 20 000 солдат, включая артиллеристов и кавалерию.¹⁹

К концу тронной речи, открывшей заседание сейма, император счел разумным предостеречь финнов: «Вам, представителям Великого княжества Финляндского, предстоит в солидной, сдержанной и мирной форме показать на ваших совещаниях, что свободные институты, далекие от того, чтобы быть опасными, являются для народа залогом порядка и спокойствия, что благодаря полному взаимопониманию с правителем и практическому подходу к делу способствует развитию всеобщего благополучия». «Практический подход» означал, что сейм не должен был концентрироваться на теоретико-государственных вопросах и далеко идущих планах, а, напротив, депутатам следовало остановиться на экономических и сугубо внутренних проблемах.²⁰

Сразу после официального начала деятельности сейма в группе либералов из дворян родился вопрос, имеют ли право люди, состоявшие на службе у чиновничьего аппарата России, представлять свой народ в сейме. Либеральные законники из дворянских кругов опирались на уложение Рыцарского собрания 1626 года, которое отказывало в месте и праве голоса дворянам, проживавшим за границей и/или состоявшим на службе у ино-

¹⁸ Paasivirta 1978, 243.

¹⁹ Ekman Torsten, Suomen kaarti 1812–1905. Schildts, Helsinki 2006, 225–228; Krusius-Ahrenberg Lolo, Uutta luovaa valtiopäivätoimintaa vanhoissa puiteissa 1863–1867. Suomen kansanedustuslaitoksen historia 2, 116–117.

²⁰ Krusius-Ahrenberg Lolo, Uutta luovaa valtiopäivätoimintaa vanhoissa puiteissa 1863–1867, Suomen kansanedustuslaitoksen historia 2, 125.

земного князя. На деле этот вопрос касался лишь трех человек: капитана Угглы, вице-адмирала фон Шанца и государственного советника Брууна, который позднее стал статс-секретарем Великого княжества Финляндского. Самым негативным в этой полемике, с точки зрения русских, было то, что финны считали Россию «заграницей».²¹

Дело привлекло негативное внимание в России, и Финляндию обвинили в сепаратизме. Критику высказала возглавляемая Михаилом Катковым газета *Московские ведомости*, которая вела новую патриотическую линию. Катков обрушил критику на периферийные российские области, которые считал сепаратистскими, и осенью 1863 года под «обстрел» попала в том числе и Финляндия. Уже само по себе начало деятельности сейма в Финляндии Катков считал отрицательным, но наибольшее осуждение Финляндии со стороны Каткова вызвал результат голосования, согласно которому три ранее упоминавшиеся личности утратили свое представительское право в сейме. Из-за критики, возникшей в России, по вопросу права участия в сейме было организовано новое голосование, в результате которого право было возвращено упоминавшимся финским депутатам. Но это, естественно, не поправило дела в глазах русских.²² Катков продолжил писать статьи против периферийных государств России, в том числе против Финляндии. В последующие десятилетия у него появлялось все больше тем для упреков в своих «опусах», касавшихся финляндского сепаратизма и враждебного отношения к России.

После того, как деятельности сейма был дан «зеленый свет», соответствующих спорных вопросов, вызывавших интерес у России, не возникло. Правительственные круги России тем не менее, будучи недовольными, обратили внимание на представление о характере финско-русских отношений, бытовавшее в среде финнов из либеральных кругов. Понимание либералами этих отношений как своего рода «соглашения» и состояния «реальной унии» между Финляндией и Россией, а в особенности то, что иностранные газеты «ухватились» за подобное толкование в своих статьях, пробудило сильное недовольство и раздражение. По этой причине министр-статс-секретарь Александр Армфельт по инициативе Министерства иностранных дел способствовал публикации статьи о ситуации в Финляндии в журнале *Journal de St. Petersbourg* в январе 1864 года. В статье утверждалось, что

²¹ Jussila 2004, 452–453.

²² Jussila 2004, 447, 453.

Финляндия является присоединенной к России страной, обладающей автономией, но все же зависимой от Империи в «политических вопросах». Представленные в финляндской либеральной газете *Helsingfors Dagblad* толкования были, согласно ранее упоминавшейся статье, «сущей метафизикой».²³

В апреле 1864 года император Александр II в своей речи, завершившей заседание сейма, обратил внимание на некие обсуждения, которые велись в парламенте касательно положения Финляндии. В этих разговорах, заявил он, выражались «блудливые мысли» о положении Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, и особо подчеркнул, что в интересах Финляндии было стремиться «укрепить, а никак не ослабить тесную связь с Россией». Это предостережение императора на несколько лет приостановило разговоры в финской прессе об особом статусе Финляндии в составе России.²⁴

Заключение

После Крымской войны Финляндия с разрешения императора смогла приступить к осуществлению разнообразных общественных преобразований, частично и благодаря тому, что страна оставалась верной императору во время войны. Еще перед учреждением сейма в 1860 году Финляндия получила собственную денежную единицу, марку, введение которой имело большое значение для усиления положения Финляндии как отдельного, самостоятельного государства, хотя русские, естественно, этого не заметили. Россия считала, что введение своей денежной единицы в Финляндии и данное в 1860-х годах разрешение осуществлять другие важные реформы породит в финнах чувство благодарности по отношению к России и сблизит государства. В конечном итоге, как мы знаем, случилось совсем наоборот: Финляндия охотнее, чем прежде, обратила свой взор к Западу и еще больше отдалилась от России.

В связи с Польским восстанием следует упомянуть о том, что во время Крымской войны и после нее графа Фёдора Фёдоровича фон Берга, занимавшего до 1861 года должность генерал-губернатора Финляндии, назначили в марте 1863 года помощником наместника Царства Польского, великого князя Константина,

²³ Paasivirta 1978, 251–252.

²⁴ Paasivirta 1978, 252.

в должности которого он участвовал в подавлении восстания. После своей неудачи в подавлении восставших поляков осенью 1863 года Константин получил отставку, а на его место был назначен граф фон Берг. Берг выступал наместником в Польском царстве до своей кончины в 1874 году. Некоторые финские офицеры, состоявшие на службе в российской армии,²⁵ участвовали в подавлении бунта в Польше (например, генерал-лейтенант Йохан-Казимир Эрнрот, генерал-лейтенант Отто-Фердинанд Энкель, генерал-лейтенант Герман-Оскар Прокопе).

Опыты Польши и Финляндии, связанные с Россией, были различны между собой, поэтому не стоит удивляться тому, что поляки недоумевают при виде установленного посреди Сенатской площади в Хельсинки памятника Александру II, «царю-освободителю».

Перевод с финского Елены Вешняковой

²⁵ Публикация в сети: Suomalaiset kenraalit ja amiraalit Venäjän sotavoimissa 1809–1917. Доступна по адресу: www.finlit.fi/henkilohistoria/kenraalit.

КИРИЛЛ ШЕВЧЕНКО

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 Г. В ЧЕШСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Идея славянской взаимности с самого начала занимала ведущее место в идеологии чешского национального движения. Ядром созданной Я. Колларом концепции славянской общности было «понимание славянства как единого целого — «славянской нации».¹ Коллар полагал необходимым «приостановить процесс дальнейшего дробления славянских народов и начать постепенное сплочение в единое целое»² путем взаимного познания языков и литератур разными славянскими народами. Подобные взгляды в той или иной степени были свойственны большинству чешских «будителей» первой половины и середины XIX века, рассматривавших чехов исключительно в общеславянском контексте. Примечательно, что в своем популярном обзоре истории Чехии, рассчитанном на массового читателя, известный чешский политик и общественный деятель второй половины XIX века Ф. Л. Ригер подчеркивал, что «история чешская есть история народа славянского, населяющего наиболее западные области и сохранившегося в виде полуострова в море немецком...».³

В наибольшей степени славянские чувства чехов были направлены на Россию, единственное к началу XIX века независимое славянское государство, военная мощь и политическое

¹ Рокина Г. Теория и практика славянской взаимности. Казань, 2005. С. 7.

² Там же.

³ Rieger F. L. *Čechy, země a národ. Obraz statisticko-historický*. V Praze, 1863. S. 215.

значение которого являлись важным стимулирующим фактором в деятельности чешских «будителей». Широкие русофильские настроения среди чешской интеллигенции резко усилились после контактов чехов с русской армией в ходе наполеоновских войн в 1799–1800 гг. и в 1813 г., когда русские войска находились на территории Чехии, где они были с воодушевлением встречены местным населением. «Малочисленность народа и его сил должна была быть компенсирована величию хотя и чужим, но все-таки величию соплеменников»,⁴ — писал в 1894 г. Т. Г. Масарик, пытаясь объяснить корни чешского русофильства.

Однако наряду с мощным русофильством для чешских национальных деятелей были характерны и полонофильские взгляды. Если Россия завораживала чехов своим военно-политическим могуществом и международным авторитетом, резко усилившимся после наполеоновских войн и вызывавшим «усиленное биение пульса славянского чувства»,⁵ то поляки вызывали сочувствие у чехов схожей исторической судьбой, заключавшейся в утрате государственной независимости и вхождением польских земель в состав других государств. Один из ранних представителей чешского национального возрождения Й. Добровский, будучи убежденным русофилом и усматривая в России «защитника славян, не отрицал в то же время и свои симпатии к полякам, национальную трагедию которых он воспринимал как трагедию собственного народа». ⁶ Совмещение русофильских и полонофильских взглядов было в это время характерно для многих чешских национальных деятелей. Убежденными полонофилами были такие ведущие представители чешской литературной жизни начала XIX века, как Пухмайер, Неядлы и Гневковский. Естественно поэтому, что русско-польское противоборство и польские восстания против России воспринимались чешским обществом крайне болезненно. Уже польское восстание 1830–1831 гг. стало причиной серьезной напряженности и идейного размежевания в чешском обществе. Чешские национальные деятели, которые ранее «были едины в своих национальных и славянских взглядах, оказались разделенными на два противоположных лагеря. В этом отношении 1830–1831 гг. были предвестником еще большей напряженности в 1863 г., приведшей к открытому конфликту».⁷

⁴ Masaryk T. G. Česká otázka. Snahy a tužby národního obrození. Praha, 1969. S. 61.

⁵ Францев В. А. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902. С. 12.

⁶ Žáček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. V Praze, 1935. S. 27.

⁷ Ibidem. S. 8.

Отношение чехов к русско-польскому противоборству и к польским восстаниям испытывало колоссальное влияние западноевропейского либерального общественного мнения и прессы, настроенной преимущественно пропольски и транслировавшей ходячий образ отсталой, реакционной и деспотической России и свободолюбивых поляков, борющихся за восстановление поправленной исторической справедливости. Именно это общеевропейское восприятие России и русско-польского конфликта стало мощным источником полонофильских настроений в чешском обществе. «Симпатии к тому или иному славянскому народу, — обоснованно полагал чешский историк В. Жачек, — служили еще и орудием выражения политических предпочтений. Популярный взгляд состоял в том, что поляки — борцы за свободу и прогресс, поэтому симпатии к ним выражают согласие с либерально-демократическими принципами. С Россией дело обстояло прямо противоположным образом. Тот, кто защищал деспотическую Россию, считался приверженцем реакции...».⁸

* * *

Ведущая чешская газета «Народни листы» (Národní Listy), орган чешской национальной партии, вплоть до начала беспорядков в русской Польше отзывалась о России и императоре Александре II весьма позитивно, особенно подчеркивая важность отмены крепостного права для всех славянских народов. По словам газеты, отмена крепостничества в России «наполняет радостью всех славян» прежде всего потому, что «завистливые народы соседние», указывая на русское крепостное право, твердили на этом основании о врожденной предрасположенности славян к «вечному рабству». Отныне, утверждали «Народни листы», это «язвительное оружие» выбито из рук славянских недоброжелателей.⁹

Однако уже апрельские беспорядки в Варшаве в 1861 г., в подавлении которых участвовали русские войска, вызвали критическую реакцию ведущей чешской газеты, писавшей о жестоком поведении армии и об убийствах женщин и детей, что, по ее мнению, в значительной степени испортило репутацию Александра II как великодушного освободителя от крепостного рабства миллионов русских крестьян. Вместе с тем часть вины за проис-

⁸ Ibidem. S. 30.

⁹ Národní Listy. 30. III. 1861.

шедшее «Народни листы» возлагали и на самих поляков, «провоцирующих русскую администрацию и армию» и не оставляющих иного выбора русским чиновникам, понимавшим, что «мирными средствами невозможно противодействовать антигосударственным демонстрациям».¹⁰

Основную вину за резкое обострение ситуации в Царстве Польском «Народни листы» были склонны возлагать не столько на императора, сколько на русских чиновников, управлявших Польшей. По мнению газеты, лучшим способом решения польского вопроса для России было бы возвращение Царству Польскому собственной национальной администрации, финансовой системы и армии, т. е. тех прав, которые оно имело в соответствии с решениями Венского конгресса 1815 г.¹¹ Критически оценивая политику русской администрации в Царстве Польском и констатируя бесплодность действий как умершего Горчакова, так и сменившего его «простого солдата» Сухозамета, «Народни листы», тем не менее, призывали поляков набраться терпения и тщательно готовиться к тому времени, когда изменившиеся европейские условия позволят им улучшить свое положение.¹²

Назначение великого князя Константина наместником было скептически воспринято чешской прессой, уверенной в том, что Константин не будет способен пойти на уступки полякам в том объеме, которого они добивались. Однако покушение на жизнь великого князя Константина было решительно осуждено чешской прессой. При этом «Народни листы» даже выражали сомнение в том, что нападавшим мог быть поляк, аргументируя свое сомнение тем, что к подобным радикальным методам поляки не прибегали даже по отношению к Паскевичу. В конце концов «Народни листы» высказали мнение о том, что нападавшим мог быть член некой радикальной подпольной организации, заинтересованной в сохранении напряженности в Царстве Польском.¹³

В целом освещение беспорядков в Царстве Польском и польско-русского конфликта вообще было для чешской прессы, воспитанной на традициях славянской взаимности, задачей нелегкой и неприятной. Вплоть до начала восстания чешские газеты делали попытки дистанцироваться от конфликта и играть роль беспристрастного посредника. «Мы, чехи, любим одинаково

¹⁰ Národní Listy. 20. IV. 1861.

¹¹ Národní Listy. 19. VIII. 1861.

¹² Národní Listy. 18. X. 1861.

¹³ Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 34.

оба народа и усматриваем в них не только поляков и русских, но родственные племена славянские, на которых лежит проклятие славянства — братоубийство и разобщенность»,¹⁴ — писали «Народни листы» в ноябре 1862 г. Вместе с тем здесь же «Народни листы» выражали сочувствие «героическому народу польскому», на «кровоточащие раны которого», по словам газеты, чехи смотрят «глазами, полными слез».¹⁵ При этом «Народни листы» подчеркивали необходимость отделять русский народ, не имеющий ничего против поляков, от угнетателей польского народа, к числу которых газета относила «отвратительную касту чиновников без славянского и национального самосознания»,¹⁶ намекая на немецкую этническую принадлежность многих высших русских чиновников в Царстве Польском.

Начало январского восстания 1863 г. застало чешскую прессу врасплох. Первоначально чешские периодические издания даже «не хотели верить информации о начале восстания и предрекали ему неудачу».¹⁷ Однако развитие событий очень быстро сделало польский вопрос и польско-русские отношения одной из главных тем в чешской прессе. В пространной статье об отношениях России и Польши, опубликованной 25 января 1863 г., «Народни листы» эмоционально и несколько противоречиво комментировали начавшееся восстание. С одной стороны, чешская газета осудила политику Николая I в польском вопросе как деспотичную, отметив вместе с тем и разочарование поляков Александром II, реформы которого не могли удовлетворить польские ожидания. «Народни листы» находили совершенно естественным стремление поляков к восстановлению своей государственности и независимости и в очередной раз подчеркивали разницу между русским народом и «неславянскими» царскими чиновниками, которые, по мнению газеты, являлись основным источником зла для поляков.¹⁸ С другой стороны, признавая правомерность «озлобленности и отчаяния» поляков, «Народни листы» выражали свое неодобрительное отношение к начавшемуся восстанию, поскольку, не ставя под сомнение «мужество и жертвенность поляков», они, тем не менее, были уверены в том, что восстание не достигнет своей цели. По мнению газеты, полякам «не хватает сил» и «преимущество

¹⁴ Národní Listy. 2. XI. 1862.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 36.

¹⁸ Národní Listy. 25. I. 1863.

русских является слишком большим».¹⁹ Кроме того, «Народни листы» проницательно указывали на то, что в восстании не примут участия польские крестьяне, которые, по словам газеты, «к сожалению, не столь сознательны как наши чешские крестьяне...».²⁰ Здесь же «Народни листы» высказывали оправдавшееся позже предположение о том, что начавшееся восстание «не станет всеобщим как в 1830 г., а превратится лишь в кровавые стычки».²¹ Содержание и тон публикации свидетельствовали о полностью пропольской позиции печатного органа чешской национальной партии, который, солидаризируясь с целями восставших, выражал несогласие лишь с методами достижения этих целей, считая их нереальными.

Если в самом начале редакция газеты «Народни листы» стремилась к сдержанности и объективности, то уже через несколько месяцев содержание газеты стало еще более пропольским, а статьи о восстании приобрели более сочувственный и оптимистичный по отношению к восставшим тон, выражая надежды на их успех. Рубрику о Польше в это время редактировал убежденный полонофил и сторонник восставших А. Котик.²² Редакция газеты с начала восстания получала большое количество писем из Польши и Галиции, «информация которых часто была тенденциозной и несоответствующей действительности. Речь шла в основном об успехах поляков... Все это, — полагал чешский исследователь В. Жачек, — свидетельствовало о прекрасной организации польской пропаганды за рубежом...».²³ Хорошо отлаженный механизм польского политического пиара оказал воздействие на позицию ведущих чешских газет. Если сначала редактор газеты «Народни листы» Э. Грегр воспринимал пропольские материалы из-за рубежа скептически и не был склонен публиковать всю содержащуюся в них информацию, то позже под влиянием своего полонофильского окружения он изменил свои взгляды в более благоприятном для поляков направлении. Единственным членом редакции газеты «Народни листы», который занимал прорусскую позицию, был Ержабек.²⁴

В это же время наметился конфликт между редакцией «Народних листов», занимавшей откровенно пропольские позиции,

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 39.

²³ Ibidem. S. 40.

²⁴ Ibidem.

и лидерами национальной партии Ф. Палацким и Ф. Ригером, которые воспринимали польское восстание как контрпродуктивное и достойное всяческого сожаления событие и в целом были на стороне России. Если позиция руководства собственной партии действовала сдерживающим образом на редакцию «Народных листов», которая в июне 1863 г. была вынуждена опубликовать критические в отношении восстания и благожелательные к России статьи своих партийных лидеров, то другие чешские газеты, в частности «Глас», «Позор», и немецкоязычная «Политик» занимали еще более последовательную пропольскую позицию. Эти газеты целенаправленно публиковали материалы в поддержку польских повстанцев. Откровенно пропольская позиция ведущих чешских газет привела к активизации русофильского крыла чешского общества, которое, не имея возможности влиять на редакторскую политику чешской прессы, прибегла к публикации многочисленных полемических брошюр, выражавших поддержку России и критиковавших польских повстанцев. «Московские ведомости», характеризуя отношение чехов к польскому восстанию, констатировали в апреле 1863 г., что «чешское общество в высшей степени заинтересовано теперь польскими событиями... Тут насчитываются всевозможные партии — есть партия так называемая московская, есть партия польская, есть партия Герцено-Бакунинская, партия Лангевича, партия Мерославского... Одни, видя спасение для Чехии единственно в ее союзе с ближайшим соседним народом польским, требуют окончательного истребления и изгнания из Чехии так называемого руссоманства, и разрыва всех сношений Чехии с Россией... Другие, напротив, считают необходимым идти по прежней дороге, не увлекаясь заманчивыми идеями поляков и не поддаваясь первым впечатлениям...».²⁵

Весной 1863 г. антирусские и пропольские настроения чешской прессы заметно усилились. Информация о событиях в русской Польше, публиковавшаяся на страницах чешских печатных изданий, касалась главным образом успехов и героизма повстанцев; действия русских войск изображались исключительно в негативно-критическом ключе, при этом акцент делался на жестоком обращении русской армии с мирным населением и повстанцами. Широко применявшиеся повстанцами карательные акции и террор против не поддерживавшего их мирного населения в Беларуси, Литве и в самой Польше откровенно за-

²⁵ Московские ведомости. 4 апреля 1863. № 71.

малчивались. Примечательно, что среди пострадавших от польского революционного террора был и будущий крупный русский ученый-славист А. С. Будилович, который родился в 1846 г. в Гродненской губернии в семье местного униатского священника. Во время восстания 1863 г. местные повстанцы «грозили перебить «слишком русскую семью Будиловичей», что оказало большое влияние на взгляды Будиловича в славянском вопросе.²⁶ Избранная повстанцами тактика партизанской войны получила поддержку на страницах чешских газет, полагавших, что таким образом повстанцы приобретут необходимый боевой опыт. «Пусть военное счастье решит, кто достоин победы! — провозглашали «Народни листы» в феврале 1863 г. — Независимо от того, снизакуют ли поляки лавры победителей или потерпят поражение, у нас, чехов, они всегда найдут самое теплое сочувствие».²⁷

Между тем реалии восстания были далеки от того образа, который изображался в чешской полонофильской прессе. Так, один из руководителей восстания, член повстанческого национального правительства Оскар Авейде признавал, что первоначально «вся шляхта с ... малыми исключениями была явным противником восстания до самого марта месяца; крестьяне были вообще его врагами, встречались даже примеры, что они убивали повстанцев. В Литве не было ни одного вооруженного человека до 15 (27) марта, а на Руси, если не ошибаюсь, до мая...».²⁸ Авейде указывал, что для поднятия восстания на украинских, белорусских и литовских землях фактически имели место попытки «экспорта революции» из Царства Польского. Одна из таких попыток была предпринята в феврале 1863 г., когда повстанческий отряд под командованием Рогинского перешел Буг и вступил на территорию белорусско-литовских губерний. По словам Авейде, данный повстанческий отряд «кружился по Гродненской губернии и забрался даже в Пинск, но действия его были похожи на пляску сумасшедшего, чем на что-нибудь серьезное, и не нашли никакого отголоска в жителях Литвы».²⁹

Если описание действий поляков в чешских газетах непременно сопровождалось столь комплиментарными эпитетами, как «храбрый», «жертвенный», «героический», то «русские солдаты

²⁶ Рокина Г. Теория и практика славянской взаимности. С. 231.

²⁷ *Národní Listy*. 19. II. 1863.

²⁸ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде. М., 1961. С. 508.

²⁹ Там же. С. 522.

изображались не только как орудие русского деспотизма, но и как крайне жестокая масса, в опьянении убивавшая раненых, жегшая дома, бесчестившая женщин...».³⁰ Подобная тональность публикаций была предсказуемой, поскольку «основным источником для чешской прессы были польские и немецкие издания».³¹

Установление диктатуры Лангевича было с большими надеждами встречено чешской прессой, которая ожидала формирования единого военного командования восставших и улучшения его качества; с особой радостью чешские газеты писали о военном успехе повстанцев у Гроховисек. После неудачи Лангевича и после того, как, оказавшись в Галиции, он был интернирован австрийскими властями, чешские журналисты «многого сделали в благоприятном для него направлении».³²

Большое внимание чешская пресса уделяла международной обстановке и отношению к польскому восстанию со стороны европейских государств, нередко критикуя их руководство за недостаточную поддержку восставших. «Польша истекает кровью, дипломатия и журналистика собирают урожай, — писали «Народни листы» в апреле 1863 г. — Везде лишь разговоры, действия отсутствуют. Сам Пальмерстон заявил в парламенте, что помощь полякам будет оказана, но лишь путем дипломатических переговоров. Франция, уже имевшая готовый план, отказалась от него, так как не хотела действовать в одиночку без поддержки Австрии...».³³ В целом «Народни листы» скептически отзывались о планах Франции и Наполеона III в польском вопросе, припоминая, что не были реализованы польские замыслы «великого дяди Наполеона III» — наполеоновская гора, по словам газеты, в польской политике «не родила даже мышь».³⁴

Поведение европейской дипломатии и крупнейших европейских держав в лице Франции, Англии и Австрии привело редакцию «Народних листов» к выводу о том, что «ни одна из трех держав не обладает ни необходимой волей, ни отвагой действительно встать на защиту истекающего кровью польского народа... Лишь какая-то всеобъемлющая и неожиданная катастрофа — либо на польском театре военных действий, либо внутри самой России — может внести оживление... в разлаженную игру

³⁰ Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 41.

³¹ Ibidem. S. 40–41.

³² Ibidem. S. 41.

³³ Národní Listy. 3. IV. 1863.

³⁴ Národní Listy. 5. IV. 1863.

дирижеров нынешнего европейского концерта».³⁵ Ожидание некой «воли» и «отваги» от европейских государств в польском вопросе свидетельствовало о романтизме и дилетантской наивности чешских журналистов. Европа в первую очередь была заинтересована в решении своих собственных внешнеполитических задач, используя поляков в качестве инструмента. Так, например, «Лондон был не слишком обеспокоен судьбой поляков, но хотел использовать ситуацию для срыва русско-французского внешнеполитического диалога и немало преуспел в этих планах...».³⁶ Мысль о возможности беспорядков и революции в России, которые бы оказали большую помощь полякам, высказывал на своих страницах и «Глас».³⁷ Примечательно, что объявленную царем амнистию повстанцам «Глас» трактовал как хитрый дипломатический маневр Горчакова, призванный внести разлад в действия европейских союзников.³⁸

После обмена дипломатическими нотами между Россией и ведущими европейскими державами «Народни листы» пришли к мысли о том, что «дипломатия в своей улиточной медлительности лишь ожидает, как и каким образом поляки помогут себе сами, дабы просто признать происшедшие изменения».³⁹ Мысль о целесообразности созыва европейского конгресса по польскому вопросу, столь популярная в европейской дипломатии, встретила негативную оценку чешской прессы. «Народни листы» полагали, что подобный конгресс ничем не поможет полякам, а будет на руку России, которая благодаря этому «выиграет время, дабы окончательно покорить поляков».⁴⁰ Критически отзывалась чешская пресса и о позиции Австрии, которую упрекали в нерешительности, вялости и двуличии. Особенно не по вкусу полонофильски настроенным чешским журналистам пришлось содержание австрийской дипломатической ноты России, которую они считали слишком мягкой и примирительной. Поведение Австрии в польском вопросе напомнило газете «Глас» времена Меттерниха и союзнических отношений Австрии и России.⁴¹ Между тем, по мнению чешской прессы, более активной политикой в пользу

³⁵ Národní Listy. 11. IV. 1863.

³⁶ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). Москва, 2006. С. 243.

³⁷ Hlas. 8. IV. 1863.

³⁸ Hlas. 14. IV. 1863.

³⁹ Národní Listy. 8. V. 1863.

⁴⁰ Národní Listy. 13. V. 1863.

⁴¹ Hlas. 2. V. 1863.

поляков Австрия могла бы только выиграть, так как образование независимого польского королевства в центре Европы усилило бы позиции Австрии по отношению к Пруссии и гарантировало бы ей поддержку со стороны Англии.⁴²

Обсуждая возможную реорганизацию Европы в связи с гипотетическим восстановлением польской государственности, чешские газеты выражали согласие с обсуждавшимся в европейской прессе планом возрождения Речи Посполитой в составе Царства Польского, Литвы, Подолии и Украины. По мнению чешских газет, от Галиции и Познаньщины в этом случае поляки откажутся и планируемая реорганизация Европы принесет пользу всем европейским странам, кроме России. Подобный сценарий рассматривался полонофильской чешской прессой как оптимальный. Чешских борцов за польскую независимость при этом ничуть не смущало ни то, что Познаньщина была исконно польской землей и познанские поляки подвергались жесткой германизаторской политике со стороны Пруссии, ни то, что Литва и Украина не являлись этнически польскими землями и их коренное население не проявляло желания войти в состав возрожденной Польши. Данный сюжет вообще не получил сколько-нибудь широкого освещения на страницах чешской прессы, поскольку он подрывал широко тиражируемый пропагандистский тезис о справедливости требований польских повстанцев. Между тем ряд документов, в том числе воззвание виленского повстанческого центра к народам Литвы и Белоруссии, написанное 11 июня 1863 г. на белорусском языке латинской графикой, фактически свидетельствовал о массовом неприятии повстанческой власти и сопротивлении коренного населения белорусско-литовских губерний польским повстанцам. «Польское правительство спрашивает вас, по какому праву вы смели помогать москалю в нечистом деле?! — гневно вопрошало воззвание повстанческого центра в Вильно. — Кто хочет неволи московской — тому мы дадим виселицу на суку...».⁴³ После запугивания населения петлей «справедливое польское правительство» требовало от жителей литовских и белорусских земель «не помогать больше москалю ни в чем», не участвовать «в милиции и в караулах по селам», угрожая в противном случае неизменной виселицей, а также подчиняться только польскому правительству и лишь ему платить

⁴² *Národní Listy*. 19. VI. 1863.

⁴³ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. Москва, 1965. С. 29.

подати.⁴⁴ Данный документ должен был быть прочитан «в каждой церкви, костеле и по деревням».⁴⁵ Сам тон и содержание данного документа свидетельствовали об отсутствии массовой поддержки у польских повстанцев в белорусско-литовских губерниях и о том, что польские повстанческие структуры тут выступали фактически в роли оккупационной администрации. О повсеместном «враждебном отношении» к повстанцам крестьянства Литвы и Белоруссии «за исключением Ковенской губернии» писал в своих мемуарах и член повстанческого правительства Оскар Авейде.⁴⁶

Сильные пропольские эмоции и стремление во что бы то ни стало увидеть поляков в роли победителей временами приводили к тому, что чешская пресса попросту выдавала желаемое за действительное. В середине апреля «Народни листы», противореча собственным более ранним и значительно более трезвым оценкам польского восстания, писали, что повстанческое движение охватило весь народ, в том числе «шляхту, мещанство и в значительной степени сельское население. Поэтому мы думаем, что 1863 год не станет параллелью 1831 года...».⁴⁷

С мая 1863 г. польскому вопросу большое внимание стал уделять еженедельник «Болеславан», издававшийся в г. Млада Болеслав к северо-востоку от Праги. «Болеславан», получавший финансовую поддержку от демократически и полонофильски настроенного князя Турн-Таксиса, сразу занял радикально-пропольскую позицию, превзойдя в этом отношении пражскую периодику и «доходя в своем полонофильстве до крайности».⁴⁸ На своих страницах «Болеславан» демонстрировал почти религиозный экстаз в отношении поляков и польского восстания, рисуя мифический образ польских повстанцев как храбрых и благородных рыцарей без страха и упрека, а их противников — как заклятых врагов свободы, демократии и прогресса. Стремясь всячески способствовать распространению полонофильских настроений среди чехов, «Болеславан» апеллировал к этнической и исторической близости чехов и поляков и подчеркивал, что «народ наш осознает братство чехов и поляков и наши на-

⁴⁴ Там же. С. 30.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде. Москва, 1961. С. 542.

⁴⁷ *Národní Listy*. 16. IV. 1863.

⁴⁸ *Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách*. S. 49.

роды постоянно помогали друг другу в беде». ⁴⁹ Поляки часто изображались им в качестве объекта для подражания; Россия же представлялась отсталой и реакционной страной жесточайшего чиновничьего деспотизма, не имеющей права выступать в роли защитника славянских народов. Если «Народни листы» стремились по возможности избегать конфликтов с лидерами чешской национальной партии Ф. Палацким и Ф. Ригером, занимавшими критическое отношение к польскому восстанию, то «Болеславан» открыто вступил с ними по этому вопросу в жесткую полемику.

В статье, опубликованной 1 июня 1863 г., «Болеславан» обрушился с резкой критикой на Ф. Палацкого за приписываемую ему фразу о том, что «пропольские симпатии нам очень вредят в Петербурге» и что «спасение славянства — в русском царе. В победу поляков я не верю; но если они победят, это станет нашим самым большим несчастьем». ⁵⁰ Полемизируя с Палацким, «Болеславан» писал, что спасти себя могут только сами народы, а не правительства и тем более не русский царь; что, в отличие от Палацкого, он верит в окончательную победу поляков и что только свободная Польша сможет помочь чехам. ⁵¹

В своем пространном ответе «Болеславану», опубликованном в «Народних листах» 8 июня 1863 г., Палацкий проанализировал восстание как историк и политик в более широком общеевропейском контексте, расставив все точки над «i» и одновременно выразив отношение к польскому восстанию той части чешского общества, которая была более благожелательна к России и которую раздражала откровенно полонофильская позиция ведущих чешских газет. Констатируя, что «Болеславан» искажил его слова вплоть до откровенной лжи, Палацкий отметил, что спасение славянства он всегда усматривал в самом славянстве, а отнюдь не только в русском царе. Выразив свое сочувствие ведущим неравный бой полякам, Палацкий, тем не менее, категорически заявил, что считает восстание колоссальным несчастьем для славян вообще и для поляков в особенности. ⁵² По словам ведущего чешского политика и историка, «только революционеры и враги славян, а также крайне недалёковидные и несамостоятельные в своих суждениях люди могут радоваться военным действиям

⁴⁹ Boleslavan. 12.06.1863.

⁵⁰ Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 51.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Národní Listy. 8. VI. 1863.

в Польше».⁵³ Чешский политический деятель также подчеркнул, что польское восстание выгодно прежде всего тем, кого страшит растущая мощь России и кто хотел бы поставить этому барьер в лице возрожденной Польши; при этом остальные славяне, по словам Палацкого, станут добычей немцев.⁵⁴ Конкретизируя свою мысль, Палацкий подчеркивал, что не имеющая поддержки собственных крестьян польская шляхта может победить только с чужой помощью, главным образом с помощью немцев, что сделает ее зависимой от немецкой политики. Реагируя на популярные в чешской полонофильской прессе панегирики польскому свободомыслию, Палацкий не без иронии напоминал своим оппонентам, что польская шляхта совершенно равнодушна к судьбе своих «хлопов» и что она без всяких на то оснований присваивает себе право господства даже над русским Киевом. Задав риторический вопрос о том, кто предпочтительнее для польских крестьян — собственные паны или русское правительство, Палацкий затронул и табуизированный в чешской прессе сюжет о широко практикуемых повстанцами карательных акциях в отношении тех, кто отказался поддерживать восстание, крайне негативно отзывавшись о подобной практике.

Реакция Палацкого на польское восстание вызвала большой интерес в России. Газета «Русский инвалид» полностью перепечатала данную статью Палацкого в одном из своих номеров под названием «Суждение г. Палацкого о польском вопросе»; при этом в перепечатанной статье был оставлен и весьма нелестный отзыв Палацкого о русском царизме как о симбиозе татарских и немецких государственных начал.⁵⁵ Если оценка Палацким польского восстания была с пониманием воспринята в России, то реакция чешской и европейской прессы на его выступление была прямо противоположной.

Статья Палацкого, шедшая вразрез с настроениями ведущих чешских и европейских газет, вызвала не только крайне эмоциональную реакцию «Болеславана», продолжившего свои публицистические атаки, но и негативные отклики немецкой и французской печати. Чешских оппонентов лидера национальной партии особенно раздражал тот факт, что русское правительство наградило Палацкого орденом Святого Владимира. Во враждебной Палацкому прессе распускались слухи о том, что он получает

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Русский инвалид. 7 (19) июня 1863. № 124.

деньги из России, за которые его зять Ригер приобрел крупное земельное имение и замок Малеч.⁵⁶ Редактор «Народних листов» Э. Грегр, опубликовавший статью Палацкого, был в этом споре на стороне его противников и впоследствии даже высказывал сожаление в связи с тем, что согласился ее опубликовать.⁵⁷ Спор лидеров национальной партии Палацкого и Ригера с редакцией газеты «Народни листы», являвшейся печатным органом их партии, впоследствии перерос в открытый конфликт, результатом которого было основание Палацким новой политической газеты «Народ». Данный конфликт стал впоследствии одной из существенных причин раскола национальной партии на старочехов и младочехов.

В полемике, развернувшейся в чешской прессе вокруг польского вопроса летом 1863 г., принял участие и крупный русский ученый-славист А. Ф. Гильфердинг, открытое письмо которого к Ф. Ригеру, посвященное русско-польским отношениям, было опубликовано в «Народних листах» в июне 1863 г. Ссылаясь на крайне антирусскую направленность публикаций большинства чешских изданий, Гильфердинг задавал риторический вопрос о том, не находится ли чешский народ в состоянии войны с русским народом, поскольку поведение чешской прессы вполне может об этом свидетельствовать. По словам Гильфердинга, чешские газеты клеветуют на русский народ, изображая «русского человека варваром, русского солдата трусом, русскую империю — воплощением злых сил и образованием, которое необходимо разрушить во благо человечества».⁵⁸ Если ранее, по мнению Гильфердинга, чехи сохраняли в славянских вопросах беспристрастность и нейтралитет, то теперь они утеряны. Русский славист бросал упрек чешской прессе, обвиняя ее в некритической вере к любой информации из лагеря польских повстанцев и одновременно в нежелании понять внутреннюю суть польско-русского спора, воспринять русские аргументы и услышать русский голос. Гильфердинг подчеркивал, что русский народ не может допустить разрушения империи, которую он создавал в течение тысячелетия, и возвращения Западной Руси под польское иго. Призвав к тому, чтобы в чешской прессе нашли место и альтернативные взгляды и выразив надежду, что нападки чешской печати на Россию не отражают действительного мнения

⁵⁶ Morava J. Palacký. Čech, Rakušan, Evropan. Praha, 1998. S. 197.

⁵⁷ Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 53.

⁵⁸ Národní Listy. 19. VI. 1863.

чехов, Гильфердинг говорил о желательности для русских знать, где их друзья и враги.⁵⁹

В своем ответе Гильфердингу редакция газеты «Народни листы», отвергнув его обвинения в клевете чешской прессы на русский народ, тем не менее признала наибольшей политической ошибкой и трагедией поляков их требование вернуть в состав Польши ранее завоеванные ими этнически польские земли. Констатируя, что польский вопрос есть вопрос не только политики, но и гуманизма, «Народни листы» высказались за восстановление независимой Польши в границах проживания польского народа. Наиболее резкий ответ Гильфердингу дал «Болеславан», язвительно отозвавшийся как о русском правительстве, так и о самом Гильфердинге и выразивший неизменную надежду на окончательную победу поляков, которые станут «спасителями не только чехов, но и самих русских». Здесь же «Болеславан» попенял и «Народним листам» за их, с точки зрения «Болеславана», слишком примирительный и вежливый ответ Гильфердингу.⁶⁰ Подобное поведение «Болеславана» было с благодарностью воспринято поляками. Краковский «Час» в одной из своих статей одобрительно отозвался о том, что «Болеславан» нашел смелость «наказать Палацкого за его выступление».⁶¹

Подобно Палацкому, Ригер также счел необходимым включиться в полемику и высказаться по поводу польского восстания в специальной статье, опубликованной в июне 1863 г. в газете «Народни листы». В самом начале своей статьи Ригер, оговорившись, что он не желает выносить приговор по поводу польско-русского спора от имени всего чешского народа и выражает лишь свое личное мнение, подчеркнул «достойный сожаления» факт «схватки между братьями, радоваться по поводу которой могут лишь враги всего рода».⁶² Ригер подчеркивал, что чехи в равной степени любят и русских, и поляков, объясняя большие симпатии к полякам как «естественным чувством любого человека помогать слабейшему», так и историческим опытом чехов, познавших горечь утраты свободы. Однако, по мнению Ригера, романтическое очарование и героическую привлекательность польское восстание имеет лишь для того, кто руководствуется только чувством;

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 61.

⁶¹ Ibidem. S. 63.

⁶² Národní Listy. 14. VI. 1863.

если же смотреть на польский вопрос с точки зрения разума, то он выглядит значительно сложнее.

Принципиальную проблему польского национального движения Ригер усматривал в том, что в требуемых повстанцами границах обновленной Польши поляков как таковых была бы примерно половина, в то время как остальное население составляли бы малороссы и другие народы, земли которых были русскими княжествами до их захвата поляками. «Ни один справедливый и знающий данный вопрос чех не может признать решающими аргументы в пользу права поляков на малорусские земли»,⁶³ — заявлял Ригер. Что касается вопроса об этническом и языковом родстве поляков, малороссов и русских, то чешский общественный и политический деятель напоминал, что этот вопрос уже решен такими авторитетами в области изучения славян как Добровский и Шафарик, которые считали малорусский язык наречием русского языка. Любые «изобретения польских дилетантов» Ригер, намекая на набиравшие популярность идеи существования отдельного украинского народа, считал бессильными поколебать мнение столь признанных в науке авторитетов. Констатируя, что именно малорусский вопрос является причиной долгого спора между двумя славянскими народами, Ригер замечал, что если бы Россия отдала малороссов полякам, то они подверглись бы полонизации и окатоличиванию. Подобный сценарий, по мнению чешского политика, совершенно недопустим для русского народа. Как и в случае с более ранней статьей Палацкого, статья Ригера была негативно воспринята европейской, особенно польской, прессой.

Позиция ведущих чешских газет в русско-польском противоборстве вызвала гневную реакцию некоторых словацких печатных изданий. Издававшиеся в Будапеште «Пештбудинские ведомости», оценивая публикации в чешской прессе, писали 12 июня 1863 г., что «борьба против петербургского двора зашла уже так далеко, что... на месте русского народа оказалась некая империя азиатских дикарей. Славные мужи и будители чешского народа забыты... Журналы смыкаются с немцами в брани и ругани в адрес русских, тщательно выискивая или выдумывая что-нибудь против России...».⁶⁴ Характеризуя само восстание, газета отмечала, что «Польша... не борется за «нашу и вашу свободу», а ведет борьбу не против русского правительства, но против

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Peštbudínské vědomosti. 12. VI. 1863.

самого русского народа...». ⁶⁵ Крайне негативно «Пештбудинские ведомости» отзывались о польской шляхте и ее отношении к собственному и другим славянским народам. По словам газеты, «та самая шляхта, которая сейчас провозглашает свободу, объявляла войну... славянским народам или отдавалась под охрану иностранцев, будучи чуждой собственному народу...». ⁶⁶ Вокруг «Пештбудинских ведомостей» постепенно сформировался круг русофильски настроенных словаков, сербов, чехов и русинов, проживавших в Венгрии.

Полемика вокруг польско-русского вопроса в Чехии не ограничилась только прессой. С лета 1863 г. в Чехии появилось несколько брошюр, посвященных польско-русским отношениям, авторы которых не были удовлетворены освещением данного сюжета в чешских газетах. Так, например, в опубликованной в 1863 г. анонимной брошюре «Чешские размышления о польском вопросе» осуждались разделы Польши и признавалось право поляков на восстановление своей государственности, однако подчеркивалась невозможность возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г., так как в таком государстве поляки составили бы меньшинство. По мнению автора брошюры, лучшим способом сохранения своей национальности для поляков была бы их умеренность в национальном вопросе и соединение с Россией; при этом наиболее приемлемой формой такого союза называлась программа Велепольского. ⁶⁷

Более критично в адрес поляков и более позитивно в адрес России высказался чешский филолог Й. Ранк, который в своей брошюре, полемизируя с чешскими полонофилами, указал на многочисленные проблемные сюжеты в польско-чешских отношениях и крайне негативно отозвался о поведении польских повстанцев в 1863 году. Солидаризируясь с Палацким, Ранк осуждал польское революционное правительство за санкционированный им террор, грабежи и насилие, что, по его мнению, ставило польских повстанцев в один ряд с заурядными бандитами. По словам Ранка, вина за тяжелое положение в Царстве Польском лежит исключительно на самих поляках, склонных к постоянным революциям и не дающих русскому правительству возможности осуществить реформы, от которых они только выиграли бы. ⁶⁸ Обвинения Ранка подтверждались

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ См. *České úvahy o polské otázce*. Praha, 1863.

⁶⁸ См. Rank J. *Poláci a Rusové. Úvahy slovanské*. Praha, 1863.

самими повстанцами. Так, член повстанческого правительства до августа 1863 г. О. Авейде признавал, что, в силу незначительности добровольных пожертвований в пользу восставших, самым важным источником финансирования восстания «были деньги, захваченные повстанцами из законных правительственных касс...».⁶⁹

Наиболее радикальным в своей критике поляков стал известный чешский литератор и общественный деятель Ф. Й. Йезбера, опубликовавший за свой счет брошюру «Русские, сербы, поляки и чехи с остальными славянами», которая была призвана дать ответ всей полонофильской чешской журналистике. Уже в январе 1863 г. в своем письме М. Ф. Раевскому, священнику русского посольства в Вене, Йезбера высказывал свое негодование по поводу «чешских магометан и революционеров», которые «радуются теперешней революции польской, желая раздробления русского народа и разрушения русского государства».⁷⁰ По словам Йезберы, «на чуждый лад искаженные и польскими революционерами подкрепленные, писатели... почти во всех чешских политических редакциях начали распространять между чешским народом ненависть не только к русскому правительству, но и противу русских».⁷¹ Не имея сил «дольше сносить это оскорбление моего племени, воскрешенного трудами Шафарика, Ганки, Юнгмана и многих других, — замечал Йезбера, — я решился... написать брошюрку, которая обнаруживает всю ложь и обман чешских редакторов в польском вопросе...».⁷²

В предисловии к своей работе Йезбера высказывает сожаление по поводу «странного и неразборчивого» отношения чешских журналистов к таким основополагающим понятиям, как «правда» и «право». Иллюстрируя свою мысль, чешский литератор язвительно замечает, что чешские газеты с энтузиазмом выдают за доблесть и героизм грабежи русских банков польскими революционерами и совершаемые ими убийства русских и их сторонников с помощью кос и виселиц, в то время как наказания поляков, виновных в этих преступлениях, объявляются чешской прессой самым отвратительным варварством.⁷³

⁶⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде. Москва, 1961. С. 529.

⁷⁰ *Cesty na východ. Češi v korespondenci M. F. Rajevského*. Praha: Masarykův ústav, 2006. S. 107.

⁷¹ *Ibidem*.

⁷² *Ibidem*.

⁷³ Jezbera F. J. Rusové, Srbové, Poláci a Čechové s ostatními Slovany. S povýjasněním nevzajemného a nepravého vzhledu některých listův českých na polsko-

Предваряя свою оценку польского восстания 1863 г. обширным историческим экскурсом, Йезбера оппонирует «Болеславану», подчеркивавшему вековую дружбу чехов и поляков, приводя многочисленные проблемные факты в истории чешско-польских отношений. Так, Йезбера не без удовольствия цитирует «Краледворскую рукопись», где поляки названы врагами чешской земли, и указывает на захват поляками Праги и их последующее изгнание местным населением в 1004 году.⁷⁴ В разделе, посвященном сути польско-русского спора в 1863 г., Йезбера солидаризируется с Гильфердингом, провозглашая, что в данном конфликте речь не идет об освобождении польской народности от угнетения и о восстановлении польской независимости от России. По убеждению Йезберы, речь идет о раздроблении русского народа, о восстановлении «в западной части русских земель ига польского меньшинства над русским народом и о разрушении Российской империи».⁷⁵ Продолжая эту мысль, Йезбера подчеркивает, что польские повстанцы претендуют не только на польские этнические земли, но и на области, где «русский народ был и остается ядром населения. Поляки постоянно ссылаются на некое историческое право... Я не буду говорить тут о средневековом историческом праве, в соответствии с которым все решал меч... Напоминаю, — писал Йезбера, — что есть более святое право и это право национальное. Польские повстанцы в своей гордости и спеси встали под ложное знамя... и их лозунг «за нашу и вашу свободу» является ложным. Они стремятся не к свободе и равноправию, а к господству».⁷⁶

В качестве иллюстрации к своим мыслям Йезбера приводил статистические данные, в соответствии с которыми поляки составляли незначительное меньшинство в украинских и бело-русско-литовских губерниях. Так, из 1 804 970 человек населения Киевской губернии поляки составляли лишь около 100 000; из 877 200 населения Гродненской губернии поляки насчитывали только 82 000 человек. «Проанализировав все статистические данные, — резюмировал Йезбера, — мы можем убедиться в том, что на землях, где поляки хотят восстановить свое господство, проживает 11 274 287 русских и лишь около 600 000 поляков. В землях, где звучит польский язык, каждый благородный славянин желает братскому польскому племени свободу..., но требовать,

ruskou záležitostí. V Praze, 1863. S. I.

⁷⁴ Ibidem. S. 33.

⁷⁵ Ibidem. S. 53.

⁷⁶ Ibidem. S. 62.

чтобы незначительное польское меньшинство господствовало над русским большинством, карая и наказывая его, есть преступление...». ⁷⁷ В заключение, попеняв «Народним листам» за то, что они предали свою собственную программу, выступив против Палацкого и Ригера, занявших в польском вопросе совершенно иную позицию, Йезбера вновь предпринял экскурс в историю, напомнив всем «надменным и высокомерным полякам» время, когда они господствовали над всей Западной Русью, «истребляя злонамеренно и обрекая на муки православную веру и русскую народность. Все то, что их постигло, — утверждал Йезбера, — есть не что иное, как наказание за их нехристианскую гордость и высокомерие». ⁷⁸ «Народни листы» не остались в долгу и ответили Йезбере пространным ироничным фельетоном, приклеив ему ярлык «чешского Муравьева».

* * *

Польское восстание 1863 г. способствовало поляризации чешской интеллигенции и разделению чешского общественного мнения на два лагеря, отстаивавших противоположные взгляды в польском вопросе; при этом «чешская журналистика была полностью на стороне поляков». ⁷⁹ Это обстоятельство вскоре отразилось на чешской политической жизни. Лидер чешской национальной партии Ф. Палацкий, не удовлетворенный позицией редакции газеты «Народни листы» в освещении польского восстания, уже в марте 1863 г. во время своего визита в редакцию газеты открыто выразил свое недовольство в этом вопросе. Поскольку редакционная политика газеты в освещении польского восстания продолжала расходиться со взглядами лидеров национальной партии, Палацкий, Ригер и их сторонники приняли решение создать новую газету «Народ» в качестве собственного печатного органа вместо вышедших из повиновения «Народних листов». Уже в первых номерах газеты «Народ» Палацкий счел необходимым опубликовать программную статью, посвященную польскому вопросу, где он подробно изложил свою позицию и в отношении восстания 1863 года. Главный упрек Палацкого повстанцам в этой статье содержался в том, что они ведут бой отнюдь не только за свободу, но и за восстановление Речи Пос-

⁷⁷ Ibidem. S. 66.

⁷⁸ Ibidem. S. 73.

⁷⁹ Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 72.

политой в границах 1772 г., включая Литву, Подолию и Украину. Между тем, по убеждению Палацкого, историческое право на данные земли принадлежат отнюдь не полякам, а русским, поскольку именно тут находилась колыбель русской государственности.⁸⁰ Поэтому, указывал Палацкий, стремление поляков овладеть этими землями с неизбежностью сталкивается с патриотическими чувствами русского народа, которые побуждают его к борьбе. Палацкий также выражал сожаление как в связи с неспособностью поляков принять реалистичную, по его мнению, программу Велепольского, так и в связи с развязанной ими «бесконечной и беспощадной» борьбой. Палацкий критиковал и методы ведения восстания 1863 г., обвиняя восставших в широком использовании коварных убийств из-за угла, лжи и клеветы. По словам чешского политика, он сам поначалу не хотел верить в то, что поляки, которых он считал благородными людьми, способны к подобным недостойным методам борьбы. В заключение, осудив разделы Польши, Палацкий высказал мнение о том, что полякам необходимо внутреннее национальное возрождение, освобождение и истинная свобода для народа.⁸¹

Появление газеты «Народ» еще более оживило дискуссию по польскому вопросу в чешском обществе и способствовало окончательному идейному размежеванию двух противоположных на чешской политической сцене лагерей. Идейная борьба и журнальная полемика вокруг польского вопроса ускорили постепенное оформление в рамках национальной партии либерального оппозиционного крыла. Окончательное размежевание противоборствующих политических групп в рамках национальной партии произошло в 1874 г., когда она разделилась на старочехов и младочехов.

Чешская общественно-политическая мысль обращалась к русско-польскому спору и позднее, пытаясь таким образом лучше понять как отношения русских и поляков, так и свое собственное место в славянском мире. Так, Масарик, анализируя польско-русские отношения в XIX веке, фактически солидаризировался с Палацким, утверждая, что «наши антипатии к непрогрессивному и ненародному клерикально-шляхетскому руководству Польши являются совершенно оправданными».⁸² Отвергая критику поляками чешского русофильства, Масарик утверждал, что

⁸⁰ *Národ*. 5. II. 1864.

⁸¹ *Ibid.*

⁸² Masaryk T. G. *Česká otázka. Snahy a tužby národního obrození*. Praha, 1969. S. 59.

«поляки неправильно оценивают наше русофильство, усматривая в нем лишь преклонение перед физической мощью, в чем Мицкевич упрекал Коллара. Но чешский человек чувствует в русской литературе, в русском мышлении и жизни родственную себе духовную силу...».⁸³

Пристальное внимание чехов к польскому восстанию 1863 г. способствовало их лучшему пониманию своих северо-восточных славянских соседей. В дальнейшем, однако, чешская пресса уже не демонстрировала столь мощных пропольских симпатий, как в 1863 году. Более того, активизировавшийся в конце XIX — начале XX в. чешско-польский спор в Тешинской Силезии вызывал все более критическую в отношении поляков реакцию чешских газет. Чешская пресса, в частности, обвиняла поляков в том, что в своей античешской деятельности в Силезии они смыкаются с немцами, способствуя германизации данного региона. «Наша борьба против несправедливых требований поляков является одновременно... и борьбой против германизации»,⁸⁴ — констатировал в феврале 1904 г. пражский «Час», комментируя ситуацию в Тешинской Силезии. Примечательно, что даже критически относившаяся к России часть чешской прессы негативно оценивала действия польских радикальных групп в Царстве Польском, активизировавшихся во время русско-японской войны и революционных потрясений в Российской империи в начале XX века. «В Русской Польше появились сумасбродные радикалы, призывающие к восстанию против России. Здравомыслящая польская общественность выступает против этих самоубийственных планов»,⁸⁵ — отмечал «Час» в феврале 1904 г.

«Польско-чешские отношения всегда останутся деликатной проблемой, имеющей в значительной степени психологический характер... Это связано как с общим развитием двух народов, так и с традициями предвоенной эпохи, прежде всего с польскими симпатиями к австрийцам и мадьярам и с чехословацкими симпатиями к России. У нас уже никто не упрекает Пилсудского за то, что он воевал в немецкой армии; поляки же никак не могут забыть, что вплоть до революции мы уважали территориальную целостность России...»,⁸⁶ — писали в 1934 г. чешские интеллекту-

⁸³ Ibid. S. 60.

⁸⁴ Čas. 4. II. 1904.

⁸⁵ Čas. 11. II. 1904.

⁸⁶ Polsko a Československo. Kde hledati příčiny rozporů polsko-československých? Praha, 1934. S. 9.

алы, пытаюсь понять и объяснить нараставшие в то время противоречия между Чехословакией и Польшей.

Наиболее трагический эпизод чешско-польских отношений наступил осенью 1938 г., когда после заключения Мюнхенского договора Польша, присоединившись к нацистской Германии, 30 сентября 1938 г. направила Чехословакии ультиматум, требуя вывода чехословацкой армии и полиции с территории Тешинской Силезии в течение 24 часов. После принятия Чехословакией польского ультиматума специальные подразделения польской армии из оперативной группы «Шлёнск» оккупировали в начале октября 1938 г. 830 км². Тешинской Силезии, где, по данным чехословацкой переписи 1930 г., проживало около 120 000 чехов, 76 000 поляков, 17 000 немцев и 13 000 представителей других национальностей. В конце ноября 1938 г. Польша оккупировала и северную часть территории Словакии в области Оравы и Спиша общей площадью 226 км². На занятых Польшей территориях был установлен жесткий оккупационный режим, прибегавший к дискриминации и массовым репрессиям против местного чешского и словацкого населения.⁸⁷

⁸⁷ Němeček J. Od spojenectví k roztržce. Praha, 2003. S. 8–9.

ПАВЕЛ КОСИЧ

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 Г.
В ЗЕРКАЛЕ СЕРБСКОЙ ПЕЧАТИ

«История каждого народа полна больших и разнообразных трагедий; можно сказать, что история вообще трагична, но историю Польши можно отнести к числу наиболее трагических. Особенно трагическую ноту в нее вносил многовековой русско-польский спор»¹. Эти слова во введении к своей работе написал авторитетный историк Алексей Елачич — русский эмигрант, автор единственной истории Польши на сербском языке. Январское восстание поляков в 1863 г. стало еще одной трагической страницей многовекового русско-польского спора; как трагедию воспринимала эти события и сербская печать, которая с большим вниманием следила за происходящим на поле битвы, а также за дипломатическими шагами ведущих государств Европы. На страницах сербских газет ежедневно публиковались сообщения о реакции европейской прессы на дипломатическую активность, которую западноевропейские государства развили в поддержку поляков. Регулярно печатались также сведения о боях, которые отряды Лангевича, Лелевеля, Высоцкого, Рошбрина, Тачановского, Ежоранского, Чековского, Босака, Богдановича², а также и многих других командиров вели против русских регулярных войск и, в некоторых районах, крестьянского ополчения. Писали о тайном польском

¹ Алексије Јелачић. Историја Польске. Скопље, 1933.

² Интересно отметить, что Траугутт в сербской печати упомянут лишь 3 раза.

правительстве и его могуществе, о подлых убийствах по его приказам, а также о репрессиях, которые проводили русские чиновники. Сообщали различные любопытные новости и с поля битвы, о дуэли, на которой сын маркиза А. Велёпольского сражался с представителем принца Наполеона в Бельгии, о спсобах, которыми тайное польское правительство действовало прямо под носом русской полиции, и о поведении схваченных польских повстанцев, которых вели на казнь. Все это интересовало сербскую общественность³, и сербская печать активно удовлетворяла этот интерес, иногда давая свои комментарии, иногда просто механически перенося сообщения из иностранной печати. Разумеется, из 6 сербских периодических изданий, выходивших в то время, намного подробнее и свободнее об этих событиях рассказывали те, которые выходили в Габсбургской монархии, точнее в Нови-Саде, чем в тех, которые издавались в княжестве Сербии, точнее в Белграде. Важнейшей причиной этого являлось то, что Сербия в то время была одним из немногих европейских государств (вместе с Ватиканом и Россией), где не было свободы печати, на что редакция издания «*Србски дневник*» из Нови-Сада открыто жаловалась⁴. На самом деле, княжество Сербия в то время вовсе не имела закона о печати, а руководствовалась Указом о цензуре от 1841 г.⁵

Попробуем в основных чертах представить тогдашние воззрения сербской печати на это восстание, выделяя как прорусские, так и пропольские позиции, симпатии и чувства, которые можно было обнаружить в различных изданиях, а также определить, как сербская общественность смотрела на этот конфликт и какие пути выхода из него предлагала.

Но прежде чем перейти к анализу информации, которую сербская печать того времени сообщала о конкретных вопросах Польского восстания, необходимо указать на сам характер опубликованных в прессе текстов. Эти тексты можно разделить на четыре главные категории.

³ Стоило бы подчеркнуть, что были и те сербы, которые не ограничились общим интересом к восстанию, а приняли в нем активное участие. См.: Љ. Дурковић-Јакшић. Учесће Јеврема Марковића и других Срба у польском устанку 1863. Године // Зборник радова са научног скупа: «Светозар Марковић живот и дело». Београд, 1977; Ђорђе С. Живановић. Срби према польском устанку 1863. године. Да ли знате? // Политика, 13. VI 1963.

⁴ С. Милетић. Стране земље — Русија // Србски дневник, број 56, 14. мај 1864, [V].

⁵ Слободан Јовановић. Уставобранители и њихова влада; Друга влада Милоша и Михаила. Београд 1990, 384.

К *первой* группе текстов можно отнести, говоря обобщенно, «новости», т. е. заметки с поля боя. Анализ этой группы текстов специфичен по двум причинам. Во-первых, сербская печать того времени, выходявшая в Воеводине (южной Венгрии), как, например, газеты «*Србобран*», «*Напредак*» и «*Србски дневник*», частенько публиковала новостные сообщения со своими дополнительными комментариями (хотя в последнем этих комментариев было очень мало). В случае если редакция газет публиковала свои комментарии о боях, было возможно проанализировать ее симпатии, т. е. до коей меры редакция доверяла определенным новостям и сообщениям, которые перепечатывались из других изданий и т. д. Но там, где опубликованные сообщения не сопровождались комментариями, выделить воззрения издания намного сложнее, можно лишь проанализировать, чьи сообщения с поля боя преимущественно публиковались, т. е. кому редакция газеты больше доверяла, исходя из того, чьи источники информации чаще использовала.

Ко *второй* группе текстов можно отнести ряд статей о Польском вопросе, которые сербские газеты того времени перепечатывали из европейской прессы. При этом стоит иметь в виду, что с этими источниками сербские газеты поступали по-разному. Иногда они просто перепечатывали статьи из иностранных газет в переводе, иногда в пересказе, а в ряде случаев перепечатанные тексты сопровождались и комментариями от редакции. Конечно, для анализа воззрений сербской печати несравненно полезнее были статьи, в которых редакция газет давала свои комментарии на перепечатанные тексты.

Третью группу текстов составляют опубликованные редакциями информационные издания и сообщения, в которых для усиления аргументации авторы ссылались на различные политические авторитеты той эпохи. Тем самым редакторы этих газет придавали бóльшую весомость своим аргументам по вопросу о Польском восстании. Чаще всего тексты такого характера публиковались в издании, которое называлось «*Напредак*».

И наконец, *четвертую* группу текстов составляют тематические статьи непосредственно сербских авторов, посвященные Польскому восстанию или какой-либо из тем, тесно с ним связанных. Эти тексты, несомненно, наиболее ценны для анализа взглядов сербской печати на Польское восстание. Стоит подчеркнуть, что сербская периодика из южной Венгрии была намного богаче такими тематическими статьями, чем издания из Сербии — «*Видовдан*» и «*Србске новине*».

Борьба за свободу — «полонофильские» воззрения

Сложно оценить какую-то особую позицию издания *Световид* Александра Андрича, так как сохранился всего лишь один номер — за 10 февраля 1863 г.⁶ Исходя из его анализа, можно скорее выявить пропольскую, нежели прорусскую позицию, так как большее внимание посвящено не победам, а поражениям русской армии, с комментариями о том, что Россия опасается крестьянского восстания внутри самой империи. Показательно и описание сражения под Семятичами. Упомянув о русской победе у местечка Семятичи над 500 повстанцами, редактор сообщил о страшном погроме среди местного населения, не принимавшего участия в восстании, о том, что город сожжен и перебито 5 000 местных жителей. Критикуя официальное русское донесение, автор заметки предположил, что русские посчитали и местных жителей в числе повстанцев, упоминая о столь больших потерях повстанцев. Из этого предположения, с определенной дозой осторожности, можно заключить, что редакция *Световида* с симпатией относилась к полякам, но вряд ли можно сделать какие-то более конкретные выводы.

Редактором издания *Србобран* в то время был Петр Нинкович⁷, находившийся под большим влиянием своего сотрудника А. Поповича Зуба⁸, который, вероятно, и был автором большинства текстов⁹. Позднее Зуб весьма негативно оценивал поляков, как это будет показано ниже, но поначалу он демонстрировал определенную дозу симпатии к ним, которую вновь проявил и позднее, несмотря на то, что в основном «болел» за русских. Эта симпатия к полякам проявилась, например, в его словах о том, что «никто не может сомневаться, кто, в конце концов, победит, как бы храбро поляки ни сражались»¹⁰.

Накануне восстания он писал о том, что мобилизация прошла спокойно и без проблем¹¹. Уже в следующем номере сообщалось,

⁶ А. Андрић. Стране земље — Русија и Польша // Световид, број 17. 10. фебруар 1863, [V].

⁷ Петр Нинкович был заместителем директора Новосадской гимназии.

⁸ Аца Попович Зуб (1829–1894) — редактор юристической газеты *Комар*, получивший прозвище Зуб за острый и «кусачий» юмор.

⁹ Василије Крестић. Историја српске штампе у Угарској: (1791–1914). Београд 2003, с. 155–168.

¹⁰ А. Поповић Зуб. Буна пољска // Србобран, број 25, 3. март 1863, [III].

¹¹ А. Поповић Зуб. Стране земље — Русија и Польша // Србобран, број 4, 9. јануар 1863, [V].

что мобилизация прошла не совсем спокойно, что есть сопротивление мобилизации и что ситуация грозит вылиться в восстание¹². После этого Зуб опубликовал наиболее мрачное описание мобилизации из всех газет, которые об этом писали. Он назвал мобилизацию «кровавым налогом» (данью кровью по образцу янычар), писал о насильственной мобилизации тысяч мужчин, одни из которых были слишком юными, а другие слишком старыми. Писал о том, что армия хватала юношей на улицах, врвалась ночью в дома, что кроме поляков мобилизуют и евреев и что поляки считают это страшнейшим притеснением, которое они когда-либо переживали¹³. Известие о начале восстания *Србобран* опубликовал 18 января¹⁴, в качестве источника упоминалось венское издание *Morgenpost*. После этого появилось известие, что «генералом восстания» стал Мерославский, сообщалось, что восстание распространяется на левом берегу Вислы, так как этому способствует территория, а на правой стороне реки природные условия не подходят для восстания, но он также важен из-за связей с Литвой. Публиковались известия и о столкновениях во многих районах Польши.

Очень важной газетой, можно даже сказать, что, наравне с изданием *Србски дневник*, важнейшей, был издаваемый Данилой Медаковичем *Напредак*, который после продолжительного перерыва вновь стал публиковаться с 1863 года¹⁵. *Напредак* не был уже столь популярен, как во время революции 1848 г., но все же еще имел спрос у читателей¹⁶. Редактор был последовательным русофилом, поэтому большая часть крайне интересных статей газеты была пронизана ярко выраженными прорусскими взглядами.

Вероятно, редактор *Напредка* Медакович, как последовательный русофил, был подвергнут критике из-за того, как он пишет о восстании, о чем свидетельствует написанная им статья о польском восстании¹⁷, в которой он отрицал, что не любит поляков: «Я польский народ ценю и люблю, как и любой другой нам

¹² А. Поповић Зуб. Стране земље — Русија и Польска // Србобран, број 5, 11. јануар 1863, [V].

¹³ А. Поповић Зуб. Стране земље — Польска // Србобран, број 6, 13. јануар 1863, [IV].

¹⁴ А. Поповић Зуб. Буна польска // Србобран, број 8, 18. јануар 1863, [II].

¹⁵ Данило Медакович (1819–1881) — доктор философије, историк и журналист, сторонник династије Обреновићевих.

¹⁶ Василије Крестић. Нав. Дело. 73–81 и 168–181.

¹⁷ Д. Медаковић. Польска буна // Напредак, број 14, 1. Фебруар 1863, [II–III].

родственный народ. Я радуюсь счастью и желаю каждому народу прогресса, и именно поэтому я и осуждаю тех, кто сегодня устроил в Польше бойню». В другой части статьи он утверждал, что восстание было начато без оправданного повода и что целью его было помешать русскому правительству дать привилегии подданным. Задавался он и вопросом, разумно ли сопротивляться России, если Австрия и Пруссия против восстания?

Из вышеприведенной цитаты можно заключить (при условии, что она была написана искренне), что Медакович с симпатией относился и к русским, и к полякам, и в статье «Польское восстание»¹⁸, анализируя сообщения иностранной прессы и донесения с поля боя, отмечал вероятную достоверность утверждения, что преступления были совершены обеими сторонами конфликта. Однако, приведя ряд цифр, он приходит к выводу, что русские все же более точны¹⁹. В его текстах заметно сожаление по поводу кровопролития двух народов, и поэтому Медакович осуждает восстание 1831 г., считая, что тогда поляки восстали без причин и в результате намного больше потеряли, чем получили²⁰.

Еще до начала восстания белградская полуофициальная газета *Видовдан*²¹, редактором которой был Милош Попович²², опубликовала два любопытных сообщения²³, которых нет в других изданиях. Первое сообщение о том, что в Варшаве заколот ножом некий человек, что показывало, что ситуация была не такой спокойной, как рассказывали другие газеты, молчавшие о напряженной ситуации в Польше. Второе сообщение относилось к тому, что подпольный листок *Ruch* публикуется и далее и при этом выглядит «еще лучше», чем раньше. Из этого короткого сообщения видна симпатия к полякам.

Милош Попович редко комментировал донесения с поля боя, в основном ограничиваясь пересказом новостей. Лишь изредка он писал отдельные комментарии, так, например, спустя две не-

¹⁸ Д. Медаковић. Польска буна // Напредак, број 15, 3. Фебруар 1863, [II].

¹⁹ Д. Медаковић. Стране земље — Польска // Напредак, број 18, 10. Фебруар 1863, [VI].

²⁰ Д. Медаковић. Польска буна // Напредак, број 17, 8. фебруар 1863. [III].

²¹ Милица Кисић. Српска штампа: 1768–1995: историјско-библиографски преглед. Београд, 1996. С. 63.

²² Прежде чем основать эту полуофициальную газету (выходившую на средства сербского князя), Милош Попович был редактором официальных сербских газет.

²³ М. Поповић. Стране земље — Русија и Польска // Видовдан, број 1, 1. јануар 1863, [V].

дели после начала восстания он написал, что события, похоже, вышли из-под контроля, и тут же заметил, что в борьбе с повстанцами русское правительство до сих пор не достигло значительного успеха, что означает его реальное поражение. В качестве доказательства этого сообщения он привел новостную заметку из С.-Петербурга о том, что поезда ходят лишь днем, из чего он сделал вывод, что дороги и тракты подвергались нападением. Он также критиковал русское правительство за колебания между политикой силы и политикой уступок по отношению к полякам.²⁴ Однако, хотя Попович и критиковал эту непоследовательную политику, он положительно оценил то, что в Польском королевстве польский язык был введен в качестве языка администрации.

Пытаясь опираться на донесения с обеих сторон, хотя и публикуя в большей мере польские сообщения, Попович в статье «Россия и Польша»²⁵ пытался представить читателям географическое место деятельности повстанцев, топографию, важнейшие пункты, дороги и т. д. В этой статье он писал, что южные и восточные части Польши являются наиболее подходящими для восстания как из-за природных условий, так и из-за близости австрийской Галиции, откуда они могли получать помощь. В следующем номере публикуется уже статья «Восстание в Польше»²⁶, в которой утверждалось, что Варшава — ключевая точка и без ее взятия шансы на успех предприятия минимальны. Говорилось, что повстанцы оттягивают свое наступление на нее, так как хотят получить вооружиться. Автор сделал вывод, что повстанцы хорошо разбираются в военном деле, так как пытаются прервать сообщение городов с гарнизонами, друг с другом и с Центральной Россией, но также утверждал, что у них недостаточно оружия, чтобы суметь сделать это, и что их судьба предрешена²⁷.

Пересказывая комментарии европейской печати, он в основном пытался предугадать, включатся ли эти государства, и прежде всего Франция, в конфликт в Польше. Попович дал несколько комментариев по этому вопросу и, прежде всего, заявил следующее: «Я понимаю справедливую поддержку, которой Польша пользуется в Европе; я тоже так чувствую, как и все остальные, но если я не желаю пробудить у друзей этой несчастной страны чрезмерных надежд, то мне стоит воздержаться от того большого

²⁴ М. Поповић. Стране земље — Пољска // Видовдан, број 12, 26. јануар 1863. [IV].

²⁵ М. Поповић. Русија и Пољска // Видовдан, број 15, 2. фебруар 1863, [II].

²⁶ М. Поповић. Буна у Пољској // Видовдан, број 16, 5. фебруар 1863, [III].

²⁷ М. Поповић. Буна у Пољској // Видовдан, број 23. 21. фебруар 1863, [I–II].

восторга, который овладел европейской публикой, и на основании одной простой статьи в *Конститусьонель* не заявлять, что Франция вмешается в конфликт».²⁸ Он считал, что Россия отвергнет любую дипломатическую ноту, которая будет послана в Петербург, усмотрев в этом вмешательство в ее внутренние дела. О самом восстании Попович говорил, что оно начато без плана и должно быть прекращено. Он также выражал сомнение в том, что последуют некие дипломатические акции, и уверенность в том, что полякам они не помогут²⁹. При этом он хвалил поляков за то, что они не провозгласили свержения династии, что даст им возможность примирения с Россией³⁰.

Новость о том, что Лангевич³¹ потерпел поражение и сбежал на территорию Австрии, Попович изложил в статье «Восстание в Польше»³², в которой он сообщил, что Лангевич был ударной силой восстания. Попович также похвалил Лангевича за то, что он начал восстание с 10 людьми, а потом его войско выросло до 10 000 человек. При этом Попович выразил мнение, что после поражения и бегства Лангевича боевые действия закончены и что восстание вскоре пойдет на убыль. Уже в следующем номере³³, комментируя сообщение о том, что Тайный совет принял руководство восстанием на себя, Попович заявил, что поляки, по его мнению, решили «довести восстание до конца», и предположил, что они надеются на помощь дипломатии. При этом он не преминул похвалить патриотизм полек, удивляясь их самопожертвованию, как в сборе необходимого для повстанцев, так и на поле боя.

С искренним восхищением Попович относился к тайному польскому правительству, которое он назвал наиболее удиви-

²⁸ М. Поповић. [Без наслова] // Видовдан, број 21, 16. фебруар 1863, [I].

²⁹ М. Поповић. Стране земље — Польска // Видовдан, број 24, 23. фебруар 1863, [VI].

³⁰ М. Поповић. Буна у Польској // Видовдан, број 28, 5. март 1863, [II].

³¹ Лангевич М. — офицер прусской армии в отставке. Преподавал в военном училище в Кунео (Италия), основанном с целью подготовки из молодых поляков офицеров для будущего польского восстания. Во время польского восстания 1863 Лангевич, назначенный начальником Сандомирского воеводства, принял командование над повстанцами южной Польши и в марте того же года был провозглашен диктатором. После нескольких стычек с русскими войсками был разбит при Хробже и Буске. Бежал в Австрию, где был заключен в крепость Иозефштадт. В 1865 выпущен на свободу. В 1867 переехал в Турцию, где служил офицером под именем Ланги-бей. Занимался организацией польского легиона при турецкой армии. Умер в возрасте 60 лет в Стамбуле в 1887 г.

³² М. Поповић. Буна у Польској // Видовдан, број 31, 12. март 1863, [II–III].

³³ М. Поповић. Буна у Польској // Видовдан, број 32, 14. март 1863, [III].

тельным явлением во всем восстании, так как ему безоговорочно подчиняются все жители. Он утверждал, что просто невероятно, но это правительство сильнее официального русского правительства³⁴. Информацию обо всем этом Попович черпал из немецких газет. Вскоре Попович привел и несколько примеров того, как это тайное правительство демонстрировало свою силу³⁵. Свое восхищение могуществом тайного правительства он время от времени продолжал выражать, особенно его удивляло то, что тайное правительство собирало налоги под носом у русских властей³⁶. Со временем восторженное отношение к польскому народному правительству пропало, и Попович обвинил его в том, что оно терроризирует Польшу и ее население. Он упомянул, что, очевидно, оно и вовсе пребывает не в Варшаве и даже не в Париже, как некоторые писали, а в австрийской Галиции³⁷.

Редакция газеты *Србски дневник*, которую возглавлял Й. Джорджевич³⁸, а с апреля в большой степени Светозар Милетић³⁹, представляла собой наиболее либеральную струю сербской периодики и как таковая была в большей мере (хотя и не безгранично) ориентирована на поляков. Непосредственно до начала восстания *Србски дневник* сообщил, что агитация в Польше становится все сильнее и что Россия боится восстания. Утверждалось, что маневры, проводимые войсками в гарнизонах, конечно же, не случайны. Сообщались названия пяти тайных листов, выходивших в Варшаве, и утверждалось, что поляки ненавидят Велёпольского и всю его семью⁴⁰. В сообщении о начале восстания ночь с 10 на 11 января⁴¹ названа «Варфоломеевской ночью»⁴². По поводу начала восстания редактор заявил, что в Польше вновь происходит то, что уже дважды потрясло Польшу, и выразил опасения новых репрессий со стороны России⁴³, считая,

³⁴ М. Поповић. Устанак у Польској, у Видовдан, број 52, 2. мај 1863, [II].

³⁵ М. Поповић. Устанак у Польској, у Видовдан, број 56, 14. мај 1863, [III].

³⁶ М. Поповић. Стране земље — Польска, у Видовдан, број 64, 4. јун 1863, [V].

³⁷ М. Поповић. Стране земље — Польска, у Видовдан, број 100, 3. септембар 1863, [V].

³⁸ Йован Джорджевич (1826–1900) — первый директор Народного театра в Белграде, автор сербского государственного гимна «Боже правде».

³⁹ Василије Крестић. Нав. Дело. 141–155.

⁴⁰ С. Милетић. Стране земље — Русија и Польска // Србски дневник, број 7, 9. јануар 1863, [III].

⁴¹ По юлианском календару.

⁴² С. Милетић. Стране земље — Польска // Србски дневник, број 13, 17. јануар 1863, [III].

⁴³ С. Милетић. [Без Наслова] // Србски дневник, број 14, 18. јануар 1863, [I].

что нет надежд на то, что это восстание хорошо закончится для поляков⁴⁴.

Редакция указывала, что это восстание, по сути дела, есть большая и общая народная революция, и уже 15 дней спустя после начала восстания назвала повстанцев настоящей армией⁴⁵. Редакция выражала удивление, что русская армия до сих пор не достигла никакого крупного успеха, делая из этого вывод, что движение очень сильно⁴⁶. Что касается новостей с поля боя, то чаще публиковались польские сообщения, а также выражались сомнения в достоверности русских донесений о том, что русские с легкостью разбивают отряды повстанцев, нанося им значительные потери⁴⁷.

Симпатии к полякам выражались и в статье «Император Наполеон и поляки»⁴⁸, в которой Наполеона III благословляли за помощь, которую он оказывал итальянцам в 1859 году, и критиковали Луи Филиппа за то, что тот не оказал такой же помощи полякам в 1831 г. Авторы газеты *Србски дневник* также выражали надежду, что Наполеон III окажет необходимую помощь и полякам, которым выражал симпатии в их борьбе за свободу, резюмируя: «Когда какой либо из народов освобождается, Европа делает шаг вперед».

Некоторое время спустя в редакционной статье Светозар Милетич⁴⁹ выразил свое мнение о Польском восстании, называя его общенародным восстанием и борьбой за свободу. Он изложил свои сомнения в том, кто одержал больше побед в боях. Выразил уверенность в грядущем поражении поляков, но считал, что и это приведет к положительным результатам, дав им моральную победу. Он также выразил уверенность, что это более успешный момент для восстания, чем во время Крымской войны, так как общественное мнение более благосклонно к полякам, чем тогда. Считал, что после подавления восстания русские должны будут дать полякам конституцию, после чего конституция будет введе-

⁴⁴ С. Милетић. [Без Наслова] // Србски дневник, број 15, 19. јануар 1863, [I].

⁴⁵ С. Милетић. [Без Наслова] // Србски дневник, број 21, 26. јануар 1863, [I].

⁴⁶ С. Милетић. Стране земље — Пољска // Србски дневник, број 22, 27. јануар 1863, [V].

⁴⁷ С. Милетић. [Без Наслова] // Србски дневник, број 33, 12. фебруар 1863, [I].

⁴⁸ С. Милетић. Цар Наполеон и Пољаци // Србски дневник, број 34, 13. фебруар 1863, [I].

⁴⁹ Светозар Милетич (1826–1901) — видни србски политик в Воеводини, основатељ Србске народне слободоумне партије (1869).

на и на остальных территориях России. Таким образом, победит народное начало и свобода, что и станет моральной победой и успехом поляков в этом восстании⁵⁰.

Тогда же была опубликована небольшая биография Лангевича⁵¹, а его провозглашение диктатором было воспринято как важный шаг восстания вперед. Симпатии к полякам заметны и в статье о штабе Лангевича в Гошче, которую написал «некий старый поляк», изо всех сил расхваливавший Лангевича, а *Србски дневник* ее полностью опубликовал⁵².

Редакция журнала описала храбрость поляков на примере командира повстанцев Богдановича и его поведения перед казнью. Русский офицер предложил ему попросить о пощаде, указывая на его молодость, а Богданович ответил, что он лично молод, но их (поляков) борьба стара. Не помогло даже то, что офицер упомянул его старую мать, так как Богданович ответил, что мать стыдилась бы его, если бы он попросил о пощаде⁵³.

Сообщение о поражении войск Лангевича и о его бегстве было изложено в статье «Катастрофа в Польше»⁵⁴, само название которой говорит об отношении редакции к этому известию. В ней говорилось, что пробил час, которого все ждали, что Лангевич задержан австрийскими властями после того, как перешел на их сторону. Было выражено мнение, что, хотя восстание все еще продолжается, оно закончится в течение одной—двух недель. Авторы сравнили Лангевича с Костюшко, о котором было сказано, что он погиб с мечом в руке, во главе своего народа, и было едко замечено, что Лангевич, очевидно, не был столь храбрым. При этом пелись дифирамбы храбрости поляков, которые, как утверждалось, голыми руками сопротивлялись русскому насилию. Высказывалось мнение, что это бегство убило моральный дух поляков и подорвало их доверие к себе, к своим вождям и к своему будущему.

Как *Видовдан*, так и *Србски дневник* восторгались влиянием тайного польского правительства, которое под носом у русских властей в центре Варшавы облагало торговцев налогами, печат-

⁵⁰ С. Милетић. [Без Наслова] // Србски дневник, број 40, 20. фебруар 1863, [I].

⁵¹ С. Милетић. [Без Наслова] // Србски дневник, број 47, 28. фебруар 1863, [I—II].

⁵² С. Милетић. Догађаји у Польској // Србски дневник, број 51, 5. март 1863. [III].

⁵³ С. Милетић. Стране земље — Польска // Србски дневник, број 57, 12. март 1863. [IV].

⁵⁴ С. Милетић. Катастрофа у Польској // Србски дневник, број 58, 13. март 1863, [I].

тало газеты, издавало прокламации и управляло восстанием⁵⁵. Исходя из польских прокламаций, Милетич пришел к выводу, что поляки планируют сопротивляться еще долго. Он писал, что есть еще тысячи борцов, но этого недостаточно. Подчеркивал, что французы оказывают им моральную и материальную поддержку и таким образом подталкивают к дальнейшему сопротивлению, но все зависит от того, вступит ли Франция в войну или нет⁵⁶.

Необходимо подчеркнуть и то, что *Србски дневник*, который часто публиковал полонофильские сообщения с поля боя, через пять месяцев стал критичнее относиться к польским источникам, указывая, что информация польской газеты *Час* о победе поляков нелогична, если они после этой победы покинули поле боя⁵⁷. В статье «Славянские междоусобицы и венская пресса»⁵⁸ редактор обрушился с критикой на газету Медаковича *Напредак* и его видение польской проблемы. Он критиковал его за то, что тот ссылаясь на Ригера и Палацкого как на авторитеты и еще в большой мере нападал за ссылки на Жиардена, которого редактор газеты *Србски дневник* назвал проницательным, но также известным частой сменой своих политических воззрений. В той же критической статье утверждалось, что Медакович искажает его слова, когда замечание о том, что Польша свободна не менее, чем Франция, толкует в том смысле, что положение Польши хорошее. Наоборот, по мнению редактора газеты *Србски дневник*, сущность слов Жиардена в том, что свободы не хватает французам. Возмущение и иронию вызвали также попытки Медаковича отгадать, где же на самом деле находилось тайное польское правительство.

Ненужное (спровоцированное извне) восстание – русофильские воззрения (анализ публикаций в печати)

Газета *Србобран*, сообщившая очень жесткие новости о мобилизации рекрутов, уже с 20 января начала менять свое мнение, опубликовав и первую статью, которую мы можем охарактеризо-

⁵⁵ С. Милетић. [Без Наслова] // Србски дневник, број 88, 20. април 1863, [I].

⁵⁶ С. Милетић. [Без Наслова] // Србски дневник, број 95, 30. април 1863, [I].

⁵⁷ С. Милетић. Стране земље — Пољска // Србски дневник, број 105, 12. мај 1863, [IV].

⁵⁸ С. Милетић. Словенске размирице и Бечка преса // Србски дневник, број 173, 11. август 1863, [II].

вать как антипольскую. Речь идет о статье «Польское восстание и европейская печать»⁵⁹, в которой автор делает обзор европейской печати о восстании и высказывает свою позицию. Т. е. статья утверждает, что поляки, как народ численностью в 13 миллионов человек, сами виноваты, что не имеют своего государства. Автор обвиняет польскую шляхту в том, что она полностью ограбила крестьян, и заявляет, что своими глазами видел бесчеловечные условия, в которых их держат. В то же время, как замечает автор статьи, эти люди говорят о свободе, равенстве и братстве⁶⁰ и утверждают, что без России все будет лучше. Затем автор обрушивается на европейскую печать, упрекая ее в том, что она отрицает право России подавить восстание, в то время как в Париже, Милане и Неаполе в такой ситуации текут реки крови. Этим автор не ограничился и обвинил польскую эмиграцию в том, что она постоянно выступает против России. Кроме того, он заявил, что поляки ненавидят остальных славян. Затем выразил признательность России, которая помогала сербам, и упомянул, что написал все это в защиту доброго имени русских. В конце концов он ставит перед собой вопрос, кто же подстрекал к этой новой революции, и замечает, что поведение крестьян обусловлено не национальной гордостью, а голодом, а революцию ведут обедневшие дворяне и эмигранты.

Следующая статья, которая касалась польского вопроса, вышла 5 дней спустя после предыдущей под названием «Польское восстание»⁶¹, в ней редактор определил свое мнение о поляках и об их восстании. Первое, что он подчеркнул, — это то, что поляки восстали в большей мере, чтобы помочь чуждым им интересам, нежели самим себе. Также он написал, что еще никто не смог с косами победить пушки и хорошо организованную армию, а если бы и сумели победить русских, то, задался он вопросом, что бы они делали с Австрией и Пруссией, которые, по его мнению, не допустили бы образования независимой Польши. Он утверждал, что не является противником польского освобождения, при этом указывая, что их положение не хуже, чем у других народов⁶², и ясно подчеркнул, что поляки заслужили куда худ-

⁵⁹ А. Бребериновић. Польски устанак и европска штампа // Србобран, број 9, 20. јануар 1863, [I].

⁶⁰ Редактор имел в виду прокламацию Центрального комитета, обещавшего всем крестьянам, поддержавшим повстанцев, дать земельные наделы.

⁶¹ А. Поповић Зуб. Польска буна // Србобран, број 11, 25. јануар 1863, [III].

⁶² Имелись в виду народы под властью турок, в том числе и сербов.

шую судьбу, чем ту, которую они имеют под русскими. Он остро критиковал поляков за то, что они угнетают русинов в Галиции, и таким образом показал лицемерность восстания за свободу, в то время как там, где они правят, они еще хуже угнетают своих славянских братьев.

Конечно, *Србобран* не забыл сообщить новость о том, что крестьяне образовали особые отряды самообороны, которые ловят повстанцев и передают их русским властям⁶³. Это было важно, поскольку таким образом у читателей создавалось впечатление, что это не народное восстание, а бунт определенного числа недобровольных. Медакович в газете *Напредак* обрисовал эту позицию намного детальнее. При этом редакция жаловалась на то, что все европейские издания много чего пишут против русских, к сожалению, и некоторые сербские газеты также к этому присоединились, а атмосфера в европейской печати сравнивалась с ситуацией времен Крымской войны⁶⁴. После этого выражено удивление по поводу того, что европейские газеты пишут лишь о польских победах на поле боя, но в то же время призывают помочь полякам, так как утверждают, что сама «Польша пропадет». Из того же номера можно извлечь и одну интересную короткую цитату, которая, по нашему мнению, прекрасно доказывает, почему Попович столь последовательно защищал русских от европейской печати: «Если русские будут принижены, то и нам никогда не подняться». На наш взгляд, эта цитата достаточно показательна, чтобы понять, что в защите России редактор журнала видел косвенную защиту сербских интересов.

Как искреннему русофилу, Поповичу было тяжело поверить сообщениям о результатах боевых действий, которые он черпал из иностранной печати, поэтому он выражал удивление тем, что в сводках постоянно упоминаются одни и те же командиры, одни и те же места боевых действий и даже одно и то же число повстанцев⁶⁵. Таким образом, он выражал сомнение в достоверности статей, которые публиковала иностранная печать. Конечно, не стоит и говорить, что с большим доверием он относился к сводкам боевых действий, которые публиковали *Русский инвалид*, *Journal de Saint-Petersbourg* и особенно официальная газета русского правительства, выходившая в Варшаве, *Dziennik*

⁶³ А. Поповић Зуб. Стране земље — Польска // Србобран, број 19, 13. фебруар 1863, [IV].

⁶⁴ А. Поповић Зуб. Польска буна // Србобран, број 20, 15. фебруар 1863, [I].

⁶⁵ А. Поповић Зуб. Польска буна // Србобран, број 24, 28. фебруар 1863, [III].

Powszechny. Часто он вовсе не старается скрыть своего отрицательного отношения к текстам европейских газет, в особенности польских и немецких, в которых, по его словам, «поляки рубят русских в капусту», а самих русских изображают, как дикарей.

Уже в начале марта Попович пришел к выводу, что европейские газеты начали крестовую войну против России, — более всего это видно в статье «Польское восстание и европейские державы»⁶⁶, в которой, кроме обвинений по адресу европейских государств, он приводит и некоторые свои размышления о восстании, международной ситуации и историческом праве. Вот одна любопытная цитата, которая показывает природу размышлений Поповича, а также его стиль: «Сыны единственно-спасительной (католической) веры не стыдятся и с турками, с готтентотами, и хоть с самим пеклом вступить в союз, чтобы избавиться от русских схизматиков». В этой же статье Попович об историческом праве говорит следующее: «Историческое право до сих пор было право сильного, да и впредь об историческом праве будут говорить грохот пушек и острия сабель». Судя по этой цитате, можно сказать, что Попович принадлежал к школе дипломатии Бисмарка. Он также выразил уверенность, что честь русского оружия требует, чтобы восстание было полностью подавлено до начала любых переговоров с повстанцами.

Что касается самих боевых действий, то Попович был убежден, что победа русских не подвергается сомнению, и поэтому с очевидным удовольствием написал статью «Пророчество сбылось»⁶⁷, посвященную бегству Лангевича в Австрию. Как видно из самого названия, Попович ликовал из-за того, что Лангевич сбежал, считая, что вскоре восстание утихнет. Самого Лангевича Попович остро критиковал по ряду вопросов. Он обвинил его в отсутствии храбрости, в том, что тот ничего не предпринял, чтобы сделать восстание массовым, что со своими войсками все время находился в районе австрийской границы, чтобы сбежать, когда ситуация ухудшится. Попович считал, что Лангевич практически все делал ошибочно. Считал, что тот не собрал ни достаточного количества людей, ни достаточного количества оружия. Считал, что его ошибка состояла в том, что он не ездил по провинции и не мобилизовывал народ любой ценой, чтобы сделать восстание массо-

⁶⁶ А. Поповић Зуб. Польска буна и европске силе // Србобран, број 26, 7. март 1863, [I–II].

⁶⁷ А. Поповић Зуб. Проречество се испунило // Србобран, број 28, 14. март 1863, [I–II].

вым. Попович также считал, что в результате решения Лангевича избегать боев его войска начали падать духом. Он также указал, что Лангевичу следовало бы сконцентрировать все отряды в один и таким образом создать нечто вроде повстанческой армии, вместо того, чтобы держать их небольшими группами. В конце концов, больше всего Попович критиковал Лангевича из-за того, что тот сбежал с поля битвы, даже не похоронив павших соратников. Попович пришел к заключению, что Лангевич больше ценил свою собственную жизнь, чем свободу своего отечества. В итоге, резюмируя все это, он написал, что польский генерал был либо трус, либо глупец, либо предатель. Однако поскольку четыре месяца спустя после начала восстания столкновения все еще не прекратились, 28 апреля⁶⁸ 1863 г.⁶⁹ Попович впервые выразил сомнение в скорейшем окончании этого восстания. Он просто удивлялся тому, что русские не могут справиться с горсткой бунтовщиков.

Попович занимался также анализом дипломатической активности и опубликовал статью «Как обстоят польские дела»⁷⁰, в которой он проанализировал дипломатическую ситуацию и пришел к выводу, что другие империи не вмешаются в конфликт. Он заявлял, что поляки — такой народ, который был бы недоволен под любой властью. Он опять счел нужным оправдывать русских тем, что утверждал, что пруссаки и венгры проводят куда более жесткую ассимиляцию подвластных народов, но за это их никто не обвиняет в европейской печати. В конце статьи он дал свою оценку, в которой указал, что если уж полякам и суждено, чтобы кто-то ими правил, то лучше, если это будут русские. По вопросу дипломатии он вскоре опубликовал еще одну свою статью «Европейская дипломатия и Польша»⁷¹, в которой утверждал, что это восстание — возвращение в Средневековье, так как тут одна вера борется против другой. В этой же статье он назвал французскую императрицу одной из наиболее заслуженных фигур в расширении религиозной подоплеки конфликта, назвав ее «женским папой из Парижа». Уже в следующем номере он в своей малой личной войне против кампании, осуществляемой в европейской прессе, стал еще более резок. Так, в статье «Польша

⁶⁸ По юлианскому календарю.

⁶⁹ А. Поповић Зуб. С боишта руско-пољског // Србобран, број 41, 28. април 1863, [III].

⁷⁰ А. Поповић Зуб. Како стоји пољска ствар // Србобран, број 29, 17. март 1863, [I].

⁷¹ А. Поповић Зуб. Европска дипломатија и Пољска // Србобран, број 31, 24. март 1863, [II].

и европейская печать»⁷² он впервые начал открыто поносить статьи в европейской прессе, называя их лживыми, безобразными, лицемерными и даже «придурашными».

Из номера в номер Попович все более накалял риторику в своей личной войне против кампании в европейской печати, реальный пример того, насколько далеко это заходило, можно обнаружить в цитате из статьи «Слухи из Польши»⁷³, которая начинается следующими словами: «Или лучше сказать слухи из кузницы заблуждений и ненависти ко всему православному — франко-англо-немецких газет, дошедших до бешенства и ослепления в лихорадочном воображении их воспаленных мозгов». Свою борьбу против европейской печати Попович потихоньку расширил и на поляков и в силу этого в статье «Восстание польское»⁷⁴ после пересказа событий с поля боя он заявил, что поляки никогда не будут сильнее русских и всех остальных славян. Это символизировало то, что поляки противостоят всему славянскому миру, а не только России. Затем он обрушился на польскую литературу, сказав, что она очень много хвалится, но это всего лишь литература Запада на польском языке. Потом он начал даже развивать антропологические теории, заявив, что польская аристократия и польский народ не одного происхождения. Он отметил, что дворяне в основном черноволосы, а народ русоволосый, и сделал заключение, что их дворянство татарского происхождения. Стоит отметить, что эту теорию придумал не сам Попович, но он изложил ее как собственное мнение⁷⁵. Таким образом он хотел дополнительно уменьшить сочувствие и симпатии сербов по отношению к польскому народу, указав в одном из предыдущих номеров, что сам народ (крестьяне) в восстании не участвует, а теперь дополнив это сообщением, что дворяне (участники восстания) не были славянами. Упреки в адрес поляков не прекращались, теперь им ставилось в вину и то, что они единственные среди славян, кто жертвует племенным родством ради религии.

⁷² А. Поповић Зуб. Польска и европска преса // Србобран, број 32, 28. март 1863, [I].

⁷³ А. Поповић Зуб. Гласови из Польске // Србобран, број 37, 14. април 1863, [II–III].

⁷⁴ А. Поповић Зуб. Буна Польска // Србобран, број 40, 24. април 1863, [III].

⁷⁵ Теория о том, что «холопы» происходят от «славян», а «шляхта» — от сарматов, господствовала в рядах польских дворян в XVI–XIX вв., но ко времени восстания уже не была распространена. T. Mańkowski. Genealogia sarmatyzmu. Warszawa, 1946.

Хотя большинство статей Попович писал сам, все же были и исключения. Так, в *Србобране* вышла статья Андрея Бребериновича «Поляки, русские и остальные славяне»⁷⁶. Сама статья не сообщала чего-либо нового. Автор обвинял Европу в подстрекании поляков с целью ослабить славянство. Считал, что Россия не заслужила осуждения славянского мира, и в конце концов призывал всех славян сплотиться.

Опираясь на мнение русского историка Гильфердинга, Попович пытался с исторической точки зрения объяснить, почему русские сражаются с поляками, изложив краткую историю их взаимоотношений в обширной работе, опубликованной в нескольких номерах⁷⁷, после чего, в конце концов, опять обрушился с обвинениями на поляков, остро критикуя их за то, что в 1848 г. они воевали с венграми против сербов, словаков, хорватов и русинов. Потом он критиковал их за формирование «Казацкого легиона», воевавшего за турок, а также за то, что они руководили турецкой армией в войне против Черногории в 1862 г.

Одним из примеров того, как статья, которая начиналась обзором дипломатической ситуации, заканчивалась нападками на поляков, стала статья «Помогут ли ноты?!»⁷⁸, в которой он заметил, что ноты, которые до сих пор ведущие государства направляли России, не были приняты. После этого он высказал мысль о том, что война с русской стороны является справедливой. Он обвинил поляков в том, что они сдавали православные церкви «чивутам» (евреям) в аренду. Поляков назвал «славянскими венграми», что в Воеводине и теперь прозвучало бы, как оскорбление, а в конце статьи заявил: «...поляки — опасная рана в огромном теле славянства, тут может помочь лишь радикальное лечение: такие раны лечат железом и огнем».

Другая газета, которая выражала прорусское видение ситуации, — это *Напредак* Данила Медаковича. Он сразу же с начала борьбы за поднятие восстания обвинял эмигрантов и их агитацию, а позднее упрекал эмигрантов за то, что они вербуют молодежь, так как ей легче манипулировать⁷⁹. Он защищал

⁷⁶ А. Бребериновић. Пољаци, Руси и остали Словени // Србобран, број 43, 24. април 1863, [II].

⁷⁷ А. Поповић Зуб. Зашто се боре Пољаци са Русима // Србобран, број 48, 23. мај 1863, [II]. Продолжение — број 49, 26. мај 1863 [II–III]. Окончание — број 50, 30. мај 1863, [III].

⁷⁸ А. Поповић Зуб. Хоће ли ноте користити? // Србобран 1863, број 57, 23. јун 1863. [I].

⁷⁹ Д. Медаковић. Пољска буна // Напредак, број 9, 20. јануар 1863, [III].

и русское решение о мобилизации, как самое мягкое решение на пути разгорания восстания. Медакович просто удивлялся тому, как яростно западные газеты демонизируют русских, представляя их как последних дикарей. В следующей статье⁸⁰ Медакович выражал сожаление по поводу молодых поляков, которые погибают напрасно, но и это сожаление не прошло без упоминания о том, что поляки — борцы за свободу, но за свою свободу и угрозу другим.

Что же касается дипломатической активности, то Медакович считал, что европейские газеты слишком возбудились по поводу русско-прусского договора, который он даже называет не договором, а устным соглашением. Он полагал, что невозможно создание антирусского союза в защиту поляков⁸¹. Медакович также считал, что Россия не нарушала Венского договора 1815 г., т. е. он не регулирует внутреннее положение Польши. Он также высказывал мнение, что европейская печать и дипломаты не должны ссылаться на этот договор, так как согласно ему и Краков должен был быть независимым городом. Он подчеркивал, что ни крестьяне, ни ведущие люди страны не участвовали в этом восстании, и считал это доказательством того, что народ не поддерживал повстанцев. Он не упускал случая также сообщить о том, что крестьяне помогали в поимке повстанцев. Медакович также указал, что университет в Варшаве должен противопоставить эмигрантским сочинениям свои литературные произведения и помочь полякам «вернуться в славянскую семью»⁸².

Публикуя сводки с поля боя во ввводной статье⁸³, Медакович подчеркнул, что обязанность журналистов — рассказывать людям всю правду и не давать им обманываться. Он указал, что ему дороги и русские, и поляки, а также предупредил читателей, что немецкие информационные сообщения являются лживыми. Он поставил вопрос, не заплатил ли кто-нибудь лидерам повстанцев. Опираясь на это предположение, Медакович позднее постоянно подчеркивал те фамилии повстанцев, которые звучали «по-иностранному». Что касается польских сообщений о боевых действиях, то тут Медакович, как и редактор *Србобрана*, был скептичен к заявлениям, что якобы поляки «рубят русских» в капусту. О Лангевиче Медакович иронично писал,

⁸⁰ Д. Медаковић. Польска буна // Напредак, број 10, 23. јануар 1863, [II].

⁸¹ Д. Медаковић. Буна польска // Напредак, број 23, 20. фебруар 1863, [II].

⁸² Д. Медаковић. [Без Наслова] // Напредак, број 24, 22. фебруар 1863, [I].

⁸³ Д. Медаковић. [Без Наслова] // Напредак, број 27, 27. фебруар 1863, [I].

что немецкие газеты описывают его, как былинного героя «королевича Марко»⁸⁴.

Медакович считал, что с бегством Лангевича восстание полностью закончено. По этому поводу он вновь, как и позднее, написал, что восстание кто-то начал. Он похвалил Велёпольского как настоящего патриота и умного человека, который прекрасно предвидит будущее польского народа. Его удивляло терпение, с которым русские относились к полякам; он был глубоко убежден, что русские дали бы полякам все привилегии, но опасаются, как бы поляки не стали оружием против России⁸⁵.

После бегства Лангевича восстание не утихло, Медакович объяснял это тем, что оно поддерживается постоянным приливом отрядов из Галиции и Познани, называя этих людей «перебежчиками», подчеркивая, что они не были подданными России, что фактор нестабильности действовал извне. И о них, и о повстанцах вообще он писал, что они «не настоящие поляки». Тем самым он хотел сказать, что это были жители не королевства Польского, а прусских и австрийских территорий, населенных поляками, а также эмигранты, прежде всего во Франции, Англии и Италии⁸⁶. В этом смысле и воинственный призыв Рошбрюна он воспринял как доказательство того, что восстание организовано из-за границы⁸⁷.

Одним из авторитетов, мнение которого Медакович привел, чтобы доказать свою точку зрения, был член французского сената Ла Рошжаклен, — был опубликован перевод его статьи «Франция и Польша»⁸⁸. В этой статье Ла Рошжаклен утверждал, что не рассудок объединил всех против России, а ненависть. Он считал, что политикой давления на Россию Франция теряла плюсы доверительных отношений, сложившихся с Россией, а полякам все равно помочь не сможет. Он также утверждал, что восстание принесло полякам намного больше зла, чем добра, что восстание уже бы утихло, если бы его не раздувала французская пресса. Ла Рошжаклен считал, что восстание не было общенародным, так как не было всеобщим. Он напомнил, что восстание 1831 г. было подавлено, несмотря на то, что поляки тогда имели организован-

⁸⁴ Д. Медаковић. [Без Наслова] // Напредак, број 31, 6. март 1863, [I].

⁸⁵ Д. Медаковић. Буна польска // Напредак, број 35, 13. март 1863, [II].

⁸⁶ Д. Медаковић. Буна Польска // Напредак., број 37, 17. март 1863, [I].

⁸⁷ Д. Медаковић. Стране земље — Польска // Напредак, број 49, 12. април 1863, [IV].

⁸⁸ Ла Рошжаклен. Француска и Польска // Напредак, број 58, 3. мај 1863, [II], продолжение — број 59, 5. мај 1863, [II–III].

ную регулярную армию и крепости, задаваясь вопросом, на что они надеялись теперь, снова подняв восстание. Ла Рошжаклен утверждал, что невозможно создать союз Италии и Австрии или Испании и Португалии, чтобы напасть на Россию. Он писал, что у русских и у поляков готовность фанатично сражаться за свою родину является врожденной, но русских больше, и поэтому они победят. В конце концов, он поставил риторический вопрос, делает ли Франция ту же ошибку в дипломатии и войне, как и во времена Наполеона I?

Спустя некоторое время Медакович вновь обратился к ситуации на поле боя, опубликовав статью «Отряды юга и севера»⁸⁹, в которой утверждалось, что главари повстанцев прибывают из Парижа и имеют не только польские, но и французские, итальянские и немецко-еврейские имена. Он утверждал, что в первых отрядах были и рабочие, и студенты, но что те отряды уже полностью разбиты, а теперь восстание поддерживается за счет «перебежчиков». Он заявлял, что немецкие и польские газеты обманывали народ сообщениями, что восстание полыхало всюду, что оно шло успешно и было общенародным. Далее Медакович сравнивал создавшуюся ситуацию с аналогичными событиями в Неаполе, где тоже были такие отряды, но никто не писал, что там народ восстал против власти Италии. Он также напомнил, что лорд Пальмерстон открыто обвинил императора Наполеона III в подготовке отрядов для вторжения на Сицилию и в южную Италию, задаваясь вопросом, почему то же самое не могло происходить и в случае с Польшей? В особенности с учетом того, как тесно Наполеон III сотрудничал с итальянским королем и, тем не менее, чинил ему неприязности. В одном из следующих номеров⁹⁰ редактор задавался вопросом, почему русские вообще допускают эти вторжения через границу и не легче ли предотвратить прорыв отрядов на самой границе. Сам отвечая на свой вопрос, он писал, что граница слишком извилиста и длинна, поэтому отряды постоянно ее переходят. При этом Медакович заключал, что если сложившаяся ситуация продлится еще пару месяцев, то он и сам придет к выводу, что русское правительство не знает, что делать.

Хотя Австрия и начала серьезнее контролировать границу в течение лета 1863 г., Медакович упомянул о прорыве генерала Высоцкого из Галиции как доказательство того, что Австрия

⁸⁹ Д. Медаковић. Чете јужне и северне // Напредак, број 60, 7. мај 1863, [II–III].

⁹⁰ Д. Медаковић. Стране земље — Пољска // Напредак, број 62, 12. мај 1863, [V].

не придерживается взятых обязательств, а поражение Высоцкого, вынужденного быстро удалиться назад за границу, было вновь воспринято Медаковичем как признак близкого завершения восстания, который он относил к концу июня⁹¹. Медакович назвал Высоцкого военным министром Лангевича, а венское издание *Пресс*, из-за недостоверных донесений с поля боя, назвал «кузницей лжи». О той же газете позднее Медакович заявил: «Сохрани нас, Боже, и спаси род людской от таких апостолов просвещения, справедливости, свободы и последовательности»⁹².

Медакович написал также статью «Муравьев и Форе»⁹³ (Forey), в которой поведал о большой шумихе, поднятой из-за того, что Муравьев повесил пару главарей восстания, а французского маршала Форе, руководившего карательной экспедицией в Мексике, не осуждали ни словом, хотя он отнимал землю у всех мексиканцев, защищавших свою страну от нападения французов.

Стоит также подчеркнуть, что Медакович мало верил в статьи польских и других газет, сообщавших о зверствах русских, оценивая эти рассказы, как преувеличение. Однако, прочитав в газете из Санкт-Петербурга о зверствах польских повстанцев, Медакович детально их описал и выразил возмущение такой дикостью. Одним из подобных примеров была статья о преступлениях польских повстанцев по отношению к священникам⁹⁴.

Часто осуждая иностранную (западную) печать, Медакович, тем не менее, иногда перепечатывал статьи оттуда, либо чтобы покритиковать, либо если текст соответствовал его точке зрения. Так, 5 сентября он⁹⁵ перепечатал статью из *Морнинг Хералд*, в которой утверждалось, что сражался не весь польский народ, а горстка бунтовщиков, желавших заполучить политическую власть, и что поэтому английские симпатии определены ошибочно. Кроме того, в этой статье говорилось, что до последнего времени было неизвестно, как сильно дворяне эксплуатировали своих крестьян и как те же самые разглагольствовавшие о свободе дворяне вели себя, как тираны, по отношению к крестьянам. Также утверждалось, что повстанцы грабили и убивали собственный народ, поддерживая восстание страхом и террором, заставляя людей присоединяться к ним и рисковать жизнью и деньгами, лишь бы избежать угрозы смерти от повстанцев.

⁹¹ Д. Медаковић. Стране земље — Польша // Напредак, број 83, 26. јун 1863, [VI].

⁹² Д. Медаковић. Стране земље — Польша // Напредак, број 89, 9. јул 1863, [V].

⁹³ Д. Медаковић. Муравјев и Фореј // Напредак, број 95, 20. јул 1863, [III].

⁹⁴ Д. Медаковић. Стране земље — Польша // Напредак, број 98, 28. јул 1863 [V].

⁹⁵ Д. Медаковић. Морнинг Хералд // Напредак, број 115, 5. септембар 1863, [II].

Под названием «Некие откровения»⁹⁶ анонимный польский повстанец написал о восстании небольшую брошюру, и Медакович опубликовал статью об этой книге без комментариев. В ней было написано, что подготовка к восстанию началась зимой 1861 г.⁹⁷ Говорилось, что национальное правительство было сформировано из белых (аристократов) и красных (демократов). Белые хотели восстания, чтобы провести реформу внутреннего управления, а красные хотели восстания, чтобы ввести в него весь народ и дать ему право собственности над земельными угодьями. Белые считали, что восстание было слишком неподготовленным, не соглашаясь с программой и покидая страну. Автор обвинил красных в том, что им не хватило храбрости рассчитаться с белыми и что они им поддались. Также утверждал, что в комитете не было способных людей и что белые намеренно саботировали восстание. Что Мерославский был представителем красных, а Лангевич — белых. Дальше автор брошюры утверждал, что прошлое правительство пало и создан новый комитет, которому он рекомендовал захватить Галицию и Познань, полностью порвать с Российской империей и создать повстанческий (революционный) суд, которому бы подчинялся и главный комитет.

В начале октября в статье «Нынешнее положение польского вопроса»⁹⁸ Медакович вновь обратился к ситуации в Польше. В этой статье он утверждал, что восстание было начато с ведома Наполеона III. Причиной восстания были названы опасения польских эмигрантов, что вследствие новых реформ в России они потеряют свои дворянские привилегии. Медакович был уверен, что до начала восстания польским эмигрантам была обещана помощь из-за границы, прежде всего из Парижа. Причиной поражения этого восстания он назвал пассивность народа, имея в виду прежде всего крестьян. Он надеялся, что поляки осознают свою ошибку и сами прекратят восстание, прервав таким образом ненужное кровопролитие. И тем не менее Медакович полагал, что восстание не закончится, пока Наполеон III не займется какой-то новой темой. Он и позднее обвинял

⁹⁶ Д. Медаковић. Нека откривања // Напредак, број 116, 8. септембар 1863, [II–III].

⁹⁷ Про ранню подготовку к восстанию писал и еще один серб — Владимир Йованович, который, общаясь с Бакуниным, познакомился и с Лангевичем осенью 1862 г., признавшим, что активно идет подготовка к восстанию, а оружие доставляется из Англии через Швецию. См. Владимир Јовановић. *Успомене*. Београд, 1988. С. 156–157.

⁹⁸ Д. Медаковић. Садашње стање полске ствари // Напредак, број 127, 3. октобар 1863, [II–III].

Париж за беспорядки в Польше, и после одного из сообщений, что один из отрядов повстанцев разбит сразу после перехода границы, Медакович воскликнул: «Есть ли у этих людей душа и Бог?! Это же настоящая бойня! Париж всему этому виной»⁹⁹.

Еще одной статьей, которую, как нам представляется, он опубликовал не без намерения доказать свое мнение, стал текст «Письма польского патриота народному польскому правительству»¹⁰⁰. Этот польский патриот упоминал, что сражался до 4 мая и что потерял левую руку и часть ноги. Он сожалел, что участвовал в сражении, и обвинял подпольное правительство в том, что оно гонит людей в неравный бой. Он считал, что надо было принять амнистию и автономию. Жаловался, что был обманут уверениями о скорой помощи из-за рубежа, о том, что русская молодежь на их стороне, и т. д. Он обвинял правительство в том, что вместо политических прав оно старалось создать Польскую империю, как и в том, что вместо «свободной Польши» строили «панскую Польшу». Считал, что было большой ошибкой настаивать на Волыни, Литве и Подолье, так как от этого поляки не имели никакой пользы.

В самом конце 1863 г. Медакович уделил внимание публикациям газеты *Србски дневник* и в статье «Опасность от России»¹⁰¹ среди прочего утверждал, что полностью не обоснованным является утверждение этой газеты о том, что борьба поляков за свободу косвенно есть борьба за Большую Сербию.

При этом нельзя сказать, что даже Попович публиковал лишь западноевропейские статьи, помещая иногда и тексты из русских газет о дипломатической борьбе вокруг польского вопроса. Так, среди прочего Попович полностью перепечатал статью *Русского инвалида* под заголовком «Что от нас хотят?», в которой говорилось, что большинство мер, предложенных западными дипломатами, Россия уже предприняла, а остальное невозможно сделать, так как поляки сами этому противятся¹⁰².

Даже либеральный и симпатизировавший полякам *Србски дневник* не критиковал русских по каждому поводу. Наоборот — две недели спустя после восстания в газете вышла статья «Польский

⁹⁹ Д. Медаковић. Буна польска // Напредак, број 133, 17. октобар 1863, [II].

¹⁰⁰ Д. Медаковић. Писмо польског патриоте народној польској влади // Напредак, број 141, 5. новембар 1863, [II–III], продолжение — број 142], 7. новембар 1863, [III], окончание — број 143, 10. новембар 1863, [III].

¹⁰¹ Д. Медаковић. Опасности од Русије // Напредак, број 163, 29. децембар 1863, [I–II].

¹⁰² М. Поповић. Шта траже од нас // Видовдан, број 89, 3. август 1863, [III].

вопрос»¹⁰³, подписанная Д. В. (Джура Вукиевич), в некоторой степени оправдывавшая поведение русских. В статье было сказано, что весь либеральный мир симпатизировал полякам, но не ожидал, что все это кончится для них добром. Автор статьи считал, что можно лишь пожалеть поляков, чьи достоинства столь велики и прекрасны, а грехи и пороки столь низки и тяжелы. Он утверждал, что их ненависть к русским столь же сильна, как их самоуверенность и гордость. При этом, по мнению Вукиевича, если ненависть наполовину и оправданна, то уж самоуверенность полностью необоснованна. Он подчеркивал, что поляки сами виноваты в том, что их государство погибло, критиковал их за то, что они отталкивали все протянутые им руки и были все более напыщенными, и чем больше русские им уступали, тем все больше поляки требовали. Он хвалил Костюшко, как самого великого поляка. О Мицкевиче сказал, что его эмоциональные стихи поддерживали боевой дух поляков. Он похвалил и Великого князя Константина за то, что тот имел самые прекрасные намерения и желания, но что русские не могли согласиться с возвращением конституции 1815 г. При этом он считал, что этим восстанием нарушено желание Александра II окончательно решить вопрос Польши дарованием ей прав.

Что касается официальной газеты *Српски новине*, то она, к сожалению, публиковала не слишком много интересного по данному вопросу, можно даже сказать, удивительно мало и крайне осторожно. Существуют понятные объяснения этого. Князь Михаил, хотя и имел личную склонность к России, не желал конфликтовать по этому поводу с другими европейскими государствами из-за деликатной ситуации, в которой тогда находилось сербское княжество¹⁰⁴, а поэтому старался любыми возможными способами избегать по данному вопросу явных оценок, которые могли бы быть интересными в контексте нашей статьи.

«Россию не обидеть», «Польшу успокоить» – предложенные решения и идеи

Еще в самом начале восстания Медакович в газете *Напредак* опубликовал статью «Поляки»¹⁰⁵, где выразил свое сожаление о том, что этот народ не ведет себя умнее. В той же статье он за-

¹⁰³ Ђ. Вукиџевић. Польско питање // Српски дневник, број 20, 23. јануар 1863. [I]

¹⁰⁴ Ђорђе Живановић. Срби и полска књижевност. Београд, 1941. С. 187.

¹⁰⁵ Д. Медаковић. Пољаци // Напредак, број 8, 18. јануар 1863, [I].

явил, что их государство погибло исключительно по их же вине. Он утверждал, что Конституция 1815 г. была справедливой. Медакович задался вопросом, почему поляки начинают восстание теперь, когда очевидно, что правительство России собиралось дать им все привилегии? Он ставил и другой вопрос — зачем они начали восстание, если все равно знают, что русскую армию им не победить? Он также осудил поляков за плохое отношение к славянам и прогнозировал их печальную судьбу. Подчеркнул, что население Украины, Волыни и Подолии с давних пор русское и православное, что поляки не имеют прав на эту территорию. В конце концов он призвал их прислушаться к голосу разума и понять, что освободиться они могут лишь в союзе с Россией и русскими. Позднее Медакович опубликовал и одну речь Погодина, который доказывал, что Волынь и Подолье являются русскими землями и что Литве, по стратегическим соображениям, нельзя давать независимость¹⁰⁶.

Что же касается самого восстания, то редактор этой газеты был убежден, что оно не будет иметь размаха, и даже месяц спустя после начала восстания¹⁰⁷ он предвидел скорое его окончание и писал, что оно близится к концу. В том же номере в статье «Польское восстание» он опубликовал высказывание некоего польского ксендза, который утверждал, что восстание возникло, потому что шляхта и клирики не хотели дать крестьянам свободу. Позднее станет заметно, что эта мысль овладела Медаковичем и сформировала его взгляды на все восстание.

Медакович 22 марта написал статью «Независимость Польши»¹⁰⁸, в которой указал, что желания французского императора не повлияют на решения России. Он считал, что после подавления восстания русские дадут полякам привилегии. Он также предположил, что примирение русских и поляков будет возможно лишь тогда, когда польские ксендзы укротят свою ненависть к Православию. Медакович выразил мнение, что Европа больше боится свободной Польши в союзе с Россией, чем Польши, в которой Россия правит. Позднее, в том же месяце, Медакович написал статью «Последствия восстания Польши»¹⁰⁹, в которой утверждал,

¹⁰⁶ Д. Медаковић. Стране земље — Русија // Напредак, број 42, 29. март 1863, [V].

¹⁰⁷ Д. Медаковић. [Без наслова] // Напредак, број 19, 13. фебруар 1863, [I].

¹⁰⁸ Д. Медаковић. Независност Пољске // Напредак, број 39, 22. март 1863, [II–III].

¹⁰⁹ Д. Медаковић. Последице буне пољске // Напредак, број 43, 31. март 1863, [I].

что несчастный польский народ был спровоцирован на восстание из-за границы и что за это можно обвинить в первую очередь Париж. В качестве доказательства того, что восстание было «импортировано», он указал на то, что польские лидеры из самой Польши не участвовали в его организации. В конце он предположил, что восстание это не сильно повредит России и Польше, но серьезно повлияет на саму Францию. Таким образом, Медакович хотел сказать, что Франция играет в опасную дипломатическую игру, которая может плохо для нее закончиться.

Что касается дипломатического давления на Россию, то тут Медакович высказал мнение, что войны все равно не будет, а французы подняли шум, чтобы, как он выразился, «развлечь свой народ»¹¹⁰. В том же номере он привел статью Эмиля Жирандена из *Ла Пресс*, в которой полякам давался совет прекратить восстание, так как Запад обманывает их, подавая им ложную надежду на иностранное вмешательство. Разумеется, Медакович похвалил такую искренность и в дальнейшем частенько ссылаясь на мнение Жирандена. Например, ему особенно понравилось выражение Жирандена «свободная Польша в свободной России», считая, что это настоящий путь, которым полякам стоило бы идти, среди прочего и из-за этого он поддерживал и хвалил маркиза Велёпольского, как человека, старавшегося осуществить этот замысел.

В августе, когда всплыла информация о том, что аристократы во главе с Чарторыйским планируют взять на себя руководство восстанием, Медакович не смог не похвалить себя за прозорливость и точное предвидение того, что центр восстания находится в Париже, а не в Варшаве. Он обвинил Чарторыйского за то, что тот начал восстание, так как рвется к польскому трону. А также упомянул, что с Чарторыйским активно сотрудничали граф Чаплинский из Познани и князь Сапега из Галиции. По мнению Медаковича, кроме Чарторыйского, в польские дела вмешалась и его теща — испанская королева, которая с радостью помогла бы зятю добраться до престола и не жалела денег, чтобы этого добиться. При этом Медакович предложил во имя спокойствия переселить польскую шляхту из западной России на коренные земли Польши¹¹¹.

Крайне содержательна и заключительная обзорная статья Поповича, опубликованная в конце 1863 г. (31 декабря)¹¹². В ней он сделал анализ важнейших событий, среди прочего уделив внимание

¹¹⁰ Д. Медаковић. [Без наслова] // Напредак, број 48, 12. април 1863, [I].

¹¹¹ Д. Медаковић. Буна польска // Напредак, број 103, 8. август 1863, [II].

¹¹² М. Поповић. [Без наслова] // Видовдан, број 147, 31. децембар 1863, [I–III].

и польскому вопросу. Он считал, что этот вопрос оказал и будет оказывать важное влияние на Европу, так как морально ослабил все политические союзы и все ведущие государства Европы поставил в одиночество. По его мнению, такого примера в истории еще не бывало. Он указал, что это ясный знак того, что союзы были заключены на гнилых основах, если они так легко порвались. Попович выразил опасение, что за новую стабилизацию всей Европе придется заплатить кровью и золотом, подчеркивая, что мир находится на пороге великих потрясений. Он выразил надежду на то, что поляки когда-нибудь добьются своих прав, но лишь в том случае, если при этом не будут унижены и русские. Он надеялся, что пролитие братской крови прекратится, что спор двух народов завершится без иностранного вмешательства. Он похвалил Россию, что она ведет себя как сильное, разумное и великодушное государство, так как своими действиями доказывает, что не боится остальной Европы и что желает вернуть другим (полякам) их достоинство, не унизив саму себя. Он также указал, что Австрия и Англия сыграли убогую роль в недавних событиях. Похвалил и Наполеона III, отмечая, что тот сделал все, что мог, ради народных симпатий, но имел и достаточно мудрости, чтобы не допустить, чтобы пожелания народа подтолкнули его к войне. Медакович считал, что предложение французского императора вновь провести конгресс для решения всех политических вопросов сохранило место Франции на вершине морально-политической пирамиды. О самом Наполеоне III сербский журналист патетически сказал: «Он провозглашает начала справедливости для народов, и народы его запомнят».

Редакция газеты *Србски дневник* обратила внимание и на проблему малороссов, связанную с польским вопросом, так как поляки претендовали на территории, где проживали малороссы. Редакция газеты придерживалась мнения, что основная проблема в централизации и что необходима децентрализация, но не в том смысле, чтобы центр был перенесен в Варшаву, как этого хотели бы поляки, а в том, чтобы центром Малороссии стал Киев. Белоруссию, т. е. Витебскую, Минскую, Могилевскую и северную часть Черниговской губерний редакция также увязывала с Киевом, а не с Москвой и не с Варшавой. С иронией газета замечала, что в России русины имели меньше всего свободы, чуть больше в Австрии, а больше всего в Турции¹¹³. Проблема поляков и их притязаний на территории, где проживали малороссы, освещен в статье «Поляки и малороссы

¹¹³ С. Милетић. Малоруси // Србски дневник, број 11, 13. јануар 1863 [1].

и их историческое право»¹¹⁴, в котором аргументированно отрицается право поляков на эти земли.

Своеобразную позицию представляет статья «Мнение одного русского о поляках»¹¹⁵, которую, по словам редакции, беспристрастно, с общих позиций славянства, написал один из русских. В статье говорится, что славянство не может быть счастливым, пока Россия силой удерживает Польшу, и поэтому необходимо примирение. Русский аноним призвал поляков отринуть прошлое и свои претензии на Великую Польшу и провозгласить «хлопску» (народную) Польшу. Неизвестный автор также считал, что претензии поляков на украинские и западнорусские районы (т. е. на Подолье, Волынь, Белоруссию) безосновательны, так как сами малороссы не желают присоединения к Польше, что они с большей готовностью остались бы самостоятельными в союзе с русскими и другими славянами и что в этом случае народная воля — высший закон.

Обращаясь к читателям с просьбой о полугодовой подписке 20 июня 1863 г., редакция газеты *Србски дневник* кратко отразила программную политику газеты. Тут они коснулись и польского вопроса, о котором было сказано, что это важнейшее внешнеполитическое дело для газеты после сербского (восточного) вопроса. А также указали, что во внешней политике руководствуются принципом политической и народной свободы, законности и гарантированных законом прав народов. Эти принципы очень важны, так как именно на их основании редакция и поддерживает польскую борьбу за свободу, к которой испытывает столь теплые симпатии. По польскому вопросу было дано и сокращенное объяснение позиции газеты, которое в дальнейшем было изложено более детально: «Русско-польский вопрос мы рассматриваем с позиции славянского федерализма, признавая право поляков на самостоятельное и даже независимое государство, за исключением малороссийских областей, на которые они не имеют прав, мы, как славяне, хотели бы решить этот вопрос без европейского вмешательства, с согласия обеих сторон»¹¹⁶.

После этой программы, изложенной редакцией газеты, в ней были опубликованы еще две обширные статьи, которые и дальше проясняли мнение редактора по польскому вопросу. Первую статью под заголовком «Русско-польский вопрос со славянских

¹¹⁴ С. Милетић. Пољаци, Малоруси и њихово историјско право // Србски дневник, број 145, 3. јул 1863, [II] и продолжение — број 147, 5. јул 1863, [II].

¹¹⁵ С. Милетић. Глас једног Руса о Пољацима // Србски дневник, број 116, 28. мај 1863, [III].

¹¹⁶ С. Милетић. Позив на претплату // Србски дневник, број 136, 20. јун 1863, [I].

позиций» написал Светозар Милетич, она выходила с продолжением в трех номерах¹¹⁷, а вторая статья была написана Яковом Игнатовичем и носила название «Борьба поляков»¹¹⁸.

В «Борьбе поляков» Яков Игнатович сначала поставил вопрос, является ли европейское государственное право общечеловеческим или основывается на правах силы? Далее он сам себе ответил, что это комбинация двух этих прав, и таким образом пришел к выводу, что у поляков есть право на государство, если они смогут доказать это силой, так как таким образом они воплотили бы и свое историческое право, по принципу взаимности, вернуть силой то, что из-за насилия утратили. Он утверждал, что дипломатия должна серьезно отнестись к давлению общественного мнения, которое целиком на стороне поляков. Он недоумевал по поводу славян, которые ведут себя странно, сначала признавая историческое право поляков, а потом сожалея, что таким образом они проливают и братскую кровь. Игнатович заметил, что и родной брат восстанет против брата, если тот будет отнимать у него жизнь. Он обвинил русских в желании ассимилировать поляков, говоря, что ошибаются те, кто говорит, что восстание обречено на поражение, так как даже если его подавят, это будет формой выражения протеста против нарушения прав поляков. Затем он обратился к сербам, говоря, что народы, которые хотят свободы, не должны слишком критиковать тех, кто за нее борется. Он считал, что малороссы имеют право выбрать, хотят ли они жить с русскими, быть ли независимыми или присоединиться к полякам, и никто не смеет им мешать. Он доказывал, что поляки не революционные чудовища, а поднялись на восстание по необходимости, чтобы успокоиться тогда, когда эта необходимость минет. Он привел свой идеал, в котором русские, малороссы и поляки стали бы тремя столпами славянства. Свою статью он закончил словами: « Борьба поляков справедлива и благородна, и только благодаря ей мы сможем понять, что брат не должен быть у брата рабом, а на свободе легко можно залечить раны, легко возместить кровь двум таким мощным народам, как русский и польский».

В статье, которую написал Светозар Милетич, указано, что проблема возникнет вновь, если не будет правильно решена. Потом попытался исправить мнение А. С. Пушкина о том, что

¹¹⁷ С. Милетић. Руско-пољско питање са славенског гледишта // Србски дневник, број 139, 23. јун 1863, [II], продолжение — број 141, 27. јун 1863, [II–III], окончание — број 143, 29. јун 1863, [II–III].

¹¹⁸ Ј. Игњатовић. Борба Пољака // Србски дневник, број 140, 26. јун 1863, [III].

славянские потоки должны слиться в русское море, замечая, что более правильным было бы их объединение в славянском море, где русская река была бы важнейшей. Это было различие между централистским и федералистским пониманием славянства, а Милетич был сторонником федерализации славянства. Он доказывал, что так и должно быть, так как племенная народность есть основа всего у славян в личной, гражданской и государственной жизни. Он считал, что в больших государствах невозможно сохранить племенную народность, так как чем сильнее периферия, тем сильнее будет давление из центра. Он считал, что федерация — высшее начало народной свободы. А также указывал, что русско-польская проблема имеет две стороны: историческую и территориальную. Далее он задавался вопросом, может ли кто в здравом уме подумать, что остальные ветви славянства смогут сохранить свою особость, если русские сумеют ассимилировать и поляков? — «Кто хочет, чтобы Сербия была самостоятельна и свободна, тот должен хотеть Польшу свободную и самостоятельную». Он считал, что лучшим решением для Польши стала бы персональная уния с Россией. Он указал, что в территориальном плане поляки неправы в отношении притязаний к восточным областям. В особенности, по его мнению, это касалось территории, на которой проживали малороссы, которые, как он надеялся, также в один прекрасный момент обретут независимость. Он говорил об обязанности каждого серба справедливо судить об этом вопросе, хотя «голос» сербов и столь мал. И завершил свою статью утверждением, что единственным справедливым решением этого спора была бы полная государственная независимость и самостоятельность Польши в границах польской народности.

«Сегодняшнее положение польского вопроса»¹¹⁹ стало еще одной статьей (подписано Дж. В. — Джура Вукиевич), в которой констатируется, что Россия придерживается тех же позиций, которых придерживалась бы и без происходившей дипломатической бури. Автор был уверен в том, что дипломатия не сможет заставить Россию сдать. Он утверждал, что никогда не переоценивал военную силу поляков, но и не недооценивал ее, как другие (имея в виду *Напредак* и *Србобран*), сводя ее к разбойничьим шайкам. Он заявлял, что не надеялся на то, что полякам удастся победить русских, но не ожидал и столь долгого сопротивления. Он также считал, что эта борьба — большое зло, что ее раздува-

¹¹⁹ Ђура Вукиѐвић. Данашње стање Пољског питања // Србски дневник, број 159, 19. јул 1863, [I].

ли иностранцы, но это не повод, чтобы отрицать права поляков. Наконец, автор обращался к России с риторическим призывом, указав, что сложившаяся ситуация идеальна, чтобы самостоятельно и без давления сделать для поляков больше, чем Запад желал бы потребовать.

Выводы

Польское восстание вызвало мощный резонанс в сербской печати и произвело различное воздействие. Причиной тому было то, что у сербов были теплые отношения и к России, и к Польше. Сербь находили общее с Россией из-за славянства, Православия и совместной борьбы против турок, — вот почему эти связи было трудно расторгнуть. Также не стоит забывать, что на Россию смотрели, как на защитницу и потенциального освободителя остальной части угнетенного сербского народа, что дополнительно подогревало симпатии сербов. С другой стороны, Польша пользовалась сочувствием сербов в результате славянской солидарности, а также потому, что сербы могли войти в их положение народа без государства, так как сербы еще помнили такие же дни под иностранным господством. Их также сближало ощущение разделенного народа, так как поляки жили в Австрии, Пруссии и России, как и сербы, которые, кроме княжества Сербии, жили в Австрии и Турции.

Если учесть эти обстоятельства, то понятно, что многим было тяжело думать о восстании, произошедшем в Польше. Эта тяжесть и раздел народа по польскому вопросу заметен и в сербской печати. Из шести газет, выходивших в то время, точнее из четырех, дающих достаточно данных для анализа¹²⁰, можно отметить симпатии к русским в газетах *Србобран* и *Напредак*, а два газеты больше сочувствовали полякам — *Видовдан* и *Србски дневник*.

Встает вопрос, из-за чего же газеты разделились на два лагеря? Мы видим причину этого в том, что они ставили свои личные взгляды выше, чем интересы гражданской свободы или веры. Это можно отметить и в том факте, что эти газеты нередко ссорились между собой и по другим, внутренним вопросам, — несогласия, которые между ними уже имелись, были перенесены и на польский вопрос.

¹²⁰ Газета Световид недоступна для исследователей, так как большинство ее номеров погибло, а газета Српске новине доступна, но по вышеуказанным причинам не содержит интересных данных.

Эти различия видны даже на таком простом примере: польских участников событий *Напредак* часто называет даже не повстанцами, а перебежчиками, в то время как, с другой стороны, *Србски дневник* величает их армией.

Рассматривая эту широкую палитру опубликованных мнений, можно сказать, что *Србобран* был самым важным представителем и защитником русской политики, в то время как ему противостоял *Србски дневник*. Заметно, что, за исключением газеты *Србобран*, которая со временем перешла на крайние позиции и стала просто обвинять поляков, остальные газеты все же старались обвинять не сам народ, а его лидеров.

Интересен и тот факт, что по некоторым вопросам эти газеты были согласны, хотя и подходили к проблеме с разных сторон. Во-первых, все редакции выражали сожаление по поводу пролития славянской крови. Во-вторых, все, в большей или меньшей мере, желали своего рода автономии для поляков или даже их независимости, но считали, что в дальнейшем для них было бы лучше оставаться связанными с Россией, хотя бы и в персональной унии. В-третьих, все газеты были согласны с тем, что поляки не имеют права на территории, населенные малороссами, хотя и расходились во мнении о том, что было бы лучшим для самих малороссов. И, наконец, в-четвертых, все газеты были согласны, что эту братскую междоусобицу надо решить внутри себя, без вмешательства европейских держав.

Сербская печать считала, что польский вопрос исключительно важен для будущего всего славянского мира, и поэтому подходила к нему с максимальным вниманием. Хотя по многим вопросам сербские газеты друг с другом не соглашались, заметно, что по большинству вопросов они были согласны, хотя подходили к проблеме с различных точек зрения и позиций. Согласие по вышеприведенным вопросам было возможно только исходя из тех причин, что во всех газетах чтились идеалы славянской общности и взаимопомощи, невозможные без сотрудничества русских и поляков, из-за чего польский вопрос вызывал такое внимание и из-за чего предпринимались попытки найти и предложить путь, который решил бы польский вопрос не на короткий период, заморозив проблему, а на более долгий период, чтобы вековая русско-польская ссора была бы навсегда устранена, после чего русские и поляки окончательно стали бы теми двумя столпами славянства, которые действовали бы вместе ради укрепления и прогресса самих себя и всего славянского мира.

Перевод с сербского Алексея Тимофеева

Ю. А. БОРИСЁНОК

ПЕРЕУЛОК КАЛИНОВСКОГО, ИЛИ СТАНЦИЯ ПОЛОЦК ВМЕСТО ПОЛОЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

В топографии современного Полоцка присутствуют улица и переулок Калиновского, расположенные на восточной окраине города, в микрорайоне Новка. Застройка этих мест, расположенных между железнодорожной линией Полоцк—Витебск и шоссейной дорогой аналогичной направленности, производилась во второй половине 1950-х годов, тогда же и было дано название двум новым объектам на городской карте. Любопытно, что переулок, протянувшийся более чем на километр между заводом, именовавшимся в советское время консервным, до больницы, называвшейся в те же годы железнодорожной, гораздо больше одноимённой улицы, расположенной строго между шоссейной дорогой и лесополосой вдоль дороги железной. В советские же годы на одном из здешних домов была установлена доска, объяснявшая, кем был Константин Калиновский (1838–1864), и кратко повторявшая официальную версию о «белорусском революционере-демократе».

1863 год в истории Полоцка

Но связывает ли что-нибудь повстанца 1863 года, получившего при крещении по католическому обряду сначала имя Винцент (6 февраля 1838), а затем Винцент Константин (4 апреля

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-21-16001а/ВелЗ.

1838)², или хотя бы само это восстание с древним Полоцком, в котором увековечена его память? В 2007 году в Минске тиражом 100 экземпляров была издана написанная в 1970-е годы книга известного полоцкого педагога и краеведа Ивана Петровича Дейниса (1900–1985) «Полоцкая старина», где автор постарался привести разнообразную и обширную информацию об истории города. 1863 год в 330-страничной книге упоминается дважды, но оба раза — в плане повторяющихся статистических данных. В одном месте читатель узнаёт, что в 1863 году в Полоцке жили 15 028 человек, в другом — что к этому количеству жителей прилагалось 1 500 домов³. О восстании и повстанцах — ни слова...

Автор предисловия к книге Дейниса М. Бовтович особо оговаривает, что «полоцкий хронист... являлся носителем господствующей идеи»⁴, то есть марксистской историографии, для которой во время написания этого краеведческого труда восстание 1863–1864 годов было безусловным положительным символом, одобренным к употреблению и в краеведческих разысканиях. Но Дейнис далеко не во всём следовал официальным историографическим установкам того времени. В своих описаниях XIX века наряду с событиями Отечественной войны 1812 года он весьма подробно описал и не слишком «удобную» в те времена конфессиональную историю Полоцка, в частности деятельность здесь иезуитов. В книге не только особо подчёркивается, что «Александр I 12.01.1812 г. издал распоряжение об основании Полоцкой иезуитской академии с правами российского университета»⁵ и достаточно подробно описывается её деятельность, но и содержится отсылка к книге министра народного просвещения Дмитрия Андреевича Толстого (1823–1889) «Римский католицизм в России» (1876–1877). Примечательно, что полоцкий краевед называет автора этой работы графом, но не именуется, в соответствии с традициями эпохи, «реакционером» и проч., при этом критикует Толстого за то, что он не полностью привёл устав Полоцкой академии, опустив «статьи о сроках обучения, контроле знаний, правилах приёма в академию, количестве студентов на факультетах и вообще в академии»⁶.

² Белорусский литературовед И. Янушкевич в 2013 г. опубликовал полные тексты метрических записей о крещении Калиновского в Яловском римско-католическом парафиальном костёле. См.: Янушкевич Я. Метрыка Каліноўскага: чаму яго назвалі Кастусём // nn. by. 2013. 2 лютага.

³ Дэйніс І. П. Полацкая даўніна. Мінск, 2007. С. 196, 296.

⁴ Баўтовіч М. Полацкі хроніст // Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Там же. С. 88–89.

Можно вполне обоснованно предположить, что любая сколько-нибудь значимая информация о причастности к Полоцку хоть каких-нибудь событий, имеющих отношение к восстанию 1863–1864 годов, при её наличии, была бы упомянута «полоцким хронистом», весьма разнообразно отразившим события местной повседневности, хотя бы в виде слухов. Дейнис передаёт ведь вполне легендарные сюжеты полоцкой устной истории в рассказе о владельцах городских мельниц. По его информации, в частности, «Спасская мельница была чуть ниже самого монастыря. Много лет его арендовал Райкин. Один из этой семьи, Аркадий Райкин, стал известным актёром»⁷. А вот владельцы другой, паровой мельницы, братья Левины, «после революции работали в полоцком союзе кооперативов, репрессированными не были, переехали в Ленинград, где заняли различные должности. Их опекал Зиновьев, который тогда возглавлял Ленинградскую партийную организацию. В те времена ходили слухи, что он был родственником Левиных, якобы женатом на их сестре, и во время революции 1905–1907 гг. какое-то время скрывался на мельнице, где среди штабелей дров для него было сделано тайное укрытие»⁸.

Получается, что краевед Дейнис воспроизвёл даже толки о «враге народа» Зиновьеве, которые до «перестройки» совершенно точно не были бы пропущены в печать, а о «народном герое» напрочь позабыл. Нет никаких повстанцев и в его хронике самых значимых полоцких происшествий: в 1862-м, за год до восстания, «сгорели 160 домов»⁹ — но точно без всякого участия Калиновского. В хронологической же таблице самых значимых событий истории Полоцка 1860-е представлены исключительно индустриальной тематикой: «XIX в. В 60-х годах началось строительство железной дороги от Двинска (Даугавпилса) до Полоцка и далее до Витебска, Смоленска, Орла, так называемая Риго-Орловская железная дорога. 1866 г. Началось движение по железной дороге Двинск—Полоцк»¹⁰.

Дейнис переехал в Полоцк вместе с родителями в пятилетнем возрасте в 1905 году, когда железнодорожная станция со всеми её сооружениями уже давно была устойчивой доминантой городского пейзажа. Краевед не слишком акцентировал этот эпизод в своём видении многовековой истории города и даже допустил

⁷ Там же. С. 290.

⁸ Там же. С. 290–291.

⁹ Там же. С. 297.

¹⁰ Там же. С. 309.

элементарную ошибку: «Росту Полоцка поспособствовало проведение железной дороги Рига—Орёл, отрезок Двинск—Полоцк был построен к 1866 г., а в последующие годы железная дорога пошла дальше на восток»¹¹. На самом деле между вводом в эксплуатацию железной дороги от Динабурга (Двинском нынешний Даугавпилс станет только в 1893-м) до Полоцка протяжённостью в 151 версту 24 мая (5 июня) 1866 года и открытием движения на 93-вёрстном участке Полоцк—Витебск прошло менее пяти месяцев: в Витебск первые поезда пришли 5 (17) октября того же года¹².

Английский гешефт и учительская семинария

В самом конце 2012 года Белорусская железная дорога (БелЖД, или БЧ, Беларуска чыгунка) торжественно отметила своё 150-летие. 15 (27) декабря 1862 года в сообщении между Петербургом и Варшавой было открыто движение на первом участке железной дороги на современной территории Республики Беларусь — это перегон Поречье—Гродно—Кузница. Это означает, что буквально накануне восстания 1863 года, именуемого в польской традиции Январским, железнодорожное строительство шло полным ходом и делало очевидные успехи в местах, которые вскоре будут охвачены «возмущением». Но, сделав поправку на традиционный историографический акцент об исключительной роли этого восстания в белорусской истории, не стоит ли поискать Калиновского здесь и предположить, что партизанские действия повстанцев хотя бы на некоторое время приостановили сооружение «чыгунки»?

Ответ на этот вопрос оказывается совершенно неожиданным, причём не только с точки зрения традиционных советских представлений о «революционном демократизме», но и современных прочтений эпохи 1863 года. Специально открытый к юбилею БЖД сайт сообщает, что «Динабург-Витебская железная дорога была однопутной. К работам по её строительству приступили 18 июля 1863 года. Сооружение дороги производилось английскими инженерами»¹³. То есть в самый разгар восстания, которое должно,

¹¹ Там же. С. 196.

¹² РГИА. Ф. 446. Оп. 26. Д. 13. Доклад № 25. 5 октября 1866 г. «Об открытии движения по участку Динабург-Витебской ж. д. от Полоцка до Витебска 5-го октября».

¹³ <http://150let.rw.by>

по идее, поглощать если не всё, то очень существенное внимание и властей, и местного населения, это самое местное население по обе стороны от Полоцка начинает строить не такую уж маленькую железную дорогу протяжённостью 244 версты. Причём сооружением стратегического объекта ведают британские подданные — то есть люди, если судить по роли их страны в дипломатическом давлении на Российскую империю в 1863-м по поводу «польского вопроса», вполне заинтересованные и потенциально опасные.

При этом ни о каких совместных акциях англичан с повстанцами речь не идёт; британцы, более того, будто бы и не замечают ни 1863, ни тем более 1864 года, а реально устраивают нечто, что в терминологии советской власти именовалось «ударной стройкой». Железная дорога длиной в 260 километров была построена всего за каких-то три года, причём участок от Динабурга до Полоцка, где теоретически могли помешать повстанцы, был введён первым и с опережением этого срока. Ударников, комсомольцев и зеков при этом не использовали точно — только местное крестьянское население. Его участие в строительстве, кстати, вполне объяснимо даже при обращении к традиционному прочтению повстанческого движения. В напечатанном в 2002 г. тексте С. М. Самбук для второго тома «Истории крестьянства Беларуси» читаем: «На востоке Беларуси крестьяне очень слабо участвовали в восстании, например, в белорусских уездах Витебской губ. В связи с восстанием было репрессировано всего 26 крестьян»¹⁴. Правда, британцы рисковали встретить бунтарей иного толка — по словам Самбука, «под видом борьбы с повстанцами крестьяне расправлялись с особо ненавистными помещиками. Это движение, что началось в апреле [1863 года. — Ю. Б.], перекинулось на Могилёвскую губ. Их владельцев крестьяне избивали и, связав, доставляли царским властям»¹⁵.

Таким образом, несмотря на действительно низкий, особенно по сравнению с Гродненским и Белостокским регионами, «градус мятежа», прокладывать железную дорогу по Витебской губернии (Динабург, как известно, также входил в её состав), было отнюдь не безопасно, а в уездах, населённых по большей части латышами, повстанцы себя проявляли значительно активнее. И в современных условиях главным побудительным мотивом

¹⁴ Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. Ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. Мінск, 2002. С. 78–79.

¹⁵ Там же. С. 79.

в таких случаях служит возможность извлечения солидной прибыли. В истории с Динабургско-Витебской дорогой всё так и было. 1 (13) марта 1863 года в Петербурге было принято положительное решение «по предложению банкиров Фрюлинга и Гешена об устройстве железной дороги от Динабурга до Витебска»¹⁶. Заметим, что случилось это меньше чем через десять дней после того, как Великобритания 2 марта выступила с первой, но далеко не последней (дипломатическая интервенция повторилась 29 июня и 11 августа 1863-го) нотой в защиту повстанцев.

При этом важно подчеркнуть, что аппетиты британцев на дипломатическом фронте в 1863 году распространялись лишь на Царство Польское, то есть на территории, вошедшие в состав Российской империи по решениям Венского конгресса 1815 года. В целом же, согласно верному замечанию в недавнем исследовании О. Р. Айрапетова, «ни Франция, ни Австрия, ни Великобритания не готовы были заходить в своей поддержке Польши за пределы дипломатических демаршей»¹⁷. Претензии держав на Западные губернии Российской империи, то есть на территории, пребывавшие до 1772–1795 годов в составе I Речи Посполитой, означали бы уже коренную ревизию восточноевропейского миропорядка, оформленного в конце XVIII столетия разделами Польши. О подобном развитии событий ни Лондон, ни Париж, ни тем более Вена, пополнившая свои владения в итоге тех самых разделов, в 1863-м даже не помышляли.

Таким образом, даже в случае гипотетического успеха повстанцев (до которого в реальной ситуации в 1863–1864 годов было бесконечно далеко) Калиновский и его соратники вне земель Царства Польского были бы обречены остаться без дипломатической поддержки великих держав, которая в тех условиях, когда с момента окончания Крымской войны не прошло и десятилетия, была, пожалуй, единственной надеждой на перемены в Польском вопросе. Мираж границ 1772 года спустя девяносто лет продолжал манить лишь романтических носителей общепольского национального самосознания, к которым, несомненно, принадлежал и Калиновский, несмотря на все свои агитационные произведения на белорусском языке. Современный белорусский

¹⁶ РГИА. Ф. 446. Оп. 26. Д. 10. Доклад № 6. 1 марта 1863 г. «По предложению банкиров Фрюлинга и Гешена об устройстве железной дороги от Динабурга до Витебска».

¹⁷ Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // *zapadrus. su.* 2012. 26 октября.

историк Александр Смоленчук ещё в 1998 году весьма внимательно прочёл капитальный труд классика польской историографии Стефана Кеневича (1907–1992) «Январское восстание» (1972) и сделал совершенно правильный вывод о том, что «Кеневич подводил читателя к мысли, что белорусскость Калиновского была только тактическим средством деятельности польского повстанца в Беларуси»¹⁸. Тем более что так оно и было: любой успех повстанцев на белорусских и литовских землях вряд ли мог привести к сколько-нибудь реальной «независимости» этих территорий. Предположив даже исключительную слабость позиций Российской империи и триумф идей и действий Калиновского, мы получим в конечном итоге единственную перспективу: присоединение появившегося в этих фантастических грёзах «буферного государства» к польскому державному ядру с центром в Варшаве, и никак иначе. В реальном же мире изначальная обречённость восстания 1863 года именно в Западных губерниях была вполне очевидна многим, к числу которых принадлежали и высокие договаривающиеся стороны, решившиеся в разгар «возмущения» строить железную дорогу в потенциально небезопасных краях.

Уровень «железнодорожной дипломатии» с британской стороны между тем был достаточно высок. Забавно, что во многих современных публикациях упоминаются «викторианские банкиры» Фрюлинг и Гешен (Гешён, Гешин)¹⁹. Так, по мнению В. К. Сидорчука, «в 1863 году лондонские банкиры Фрюлинг и Гешин приобрели концессию у царского правительства на строительство и эксплуатацию Динабургско-Витебской железной дороги на срок до 1951 года»²⁰. На самом деле за известной лондонской банковской конторой Fruhling & Goschen стояла только одна семья.

Выходец из Германии, известный в Англии как Уильям Генри Гошен (1793–1866), в 1815 году открыл в лондонском Сити фирму именно с таким названием и достиг изрядного успеха. К 1863 году контора старого Гошена обрела уже всемирную известность: к примеру, в 1862-м она предоставила египетскому хедиву на нужды сооружения Суэцкого канала ссуду в 3 млн

¹⁸ Смалянчук А. Ф. Кастусь Каліноўскі ў польскай гістарычнай традыцыі // Спадчына. 1998. № 2. С. 84–105.

¹⁹ Сехович В., Сехович О. Юбилей Белорусской железной дороги: как 150 лет назад в Беларусь приехал капитализм // www.ej.by. 2012. 25 декабря.

²⁰ Сидорчук В. К. Концессия – перспективная форма коммунального хозяйства // Право и демократия. Сб. научных трудов БГУ. Вып. 14. Минск, 2003. С. 173–181.

фунтов стерлингов под 8 %. Основателю фамильного дела в год польского восстания было уже 70 лет, и делами бизнеса энергично занимался его старший сын Джордж Иоахим Гошен (1831–1907), ставший весьма известным британским политиком²¹. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона популярно разъясняла русскому читателю и путаницу в написании фамилии трижды министра, первого лорда Адмиралтейства и прочая, и прочая: «Немецкого происхождения, его предки и родственники в Германии звались Гёшен, со времени выступления на политическое поприще в Англии он называет себя Гошен». В 1863 году Гошен-младший сделал два важных шага в своей карьере: он был впервые избран в Палату общин и издал книгу о теории вексельных курсов, переведённую затем на многие европейские языки, в том числе и на русский²².

Петербургское издание его книги вышло уже в 1867-м, на следующий год после того, как «при большом стечении народа» было открыто движение пассажирских поездов через станцию Полоцк. Основатель семейного бизнеса Уильям Генри Гошен скончался в июле 1866 года, наверняка успев получить известие о введении в эксплуатацию в мае первого участка Динабургско-Витебской дороги, но не дожив до полного завершения проекта. Несомненно, что трёхлетняя «ударная стройка» лондонским финансистам была весьма выгодна. Правда, в том же 1863 году банкирская контора Гошенов среди прочих получила концессию на строительство куда более заманчивой магистрали от Москвы до хорошо знакомого в то время британцам Севастополя²³. Однако концессионеры, несмотря на изрядную повёрстную гарантию

²¹ Джордж Иоахим Гошен окончил университет в Оксфорде, с 1853 г. Работал в фирме отца, с 1856 г. Стал одним из директоров Банка Англии, с 1866 г. был членом кабинета министров в правительствах лорда Рассела, Гладстона и лорда Солсбери. Дважды (1871, 1895) становился первым лордом Адмиралтейства. За время политической карьеры последовательно состоял в партиях либералов, либерал-юнионистов и консерваторов, был канцлером казначейства, специальным представителем британского правительства в Египте и Турции, ректором университетов в Абердине и Эдинбурге, канцлером Оксфордского университета и занимал множество других важных постов. См.: Elliot A. D. *The life of George Joachim Goschen, First Viscount Goschen, 1831–1907*. T. I–II. London, 1911 Spinner T. J. *George Joachim Goschen: the transformation of a Victorian liberal*. Cambridge, 1973.

²² Гошен Дж. Теория вексельных курсов. СПб., 1867.

²³ РГИА. Ф. 446. Оп. 26. Д. 10. Доклад № 15. 16 апреля 1863 г. «По предложению англичанина Гоше устройства железной дороги от Москвы до Севастополя».

правительства в 5,5 %, в указанные сроки не собрали необходимые средства и не приступили к строительству.

Дорога же от Динабурга до Витебска почти тридцать лет пополняла капитал удачливых лондонских финансистов. Современные белорусские авторы описывают успехи конторы «Фрюлинг и Гошен» скорее в стилистике криминальной хроники: «Строителям Динабург-Витебской железной дороги, которую начали сооружать в 1863 году, были даны немислимые даже по тем щедрым временам льготы. Правительство, в частности, прогарантировало 5 %-ую прибыльность на весь акционерный капитал и обязалось выплачивать дивиденды вне зависимости от экономических показателей общества до 1951 года. Льготы подстегнули инвесторов, и дорога была построена очень быстро. Под руководством английского обер-инженера Вильямса первый 160-километровый участок Динабург—Полоцк был сдан в мае 1866 года. А в октябре того же года правительственная комиссия торжественно принимала 95-километровую трассу от Полоцка до Витебска. Дорога никогда прибыли не приносила. Огромные платежи, которые шли на дивиденды и на субсидии для дирекции, заставили царское правительство педалировать сроки ее выкупа у англичан. Это случилось в 1894 году. Цена получилась запредельная, к казне отошли еще больше долги общества, но иного пути к этому времени у властей уже не было»²⁴.

А юбилейный сайт Белорусской железной дороги приводит подробности, из коих следует, что строительство велось не просто в спешке, но ещё и халтурно: «Большая часть иностранных инженеров не обременяла себя поиском лучших технических решений при строительстве железной дороги. Примером этому может служить конечная станция Витебск. Хотя в период её проектирования было известно, что железнодорожная линия будет продолжена, станцию расположили так, что она стала заездной, то есть все транзитные поезда должны были менять направление следования...»²⁵

Строительство стальной магистрали от Витебска до Динабурга через Полоцк требует ещё дополнительного исследования по части деталей, но несомненно, что концессия удалась на славу. Вся эта история могла бы послужить хорошим дополнением к книге краковского историка Анджея Хвальбы с примечательным названием «Империя коррупции в России и Царстве

²⁴ Сехович В., Сехович О. Указ. соч.

²⁵ <http://150let.rw.by>

Польском в 1861–1917 годах»²⁶. Благополучие семьи Гошенов в итоге стало своеобразной подушкой безопасности — подобные проекты с участием британских интересов, значение которых, конечно же, не стоит преувеличивать, способствовали снижению дипломатического интереса Лондона к Польскому вопросу.

Итак, 1863 год вместо повстанцев принёс Полоцку железную дорогу, которая, вне всякого сомнения, положительно сказалась на развитии города. Если бы помимо станции в начале 1870-х годов здесь, подобно Варшаве, появился бы и университет, это развитие могло бы пойти совершенно иными путями. Но что позволено лондонским банкирам, не разрешалось в «империи коррупции» даже министру народного просвещения. Как известно, в 1871 году по инициативе Д. А. Толстого Главная школа в Варшаве с преподаванием на польском стала русским Императорским Варшавским университетом. А вот первому университету, отличному от иезуитской академии, на современной территории Республики Беларусь состояться в ту пору было не суждено. Хотя Толстой предпринял путешествие по Виленскому учебному округу, изучил там школьное дело и загорелся идеей основать Полоцкий университет. Министр, как мы помним, был ещё и исследователем, профессионально занимавшимся историей католицизма и, в частности, ордена иезуитов в Российской империи²⁷, и полоцкий проект, несомненно, имел для него личную окраску.

Поначалу всё шло вполне по Толстому, тем более что идеологическое обоснование для открытия подобного учебного заведения лежало на поверхности — совсем недавнее «возмущение поляков» 1863–1864 годов, не исключая и Калиновского. Университет в Полоцке планировалось открыть в здании прежней иезуитской академии, в котором тогда размещался кадетский корпус²⁸. Открытие намечалось на 1872 год, на который приходилось не только столетие первого раздела Речи Посполитой, по которому Полоцк отошёл к Российской империи, но и 200-летие со дня рождения бывавшего в городе Петра I. Современный белорусский историк Д. Кузьма пишет: «Первоначально должны были открыться только два гуманитарных

²⁶ Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji i w Królestwie Polskim w latach 1861–1917. Kraków, 2006.

²⁷ Толстой Д. А. Об иезуитах в Москве и Петербурге: Исторический отрывок. СПб., 1859; Толстой Д. А. Римский католицизм в России: Историческое исследование. Т. 1–2. СПб., 1876–1877.

²⁸ См.: Зельскі А. Пляны і спробы стварэння ўніверсітэта ў Беларусі (першая палова XIX ст. — 1918 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 2. С. 22–29.

факультета. Александр II поддержал предложение и повелел договориться по этому вопросу министерству просвещения и военному ведомству. Вероятно, дело прекратилось из-за финансовых трудностей, ибо переезд кадетского корпуса в Вильно или Дерпт требовал 400 тыс. рублей, и оказалось проще и дешевле основать более необходимый медицинский факультет в Новороссийске»²⁹. Последнее предложение в процитированном тексте требует существенных корректив. Конечно же, речь шла не о современном Новороссийске, а о Новороссийском университете в Одессе. В теории открытие одного лишь медицинского факультета могло действительно обойтись дешевле, однако вопрос о том, был ли он «более необходим» империи, чем университет в Полоцке, призванный исполнять конкретную идеологическую функцию, до крайности спорный.

В итоге одобренная монархом идея развития не получила, а в Полоцке в 1872 году вместо университета была открыта всего лишь учительская семинария, что существенно затормозило «модернизационный потенциал» древнего города. В Одессе же медицинский факультет строили бесконечно долго. В конце 1890-х годов в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона в статье о Новороссийском университете подчёркивалось: «Ещё со времени преобразования Лицея в университет был возбужден вопрос об учреждении медицинского факультета, но последний не открыт и по настоящее время, хотя для него устроено и приспособлено много зданий». В итоге многострадальный факультет открыли только 1 сентября 1900 года! Российская империя сочетала в себе и ударные темпы сооружения железных дорог, в том числе англичанами, и неспешный, но наверняка выгодный подрядчикам медицинский долгострой у Чёрного моря. Подробности последней истории также требуют дальнейшего выяснения, и не исключено, что «коррупционная составляющая» там также обнаружится.

Кастусизация: 1920-е годы, далее везде

Вплоть до 1924 года, когда Полоцк в ходе укрупнения БССР вновь, как и в начале 1919 года, стал белорусским советским городом, никаких следов Калиновского здесь обнаружить не удаётся. Известный историк из Могилёва Игорь Марзалюк, член Совета Республи-

²⁹ Кузьма Дз. Практы першых беларускіх універсітэтаў. М. В. Каяловіч і практы арганізацыі вышэйшай навучальнай установы ў Беларусі ў 2-й палове XIX стагоддзя // Беларуская думка. 2010. № 3. С. 119.

ки Национального собрания Республики Беларусь, подчёркивает: «Не случайно события 1863 года никто из современников национально-освободительным восстанием белорусского народа не называл. Как никто не называл Викентия Константина Калиновского белорусским национальным героем. Все современники использовали совершенно иное определение — польское восстание в Литве и Беларуси. «Белорусизация» Калиновского началась только в начале XX века»³⁰.

Добавим, что идея «обелорусить» Калиновского впервые пришла в голову известному деятелю белорусского национального движения Вацлаву Ластовскому (1883–1938) только в 1916 году в то время, когда западные белорусские земли уже находились под германской оккупацией. Примечательно, что ни в идейном багаже белорусской газеты «Наша ніва», ни в наследии провозглашённой в марте 1918 года БНР отсылки к Калиновскому мы не обнаружим, и это опять-таки не случайно. «Кастусь» стал типичным пиар-продуктом советского, большевистского переосмысления истории. Именно тогда идея Ластовского получила реальное воплощение на уровне Агитпропа. Сам же первооткрыватель, как убедительно показал А. Ф. Смоленчук, черпал из вполне конкретного польского источника: «Сравнительный анализ текстов показал, что первая белорусская статья, посвящённая К. Калиновскому (Свяжк [В. Ластоўскі]. Памяці справядлівага // *Номон*. 1916. № 1), была основана на материалах статьи польского публициста и политика Людвика Абрамовича³¹ («*Licz*») «Konstanty Kalinowski» (*Gazeta Wileńska*. 1906. № 17)»³².

Итак, «белорусизация» Калиновского состоялась и добралась в том числе и до Полоцка. Интересно выяснить, не связана ли она с общим курсом большевиков на «коренизацию» многих сфер жизни в БССР. В этом плане характерно, что секретарь ЦИК БССР, председатель Нацкомиссии ЦИК БССР Александр Исакович Хацкевич (1895–1937) в выступлении на заседании президиума Совета национальностей ЦИК СССР 7 октября 1927 года, которое фактически подводило промежуточные итоги реализации курса на «белорусизацию», по М. Н. Муравьеву прошёлся чрезвычайно жёстко, обвинив его с трибуны в том, в чём он никак

³⁰ Марзалюк І. Фальшывая гісторыя маці фальшывай палітыкі // *Беларуская думка*. 2010. № 7. С. 78.

³¹ Абрамович-Непокойчицкий Людвик (1879–1939) — польский общественный деятель, издатель и публицист, один из главных идеологов т. н. «краёвости». Окончил гимназию в Минске, учился в Харькове, Париже и Кракове, с 1904 г. жил в Вильно.

³² Смалянчук А. Ф. Указ. соч. С. 105.

в реальности замешан не был, но Калиновского в качестве положительной альтернативы не упомянул вообще: «Самым тяжёлым периодом для белорусского языка, белорусской культуры был период Муравьёвщины (Муравьёв — это царский генерал, который был послан для подавления революционных вспышек, как его называли, «Муравьёв вешатель»). Он не только вывел белорусский язык из государственных учреждений, в которых он кое-где сохранился в провинции, но он вешал за разговор на белорусском языке. Им был закрыт белорусский университет в Вильно. Закрыт белорусский сельскохозяйственный институт в Горках, все средне-учебные заведения, которые существовали в то время, были им закрыты. Этот период является самым тяжёлым периодом удушения белорусского языка, белорусской культуры»³³.

Таким образом, для строго официальной «презентации» промежуточных итогов белорусизации в Москве Калиновского не использовали — как бы чего не вышло: революционер, но всё-таки мелкобуржуазный. Более того, в наспех (то есть с известным количеством опечаток и опечаток) напечатанной под редакцией Хацкевича к октябрьскому заседанию 1927 года в Москве первой части брошюры «Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике. Часть 1. Белоруссизация [именно так, через два «с». — Ю. Б.]» отсутствует и Муравьёв, зато наличествует князь Ольгерд, при котором, по версии минских большевиков, «литовское правительство находит необходимым признать белорусский язык официальным языком Литовско-Белорусского государства»³⁴. О ситуации же после разделов Речи Посполитой брошюра повествует безличино, в хорошо известном при советской власти стиле «кто-то кое-где у нас порой»: «К концу XVIII века (разделы Польши) Белоруссия была присоединена к России. С этого времени вместо польского влияния в Белоруссии начинает усиливаться влияние русской культуры. Белорусский язык начинает освобождаться от полонизмов, но вместо них в белорусский язык, через русскую школу, администрацию, солдатскую казарму и попов, — проникают руссизмы. Царское правительство в Белоруссии подвергало строжайшему преследованию белорусский язык, придерживаясь взгляда поляков, что белорусский язык есть «хамский язык». Изданными царским правитель-

³³ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 20. Д. 200. Л. 75.

³⁴ Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике. Часть 1. Белоруссизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. Минск, 1927. С. 6.

ством специальными указаниями белорусский язык был объявлен запрещённым к употреблению в правительственных учреждениях и школах. Русское чиновничество, а вместе с ними и попы, ревниво проводя царские указы в Белоруссии, пренебрежительно относились на протяжении веков к белорусскому языку, называя его языком «мужицким». Только белорусские трудовые массы, особенно крестьянство, в подавляющем своём большинстве неграмотные (80 процентов), пользовались в своём быту белорусским языком и сохранили его, несмотря на многовековое угнетение»³⁵. Упоминание Калиновского в этом ряду излишне — он хотя и пользовался белорусским языком, к «трудовым массам» не относился точно, тут и до «мелкобуржуазного уклона» совсем недалеко.

То есть выносить образ «Кастуся» на всесоюзную арену не торопились. Большую часть 1920-х годов «революционер-демократ» был скорее символом для внутреннего употребления в БССР, но 14 августа 1928 года на советские экраны вышел один из первых белорусских фильмов, так и называвшийся — «Кастусь Калиновский». Если трактовки сконструированного образа в учебниках и тем более научных публикациях на широкую массу воздействовали (и, кстати, воздействуют по сей день) достаточно поверхностно, то запуск на всесоюзную орбиту занимательного художественного образа обречён был вызвать куда более заинтересованный отклик, учитывая, что тогдашнее киноискусство СССР огромным количеством фильмов похвастаться не могло. И «Кастуся» зритель запомнил — в немом кино, снятом базировавшейся в Ленинграде студией «Белгоскино», он стал статным блондином и сыгран был будущим народным артистом СССР Николаем Симоновым (1901–1973), воплотившим вскоре на экране яркий образ Петра Первого в экранизации романа Алексея Толстого. Режиссёром и сценаристом стал другой будущий народный артист СССР Владимир Гардин (1877–1965), использовавший в своей работе над сценарием материалы Н. Витковского и А. Гольдмана.

С реальным Калиновским повороты сюжета были связаны слабо — в фильме 1928 года действовали патентованные злодеи — само собой, Муравьёв, а также помещики (польские и один русский), казаки и католическое духовенство в составе архиепископа, епископа и просто ксендза. От повстанца 1863 года в киноверсии остались разве что учёба в Петербургском университете и казнь. Остальное, чисто мифологическое начало, призвано было увлечь зрителя ещё больше — штурм некоего укреплённого замка крес-

³⁵ Там же. С. 6–7.

тьянским отрядом, переодевание Кастуся офицером и захват им «царской казны» (то есть занятие, больше достойное Сталина либо Пилсудского) и финальная сцена, исполненная примитивной, но понятной любому тогдашнему посетителю кинотеатра пропаганды: «Восстание подавлено. Калиновский схвачен. Перед казнью с эшафота он обращается с прощальным словом к народу: «Слышишь, Беларусь! Верю — будет вольная Беларусь трудящихся, рабочих и селян!» «Слышим!» — звучит в ответ»³⁶.

В фильме зрителю представлен однозначный герой именно белорусского народа, сражающийся и со «слугами царизма», и с «польскими угнетателями». Именно сквозь призму подобных образов стоит воспринимать реплику А. Ф. Смоленчука: «Фигура Калиновского, его образ в искусстве, музыке, литературе, традиция борьбы, заложенная им, сыграли значительную роль во время формирования национального движения XX века. Можно сказать, что белорусским национальным героем Калиновский стал после смерти»³⁷. А именно, сделали его героем в первое десятилетие существования БССР по согласованию и при содействии с центральными органами большевистской власти в Москве, что ярко проявилось в истории с фильмом 1928 года.

Кстати, такого Калиновского, ставшего ярким образом массовой культуры, придуманного к тому же небесталанными творческими работниками, не могли ни при каких обстоятельствах создать тогдашние историки, занятые конструированием образа «народного героя» — ни Ластовский, ни утвердивший эту версию на советской почве Всеволод Игнатовский (1881–1931), ни жёсткий оппонент последнего Самуил Агурский (1884–1947). Весьма показательно, что именно точка зрения Игнатовского была поддержана в конце декабря 1928 года лидером тогдашней советской историографии, «академиком в будёновке» Михаилом Николаевичем Покровским (1868–1932).

Зададимся нехитрым вопросом: а зачем вообще понадобился «Кастусь» именно центральным советским структурам, ответственным за агитацию и пропаганду? Так ли уж необходим был этот «молодой штурман будущей бури» в двадцатые годы? Мы убедились, что, в отличие от Муравьёва, в историческом обосновании курса на «белорусизацию» его использовать не торопились.

³⁶ [http://ru.wikipedia.org/wiki/Кастусь_Калиновский_\(фильм\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Кастусь_Калиновский_(фильм)).

³⁷ Мікулевіч С. Каліноўцы былі палякамі? Сяляне выдавалі паўстанцаў? Мураўёў-вешальнік і Каліноўскі — абое рабое? Інтэрв'ю з А. Смалянчуком // *пн. by*. 2013. 16. 01.

Мифологизации «белорусского народного героя», на наш взгляд, благоприятствовало всё то же «международное положение», вызвавшее к жизни активное воплощение в жизнь «коренизации» после 1923 года. Калиновский, как известно, действовал именно на западнобелорусских землях, вошедших после Рижского мира 1921 года в состав II Речи Посполитой. В разгар противостояния с «буржуазной Польшей» был востребован именно такой герой, революционный белорус, как в фильме Гардина, ярый враг именно польских помещиков и католического духовенства. Снятый в 1928 году фильм явно предназначался не только для агитации в среде советских белорусов, но и обществу Западной Беларуси. Реальный Калиновский при этом был уже никому не интересен, тем более что в польской историографии и до, и после 1920-х годов этот персонаж является в лучшем случае героем второго плана, хотя и безусловным поляком³⁸. Именно в плане незамысловатой антипольской агитации Калиновский оказался востребован. Потому-то и «академик в будёновке» в завязавшемся среди белорусских историков споре поддержал будущего «нацдема» Игнатовского, а не марксистски подкованного Агурского.

Давая во время проходившей в Минске Всесоюзной конференции общества историков-марксистов интервью молодому белорусскому писателю Павлу Шукайло (1904–1939), Покровский ловко подключил к освещению истории 1863 года текущую политическую ситуацию: «Как раз на нашей конференции, например, будет выдвигаться точка зрения, что восстание польское 63-го года есть исключительно шляхетское восстание, тогда как мы всегда его считали восстанием в основе мелкобуржуазным, а дворянские элементы мы рассматривали как элементы, испортившие это восстание. Если бы дворянство не принимало участия в этом восстании, то аграрная революция произошла бы гораздо шире, из русской платформы были бы вынуты самые крупные доски... Та точка зрения, на которой стоит Пилсудский, это насквозь и исключительно шляхетская точка зрения, потому что в Белоруссии польские элементы воплощались исключительно в помещиков. Даже городское население там было отчасти еврейское. Никакого польского города, никакой польской городской мелкой буржуазии там не было. Поляки — это помещики, это чиновники и офицеры, которые обрастали этим самым помещичьим племенем. Никакого другого социального слоя, который бы колонизировал страну, не было»³⁹.

³⁸ Смалянчук А. Ф. Указ. соч.

³⁹ Беларусізацыя. 1920-я гады. Дакумэнты і матэрыялы. Мінск, 2001. С. 246–247.

Как видим, эта версия интервью Покровского, отложившаяся в Национальном архиве Республики Беларусь и опубликованная в 2001 году, никакого упоминания об Игнатовском не содержит. Но публикация 2010 года в сборнике, составленном В. В. Скалабаном и Н. В. Токаревым, выступления того же Игнатовского на XII съезде КП (б) Б 7 февраля 1929 года с правками докладчика убеждает в том, то изначально московский академик о своём минском коллеге всё-таки упомянул, и весьма однозначно: «Исторически более верна та характеристика, какую даёт т. Игнатовский восстанию 63 года. Кто объяснит это восстание как шляхетское, тот незаметно для самого себя придёт на точку зрения Пилсудского и проч. Не знать этого, — значит не знать истории»⁴⁰.

Прямо на партсъезде вспыхнула ожесточённая перепалка между Игнатовским и Агурским — мало того, что цитатой из Покровского последний был обвинён и в незнании истории, что для заведующего Истпартом при ЦК КП (б) Б само по себе непростительно, и в сползании на точку зрения матёрого классового врага Пилсудского, Агурский был объявлен с трибуны ещё и скатившимся к Муравьёву: «Это было по своему характеру движение мелкобуржуазное, и это признано теперь фракцией историков-марксистов в Москве. Потому что действительно, когда мы признаем, что это шляхетско-дворянское движение, то значит, это же феодальное движение, это ретроградное, реакционное движение; и когда Муравьёв подавлял, значит, он хорошо делал. Когда мы так будем рассуждать, мы, значит, тогда докатимся до того, что Муравьёв хорошо делал»⁴¹.

Игнатовский покончил с собой 4 февраля 1931 года, Агурский подвергся репрессиям в 1938-м, но выжил, была подвергнута беспощадной критике и историческая концепция Покровского. Но дело их, как следует из белорусской исторической полемики последних лет, живёт и если не побеждает, то страстно мечтает победить. Любопытно, что в 2008 году историк Андрей Вашкевич в рецензии на статью историка Андрея Гронского, опубликованную в том же году в журнале «Беларуская думка», прямо обвинил своего оппонента в реанимации «старых теоретических положений советского историка Самуила Агурского, изложенных ещё в далёком 1928 г. в книге «Очерки по истории революционного движения в Беларуси (1863–1917)», которые в слегка коммунизированном виде повторяли

⁴⁰ Академик В. М. Игнатовский. Документы и материалы. Минск, 2010. С. 140.

⁴¹ Там же. С. 136; Стэнаграфічная справаздача XII з'езду КП (б) Б (5–14 лютага 1929 г.). Менск, 1929. С. 100.

выводы работы Василия Ратча о Калиновском как «самолюбивом безумном мятежнике», фанатичном революционере, который одновременно был сознательным поляком»⁴².

Вообще-то споры о Калиновском в белорусской историографии и публицистике имеют свойство повторяться по тематике и методам удушения оппонентов. Приливы и отливы по линии противостояния с Польшей в 1930-е годы отражались и на востребованности сконструированной мифологической фигуры «Кастуся». Но линия Покровского-Игнатовского-Гардина о «белорусском герое» вполне пришлась ко двору в годы Великой Отечественной войны. Разворачивая советское партизанское движение в Западной Беларуси, главной сложностью которого было наличие мощного конкурента в лице отрядов польской Армии Крайовой, руководство Центрального штаба партизанского движения во главе с П. К. Пономаренко в конце 1943 года переименовало одно из самых боеспособных соединений в партизанскую бригаду имени Калиновского: «Бригаду именовать именем Кастуся Калиновского и впредь именовать её только этим именем»⁴³.

Попутно произошла важная трансформация мифологического образа: «белорусский народный герой» остался, его борьба с польскими помещиками испарилась. В том же 1943-м народный поэт Беларуси Петрусь Бровка пишет известное стихотворение «Кастусь Калиновский», позднее вошедшее и в школьную программу по белорусской литературе. Герой здесь «суровый и смелый, как сокол», но никаких поляков здесь нет, зато «немцам он — кара», это их головы «катятся в лозы». Товарища Сталина в соратники «Кастусю» поэт приписать не решился, но вполне в стиле эпохи заметил, что «недавно в колхозе он был трактористом»⁴⁴.

Звание «ударника колхозного строительства» окончательно завершило процесс «кастусизации» повстанца 1863 года. Именно такой Калиновский советской власти и требовался, именно такого героя и увековечили после войны в Полоцке, назвав его именем улицу и переулоч на окраине города, вблизи железной дороги, куда более важной для городской истории...

⁴² Вашкевіч А. Як Гронскі расправіўся над Каліноўскім // www.arche.by. 2008.11.11.

⁴³ Черепица В. Н. Уходили в поход на врага: Партизанская бригада имени Кастуся Калиновского в 1943–1944 гг. Гродно, 2012. С. 11.

⁴⁴ <http://brouka.ru/vershy/kastus-kalinouski>.

А. Д. ГРОНСКИЙ

«НЕ СОХРАНИЛОСЬ ДАЖЕ ПОЛНОГО СИНОДИКА
ДЛЯ ПОМИНОВЕНИЯ ЭТИХ ЗАЩИТНИКОВ
ОТЕЧЕСТВА ...»: РУССКИЕ СОЛДАТЫ, ПОГИБШИЕ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО
ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ., И ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПАМЯТЬ

**Контролируемая историческая память
как проблема**

Для начала сразу же определю два термина, которые я буду использовать. Первый из них — «контролируемая историческая память». Смысл такой памяти в том, что она не является естественной, то есть появляется, расширяется и поддерживается заинтересованными лицами, находящимися в элите. Элита для этого может использовать административные и интеллектуальные рычаги и, если нужно, блокировать проявления интеллектуальной мысли, критически относящейся к ценности контролируемой исторической памяти. Чаще всего контролируемая историческая память является памятью небольших групп, которые, получив возможность проводить в жизнь свои идеи, предлагают всему обществу свою историческую память как общую. Для того, чтобы она прижилась, процесс необходимо контролировать. Примером такой контролируемой исторической памяти могут служить национальные истории периода распада СССР и становления независимых государств. Второй термин — «естественная историческая память». Смысл этой памяти в том, что она не навязывается, её можно не контролировать. Она является общим местом в воспо-

минаниях массы людей. И эту естественную историческую память бывает достаточно сложно искоренить или хотя бы приглушить. Самым ярким примером может служить память о Великой Отечественной войне. Сколько бы отдельные заинтересованные лица и даже группы лиц ни пытались найти в событиях 1941–1945 гг. некие им одним ведомые признаки того, что всё было совсем не так, общество не реагирует на это. Я не случайно привёл в качестве примера Великую Отечественную войну. Историческая память о ней естественна и потому, что ещё живы те, кто войну пережил, и потому, что и во время войны, и после неё появилось достаточно большое количество источников — сначала в виде документов, потом в виде воспоминаний, где отражались взгляды, оценивались события. Всё это составило некий корпус фактов, которые в массе подтверждали друг друга. Что касается более ранних событий, то тут с исторической памятью сложнее. Прошло уже много времени, нет очевидцев, которые могли бы рассказать, как всё было. Более отдалённые события затмеваются последующими, которые переживаются более эмоционально, т. к. остаются очевидцы, их пережившие. В ситуации евразийского пространства нужно учитывать ещё и то, что историческая память обо всех дореволюционных событиях была здорово отшлифована советской идеологией, которая, как и любая другая идеология, подчёркивала одни события, не обращала внимания на другие, расставляла определённые акценты. Естественная историческая память по отношению к более отдалённым событиям ослабевает, ведь она является достаточно динамичной структурой, отражающей современное состояние общества. Кстати, хорошим примером может быть 2012 г. Для России он был трижды юбилейным. Во-первых, (в порядке хронологии) 1150-летие зарождения российской государственности; во-вторых, 400 лет с момента создания ополчения Минина и Пожарского и последующих за этим событий; в-третьих, 200-летие Отечественной войны 1812 г. Долго не надо думать, чтобы предположить, на какое из этих событий было обращено больше внимания. Конечно, на последнее. Но ведь без первых двух событий третье попросту не могло бы случиться. Так что на естественную историческую память влияет много факторов. И если заинтересованные лица стараются подавить её, заменив контролируемой исторической памятью, они начинают это делать от более древних событий. Так, например, в Белоруссии происходит с Отечественными войнами. Попытки заблокировать естественную историческую память о событиях Великой Отечественной войны обречены на неудачу, поэтому действие начина-

ется издали — замена представлений об Отечественной войне 1812 г.¹ Если отменить одну Отечественную войну, создав иную, контролируемую историческую память, можно в будущем братья и за другую — за Великую Отечественную. Механизм отрицания в обоих случаях идентичен. Опять же, я отдаю себе отчёт в том, что историческая память, будь то естественная или контролируемая, является определённой мифологической конструкцией. Только с одним различием. Миф, лежащий в основании естественной исторической памяти, есть целостное представление о событии, конструкция, которая опирается в основном на удобные для неё, но при этом реальные, подтверждаемые факты. А вот миф, лежащий в основе контролируемой исторической памяти, использует реальные, подтверждаемые факты далеко не всегда, скорее, он творчески интерпретирует их для того, чтобы создать целостное представление.

Контролируемая сверху историческая память — вещь достаточно интересная и сама по себе заслуживающая отдельного исследования. Ещё одна интересная сфера — это практическое применение контролируемой исторической памяти, трансформируемое в зависимости от изменений режимов, правителей или политического строя. Проследить такое применение можно на разных примерах — на отношении к событиям Первой мировой войны в советское время, к событиям гражданской войны в России в период «перестройки» и т. д. Но есть события, которые контролируемая историческая память особенно жалуется. Это явления, произошедшие на периферии Российской империи в период её существования. Контролируемая историческая память по отношению к ним формировалась локальными национализмами, которые частично были использованы советской властью на «национальных окраинах» в качестве национальной элиты молодых советских республик. Сами эти национализмы, за исключением, пожалуй, польского и финского, не представляли собой какого-то сильного общественного движения, являясь «маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций»² и, соответственно, не могли претендовать на за-

¹ Анализ современного состояния представлений о 1812 г. см.: Гронский А. Д. Переформатирование Отечественной войны 1812 г.: белорусский опыт // Идеологические аспекты военной безопасности. — 2012. — № 3. — С. 39–45.

² Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. май—июнь. — С. 34.

явления от имени «своего» народа, но, тем не менее, делали это. До революций 1917 г. локальные национализмы не могли повлиять на контроль над исторической памятью по причине отсутствия влияния на массы. Но после того, как дореволюционные национализмы получили представительство в советских органах власти, они также получили возможность создавать контролируруемую историческую память и распространять её в массах. Часть представителей этих первых советских элит к концу 30-х гг. была репрессирована, но историческая память, которую они попытались предложить как национальную, стала эксплуатироваться пришедшими им на смену новыми элитами. После распада СССР национальные элиты новых локальных государств стали искать «борцов за независимость» в прошлом. На место этих борцов очень хорошо подошли деятели ранних локальных национализмов, которых возвели в ранг национальных героев, естественно, возродив все национальные мифы, с которых когда-то начинались их национализмы. И контролируемая историческая память осталась такой же, только чуть сместив акценты из области классово-социальной в национально-освободительную.

Правда, для того, чтобы контролируемая историческая память подменила собой естественную, нужно очень много поработать. Эта работа должна быть эффективной и высокопрофессиональной. Ведь если на заре любых изменений всевозможные инсинуации, одобренные национальной риторикой, воспринимаются восторженными массами как истина, то после эйфории от произошедших изменений общество становится более безразличным к странным заявлениям, а некоторая часть общества, не потерявшая способности к логическому мышлению, начинает критически относиться к прошлым заявлениям. Вот в этот период для элиты, стремящейся предложить контролируемую историческую память, нужен особый профессионализм и изворотливость в подаче материала, ведь простая, зачастую бессмысленная риторика, состоящая из лозунгов, за которыми ничего не было, уже не устраивает идеологически успокоившееся общество. Сейчас обществу нужна некая логическая конструкция, способная достаточно просто, на уровне упрощённой модели создать представление о прошлом. Контролируемая историческая память должна быть именно упрощённой. Ведь иначе, если её подача будет очень наукоёмкой, особо любопытствующие могут сами захотеть разобраться в перипетиях и хитросплетениях события и начнут читать источники, знание которых для контролируемой исторической памяти представляет определённую угрозу. А при

достаточно простом выстраивании фактуры всем всё якобы ясно, и у большинства вполне простая логика развития событий не вызовет желания поднять исторические источники по теме. Ведь и так всё ясно. Простую фактуру должны подтверждать цитаты из источников или из исследований, естественно, купированные. Если таких цитат мало или они отсутствуют, можно просто сослаться на авторитет, но не цитировать его. В итоге складывается впечатление, что этот авторитет именно так и думал. Это, например, произошло с академиком Е. Ф. Карским. Создатель белорусоведения как научной дисциплины, человек, считавший себя «природным белорусом», не мог, по мысли заинтересованных лиц, не верить в самостоятельность белорусского народа. Что и отражено, например, в школьных учебниках. Где прямо указано, что «основатель белорусского научного языковедения и литературоведения Евфимий Фёдорович Карский изначально рассматривал белорусскую общность как «ветвь русского народа», а белорусский язык — как «западнорусскую ветвь средне-русских говоров». Он считал, что обучение белорусскому языку не должно идти далее начальной школы, среднее, высшее образование и наука могут обеспечиваться через «общерусский язык». В дальнейшем Карский обосновал самобытность белорусов как самостоятельного славянского народа, осветил важнейшие этапы белорусского языка, его специфические особенности»³. Однако если же почитать собственно Карского, то такого впечатления не сложится. Академик Карский вплоть до своей смерти в 1931 г. не считал белорусов отдельным народом, а белорусскую речь — отдельным языком. Это можно проверить по его текстам, например по классическому трёхтомному труду «Белорусы»⁴, а также по отношению к нему белорусских писателей в 20-х гг. XX в.⁵ Миф о том, что Е. Ф. Карский доказал самостоятельность как

³ Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В. Гісторыя беларусі, канец XVIII — пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9-га кл. устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. — 2-е выд., дап. і перагледж. — Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2011. С. 88.

⁴ Карский Е. Ф. Белорусы. В 3 т. Т. 1. — Минск: БелЭн, 2006. — С. 38, 41, 340, 357; Там же. Т. 3. Кн. 2. — Минск, 2007. — С. 374, 382 и т. д. При внимательном прочтении работ Карского можно найти множество указаний на то, как он относился к идее самостоятельности белорусского народа и белорусского языка.

⁵ См. например, Беларусизация, 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. / Уклад. У. К. Коршук, Р. П. Плагонаў, І. Ф. Раманоўскі, Я. С. Фалей; Пад рэд. Р. П. Платонава і У. К. Коршука. — Мінск: БДУ, 2001. С. 245.

белорусского народа, так и белорусского языка до сих пор сохраняется даже в исследовательской среде⁶.

Таким образом, борьба за контроль над исторической памятью, в принципе, всегда существует. Но в отдельные периоды эта борьба обостряется, поскольку выход исторической памяти из-под контроля элиты может негативно сказаться на устойчивости элиты, на отношении массы к ней. Именно поэтому частная историческая память отдельных групп расширяется до общенациональной⁷, иначе некоторые элиты не смогут удержать у власти и вынуждены будут опять стать отдельной группой, лишь претендующей на заявления от имени всех.

Контролируемая историческая память о восстании 1863–1864 гг. в Белоруссии

В Белоруссии одним из событий, по отношению к которому естественная историческая память практически (или вообще) исчезла, а контролируемая так и не сформировалась как эффективный механизм нациестроительства и национальной мобилизации, является польское восстание 1863–1864 гг. и его подавление. Уже акцент на названии события говорит о многом. Если в Польше оно называется Январским, то там всё понятно: восстание началось в январе. То, что оно польское, для поляков само собой разумеется. А вот в Белоруссии встречаются разные названия — восстание 1863–1864 гг., польское восстание, восстание в Польше, Литве и Белоруссии и даже восстание Кастуся Калиновского.

⁶ Сувалаў А. М. Праблема этнагенезу беларусаў у гістарыяграфіі канца XVIII — пачатку XX ст. Аўтарэферат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук па спецыяльнасці 07.00.09 — гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання. — Мінск: БДПУ, 2011. С. 6. Автор пишет: «Согласно концепции Е. Ф. Карского, белорусы признавались третьим самостоятельным восточнославянским народом». Сам же Карский говорил только о белорусской народности как части русского народа.

⁷ В разговоре с одним молодым коллегой в конце 2012 г. мне удалось услышать, что Отечественная война 1812 г. не является Отечественной для белорусов, потому что его предки (не всех белорусов, а именно его предки) воевали на стороне Наполеона. Он так и сказал, «объективная история изучается по истории своего рода». То, что один человек может мыслить другими категориями, которые в то время были непопулярны в обществе, он просто не признавал. Не смог он объяснить и то, как относиться к «объективным историям» других семей, если они не будут совпадать с его историей.

По поводу последнего названия можно сказать лишь то, что оно самое некорректное из перечисленных. Ведь Калиновского, во-первых, звали не Кастусь, а Викентий Константин (если по паспорту). В мирной жизни к нему обращались Викентий или Винцент (если по-польски), а во время восстания он подписывался именем Константы, что по-польски означает Константин. Кастусём Калиновский себя не называл никогда, да и никто его так не называл при его жизни; а во-вторых, Калиновский не был лидером восстания, чтобы оно получило его имя. Калиновский был руководителем лишь части повстанцев, действовавших на территории не всего распространения восстания, а только в Северо-Западном крае, да и к тому же Калиновский руководил повстанцами края даже не на всём протяжении восстания, а с января по март 1863 г., а потом с лета 1863 г. и до конца восстания. Но это была лишь формальность, т. к. более-менее активные боевые действия закончились уже в начале лета 1863 г. Всё же остальное время Калиновский был лишь номинальным лидером повстанцев в крае.

Использование названий «польское восстание» или «восстание на территории Польши, Литвы и Белоруссии» (иногда к этому географическому перечню добавляют Украину) указывает лишь на одно — готовы или не готовы члены общества признать то, что идеология повстанцев была польской, т. е. направленной на возрождение польского государства, но никак не белорусского, литовского или какого-нибудь другого. В отношении споров о названии приведу один пример из собственной практики. В 2012 г. в одной из бесед с коллегами я назвал события 1863–1864 гг. польским восстанием, пожилой профессор возразил мне, сказав, что это восстание на территории Польши, Литвы и Белоруссии. И тут же объяснил разницу в смысловой нагрузке. Оказывается, термин «польское восстание» автоматически отсылает воспринимающих его к тому, что повстанцы сражались не «за вашу и нашу свободу», как некоторым хотелось бы, а всего лишь решали конкретную проблему — проблему восстановления Польши в границах 1772 г. Если же используется обозначение «восстание на территории Польши, Литвы и Белоруссии», тогда сразу же появляется возможность додумать некоторые аспекты восстания. Например, если восстание было на территории Белоруссии, значит, в нём участвовали белорусы, которые боролись за белорусскую независимость. Это автоматически приводит к шаблонному представлению о том, что белорусы постоянно практиковали национально-освободительную борьбу против любого

гнёта. Такие утверждения можно часто слышать от студентов. Если же предложить им конкретизировать заявления, приведя примеры борьбы белорусов за своё национальное самоопределение, тогда можно услышать, что и борьба с монгольским нашествием, и участие полоцких дружинников на стороне Александра Невского в сражениях с крестоносцами, и восстание 1794 г. под руководством А. Т. Б. Костюшко, и восстание 1830–1831 гг., как и восстание 1863–1864 гг. — это всё проявления борьбы белорусов за свою самостоятельность. Но во времена монгольского нашествия и Александра Невского сложно говорить о белорусах как об этносе, т. е. это не могло быть борьбой белорусского народа, поскольку народа ещё не существовало. А восстания 1794, 1830–1831 и 1863–1864 гг. все как одно были направлены на сохранение или возрождение польского государства. В общем, если вернуться к упомянутой мной выше беседе с коллегой, я спросил у него, почему же, например, русско-японская война называется именно русско-японской, а не войной на территории Кореи, Китая и в прилегающих морях? На что мне ответили длинными рассуждениями, суть которых сводилась к следующему: ни русско-японская война, ни война на территории Кореи и Китая и т. д. не оказывают влияния на белорусскую гордость, поэтому могут называться как угодно, а вот если говорить «польское восстание» вместо «восстание на территории Польши, Литвы и Белоруссии», тогда потеряется гордость за то, что наши предки воевали за свою свободу. Естественно, против России. Кстати, название «восстание на территории Польши, Литвы и Белоруссии» немного некорректно с точки зрения того, что оно было ещё и на части территории современной Украины.

Название «восстание 1863–1864 гг.» в принципе нейтрально относительно всех идеологических взглядов. Но, видимо, именно поэтому его не хотят использовать как основное. Причина, по-моему, ясна: слишком эмоциональным и мифологизированным являются события той поры, слишком многие представители белорусского общества используют старые штампы о белорусском следе в восстании, чтобы отказаться от акцентирования внимания на том, что оно проходило также и на территории Белоруссии. Их оппоненты, понимая, что отсутствие в названии события указания на цели повстанцев влечёт за собой поддержание искусственно созданной интеллектуальной конструкции, также не готовы использовать термин «восстание 1863–1864 гг.». Это вопрос принципиальный для выяснения исторической истины. Вообще, если провести аналогию, то подчёркивание того, каким

было это восстание, польским или на территории Польши, Литвы и Белоруссии, сходно с употреблением по отношению к людям одной и той же профессии, но «нашим» и «не нашим» обозначения «разведчик» или «шпион».

Так что самыми корректными в отношении названия можно признать «польское восстание 1863–1864 гг.» или просто «восстание 1863–1864 гг.», но во втором случае нет отсылки к хоть какому-нибудь определению смысла восстания. Поэтому, по-моему, самым корректным из перечисленных всё же является термин «польское восстание».

Современное белорусское общество почему-то стесняется артикулировать своё отношение к Российской империи, если только оно не отрицательное. Критику империи можно встретить часто, а вот заявления о том, что подавление восстания 1863–1864 гг. дало возможность в будущем развиваться белорусскому национализму, ставшему базой для формирования комплекса национальных идей и кузницей кадров для национальной элиты раннего периода советской власти, почему-то не слишком звучат. Естественно, что официальная имперская администрация не пестовала белорусские национальные идеи, но она и не запрещала их функционирование, поскольку частично видело в них некий противовес широкому польскому влиянию, которое как раз представлялось для российской элиты более опасным. Опять же, вспомним утверждение В. А. Тишкова о том, что только польский и финский национализмы в Российской империи представляли собой не культурные манифестации небольших организаций, берущих на себя без спроса право голоса от имени больших социокультурных групп, а вполне сформированные движения⁸. Практика деполонизации Северо-Западного края была борьбой с польским влиянием, но никак не с белорусскими проявлениями. Поэтому вполне понятно, почему эта имперская практика критиковалась и критикуется польской стороной, но против белорусов как белорусов эта практика не применялась. Таким образом, участвуя в боях с повстанцами, солдаты и офицеры русской армии косвенно, не подозревая об этом, готовили почву к тому, чтобы в недалёком будущем стало возможно зарождение белорусского национализма как явления. Т. е. подавление восстания сыграло в появлении белорусского проекта определённую роль, причём нужно понимать, это происходило случайно, и никто из россий-

⁸ Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. май—июнь. — С. 34.

ской элиты не стремился создать новую белорусскую идентичность как явление, претендующее на сепаратизм. Белорусский национализм не так однозначен, как кажется. Ведь большинство ранних белорусских националистов были католиками, т. е. изначально воспитывались как поляки и лишь потом частично или полностью поменяли польскую идентичность на белорусскую. Однако речь сейчас не об этом⁹. Речь о том, что современная Белоруссия была бы неосуществимым проектом без подавления польского восстания 1863–1864 гг. Так почему же белорусам не чтить память погибших при восстановлении, замечу, законности и порядка, который повстанцы, кстати, нарушали. Почему современные белорусы видят события 60-х гг. XIX в. только с точки зрения повстанцев, то есть с точки зрения желающих возрождения Польши, а не с точки зрения администрации или обычных крестьян, которых было в крае подавляющее большинство? Ведь от повстанцев в первую очередь страдала не русская армия, а именно мирное население¹⁰.

Публикация списков погибших русских солдат как возрождение естественной исторической памяти

Потери русских войск за всё время восстания на всём театре военных действий составляют не более 4,5 тыс. человек. Причём 3 343 из вышеозначенных приходятся на Царство Польское. Нужно учитывать, что эти цифры — общие потери, т. е. в них учтены и раненые, которые позже вернулись в строй. Всего же в Царстве Польском было 826 убитых, 2 169 раненых и 348 без

⁹ В качестве анализа состояния белорусского национализма дореволюционного периода см.: Гронский А. Д. Проблема белорусского национализма в начале XX в. // Управление общественными и экономическими системами [Электронный ресурс]: многопредмет. науч. журн. — 2008. № 1. Орёл: ОрёлГТУ. С. 1–32. // www.bali.ostu.ru/umc/arhiv/2008/1/gronskiy.pdf

¹⁰ О жертвах среди мирного населения от рук повстанцев, например, см.: Щеглов Г. Э. 1863-й. Забытые страницы. — Минск: ВРАТА, 2013. — 128 с.; Хурсік В. У. Трагедыя белай гвардыі. Беларускія дваране ў паўстанні 1863–1864 гг. Гістарычны нарыс і спісы. — Минск: Пейто, 2002. — С. 10: Архивные материалы муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. В 2 ч. Ч. 1. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1-го января 1862 г. по май 1863 г. / Сост. А. И. Миловидов. — Вильна: Губернская типография, 1913. — С. 427.

вести пропавших¹¹. Если учесть, что в Царстве Польском бои были более серьёзными и, соответственно, потерь было больше, тогда безвозвратных потерь на территории Северо-Западного и Юго-Западного края было меньше. Соответственно, можно предполагать, что погибших в этих регионах также было меньше. Но сколько точно русских солдат погибло в Северо-Западном крае, остаётся неизвестным.

Фамилии погибших солдат и офицеров, восстанавливавших законность в Северо-Западном крае в 1863–1864 гг., были выбиты на 7 мраморных досках, расположенных в Александро-Невской часовне, заложенной в Вильне в 1863 г. в присутствии Н. М. Муравьёва и освящённой в 1865 г. уже при преемнике Муравьёва — генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане. Часовня находилась в сквере на Георгиевском проспекте, поэтому иногда её называют Георгиевской¹². Строителем часовни был известный в Вильне архитектор Н. М. Чагин, автором проекта — профессор Императорской академии художеств А. И. Резанов. Сооружена часовня на добровольные пожертвования¹³. «Каждая грань стены устроена в виде ниш, опоясанных аркою в колоннах, вылитых из цемента. В глубине ниш вделаны мраморные доски вышиною 4½ ар[шина] и шириною 2 ар[шина] с высеченными на них именами офицеров и солдат, убитых в 1863 г. во время мятежа»¹⁴. Как указывалось в польском путеводителе 1937 г., на часовне были «провокационные надписи»¹⁵. С точки зрения поляков, это, наверное, так. Часовня стала тем, что можно назвать местом памяти. Видимо, такая память кого-то не устраивала, так как вечером 3 марта 1904 г. часовню пытались взорвать. К счастью, были повреждены лишь «дверь, часть лепных работ, мраморного карниза и пола, в окнах выбиты

¹¹ К. Д. [Дуроп К. Н.] Польское восстание 1863–64 г. // Энциклопедия военных и морских наук. Т. 6. Под ред. ген.-лейт. Леера. — СПб.: Типография В. Биберакова и комп., 1893. — С. 105; Польское восстание 1863 г. // Военная энциклопедия. В 18 т. Т. 18. Под ред. К. И. Величко. — П.: Товарищество И. Д. Сытина, 1915. — С. 571–572.

¹² Архивные материалы муравьёвского музея. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 г. по 7 января 1864 г. — Вильна: Губернская типография, 1915. — С. LI.

¹³ Виноградов А. А. Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям. В 2 ч. Ч. 1. — Вильна: Типография штаба Виленского военного округа, 1904. — С. 114.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Klos J. Wilno. Przewodnik krajoznawczy. Wydanie trzecie poprawione po zgonie autora. — Wilno: Wydawnictwo Wileńskiego oddziału Polskiego Towarzystwa Turystyczno-krajoznawczego, 1937. — С. 255.

стёкла. Иконы и некоторые надписи остались целы»¹⁶. Генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский обратился к общественности с просьбой оказать финансовую помощь делу восстановления часовни. В течение двух недель было собрано свыше 2 тысяч рублей. В августе 1904 г. восстановительные работы были закончены и часовня снова была освящена. В сборе денег участвовали «местное русское общество», то есть православные Северо-Западного края, и даже ряд людей, исповедовавших иные веры. Кроме того, в сборе денег активное участие приняли полки, которые в период польского восстания 1863–1864 гг. находились на территории Северо-Западного края, и для которых часовня являлась памятником их погибшим сослуживцам. После восстановления часовни её староста С. П. Белецкий предложил установить еженедельное служение в часовни молебнов и панихид. Это предложение нашло поддержку у церковного руководства и было установлено с благословения виленского архиепископа Никандра¹⁷. Однако часовня не сохранилась до нашего времени, не пережив бурные годы революции и гражданской войны. В 1919 г. её разрушили большевики. Разрушили так, что посреди площади остался только фундамент. Позже, в 1928 г., на её месте сделали фонтан, примечательный тем, что никогда не работал¹⁸. После Великой Отечественной войны на месте бывшей часовни и бывшего неработающего фонтана по просьбе правительства Литовской ССР был похоронен генерал И. Д. Черняховский, а над его могилой поставлен памятник, вскоре заменённый другим. И место опять стало местом памяти, посвящённым защитникам Родины. Но в 1993 г. памятник Черняховскому был демонтирован и вывезен за город. Его тайком переправили в Воронеж, где его вскоре заново открыли¹⁹. А прах генерала был перевезён в Москву и захоронен на Новодевичьем кладбище ещё в 1991 г. Сейчас в Вильнюсе на этом месте находится памятник Винцасу Кудирке — автору литовского гимна²⁰.

¹⁶ Виноградов А. А. Указ. соч. С. 116.

¹⁷ Виноградов А. А. Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям. С 50 рисунками и новейшим планом, составленным по Высочайше подтвержденному. В 2 ч. 2-е изд. — Вильна. Типография штаба Виленского военного округа. 1904. С. 116.

¹⁸ Klos J. Ibid.

¹⁹ Памятник Черняховскому похитили из Вильнюса // Сайт газеты «Комсомольская правда». // <http://vrn.kp.ru/daily/23896.4/169241/>

²⁰ Очень кратко, но с фотографиями, историю этого места можно проследить в одной из записей живого журнала szhaman'a. См.: szhaman. Тут дольше века длится день... // <http://szhaman.livejournal.com/172986.html>

Часовня до настоящего времени не сохранилась, не сохранились и мраморные доски с фамилиями русских солдат и офицеров. Однако во второй части «Архивных материалов муравьёвского музея», изданной в виленской губернской типографии в 1915 г., А. И. Миловидовым опубликован список погибших, списанный со стен часовни²¹, «ввиду того, что этот список нигде не напечатан и не сохранилось даже полного синодика для поминовения этих защитников отечества, то мы приводим его полностью»²² — писал Миловидов. Видимо, эта перепечатка и сохранила фамилии погибших солдат для потомков²³. По каким-то причинам в списке Александро-Невской часовни отсутствовали фамилии некоторых солдат, погибших во время восстания. Так, в списках не отразились фамилии 9 нижних чинов летучего № 2 парка (ночное нападение повстанцев 11 января (ст. ст.) 1863 г. в местечке Кодно Гродненской губ.)²⁴, 12 солдат Горы-Горецкой инвалидной команды (ночное нападение 250 повстанцев на 20 русских солдат в Горы-Горках Могилёвской губ. 23 апреля (ст. ст.) 1863 г.)²⁵, 1-го солдата Могилёвского полка (бой возле имения Погостица Могилёвской губ. 25 апреля (ст. ст.) 1863 г.)²⁶, 4-х солдат Александровского полка (бой у местечка Словены Сенненского уезда Могилёвской губ. 24 апреля (ст. ст.) 1863 г.)²⁷ и 1-го солдата Смоленского полка (бой в лесу при дер. Язвы Быховского уезда Могилёвской губ.)²⁸. Причём фамилия погибшего рядового Могилёвского полка была известна — Гриценко²⁹. Видимо, сведения о фамилиях некоторых погибших не были представлены тогда, когда формировались списки, отражённые на досках часовни. Также в списках отсутствуют некоторые фамилии погибших солдат из тех полков, которые упомянуты на стенах часовни, но сведения о них содержатся в так называемых полковых историях. Полковые истории писа-

²¹ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

²² Там же. С. LI–LII.

²³ Упомянутый список изначально был подготовлен для научно-просветительского интернет-портала «Западная Русь», где и опубликован. См.: Список русских солдат и офицеров, погибших в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края Российской империи // <http://zapadrus.su/bibli/arhbib/85-spisok-pogibshih-russkih-soldat-v-1863.html>

²⁴ Там же. С. XXXIX.

²⁵ Там же. С. XLIX.

²⁶ Там же. С. L.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

лись в разное время. Они не имеют определённой классической структуры и определённого стиля изложения. Именно поэтому некоторые полковые истории оказываются достаточно информативны, а некоторые — нет.

Лейб-гвардии Павловский полк потерял, судя по спискам на стенах Александро-Невской часовни, 22 человека³⁰. В полковой истории³¹ достаточно подробно рассказывается о действиях полка в 1863 г. Этому посвящены 4 главы³². Хотя общего количество убитых и умерших от ран полковая история не указывает. Не всегда указываются фамилии погибших, даже если о жертвах и упоминается. В частности, в полковой истории сказано, что во время одного из боёв погибли 2 нижних чина³³, в другом — убито 7 нижних чинов³⁴, в третьем — убит один рядовой³⁵, в четвёртом — ещё 1 нижний чин³⁶. Если сравнивать фамилии и причины смерти нижних чинов, фамилии которых указаны в полковой истории, и проверять соответствия со списками на стенах Александро-Невской часовни, то можно обнаружить неточности. Так, рядовой Сафронов, который в списках обозначен погибшим, по полковой истории умер от ран³⁷. Рядовой Матвеев как по спискам, так и по полковой истории был убит в бою, а вот погибший в том же бою рядовой Паньков³⁸ в списках на стенах часовни, видимо, ошибочно был указан как Павлов. Дело в том, что в списках, списанных со стен часовни и напечатанных у Миловидова, среди погибших павловцев указаны два Ивана Павлова, оба рядовые, и оба убиты³⁹. Скорее всего, один из них — это Паньков.

В Павловском полку был также убит один офицер по фамилии Арбузов⁴⁰. В списках он указан как поручик⁴¹. Однако в описании боёв Арбузов указан в некоторых случаях как поручик⁴², в некото-

³⁰ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

³¹ Воронов П., Вутовский В. История Лейб-гвардии Павловского полка. — СПб.: Типография М. Этингера, 1875. — 474 с. + Приложение I — 109 с. + Приложения II–IV. — VIII с.

³² Там же. С. 405–455.

³³ Там же. С. 427.

³⁴ Там же. С. 434.

³⁵ Там же. С. 437.

³⁶ Там же. С. 445.

³⁷ Там же. С. 421.

³⁸ Там же. С. 415.

³⁹ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

⁴⁰ Воронов П., Вутовский В. Указ. соч. С. 434.

⁴¹ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

⁴² Воронов П., Вутовский В. Указ. соч. С. 430.

рых — как подпоручик⁴³, а в некоторых — просто по фамилии без указания чина⁴⁴. В каком же чине был Арбузов на момент гибели, остаётся неясным. Чаще о нём говорится как о подпоручике. Не вносят ясность и приложения. Так, в одном из приложений, в котором собраны сведения обо всех офицерах Павловского полка со времени основания и до момента написания полковой истории⁴⁵, есть упоминания о двух Арбузовых, служивших в полку в одно и то же время. Под номером 332 значится Фёдор Алексеевич Арбузов, произведённый в 1856 г. в прапорщики из портупей прапорщиков и уволенный «от службы по домашн [им] обстоятельствам» 2 апреля 1865 г. в чине поручика⁴⁶. Т. е. на момент 1863 г. этот Арбузов вполне мог быть поручиком. Второй Арбузов упомянут в этом же списке под номером 356. С предыдущим однофамильцем у него совпадает и отчество, только имя данного Арбузова Всеволод. Это как раз тот Арбузов, который погиб в 1863 г., поскольку в приложении указано, что он был произведён в прапорщики из подпрапорщиков в 1858 г. и «в чине поручика 6 июня 1863 г. исключён убитым в деле с польскими мятежниками»⁴⁷. Тут он тоже называется поручиком, как и в другом приложении этой книги: «Поручик Арбузов 2-й убит 19-го мая 1863 года в деле с польскими мятежниками при р. Шингутис»⁴⁸. Поэтому остаётся непонятным, какой же чин имел Всеволод Арбузов на момент своей гибели.

Лейб-гвардии Финляндский полк потерял за всю кампанию 1863 г., судя по полковой истории, 16 человек нижних чинов убитыми и умершими от ран⁴⁹. К сожалению, хотя истории участия полка в подавлении польского восстания посвящено 3 главы, фамилии погибших в книге не указаны, поэтому по полковой истории невозможно уточнить корректность их написания на стенах часовни. На стенах часовни почему-то отразилось только 15 фа-

⁴³ Там же. С. 429, 432, 434.

⁴⁴ Там же. С. 432, 434 (в последнем случае без чина Арбузов упоминается дважды).

⁴⁵ Приложение I. Список гг. генералов, штаб и обер-офицеров Павловского полка. С 21-го ноября 1796 года по 31-е августа 1875 года // Воронов П., Вутовский В. Указ. соч. — С. 1–109 (приложение I).

⁴⁶ Там же. С. 92.

⁴⁷ Там же. С. 95.

⁴⁸ Приложение IV. Список гг. офицеров Павловского полка в сражениях убитых или умерших от ран // Воронов П., Вутовский В. Указ. соч. — С. VIII.

⁴⁹ Гулевич С. История Лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906 гг. В 4 ч. Ч. 3. 1855–1881 гг. — СПб., 1906. — С. 113–114.

милий погибших финляндцев⁵⁰, т. е. фамилия ещё одного солдата пока остаётся неизвестной.

Лейб-гвардии стрелковый батальон Императорской фамилии потерял в боях 1863 г. 3 человека⁵¹. В полковой истории зафиксирована смерть только двоих — рядовых Степана Иванова и Павла Сизова⁵². О гибели унтер-офицера Самсона Михалёва в истории батальона не сообщается.

В Великолуцком пехотном полку погибших было относительно много. В полковой истории указано, что приказы по полку за 1863 г. содержат лишь сведения о погибших и раненых, а также наградные списки⁵³. Поэтому можно предположить, что упоминание фамилий погибших в этом случае будет более подробным. И на самом деле в полковой истории перечислены погибшие и умершие от ран. Их 30 человек⁵⁴. В списках на стенах часовни указано, что в Великолуцком полку погибли 32 человека⁵⁵. Причём большая часть фамилий и чинов в списках полковой истории и списках часовни совпадают, однако есть и различия. Порой достаточно легко решить, в каком случае сведения более точны, иногда это бывает сделать сложно. В частности, не представляется возможным соотнести в списках двух человек — горниста Харитона Хруля и рядового Петра Нергейна. О них скажу чуть позже. Что касается остальных погибших, то двое из них обозначены в списках часовни рядовыми, а в полковой истории — унтер-офицерами (Галкин и Горбачёв), причём причиной их смерти по спискам часовни указана смерть от ран, а в полковой истории указано, что они убиты. Ещё три человека в списках часовни числятся убитыми, а в полковой истории — умершими от ран. Интересно расхождение с нижним чином, который в списках часовни обозначен как унтер-офицер Александр Забышев, а в полковой истории — как рядовой Александр Забищев. В данном случае более корректное написание фамилии, наверное, будет в полковой истории, поскольку, видимо, когда списки погибших переносили на плиты часовни, не всегда точно прочитывали фамилии. Отсюда, похоже, и расхождение, порой значительное, в написании фамилий. Так же, возможно, что

⁵⁰ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

⁵¹ Там же.

⁵² Богданович Е. История 4-го лейб-гвардии стрелкового Императорской Фамилии батальона. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1881. — 86.

⁵³ Краткая история 12-го пехотного Великолуцкого полка. — М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левензон, 1911. — С. 37.

⁵⁴ Там же. С. 38–39.

⁵⁵ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

при переписывании фамилий с плит часовни для сборника Миловичева тоже могли закрасться ошибки. Поэтому, видимо, вместо рядового Степана Берещука, который указан в списках часовни, следует видеть рядового Степана Шеритюха. Вместо рядового Андрея Горошко, скорее всего, следует указать Антона Горемыкина. Вместо рядового Семёна Минкевича — Семёна Минаева, вместо рядового Леона Пашкула — Леона Пукиля, вместо рядового Юрия Судоровича — Юрия Сидорова, вместо рядового Андрея Ульяна — Андрея Ульяна, вместо рядового Терентия Ханшина — Терентия Хополина. Также есть более мелкие различия так, если в списках часовни указан рядовой Андрей Несель, то в полковой истории — Андрей Нессель, в списках часовни — Викентий Годель, а в полковой истории — Викентий Гадаль, в часовне — Эмельян Кулачёв, в полковой истории — Емельян Каучёв, в часовне — Иузефат Максимович, в полковой истории — Езуфат Максимов, в часовне — Осип Станчук, а в полковой истории — Осип Останчук, в часовне — Флориан Скорлубович, а в полковой истории — Флориан Скорлупович. Также у рядового Силеневича в одном случае имя пишется как Викентий, а другом — Вицентий⁵⁶. Несмотря на то, что в полковой истории Силеневич назван Вицентием, думаю, что в данном случае имя, указанное в списках часовни, более корректно. Ещё об одном погибшем великолукце сведения можно найти не в его полковой истории, а в истории Новоингерманландского пехотного полка⁵⁷. В частности, описывая один из боёв смешанного отряда, состоявшего из подразделений Новоингерманландского и Великолуцкого пехотных полков, полковник Пирожников указывает, что с русской стороны был убит один казак и ранен горнист, который вскоре скончался⁵⁸. Видимо, речь идёт о солдате именно Великолуцкого полка.

Новоингерманландский пехотный полк действовал часто в одних отрядах с Великолуцким. Так, в одном из боёв объединённого отряда солдат этих полков с повстанцами было убито 7 нижних чинов, в том числе один новоингерманландец Алексей Петров⁵⁹. Позже, в другом бою, погибли Адам Югапов и Агафон Асовский, а рядовые Сергей Власов, Матвей Афанасенко и Никифор Поз-

⁵⁶ Все сравнения проведены по: Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LI–LIV. и Краткая история 12-го пехотного Великолуцкого полка. — С. 38–39.

⁵⁷ Пирожников. История 10-го пехотного Новоингерманландского пехотного полка. — Тула: Электротечтания и типография И. Д. Фортунатова, 1913.

⁵⁸ Там же. С. 290.

⁵⁹ Там же. С. 291.

няков умерли от ран⁶⁰. На стенах часовни и в книге Миловидова Адам Югапов обозначен как Юганов, Агафон Асовский — как Ассовский, Никифор Поздняков — как Иван Поздняков, Матвей Афанасенко — как Афанасьев. Кроме того, Власов, Поздняков и Афанасьев, т. е. Афанасенко, указаны умершими от ран, а не убитыми⁶¹.

Пермский пехотный полк имел небольшие потери по причине того, что «в делах с повстанцами полк почти не участвовал»⁶². В мае 1863 г. одна из рот обыскивала лес. Было уже почти темно, когда из повстанческой засады в упор было сделано несколько выстрелов. Ими был убит рядовой Клементий Быков и смертельно ранен унтер-офицер Илья Игнатьев⁶³. Причём в списках на стенах часовни присутствует только фамилия рядового.

Троицкий пехотный полк был образован лишь 13 августа 1863 г. из Костромского резервного полка⁶⁴, который, в свою очередь, был сформирован на основе 4-го резервного батальона Костромского пехотного полка 6 апреля 1863 г.⁶⁵ Именно как Костромской резервный полк данная часть начала боевые действия в Северо-Западном крае. В одном из боёв был убит рядовой Егор Мойсеев и ранен рядовой Дмитрий Герасимов⁶⁶. В списках часовни значатся обе фамилии (Мойсеев на стенах часовни значился как Моисеев⁶⁷), причём указано, что Герасимов умер от ран, чего не говорится в полковой истории⁶⁸. Ещё один умерший от ран рядовой Михаил Жуков⁶⁹ в списках на стенах часовни не значится. Причём первые две жертвы — Мойсеев и Герасимов — были ещё солдатами Костромского резервного полка, а Жуков служил уже в Троицком полку.

Донской № 5 казачий полк начал боевые действия на границе Царства Польского и Северо-Западного края. С течением времени полк был сосредоточен на территории Северо-Западного края,

⁶⁰ Там же. С. 292.

⁶¹ Сравнение проведено по: Пирожников. Указ. соч. С. 291–192 и Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

⁶² Вашрушев М. Н. История 101-го пехотного Пермского полка. 1788–1897. С приложением портретов, рисунков, карт и планов. — СПб.: Типография Е. А. Евдокимова. — С. 175.

⁶³ Там же. С. 176.

⁶⁴ Кодянковский. Материалы для истории 107-го Троицкого пехотного полка. — Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1875. — С. 27.

⁶⁵ Там же. С. 12.

⁶⁶ Там же. С. 18.

⁶⁷ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Кодянковский. Указ. соч. — С. 25–26.

где посотенно и полусотенно распределён по различным отрядам русской армии. По «Истории 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка» за всю кампанию полк потерял 6 человек. Ими были есаул Андрей Пруссаков и казаки Иван Блудилин, Никита Персианов, Филипп Бирючин, Иосиф Фокин и Василий Евтерев⁷⁰. Фамилия есаула Пруссакова обозначена и в списках часовни, правда, с одной буквой «с», а вот остальные фамилии не указаны. Вместо них среди погибших 5-го Донского казачьего полка указан только Никифор Моисеев⁷¹, который не упоминается в полковой истории. В списках на стенах часовни указаны три казака 6-го Донского казачьего полка: Аким Сулаков, Архип Тиминин и Трофим Чумаков, но в полковой истории 5-го казачьего полка упоминаются умершие от ран урядник, а не казак Трофим Чумаков, а также казаки Аким Сулацков, а не Сулаков и Архип Типилин, а не Тиминин⁷².

Кроме того, в этой же полковой истории находится упоминание ещё об одной жертве — капитане Ревельского полка Керсновском. Он не погиб в бою и не умер от ран — он застрелился на следующий день после неудачного боя, будучи в нём раненым. Полковая история 5-го Донского казачьего полка рассказывает о последнем бое капитана Керсновского следующее. 15 мая 1863 г. отряд Керсновского в составе 127 солдат Ревельского пехотного полка и 38 казаков Донского казачьего № 5 полка вышел из г. Кобрин на поиск повстанческих формирований. Примерно в 5 верстах от с. Горки Керсновский столкнулся с польским отрядом, вчетверо превосходящим русские силы и находящимся на подготовленных к бою позициях. Во время боя были ранены капитан Керсновский, ещё один офицер-ревелец и командовавший казаками юнкер. Т. е., по-видимому, ранены были все офицеры отряда. Керсновский решил отходить. По выходе из боя оказалось, что, кроме уже упомянутых, ранеными оказались 14 солдат и 3 казака, а 1 казак был убит. Количество убитых и раненых повстанцев осталось для русских неизвестным, т. к. поле боя осталось за поляками. На следующий день раненый капитан Керсновский застрелился⁷³. Было ли это связано с отступлением или нашлись другие причины, непонятно.

⁷⁰ Пузанов В. В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. 1812–1912. — СПб.: Типо-литография С. П. Феокритова, 1913. — С. 509.

⁷¹ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LII–LIV.

⁷² Пузанов В. В. Указ. соч. С. 509.

⁷³ Там же. С. 503–504.

Мне были доступны не все полковые истории. Вполне возможно, что в историях других полков можно найти дополнительные сведения. Однако вряд ли эта информация даст возможность составить полный мартиролог погибших в Северо-Западном крае в 1863 г. русских солдат. Для полного списка погибших необходима огромная работа в различных архивах России и ближнего зарубежья, а также анализ воспоминаний и сборников документов, посвящённых событиям польского восстания 1863–1864 гг. Публикуемый ниже список — это лишь небольшая дань памяти тем, кто погиб, выполняя свой долг по защите законности и порядка в Северо-Западном крае Российской империи. Хочется надеяться, что в будущем список будет уточнён и фамилии остальных солдат и офицеров станут известны.

Ниже приведена таблица, в которой перечислены фамилии погибших солдат и офицеров. Сначала в таблице даны те части и подразделения, упоминание о которых было на стенах Александровской часовни, а потом те, которые понесли потери, но в списках часовни отражены не были. Фамилии погибших солдат и офицеров распределены по воинским частям и подразделениям, а внутри них — по званиям или должностям. В отношении некоторых солдат указан не их чин, а должность — барабанщик, горнист и т. д. Оставлены особенности написания имён — в одних случаях Михайло, в других — Михаил, Эмельян, Кирило и т. д. В списках у офицеров указаны только фамилии без имён (если по полковым историям есть возможность установить имена офицеров, тогда они указываются), у нижних чинов — имена и фамилии. Также указана причина смерти — убит или умер от ран. На мраморных досках часовни и, соответственно, в «Архивных материалах муравьёвского музея» указаны только часть, к которой принадлежали погибшие, фамилия (для офицеров) или имя и фамилия (для нижних чинов), их звание или должность. В последнем столбце указано общее количество погибших в воинской части. Цифр, представленных в этом столбце, не было в списках на стенах часовни, это мои подсчёты. Они сделаны для того, чтобы легче было определить, какие из частей русской армии понесли наибольшие или наименьшие потери. Нужно учитывать, что по подсчётам А. И. Миловидова «всех полков, хотя и в неполном составе, было 69 [...] и 19 отдельных частей других родов оружия и вспомогательных войск [...]»⁷⁴, т. е. в сумме 88 частей и подразделений. В списке перечислено всего 56 частей и подразделе-

⁷⁴ Архивные материалы муравьёвского музея. — С. LI.

ний⁷⁵. Если учитывать, что все потери 6-го Донского казачьего полка на самом деле оказались потерями 5-го казачьего полка, тогда получается, что на самом деле на часовне указаны 55 части и подразделения. Ещё о 5 воинских формированиях известно, что они понесли потери, но их названия, как и фамилии служивших в них солдат, не отразились в списках на стенах часовни. Эти части и подразделения в таблице представлены отдельно. Т. е. известно о 60 частях и подразделениях, понёвших безвозвратные потери в период 1863–1864 гг. Можно предположить, что иные участвовавшие в подавлении восстания полки и другие части и подразделения русской армии потерь не понесли.

Списки для лучшего восприятия разбиты следующим образом: сначала перечислены гвардейские части, потом армейские — пехота, кавалерия (сначала регулярная, потом казачья), далее части и подразделения артиллерии, крепостного полка, пограничной и внутренней стражи, этапной и инвалидной команд. Отдельно перечислены части и подразделения, которые не упоминаются в списках на стенах часовни. В некоторых случаях в списках на стенах часовни и в информации, почерпнутой из полковых историй, фамилии и имена солдат не совпадают. В этом случае фамилия и имя представлены в двух вариантах. Вариант, который был зафиксирован на стенах часовни, представлен обычным шрифтом, вариант из других источников (главным образом из полковых историй) подаётся курсивом. То же относится к чинам и должностям, а также к уточнению того, убит ли солдат или умер от ран. Чтобы не перегружать таблицу сносками, все объяснения представлены выше. Также курсивом представлены фамилии погибших, которые не упомянуты в списках на стенах часовни, но части, в которых они служили, оказались упомянутыми. Видимо, в процессе подготовки списков для Александро-Невской часовни не все фамилии были учтены. Причины этого пока остаются неизвестными. Если существуют разночтения в фамилиях, именах, чинах или должностях, в таблице как основная информация даётся та, которая содержится в полковых историях, а не на досках часовни. Это сделано потому, что предположительно в части офицеры, составляющие рапорты, обладали более точной информацией о погибших сослуживцах и подчинённых. Люди, готовившие мраморные доски, могли ошибиться в прочтении фамилий, чинов и т. д. Именно на этом предположении основано предпочтение информации из полковых историй.

⁷⁵ Там же. С. LII–LIV.

Всего на стенах часовни указаны фамилии 409 солдат и офицеров русской армии, восстанавливавших порядок и законность в Северо-Западном крае в период 1863–1864 гг. Из них были уточнены фамилии, а в некоторых случаях имена 25 человек. 9 фамилий в список было добавлено после знакомства с некоторыми документами и полковыми историями. 27 фамилий остались неизвестными, хотя ясно, в какой части или подразделении служил погибший. Таким образом, пофамильно известно 418 погибших, ещё о 27-ми известно то, что они погибли, но их фамилии пока восстановить не удалось. В целом, русская армия безвозвратно потеряла в Северо-Западном крае не менее 445 человек.

Нужно также знать, что в Вильне были ещё два культовых сооружения, в которых были списки погибших. Это Георгиевская часовня на Ефросиниевском кладбище. На стенах этой часовни было три доски с фамилиями солдат и офицеров, погибших непосредственно вблизи Вильны. А также Пречистенский кафедральный собор, в котором находились доски со списками трёх сотен мирных жителей, погибших от рук повстанцев. Эти доски сохранились до сих пор.

Список русских солдат и офицеров, погибших в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края Российской империи

№	фамилия, имя	чин или должность	Причина смерти	жертв в части
Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Величества наследника цесаревича полк				1 чел.
1	Крячков Василий	рядовой	умер от ран	
Лейб-гвардии Гатчинский полк				4 чел.
2	Богданов Егор	горнист	убит	
3	Михайлов Константин	рядовой	убит	
4	Рыличков Афанасий	рядовой	убит	
5	Циголкин Егор	рядовой	убит	
Лейб-гвардии Гренадерский полк				9 чел.
6	Глотов Платон	унтер-офицер	убит	
7	Антонов Иван	рядовой	умер от ран	
8	Бронников Анисим	рядовой	убит	
9	Мясоедов Василий	рядовой	умер от ран	
10	Павлов Григорий	рядовой	убит	
11	Сильченко Константин	рядовой	убит	

12	Ткаченко Василий	рядовой	умер от ран
13	Хайбулин Блутемир	рядовой	убит
14	Халютенко Григорий	рядовой	убит

Лейб-гвардии Драгунский полк 2 чел.

15	Гордеев Антон	младший вахмистр	убит
16	Кудр Роман	рядовой	умер от ран

Лейб-гвардии Казачий полк 2 чел.

17	Зимовяйсков Василий	рядовой	убит
18	Марточков Захар	рядовой	умер от ран

Лейб-гвардии Московский полк 10 чел.

19	Отрядный Александр	фельдфебель	умер от ран
20	Борка Хрисанф	рядовой	умер от ран
21	Измайлов Иевлей	рядовой	умер от ран
22	Лякса Антон	рядовой	убит
23	Матвеев Ефим	рядовой	убит
24	Муравьёв Онуфрий	рядовой	убит
25	Никифоров Михаил	рядовой	умер от ран
26	Орлов Данило	рядовой	умер от ран
27	Терещенко Семён	рядовой	убит
28	Токарь Антон	рядовой	убит

Лейб-гвардии Павловский полк 22 чел.

29	Арбузов <i>Всеволод Алексеевич</i>	поручик (<i>подпоручик</i>)	убит
30	Кондратьев Григорий	фельдфебель	умер от ран
31	Базюкевич Семён	унтер-офицер	убит
32	Антоняк Пётр	рядовой	убит
33	Бец Никита	рядовой	умер от ран
34	Герасимов Герасим	рядовой	убит
35	Ефимов Варфоломей	рядовой	убит
36	Зубов Павел	рядовой	убит
37	Иванов Афанасий	рядовой	убит
38	Иванов Фёдор	рядовой	умер от ран
39	Козьмин Павел	рядовой	умер от ран
40	Лапшин Василий	рядовой	убит
41	Лыжиц Адам	рядовой	умер от ран
42	Максюков Яков	рядовой	убит
43	Матвеев Иван	рядовой	убит
44	Мехоношев Ефим	рядовой	убит
45	Павлов Иван	рядовой	убит
46	Паньков (Павлов) Иван	рядовой	убит

47	Сафронов Алексей	рядовой	<i>умер от ран (убит)</i>
48	Фёдоров Василий	рядовой	умер от ран
49	Шемякин Иван	рядовой	умер от ран
50	Ящерицин Осип	рядовой	убит

Лейб-гвардии Финляндский полк

16 чел.

51	Давилонский Иван	унтер-офицер	убит
52	Агафонов Николай	рядовой	убит
53	Анисимов Алексей	рядовой	убит
54	Васильченко Антон	рядовой	умер от ран
55	Воробьёв Афанасий	рядовой	убит
56	Дмитриев Семён	рядовой	убит
57	Загулин Антон	рядовой	убит
58	Захаров Андрей	рядовой	убит
59	Землянин Николай	рядовой	убит
60	Мышанов Никита	рядовой	убит
61	Пантелеев Терентий	рядовой	убит
62	Пери Пётр	рядовой	убит
63	Попелиш Иван	рядовой	убит
64	Радионов Фома	рядовой	умер от ран
65	Трубченин Гаврило	рядовой	убит
66	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит или умер от ран</i>

Лейб-гвардии стрелковый Его Величества батальон

22 чел.

67	Нейдгард	штабс-капитан	убит
68	Гоголь	поручик	умер от ран
69	Никитин Гаврило	унтер-офицер	убит
70	Берников Фёдор	стрелок	убит
71	Бобрицкий Пётр	стрелок	умер
72	Богданов Козьма	стрелок	убит
73	Васильев Егор	стрелок	убит
74	Васильев Павел	стрелок	убит
75	Дмитриев Иван	стрелок	убит
76	Завадский Ипполит	стрелок	умер от ран
77	Колодошников Степан	стрелок	убит
78	Лозанов Данило	стрелок	убит
79	Макаров Данило	стрелок	убит
80	Мартьянов Василий	стрелок	убит
81	Палкин Козьма	стрелок	убит
82	Петров Фёдор	стрелок	убит
83	Полежаев Леонтий	стрелок	убит
84	Рожнов Николай	стрелок	убит

85	Самохвалов Григорий	стрелок	убит
86	Сапригин Дмитрий	стрелок	убит
87	Сиротин Иван	стрелок	умер от ран
88	Шабанов Василий	стрелок	убит
Лейб-гвардии стрелковый батальон Императорской фамилии			3 чел.
89	Михалёв Самсон	унтер-офицер	убит
90	Иванов Степан	рядовой	убит
91	Сизов Павел	рядовой	убит
Астраханский гренадерский Его Императорского Высочества Беликого князя Александра Александровича полк			3 чел.
92	Попов Фёдор	унтер-офицер	убит
93	Дементьев Козьма	рядовой	убит
94	Мазуров Антон	рядовой	убит
Великолукцкий пехотный полк			32 чел.
95	Иванов	подпоручик	умер от ран
96	Галкин Василий	<i>унтер-офицер</i> (рядовой)	<i>убит</i> (умер от ран)
97	Григорьев Василий	унтер-офицер	убит
98	Горбачёв Игнатий	<i>унтер-офицер</i> (рядовой)	<i>убит</i> (умер от ран)
99	<i>Нессель</i> (Несель) Андрей	унтер-офицер	убит
100	Хруль Харитон	горнист	<i>умер от ран</i> (убит)
101	Андреев Афанасий	рядовой	убит
102	Вознеев Иван	рядовой	убит
103	<i>Гададь</i> (Годель) Викентий	рядовой	убит
104	Городков Иван	рядовой	убит
105	<i>Горемыкин Антон</i> (Горошко Андрей)	рядовой	умер от ран
106	Журневич Антон	рядовой	убит
107	<i>Забищев</i> (Забышев) Александр	<i>рядовой</i> (унтер-офицер)	убит
108	Колесников Степан	рядовой	<i>умер от ран</i> (убит)
109	<i>Какучёв Емельян</i> (Кулачёв Эмельян)	рядовой	убит
110	<i>Максимов Езуфат</i> (Максимович Юзефат)	рядовой	убит
111	<i>Минаев</i> (Минкевич) Семён	рядовой	убит
112	Нергейн Пётр	рядовой	умер от ран
113	<i>Останчук</i> (Станчук) Осип	рядовой	убит
114	<i>Пукиль</i> (Пашкул) Леон	рядовой	умер от ран
115	Попович Андрей	рядовой	убит
116	Пухальский Александр	рядовой	убит

117	Савчук Фома	рядовой	убит
118	Силеневич Викентий (<i>Виценти</i>)	рядовой	убит
119	<i>Скорлунович</i> (Скорлубович) Флориан	рядовой	убит
120	<i>Сидоров</i> (Судорович) Юрий	рядовой	убит
121	Тарасов Филипп	рядовой	убит
122	Тимофеев Трофим	рядовой	убит
123	<i>Ульнь</i> (Ульян) Андрей	рядовой	<i>умер от ран</i> (убит)
124	<i>Хотолин</i> (Ханшин) Терентий	рядовой	умер от ран
125	<i>Шеритюх</i> (Берещук) Степан	рядовой	убит
126	Якименко Павел	рядовой	<i>умер от ран</i> (убит)
Волжский пехотный полк			2 чел.
127	Васильев Григорий	рядовой	убит
128	Яга Иосиф	рядовой	убит
Донской пехотный полк			2 чел.
129	Жучков Трофим	рядовой	убит
130	Лидгеев Матис	рядовой	умер от ран
Калужский пехотный Его Величества короля Прусского полк			4 чел.
131	Петров Тихон	фельдфебель	умер от ран
132	Городецкий Каспер	рядовой	умер от ран
133	Звонцов Иов	рядовой	умер от ран
134	Рухов Алексей	рядовой	убит
Козловский пехотный полк			1 чел.
135	Славинский Михайло	писарь	убит
Коломенский пехотный полк			7 чел.
136	Гарантжин Никита	рядовой	убит
137	Исеброт Пётр	рядовой	умер от ран
138	Малахов Николай	рядовой	убит
139	Рачков Ефим	рядовой	убит
140	Тугарев Корней	рядовой	умер от ран
141	Фоменко Антон	рядовой	умер от ран
142	Харченко Семён	рядовой	убит
Копорский пехотный Его Королевского Высочества наследного принца Саксонского полк			15 чел.
143	Уткин Илья	унтер-офицер	умер от ран
144	Шершнёв Михай	унтер-офицер	убит
145	Анисимов Пимен	рядовой	убит
146	Архипов Фёдор	рядовой	убит

147	Васильев Никита	рядовой	убит
148	Гиков Герасим	рядовой	убит
149	Гольдман Яков	рядовой	умер от ран
150	Кревес Юрий	рядовой	убит
151	Кухта Михайло	рядовой	убит
152	Николаев Иван	рядовой	умер от ран
153	Павлов Алексей	рядовой	убит
154	Пенчук Данило	рядовой	убит
155	Росимнюк Василий	рядовой	убит
156	Спехин Андрей	рядовой	убит
157	Шишлов Степан	рядовой	убит

Либавский пехотный принца Карла Прусского полк

8 чел.

158	Бринчев Иван	унтер-офицер	умер от ран
159	Русинов Данило	унтер-офицер	убит
160	Козьмин Василий	барабанщик, рядовой	убит
161	Андреев Сила	рядовой	убит
162	Иванов Сергей	рядовой	убит
163	Милевский Григорий	рядовой	убит
164	Самуйлов Матвей	рядовой	убит
165	Фонарек Терентий	рядовой	убит

Нарвский пехотный полк

17 чел.

166	Костюк Леонтий	унтер-офицер	убит
167	Абрамов Фёдор	рядовой	убит
168	Андрейсон Давид	рядовой	умер от ран
169	Бырвич Александр	рядовой	убит
170	Гаврилов Владимир	рядовой	умер от ран
171	Гостев Дмитрий	рядовой	убит
172	Ефимов Филипп	рядовой	умер от ран
173	Иванов Иван	рядовой	убит
174	Семёнов Гаврило	рядовой	умер от ран
175	Сцирин Пётр	рядовой	убит
176	Филис Юрий	рядовой	убит
177	Харламов Василий	рядовой	убит
178	Шабалов Дормидон	рядовой	убит
179	Шутинский Ян	рядовой	убит
180	Щеглов Трофим	рядовой	убит
181	Иванов Ефим	рядовой	умер от ран
182	Якута Иван	рядовой	умер от ран

Невский пехотный полк

22 чел.

183	Вельтищев Николай	юнкер	убит
184	Григорьев Филипп	фельдфебель	убит

185	Выходцов Осип	унтер-офицер	убит
186	Оршенко Иван	унтер-офицер	убит
187	Парамонов Алексей	унтер-офицер	умер от ран
188	Яковлев Иван	унтер-офицер	умер от ран
189	Андреев Ермолай	рядовой	убит
190	Гуль Денис	рядовой	умер от ран
191	Демидов Евстафий	рядовой	умер от ран
192	Иванов Лаврентий	рядовой	умер от ран
193	Ивановский Михайло	рядовой	убит
194	Иевлев Козьма	рядовой	убит
195	Калименко Козьма	рядовой	умер от ран
196	Кривой Василий	рядовой	убит
197	Норок Карл	рядовой	убит
198	Поляков Степан	рядовой	убит
199	Просветов Степан	рядовой	умер от ран
200	Росамахин Сергей	рядовой	убит
201	Силаев Трофим	рядовой	убит
202	Степанчис Егор	рядовой	убит
203	Тимощук Андрей	рядовой	умер от ран
204	Шпанюк Франц	рядовой	убит

Нежинский пехотный полк

3 чел.

205	Борисов Григорий	унтер-офицер	умер от ран
206	Игнатьев Илья	унтер-офицер	умер от ран
207	Щелканов Пётр	унтер-офицер	умер от ран

Новоингерманландский пехотный полк

6 чел.

208	<i>Юганов</i> (Юганов) Адам	унтер-офицер	убит
209	<i>Асовский</i> (Ассовский) Агафон	рядовой	убит
210	<i>Афанасенко</i> (Афанасьев) Матвей	рядовой	<i>умер от ран</i> (убит)
211	Власов Сергей	рядовой	<i>умер от ран</i> (убит)
212	Петров Алексей	рядовой	убит
213	Позняков <i>Никифор</i> (Иван)	рядовой	<i>умер от ран</i> (убит)

Оренбургский пехотный полк

3 чел.

214	Никитин Григорий	рядовой	убит
215	Поденвов Иван	рядовой	убит
216	Старичин Григорий	рядовой	убит

Пермский пехотный полк

2 чел.

217	<i>Игнатьев Илья</i>	<i>унтер-офицер</i>	<i>умер от ран</i>
218	Быков Клементий	рядовой	убит

Псковский пехотный
генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полк

18 чел.

219	Денисов	прапорщик	убит
220	Сергеев Владимир	фельдфебель	убит
221	Гордеев Кузьма	каптинармус	убит
222	Дмитриев Иван	унтер-офицер	убит
223	Вущнер Сильвестр	рядовой	убит
224	Евдокимов Осип	рядовой	убит
225	Колятин Марко	рядовой	убит
226	Кривка Семён	рядовой	убит
227	Литвин Григорий	рядовой	умер от ран
228	Микин Егор	рядовой	убит
229	Павлов Демьян	рядовой	убит
230	Полянко Евдоким	рядовой	убит
231	Скоренев Фёдор	рядовой	умер от ран
232	Тимофеев Пётр	рядовой	убит
233	Тышка Фома	рядовой	убит
234	Фалоша Викентий	рядовой	убит
235	Фомич Ананий	рядовой	убит
236	Шепит Матвей	рядовой	убит

Ревельский пехотный полк

22 чел.

237	<i>Керсновский</i>	<i>капитан</i>	<i>ранен, после застрелился</i>
238	Соколов Матвей	фельдфебель	убит
239	Самотканов Антон	унтер-офицер	убит
240	Ананьев Семён	рядовой	умер от ран
241	Анц Карла	рядовой	убит
242	Артемьев Тимофей	рядовой	убит
243	Афанасьев Степан	рядовой	убит
244	Васильев Ларион	рядовой	убит
245	Друскин Ян	рядовой	умер от ран
246	Иванов Григорий	рядовой	убит
247	Иванов Филипп	рядовой	умер от ран
248	Кекушкин Степан	рядовой	убит
249	Козлов Иван	рядовой	убит
250	Крищяная Ян	рядовой	убит
251	Март Том	рядовой	убит
252	Михельсон Михель	рядовой	убит
253	Петров Михайло	рядовой	убит
254	Подставин Варфоломей	рядовой	убит
255	Ралюк Евстафий	рядовой	убит
256	Фёдоров Иван	рядовой	убит
257	Юрликин Фёдор	рядовой	убит

258	Янус Адам	рядовой	умер от ран
Серпуховский пехотный полк			1 чел.
259	Бурловский Моисей	рядовой	умер от ран
Сибирский гренадерский Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича Старшего полк			1 чел.
260	Прокопович Антон	рядовой	убит
Софийский пехотный полк			8 чел.
261	Хмелевский Николай	унтер-офицер	умер от ран
262	Коршевич Тадеуш	рядовой	убит
263	Кипячук Алексей	рядовой	убит
264	Голубецкий Герасим	рядовой	убит
265	Матвеев Павел	рядовой	умер от ран
266	Паюо Леон	рядовой	убит
267	Фомин Сергей	рядовой	умер от ран
268	Степанов Иван	цирюльник	умер от ран
Староингерманландский пехотный генерал-адъютанта князя Меньшикова полк			19 чел.
269	Анищук Фока	рядовой	убит
270	Брижка Игнат	рядовой	убит
271	Волоткевич Юрий	рядовой	убит
272	Громов Иван	рядовой	убит
273	Долголов Кондратий	рядовой	убит
274	Жебрак Григорий	рядовой	убит
275	Жидвин Юзеф	рядовой	убит
276	Игнатъев Денис	рядовой	убит
277	Котцов Матвей	рядовой	убит
278	Лещук Андрей	рядовой	умер от ран
279	Марковцев Исаак	рядовой	умер от ран
280	Матвеев Андрей	рядовой	убит
281	Петров Максим	рядовой	убит
282	Петрученко Степан	рядовой	убит
283	Поцисо Франц	рядовой	умер от ран
284	Синицын Иван	рядовой	убит
285	Ситчик Антон	рядовой	убит
286	Степаненко Степан	рядовой	убит
287	Шпиль Мерко	рядовой	умер от ран
Троицкий пехотный полк (до 13 августа 1863 г. Костромской резервный полк)			3 чел.
288	Герасимов Дмитрий	рядовой	умер от ран
289	<i>Жуков Михаил</i>	<i>рядовой</i>	<i>умер от ран</i>
290	<i>Мойсеев</i> (Моисеев) Егор	рядовой	убит

Фанагорийский гренадерский генералиссимуса князя Суворова полк 2 чел.

291	Кечно Михаил	рядовой	убит
292	Сосин Гераст	рядовой	умер от ран

Шуйский пехотный полк

17 чел.

293	Карановский Карл	унтер-офицер	убит
294	Кожихов Семён	унтер-офицер	убит
295	Лаговский Никита	барабанщик, рядовой	убит
296	Белерсон Адам	рядовой	убит
297	Брижиченко Данило	рядовой	умер от ран
298	Завальнюк Демьян	рядовой	убит
299	Ибасов Кирило	рядовой	убит
300	Игашин Илья	рядовой	умер от ран
301	Илсанов Мартын	рядовой	убит
302	Карлов Демьян	рядовой	убит
303	Красильников Никифор	рядовой	убит
304	Моисеев Онуфрий	рядовой	убит
305	Праксо Мартен	рядовой	умер от ран
306	Пуз Карло	рядовой	убит
307	Скрынников Иван	рядовой	убит
308	Шинкин Прокофий	рядовой	убит
309	Юзанцов Семён	рядовой	убит

Эстляндский пехотный полк

36 чел.

310	Некрасов	капитан	убит
311	Лабино-Быковский	подпоручик	убит
312	Вестцинтиус	подпоручик	убит
313	Жеребцов Василий	унтер-офицер	убит
314	Носов Осип	горнист	убит
315	Андреев Филипп	рядовой	убит
316	Беляев Игнатий	рядовой	убит
317	Беляев Павел	рядовой	убит
318	Бумреев Михайло	рядовой	умер от ран
319	Бухов Никита	рядовой	убит
320	Веселов Иван	рядовой	убит
321	Гайдуков Григорий	рядовой	убит
322	Грибков Фёдор	рядовой	убит
323	Гринин Александр	рядовой	убит
324	Гуляев Александр	рядовой	умер от ран
325	Карпов Никита	рядовой	умер от ран
326	Кухарский Николай	рядовой	убит
327	Лагрус Игнатий	рядовой	убит
328	Лидер Карл	рядовой	умер от ран

329	Лосич Иван	рядовой	убит
330	Никитин Матвей	рядовой	умер от ран
331	Олышкевич Франц	рядовой	умер от ран
332	Осипов Степан	рядовой	убит
333	Перепёлкин Алексей	рядовой	убит
334	Плюснин Алексей	рядовой	убит
335	Прокофьев Никита	рядовой	убит
336	Розинский Филипп	рядовой	убит
337	Саламатин Иван	рядовой	умер от ран
338	Семёнов Варфоломей	рядовой	убит
339	Смирнов Гаврило	рядовой	убит
340	Смирнов Прокофий	рядовой	убит
341	Смирнов Яков	рядовой	убит
342	Стебелев Степан	рядовой	убит
343	Фёдоров Игнатий	рядовой	убит
344	Федотов Егор	рядовой	убит
345	Шабанов Абрам	рядовой	умер от ран

1-й стрелковый батальон

4 чел.

346	Дергач Василий	унтер-офицер	умер от ран
347	Овчинников Пимен	рядовой	умер от ран
348	Попов Иван	рядовой	умер от ран
349	Ушаков Михаил	рядовой	умер от ран

2-й стрелковый батальон

2 чел.

350	Муравский Франц	унтер-офицер	убит
351	Емельянов Иван	рядовой	убит

3-й стрелковый батальон

14 чел.

352	Кононов Максим	унтер-офицер	убит
353	Александров Пимен	рядовой	умер от ран
354	Бемлеса Фёдор	рядовой	убит
355	Бенза Матвей	рядовой	убит
356	Валтукевич Юзеф	рядовой	убит
357	Васин Дмитрий	рядовой	убит
358	Власов Андрей	рядовой	убит
359	Галкин Абрам	рядовой	убит
360	Морозов Иван	рядовой	убит
361	Павликов Леонтий	рядовой	убит
362	Соловьёв Николай	рядовой	убит
363	Тимофеев Фёдор	рядовой	убит
364	Фёдоров Степан	рядовой	убит
365	Шуганов Тимофей	рядовой	убит

3-й гренадерский стрелковый батальон			1 чел.
366	Аншинский Иван	рядовой	убит
Лейб-гусарский Павлоградский Его Величества полк			5 чел.
367	Криворука Сидор	рядовой	убит
368	Николаев Исаак	рядовой	убит
369	Образеев Викентий	рядовой	умер от ран
370	Подлесный Викентий	рядовой	убит
371	Фельгачев Фёдор	рядовой	убит
Лейб-драгунский Московский полк			1 чел.
372	Мартиненко Андрей	рядовой	убит
Санкт-Петербургский уланский Его Величества короля Баварского полк			3 чел.
373	Быковский Максим	рядовой	убит
374	Придатков Еремей	рядовой	умер от ран
375	Яковлев Игнатий	рядовой	убит
Сумский гусарский полк			1 чел.
376	Долотов Василий	рядовой	убит
Донской казачий № 5 полк			10 чел.
377	<i>Пруссаков (Прусаков) Андрей</i>	есаул	убит
378	Чумаков Трофим	<i>урядник (казак 6-го полка)</i>	умер от ран
379	<i>Бирючин Филипп</i>	<i>казак</i>	<i>убит</i>
380	<i>Блудилин Иван</i>	<i>казак</i>	<i>убит</i>
381	<i>Евтерев Василий</i>	<i>казак</i>	<i>убит</i>
382	Моисеев Никифор	казак	убит
383	<i>Персианов Никита</i>	<i>казак</i>	<i>убит</i>
384	<i>Сулацков (Сулаков) Аким</i>	<i>казак (6-го полка)</i>	умер от ран
385	<i>Типилин (Тиминин) Архип</i>	<i>казак (6-го полка)</i>	умер от ран
386	<i>Фокин Иосиф</i>	<i>казак</i>	<i>убит</i>
Донской казачий № 24 полк			3 чел.
387	Борцунов Семён	казак	умер от ран
388	Канаев Иван	казак	умер от ран
389	Чуйкин Герасим	казак	умер от ран
Донской казачий № 31 полк			1 чел.
390	Козлов Иван	казак	умер от ран

Донской казачий № 33 полк			8 чел.
391	Колосков	хорунжий	убит
392	Бирюков Кирило	казак	убит
393	Дьяков Иван	казак	убит
394	Иванов Алексей	казак	умер от ран
395	Ковылин Ларион	казак	убит
396	Компанеев Филат	казак	убит
397	Крючков Афанасий	казак	убит
398	Сафронов Иван	казак	убит
Донской казачий № 41 полк			3 чел.
399	Черкасов Парфентий	урядник	убит
400	Земляков Филипп	казак	убит
401	Курин Спиридон	казак	убит
Донской казачий № 42 полк			2 чел.
402	Попов Егор	казак	умер от ран
403	Зотов Василий	казак	умер от ран
1-й артиллерийской бригады фушрат			1 чел.
404	Козьмин Андрей	унтер-офицер	умер от ран
Замосцкий крепостной пехотный полк			1 чел.
405	Мухин Иван	рядовой	умер от ран
Пограничная стража Таурогенской бригады			5 чел.
406	Долгоруков Дмитрий	объездчик	убит
407	Иванов Козьма	объездчик	убит
408	Кейбал Евстафий	объездчик	умер от ран
409	Помлеков Фёдор	объездчик	убит
410	Пономарёв Трофим	объездчик	убит
Витебский батальон внутренней стражи			1 чел.
411	Грищенко Самуил	рядовой	умер от ран
Ружанская этапная команда			1 чел.
412	Преображенский Иван	рядовой	умер от ран
Пружанская инвалидная команда			6 чел.
413	Зезюлин Иван	рядовой	умер от ран
414	Колесников Василий	рядовой	убит
415	Кузьмин Пантелей	рядовой	умер от ран
416	Русин Степан	рядовой	убит
417	Филиппович Климент	рядовой	убит
418	Чайковский Лаврентий	рядовой	умер от ран

**Погибшие, чьи части и подразделения не учтены
в списках на стенах Александро-Невской часовни**

Могилёвский пехотный полк			1 чел.
419	<i>Гриценко</i>	<i>рядовой</i>	<i>умер от ран</i>
Александровский пехотный полк			4 чел.
420	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
421	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
422	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
423	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
Смоленский пехотный полк			1 чел.
424	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
Горы-Горецкая инвалидная команда			12 чел.
425	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
426	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
427	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
428	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
429	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
430	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
431	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
432	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
433	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
434	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
435	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
436	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
Легучий № 2 парк			9 чел.
437	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
438	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
439	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
440	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
441	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
442	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
443	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
444	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>
445	<i>неизвестен</i>	<i>нижний чин</i>	<i>убит</i>

М. М. ШЕВЧЕНКО

А. А. КОМЗОЛОВА. ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ В ЭПОХУ
ВЕЛИКИХ РЕФОРМ. М., 2005

Иногда полушутя-полусерьезно говорят, что история — наука «юбилейная». О профессиональной историографии, ее образах и заключениях вспоминают обыкновенно тогда, когда приближается очередная более или менее круглая историческая дата. Этим невольно подтверждается то, что состояние историографической традиции, пути и направления ее развития неизбежно являются результатом как добросовестных в той или иной мере усилий профессиональных исследователей, так и давления общественно-политической конъюнктуры или, как говорили в старину, духом времени.

О польском восстании 1863–1864 гг., 150-летие которого отмечается в нынешнем году, большую часть минувшего столетия в нашем Отечестве вспоминали не иначе как в идейно-политическом контексте того, что определялось понятием «советско-польская дружба». Актуализируя традиции общей борьбы «свободолюбивой» Польши и «прогрессивной» или «передовой» России в духе повстанческого лозунга «За нашу и вашу свободу!», советские историки, проявляя солидарность с польскими, разоблачали и клеймили «реакционную сущность» русского «царизма». В качестве проявления подлинного же духа научной объективности советская историография накопила незаурядные достижения в области изучения, например, аграрной истории Польши, Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, имевшей самое прямое отношение к истории польского вопроса во внутренней

политике российского самодержавия. Эта последняя была осуждена на то, чтобы оставаться далеко на периферии интересов советской исторической науки. Для того чтобы сделать судьбу ее изучения счастливее, отнюдь не оказалось достаточно исчезновения — с падением Советского государства — институтов официального идеологического контроля над обществом самих по себе, наступлением свободы профессиональных контактов и выбора методологий исследования.

Научная литература по истории политики России на ее западных окраинах в XIX веке, появившаяся за двадцать с небольшим лет после падения «железного занавеса», среди своих достижений обладает одним совершенно бесспорным, а именно — способностью навести глубокую тоску на читателя, не лишённого желания понять, какое же, собственно, содержание придавало этой политике само русское императорское правительство, монархи, министры, наместники, генерал-губернаторы, какой смысл они вкладывали в понятия «полонизм», «русификация», «сближение окраин с центром» и тому подобные. Иногда масштаб «польского вопроса» во внутренней политике России под искусным пером историка вырастает до неестественных размеров, и последняя приобретает вид почти гротеска.¹ В другом случае к ней подходят с позиций методологического европоцентризма. И если за образец успешного решения «национального вопроса» берутся западные государства Нового времени, то Российская империя в качестве исторического «недотепы» от имени подобной экспертизы закономерно получает «неуд».² Читателю остается только недоумевать, с чего бы это в таких успешных государствах-нациях, в свете блестящего опыта которых экзаменуется «незадачливая» Россия, в самое новейшее время формируются многомиллионные и экспансивные мусульманские общины, и следом за отказом от их ассимиляции следует крах попыток гармонизировать их отношения с депопулирующим коренным этносом путем применения концепции пресловутого мультикультурализма.

Наконец, консолидированная научная мысль предъявляет аудитории настоящий методологический шедевр, диалектически почти возвращающий нас в советскую историографическую

¹ См.: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

² См.: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000; Западные окраины Российской империи. Под ред. А. И. Миллера и М. Д. Долбилова. М., 2006.

эпоху ритуального осуждения «реакционного царизма». В роли главного супостата исторических «сил добра» теперь предстает «русский национализм».³ В соответствии с чем русские имперские чиновники и общественные деятели в Западном крае, по остроумному замечанию современного историка, выступают его «переносчиками» или «возбудителями».⁴ И оказывается, что самый яркий и выдающийся генерал-губернатор Северо-Западного края М. Н. Муравьев-Виленский был вовсе не администратором, а идеологом, и занимался не столько подавлением польского мятежа, сколько «конструированием» его «образов».⁵ Из чего, по-видимому, следует, что сам польский мятеж 1863–1864 гг. отдавал чем-то виртуальным... Наверное, и вправду постмодернистское сознание фактологическая эрудиция только портит. Конечно, никто не оспаривает права талантливому американскому профессору российского происхождения на озабоченность тем, чтобы, чего доброго, не сделаться заподозренным в причастности к «русскому национализму». Но, увы, судьба научного изучения внутренней политики императорской России выигрывает от этого не более чем во времена «добровольно-принудительных» марксистско-ленинских методсеминаров.

В такой картине отрадным и почти одиноким исключением остается по прошествии восьми лет со времени своего выхода в свет монография А. А. Комзоловой «Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ». Политика Империи в Белоруссии и Литве накануне, во время и по завершении кризиса, связанного с польским восстанием 1863–1864 гг. показана с точки зрения ее самой, то есть того, как понимали ее цели и задачи те, кто призван был эту политику генерировать и осуществлять. Это очень скрупулезное, основанное на — без преувеличения — фундаментальной источниковой базе, весьма академично, даже несколько суховато написанное исследование уже было отмечено в научной периодике довольно обстоятель-

³ См., напр.: Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Авторизированный пер. с фр. М. Крисань. М., 2011.

⁴ «Круглый стол». Империя, нации и конфессиональная политика в эпоху реформ // Российская история. М., 2012. № 4. С. 68.

⁵ См.: Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа: Политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000. М., 2000. С. 338–408.

ными и объективными рецензиями,⁶ поэтому нет необходимости лишний раз подробно пересказывать его содержание. Оно заслуживает того, чтобы вновь напомнить о нем читателю по случаю юбилея польской инсurreкции, именно тем, насколько глубоко оно затрагивает ключевые и основополагающие проблемы российского государственного и общественного бытия XIX — начала XX в.

Особенностью внутренней политики России в польском вопросе на своих полонизированных окраинах в переходную эпоху Освободительных реформ была ее слабая консолидированность по сравнению, например, с соседними державами, имевшими в своем составе польских подданных.

Характер этой политики определялся как раз крайним дефицитом русского национализма в российском обществе. Даже после подавления мятежа 1830–1831 гг. русские по своему общему обыкновению постарались как можно скорее перестать вести себя как завоеватели по отношению к полякам. Не случайно О. Бисмарк, потомок безжалостных колонизаторов и германизаторов славянского Бранибора и балтийской Пруссии, в своих воспоминаниях вложил в уста императора Александра II утверждение, что русский человек «не чувствует того превосходства, какое нужно, чтобы господствовать над поляками».⁷

Желание русских либеральных реформаторов братьев Николая и Дмитрия Милютиных, Н. Х. Бунге, П. А. Столыпина, крайне правых политических объединений начала XX века видеть русских господствующей нацией в империи на манер ведущих современных западных стран сталкивалось с тем, что реальный русский народ в своей массе не обнаруживал стремления вести себя как herrschervolk. Приобщая включенные в состав России народы к собственной культуре и образу жизни, он, в свою очередь, обнаруживал склонность изменяться им навстречу и отсутствие специфического культа самодисциплины и корпоративизма, свойственных завоевателям. Публицист эпохи Великих реформ, осмелившийся критиковать русское общество за недостаток самобытного национального творчества в области мировоззрения и стиля жизни, подвергался публичному третированию и изоляции во имя приверженности «общечеловеческой» цивилизации.

У стремления русского императорского правительства после очередного конфликта с поляками вновь и вновь пытаться во-

⁶ См.: Отечественная история. М., 2007. № 4. С. 180–181, 185–187.

⁷ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. 225.

зобновить политику «примирения» или диалога с ними были, конечно, вполне осознаваемые, объективные причины. Слабость империи заключалась в постоянной нехватке на окраинах компетентных чиновников русского происхождения. Население западных областей империи было многочисленней, чем в Центральной России. Польское дворянство и помещичий слой были многочисленней великорусского, обладали более высоким средним образовательным уровнем и корпоративной сплоченностью, отличались более высокой активностью в публичной сфере.

Здесь сказывались политические традиции незабытой Речи Посполитой с ее широко развитыми сословно-представительными учреждениями. Польская образованность и культура, находясь со времен Средневековья в более благоприятных исторических условиях, получила развитие, опережая русскую. Общероссийская же образовательная система как полновесное целое сложилась лишь при императоре Николае I под управлением министра народного просвещения С. С. Уварова, и рост ее конкурентоспособности только еще набирал темпы. Поэтому правительство было вынуждено широко использовать в администрации Западного края местное польское дворянство. Это давало возможность полякам упрочивать здесь свое ведущее положение. В частности, в конце царствования Николая I они сумели взять в свои руки проведение в жизнь инвентаризации помещичьей деревни, и реформа, задуманная с целью улучшить положение местных крестьян, привела к обратным результатам. Когда же наступило время начала слома сословно-крепостного строя, в динамичной атмосфере общества, возбужденного реформами, появились центробежные тенденции на европейских окраинах России, как это предвидел николаевский министр Уваров, и обострился польский вопрос, — в русском правительстве обнаружилось преобладание глубокого скепсиса относительно способности вообще русского народа когда-либо и как-либо ассимилировать поляков.

Все эти обстоятельства были вполне очевидны тому, кто получил от императора Александра II в качестве Виленского генерал-губернатора чрезвычайные полномочия по борьбе с польским мятежом в Литве и Белоруссии, — Михаилу Николаевичу Муравьеву, который изначально отнюдь не был полонофобом. То, что польский вопрос как проблема внутренней политики России есть меньшее зло, нежели как проблема ее политики внешней, русскому правительству было очевидно с николаевских времен. Еще около середины 1840 годов III Отделение собственной императорской канцелярии докладывало: «Продолжающиеся тишина

и порядок в Царстве должно относить не столько к улучшению духа жителей, сколько к бдительности наместника и к тому, что в Польше сосредоточены главные силы русской армии. Несмотря на милости и льготы, даруемые полякам, несмотря на то, что они ни в самобытности и ни под чьим другим правлением не достигнут того благосостояния, в каком находятся ныне, этот народ, конечно, при первой возможности отделится от нашей Империи или станет на сторону врагов ее. В этом отношении поляки и ныне точно таковы же, какими были до мятежа 1830 года... Ксендзы, по предлогом защиты будто бы потрясаемой католической веры, поддерживают в поляках прежний национальный дух... Женщины, наиболее увлекаемые внушениями духовенства и с своей стороны неограниченно владеющие юношеством, связывают разнородные слои общества. Наконец природное легкомыслие поляков, склонность их к занятиям политикою и память о прежней вольнице, а всего более продолжающаяся несколько веков, как бы врожденная, неприязнь к русским — все это делает Польшу более вредящим, нежели полезным достоянием, и если Россия не должна отказаться от поляков, то потому только, что представилось бы еще более невыгод, когда бы эти враги наши составили самобытное государство»⁸.

Опираясь на свой многолетний административный и политический опыт, Муравьев сумел разглядеть нечто такое, во что обнадёженный испытанной мощью российского государства толерантный современный зачастую отказывался поверить. Все, что могло подавать русским надежды на сближение с ними поляков: преодоление языкового барьера, славянская душевная стихия, сходство частного быта, — относилось к периферийным проявлениям польского характера. В ядре польской идентичности оставался формируемый веками комплекс русофобско-культуртрегерского высокомерия по отношению к православному Востоку, который и в условиях общеевропейской секуляризации воспроизводился быстрее, чем увеличивалось через общественное образование число приобщенных к русской культуре и при этом лояльных России. Этот комплекс не знал компромисса. На тех великих восточных пространствах до самых холодных океанов и теплых морей, которым надлежало быть естественной наградой и утешением польской рыцарской и мессианской добродетели, самым возмутительным образом простиралась империя ненавист-

⁸ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. Сидорова М. В., Щербакowa Е. И. М., 2006. С. 352–353.

ных москалей, которым за это не могло быть прощенья. Идеальным их местом было положение крестьянского быдла «всходних кресов», благодетельствуемых окатоличиванием и полонизацией. Любой жест примирения с русской стороны не мог восприниматься иначе как слабость, вера в которую побуждала поляка действовать в ответ с позиции силы. Отсюда следовало, что гуманные действия — грозившего на словах — императора Александра II, либеральный режим управления наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича и генерал-губернатора В. И. Назимова только поощряли польские мятежные замыслы и амбиции.

Таким образом, для М. Н. Муравьева, братьев Милутиных, М. Н. Каткова и их сторонников национальным вопросом в Западном крае был русский вопрос, решение которого в начале 1860-х гг. висело на волоске и который надо было решать теперь или никогда. Нависшая над Россией угроза отторгающего Литву, Белоруссию, Правобережную Украину польского мятежа, поощряемого дипломатическим давлением всей Европы и нарастанием международной изоляции означала для них перспективу поворота русской истории вспять к варварскому, допетровскому состоянию, исключения России из цивилизованного мира.

А. А. Комзоловой тщательно исследована вводившаяся М. Н. Муравьевым система мер как в рамках предоставленных ему чрезвычайных генерал-губернаторских полномочий, так и поддержанных его сторонниками в правительстве (обозначаемыми на языке их противников как партия «ультрапатриотов») и санкционированных императором. В ходе их осуществления Муравьев реформировал административный аппарат края, а также состав мировых посредников, очистив его от нелояльного и малолояльного, польского элемента, с перспективой вытеснения и остальной его польской части. Максимально расширил в официальной и полуофициальной сфере применение русского языка. Католическая церковь подверглась стеснениям в сфере своей деятельности и ужесточению контроля за ее материальными средствами. Православной церкви была оказана масштабная материальная помощь с целью увеличения ее влияния и авторитета. Используя твердо, но весьма разборчиво достаточно дифференцированную систему репрессий, он сопровождал ее действие применением принципа коллективной ответственности, обложив местных помещиков поземельным сбором, вынуждая их фактически оплачивать подавление мятежа и деполонизацию края. Широко опираясь на поддержку крестьян в борьбе с мятежом,

он добился корректировки хода аграрной реформы в их пользу. В целях достижения полного успеха в русификации края он поставил вопрос о водворении в крае русского помещичьего землевладения.

Система Муравьева как целое оставалась в действии до тех пор, пока сохранялись чрезвычайные обстоятельства, делавшие ее необходимой в глазах императора. Она еще получила продолжение при преемнике Муравьева К. П. фон Кауфмане. Сменивший Кауфмана граф Э. Т. Баранов уже колебался между ее сторонниками и противниками. С приходом во главу края А. Л. Потапова администрация опять вернулась к настроениям «примирения» с поляками. Система Муравьева подверглась коррективам в пользу представителей польского дворянства и духовенства. Но на пересмотр ее законодательных основ император Александр II так и не пошел.

Дневники и воспоминания правительственных деятелей эпохи Освободительных реформ 1860–1870 гг. полны жалоб на отсутствие в русском правительстве единства, делающего его неэффективным, которые смотрятся готовым объяснением неудач, постигших того или иного такого мемуариста на его государственном поприще. Учитывая распространенность таких настроений, можно только удивляться тому, чего удалось добиться М. Н. Муравьеву-Виленскому за неполные два года его пребывания на генерал-губернаторском посту.

Его можно сравнить в этом отношении с Николаем Милютиным в борьбе последнего за реализацию своей концепции крестьянской реформы, который также считанные месяцы исполнял должность товарища министра внутренних дел. Император Александр II по разным причинам недолюбливал их обоих. Преобладания русского помещичьего землевладения над польским в Литве и Белоруссии так и не наступило. А если бы это и осуществилось, закрепление успехов русификации еще не было бы гарантировано. Такие имения могли бы в массовом порядке оказаться в руках поляков-арендаторов. Чтобы произошло то, чего хотели Муравьев и Кауфман, нужно было желание самих русских помещиков, приобретая там имения, переезжать в них, беря на себя дело культурного влияния или опеки над местными обществами. Несмотря на все противодействия и последующие коррективы в случае Н. А. Милютина его курса сторонниками помещичьих интересов в аграрной реформе, а в случае М. Н. Муравьева — внутриправительственной партией так называемых «космополитов» или «русских полякующих», как их называл

сам Муравьев, в обоих случаях главные результаты сделались необратимыми. Милютин закрепил процесс, приведший ближе к концу века к массовому образованию мелкой крестьянской земельной собственности, чего и желал, а Муравьев осуществил политику, сделавшую процесс деполонизации Белоруссии и Литвы необратимым. Этим он и заслуживает признания в качестве выдающегося русского государственного деятеля. В результате открывались перспективы для ускорения формирования слоя местной белорусской и литовской интеллигенции, которые своим отношением к общерусской идентичности могли определять дальнейшую судьбу обоих народов.

Работа А. А. Комзоловой дает объективную и беспристрастную картину истории внутренней политики России во всей ее противоречивости, которая и привела к этим результатам.

А. Ю. ПОЛУНОВ

ИМПЕРИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ:
ЗАМЕТКИ О КНИГЕ М. Д. ДОЛБИЛОВА
«РУССКИЙ КРАЙ, ЧУЖАЯ ВЕРА»

Проблемы развития России как многонационального государства, эволюции и кризиса имперских методов управления привлекают в настоящее время пристальное внимание историков. Чем определялась относительная устойчивость Российского государства, его уверенная территориальная экспансия на протяжении нескольких столетий? На каких принципах строилась политика властей по отношению к различным регионам, социальным и этноконфессиональным группам? Почему начиная с середины XIX в. «несущие конструкции» имперской системы власти начали испытывать нарастающую перегрузку, завершившуюся их разрушением? Был ли неизбежен распад Российской империи? Все больше авторов в последние годы ищут ответ на эти вопросы, исследуя различные аспекты и многообразные региональные «срезы» имперской политики самодержавия.

Анализ имперской проблематики важен и сам по себе, и в связи с тем, что позволяет дать общую оценку наследию многонационального государства — определить достигнутый в нем уровень эффективности управления и гармонизации социальных отношений, осмыслить историческую обоснованность существования данного государства. В связи с этим несомненный интерес представляет монография М. Д. Долбилова, рассматривающая политику самодержавия в Северо-Западном крае (современные

Литва и Белоруссия) — одной из «горячих точек» империи.¹ В центре внимания автора — царствование Александра II, переломная эпоха истории России, насыщенная как реформами, так и острыми социально-политическими конфликтами. Несмотря на территориальное ограничение темы, автор в ходе исследования выходит далеко за рамки Северо-Западного края, выстраивая, по сути, общую модель этноконфессиональной политики самодержавия в имперскую эпоху. Широкий охват затронутых в монографии вопросов дает повод для размышлений об основных закономерностях имперской политики самодержавия, характере национально-религиозных отношений во второй половине XIX в., факторах, обусловивших кризисные явления в развитии многонационального государства. Как же оцениваются в монографии основные принципы этноконфессиональной политики Петербурга в эпоху модернизации? Какие выводы можно извлечь из анализа этой темы для общей характеристики системы управления Российской империи, особенностей официальной идеологии, воззрений правительственной бюрократии?

Выдвигая на первый план национально-религиозную проблематику, автор в ряде случаев прослеживает ее взаимосвязь с социальными и экономическими процессами, и данные разделы монографии представляются особенно интересными. Так, М. Д. Долбилов показывает, что подъем в Северо-Западном крае (СЗК) национального (польского) движения во второй половине 1850-х — начале 60-х гг. и его столкновение с империей были во многом запрограммированы отменой крепостного права, открывшей процесс разрушения старых сословно-корпоративных «перегородок» и ребром поставившей вопрос о национальной идентичности крестьянских масс СЗК. «Имперская власть и шляхта, — подчеркивает автор, — вступали в последнюю схватку не столько за рабочие руки, сколько за «души» крестьян» (с. 181).

В годы, предшествовавшие крестьянской реформе 1861 г. и непосредственно следовавшие за ней, в крае сталкивались не просто два «проекта нациестроительства» (с. 31), но и две непримиримые государственные идеологии, содержавшие сильный

¹ Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. 1000 с. Ред.: Первая публикация рецензии: А. Ю. Полунов. Империя, национальный вопрос и этноконфессиональные конфликты: Заметки о книге М. Д. Долбилова «Русский край, чужая вера» // История и историки. 2009–2010. Историко-графический вестник / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2012. С. 245–264.

заряд имперского мессианизма и зачастую зеркально отражавшие друг друга. В главе IV (которая в целом представляется наиболее ценным разделом монографии) автор показывает, что первые же уступки имперских властей вызвали со стороны шляхты лозунги восстановления Польши в границах 1772 г. и усиление ассимиляционной деятельности по отношению к крестьянству края (с. 176–181). Выдвинутая русской администрацией края концепция «исторической русскости» СЗК носила, как можно судить по тексту книги, «ответный» характер и была без восторга принята многими представителями имперской элиты, в том числе министром внутренних дел П. А. Валуевым.² Сложным — как ни парадоксально — было отношение к националистически окрашенным концепциям и у знаменитого М. Н. Муравьева, возглавившего СЗК после начала восстания 1863 г.

М. Д. Долбилов убедительно показывает, что, несмотря на свою грозную репутацию диктатора-«националиста», Муравьев, в сущности, и в 1860-е гг. оставался носителем военно-бюрократического этоса времен Николая I, основанного на принципах легализма и регламентации. Он не стремился слишком решительно подрывать статус католической церкви, имевшей статус «признанного» имперского исповедания и тесно связанной с польскими элитами края. Приоритетом Муравьева даже после восстания было не столько обращение местных крестьян в православие, сколько «разбор» паствы (более точное определение ее вероисповедной принадлежности по документам), с целью уточнения границ между доминирующими в крае конфессиями. «Самому стилю администрирования Муравьева, — подчеркивает автор, — противоречило привнесение миссионерского пыла в работу бюрократического аппарата» (с. 254). Слишком рьяные «обратители» в православие даже могли подвергнуться взысканию при Муравьеве — нарушение устоявшихся межконфессиональных границ казалось тому опасным (с. 263, 380, 827). Представленный в книге материал, таким образом, дает почву для размышлений о том, насколько сильна была сила инерции в работе имперского аппарата власти и до какой степени были мифологизированы фигуры видных его представителей, включая Муравьева.

Касаюсь взглядов и деятельности «виленского диктатора», отметим, что углубленный анализ этой фигуры мог бы способ-

² В принципе, тезис о «русском характере» Западного края был известен еще со времен Екатерины II, но до поры до времени он носил неактуализированный характер и появлялся в официальной риторике эпизодически.

ствовать серьезному пересмотру устоявшихся воззрений на принципы имперской политики самодержавия, и в ряде публикаций М. Д. Долбилова был сделан важный шаг в данном направлении. Так, в вышедшей в 2001 г. статье автор провел убедительную деконструкцию мифов, изображавших Муравьева в качестве «крайнего, кровожадного националиста», «носителя великорусского шовинизма», сторонника «тотальной ассимиляции польской народности». Большинство подобных мифов, по мнению автора, было навеяно польской традицией и являлось отражением того макаберного образа «москаля», «который давно сложился в умах носителей польской культуры» и призван был умалять в их сознании «неприглядные проявления собственной ксенофобии».³ Остается лишь пожалеть, что данное перспективное направление анализа не нашло дальнейшего развития в монографии.

Муравьеву и другим руководителям края — многие из которых, как и сам «виленский диктатор», по взглядам принадлежали к «донационалистической» эпохе — приходилось действовать в крайне сложной этнолингвистической ситуации, «сталкиваясь с обезкураживающей амальгамой говоров и перекрестных заимствований» различных этнокультурных традиций (с. 190). Анализ данной ситуации составляет еще одну безусловно сильную сторону монографии М. Д. Долбилова. Автор обоснованно возражает против попыток поместить деятелей XIX в. «в контекст выборов и дилемм, ставших актуальными уже позднее» (с. 204), оценивать их взгляды с позиций «малых национализмов» XX в. В период же, рассматриваемый в монографии, подчеркивает автор, гораздо более распространенным явлением в СЗК были сторонники «больших наций», стремившиеся совместить свою локальную идентичность с чувством принадлежности к более широкой общности. Ярким представителем подобного подхода был известный идеолог «западнорусизма» М. О. Коялович. По словам М. Д. Долбилова, «западнорусскость как ощущение историко-культурно-региональной общности виделась ему почвой, одинаково щедро питающей цветение «наречий» и обычаев разных «племен» и соединяющей их с большим миром русского языка и культуры» (с. 218).

Автор подчеркивает, что сам по себе образ русской нации как большой этнокультурной общности, охватывающей вели-

³ Долбилов М. Д. Консервативное реформаторство М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусской крае (1863–1865) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып. I. Воронеж, 2001. С. 112–113, 126.

короссов, украинцев и белорусов, был достаточно неоднороден, получал разную трактовку под пером различных публицистов. Если И. С. Аксаков, Коялович и ряд других деятелей считали православие неотъемлемым свойством русскости, то М. Н. Катков делал акцент на языковой общности (что позволило ему, в частности, выдвинуть по-своему смелую концепцию «распояхания католицизма» с целью включения белорусов-католиков в основной массив восточнославянского населения). Принимались меры по сближению с миром русского языка и культуры и такой обособленной этноконфессиональной группы, как евреи. В монографии рассматривается деятельность ряда видных чиновников Виленского учебного округа (прежде всего А. П. Бессонова), с симпатией относившихся к евреям и оптимистично оценивавших перспективы их аккультурации (с. 551–563, 736). Отметим, что, проведя подобный — чрезвычайно интересный и новаторский — анализ, М. Д. Долбилов почему-то счел нужным заявить, что упомянутые настроения «ни в коей мере не задели культурного и эмоционального отчуждения чиновников... от еврейского населения и иудаизма», что среди имперской бюрократии господствовали «юдофобские тенденции» (с. 709).

Весьма ценными разделами монографии представляются размышления автора об особенностях функционирования виленских административных структур — генерал-губернаторства и учебного округа, о том, что высокая степень автономии этих структур нередко побуждала их руководителей (независимо от идеологических расхождений) выступать против «сановно-бюрократического Петербурга» (с. 490). Заслуживают всемерного внимания наблюдения М. Д. Долбилова над спецификой управленческого стиля «милютинца» К. П. Кауфмана, выводы о влиянии среднего и низшего чиновничества края на его политику (а также на политику его преемника Э. Т. Баранова) (с. 367, 471). Большой интерес представляет описание деятельности кружка «виленских русских», группировавшихся вокруг попечителя учебного округа И. П. Корнилова, об идейной близости и организационных связях этого кружка с представителями славянофильского движения в России (с. 552, 898). Думается, что если бы М. Д. Долбилов и далее двигался в направлении разработки указанной проблематики, он мог бы прийти к ценным выводам, формулировке новаторских концепций. Однако он избрал иной путь, что, как представляется, не пошло монографии на пользу.

Автор счел необходимым выделить в качестве главного (и во многом самодостаточного) предмета исследования развитие этнокон-

фессиональных процессов в крае и увязать его с некой глобальной культурологической концепцией, призванной объяснить механизмы религиозной политики самодержавия на протяжении всего имперского периода. Согласно этой концепции, сутью имперской политики по отношению к различным конфессиям (включая православие) вплоть до начала XX в. было стремление регулировать их жизнь с помощью мер формально-бюрократического воздействия. Такой подход (включавший в себя то «дискредитацию», то «дисциплинирование») опирался на крайне архаичные модели XVIII в. — «изоэфинизм» и опыт «полицейского государства». Особую неприязнь имперских властей в этом контексте, по мнению М. Д. Долбилова, вызывал католицизм, исповедание которого сопровождалось особо горячим проявлением религиозных чувств, было обставлено многообразными и пышными обрядами (с. 289, 292, 308, 366).

Стремление к упрощенно-рационалистическому регулированию религиозной жизни империи было, как считает автор, в XIX в. дополнено влиянием русского национализма.⁴ Под воздействием указанных факторов власти и приступили в 1860-е гг. к особо агрессивному натиску на католицизм в Западном крае и Царстве Польском. Политику имперской администрации М. Д. Долбилов оценивает крайне резко, используя такие выражения, как «оголтелые нападки» (с. 220), «почти колониальный произвол обрусителей» (с. 273), «авантюризм и бесчинства» (с. 455), «нелепые, трагикомические и просто возмутительные запреты» (с. 754). Сами администраторы (прежде всего в СЗК) предстают в монографии как люди, мучимые «фобиями», различными видами «неврозов» и «психозов» (вплоть до сексуальных). Они погружены в атмосферу «конспиромании» и «конспирологии», перед ними постоянно маячит «гипертрофированный образ врага» (с. 34, 229, 249, 274, 303 и др.).

⁴ В основном тексте монографии автор не указывает, когда, по его мнению, национализм начинает доминировать в общественной жизни и государственной политике России. Лишь в заключении читатель узнает, что это происходит в эпоху Николая I. С этого времени, по мнению автора, русскость фактически отождествляется с православием, в связи с чем иноверие (любое) «легко наделяется атрибутикой национального врага» (с. 791). Нельзя не увидеть здесь противоречий. Сам автор убедительно доказывает, что и Николай, и администраторы, сформировавшиеся в его эпоху (как Муравьев), националистами не были. С другой стороны, такой убежденный националист, как Катков, вовсе не увязывал в 1860-е гг. русскость с православием. Надуманным является и утверждение о том, что любое иноверие в эпоху Николая начинает восприниматься в качестве «национального врага».

Деятельность католического клира и мирян СЗК, их сопротивление натиску имперских властей расценивается как «духовный нонконформизм» (с. 691), защита религиозной свободы, закономерно завершившаяся поражением российской бюрократии. Столкнувшись с сопротивлением католиков, российские чиновники начали сознавать то, что ранее было недоступно их пониманию, — сущность религии как духовного начала, не поддающегося формально-бюрократическому воздействию (с. 297, 456, 708). Неизбежным итогом вероисповедной кампании 1860-х гг. в СЗК стало массовое возвращение местного населения в католицизм после объявления свободы совести в 1905 г. (с. 891).

Насколько точно подобная схема описывает суть вероисповедной политики самодержавия, в том числе в СЗК? Представляется, что она грешит существенными преувеличениями. Никакой особой «католикофобией» российские власти, конечно же, не страдали. Католическая церковь в их глазах была (как это признает в ряде случаев и сам автор — с. 62, 71, 107 и др.) «уважаемым партнером», и после присоединения к Российской империи земель бывшей Речи Посполитой она получила весьма существенные привилегии. Это видно и из материалов, приводимых в книге. За католической церковью были сохранены значительные материальные средства, намного превышавшие те, которыми располагало в Западном крае формально «господствовавшее» православие (с. 87, 868 и др.). Уже после перехода Западного края под власть России администрация долгое время смотрела сквозь пальцы на систематическое обращение в католицизм униатов (хотя официально прозелитизм на территории империи был запрещен всем церквам, кроме православной). Униатская церковь в России даже формально была в 1801–1805 гг. подчинена Римско-католической духовной коллегии (с. 56, 61, 73, 152).⁵ В целом земли бывшей Речи

⁵ Свидетельством «неблаговоления» российских властей католицизму М. Д. Долбилов считает события так называемой «Колиивщины» (крестьянского восстания на Правобережной Украине в конце 1760-х — начале 1770-х гг.), в ходе которого пострадали многие униатские приходы (с. 70). Автор не упоминает о том, что движение было в конечном счете подавлено русскими войсками, а ревнители православия в крае (епископ Гервасий и игумен Мелхиседек) по требованию российских властей оставили свои посты и были вывезены в Россию. После этого вернувшиеся в край католические миссионеры при поддержке польских помещиков быстро восстановили структуры униатской церкви (Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997. с. 324–326). Отметим, что, судя по книге, знакомство автора с историей Колиивщины ограничивается статьями двух американских авторов (Б. Скиннер

Посполитой долгое время рассматривались российскими властями как зона законного преобладания католической церкви и тесно связанных с ней польских (полонизированных) элит. Об этом свидетельствует уже то, что вплоть до середины XIX в. власти не имели представления о многих важных аспектах деятельности католической церкви в крае. Здесь без одобрения и даже ведома властей действовали многочисленные католические братства (с. 325–331), не существовало эффективного контроля над католическими духовными семинариями (с. 346). Да и само отсутствие переводов католических молитв на русский язык, ставшее одним из «камней преткновения» при реализации проекта «распопачения католицизма», было достаточно красноречиво. Вплоть до середины XIX в. связка «поляк-католик» была в российских верхах почти аксиомой, заботиться о нуждах католического непольского населения никому не приходило в голову.

Подвергаясь весьма относительному надзору со стороны властей, католическая церковь в то же время оказывала энергичное «обратное» воздействие на политику самодержавия, нередко направляя ее в нужное для себя русло. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, оставшиеся за пределами монографии, но принципиально важные для понимания затронутых в ней вопросов. Можно, в частности, отметить, что православная Россия была в конце XVIII — начале XIX в. единственным европейским государством, на территории которого продолжал действовать орден иезуитов, официально ликвидированный папством в 1773 г. Иезуиты сохранили в России огромные владения. При поддержке влиятельных вельмож — Потемкина, Безбородко и других — они развернули по всей стране школы и отделения ордена, а при Павле I фактически стали руководить католической церковью на территории России. Огромным влиянием при дворе Павла пользовался генерал ордена Г. Грубер, готовивший, по некоторым сведениям, соединение католической и православной церквей. Сам Павел, как известно, возглавил католический Мальтийский орден, несколько раз предлагал папам Римским политическое убежище в России. Упомянем также о значительной роли в общественно-политической жизни России католиков-эмигрантов, перебравшихся в страну после Французской революции, об иезу-

и Л. Вульфа). Значительную по объему историографию XIX — начала XX в. автор считает не заслуживающей внимания («Излишне распространяться об апологетике уничтожения унии в работах дореволюционных русских историков») (с. 771).

итских пансионах, через которые прошла немалая часть русской знати.⁶ Представляется, что ни тогда, ни позже российская элита как таковая не была включена в некий «дискурс неизбывной чуждости “латинства”», которым поощрялась «культурная дистанция, эмоциональное отчуждение от католиков» (с. 121, 108).

Отношение российских властей к католицизму, казалось бы, должно было измениться при Николае I в связи с общим консервативным поворотом правительственной политики и впечатлениями от восстания 1830–1831 гг. Однако авторитет католицизма как «признанного» исповедания был настолько высок, что и при Николае по отношению к нему проводилась осторожная политика. Даже обращение униатов СЗК в православие в 1839 г., как показывает М. Д. Долбилов, было не столько агрессией против католицизма, сколько попыткой более точно размежевать конфессиональные сферы влияния. «Разбор» прихожан после обращения униатов проводился местными властями на основе документальных свидетельств, при участии депутатов от католического духовенства, спорные казусы часто решались в пользу католицизма (поскольку почти все местные чиновники были католиками) (с. 89–90). Предложение организовать обращение в православие, вслед за униатами, и католиков было отвергнуто Николаем — так же, как и проекты создания «национальной» католической церкви, независимой от Рима (с. 95–97). В глазах императора-легитимиста традиционная церковная иерархия была намного предпочтительнее искусственно созданной, пусть и отвечающей сиюминутным политическим выгодам. Важным мероприятием николаевского царствования стало заключение в 1847 г. конкордата с Римом, расширившего полномочия епископов в рамках системы церковного управления, т. е. объективно ограничившего возможности светского вмешательства в религиозную жизнь католицизма.⁷

⁶ Высылка в 1820 г. иезуитов из России была вызвана в том числе и тем, что отпрыски русской знати — Голицыны, Бутурлины, Ростовчины, Гагарины, Шуваловы, Толстые, — пройдя через иезуитские пансионы, начали отпадать от православия (формально обучение в пансионах носило религиозно нейтральный характер). Таким образом, «страхи печальников православия» относительно «иезуитского кознодейства», над которыми иронизирует М. Д. Долбилов (с. 123), были не так уж смешотворны.

⁷ Следует отметить, что даже после заключения конкордата митрополит католических церквей империи И. Головчинский продолжал тайно сноситься с Римом, в нарушение условий конкордата явочным порядком открывал новые приходы, т. е. фактически занимался прозелитизмом (с. 101, 107). Думается,

Сдержанно-уважительное отношение к католицизму, характерное для царствования Николая I, сменяется при его преемнике движением к явной либерализации этноконфессиональной политики самодержавия. Серьезные подвижки в этой сфере имели место на территории СЗК.⁸ Еще более важно то, что меры сходного характера принимались по отношению к различным этноконфессиональным группам в масштабах всей империи. К сожалению, автор не упоминает о них, а ведь анализ данных мер позволил бы существенно уточнить вывод о том, что веротерпимость того времени была «двусмысленной» и «лукавой» (с. 123, 751). Укажем, что с середины 1860-х гг. начался пересмотр законодательства о старообрядцах. Административным путем им было даровано большинство общегражданских прав (узаконено в 1883 г.), а в 1874 г. они получили возможность регистрировать браки в государственных учреждениях (о последней мере М. Д. Долбилов, видимо, не знает, поскольку пишет, что «гражданский брак... был в 1870-х гг. чересчур смелой идеей для российских правителей» — с. 663). В Остзейском крае в 1865 г. были отменены подписки с разновременных супругов о воспитании детей в православии, а с 1874 г. прекратилось преследование пасторов, совершавших требы для людей, числившихся православными. Иными словами, фактически был узаконен уход из «господствующей» церкви. Подобный шаг, таким образом, уже не являлся для имперских властей абсолютным табу, как это представляется М. Д. Долбилову.

Почти полное отсутствие упоминаний об Остзейском крае (соседейвавшего с СЗК и близкого ему по многим параметрам социально-административной структуры) нельзя не признать слабой стороной монографии. «Фигура умолчания» выглядит

что именно эти и другие факты побуждали российских бюрократов сомневаться в лояльности католицизма, а вовсе не изначально присущая им патологическая склонность к «фобиям» и «психозам».

⁸ Как отмечает сам автор, во второй половине 1850-х гг. происходило замещение пустовавших на тот момент католических епископских кафедр, снимались сохранявшиеся ограничения на публичные отправления католического культа (с. 121). Власти фактически закрывали глаза на переходы из православия в католицизм, считая во многих случаях изменение вероисповедного статуса делом свободного выбора подданных (с. 150, 152, 157–158). Установки нового царствования побуждали российских администраторов Западного края игнорировать многочисленные сигналы с мест о подъеме католического прозелитизма, нелояльности чиновников-поляков и даже зреющих политических заговорах (с. 150, 152, 167–169).

особенно странной на фоне проводимых автором весьма «отдаленных» и, как представляется, натянутых «межкраинных» сопоставлений (например, параллель между восприятием имперской бюрократией католического богослужения и мусульманского зикра). История Остзейского края, видимо, с трудом бы вписалась в предложенную автором концепцию «иозефинистского дисциплинирования» иноверия, поскольку местная немецко-лютеранская верхушка не только пользовалась в крае широчайшими привилегиями, но и могла настоять на серьезной корректировке вероисповедной политики самодержавия. Так, по ее требованию в 1840-е гг. силами правительства было фактически остановлено движение эстов и латышей к православию. Возвращаясь к истории СЗК, следует заметить, что и здесь автору трудно объяснить натиск на католицизм, действительно имевший место в 1860-е гг., не какими-то конкретными событиями этого времени, а изначально присущими имперской бюрократии «фобиями» и «психозами». Чтобы прийти к подобному выводу и сохранить целостность изначально избранной схемы, автор прибегает к своеобразному приему: на страницах его монографии практически полностью отсутствует восстание 1863–1864 гг.

Разумеется, отдельные упоминания об этом событии встречаются в исследовании достаточно часто, но вот от освещения обстоятельств восстания М. Д. Долбилов воздерживается. Между тем даже сжатый обзор этого сюжета позволил бы ввести анализируемые в монографии явления в существенно иной контекст. Стало бы ясно, что восстание не просто началось в разгар уступок со стороны имперских властей, но во многом было обязано своим размахом поддержке (прямой или косвенной) со стороны чиновников-поляков, назначенных на свои посты по рекомендации российских сановников — сторонников компромисса с польским движением. Это еще раз подчеркнуло взаимную непримиримость двух имперских идеологий и серьезно дискредитировало сторонников политики компромисса в российских верхах. Далее, выявилось бы, что многие антикатолические меры принимались властями в накаленной атмосфере недавно завершившейся вооруженной борьбы, жертвами которой стали многие представители восточнославянского православного населения, включая духовенство. Подобный подход позволил бы объяснить меры, принимавшиеся против католицизма (разумеется, не оправдывая их) реальными историческими обстоятельствами, а не некой иррациональной «конспироманией», которая якобы изначально была присуща российской бюрократии.

Принципиальное значение для темы исследования имеет вопрос о степени участия католического духовенства в восстании. Может показаться удивительным, но в огромной по объему монографии этой проблеме, посвящено, всего два абзаца, причем противоречащих по смыслу друг другу. На с. 229 утверждается, что духовенство по существу в восстании и не участвовало, а спустя 20 страниц читатель узнает, что убеждение властей о почти поголовном сочувствии католических клириков восстанию и их роли как организаторов и лидеров антиправительственного движения «сложилось не на пустом месте». Вынужденный время от времени упоминать о причастности католических церковных структур к антиправительственной борьбе, автор прибегает к размытым формулировкам, подменяет предмет дискуссии: «если даже отдельные представители братств принимали участия в вооруженных выступлениях... то сами братства как институт были вызваны отнюдь не только секулярно-политическими потребностями»; «в современном европейском католицизме вражда к иноконфессиональному вовсе не обязательно сопрягалась с национальной рознью»; «польский национализм не мог служить единственной и самодостаточной причиной той деятельности братчиков, которая так пугала виленских католикофобов» (с. 326, 330). Подобные объяснения нельзя признать убедительными. Разумеется, братства создавались не для политических целей, но в период восстания они стали готовой структурой для такого рода деятельности. Что касается связи национального и конфессионального в католицизме, то у имперских властей явно не было возможности изучать различные вариации ее проявлений — достаточно было того, что в Царстве Польском и в Западном крае в 1860-е гг. эта связь была представлена в открытой и явно антиимперской форме.

Не выглядит убедительным и проводимое в монографии сопоставление антикатолических мер 1860-х гг. в СЗК с германским «Культуркампфом». Отмечая типологическое сходство двух явлений, автор решительно отдает предпочтение политике германского правительства, поскольку она, «при всей исторической несправедливости», осуществлялась на основе парламентских постановлений и с соблюдением юридических процедур (с. 660, 707, 954). Вновь приходится не согласиться с подобной аргументацией. Принципиальное отличие России от Германии заключалось в том, что германские католики не поднимали восстания против «своей» империи. Попробуй они решиться на что-либо подобное — можно не сомневаться, что ответ германских властей

был бы предельно жестким и крайне далеким от всякой «легалитской машинерии». Да и в реально сложившейся ситуации, думается, для германских католиков было слабым утешением сознавать, что репрессии против них принимались с соблюдением всех юридических тонкостей и парламентских процедур. Что же касается СЗК, то тесная связь католицизма с восстанием здесь не вызвала сомнений, о чем свидетельствуют и многочисленные факты, в том числе и приводимые в монографии. Так, религиозные процессии становились формой антиправительственных манифестаций, политические демонстрации специально устраивались в местах поклонения наиболее почитаемым иконам (с. 249, 346). В молитвах и гимнах прославлялись победы над «москалями», «схизматиками» (с. 276, 313). В этой ситуации враждебное отношение бюрократии СЗК к католицизму было связано не с некой иррациональной боязнью «пышности» католического культа, а с тем, что фактически каждый элемент этой «пышности» нес в себе определенное политическое содержание.

О том, что репрессии против католицизма в 1860-е гг. были вызваны конкретными обстоятельствами восстания, а не исконной «католикофобией» российских верхов, свидетельствует и то, что большинство в этих «верхах» составляли вовсе не сторонники гонений, а адепты компромисса, вынужденные временно «приглушить» свои требования в условиях открытой нелояльности польских элит. Автор стремится затушевать этот факт, уделяя гораздо больше внимания не центральному правительству, а «виленским» структурам. При этом правление генерал-губернаторов, придерживавшихся «жесткого» курса (М. Н. Муравьева, К. П. Кауфмана, Э. Т. Баранова), освещается значительно подробнее, чем деятельность их более либеральных коллег (А. Л. Потапова и П. П. Альбединского). Между тем в российском государственном аппарате (особенно на высшем уровне) было множество сторонников веротерпимости, гибкой этноконфессиональной политики — причем занимавших эту позицию изначально и по принципиальным соображениям, а не под влиянием «уроков», преподанных непонятливой российской бюрократии стойким сопротивлением католиков. К их числу относились Д. Н. Блудов, К. В. Нессельроде, П. Д. Киселев, П. А. Валуев, А. В. Головин, В. А. Долгоруков, П. А. Шувалов и целая группа «шуваловцев», А. Е. Тимашев, Л. С. Маков и многие другие. Ясно, что появление на вершинах российской государственности такого количества людей со схожими взглядами нельзя считать случайностью, и автор вынужден каждый раз подыскивать для этого феномена объяснения *ad hoc*,

ссылаясь то на внезапно возникшие «либерально-гуманистические тенденции» в верхах (с. 193), то на влияние «имперского принципа веротерпимости» (с. 261, 303, 427 и др.). Неясно, однако, откуда этот принцип взялся в имперской вероисповедной политике, если (по автору) ее доминирующей тенденцией с начала XVIII в. было стремление к грубому «полицизму» — если не «дискредитации», то к также весьма зловещему «дисциплинированию» иноверных конфессий.

В целом материалы, приводимые в книге, достаточно ясно показывают, что чиновники-«русификаторы» на местах были буквально окружены стеной враждебности в центральных и высших правительственных инстанциях. Эта враждебность постепенно, но неуклонно «просачивалась» вниз, меняя содержание правительственной политики в крае. И при Муравьеве, и при Кауфмане, и при Баранове Министерство внутренних дел во главе с Валувым занимало весьма жесткую позицию по отношению к Виленскому генерал-губернаторству, оперативно реагируя на все сигналы о реальных или мнимых притеснениях католиков (с. 438, 874, 875). В 1866 г. Валув и шеф жандармов Шувалов организовали смещение Кауфмана, опираясь во многом на сфабрикованную информацию — публикации газеты «Весть», использовавшей непроверенные данные, тенденциозные отчеты о ревизиях чиновников МВД (которым было специально указано отыскивать данные о насилиях над католиками), материалы перлюстраций III отделения, созданные, скорее всего, в недрах этого ведомства (с. 410–411, 421, 880). Таким образом, если образ «коварного ксендза», присутствовавший в сознании русских националистов, и был идеологическим конструктом, то не меньшим конструктом являлось представление о тотальных «насилиях» над католиками (что еще раз демонстрирует «зеркальность» отражения двух имперских идеологий).

Пришедшие к власти в СЗК после отставки Кауфмана и последовавшего за ней «переходного» правления Баранова Потапов и Альбединский взяли курс на всестороннюю ревизию политики своих предшественников.⁹ Потапов открыто заявлял, что у пра-

⁹ Была произведена замена чиновников на ключевых постах, прекращена государственная поддержка обращений в православие и введения русского языка в католическое богослужение для белорусов, отменено большинство запретов, касавшихся публичного отправления католического культа, и даже подан проект полного снятия ограничений на деятельность католической церкви в крае (с. 455, 525, 615, 687–689). М. Д. Долбилов утверждает, что чистка чиновников при Потапове не являлась «фронтальной». Однако сам перечень должнос-

вославия в СЗК нет шансов на успех, что единственным выходом для имперской администрации остается возобновление поиска компромисса с местной польской элитой. В данном контексте русификаторские и антикатолические меры, действительно принимавшиеся властями СЗК (наиболее активно — в 1863–1868 гг.), выглядят скорее исключением, нежели правилом для национально-вероисповедной политики империи, особенно в эпоху Александра II. Каково же было происхождение этих мер? Каким образом они все-таки попали (пусть, если говорить о царствовании Александра II, на достаточно краткий срок) в арсенал методов российской бюрократии? Являлись ли они сугубо эмпирической реакцией на «обстоятельства времени и места» или носили концептуальный характер, опирались на некую идеологию?

Не отрицая усиления националистических настроений в русском обществе 1860-х гг., влияния этих процессов на сознание имперских бюрократов, хотелось бы высказать следующие предположения. В книге М. Д. Долбилова показано (и это, безусловно, является заслугой автора), что инициаторами, а иногда и архитекторами антипольской и антикатолической политики в СЗК являлись местные деятели — чиновники, публицисты, представители духовенства. Побудительными мотивами их выступлений было не столько влияние русского (великорусского) национализма или некой имперской идеологии, сколько сугубо местные проблемы, которые они стремились решить руками российских властей. Для ксендза Ф. Сенчиковского, введившего русский язык в католическое богослужение, это был протест против «абсолютизма» папства, стремление к созданию автономной национальной католической церкви (достаточно типичная проблема для католицизма). Для чиновника учебного округа А. В. Рачинского подобную роль, возможно, играло сложное отношение к собственным польско-католическим корням (хотя этот вопрос нуждается в дополнительном изучении). Но чаще всего в деятельности местных «активистов» (А. П. Стороженко, К. А. Говорского, И. Эремича) прочитывалось влияние местных национализмов — украинского и «западнорусского», или прото-белорусского, — у которых к польско-католическим элитам края

тей, на которых произошли замены (почти все губернаторы и чиновники особых поручений, многие мировые посредники, весь состав генерал-губернаторской канцелярии, попечитель учебного округа), убеждает, что она приближалась к таковой. Не вполне ясно, почему автор считает, что «утверждение о радикальной смене курса при Потапове — изрядное преувеличение» (с. 525).

были зачастую гораздо более серьезные претензии, чем у имперского центра.

Остается пожалеть, что в огромном исследовании, где затронуты самые разные проблемы истории человечества (от креолов в голландских колониях до проблем современного иврита) не нашлось места хотя бы краткому обзору предыстории рассматриваемых в монографии событий — обстоятельствам появления унии и распространения католицизма на территории Западного края. Обзор данных проблем помог бы понять, что вся «историческая почва» края с давних пор не благоприятствовала развитию начал религиозной и этнической терпимости. Эти принципы начали нарушаться уже при внедрении унии, которая насаждалась принудительно, вопреки воле большинства восточнославянского населения, в обстановке насилий, в том числе и надругательств над православными святынями.¹⁰ «Саднившая историческая память» местного населения, о которой М. Д. Долбилов упоминает вскользь (с. 285), диктовала стремление не только «поквитаться с обидчиком», но и оказаться в случае кардинального исторического поворота «на коне», а не в роли жертвы — в возможность завершить компромиссом национально-религиозное противоборство в крае, похоже, никто не верил. К середине XIX в. противостояние между конфессиями было доведено до такой остроты, что любой шаг властей в сторону католицизма воспринимался как предвестие его торжества над православием. Немедленно возникали слухи (распускавшиеся в том числе и ксендзами) о предстоящем объявлении католицизма государственной религией и начале репрессий против православия. Этот сценарий, кстати, отчасти реализовался на практике: официальное объявление свободы совести в 1905 г. обернулось не только переходом в католичество тех, кого удерживали в «господствующей церкви» принудительно, но и насилиями над собственно православными.¹¹

Говоря об активистах русификации на местах, которым в книге уделяется так много внимания, не приходится отрицать, что

¹⁰ М. Д. Долбилов возмущается тем, что при обращении униатов СЗК в православие в 1839 г. российскими властями отрицалась «индивидуальная, сознательная приверженность вере» (с. 91), которую отстаивал Ватикан. Автор обходит молчанием тот факт, что вводилась уния так же, как и искоренялась — «через иерархию», и «индивидуальный, сознательный» выбор верующих (в большинстве своем выступивших против унии) не имел тогда для Ватикана и польских властей ни малейшего значения.

¹¹ См.: Бендин А. Ю. Указ о веротерпимости и его реализация в Северо-Западном крае Российской империи (1905 г.) // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 44–58.

многие из них были людьми с изломанными характерами, нередко склонными к экстремизму. Однако жизнь и деятельность этих людей — это явно трагедия, а не проявления безыдейного сервилизма или попыток выслужиться. Примечательно, что никаких материальных благ «русификаторы» в результате своего усердия не обрели: они оказались в отставке, некоторые даже в ссылке (Сенчиковский) или с расстроенными средствами (Рачинский). Очевидно, чувствует это и М. Д. Долбилов, отчего его повествование начинает «двоиться», становится внутренне противоречивым. Так, о Сенчиковском говорится, что он не был «послушным орудием» в руках правительства, и люди следовали за ним «не из-под палки» (с. 635, 638). Затем он превращается в «малосимпатичного субъекта», внутренний мир которого даже не заслуживает реконструкции (с. 649, 675, 577). Затем вновь выявляется, что в основе его деятельности лежали «соображения идейного характера» (с. 695). И так далее.

К серьезным размышлениям побуждает и еще один поставленный в исследовании вопрос: о масштабах и характере принуждения, использовавшегося властями в ходе этноконфессиональных кампаний в СЗК, и об обстоятельствах выбора, который в этой ситуации приходилось делать населению. Автор полагает, что главным стержнем вероисповедной борьбы в крае была защита католиками их религиозной свободы перед лицом грубого натиска со стороны имперских властей. Обширный материал, в том числе и представленный в книге, опровергает эту манихейскую картину столкновения «света» и «тьмы». Хотя тяготение местных жителей к православию и русской культуре в ряде случаев было выражено достаточно ясно, польские (полонизированные) элиты эффективно подавляли его, используя разные виды «ползучего», «бытового» террора. Представители шляхты, переходившие в православие, подвергались бойкоту родственников и социального окружения (с. 377, 386, 625). Против ксендзов, вводивших в богослужение русский язык, организовывались провокации, фабриковались доносы, которые при ближайшем рассмотрении оказывались ложными, но, тем не менее, затрудняли их деятельность (с. 671, 683). На крестьян со стороны помещиков оказывалось экономическое давление (с. 680). Фактически «недуховные» средства в вероисповедной борьбе использовались местными элитами столь же часто, что и властями (если не чаще). Насилие «вертикальное» (от государства к поданным) сталкивалось, таким образом, с насилием «горизонтальным» (в среде самого общества).

Пытаясь оправдать использование местными элитами явно недуховных средств (вплоть до угроз физической расправы),¹² М. Д. Долбилов заявляет: ксендзы «пытались хоть что-то противопоставить принуждению своих чад к смене веры», «не собирались сидеть сложа руки и созерцать, как у них похищают паству» (с. 427). Отметим, что разветвленный арсенал мер социального, экономического и физического принуждения, использовавшегося польско-католическими элитами, совсем не вписывается в понятие «хоть как-то». Да и зачем нужен был этот арсенал, если католицизм (в отличие от «казенного», «сервильного» православия), вполне мог, по мнению автора, держаться в крае силой «мощного духовного авторитета» (с. 354)?

Заявляя, что католиков «переводили» в православие принудительно, автор вынужден признать, что жалобы на «насилие» писала за прихожан в основном местная шляхта, причем жалобы эти производят впечатление «обкатанного нарратива» (с. 402, 409, 410). При проверке факты насилия зачастую не подтверждались (с. 411, 421, 430–431). Сходным образом нередко являлись на свет и протесты прихожан-католиков против введения русского языка в богослужение (с. 642). В конечном счете изложение материала в книге становится чрезвычайно противоречивым, приводимые автором факты не столько подкрепляют, сколько опровергают его концепцию. Начинаются попытки затушевать это обстоятельство неловкими извинениями: «Разумеется, у нас нет никаких оснований для «реабилитации» «обратителей» и т. д. (с. 410 и др.).

Попытки замены польского языка русским в дополнительном католическом богослужении (за рамками литургии) М. Д. Долбилов считает еще одним ярким примером покушения русских властей СЗК на духовную свободу католицизма, однако в реальности ситуация здесь носила весьма сложный характер. Сам по себе польский язык в католической церкви не имеет никакого сакрального значения (это не латынь), и его присутствие в богослужении для неполяков в СЗК было данью не столько церковной, сколько государственной традиции. Таким образом закреплялся «имперский» статус католицизма как официального исповедания

¹² Так, один из руководителей католического братства в селе Прозорово, Гродненской губ., «угрожал вешать» крестьян за попытку перейти в православие (крестьяне, по словам расследовавшего этот эпизод Стороженко, «горько рыдая и стоя на коленях», просили у него защиты от братства). По мнению М. Д. Долбилова, братчики таким образом лишь занимались «поддержанием конфессиональной дисциплины» (с. 432). Дисциплина эта, надо признать, была весьма своеобразной, если для ее поддержания требовалась виселица.

польского государства — Речи Посполитой, подчеркивалось доминирование польских элит на землях Западного края.¹³ Следует отметить, что последний момент долгое время не вызывал у российских властей возражений. Они вполне были согласны мириться с «польским» обликом края, если бы соблюдалось главное условие признания за элитами окраин их традиционных привилегий — политическая лояльность. Однако на землях Речи Посполитой это условие систематически нарушалось, и после второго вооруженного восстания имперские власти вынуждены были приступить (без особого энтузиазма) к изменению механизмов властвования на местах.

Вопрос о степени реального тяготения местного населения СЗК к православию и русской культуре представляется весьма спорным — с учетом давления, которому это население подвергалось с обеих сторон и которое мешало ему сделать подлинно свободный этноконфессиональный выбор. Однако и применительно к этой проблематике можно сделать ряд выводов, в целом также выходящих за рамки очерченной автором манихейской схемы. Целый ряд факторов подталкивал жителей СЗК, исповедовавших католицизм и/или тяготевших к польской культуре, к изменению своей этноконфессиональной ориентации. Одним из самых мощных факторов такого рода стало «непосредственное явление» краю царской власти, до сих пор как бы скрытой от него польско-католическими элитами. Стремление «следовать за царем» не следует расценивать как некий «сервизм». В сознании крестьян религиозное было неразрывно слито со светским, и прямая поддержка православия со стороны могущественной, почти сакральной фигуры монарха способствовала повышению авторитета этой конфессии (ранее — «холопской веры»). О серьезных сдвигах в национальном самосознании крестьян свидетельствовали их выступления в начале 1860-х гг. против повстанцев, поддержка ими правительственных войск. М. Д. Долбилов упоминает об одном из таких случаев (разгром отряда графа Платера под Динабургом), но не считает его репрезентативным, поскольку

¹³ Примечательно, что, описывая ситуацию с польским языком в богослужении для неполяков, М. Д. Долбилов переходит к своеобразной органицистской лексике. Если православие в книге почти всегда «насаждают», а русский язык «навязывают», то польский язык в церковном обиходе Западного края «прижился» (как бы сам собой), ситуация доминирования польской культуры в крае «исторически сложилась» (с. 460, 464, 467 и др.). Нет необходимости упоминать, что и польский язык «приживляли», и ситуацию его доминирования создавали путем целенаправленных и весьма жестких мер.

на Платера напали русские по происхождению крестьяне-старобрядцы. Удивительно, что автор обходит молчанием многочисленные случаи аналогичных столкновений, в которых принимали участие крестьяне-белорусы и украинцы.¹⁴ Само по себе участие крестьян в разгроме повстанцев почему-то вызывает у автора взрыв иронии, он именует их не иначе, как «динабургские молодцы» и «бравые ловцы мятежников» (с. 208–209).

Вообще надо отметить, что в этом и других случаях, когда изложение становится противоречивым, а выводы — слабо обоснованными, автор начинает прибегать к идеологизированным штампам, производящим впечатление ярлыков. Так на страницах книги появляются обороты типа «русификаторские бесчинства» (с. 353), «маниакальные спекуляции» (с. 428), «взвинчивание ксенофобской риторики» (с. 460), «удаль произвола» (с. 621), «состряпанный план» (с. 625), «начинив головы вздором» (с. 722) и т. д. Надо сказать, что подобные ярлыки — как и аляповатая карикатура на Александра II, которой оснащена обложка книги, — производят неприятное впечатление. Они никого ни в чем не убеждают, лишь снижают научную ценность книги, подрывая доверие к содержащимся в ней умозаключениям.

Заканчивая знакомство с монографией, читатель ждет выводов о том, чем же закончилась вероисповедная кампания в крае, и вновь наталкивается на неопределенные, размытые формулировки. Оказывается, что оценка эффективности деполонизаторских проектов властей невозможна «прежде специального рассмотрения последствий каждого из таких проектов применительно к конкретной группе или страте населения» (с. 966)¹⁵ — но разве такое рассмотрение не должно было входить в задачи исследования, посвященного этноконфессиональной политике самодержавия? Как вообще можно оценить то или иное направление политической деятельности, не зная его результатов? Автор упоминает о том, что своеобразным итогом вероисповедной кампании в СЗК стал в 1905 г. «массовый переход православных в католицизм» (с. 891), но вновь ничего не говорит о том, насколько массовым был этот переход и как он соотносился с количест-

¹⁴ См.: Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 77–84.

¹⁵ Подобным комментарием М. Д. Долбилов сопровождает вывод исследователя П. Терешковича о том, что кампания по деполонизации костела и обращениям в православие способствовала «сокращению к концу XIX в. численности людей с польской самоидентификацией», то есть в конечном счете оказалась успешной.

вом оставшихся в православии. Между тем такой анализ мог бы многое дать для понимания сущности вероисповедной политики самодержавия в крае.¹⁶

Из монографии очень мало можно узнать и о таком принципиально важном для темы исследования сюжете, как деятельность православной церкви в СЗК. Автор ограничивается замечаниями самого общего плана. Так, указывается, что православная («синодальная») церковь не пользовалась авторитетом, ибо «не давала примеров столь смелого (как у католиков) духовного противостояния вмешательству государства в религиозную жизнь» (с. 354); что движение православных братств, «как известно, не встретило дружного одобрения со стороны светских и духовных властей» (с. 322); что забота о «символике русского господства» преобладала над «тонкой и кропотливой деятельностью на низшем уровне» (с. 36). Трудно сказать, на чем основаны эти выводы. Не отрицая серьезных проблем в жизни православной церкви, следует отметить, что православному духовенству и мирянам-активистам удалось во второй половине XIX в. развернуть в крае достаточно активную культурно-просветительскую деятельность (в том числе и в русле движения братств). Осторожно следует принимать и вывод о «сервильности» православной церкви — на протяжении XIX в. она не раз выступала против вторжения светской власти в сферу ее компетенции. Так, в 1870-е гг. благодаря сопротивлению епископов и профессоров духовных академий было сорвано проведение антиканонической церковно-судебной реформы, «проталкивавшейся» таким влиятельным администратором, как Д. А. Толстой.

¹⁶ Сознвая всю сложность поставленного вопроса, выскажем ряд предварительных соображений. Известно, что в 1905–1907 гг. на территории Минской, Виленской и Гродненской губерний в католицизм отпало около 38 тыс. чел. (См.: Смолич И. К. Указ. соч. С. 482). В 1860-е гг. в православие здесь было обращено около 72 тыс. чел. Учитывая рост населения края за полвека примерно в 2 раза и то обстоятельство, что традиции «гонимых» религий прочнее всего сохраняются именно в семьях, можно предположить, что «упорствующих» здесь должно было насчитываться в начале XX в. никак не менее 100 тыс. чел., однако в католицизм перешла лишь меньшая часть этой группы. Добавим, что численность православного населения Белоруссии существенно не уменьшилась и в межвоенный период, когда власти II Речи Посполитой проводили политику гонений на православие и колонизации восточнославянского населения. См. об этом: Свитич А. К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос-Айрес, 1959 (современное переиздание в кн.: Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии: 1917–1950 гг. М., 1997).

В целом знакомство с книгой М. Д. Долбилова в большей степени порождает вопросы, нежели дает ответы относительно закономерностей этноконфессионального развития и механизмов национально-религиозной политики в Западном крае (и в целом на территории Российской империи). Предложенная автором концепция «полицеизма», как представляется, не подходит для объяснения основ религиозной политики самодержавия, поскольку «оставляет за бортом» слишком много явлений, явно в нее не вписывающихся, преувеличивает степень «дисциплинирования» и тем более «дискредитации», которым подвергалось иноверие в Российской империи. Особенности правительственных мер, принимавшихся в этноконфессиональной сфере, нельзя объяснить и с помощью отвлеченных идеологических конструкций — описаний предполагаемых (во многом постулируемых) особенностей менталитета бюрократии, без обращения к реальному контексту описываемых событий. Для СЗК таким контекстом являлась многовековая история противостояния православия и католицизма, а также обстоятельства восстания 1863–1864 гг., наложившие глубокую печать практически на все аспекты жизни края. Наконец, необходимо учитывать, что многочисленные этноконфессиональные конфликты второй половины XIX — начала XX в. далеко не всегда были проявлением «освободительной борьбы против имперского гнета» — зачастую они представляли собой столкновения различных имперско-государственных идеологий, отмеченных печатью исключительности и в силу этого мало способных к компромиссу. Подобное обстоятельство придавало конфликтам эпохи особый драматизм и остроту, в связи с чем их анализ, как представляется, должен носить предельно взвешенный, свободный от идеологических наслоений характер.

А. Ю. БЕНДИН

М. Д. ДОЛБИЛОВ. РУССКИЙ КРАЙ, ЧУЖАЯ ВЕРА:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ
В ЛИТВЕ И БЕЛОРУССИИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ II.

М., 2010

После распада Советского Союза и образования на его территории независимых государств начинается процесс формирования национальных историографий. Одновременно в России, странах СНГ и в странах дальнего зарубежья возникает новая волна научного интереса к истории Российской империи. В процессе изучения практик имперского управления в центре и на окраинах включаются историки вновь образованных суверенных государств и западные исследователи. Особенно привлекательными для историков становятся проблемные регионы империи, которые отличались сложным этническим и конфессиональным составом. К ним можно отнести Прибалтику, Северный Кавказ и Закавказье, Поволжье, Северо-Западный и Юго-Западный край. Однако опыт традиционного сосуществования различных конфессий и этнических групп еще не делал регион проблемным для имперского центра. Имелись причины, которые превращали существовавшие конфессиональные и этнические различия в источник напряженности, конфликтов и противоречий. Поэтому исследовательский интерес вызывают и региональные проблемы, и политика имперского центра, направленная на их решение.

Рассматриваемая объемная работа М. Д. Долбилова — своего рода итог многолетней работы автора по изучению имперской этноконфессиональной политики в Литве и Белоруссии в период правления императора Александра II. И хотя М. Долбилов рассматривает правительственную политику по отношению

и к местному католичеству, и к иудаизму, мне хотелось бы сосредоточить внимание на сюжетах, связанных с польским католичеством. В изложении этих сюжетов авторское видение феномена этноконфессиональной политики в Северо-Западном крае (Литве и Белоруссии) проявляется с наибольшей идейной выразительностью, что дает возможность рецензенту сделать обоснованные оценки и заключения о его работе.

Начать следует с анализа исследовательских подходов, которые избрал М. Долбилов для изучения избранного предмета исследования. Представляется целесообразным, прежде всего, обратить внимание на аналитический потенциал, который присущ исследовательским технологиям этого автора. Не менее значимым представляется и анализ категориального аппарата, которым он пользуется при анализе сложных идейных позиций и политических действий администрации по отношению к местному католичеству.

М. Долбилов рассматривает мотивацию и административно-миссионерскую практику сокращения католического присутствия в крае (закрытие костелов и монастырей, переходы из католичества в православие, административный контроль над католическим духовенством) в категориях «католикофобии», «дискредитации католичества», «административного произвола», «репрессий» и т. д. На наш взгляд, такой подход нельзя назвать продуктивным, так как он не учитывает в должной мере ту объективную основу, которая стала источником формирования дискурса и практического отношения российской власти, светской и духовной, к местному польскому католичеству.

Восстание 1863 г. в Северо-Западном крае по конфессиональному составу участников, способам мобилизации повстанцев и духовно-идейного лидерства было католическим. Для тактики восстания был характерен террор против мирных жителей, бесчеловечные расправы с представителями православного духовенства, чиновничества, лояльного к правительству белорусского крестьянства и репрессии против старообрядцев¹. Данное обстоятельство стало решающим фактором в формировании дискур-

¹ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864. М., 1965. С. 95–101; Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. С. 106, 114; Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 488, 491, 496; РГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 12, 18, 33, 50, 72. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 5; Сидоров А. А. Польское восстание 1863 года. Исторический

сивной практики и опыта восприятия польского католичества и его духовенства. Следует заметить, что для современников Римско-католическая церковь была не просто одной из христианских конфессий Северо-Западного края. Перед лицом всего христианского мира эта Церковь свидетельствовала о своей исключительности, утверждая, что только она является видимым установлением самого Христа, от Него наделенным истинным вероучением и неисчерпаемым источником благодати².

Участие представителей этой Церкви в вооруженном мятеже против российского государства свидетельствовало о связи католицизма с радикальным польским национализмом, о превращении Церкви в инструмент политической борьбы. Но для религиозного сознания аксиомой является то, что истинное призвание Церкви — христианское благовестие, с его проповедью любви и милосердия, спасения для жизни вечной, воскресения и Царства Божьего. Если в служение Церкви привносятся несвойственные ее природе политические мотивы, призывы к насилию и вооруженной борьбе с правительством, происходит дискредитация христианского благовестия и христианских ценностей любви и милосердия.

С государственной и православной точки зрения, местное католичество дискредитировало себя как христианская Церковь, что не могло не отразиться на негативном восприятии ее современниками, которые испытали глубокий стресс в результате жестокостей повстанческого террора³.

Не учитывать этого решающего обстоятельства при объяснении действий администрации и православного духовенства в отношении к католичеству — значит всецело переводить мотивы их поведения в область иррационального, когда определяющим стимулом для принятия политических решений служат фобии, образы, стереотипы и предрассудки. Согласно авторской интерпретации, в отношении взбунтовавшегося католичества представители российской стороны руководствовались не рациональными расчетами, призванными обеспечить целостность государства и безопасность его лояльных подданных, а исключительно озлобленным и болезненным воображением «полонофобов» и «католикофобов» (с. 227–366).

очерк. СПб., 1903. С. 228; Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1864 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 27.

² Стацевич Д. священник. Пространный римско-католический догматический и нравоучительный катехизис, для руководства при преподавании закона Божия во всех учебных заведениях. СПб., 1865. С. 114–115.

³ Щеглов Г. Э. 1863-й. Забытые страницы. Минск, 2005. С. 30–31.

Однако иная, непредвзятая интерпретация источников позволяет сделать вывод о том, что меры, предпринятые администрацией по ограничению католического влияния в крае, имели вполне рациональный политический смысл. В восстании 1863 г. правительство столкнулось с тем бесспорным фактом, что католический клир и монашествующие использовали свою духовную власть над паствой в качестве инструмента мобилизации политических врагов российского государства. Внесение религиозных мотивов в гражданский конфликт, или, иными словами, католизация восстания, усилило его социальные масштабы, внесло ожесточенность и в вооруженное противостояние, и в проявления террора.

Возникали вполне обоснованные опасения, что в случае организации очередного сепаратистского восстания «фанатическая» приверженность католиков к своей Церкви получит недопустимый приоритет перед светским законом и политической лояльностью российской монархии. Поэтому нельзя было допустить повторения ситуации, в которой духовная власть католического клира вновь смогла бы трансформироваться во власть политическую, способную мобилизовать и объединить силы сепаратистов в Северо-Западном крае Российской империи.

Цель нового политического курса по отношению к местному католицизму, принятому в 1864–1868 гг., заключалась в том, чтобы с помощью чрезвычайных мер упразднить потенциальную опасность появления новых антироссийских выступлений с участием представителей католического клира. Более того, памятуя, что ведущей социальной силой восстания была местная шляхта, правительство, с помощью указанных превентивных мер, стремилось предотвратить возможность участия в будущих сепаратистских выступлениях белорусского католического крестьянства, что придавало бы польскому национальному движению массовый характер. Для этого необходимо было не допустить «смещения» функций духовенства в сферу политической пропаганды и прозелитизма, направляя их на выполнение установленных законом и каноническим правом сугубо профессиональных религиозных обязанностей⁴.

Настойчивое стремление М. Долбилова увидеть в действиях российских чиновников, осуществлявших присоединение католиков к православию, «секуляризирующий эффект», вновь заставляет обратить внимание на поведение «грубо дискредитируемого» ими католического клира. В восстании 1863 г. администрация,

⁴ Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, 2010. С. 5–7.

православное духовенство и население Северо-Западного края получили впечатляющий урок «секуляризма», который продемонстрировали им представители этого клира. Приверженность части ксендзов к идеям и практике радикального польского национализма, участие в вооруженном мятеже и подстрекательство мирян к участию в нем — феномен сугубо мирской. Церковный национализм являлся особой формой радикальной идеологии секулярного характера, которая подчиняла религиозные ценности мирским — политическим и национальным.

В этой связи административно-миссионерская кампания по присоединению католиков к православию, которую нельзя назвать вполне добровольной, явилась вполне адекватной реакцией на восстание, событие чрезвычайное по своему характеру. Действительный, а не гипотетический «секуляризм» в религиозную жизнь Северо-Западного края внесло отнюдь не миссионерствующее российское чиновничество. Это гораздо более успешно проделало католическое духовенство, которое интерпретировало традиционное католическое вероучение в радикальном националистическом духе.

Рассматривая сюжет о политике обрусения костела в Северо-Западном крае, М. Долбилов вновь отказывает российской элите в осмысленном выборе политической стратегии, проявившейся в издании указа от 25 декабря 1869 г.

В идейном обосновании региональной политики деполонизации костела автор усматривает не более чем «символический» акт административного экзорцизма, направленного на окончательное «изгнание вражеского духа» (с. 452–454).

Но если внимательно и непредвзято проанализировать источники этого периода, становится понятен рациональный смысл решений российского правительства. Действия по деполонизации костела и, шире, Северо-Западного края, стали правомерной реакцией на вооруженное выступление польских сепаратистов, активно поддержанных костелом. В результате возник интеграционный политический проект, призванный с помощью русского языка преодолеть этнические границы, создаваемые конфессиональным путем. Эти границы начали разделять этническую общность русских (белорусов) на русских и поляков. Теперь же, по замыслу законодателя, католики-белорусы должны были войти в состав большой «русской народности», то есть в широкую этническую общность белорусов, малороссов и великороссов.

По тем временам это был передовой политический проект. Политика обрусения костела преследовала цель секуляризации

традиционного восприятия этничности, освобождение этнического самосознания от конфессионально определяющего компонента: католик — значит, поляк, православный — значит, русский. Модернизированное, светское понимание этничности исходило из иного представления: русский (белорус) — это и католик, и православный. Предпринятая правительством попытка изменить вектор этнического самоопределения полонизируемых белорусов-католиков являлась частью инициированного Великими реформами общего процесса интеграции российского «общества по вертикали через сословные, религиозные и регионально-этнические перегородки»⁵.

Нельзя забывать и о мотивах сохранения целостности западных границ империи⁶. У правительства были серьезные политические основания действовать таким образом, чтобы белорусы-католики, которые были русскими по этническому происхождению, не интегрировались с помощью костела в польскую конфессионально-этническую общность Северо-Западного края. Очевидная прагматическая цель этих превентивных действий заключалась в том, чтобы не допустить возможного превращения русских католиков в социальную опору местного польского сепаратизма.

Ответственность за неудачи в практике правоприменения указа от 25 декабря 1869 г. и негативные социально-религиозные последствия для католиков М. Долбилев целиком возлагает на российскую бюрократию и «ксендзов-русификаторов». В объяснении мотиваций их действий не обошлось, разумеется, без выявления «конспирологических фобий русского национализма». Но если без предвзятости проанализировать практики сопротивления введению русского языка со стороны католического духовенства и мирян, становится очевидным, что в профессиональном умении нагнетать страх перед происками «дьявола» и коварной «схизмы» преуспела именно католическая сторона⁷.

Необходимо добавить также, что против ксендзов — сторонников обрусения костела — применялся психологический и физический террор: их травили и убивали местные фанатики,

⁵ Тишков В. Что есть Россия и русский народ: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit01.php>.

⁶ Сталюнас Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 570.

⁷ Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. С. 85–87.

их лишали средств к существованию, а с восстановлением католической иерархии в начале 80-х гг. со стороны духовных властей к ним применялись и церковные наказания.

Бесспорно, что правительство и его сторонники среди католического духовенства допустили ряд ошибок в практической деятельности по правоприменению указа от 25 декабря 1869 г. Но свою долю ответственности за то, что правила веротерпимости в отношении десятков тысяч прихожан Минской губернии были нарушены, несет и католическая сторона. Решение конгрегации инквизиции от 11 июля 1877 г., которое запрещало введение русского языка в польском костеле, канонически связало католичество с полонизмом, утвердив эту традиционную связь авторитетом и силой церковного закона. Несмотря на уверения Римской курии, что принятое конгрегацией решение было направлено исключительно на сохранение церковной традиции в землях бывшей Речи Посполитой, оно носило также и политический характер.

Достаточно отметить, что, принимая этот указ, правительство никоим образом не касалось содержания католического вероучения и не ставило своей целью с помощью русского языка подготовить принудительное обращение католиков в православие. Тем не менее Римская курия охотно восприняла аргументы местных католиков об угрозе их совести, якобы исходящей от «схизмы», под которой понималась и Православная церковь, и Российское государство, и Россия в целом. И тогда Рим, опираясь на свою каноническую власть, запретил католикам — подданным суверенного российского государства — исполнение указа, изданного их государем. Теперь уже католическая иерархия, следуя каноническому решению Рима, которое не имело в России законной силы, препятствовала утверждению ксендзов на вакантные приходы, оставляя прихожан без должного церковного попечения.

В решении затянувшегося церковно-государственного конфликта о языке дополнительного богослужения правительство пошло на компромисс с Римской курией, согласившись на замену польского языка латинским. Но католический клир Минской губернии в нарушение достигнутого соглашения постепенно восстановил польский язык в дополнительном богослужении. Поэтому несколько позже, в 1905 г., правительство Николая II было вынуждено признать, что процесс полонизации белорусов-католиков усилился и его следует остановить, избегая при этом ошибок прошлого. Таким образом, политическая целесообразность деполонизации костела, впервые сформулированная в период

правления Александра II, получила официальное подтверждение в условиях начавшейся демократизации России⁸.

Складывается впечатление, что автор демонстративно не желает замечать ту жесткую зависимость, которая существовала между степенью политической опасности для целостности империи, вызванной польским восстанием, и ответной многоуровневой реакцией администрации, православного духовенства и представителей русской мысли⁹.

В результате оказывается, что и в этом случае в отношении администрации к польскому католицизму главную роль играл не основополагающий факт вооруженного мятежа, благословляемого частью католического духовенства, а снова образы, стереотипы и предрассудки, то есть сфера иррационального.

Само же местное католичество, подобно Папе Римскому, выступало столь религиозно глубоким, а политически, юридически и ксенофобски — безгрешным, что сей загадочный феномен российская бюрократия и русские националисты рационально постичь были попросту не в силах. И тогда перед непостижимой тайной и нравственной высотой польско-католической эзотерики ущербный русский разум в бессилии отступал. Чиновники и публицисты, движимые чувством злобной мстительности, целиком отдавались власти раздраженного воображения, становясь «католикофобами», «полонофобами», которые творили «административный произвол» и «дискредитировали» католический клир¹⁰.

Неудивительно, что просчеты и ошибки, допускаемые администрацией, неизменно трактуются М. Долбиловым как действия жестокие и бессмысленные, а политические предательства, патриотические ценности и позитивные действия российской стороны становятся объектом авторского сарказма. Сами же проводники российской политики в крае представлены как личности

⁸ Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. С. 110–128.

⁹ Коялович М. О. Шаги к обретению России. Минск, 2011. С. 583–590.

¹⁰ Глубокое понимание мотивов поведения российской стороны высказал известный церковный историк И. К. Смолич: «Во время восстаний 1830–1831 и особенно 1863 г. поляки требовали восстановления «древней Польши», Речи Посполитой, другими словами, они настаивали на возвращении им непольских земель. Подобные планы могли вызвать у русского правительства только ожесточение и уж никак не понимание. Да и русское общество, которое приветствовало отнюдь не все меры по подавлению восстания, не могло принять польских требований. Эта позиция общества, исторически вполне понятная, служило мощной поддержкой правительственной политике как сразу после восстания, так и в последующие десятилетия» (Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Книга восьмая. Часть вторая. М., 1997. С. 284–285).

малосимпатичные, которые в отношении католиков и поляков руководствовались предвзятыми мнениями, невротическими, комплексами, низменными инстинктами и беспринципными карьерными соображениями.

В действительности, после восстания 1863 г. усилиями многих российских деятелей был начат процесс впечатляющей модернизации Северо-Западного края. В этом бесспорная заслуга таких незаурядных личностей и талантливых реформаторов, как М. Н. Муравьев, К. П. фон Кауфман, И. А. Шестаков, И. П. Корнилов, П. Н. Батюшков и многих других, достойно служивших Российской империи на ее западных окраинах.

В результате же интерпретационных усилий М. Долбилова перед нами предстает некое подобие политического фарса, бездарно разыгрываемого российской бюрократией на подмостках Северо-Западного края. Исторические персонажи, действующие в нем, характеризуются автором как лица, одержимые маниакальным стремлением во что бы то ни стало сделать религиозную жизнь католиков Литвы и Белоруссии болезненной и невыносимой.

Столь однобокое представление об имперской этноконфессиональной политике и ее русских деятелях становится неизбежным, когда в качестве познавательного инструмента выступает не всесторонний, беспристрастный анализ мотивов и действий участников событий, позволяющий сделать обоснованные и убедительные выводы, а представления интерпретатора, который «конструирует образ прошлого по духу своего времени и по собственному вкусу»¹¹.

Методологические приемы, используемые автором, подчиняют обширную доказательную аргументацию магии интерпретационных технологий, призванную убедить неискушенного читателя в преимущественно иррациональной природе дискурса и репрессивной практики российского господства на западных окраинах империи. Усилить суггестивный, а следовательно, и коммерческий эффект призван яркий образчик пошлого политического кича — западная карикатура на императора Александра II, демонстративно вынесенная на обложку книги.

В сущности, М. Долбилова можно отнести к многочисленным «режиссерам исторической ретроспекции»¹², чья постмодернистская интерпретация социальной реальности уводит нас от пони-

¹¹ Ранчин А. История «для бедных». Русские древности на телевидении, в кинематографе и в просветительской литературе // Новый мир. М., 2011. № 9. С. 175.

¹² Елистратов В. Эра пошлости, или Диктатура искусствителя: <http://magazines.russ.ru/october/2011/5/el11.html>.

мания смысла исторических событий в область оценочных характеристик и провокативной авторской игры в наукообразную реконструкцию прошлого.

Наивный аисторизм, свойственный мышлению этого автора, не может не вызывать иронию читателя, знакомого с основами исторического знания. Вот как, например, характеризует М. Долбилов представления российских администраторов об этнической идентичности: «Перед нами классический пример примордиализма в воззрениях на проблему национальности. Русскость, понятая в категориях середины XIX в., преподносилась как неизменная, имманентная, уходящая в глубь веков сущность»¹³.

Оказывается, российская бюрократия Северо-Западного края — это не только компания политических неврастеников, прожектеров и любителей репрессий. Окраинные администраторы отличались еще и поразительной провидческой недалёковидностью. Как и следовало ожидать, эти стихийные приверженцы примордиалистского понимания этничности оказались неспособными воспарить над реалиями своего времени и теоретически опередить свою эпоху лет на сто вперед. Тяжкий интеллектуальный грех этой бюрократии заключается, очевидно, в том, что она не усвоила современных конструктивистских представлений об этничности как социально организационном феномене. Чем, собственно, и заслужила снисходительную критику г. Долбилова.

Большая исследовательская работа, проделанная этим автором, не принесла существенных перемен в научное понимание процессов и событий, происходивших в Северо-Западном крае в период правления Александра II. И дело не только в специфической рефлексии и авторской интерпретации исторических источников. Созданное им представление о феномене имперской этноконфессиональной политики, проводимой в отношении к польскому католицизму Северо-Западного края, не отличается новизной и оригинальностью. Подобное негативное отношение к имперской политике русификации Северо-Западного края демонстрирует нам и польская, и националистическая белорусская историография. Сознательно или нет, но М. Долбилов с помощью современных исследовательских технологий лишь подтвердил безызвестный ленинский тезис о Российской империи как «тюрьме народов». Посему не без основания можно говорить об эвристической нищете, которая обнаруживается, к сожалению, в содержании внушительного по объему труда этого плодовитого автора.

¹³ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 210.

М. А. КОЛЕРОВ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА
ПОЛОНИЗАЦИИ ЛИТВЫ XIX–XX ВЕКОВ

В. М. Кабузан. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М., 2009

Северо-Западный край (литовско-белорусские), Привислянский край (польские) и Прибалтийский край (остзейские губернии) Российской империи теперь представляются исторически связанными не только рамками империи. Но, пожалуй, главным фактором их внутреннего исторического единства стали: сначала параллельная экспансия на Восток региональных империй XVII века, Швеции и Речи Посполитой, далеко и надолго отодвинувшая Московскую Русь от западных пределов исторической Руси и лишившая её исторических новгородских земель на побережье Балтийского моря, а затем — мучительная борьба Российской империи XVIII века за установление своей власти в этих пределах и разрушение конкурирующих империй.

Но в тени польского, шведского и этнокультурного немецкого (в Прибалтике) господства, в тени имперского строительства России все эти годы оставалась мало видимая этническая история местных народов, чаще служивших безгласно страдающим хором на сцене событий. XIX век стал веком национализма и творения национальных мифов и для этих народов. Их в значительной степени крестьянская социальность, часто лишённая полноты феодальной и буржуазной иерархии, той среды, где рождались

нации и государственности Нового времени, нередко оставляла в наборе их исторических инструментов лишь массовый социальный протест и войну.

Так социально-политическая революция «красных латышей» в 1905–1918 гг. и государственное, от имени национальной крестьянской диктатуры, изгнание немцев из Латвии в конце 1930-х в исторической перспективе были долгим взрывом национального протеста против немецкого господства. В этой перспективе находится и — противоположный логике прежних протестов — массовый коллаборационизм с гитлеровскими оккупантами в 1941–1945 гг., давший доступ к «господской» войне против советского (русского) социального равенства. Чтобы не жить вместе с русской общиной, многочисленность которой была создана рижской промышленностью ещё со времён императорской России, после 1991 года независимая Латвия уничтожила свою крупную промышленность, как наследие советской индустриализации. При этом важно, что в перспективе 150 лет, пока шла имперская индустриализация, Курляндская губерния, ставшая главным донором латышского населения для немецко-русской Риги и Лифляндской губернии, не дала массовой эмиграции за границу или в глубь империи практически ничего. Только Первая мировая, Гражданская и Вторая мировая войны впервые двинули сотни тысяч людей в Латвию и из неё. Однако наибольшие механические демографические потери Латвия понесла в 1990–2000-е годы, когда её эмигрантам открылась трудодефицитная промышленность Запада. Так латышей начал преследовать сначала этносоциальный конфликт, а затем массовая миграция.

Литву преследовало и преследует иное. В XIX — первой трети XX в., в конце XX и начале XXI в. её социальная история неизменно была и остаётся историей массовой эмиграции. Однако, в отличие от Латвии, этнодемографическая сложность Литвы — результат не конфликта с историческим наследием (в данном случае — наследием Великого княжества Литовского (ВКЛ) в составе Речи Посполитой), а долгой, упорной борьбы за его монопольное присвоение и ассимиляцию. Это связано с мощной традицией собственной государственности, с XVI века попавшей в нарастающую зависимость от польского доминирования. Этот «тихий» конфликт развивался в центре региона, на стыке описанной имперской географии Северо-Западного, Привислянского и Прибалтийского края, — прежде всего в Виленском крае (Виленской губернии), который с 1919 по 1939 гг. был аннексирован

у Литвы Польшей и неизменно оспаривался Литвой в качестве исторической литовской земли.

Сегодня в исторической полемике литовских политиков и публицистов с польскими политиками и публицистами вокруг языковых, экономических и гуманитарных прав польского населения Виленского края (Вильнюсского уезда) вопрос об этнодемографической истории поляков этого края является центральным. На фоне присущего всякому национализму и распространённого в польской и литовской исторической публицистике убеждения в неизменном первородстве, примордиальности польского и литовского этносов, история поляков Виленщины для обеих сторон, напротив, служит живым примером историчности, рукотворности, конструктивизма их идентичности.

Сегодня, препятствуя полякам Литвы писать свои имена и фамилии в соответствии с правилами польского языка, как это принято в абсолютном большинстве стран, пользующихся латиницей, и реализовывать свои (стандартные для Европейского Союза) языковые права в месте своего компактного проживания, представители властей Литвы и их апологеты привычно указывают на то, что в лице поляков Литвы в большинстве случаев выступают не поляки, а крипто-литовцы, в 1920–1930-е гг. и ранее подвергшиеся принудительной полонизации. И, таким образом, власти Литвы чуть ли не «помогают» им «вспомнить» о своей *литовскости*.

Во весь рост в этом историческом споре встаёт — исторически и хронологически по-прежнему острая, актуальная взаимная ассимиляция. Ей сопутствует — живое в памяти ещё живущего старшего поколения — завершение процесса этнической самоидентификации народов региона, включая Прибалтику, который в годы вокруг польского восстания 1863 года находился ещё в стадии первого принципиального перелома, а завершился лишь после обретения независимости Польшей и странами Прибалтики в 1918–1919 гг., а окончательно — после войны 1939–1945 гг. и даже распада СССР в Прибалтике в 1990–1991 гг. Именно это в итоге окончательно установило «титულную» этническую принадлежность государств и их обществ, этнокультурное лицо большинства в которых было продиктовано политической волей власти. В этом смысле Польское восстание 1863 года, начавшееся под тройным гербом Речи Посполитой как единства Польши, Литвы и Руси (Царства Польского и ВКЛ), вызвало к жизни борьбу за окончательное, уже этнографическое отделение Литвы и Руси (Северо-Западного края) от Польши (Привислянского

края), последней связью между которыми оставался Виленский край, вся история которого вплоть до 1939–1944 гг. стала историей колонизации — чисто этнической «Реконкисты».

Примером максимального воздержания сторон от полемики, вернее, образцом консенсуального для политической Литвы отказа от рассмотрения «польского вопроса» по существу может послужить очерк современных литовских исследовательниц М. Рамонене и К. Гебен¹, которые, касаясь специального вопроса о литовских поляках, дают почти очищенный от взаимных исторических споров (но наштампованный модернизированными в литовской версии топонимами) очерк польской Литвы начиная с того времени, как через 400 лет после унии Польши и ВКЛ произошла колонизация её элиты и государственных институтов:

«...Со второй половины XVII века польский... становится официальным²... В шляхетской среде формируется новое национальное самосознание: *Gente Lituanius — Nazione Polonus*... Распространение польского языка среди низших социальных слоёв сельского населения ВКЛ начинается во второй половине XIX в. Большинство историков и лингвистов разделяет мнение... о стихийной колонизации литовско- и белорускоязычных крестьян, проживавших в каунасском, вильнюсском и зарасайском ареалах... Создание в 1918 г. независимых Литовской и Польской Республик повлекло за собой рождение национально-социальных структур. Часть исторических литовских территорий (в том числе и столица Вильнюс) некоторое время входила в состав Польской Республики. На этой территории польский язык играл роль государственного, а жители этих территорий получили польское гражданство, что способствовало становлению у них польского самосознания... Иная ситуация сложилась после 1918 г. на территории Литовской Республики, где имела место быстрая религуанизация части населения, ранее говорившего на польском языке. После Второй мировой войны... договор Польши и СССР предпо-

¹ Мейлуте Рамонене, Кинга Гебен. Особенности языкового поведения литовских поляков // Диаспоры. М., 2011. № 1. С. 89–91.

² Примечательна замена литовскими авторами официального (до конца XVII в.) старославянского языка ВКЛ конструктором «старобелорусского» (С. 89). Как эти авторы представляют себе действие не подлинного «русского / русского» языка, а вымышленного «старобелорусского» в качестве официального на всей территории ВКЛ, то есть и на Малой Руси, в Молдавии, Валахии, а также в Галиции, не говоря уже о входивших ранее в ВКЛ русских Верховских княжествах (в верховьях р. Оки), не поддаётся никакому объяснению.

лагал возможность репатриации лиц польской национальности из СССР в Польшу. Во время массовой «репатриации»³ поляков в 1945–1948 гг. из Восточной Литвы выехало 197 тыс. человек (в том числе из Вильнюса — 107,6 тыс. человек), в 1956–1959 гг. — 46,6 тыс. человек»⁴.

Далее исследовательницы рядом, в соседних предложениях, делают два взаимоисключающих заявления: с одной стороны, — «послевоенное время стало для литовских поляков периодом интенсивной русификации»⁵. Польский язык сохранился на территории Литвы только в форме говора», а с другой — «в Литве [Литовской ССР. — М. К.] благодаря культурной автономии сохранились польский язык и национальное самосознание». Из этого текста хорошо видно, что основная историческая борьба и этнодемографическая сложность Литвы настолько выхолаще-

³ Авторы с особой стыдливостью называют аннексию Польшей территории Виленского края в 1919–1939 гг. («некоторое время входила»), зато послевоенную советскую репатриацию *половины* наличных поляков из Литвы в рамках многочисленных для послевоенной Восточной Европы взаимных межграницных этнических переселений, проведённую советскими властями в интересах литовского большинства в Литовской ССР, исследовательницы настойчиво маркируют политически мотивированными кавычками в слове «репатриация», словно речь идёт об этнической чистке всего польского населения Литвы. То есть речь шла о целевом заселении Вильнюса литовцами преимущественно из сельской местности — надо полагать, вслед за литовскими исследовательницами, что это делалось именно для его «русификации».

⁴ Относительно же фактов и точных чисел репатрированных известны и другие данные: 22 сентября 1944 правительства Литовской ССР и Польши договорились об эвакуации (добровольной репатриации) бывших граждан Польши (ими до 1939 г. автоматически становились все жители Виленского края) — поляков и евреев — из Литовской ССР в Польшу и литовцев из Польши в Литву. Репатриация была завершена лишь 1 ноября 1946 (для депортации такой длительный срок был бы просто невозможен). Всего из Литвы в Польшу переехало, по польским данным, свыше 197.000 (по литовским данным — 171.000) человек — из них 90,2 % поляки, 8,6 % евреи, в том числе из Вильнюса 89,6 тыс. чел. (80 % всех жителей) (Как Вильнюс стал литовским // Литовский курьер. Вильнюс, 18 июля 2008: www.inosmi.ru/world/20080718/242680.html).

⁵ Постановлением СНК Литовской ССР и ЦК КП (б) Литвы от 23 февраля 1945 «О заселении г. Вильнюса в связи с репатриацией поляков...» был утвержден план покрытия потребности в трудовых кадрах в Вильнюсе в количестве 29 650 чел. и план мобилизации в Вильнюс из городов и уездов Литвы 20 000 чел. (Как Вильнюс стал литовским...). То есть, если следовать логике литовских исследовательниц, советские власти Литвы переселяли сельское литовское население в Вильнюс, чтобы подвергнуть его «русификации».

ны до предела, что должно создаться впечатление, что процессы ассимиляции произошли едва ли не автоматически, сами по себе. Создаётся впечатление, что в лучшем случае проблемы взаимной ассимиляции нет, а торжеству соседних бесконфликтных нацие-строительств мешает лишь советская русификация.

Впрочем, даже из этого текста литовских исследовательниц следуют два предметных вывода: (1) именно новые, *независимые государственности Литвы и Польши* в межвоенный период стали главным силовым полем и *инструментом для ассимиляции меньшинств в интересах титульного большинства*, (2) *польская* идентичность польского населения Виленского края и *литовская* идентичность польского населения в самой Литве окончательно победили лишь в 1920–1930-е гг. под властью Польши и Литвы соответственно.

На систему литовской аргументации в Польше, в свою очередь, публицистически неизменно отвечают, что действительная полонизация литовцев Виленского края в довоенный период была актом «возвращения» им некогда отнятой у них при содействии властей Российской империи литуанизированной (в современном литовском русском языке это называется также «олитовленной») идентичности.

В Польше считается, что эта *польскость* была опасной в глазах русской администрации. Ведь по итогам разделов Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией 1772, 1793 и 1795 гг., к России отошли Восточные Кресы, то есть территории Литвы и Руси, позднейших Лифляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Волынской, Киевской, Подольской губерний, на востоке проходя в непосредственной близости от Смоленска и Киева (не включая ни Галиции, ни Малой Польши, ни Мазовии, доставшихся Австрии и Пруссии). Дворянство этих земель было и оставалось польским, католическим и полоноязычным. Пользуясь всеми сословными, конфессиональными и языковыми привилегиями, это дворянство не оставило надежд на восстановление независимости своей утраченной страны. Но, борясь за независимость, оно требовало восстановления границ своей империи по состоянию на 1772 год, то есть возвращения Польше Малой Руси, Белой Руси, Литвы и Лифляндии (Инфлянтов). Ради этого польская государственность (Герцогство Варшавское (1807–1813/1815) и новое Великое княжество Литовское (1812)) стала протекторатом Бонапарта в его нашествии на Россию в 1812 году, в результате поражения которого к России отошли и земли собственно Царства Польского. Автономное Царство

Польское в составе Российской империи — в новой борьбе за независимость вновь требовало возвращения себе Литвы и Руси по границам 1772 года, — и в 1830, и в 1863 гг. — дважды поднимало восстания против империи. При этом вплоть до 1863 года оно было лишь ядром и частью той польской «внутренней империи» в составе России, где на землях бывших польских Литвы и Руси польская экстерриториальная монополия фактически доминировала в церковной (католической и униатской, до 1839) и образовательной политике, сфере феодальной собственности и сословного лидерства шляхты. А центральная власть Российской империи смирялась с ней так же, как смирялась до времени с автономией Финляндии и монополией шведской элиты в ней, смирялась с культурным, сословным и экономическим диктатом остзейского немецкого дворянства в российском Прибалтийском крае. Во всех трёх случаях — на бывших землях Речи Посполитой вне Царства Польского, в Финляндии и Прибалтике — господство местных правящих классов из числа поляков, шведов и немцев — никогда не подкреплялось их этнодемографически ничтожной долей в населении, но основывалось на сословной и имперской легитимности. Поэтому борющаяся за границы 1772 года⁶ *польскость* трижды (1812, 1830, 1863) была обречена на встречу с непольским большинством своих бывших подданных и нынешних крепостных.

Особым испытанием стала культурная, демографическая, а затем и политическая *борьба поляков и литовцев за национализацию Виленского края* — и именно она более всего похоронила исторический миф о непреходящем единстве Польши и Литвы, Rzeczypospolitej obojga narodów (двух наций) — Польского королевства (Короны) и ВКЛ, сделало проект восстанавливаемой Речи Посполитой монополю польским, мононациональным. Поэтому автора настоящей рецензии более всего интересует зона совместного проживания поляков, литовцев и белорусов в части пределов Царства Польского / Привислянского края (Сувалкская губерния) и северной части прежних Восточных Кресов Речи Посполитой (Виленская и Витебская губернии), ставшая одной

⁶ Восстановление границ 1772 года было польским требованием не только в 1812, 1830, 1863 гг., но и в 1919–1920, 1943 гг., в практике «Прометейзма» 1920–1930-х, было паттерном для концепции Е. Гедройца и Ю. Мерошевского «УЛБ» (признания независимости Украины, Литвы и Белоруссии, 1974) и осталось им для польского покровительства «оранжевой революции» на Украине (2004) и для инициированной Польшей программы Европейского Союза «Восточное партнёрство» (2008).

из тех территорий польских восстаний 1830 и 1863 гг. На них на *многонациональном* ландшафте и проверялась практикой способность этих восстаний обеспечить лояльность политэтнического населения прежних Восточных Кресов к лозунгам польского *мононационального* возрождения в границах 1772 года.

От этнодемографической перспективы и этнодемографического контекста этих социальных и исторических встреч-конфликтов в ходе военных кампаний и восстаний и зависел, в конечном счёте, успех или неуспех возрождения польской Речи Посполитой как региональной империи. Её русское (белорусское и малороссийское, в первую очередь) население, вплоть до большевистской национально-республиканской «коренизации» СССР 1920-х — начала 1930-х гг. существовало как преобладающе целостный этноконфессиональный и культурно-языковой организм, отдельный от Польши. Тем временем литовцы начали строить свой национальный проект, который независимым от России сделала только Первая мировая война. А еврейское население до и после отмены «черты оседлости» в большинстве своём сделало выбор в пользу Российской империи и СССР и их возможностей, и лишь во вторую очередь — в пользу эмиграции в США, и в третью очередь — в пользу сионистской колонизации Палестины.

Помещение этнодемографической истории Польши и Литвы в контекст Прибалтики в её современном понимании, то есть там, где начиная с XVII века экспансия Польши на Восток столкнулась с экспансией Швеции, Пруссии и немецким правящим классом, а поляки сами стали объектом немецкой ассимиляции, где в 1920–1930-е гг. Польша стала в регионе крупнейшим конкурентом СССР, проливает особый свет на инструментарий и материал этнокультурной конкуренции.

С фактографической точки зрения это *помещение в контекст* сделал известный и исследовательски чрезвычайно активный, недавно умерший историк-демограф *Владимир Максимович Кабузан* (1932–2008), который и после своей смерти дарит новые труды русской науке. Рецензируемая книга — лишь одна из его посмертных публикаций⁷.

В. М. Кабузан так определяет географию предмета: «В состав Прибалтийского региона мы относим населённые преимущественно литовцами, латышами и эстонцами Эстляндскую, Лиф-

⁷ Среди них и такая, открывающая в авторе острое чувство современности: В. М. Кабузан. Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX–XX вв. // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012.

ляндскую, Курляндскую и Ковенскую губернии, а также Кёнигсбергский и Гумбиненский округа Восточной Пруссии. Кроме того, здесь анализируются также Виленская, Витебская и Сувалкская губернии, а также Алленштейнский округ Восточной Пруссии. Они лишь частично могут рассматриваться в составе региона... В целом по ходу работы иногда приходится также сохранять и традиционное деление на Прибалтику в узком, принятом в XIX — начале XX в., смысле слова (то есть Лифляндскую, Эстляндскую, Курляндскую губернии), Белорусско-Литовский регион (Виленскую, Ковенскую, Витебскую губернии), Сувалкскую губернию Царства Польского и Восточную Пруссию (Кёнигсбергский, Гумбиненский и Алленштейнский округа)» (с. 20).

Политико-географический состав Прибалтики в русской традиции претерпел следующие перемены. До 1917 года это был Прибалтийский (Остзейский) край Российской империи (состоявший из Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний, то есть нынешних Латвии и Эстонии). В 1920-е — историко-географическое содержание Прибалтики в советском языке расширилось до Литвы, Латвии и Эстонии, иногда также Финляндии. Например, в 1933, 1934 и 1935 гг. официальные представители СССР, включая главу НКВД М. М. Литвинова, говоря о задачах региональной безопасности, а в 1939-м — новый глава НКВД СССР В. М. Молотов, говоря о прямой угрозе войны, неизменно включали Финляндию в число стран Прибалтики, наряду с Эстонией и Латвией⁸.

В 1920–1930-е гг., по мере внешнеполитического сближения Польши с Финляндией, Эстонией и Латвией, Литва, так и не согласившаяся с оккупацией Польшей Виленского края, естественным образом выпала из коалиционного формата Прибалтики, но это не мешало некоторым авторам объединять все эти пять стран в целостный регион «окраинных» государств⁹, что, впрочем, не смогло конкурировать с более общим понятием «лимитрофов», то есть государств, образовавшихся или расширившихся после распада Российской, Австро-Венгерской и Германской империй на их некогда «пограничном» стыке (Румыния, Венгрия, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия). Присоединение в 1940 году Литвы, Латвии и Эстонии к СССР окончательно закрепило за ними в русском языке имя Прибалти-

⁸ Синица Вунш. Красная угроза: образ СССР в финской прессе. 1939–1940. М., 2011. С. 191, 191–193, прим. 73, 195–196.

⁹ С. Гессен. Окраинные государства. Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Л., 1925.

ки, а итоги советско-финской войны 1939–1940 гг. вывели из состава региона Финляндию¹⁰.

В. М. Кабузан профессионально, подробно и неоднократно останавливается на проблеме источниковой базы исследования, основой которого послужили материалы V–X ревизий (1795–1858), данные административно-полицейских исчислений (1795–1858), данные церковного учёта, переписи населения 1881–1917 и до 1920-х гг. и до 1989 (с. 3). Его главное сожаление состоит в том, что привлечение следующего по детальности уровня данных — по населённым пунктам — осталось ему явно не под силу: «Несмотря на исключительно богатые источники и наличие целого ряда солидных исследований, этнодемографическая ситуация в Прибалтике не исследована должным образом в динамике и за большие отрезки времени. В настоящем исследовании мы поставили своей задачей рассмотреть эту проблему по уездам и губерниям (в границах конца XIX в.), а также в рубежах современных прибалтийских республик¹¹ с конца XVIII в. до наших дней» (с. 19).

Таким образом, исходя из источников, автор даёт средний региональный и субрегиональный показатель этнической динамики без её диахронической и территориальной (по населённым пунктам) полноты. Восстановление этой полноты В. М. Кабузан прямо завещал «историкам демократических, свободных респуб-

¹⁰ Невольно наследующая попытке заменить «Прибалтику» понятием «Восточная Прибалтика» (В. Т. Пашуто. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке. М., 1951. С. 29, 31, 35, 38, 43, 44, 47, 55), попытка современного экономиста Л. М. Григорьева ввести для расширенного региона стран традиционной Прибалтики и Калининградской области России понятие «Восточная Балтика» (Леонид Григорьев. Экономические перспективы Восточной Балтики: конкуренция и сотрудничество. М., 2005) не удалась, а одновременное (2005) предложение автора этих строк ввести для Калининградской области России имя «Русская Прибалтика» в актуальном политическом узусе осталось невостребованным. Отражением нового, расширенного понимания Прибалтики стали географические рамки рецензируемой книги В. М. Кабузана.

¹¹ Это, кстати, соответствует практике современной прибалтийской официальной историографии: см., например, государственные школьные атласы по истории Латвии, в которых линия границ современной Латвии неукоснительно налагается на каждый исторический период, начиная с древности. Неизбежное и понятное модернизаторское усилие В. М. Кабузана ограничить географию предмета ойкуменами титульных этносов современных стран Прибалтики часто некорректно превращается у него в модернизацию исторических топонимов и этнонимов, конструирование этничности до того, как она стала фактом даже для её носителей: см., например, в книге постоянную подмену исторических имён современными именами: Ревель — Таллин, Мемель — Клайпеда, литвины/русины — белорусы, др.

лик Прибалтики» (с. 21); он даёт им и методическую подсказку: «Распространение при изучении списков населённых мест данных об этническом составе населения более позднего времени на более ранний период является, по нашему мнению, весьма плодотворным делом. Конечно, при учёте показателей миграции, естественного прироста и т. д. Наши попытки заинтересовать исследователей Литвы, Латвии и Эстонии изучением этих списков путём сплошного анализа за большой отрезок времени (100 и более лет), к сожалению, не дали никаких результатов. А ведь это единственный надёжный путь для анализа изменений в этническом и ином составе населения за большие отрезки времени» (с. 24, прим. 34). Впрочем, учитывая официальную националистическую идеологию правящих в Литве, Латвии и Эстонии этнократий, прямо диктующих науке и, силой уголовных санкций, всему обществу «правильные» исторические концепции и терминологию, предпочитающих утверждать тотальную «пришлость» иноязычного населения и, например в Латвии, отвергающих этничность коренных для страны латгальцев, рассчитывать на то, что это завещание учёного о необходимости детализации исторической картины *принципиальной полиэтничности Прибалтики* будет исполнено именно силами этнократических историографий, не приходится.

Историк вновь и вновь указывает на эвристический смысл новых источников: «Особую ценность представляют списки населённых мест западных губерний России, собранные П. И. Кеппеном в 1827 г. Они свидетельствуют о весьма распространённом здесь двуязычии (язык прихожан «польско-русский», «русско-польский» и т. д.). Такие списки имеются по Ковенской, Виленской и Витебской губерниям (литовцы здесь отделены от литвинов-белорусов, но поляков далеко не всегда можно отделить от белорусов-русских)» (с. 22, прим. 5). В. М. Кабузан цитирует переписные этноязыковые формулировки из материалов X ревизии 1857–1858 гг.: «жители славяно-литовцы. К их славяно-литовскому наречию очень мало принимается языка литовского», а в Виленском уезде в десятках тысяч для каждого варианта — «преимущественно поляки» или «преимущественно литовцы» (с. 7–8).

Несмотря на уверенность В. М. Кабузана, что «показатель родного языка в сочетании с данными о вероисповедании, и в ряде случаев сословной принадлежности, позволяет в большинстве случаев определить этнический состав населения с необходимой степенью достоверности» (с. 13), она не помогает ему там, где определённая узкая этничность ещё просто не родилась. По свидетельству историка, этому не помогает даже самая зрелая

перепись Российской империи — 1897 года. Там первенствовал языковой принцип и «отсутствовал главный этнический определитель — национальный. Но он не использовался тогда ни в одном из государств Европы... Это сказалось на точности учёта литовцев Виленской губернии, *значительная часть которых признала свои родным языком польский, но не утратила своего самосознания*. Но возможностей их учесть не существует» (с. 12–13)¹². В эту тему, прямо скажем, *незавершённости этногенеза* значительной части крестьянской массы, вероятно представляющей собою два разделённых лишь конфессионально многоязычного континуума — католический польско-литовский и православный польско-белорусский / литовско-белорусский, часто с особым рвением устремляются «национализаторы», «конструкторы нации» *aposteriori*, маркируя континуум тем или иным этнонимом, в зависимости от политической задачи. Но беда их в том, что они не могут смириться с тем, что зрелый этнос невозможен без внутриэтнической иерархии, что «национально сознательному» крестьянству нужны собственные национальные дворянство, буржуазия и интеллигенция. И поэтому они раз за разом ангажируют в ряды своего «воображаемого сообщества» то К. В. Калиновского, то ещё какого-нибудь шляхтича, вменяя ему культурно и, главное, социально чуждую языковую / конфессиональную среду в качестве *этнической* самоидентификации.

Современный польский исследователь подводит свой историографический итог: «Двойная польско-литвинская идентичность в XIX — начале XX в. (вплоть до Первой мировой войны) была естественной для большинства шляхты, происходившей из Великого княжества Литовского. Она фиксировалась традиционной формулой «*Gente Lithuani (Rutheni), natione Poloni*» (литвины (русины) польской нации)»¹³. К этому он присовокупляет и суждение творящей свою национальную историю белорусской исследовательницы С. Куль-Сельвестровой, предоставляя ей продемонстрировать, что её (довольно зыбкие) доказательства

¹² Известна двойная и даже тройная этничность выходцев из Литвы на примере главы советского НКВД в 1930-е гг. Н. И. Ежова (1895 года рождения): его отец был русский, мать — литовка, дед — поляк, а сам он свободно говорил на литовском и польском языках (М. А. Колеров. [Рец.:] Н. Петров, М. Янсен. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008 // Русский Сборник: Исследования по истории России. IX. М., 2010. С. 384).

¹³ Пётр Глушковский. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013. С. 35.

«белорусско-литвинской» идентичности этой шляхты опираются на, прежде всего, *ситуативные* характеристики, которые просто меркнут перед многогранностью и глубиной шляхетской *польскости*. Она пишет, пытаясь вычленив белорусское содержание польско-литовской шляхты (акценты мои. — *М. К.*):

«К моменту восстания 1794 г. в Польше существовало ясное представление о литовской шляхте как о родственной, но не идентичной с поляками. Литвинских и польских нобилей объединяла общая историческая традиция (!), социальное положение (!), польский язык (!) (белорусский (?)) к тому времени для литвинской шляхты был языком домашнего общения (?) и коммуникации с крестьянами (?), в значительной степени религия (!), общность государственной принадлежности (!)»¹⁴.

Но как доказать хотя бы то, что именно «белорусский для литвинской шляхты был языком домашнего общения»? Например, такой детально представленный личными свидетельствами его самоидентификации деятель, как Ф. В. Булгарин, ярко продемонстрировал, что дополнительная к его польской и имперской идентичности региональная «белорусско-литвинская» (у белорусских авторов она превращается в первую, а у польских примордиалистов сопровождается домыслами о болгарской и албанской генетике) не достигает качественного уровня *польскости*, обрекая белорусских «конструкторов» тщетно противопоставлять фундаментальным факторам польской идентичности (миссия, статус, язык, религия) разного рода территориализмы. Но и здесь конструируемая этничность бессильна преодолеть сословно-социальные границы. Урождённый как польский шляхтич в поместье возле Минска, Ф. В. Булгарин ясно показал, что для представителей его сословия не было никакого выбора между его польским существом и «литвинским» географическим и социальным локусом. Он, крайний польский патриот и поклонник Т. Костюшко, писал о себе, что территориально «принадлежит к одной из древнейших боярских фамилий Малой России, или тогдашней Руси Белой...». А его биограф-современник, фокусируясь на *бедности* семьи, отмечал: «были Булгарины богатые и очень бедные. Фаддей Булгарин принадлежал к последней категории и был белорус»¹⁵.

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ Там же. С. 5, 19, 31, 32. Убедительные аргументы в пользу польскости Ф. Булгарина, опирающиеся на его личный выбор тем творчества, языка,

Так только вне культурных и сословных пределов шляхты и *польскости*, если угодно, и можно было найти русско-белорусскую (крестьянскую) бедность и литовско-белорусское (сельское) «литвинство». Достаточно ли было быть бедным и и православным сельским жителем польской Литвы, чтобы выстроить свою, отличную от русской, литовской и польской, — белорусскую идентичность без национальной школы, без национальной литературы, без национальной элиты? Ясно, что нет.

Закончив с экскурсом в двойную идентичность польской шляхты Литвы, продолжим извлечение из труда В. М. Кабузана положений, проливающих свет на заявленные проблемы. Фундаментальный этнодемографический контекст Прибалтики, описанный автором книги, таков:

(1) низкий по сравнению со средним в Российской империи естественный прирост «коренных» в понимании В. М. Кабузана этносов (т. е. литовцев, латышей, эстонцев)¹⁶;

(2) с конца 1860-х гг. — высокая эмиграция за рубеж евреев и литовцев преимущественно из Ковенской и Сувалкской губерний;

(3) вплоть до 1914 г. — низкий механический (миграционный) прирост населения, низкий механический отток (миграция) в другие регионы империи.

Помещение этнодемографической сложности населения региона в больше глубокий диахронический контекст прямо отсылает к тому времени, когда экспансия польско-литовской Речи Посполитой на Западную Русь и далее, мобилизуя в ряды своей шлях-

конфессии, см. в рецензии на эту книгу: Людмила Лаптева. Новый взгляд на Фаддея Булгарина // Родина. М., 2013. № 8. С. 70.

¹⁶ Лишь в одном месте В. М. Кабузан оговаривается, имея в виду литовцев, латышей и эстонцев: «основные народы Прибалтики (кроме поляков и шведов)» (с. 12). Всяюду по тексту и в таблицах под названием «численность и удельный вес коренного населения» следуют в динамике за 1795–1989 гг. лишь данные о литовцах, латышах и эстонцах (с. 27, 64, *passim*). Что же получается: даже если абстрагироваться от зафиксированной самим автором двойной, переходной и не сложившейся ещё идентичности, — поляки, евреи, русские/белорусы и немцы, прожившие на территории Прибалтики по нескольку сотен лет, — не коренные? Излишне говорить, что именно это различие в практике правящих ныне в Латвии и Эстонии этнократий явилось теоретическим фундаментом для построения режима политического апартеида в виде массового безгражданства по этноязыковому признаку и ксенофобии, преимущественно выраженной в русофобии, а также для государственного прославления гитлеровских коллаборационистов из числа литовцев, латышей и эстонцев, в 1941–1945 гг. принявших участие в геноциде евреев, русских, белорусов, украинцев и поляков.

ты и военных сил её население наряду с населением Малой Руси, в итоге достигло сердцевины Московской Руси. Здесь оно наткнулось на внутрирусские этнографические территории старой Владимиро-Суздальской Руси (ранее расширение ВКЛ касалось только Смоленска, Тулы и Верховских княжеств, в верховьях Оки западнее и южнее Москвы). В годы Смуты начала XVII века эта активная польская военная, административная и династическая экспансия заставила русских дать себе отчёт о двойственности понятий «поляков» и «литвы» как имени приходящего из Речи Посполитой племени. Современный авторитетный историк русской Смуты начала XVII века Б. Н. Флоря предпринял специальное исследование «Образ поляка в древнерусских памятниках о Смутном времени», проанализировав современными методами базовый образ того, что в дальнейшем будет наследоваться, тиражироваться и уточняться. Его выводы заставляют нас, во-первых, с ещё большим основанием отметить нынешние «нациетворческие» вымыслы о белорусских «литвинах» — и, главное, вновь оценить историческую глубину этнически-территориальной двойственности/тройственности идентичности населения в исследуемом регионе. Б. Н. Флоря резюмирует:

«В нашем распоряжении вовсе нет свидетельств, которые позволили бы говорить о каких-то отличиях “поляка” в сознании русского общества от других обитателей Речи Посполитой. Правда. В большинстве источников для обозначения жителей этого государства употребляется два разных термина: “поляки” и “литва” (или “польские и литовские люди”), однако в научной литературе уже отмечено, что авторы времени Смуты не видели между этими терминами никакой разницы, они выступали одними и теми же эпитетами и, скорее всего, воспринимались как синонимы. Кроме “поляков” и “литовцев” в границах Речи Посполитой проживали в немалом количестве предки современных украинцев и белорусов — “русский народ”, по терминологии того времени, которые говорили на языке, сходном с языком жителей России, и исповедовали ту же веру. Среди жителей речи Посполитой, появившихся на русской территории в годы Смуты, таких людей было немало. Один из польско-литовских гетманов тех лет, Ян Петр Сапега, писал в начале 1611 г.: “У нас в рыцарстве большая половина русских людей”. Но об участии в событиях Смуты “русских людей” из Речи Посполитой в дошедших до нас памятниках не говорится ничего. С редкой последовательностью пришедшие из Речи Посполитой войска именовались как “польские” или “литовские” люди, с которыми... у жителей России нет и не может быть ничего общего. Буквально несколько единичных

упоминаний нарушают эту общую картину, показывая, что в России знали о том, что в Речи Посполитой живут не только “поляки” и “литовцы”, но и “русские люди”, но о какой-либо их роли в событиях Смуты никак и нигде не говорится. Единственная группа населения Речи Посполитой, которая подчас фигурирует в памятниках как участник событий Смуты в одном ряду с “поляками” и “литовцами”, — это запорожские “черкасы”; но в этом ряду они никак не выделяются, а подчас и сами запорожцы в русских текстах этого времени определяются как “литва”...»¹⁷.

Впрочем, демографически выраженное в классификации по языку, признание факта неопределённости, неокончателности, «поливалентности» этнических характеристик местного населения не только традиционно для науки, но и было присуще ей и тогда, когда она была в наибольшей степени встроена в простые политические схемы (в СССР) и когда процесс принудительного «упрощения» этничности, подчинения её политической титульности, то есть ассимиляции (в Польше и Литве), был ещё в самом разгаре.

Известный русский и советский историк сербско-украинского происхождения, первый ректор Белорусского государственного университета в Минске (1921–1929) В. И. Пичета (1878–1947) после присоединения Западной Белоруссии и Западной Украины к СССР выступил с очерком, в котором нарисовал «картину вековой эксплуатации народов этих стран (! — *М. К.*) под двойным гнётом (классовым и национальным) и борьбы против польских панов вплоть до окончательного освобождения братской Красной Армией от всякого гнёта». Здесь он затронул и проблему этничности местного населения:

«При всех недостатках переписи 1897 г., она всё же дала относительно верную картину этнографического состава Западной Белоруссии, хотя часть населения, называвшая себя поляками, состояла в сущности из белорусов-католиков».

В отличие от имперской переписи (по языку), её национальный аналог (и по конфессиональной принадлежности) вызвал критику историка, сразу определившего его ассимиляторский смысл. При этом белорусский советский историк фокусируется на ассимиляции белорусов, игнорируя литовское население в составе католиков Виленщины, оставляя в стороне польско-ли-

¹⁷ Б. Н. Флоря. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 381–382, 383.

товское противоборство и претензии Литвы на Виленский край, который он включает в состав Западной Белоруссии:

«В 1919–1921 гг. польское правительство произвело перепись населения в Западной Белоруссии — в воеводствах Виленском, Белостокском, Новогрудском и Полесском, т. е. в значительной части быв. Виленской, Гродненской и Минской губерний. По данным переписи, в четырёх воеводствах католики составляли 43,2 % всего населения, православных было 43,5 %, старообрядцев — 12 %, прочих вероисповеданий — 1,3 %. Произведя перепись, польские статистики при её обработке применили метод, который никогда не применялся в статистике: они положили в основу определения национальности вероисповедальную принадлежность. Поэтому все католики были причислены к полякам, а православные — к белорусам. Благодаря такому приёму, например, приemannское население Западной Белоруссии оказалось, по польской статистике, исключительно польским...».

При этом историк сообщал без ссылки на источник, что «в Западной Белоруссии поляков насчитывается только от 2,5 до 5 %»¹⁸.

Важнейшим, но недостаточно акцентированным самим В. М. Кабузаном выводом из его исследования мне представляется зафиксированная им *двойственность массового (крестьянского) этнокультурного самосознания*, явленная в двойных самоназваниях и двуязычии. В этом пространстве ещё не сложившейся идентичности, на мой взгляд, и лежит главная основа, предпосылка конкурентной борьбы между поляками и литовцами за распространение своей идентичности на подвластное население, и в этом — корень прежде упомянутых споров о первородстве. Несмотря на вменения, в исторической, а не книжной, реальности перед шляхтой так и не возникло реального выбора: быть ли ей польской или нет, а все редкие акты воображения себя «белорусом» (хоть «сарматом») не вышли за пределы индивидуального театра (вновь вспомним К. В. Калиновского и его «белорусскую» агитацию) и остались маргинальными. А вот значительная часть огромного крестьянского большинства оставалась объектом для шляхетского воздействия, но в годы кризисов и кровопролития ценой жизни и сопротивления подтверждало свою *непольскую* веру и общерусскую идентичность. А затем,

¹⁸ В. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С. 121–122.

с годами, по мере развития церковно-приходского и земского просвещения, получив свою низовую сельскую интеллигенцию, всё более открывалась *нешляхетской, то есть не польской*, этнической пропаганде, этническому выбору или даже этническим репрессиям и манипуляциям.

Российский историк А. С. Кибинь, в прямое опровержение белорусским «конструкторам» и модернизационному пафосу В. М. Кабузана (который обнаруживает, несмотря на собственные же данные об отсутствии «белорусов» как самоидентификации, этот этнос на протяжении всего XIX века), так формулирует итог современной польско-белорусской историографии вопроса: до середины XIX века «мы не найдём упоминаний о белорусском народе в массовых документах — по-прежнему все православные жители ВКЛ и Короны считали себя одним русским народом», даже термин середины XVII в. «белорусцы»¹⁹ был понятием московского делопроизводства, а не самоназванием для жителей востока ВКЛ — Белой Руси. «Причиной, по которой в новое время не возникло белорусской нации, была не слабость национального самосознания населения Белоруссии, а наоборот — его сильная русская или литовская идентичность», в итоге — в конце XIX века *«белорусами стали не столько те, кто видел себя таковыми, а те, кого видели белорусами, и в первую очередь этнографы, историки и власти Российской империи»*, — заключает историк²⁰.

Труд В. М. Кабузана позволяет проследить в динамике, как вокруг дат двух польских восстаний и по их дальним итогам, с середины XIX по начало XX века, в сравнении с более стабильной долей латышей и эстонцев на их этнографических территориях (особенно эстонцев в первоначально немецком Ревеле: см. таблицу 1), доля литовцев росла в Сувалкской губернии Царства Польского (на 29%)²¹ и резко падала в Виленской (более чем на 30%) и Ковенской (более чем на 20%) губерниях Литвы (см. таблицу 2).

¹⁹ См. об этом также: Б. Н. Флоря. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 409.

²⁰ А. С. Кибинь. Нация и её имя (Łatyszzonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006) // Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. Вып. 4 / Отв. ред. Н. В. Николаев. СПб., 2008. С. 206–208.

²¹ При этом в целом в Царстве Польском в начале XIX века доля литовцев была почти 7%, а в конце XIX века (в Привислянском крае) — чуть более 3% (с. 39). По данным переписи 1897 года, в населении Сувалкской губернии литовцы составляли 52,3%, поляки — 23,0%, евреи — 10,1%, русские — 9,1%.

Таблица 1. Эстонцы и другие в Ревеле (%)²²

	1820	1834	1871	1887	1897	1913	1917
Эстонцы		42,4	51,8	57,4	68,7	71,6	57,6
Немцы	42,9	36,8					
Русские	17,8				10,2		25,6

Таблица 2. Литовцы, латыши и эстонцы по губерниям (1795–1917, %) ²³

	Ревизия 1795	Ревизия 1834	Ревизия 1858 ²⁴	Перепись 1897	Исчисления 1914–1917
		Виленская			
Литовцы	Всего 62,6	17,8	19,2	17,6	12,3
		Ковенская			
Литовцы		79,8	76,9	66,0	63,3
		Сувалкская			
Литовцы	54,5	41,5	41,8	52,3	53,5
		Курляндская			
Латыши	82,6	80,9	78,9	75,1	75,1
Литовцы	2,2	1,5	1,4	2,4	2,4
		Витебская			
Латыши (Латгальцы) ²⁵	16,2	19,0	17,7	17,7	18,6
		Лифляндская			
Латыши	44,8	41,8	42,2	43,4	40,1
Эстонцы	47,5	46,6	46,1	39,9	36,8
		Эстляндская			
Эстонцы	92,5	92,3	92,3	88,7	88,7

²² Составлено по данным В. М. Кабузана: с. 59–60.²³ Составлено по данным В. М. Кабузана: с. 112–113.²⁴ У В. М. Кабузана описка: «Перепись: X (1897 г.)» (с.112). Надо читать: «Ревизия: X (1858 г.)».²⁵ Выделяя для этой губернии латгальцев (официально признававшихся этносом даже в Латвийской ССР вплоть до 1959 года), В. М. Кабузан всё же включает их в число латышей: с. 40.

Главную роль в изменении удельного веса народов при росте их абсолютной численности в регионе играли, согласно выводам В. М. Кабузана, три фактора: (1) очевидно, вызванная социальным гнётом, эмиграция литовцев и евреев за рубеж, (2) полонизация литовского и белорусского населения в Виленской и Сувалкской губерниях и (3) германизация литовского и польского населения в Восточной Пруссии (С. 31–32, 37, 47, 55). Эмиграция отчасти, несомненно, объясняет резкое падение доли литовцев в Ковенской и Виленской губерниях, но прямо и категорически противоречит данным о резком росте их доли в Сувалкской губернии. И поэтому мне представляется, что главным, наряду с важными другими, фактором роста/падения доли литовцев является перемена ими идентичности, вернее, отказа от двойственного самоопределения в пользу однозначного. Что было фактором такого выбора — принудительная или добровольная ассимиляция, то есть в данном случае полонизация? Это необходимо рассмотреть на уже указанном примере Виленской губернии, ставшей центром польской-литовской этнодемографической борьбы. В. М. Кабузан даёт важный материал для этого анализа (см. таблицу 3), из которого, прежде всего, следует тот принципиальный факт, что полонизация *не была направлена специально против литовцев*, а затрагивала также и ещё более радикально и русских носителей белорусского языка, определяемых автором книги как белорусов.

Таблица 3. Основные этнические группы Виленского уезда (%)²⁶

	1858	1916	1919
Литовцы	27,0	15,9	7,5
Белорусы	30,0	2,5	Н. д.
Поляки	24,0	74,9	87,2

В. М. Кабузан, комментируя эти данные, сообщает, что современные событиям исследования зафиксировали, что «на большей части Виленской губернии в начале XX в. *не отмечалось подъёма национального самосознания* литовцев и полонизация²⁷ шла полным ходом. Добавим, что по немецкой переписи 1916 г. в г. Вильнюсе поляки достигали уже 50,5 % всего населения, а литовцы —

²⁶ Составлено по данным В. М. Кабузана: С. 39, 56, 8.

²⁷ Слово исправлено: у автора здесь, вероятней всего, описка: «колонизация».

2,6 %, а в Виленском уезде соответственно 71,9 % и 15,4 %» (с. 23, прим. 12). Важно, что культурное отступление литовцев перед конкурентным натиском поляков (вплоть до перемены этничности) ещё более заметно на примере населения города Вильно, где иные этносы — пока была жива Российская империя — смогли сохранить свою идентичность рядом с поляками (см. таблицу 4).

Таблица 4. Евреи, белорусы и русские в населении Вильно (%)²⁸

	2 пол. XIX в.	1897	1909	1916	1931
Белорусы		35,4	37,9		26,4
Русские		20,1	20,8		20,2
Евреи	44,8			43,5	

«Быстрая ассимиляция поляками коренного литовского населения на территории Виленской области (уезды Виленский, Трокский, Свенцянский) и бывшей Сувалской губернии (Сейненский) привела к тому, что уже в начале XX в. литовское (по языку) население составляло здесь не более четверти всех жителей и преобладали поляки и белорусы», — пишет В. М. Кабузан (с. 18). А имея в виду дальнейшее присоединение Виленского края к Польше, резюмирует: «...в <19>30-е годы почти всё население здесь уже говорило преимущественно по-польски... именно в начале XX в. территория Виленского и Трокского уездов из литовской превращается в польскую²⁹ и остаётся таковой до депортации³⁰ отсюда поляков в 1946 г.» (с. 18, 39), но считает необходимым, не растолковывая смысла «исконности», добавить: «И в то же время это была исконно литовская земля» (с. 18).

Далее историк подробно описывает типичную этническую судьбу Виленского края в составе Польши в контексте Прибалтики 1920–1930-х гг., где процветала принудительная административная ассимиляция в интересах титульных наций:

²⁸ По данным В. М. Кабузана: С. 57, 83, прим. 30.

²⁹ На 27 мая 1942 г. среди жителей Вильно поляки составляли 71,9 %, литовцы — 20,5 %, русские — 4,2 %. На 1 августа 1945 г.: поляки — 82,7 %, русские — 7,4 %, литовцы — 6,9 % (Как Вильно стал литовским...).

³⁰ Как видим, В. М. Кабузан тоже иной раз использует агитационно-политическую терминологию, говоря о послевоенной «депортации» (с. 13, 39, 68, 130) поляков из Литвы (или Виленского края) в 1940–1950-е гг.

«В 20–30-е годы XX в. отмечается весьма значительное изменение в этническом составе жителей региона. Увеличивается удельный вес коренных народов во всех республиках. В Литве удельный вес литовцев с 1914 по 1939 г. повысился с 53,5 % до 72,3 %, в Латвии латышей — с 64,8 % до 74,9 %, в Эстонии эстонцев — с 89,8 % до 91,8 %. Одновременно в регионе понижается доля большинства других народов... Очень сомнительно, чтобы за столь короткое время удельный вес и даже абсолютная численность ряда народов так сильно понизилась. Особенно это касается белорусов, которых к концу <19>30-х годов вообще почти не осталось. Вряд ли так сильно могла упасть и доля евреев. Бесспорно, в Литве и в Виленской области, тогда принадлежавшей Польше, протекали интенсивные этнические процессы (ассимиляция литовцами и поляками представителей других этносов). Однако проводимые тогда там переписи явно «ускоряли» ход естественного процесса, включая всех «пограничных» людей в состав литовцев, а в Виленской области — поляков. Это было тем более возможно, так как в регионе тогда существовало значительное двуязычное и даже трёхязычное население. Как особую форму протеста против такого открытого ускорения естественных этнических процессов в Клайпедской области появляются так называемые «жители Мемеля» (Memelländer), а во многих воеводствах Польши — «тутейшие», «жители Карпат» (Karpatenländer) и т. д. В Латвии в 1914–1939 гг. резко снижается доля белорусов, литовцев, евреев, эстонцев, немцев, поляков. Удельный же вес русских в эти годы не претерпел изменений (было 9,6 %). В Латвии в 1920–1930-е годы отмечается процесс быстрой русификации белорусов (особенно в Латгалии). Именно благодаря этому в республике не изменилась доля русских. И одновременно полным ходом идёт ассимиляция латышами евреев, поляков и литовцев» (с. 64–65).

Я уверен, что речь идёт не только об ускорении самоидентификации и ассимиляции в интересах титульного этноса, но и о принуждении к выбору титульного этноса в качестве самоидентификации и, вполне вероятно, о фальсификации итогов переписи в политически «нужном» направлении (так, как это произошло в Литве в 2011 году, когда президент Литвы не согласилась с итогами общенациональной переписи, назвав их заниженными, и в результате данные были исправлены³¹).

³¹ Суть претензий президента Литвы к государственной статистике состояла в том, что предварительные данные переписи 2011 года показали общую

Одновременный описанным, процесс ассимиляции поляков в традиционно населённой ими части Восточной Пруссии (территории Пруссии, а затем — Германской империи) доказывает, что контекст жёсткой этнической конкуренции имел свои государственные рамки, диктовавшие её конкретное содержание, особенно при сравнении этнической динамики поляков в «самом польском» Виленском уезде Литвы с «самым польским» Алленштейнским округом Восточной Пруссии. Если в XIX — начале XX в. в Германии от немецкой ассимиляции страдали поляки (см. таблицу 5),

Таблица 5. Поляки и немцы Алленштейнского (Ольштынского) округа Восточной Пруссии (%)³²

	1858	1861	1890	1910	1925
Поляки	71,2	67,7	60,4	48,9	17,4
Немцы	28,8	30,2	43,2	50,4	82,3

в Российской империи — от естественной польской ассимиляции страдали литовцы, то в 1920–1930-е гг. в независимой Польше (в Виленском крае) — вновь литовцы, на этот раз — от принудительной польской ассимиляции, в независимых Литве и Латвии от столь же принудительной ассимиляции — евреи, поляки и белорусы. Так культурно и политически активное меньшинство на одной территории могло превратиться в доминирующую ассимилирующую силу, а на другой — напротив, стать объектом ассимиляции (см. картину меньшинств в таблице 6).

Возвращаясь в историческую глубину, а именно в XIX век с его многократными попытками поляков (1812, 1830, 1863) вер-

численность населения страны заметно меньше 3 млн человек (в 1992 было 3,7 млн), то есть продемонстрировали символическую грань неутешительных итогов депопуляции, в основном, за счёт массовой эмиграции на Запад (по официальным данным — 400 000, но эксперты называют от 700 000 до 1 млн). Президент Литвы Даля Грибаускайте публично и бездоказательно заявила, что данные переписи неверны и что общая численность населения должна быть больше 3 млн. После этого официальные данные переписи повысили итоговую цифру более чем на 100 000 человек и превысили 3 млн. Вскоре глава службы государственной статистики Литвы получила назначение генеральным консулом в Санкт-Петербург.

³² Составлено по данным В. М. Кабузана: с. 48–49.

Таблица 6. Некоторые национальные меньшинства в Прибалтике (1795–1939, %) ³³

	1795	1858	1897	1914– 1917	1923– 1925	1939
Литва						
Поляки	9,0	6,2	10,1	12,5	13,1	10,9
Евреи	6,8	10,9	13,0	15,9	8,4	9,1
Белорусы и русские	10,2	12,1	14,0	14,0	13,1	5,1
Немцы	2,9	2,8	3,0	3,9	3,4	2,8
Латвия						
Поляки	2,0	2,7	3,4	4,4	2,8	3,6
Евреи	1,5	3,5	6,4	7,0	5,2	4,8
Русские, белорусы и украинцы	7,6	9,8	12,1	13,8	12,6	9,6
Эстония						
Евреи	—	—	0,4	0,6	0,4	0,4
Немцы	3,5	4,9	3,5	2,8	1,8	1,5
Русские, белорусы и украинцы	0,8	2,6	3,9	4,2	3,8	4,6

нуть себе независимую, но уже национальную государственность на многонациональной территории, мы должны поместить эти восстания в этнодемографический контекст бывших Восточных Кресов Речи Посполитой. В контекст, как уже было сказано, не до конца сформировавшейся, двойственной этничности, совпадающей с сословными и социальными рамками, где польская шляхта в целом противостояла литовскому и русскому (белорусскому и украинскому) крестьянству и еврейскому населению местечек. Можно предположить, что именно «господские» польский язык и отчасти католическая / униатская церковь для этого иноэтничного социального большинства служили критерием самоопределения. И иерархически более высокое положение *польскости* делало её социально, по крайней мере, отчасти чуждой для более «низкого» и ещё не полонизированного крестьянского большин-

³³ Составлено по данным В. М. Кабузана: с. 124–129.

тва Восточных Кресов, оставляя простор для соединения этой чуждости с очевидной социальной рознью между крестьянами и шляхтой. Известно, что именно эта не сформированная до конца, социальная этничность, не пережившая ещё полной ассимиляции, и образовывала пропасть между восставшими польскими властями и шляхтой. Да и трудно было полякам (за исключением Виленского края) на Восточных Кресах даже в перспективе рассчитывать на этническую солидарность в деле национального освобождения, там, где даже в более позднее время доля поляков была крайне невелика: например, по переписи 1897 года, в белорусской Гродненской губернии поляки (вернее — назвавшие польский язык родным!) составляли всего 10,1 %, в то время как евреи — 17,4 %, а в украинской Волынской губернии — поляки составляли 6,2 % (ср.: немцы — 5,7 %), в то время как евреи — 13,2 % (при этом естественный прирост евреев традиционно былкратно выше, чем у других групп населения)! И, по-видимому, здравый смысл польской общины именно поэтому после 1863 года направил её культурно-демографические усилия в сторону ассимиляции литовцев и белорусов там, где к этому сложились особые предпосылки, — в Виленском крае.

Вольно или невольно уничтожаемая таким образом — в интересах разнообразного, конкурентного национального и государственного строительства — этнокультурная сложность региона с появлением независимых государств стала главной жертвой их рациональной государственной «биополитики». Но не уничтожила социальной нужды и стимулируемой ею эмиграции, превратив их в один из факторов конкуренции, которую власти использовали или преодолевали, строя этнически более гомогенные общества (вплоть до изгнания немцев в конце 1930-х из Латвии и Эстонии и истребления евреев в 1941–1944 гг. в Литве, Латвии и Эстонии, начатого местными этническими властями ещё до прихода гитлеровских оккупантов).

В. М. Кабузан приводит данные об огромных миграционных потоках в Прибалтике 1920–1930-х: из Литвы (без Виленского края и Мемельского края) в 1920–1940 гг. в основном в США, Бразилию и Аргентину официально эмигрировали 102,4 тыс. человек, из них 85 % — в 1920-е гг., из них треть — евреи (при том, что в населении евреи составляли всего 10 %) (с. 62). В 1919–1924 гг. в Латвию прибыли около 230 тыс. эмигрантов, в том числе 96 % из России (с. 63). Финальные факторы уничтожения этнической сложности, перечисляемые историком, таковы (с. 67–68):

(1) *истребление и эмиграция: фактор практически необратимый* — «В 1943–1944 гг. из Эстонии, Латвии и Литвы с отступающими немецкими войсками ушло в Германию 165 тыс. человек, Бельгию — 35 тыс., Швецию — 30 тыс. Сверх того, в 1942–1943 гг. из Эстонии в Швецию уехали все проживающие там шведы (более 6 тыс. чел.). Таким образом, общий отток населения составил почти 240 тыс. чел. Однако по данным Чрезвычайной государственной комиссии СССР по состоянию на 1 марта 1946 г., в Германию на работу было отправлено [из Прибалтики] 415,4 тыс. чел... Сверх того немцы [при соучастии местных литовцев, латышей и эстонцев. — *М. К.*] уничтожили в Прибалтике 811,6 тыс. чел. мирных жителей (в том числе около 350 тыс. евреев) и 624 тыс. военнопленных. А всего убыль составила по грубым расчётам около 1,7 млн. чел, что составило 28 % всего населения трёх прибалтийских республик (6 млн. чел. в 1939 г.);»

(2) *ссылка: фактор в большей части обратимый, за исключением естественной и повышенной смертности репрессированных*, — «на 1 января 1953 г. на спецпоселении находилось около 200 тыс. коренных жителей Прибалтики, высланных оттуда [в дальние районы СССР] в 1940–1951 гг.»³⁴;

(3) *репатриация части поляков* — фактор не репрессивный, несмотря на то, что В. М. Кабузан терминологически относит его к репрессиям, говоря о «депортации» около 200 тыс. поляков из Литвы в Польшу (около половины, в 1959-м в Литовской ССР оставалось 230 000 поляков).

Таким образом, в истории польской Литвы была поставлена промежуточная пауза: если Российская империя была практически бессильна противостоять внутриимперскому «прозелитизму» поляков, то СССР приложил усилия к тому, что польская экспансия на Виленский край была ослаблена изнутри и извне прекращена, не решил и не мог решить исторического спора о том, кто кого в наибольшей степени принудительно ассимилировал и кто кому «возвращал» утраченную идентичность. В исторической конкуренции за землю и за людей и Польша, и Литва действовали в рамках своих возможностей, но принципиально одинаково.

³⁴ В последние годы вокруг точных данных о советских репрессивных депортациях из Прибалтики опубликована обширная критическая литература с опорой на архивные данные НКВД/МВД СССР, которая могла бы существенно уточнить эти сводные данные В. М. Кабузана, но здесь не место входить в такую детализацию, поскольку общие данные этого периода не являются предметом рассмотрения рецензента.

МАЧЕЙ МОТАС

ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПОВЕСТЯХ
ЯНА ДОБРАЧИНСЬКОГО

В письме, адресованном Зофии Коссак в конце 1962 года, Ян Добрачиньски следующим образом описывает сложности, связанные с публикацией его повести, посвященной январскому восстанию: «С субботы только поступил в продажу мой «Пятый акт». Когда книга была уже готова — неожиданно взорвалась Заторска¹. В министерстве не поняли, что это повесть о восстании 1863 года — и злость, что у них ничего нет на это столетие. А помимо этого Траугутт — католик. Министерство выступило с претензией ... к цензуре, что та пропустила книгу. Но цензура в конфликте с Заторской, поэтому заявила, что с политической точки зрения повесть безупречна, а если и есть воспитательно-идеологические возражения, то это должно было быть делом министерства. В конце концов, сказали убрать с книги полосу, что это повесть о Траугутте, и поступила в продажу».²

«Пятый акт» (Piąty akt. Варшава, 1962) Яна Добрачиньского рядом с работой Ксаверия Прушиньского под названием «Маркиз Велёпольский» (Варшава, 1957) является существенным вкладом, который внес Издательский институт PAX³ в дискуссию

¹ Хелена Заторска — руководитель Центрального управления издательств при Министерстве культуры в период Польской Народной Республики. В её обязанности входило, в том числе, утверждение содержания книг, планов издательств и определение тиража книг. — *Примечание переводчика.*

² J. Dobraczyński. Listy do Zofii Kossak / Wybór i opracowanie M. Pałaszewska. Warszawa; Rzeszów, 2010.

³ Одно из крупнейших католических издательств в Польше. — *Примечание переводчика.*

о январском восстании, которая шла в преддверии столетия восстания. Главным героем «Пятого акта» является подполковник царских войск в отставке и одновременно последний диктатор восстания — Ромуальд Траугутт. Он представлен в качестве высококлассного военного, а заодно и способного реалистично оценить международное положение Королевства Польского, политика. С самого начала он был против восстания, считая его очередным национальным бунтом, изначально обреченным на неудачу. В разговоре с одним из представителей красного лагеря Траугутт говорит: «Война с Россией? С Русской армией? Это же безумие (...) Хотя я и выступил с войском, но я остался солдатом и как солдат считаю войну с Россией безумием».

Тем не менее под давлением он принимает решение взяться за безнадежное задание и встает во главе восстания. Кроме борьбы с превосходящими русскими войсками, Траугутт должен отныне бороться с сильным влиянием красных в самом повстанческом лагере. Они выступают синонимом деструктивной силы, которая способна во имя нереальных планов поставить на карту судьбу всей нации. Один из подчиненных в разговоре с Траугуттом говорит: «Все их стремления — это волнения и кровопускание. Хочешь убедиться? Отдай им власть, а сам езжай к Боссаку. Уверю вас: за неделю от Варшавы и камня на камне не останется. Наши вунки даже не будут знать, где она была».

Траугутта, как глубоко религиозного человека, оскорбляет также использование красным лагерем религии в политических целях. В процессе разговора, когда один из сторонников Мерославского говорит: «Несомненно вы слышали, что в Варшаве наше движение организует богослужения в церквях, общие молитвы, песнопения... Даже люди другой веры объединяются с нами», Траугутт отвечает: «Слышал. Не знаю только, не проходят ли эти богослужения и песнопения только лишь назло москалям. Не верю в молитву против кого-то». В другом месте он говорит: «У нас злоупотребляли религиозными чувствами. Церкви и богослужения использовались для манифестаций и при этом людьми, часто безразличными, враждебными к вере. Священники, которые противились этому, провозглашались предателями».

Траугутт — это реалист, который не хочет продолжать безнадежную борьбу любой ценой. В разговоре с одним подчиненным последний диктатор восстания говорит: «... Не понимаете вы, что нельзя ставить на одну карту жизнь всей нации». Незадолго до заключения в Цитадели Траугутт оглашает свое политическое кредо: «Восстание было проиграно, большой бунт потонул в крови. Но нация про-

должала жить. Хотя и обреченная на искупление своего безумства, жила, должна была жить. Ни одно поколение — думал — не имеет права считаться последним поколением. Епископ Жевуски был прав: приходят минуты, когда нужно сжаться, замкнуться в себе, переждать. Нужно иметь мужество решиться на смену стратегии. Нельзя продолжать бессмысленную возню. Этот конец не может быть окончательным. Нация живет и будет жить».

До определенной степени осью всего произведения являются польско-русские отношения. Траугутт осознает, что преобладающая часть политического лагеря, который породил восстание, руководствуется только желанием навредить России: «...Эти люди ненавидят Россию. Этой ненавистью хотят получить поддержку народа. Это дешевый демагогический трюк. С Россией, которая нас угнетает, следует бороться, но должны стараться завоевать дружбу с русским народом. С этой точки зрения был прав Велёпольски (...) Мы сложная нация. Мы способны решиться на восстание, на которое не осмелился бы любой другой народ. Но у нас нет терпения. Мы поддаемся рефлексам инстинкта».

Ключевой для всей повести является финальная сцена, которая разыгрывается в варшавской Цитадели. Эта сцена описывает разговор между Траугуттом и генералом Лебедевым, который олицетворяет в повести ту часть русских, что стремится урегулировать взаимоотношения с поляками. Лебедев говорит: «Вы, полковник Траугутт, не враг России? (...) Русский народ вам не враждебен. Но что? Вы организовали восстание. Каждая война порождает ожесточение. Многие из тех, кто давно дружелюбно относился к вам, сегодня горды, что способствовали подавлению бунта. Хотите, пришлю вам петербургскую печать. Увидите, сколько богослужений проводится за благополучие русского оружия, сколько жертвуют люди для раненых солдат. Эх, полковник Траугутт! Ваш Велёпольский был мудрее. Мы сами думали, что благодаря ему и нам будет больше свободы. Великий князь действительно был благосклонен к вам (...). Мы нужны друг другу, вы правы, полковник. В действительности мы симпатизируем друг другу, хоть и не хотим признаться в этом. Только наши простые женщины из глубины страны, когда у них родится красивый сын, говорят: прекрасный, как полячок (...). Я очень доброжелателен к вам. Сделаю все, что смогу, чтобы вас спасти. Для нас, для нас — ударил в грудь — было бы хорошо, чтобы вы жили. Они бывают довольны, когда какого-нибудь злодея переделают в русского (...). Но нам такие не нужны. Нам лучше, когда в Польше такие поляки, как вы. Помните Пушкина,

который говорил, что это наш славянский спор, ссора братьев. Лучше ссориться с братом, чем иметь брата вора...».

Добрачиньски несколько раз в повести намекает, что причиной неприязни к полякам среди русских является немецкое влияние. Характерны особенно слова, обращенные к Траугутту со стороны случайно встреченного им бывшего подчиненного периода Крымской войны: «Не русские нами командуют, а германцы...».

Проблематике январского восстания была посвящена и иная повесть Добрачиньского о личности архиепископа варшавского Зигмунда Щесного Фелиньского, под названием «А это победитель» (Варшава, 2002). Щесны Фелиньски пребывал в Варшаве более года от 9 января 1862 года до 14 июня 1863 года⁴. В этот период разыгралась драма великого священника, о котором примас Юзеф Глемп писал: «сущность трагедии перемещается с личности архиепископа на общество столицы, которое, не понимая хорошо призвания Костела, начало относиться к нему инструментально». Сам Добрачиньски в архиепископе Щесном Фелиньском видел великого предшественника Примаса Тысячелетия⁵, у которого взял название для повести. Человека, который с самого начала своей службы встал перед безнадежным заданием — противостоять революционной волне, которая привела к кровавому бунту. Среди красных, еще до приезда в Варшаву, Щесны Фелиньски имел репутацию «петербургского епископа» (позднее появились также определения типа «лакей Константина»).

Сам Щесны об ожидающих его задачах думал с беспокойством: «Неожиданно пало на него ошеломляющее задание. Он должен был ехать в Варшаву и там принять управление Костелом. Он должен был распространить опеку на священников, о которых знал, что они откликнулись на голос присланных с Запада эмисаров. Что поддались и свернули с пути священнических обязанностей. Вместо того чтобы проповедовать любовь — проповедуют ненависть (...). С одной стороны обещание человека, который много раз не сдерживал обещаний, с другой — доведенный до горячки народ — подталкиваемый к борьбе лицемерными руководителями и слепо доверяющими им священниками! И я должен решить этот конфликт?»

⁴ Личности архиепископа был посвящен цикл из трех частей «Droga ku świętości» Уршулы Шаран, опубликованной на страницах «Myśl Polska», № 40–42/2009.

⁵ Кардинал Стефан Вышински, архиепископ-митрополит Варшавско-Гнезненский, примас Польши. — *Примечание переводчика.*

Повесть прекрасно передает атмосферу, непосредственно предшествовавшую восстанию: «Весной 1860 года в Варшаве начались заказанные Мерославским религиозно-политические манифестации». Первой из них стали похороны Совиньской, вдовы генерала, защитника Воли в 1831 году. Потом в ноябре состоялось массовое празднование тридцатой годовщины ноябрьского восстания. Правительство, которое до этого смотрело на манифестации весьма безразлично, начало множественные аресты среди молодежи. Это вызвало народный траур. Женщины, хотели они этого или нет, должны были одеться в черное (...) Нельзя было игнорировать эту моду. Разбросанная всюду листовка предупреждала: «Призыв к женщинам, которым начинает надоедать национальный траур. Информируем, что прошло то время, когда можно было безнаказанно пренебрегать святыми патриотическими обязанностями. Имена этих женщин будут объявлены...». Появился террор — «кошачий концерт», выбивание стекол, объявление имен. Чуть позже начались и убийства (...). Лагерь сторонников восстания, не переставая организовывать различного рода демонстрации под прикрытием религии, одновременно начал нападать на Папу за его, как было объявлено, слишком малый интерес к судьбе поляков. И в этом вопросе одним из главных нападающих был ксендз Микошевски. В этих нападениях вырисовывалась выраженная тенденция к конфликту Костела в Королевстве с Апостольской столицей. Кто знает, может и в этом вопросе ксендзы, вроде Микошевского, были просто исполнителями масонских приказов».

Во главе революционного движения, которое для маскировки своих целей приделось в патриотично-религиозный наряд, стояли люди вроде Мерославского, о котором Добрачиньски пишет: «Мерославски и его люди давно уже утратили контакт с Польшей и не понимали польских проблем. Но это им не было нужно. Польша, по их мнению, должна была выполнить свою роль — поднять антироссийское восстание, а оно, несомненно, вызовет революцию в России (...). Восстания в Королевстве желал революционный лагерь, поддерживаемый масонством».

Восстание также явно было не только на руку Пруссии, руководимой Бисмарком, но и евреям, которые вели с «Россией собственную войну, а их интересы совпали с проблемой восстания и намерениями Бисмарка». В своей повести автор «Писем Никодема» выразительным образом показывает, как во время разыгрываемой трагедии январского восстания сосредоточились общие цели масонства, лагеря революции, Пруссии и евреев. В повести

об архиепископе Фелиньском сложно не увидеть современных автору аналогий (при написании повести в начале 1980-х годов Добрачиньски имел перед глазами революцию «Солидарности», руководимой Комитетом защиты рабочих). Добрачиньски цитирует с этой целью фрагменты «Дневников» и других работ архиепископа⁶: «Вероломство, предательство, скрытое убийство и другие преступления... нашли в последнем восстании гражданское право в лагере тех патриотов, которые, черпая свое вдохновение в масонских... доктринах, христианскую добродетель называли предрассудком, либо лицемерием. Но та же партия, что усматривала в религии устаревший предрассудок, не колеблясь использовала ее как инструмент для агитации в народе, который в простой и горячей вере был готов следовать только за знаменем креста. Верующая часть нации... была обманута и эксплуатирована».

В произведении под названием «Трагедия архиепископа Фелиньского»⁷ авторства епископа Михала Годлевского содержится также другое известное мнение архиепископа Фелиньского о лагере красных в период, непосредственно предшествовавший восстанию: «Красных, которые думают о восстании, упрекают в упрямстве, слепоте граничащей с безумством. Не считаются с реальностью; не хотят понять, что если бы довели до борьбы и если бы рухнул на них колосс, сгноили бы всех, и вся страна совлеклась бы бездну поражения. Но надо признаться, что в их рядах есть отряд рыцарственных, благородных людей, людей неслыханной преданности, готовых положить на алтарь отечества имущество и жизнь, чтобы восстановить свободу, столь ценную для каждого человека! Больше всего отвращает Щесного деятельность ультракрасных. Когда горшок кипит, поднимается накипь, а этой накипью являются именно эти ультракрасные, которые стремятся к общественному перевороту, к анархии, и с этой целью прибегают к любым, даже самым мерзким средствам».

В обеих повестях мастерски описана также личность маркиза Велёпольского. Он представлен как государственный муж, решительный противник обреченного на поражение восстания, политик, имевший разумные концепции и планы, не умевший, однако, убедить в них широкую публику. Автор словно выражает собственное мнение о Велёпольском устами Траугутта: «Велё-

⁶ Pod wodzą Opatrzności. Kraków, 1888.

⁷ Poznań, 2007. Впервые было издано в 1930 году на страницах «Przegląd Powszechny».

польский (...) был умным в отношении к России, но не умел понять своих. Те, кто подняли восстание, хорошо знали чувства поляков, но не пытались понять русских. Это очень трудно примирить одно с другим»⁸.

Парадоксальным для современного читателя произведений Добрачиньского остается то, что именно в период «ночи коммунизма» дискуссия о восстании была наиболее богатой, а голос национальных кругов был слышен лучше, чем сегодня. Следует при этом заметить, что в период фактической зависимости Польши от России дискуссия на тему восстания вызывала намного меньше эмоций, была намного более выверенной и находилась на несравненно более высоком уровне, чем это происходит сейчас. Обе из описанных выше повестей представляли позицию национальных и консервативных кругов о начале и развитии восстания. В обеих повестях ощущается дух трудов Дмовского и Анджея Гертыха, их можно считать примером, по определению Мачея Урбановского, «беллетризованной националистической идеологии». Жаль только, что сегодня, в период опасного рецидива явления, названного Лехом Маевским «повстанческим шантажом», позиция национальных и консервативных кругов не дождалась такого же популяризатора, каким был автор «Пятого акта».

Перевод с польского Марины Брутян

⁸ Пространно описанный в повестях Добрачиньского образ Маркиза дан в этюде «Александр Велёпольский в глазах национально-демократических кругов в Польше», который будет опубликован в № 3 (71) / 2013 консервативного периодического издания Pro Fide, Rege et Lege.

ЯН ЭНГЕЛЬГАРД

ПРОФ. АНДЖЕЙ НОВАК НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ ВОССТАНИЯ¹

Давно я не читал такой дозы демагогии и псевдопатриотических банальностей в исполнении кого-либо, кто имеет ученую степень. Речь идет о профессоре Анджее Новаке², который с большой самоуверенностью утверждает, что восстание 1863 года не только должно было вспыхнуть, но и было более чем обоснованным, правильным и достойным поддержки.

Было это, как уверяет Новак, наиважнейшим звеном в борьбе с Россией, которая началась еще в XVIII веке, а завершилась забастовками в 1988 году. Эта борьба, ведшаяся 225 лет, — «сущность польскости». Таким образом, первый урок для народа — потери, трагедии и поражения за поражениями — это «сущность польскости». Я убежден, что это — безумный абсурд, аргумент изначально антинациональный и вдобавок неправдивый.

В качестве отправной точки для своих исключительно эмоциональных излияний Анджей Новак берет расправу над «реалистами». Он презрительно пишет о них как о не понимающих польский дух отступников. Короче говоря, он отказывает им в чистых намерениях. Одновременно видно, что взгляды этих «реалистов»

¹ Впервые опубликовано 7 января 2013: <http://sol.myslpolska.pl/2013/01/prof-andrzej-nowak-na-pierwszej-linii-powstanczego-frontu/>. Переведено с предоставленного автором оригинала: Jan Engelgard. Prof. Andrzej Nowak na powstańczym froncie ideologicznym.

² Andrzej Nowak. Sens powstania styczniowego // W sieci. Nr 2/2013. S. 14–17.

чрезвычайно раздражают его, потому что они все еще присутствуют и разделяются другими. Разрушают блаженное состояние ура-патриотов, отбирая у них чувство того, что только они правы. Стиль, с которым расправляется Новак с «реалистами», — не самой высшей пробы.

Восстание должно было вспыхнуть против России, уверяет Новак, потому что Россия обладала 82 % территории Первой Речи Посполитой, тогда как Пруссия только 7 %, а Австрия 11 %. Мы должны были бороться с самым крупным захватчиком. Но проблема в том, что подлинно польское, католическое население в 90 % проживало на запад от Буга, а на захваченных Пруссией и Австрией территориях поляки составляли практически все их население.

Поэтому аргумент получается крайне демагогическим. Во всяком случае, достаточно посмотреть на карту битв и столкновений восстания, чтобы осознать одно — на так называемых Захваченных землях восстания не было практически вообще, кроме Литвы, где проживало большое количество польской шляхты.

На просторах бывшей Речи Посполитой никто не взял в руки оружия. Украинские крестьяне в России быстро схватили горстку польской молодежи и шляхты, либо отдавая ее в руки русского войска, либо жестоко убивая. Восстание обратилось к анахроничному уже в середине XIX века идеалу Речи Посполитой Трех Народов. Зачем же тогда писать о 82 % польских землях, захваченных Россией, если в то время это уже было разящей неправдой, оторванной от реальности? Для того, наверное, чтобы произвести на читателя сильное впечатление.

Следующий вопрос — крестьяне. Новак пишет, что восстание было элементом борьбы за сознание польского хлопа: за то, будет ли он «царским» или «польским». Действительно, национальное правительство по этому вопросу имело подготовленную программу (вольная), но дело в том, что хлопы не верили анонимной власти «панов», которые к тому же ссылались на времена, которые в крестьянском сознании оставались страшными. Больше верили власти реальной — то есть царской. И за это руководители повстанцев часто мстили крестьянам. Как вытекает из последних исследований, повстанческая жандармерия и другие части в общей сложности казнили (главным образом через повешение) 2 000 человек, из них $\frac{2}{3}$ были крестьянами. Борьбу за душу польского крестьянина в 1863 году Польша не выиграла, — и достигла этого лишь позже, на рубеже веков, когда Национальная Лига, отрекаясь от политической тради-

ции 1863 года, сделала ставку на «национализацию народа» и отдала 20 лет упорной работе.

Новак, пытаясь ужаснуть читателя и убедить его в правоте своих аргументов, рисует ужасный образ судьбы поляков, призываемых в российскую армию. Пишет, что в 1832–1873 годах в российскую армию были призваны 200 тысяч молодых людей, из коих домой вернулись лишь 20–25 тысяч. Но если число призывников соответствует действительности (хотя оно завышено), то откуда взялась цифра тех, кто не вернулся? Исследования о поляках в российской армии продвигаются медленно, и скорее касаются офицеров, а не рядовых солдат. Во всяком случае, вывод автора нелогичен — мы восстаем в знак протеста против призыва новобранцев, чтобы после поражения их брали еще больше?

Как писал недавно профессор Веслав Цабан (Wiesław Caban. *Powstanie Styczniowe — Polacy i Rosjanie w XIX wieku*. Kielce, 2011), на эту тему в Польше существуют несколько мифов, которые не подтверждаются фактами. Неправдой является то, что в армию забирали детей, неправда и то, что не было возможности увольняться со службы. Неправда и то, о чем пишет Новак: что поляки были вынуждены служить исключительно на Кавказе (чтобы, конечно же, бороться с чеченцами) и в Сибири. Тем временем поляки были на службе везде, в том числе и в Польском Королевстве. В то время как крестьян брали в армию обязательно (как и в Пруссии и в Австрии), то не подлежащая призыву шляхта шла в армию добровольно. Никто не утверждает, что служба в тогдашней армии, и не только в России, была чем-то незначительным, но давайте придерживаться фактов, а не придуманных, главным образом, в эмиграции, ужасных историй и вымыслов.

Герой восстания Ромуальд Траугутт до 1862 года был русским офицером, ветераном кампании 1849 года и Крымской войны, за что получил орден и звание штабс-капитана. В этой войне, согласно последним исследованиям, воевали 6 000 польских офицеров. Добавим только, что с 1856 года российские власти не проводили в Польском королевстве призыва вплоть до злосчастливого набора. Что интересно: из этого числа офицеров только 300 присоединились к восстанию, остальные остались в рядах русской армии.

Раз речь зашла о Траугутте, то Новак цитирует его прекрасную речь во время допроса в варшавской Цитадели 22 апреля 1864 года, когда тот сказал, что единственной целью восстания было «восстановление независимости». Но Новак сознательно опустил не менее значимый фрагмент показаний. Звучал он так: «Я никому не советовал восставать, наоборот, как бывший

военный, я видел всю сложность борьбы без армии и военного снабжения со страной, известной своею военной мощью». Давайте признаемся, что это очень важное заявление. Трауггутт спас честь восстания, организовывая его власть, ликвидируя террор и убийства, зная одновременно, что восстание проиграет. Он пожертвовал своей жизнью и является наиболее чистой и достойной памяти фигурой этой трагедии.

И под конец еще один важный вопрос. Новак пишет, что «реалисты» лгут, утверждая, что в это время «Россия была практически единственным из захватчиков, готовым к соглашению с поляками». Следует понять, что автор статьи пишет об этом с издевкой. Но это было правдой — разумеется, такое соглашение можно было заключить на условиях, выгодных исключительно русским и, в частности, той части элиты, которая способствовала этому. Это были, в том числе, Александр Горчаков, министр иностранных дел, важная фигура в Петербурге, Петр Валуев, министр внутренних дел, и наконец, великий князь Константин Николаевич, брат Александра II. Принятие реформ Александра Велёпольского было выражением этой тенденции — в конце замаячила перспектива возвращения к статусу Королевства периода 1815–1830 гг. Известно, что в то время это была единственная возможность улучшения судьбы поляков и Польши.

Восстание, первоначально подталкиваемое русским командованием, враждебное Велёпольскому и великому князю, перечеркнуло эту перспективу. Сформировался странный, ужасный и неестественный, но реальный, неформальный союз наиболее отчаянной части заговора красных и наиболее жестких, реакционных кругов администрации и русской армии. Это был союз против Польши в интересах страны, которая получила большую выгоду от восстания, — Пруссии Отто фон Бисмарка.

Восстание вспыхнуло вопреки воле большинства поляков, отдающих себе отчет в том, чем это может закончиться. Махина, которую запустили связанный с западными революционными и карбонарийскими центрами заговор красных и сторонники такой гротескной фигуры, как Людвиг Мирославский, — создала безвыходную ситуацию, засасывая в водоворот этой трагедии тысячи людей. Наконец процитирую фрагмент очерка шляхтича Станислава Борковского, написанного в 1864 году под названием «Куда нас это ведет?» и опубликованного профессором Веславом Цабаном. Это поразительный текст, полный горечи и размышлений о дрящемся еще восстании. Вот наиболее существенный, по моему мнению, фрагмент:

«Орел и Погоня, как и раньше, оставались гербом, но убийства и мерзкие изнасилования характеризовали партию (красных. — ЯЭ), которая завладела судьбой Польши. Здравый общественный смысл и религиозное чувство с наивысшим негодованием осудили эти средства как недостойные честного общества, как позорящие национальный характер, отличающийся благородством и великодушием. Не могу удержаться от мысли о том, какое будущее готовит нашей стране эта моральная катастрофа. В ней нет недостатка в амбиционных людях, которые после нынешнего народного образования не нашли бы последователей, готовых во имя какого-то комитета, какого-то заговора, использовать стилет или иное оружие, с уверенностью, что служат делу страны. Зараза заговора войдет в кровь народа. Нынешние государственные мужи, наверное, с насмешкой воспримут мою мысль, но люди серьезные и честные разделяют мои опасения, которые возможно, не осуществятся. Но если кто возразит мне: почему же большинство не смогло противостоять терроризму меньшинства? Ответ прост. Меньшинство было организовано и вело войну с Россией. Для партии, которая могла бы противостоять и тому, и другому, места не было. Итальянцы могли стрелять в Гарибальди и пуля, которая его ранила, была итальянской, мы же видели, что знамя нации было в руках сумасшедших, но для польского сердца невозможно было бы объединение с врагом, чтобы вырвать его оттуда. А иначе быть не могло».

Именно поэтому 150-ю годовщину восстания 1863 года мы должны отмечать без публицистических барабанов, без ура-патриотического взрыва, без политических подтекстов и бичевания тех, кто не проявляет ожидаемого энтузиазма. Только тогда достойно и справедливо мы отдадим дань тем, кто погиб в той войне.

Mysł Polska,
перевод с польского языка Марины Брутян

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ XV ТОМА

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Бартызелъ Яцек (Jacek Bartyzel) — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Варшавского университета (Польша)

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета, главный редактор Российского исторического журнала «Родина» (Москва)

Бородкина Наталья Андреевна — старший научный сотрудник Центрального пограничного музея ФСБ России (Москва)

Веломски Адам (Adam Wielomski) — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Варшавского университета (Польша)

Гронский Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Минск).

Загорнов Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (Брест, Белоруссия)

Каллейнен Кристиина (Kristiina Kalleinen) — доктор истории, Хельсинкский университет (Финляндия)

Киселёв Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь (Минск)

Колеров Модест Алексеевич — кандидат исторических наук, издатель (Москва)

Косич Павел (Pavel Kosić) — аспирант Белградского университета (Сербия)

Мажевски Лех (Lech Mażewski) — доктор политических наук, профессор Отделения права и администрации Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша)

Мотас Мачей (Maciej Motas) — магистр, сотрудник Публичной библиотеки г. Варшавы (Польша)

Полунов Александр Юрьевич — доктор исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета (Москва)

Рахимов Рамиль Насибуллович — кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Башкирского государственного университета (Уфа)

Симаков Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий специалист отдела Государственного Архива Российской Федерации (Москва).

Суслов Александр Валерьевич — аспирант исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Шевченко Кирилл Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Российс-

кий государственный социальный университет, филиал в Минске (Белоруссия)

Шевченко Максим Михайлович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Щеглов Гордей Эдуардович, диакон — магистр церковной истории, доцент Минских Духовных Академии и Семинарии (Минск)

Энгельгард Ян (Jan Engelgard) — историк, сотрудник Музея Независимости в Варшаве, главный редактор журнала «Myśl Polska» (Польша)

РУССКИЙ СБОРНИК

Том XV

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ
1863 ГОДА

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти

Ответственный составитель тома
К. В. Шевченко (Минск)

Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 01.08.2013. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,5. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97